

ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ РАН

ЦЕНТР ФРАНКО-РОССИЙСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ В МОСКВЕ

ЭЛЕКТРОННЫЙ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ
ЖУРНАЛ «ИСТОРИЯ»

<http://mes.igh.ru>

**ANNUAIRE
D'ÉTUDES FRANÇAISES
2016**

**Les révoltes à l'époque de la Révolution
française et du Premier Empire**

**Moscou
2016**

**ФРАНЦУЗСКИЙ
ЕЖЕГОДНИК
2016**

**Протестные движения в эпоху Французской
революции и Первой империи**

**Москва
2016**

Главный редактор

А.В. Чудинов

Редакционный совет

Д.Ю. Бовыкин (зам. главного редактора), В.В. Ададунов,
А.В. Гладышев, Ю.П. Крылова, Т. Ленц, Э. Мела, Н.В. Промыслов,
Е.А. Прусская (отв. секретарь), М.-П. Рей, В.С. Ржеуцкий,
П.Ю. Уваров, П.П. Черкасов

Адрес редакции:

119334, Москва, Ленинский пр-т, 32а, ИВИ РАН

E-mail: annuaire-fr@yandex.ru

Издание подготовлено при финансовой поддержке РФФ
(грант № 14-18-01116)

Рецензенты

доктор исторических наук Г.Н. Канинская
кандидат исторических наук Г.Ч. Моисеев

Французский ежегодник 2016: Протестные движения в эпоху Французской революции и Первой империи / Под ред. А.В. Чудинова. – М.: ИВИ РАН, 2016. – 423 с.

ISSN 0235-4349

Основная тема очередного выпуска Ежегодника – протестные движения различных типов, имевшие место в период Французской революции и Наполеоновских войн. Специальный раздел отведен обсуждению с французскими исследователями наиболее актуальных для них сегодня аспектов истории Революции XVIII в. В разделе «Историография» освещается широкий круг проблем изучения истории Франции в разных странах. В Ежегоднике публикуется также библиография трудов по истории Франции, вышедших на русском языке в 2015 г.

ПРОТЕСТНЫЕ ДВИЖЕНИЯ В ЭПОХУ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И ПЕРВОЙ ИМПЕРИИ

А.В. Чудинов*

НАРОДЫ ПРОТИВ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Автор статьи предлагает вниманию читателей частичное обобщение результатов, полученных лабораторией «Мир в эпоху Французской революции и Наполеоновских войн» ИВИ РАН при реализации многолетнего исследовательского проекта «Социальные механизмы массовых протестных движений в эпоху Французской революции и Наполеоновской империи». Комплексное изучение различных типов массовых движений заставляет с большой долей осторожности относиться к распространенному утверждению о том, что Французскую революцию совершил народ, под которым обычно понимаются крестьянство и городской плебс. Даже обычно ассоциируемые с Революцией массовые выступления плебса в подавляющем своем большинстве не преследовали далеко идущих политических целей, а являлись лишь непосредственной реакцией на информационные поводы, вызывавшие всплеск коллективных страхов в ситуации общего недовольства текущими экономическими трудностями. Впрочем, даже эти условно «революционные» вспышки протеста, не идут ни в какое сравнение по своим масштабам и продолжительности с массовыми народными движениями, направленными непосредственно против системы ценностей Французской революции – движениями, захватывавшими целые регионы и продолжавшиеся годами.

Ключевые слова: традиционное общество, либерально-демократическая парадигма, Французская революция XVIII в., массовые протестные движения, Вандея, Инсордженца, Египетский поход 1798-1801 гг., Отечественная война 1812 г.

* Александр Викторович Чудинов, доктор исторических наук, руководитель лаборатории «Мир в эпоху Французской революции и Наполеоновских войн» Института всеобщей истории РАН.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 14-18-01116).

Утверждение, что Французская революция XVIII в. имела «народный характер», настолько прочно укоренилось в исторической памяти французов, что давно уже воспринимается как прописная истина. Оно зафиксировано даже на официальном сайте Президента Французской республики, где выбор в качестве главного государственного праздника даты 14 июля – дня взятия Бастилии в 1789 году, который традиционно считается началом Революции, и дня Национального праздника 1790 года, символизировавшего рождение единой французской нации, – объясняется так: «Она связана с памятью о двух важных революционных событиях, которые *поместили народ в центр происходящего*, сделав одновременно актором и объектом, субъектом и конечной целью действия»¹. Для «классической» историографии Французской революции утверждение о ее «народном характере» также является общим местом, раз за разом воспроизводимым без особых тому доказательств².

На взгляд неискушенного наблюдателя, тема научного проекта «Социальные механизмы массовых протестных движений в эпоху Французской революции и Наполеоновской империи», начатого несколько лет назад лабораторией «Мир в эпоху Французской революции и Наполеоновских войн» Института всеобщей истории РАН, может показаться не предвещающей особых сюрпризов. Разве сама по себе Французская революция не была грандиозным массовым протестным движением против Старого порядка? Не сведутся ли итоги проекта к очередному подтверждению тезиса о «решающей роли в ней народных масс», который представители «классической», в том числе советской, историографии и без того многие десятилетия повторяли как аксиому?³

Не будем спешить. Проведенные в рамках указанного проекта исследования, результаты которых я хотя бы частично попытаюсь здесь обобщить, показывают, что революционный процесс развивался далеко не столь прямолинейно, как это долгое время считалось. Революция, издали кажущаяся единым могучим потоком, при ближайшем рассмотрении распадается на множество ручейков, текущих порою в разные, а то и прямо противоположные стороны. И роль в ней массовых народных движений выглядит весьма неоднозначно.

¹ См.: <http://www.elysee.fr/la-presidence/la-fete-nationale-du-14-juillet/> Посещение 4.8.2016. Курсив мой – А.Ч.

² См., например: *Ревуненков В.Г.* Очерки по истории Великой французской революции 1789-1814 гг. СПб., 1996. С. 3.

³ См., например: *Манфред А.З.* О некоторых спорных и нерешенных вопросах историографии Великой французской революции // Манфред А.З. Великая французская революция. М., 1983. С. 406-407.

Своенравная массовка «революции элит»

Несмотря на то, что в обыденном сознании Французская революция ассоциируется, прежде всего, с такими зрелищными эпизодами как взятие Бастилии 14 июля 1789 г., поход парижан на Версаль 5-6 октября 1789 г., штурм Тюильри 10 августа 1792 г. и прочими примерами прямого вмешательства парижских низов в политический процесс, получившими в исторической литературе обобщающее название *jours révolutionnaires* («революционные деньки»), собственно революционная работа демонтажа Старого порядка и утверждения новых государственных и социальных институтов происходила все же не на заполненных толпой улицах, а в парламентских комитетах Учредительного и Законодательного собраний, Конвента и Совета пятисот⁴. Разумеется, *jours révolutionnaires*, демонстрируя слабость власти и тем самым подталкивая ее к уступкам оппозиции, играли важную роль в революционном процессе, но отнюдь не определяющую. Они, можно сказать, рыхлили мешавшую продвижению преобразований породу, но основную работу по удалению таковой и прокладке нового пути выполняла просвещенная элита⁵.

Сами же народные выступления даже те, что традиционно определяются историками как «революционные», в большинстве своем не имели каких-либо далеко идущих политических целей и не были направлены на прямую поддержку той или иной политической «партии». Непосредственными причинами практически всех *jours révolutionnaires* было недовольство городских «низов» текущей экономической ситуацией или конкретными действиями правительства, доведенное до пароксизма теми тревожными идеями-образами, которые порождало коллективное воображаемое в обстановке социальной неопределенности и какой-либо (нередко мнимой) внешней угрозы, в т.ч. и со стороны властей. Так же, как и во время народных выступлений при Старом порядке, «протест носил оборонительный характер. Бунт не имел инициативы. Как правило, он был ответной реакцией. И не только на стесненные материальные обстоятельства, но и на психологическое давление извне...»⁶.

Так, июльское восстание 1789 г., которым обычно датируют начало Революции, отнюдь не имело целью поддержать антиправительствен-

⁴ Подробнее см.: *Бовыкин Д.Ю.* От Старого порядка к новому // Всемирная история в 6 томах. Т. 4: Мир в XVIII веке. М., 2013. С. 655-663; Он же. Революция окончена? Итоги Термидора. М., 2005.

⁵ Подробнее см.: *Чудинов А.В.* Просвещенная элита (из истории понятия) // ФЕ 2001. М., 2001.

⁶ *Чеканцева З.А.* Порядок и беспорядок. Протестующая толпа во Франции между Фрондой и Революцией. Новосибирск, 1996. С. 219.

ную оппозицию в Национальном собрании, а стало результатом пугающих слухов, возникших в ситуации неопределенности после неожиданной отставки Неккера, которая произошла к тому же в тот момент, когда цены на хлеб достигли годового максимума в преддверии нового урожая. Спонтанная стычка в Тюильри агрессивно настроенной толпы и кавалеристов принца Ламбеска, которую молва тут же превратила в «бойню» и расценила как подтверждение своих самых страшных подозрений в отношении властей, повлекла за собою неуправляемую цепную реакцию: горожане начали в массовом порядке вооружаться, часть их пошла требовать порох у коменданта Бастилии и, получив отказ, взяла бывшую тюрьму штурмом⁷.

Поход парижан на Версаль 5-6 октября 1789 г. также был спровоцирован ложным известием о якобы имевшей там место контрреволюционной демонстрации гвардейских офицеров. В обстановке широкого недовольства, вызванного нехваткой хлеба в столице, этого слуха оказалось достаточно, чтобы привести в действие пружину народного бунта. Вместе с тем, отправляясь в Версаль, толпа отнюдь не выказывала намерения принудительно доставить монаршую семью в Париж, как это произойдет на другой день. Подобный исход событий, от которого бесспорно выиграла политическая оппозиция, не планировался заранее их рядовыми участниками, а стал результатом стихийного стечения обстоятельств в ходе самого *journée*.

И даже тех случаях, когда *journée* мог быть намеренно спровоцирован определенными политическими силами, его инициаторам оказывалось далеко не просто «оседлать» поднятую ими протестную волну и добиться с ее помощью реализации своих политических целей. Яркий тому пример антижирондистское восстание на рубеже мая-июня 1793 г. Сумев 31 мая вывести на улицы тысячи раздраженных дороговизной людей, радикальные активисты так в результате и не смогли добиться намеченных политических целей, поскольку основная масса участников выступления, не имея об этих целях ни малейшего представления, удовлетворилась паллиативными уступками Конвента и разошлась по домам. Организаторам восстания пришлось через день, 2 июня, предпринять вторую попытку, которая хоть и оказалась более удачной, но все равно не удовлетворила их чаяний в полной мере⁸.

⁷ Подробнее см.: *Cottret M.* La Bastille à prendre: histoire et mythe de la forteresse royale. P., 1986; *Chaussinand-Nogaret G.* La Bastille est prise: la Révolution française commence. Bruxelles, 1988; *Tchoudinov A.* 14 juillet 1789: prise de la Bastille // L'Histoire de France vue d'ailleurs. P.: Les Arènes, 2016.

⁸ Подробно см.: *Гордон А.В.* Падение жирондистов. Народное восстание в

Едва ли не единственным примером успешного достижения революционными политическими элитами поставленных целей посредством *journée* являются события 10 августа 1792 г., приведшие к падению монархии. Однако в этом случае, строго говоря, речь идет не столько о стихийном массовом протесте, сколько о целенаправленном использовании организованной военной силы (отрядов федератов и национальной гвардии) параллельным правительству центром власти, каким стала повстанческая Коммуна Парижа. Впрочем, и тут народная стихия продемонстрировала свою своенравность: сразу же после победы восстания массовой расправой над защитниками Тюильри, а три недели спустя – сентябрьской резней в тюрьмах. Ни того, ни другого революционные элиты, очевидно (а другого так до сих пор и не доказано), не хотели, но помешать этому не смогли.

Наглядный пример того, что участники *journées* и представители политических элит говорили на разных языках, дают события 1 прериаля III года Республики (20 мая 1795 г.). В тот день бунтующая толпа заполонила Конвент, требуя хлеба, наказания виновных в дороговизне и введения Конституции 1793 года. Последнюю «низы» желали не потому, что осознавали преимущества закрепленного в ней строя, поскольку эта Конституция не действовала ни единого дня, а потому, что в коллективном воображаемом ее образ был тесно связан с эпохой таксации цен на продовольствие. Последние из еще оставшихся в пост-термидорианском Конvente монтаньяров решили воспользоваться в своих политических целях, как им показалось, благоприятным моментом и вынесли на голосование ряд декретов, направленных, по сути, на возврат к революционному правлению. Их намерения, в принципе, не противоречили требованиям восставших, разве что шли несколько дальше и были облечены в правовую форму. Однако занимавшие Конвент люди встретили речи последних монтаньяров неодобрительными криками: «Хлеба! Хлеба! Мы этого не хотим! Хлеба! Арестовать! Поименное голосование, чтобы мы знали, кого арестовать! Домашние обыски, чтобы найти продовольствие! Конституцию 93-го года! Уходите все вон, мы закроем Конвент!» и т.д.⁹ Низы явно не слышали и не желали слышать даже тех политиков, что пытались выступать от их имени.

Любопытно, что и участники бабувистского «заговора равных», готовившиеся захватить власть путем спровоцированного ими массового восстания и постоянно апеллировавшие в своей пропаганде к народу, так

Париже 31 мая – 2 июня 1793 года. М., 1988.

⁹ См.: *Тарле Е.В.* Жерминаль и Прериль. М., 1951. С. 140.

и не смогли создать у того четкого представления о своей идентичности: «В обществе явно знали о подготовке нового революционного *journée*. Но это не значит, что парижане поддерживали заговорщиков или *хотя бы четко понимали, кто те и чего хотят*. Бабёфа и его сторонников считали якобинцами, анархистами, шуанами, орлеанистами, роялистами, но только не теми, кем они на самом деле являлись»¹⁰. Как видим, знаменитая ленинская фраза «страшно далеки они от народа» в контексте Французской революции правомерна даже для самых левых политиков.

Более того, с самого начала Революции даже те представители политических элит, что принадлежали к оппозиционному лагерю, вполне могли при неблагоприятном для них стечении обстоятельств оказаться жертвой народного бунта. Так, еще накануне открытия Генеральных штатов один из активных защитников прав третьего сословия фабрикант Ж.-Б. Ревельон лишился дома и мануфактуры, разграбленных и сожженных толпой из-за ложно истолкованных молвой слов, которые он произнес на собрании выборщиков. Принадлежность к «партии» сторонников перемен не обеспечила ему никакой защиты¹¹.

О значительной «автономности» массового протеста от собственно «революции элит» свидетельствует и то, что, когда революционная оппозиция Старому порядку взяла бразды правления в свои руки, *joursées* отнюдь не прекратились: теперь их участники предъявляли претензии уже новой власти. *Journées* по-прежнему являлись прямой реакцией городских низов на ухудшение материального положения или на какие-либо конкретные действия правительства – всплеском недовольства, достигшего в определенный момент взрывоопасной концентрации под влиянием очередных фантомов коллективного воображаемого. И только решительная юридическая делигитимация таких выступлений посредством судебного преследования участников событий 1 прериаля, а затем жестокое подавление военной силой, по сути, последнего из *joursées* – движения 13 вандемьера IV года Республики, которое Конвент из сугубо конъюнктурных соображений объявил «роялистским мятежом»¹² – положило конец подобной форме массового протеста задолго (четыре года в эпоху перемен – огромный срок!) до завершения самой Французской революции.

Против абсолютизации влияния протестного движения городских низов на развитие революционного процесса говорит также тот факт, что

¹⁰ Чепурина М.Ю. Заговор Бабёфа в восприятии французского общества XVIII века // ФЕ 2015. М., 2015. С. 259. Курсив мой – А.Ч.

¹¹ Подробнее см.: Лотте С.А. «Дело Ревельона» // ФЕ 1958. М., 1959.

¹² См.: Бовыкин Д.Ю. Парижское восстание 13 вандемьера IV года республики // ВИ. 2014. № 11.

все *joursées*, имевшие какой-либо осязаемый результат, достигли такового лишь благодаря готовности правящих элит, в силу тех или иных причин, к компромиссу. Так, июльское восстание 1789 г. увенчалось успехом не 14-го числа, когда несколько сот бунтовщиков овладели предназначенной к сносу тюрьмой, гарнизон которой не оказывал им серьезного сопротивления, а 17-го, когда Людовик XVI посетил парижскую Ратушу, принял от ее членов красно-голубую кокарду, символ восставшего Парижа, и тем самым фактически санкционировал все акты насилия, совершенные в предшествующие дни. Этим шагом король наглядно продемонстрировал тот паралич воли, которым была поражена старая власть, и ее полную неспособность гарантировать правовой порядок, чем побудил политическую оппозицию в Национальном собрании усилить натиск на монархию.

Участникам похода на Версаль 5-6 октября 1789 г. удалось забрать короля с собою в Париж также во многом потому, что Людовик XVI даже не попытался воззвать к верным ему войскам и оказать сопротивление, безропотно позволив увезти себя в столицу как боевой трофей.

И даже 10 августа 1792 г. восстание победило только тогда, когда после нескольких безуспешных атак инсургентов на Тюильри, король приказал защитникам дворца сложить оружие, как того у него потребовало Законодательное собрание. В очередной и на сей раз в последний раз монархия продемонстрировала отсутствие воли к сопротивлению, вновь *позволив* участникам *journée* одержать над собой верх.

После установления республики новая революционная элита первое время была расколота внутренней борьбой отдельных фракций за власть, а потому тоже была вынуждена идти на компромисс с участниками *joursées* 31 мая – 2 июня и 4 – 5 сентября 1793 г. После стабилизации режима в период революционного правления необходимость в компромиссах отпала, поскольку при Терроре любое протестное движение, в том числе идущее снизу, беспощадно пресекалось военным путем, как это произошло, к примеру, в Лионе¹³. А когда с окончанием Террора городские низы попытались возобновить практику подобных выступлений, быстро выяснилось, что и в пост-термидорианский период консолидированная революционная элита, в отличие от элиты Старого порядка, вовсе не испытывает недостатка воли для подавления протестов всей мощью государственного насилия. И вот тогда элиты, утратив готовность к компромиссу, перестали *позволять* участникам *joursées* диктовать себе какие-либо требования, результативность данной формы массового протеста моментально сошла

¹³ См. ниже: Чепурина М.Ю. Истоки и механизм Лионского восстания 1793 года

на нет. Государство, поставленное на службу революционной элиты, оказалось более эффективным инструментом контроля над политическим процессом, нежели стихия народного бунта.

Как видим, даже те выступления городских низов, которые долгое время воспринимались как своего рода «визитная карточка» Французской революции, были весьма относительно связаны с революционными преобразованиями, осуществлявшимися элитами. Поток «революции плебса» иногда тек параллельно потоку «революции элит», помогая тому, но не смешиваясь с ним, чаще же они двигались по расходящимся направлениям, а порою сталкивались на встречных курсах.

Причем, до сих пор мы говорили лишь о тех формах массового протеста в городе, что традиционно определяются как «революционные». Что касается народных движений в сельской местности, где проживала большая часть населения Франции, то там картина будет еще сложнее. Не стану сейчас отдельно останавливаться на тех многочисленных крестьянских бунтах локального масштаба, которые, не имея четко выраженной политической направленности, составляли устойчивый фон процесса смены Старого порядка новым. Замечу только, что Ж. Лефевр, глубоко изучавший данный аспект, если и определял эти крестьянские выступления как «революционные», то с оговоркой, признавая за «крестьянской революцией» известную «автономность» в рамках Французской революции в целом, автономность «по своему происхождению, методам, кризисам и тенденциям»¹⁴. Иначе говоря, и этот поток народного протестного движения следовал своим собственным руслом, отличным от мейнстрима «революции элит».

Что же касается наиболее масштабного по охвату территории и количеству участников народного движения протеста во время Французской революции, то назвать его «революционным» не получится даже с самыми казуистическими оговорками. Потому что таковым была крестьянская война в Вандее – война народа против Революции.

Вандейский парадокс

Историки, пишущие о Вандейском восстании, часто цитируют Б. Барера, который образно охарактеризовал данный феномен словосочетанием «необъяснимая Вандея»¹⁵. Действительно, и для самих революционе-

¹⁴ См.: *Lefebvre G.* La Révolution française. P., 1957. См. о нем также: *Адо А.В.* Крестьяне и Великая французская революция. Крестьянское движение в 1789 – 1794 гг. М., 1987. С. 11 и далее..

¹⁵ См., например: *Petitfère Cl.* La Vendée et les Vendéens. P., 2015 (1re éd. – 1981). P. 50, 87, 293; *Martin J.-Cl.* La guerre de Vendée 1793-1800. P., 2014. P. 18; *Мягкова Е.М.* «Необъяснимая Вандея»: сельский мир на западе Франции в XVII-

ров, и для наследовавшей им историографической традиции было просто непостижимо, каким образом наибольшей опасностью для Французской революции на ее подъеме, в 1793 г., оказалось восстание народа – того самого народа, именем которого эта революция и вершилась. Это искреннее и наивное недоумение, пожалуй, ярче других выразил Ж. Мишле: «В тот момент, когда все люди потянулись к Франции, чтобы кинуться в ее объятия и стать французами в сердце своем, одна область оказалась исключением из этого правила. Нашелся народ столь поразительно слепой и удивительным образом сбитый с толку, что поднял оружие против Революции, матери своей, против блага народа, против себя самого. И по какому-то дьявольскому наваждению, это произошло во Франции; именно часть Франции являла собою подобное зрелище; а столь странный народ находился в Вандее»¹⁶.

Для объяснения столь «непостижимого», с точки зрения революционеров, а затем и сочувствующих им историков, парадокса была выдвинута концепция «аристократического заговора»: мол, доверчивый и темный народ был введен в заблуждение дворянами и неприсягнувшими священниками, заставившими его действовать вопреки своим интересам. Однако сами дворяне, участвовавшие в восстании категорически отрицали существование какого бы то ни было заговора и подчеркивали стихийный характер действий народа, поднявшегося, как считали они, на защиту Старого порядка. Подобный взгляд получил дальнейшее развитие в трудах историков-легитимистов XIX в.¹⁷

В XX в. вопрос о мотивах, побудивших сельское население бывших провинций Пуату, Анжу и Бретани¹⁸ поднять оружие против революционного правительства Франции, по-прежнему оставался одним из наиболее дискуссионных в обширной историографии Вандейского восстания¹⁹. Не вдаваясь в детали тех споров, отметим, что сегодня исследователи связывают истоки этого ожесточенного и кровопролитного противоборства, в которое оказалось втянуто практически все население региона, не только и не столько с социально-экономической ситуацией, сколько с факторами социокультурного характера.

XVIII веках. М., 2006.

¹⁶ *Michelet J.* Histoire de la Révolution [1847-1853]. P., 1979. T. 2. P. 11.

¹⁷ Подробнее см.: *Petitfère Cl.* Op. cit. Ch. 2

¹⁸ Вандея – название одного из трех департаментов, на которые в 1790 г. была разделена провинция Пуату. Однако восстание, названное «Вандейским», захватило, помимо собственно Вандеи, территории еще трех департаментов: Дё-Севр (часть бывшего Пуату), Нижняя Луара (ныне – Атлантическая Луара, часть бывшей провинции Бретань), Мэн и Луара (часть бывшей провинции Анжу).

¹⁹ См.: *Мягкова Е.М.* Указ. соч. С. 6-19.

Большую часть территории, охваченной восстанием и получившей название «Военной Вандей», занимала область бокажа²⁰, где в силу географических особенностей отсутствия больших городов и магистральных транспортных путей крестьянское общество практически не испытывало влияния проходивших вовне модернизационных процессов и до конца XVIII столетия сохраняло традиционный уклад жизни. Важнейшую роль в последнем играло духовенство. Для владельцев разбросанных на большой территории разрозненных крестьянских хозяйств главной точкой притяжения и местом встреч была приходская церковь. Ее колокольня олицетворяла для крестьян центр той вселенной, в которой протекала жизнь большинства из них от рождения до смерти. Территории общин и приходов, как правило, совпадали, из-за чего четкая граница между мирским и сакральным отсутствовала. Кюре являлись одновременно и духовными пастырями, и наиболее влиятельными членами сельского сообщества: они учили детей, назначали повивальных бабок, служили душеприказчиками умерших, распределяли пожертвования среди нуждающихся и, самое главное, выступали посредниками во взаимоотношениях весьма замкнутого крестьянского сообщества с внешним миром, представляя интересы крестьян перед властями предрержащими²¹.

Как и в любом традиционном обществе, мировосприятие крестьян Западной Франции определялось религией. «Усилия по аккультурации, предпринимаемые городскими элитами, были здесь тем более обречены на провал, что интеллектуальное и моральное влияние священников доминировало безраздельно. “Новым идеям” было крайне трудно проложить себе дорогу в регион, сношения которого с внешним миром были затруднены практически полным отсутствием больших дорог и где люди редко встречались друг с другом, кроме как на воскресной мессе и проводившемся по ее окончании приходском сходе»²².

Французская революция нарушила устойчивость этого малоподвижного общества, столкнув его с культурой города, где в предреволюционные десятилетия получила распространение, а в ходе самой Революции стала господствующей, принципиально иная система ценностей – рационалистическая парадигма Просвещения. Особенно остро эту идеологическую интервенцию извне вандейские крестьяне ощутили с введением

²⁰ Бокаж (фр. *bocage*) — тип культурного ландшафта, где пастбища, поля и луга отделены друг от друга земляными насыпями с живой изгородью или рядами деревьев.

²¹ См.: *Petitfère Cl. Op. cit.* P. 258-259, 295-296; *Martin J.-Cl. Op. cit.* P. 75-77; *Мягкова Е.М. Указ. соч.* С. 107-127.

²² *Petitfère Cl. Op. cit.* P. 258.

гражданского устройства духовенства в 1790 г. Реформа оказалась тем более болезненной и раздражающей, что ранее от Революции жители бокажа не получили тех экономических благ, которые хотя бы отчасти могли примирить их с переменами: частичная отмена сеньориальных прав и продажа национальных имуществ оказались выгодны только крупным собственникам земли, к которым обитатели бокажа не принадлежали²³. Церковная же реформа их и вовсе задела за живое.

Видя в церкви, как учила философия Просвещения, исключительно инструмент управления, революционные элиты попытались механистически «рационализировать» ее устройство, не считаясь с тем, что это повлекло за собой болезненную ломку базовых структур традиционной культуры сельского мира. Унификация размеров приходов таким образом, чтобы каждый из них включал в себя примерно 6 тыс. прихожан, привела на западе Франции, где население было рассредоточено на обширной территории, к ликвидации 142 из 525 приходов²⁴. Учитывая ту важную роль, которую приходские церкви играли в сельском сообществе, легко понять, почему крестьяне крайне негативно восприняли их утрату. К тому же, укрупнение приходов нередко вело к увеличению расстояния до ближайшей церкви, что в эпоху высокой смертности было далеко не маловажным обстоятельством: священник мог просто не успеть со святыми дарами к умирающему²⁵. И все же сельский мир, хоть и не безропотно, эту реформу принял.

Подспудно копившееся недовольство стало выливаться в открытый протест только после того, как Учредительное собрание декретом от 27 ноября 1790 г. обязало священнослужителей приносить гражданскую присягу, спровоцировав тем самым раскол духовенства на «присягнувшее» (конституционное) и «неприсягнувшее». На западе Франции подавляющее большинство кюре, следуя принципу «Божие Богу, кесарю кесарево», отказалось присягать: в дистриктах Шалана и Вийера таковых насчитывалось более 70%, в дистриктах Клиссона, Машкуля, Монтегю и Сен-Флоран-ле-Вьей – более 80%, в дистрикте Шоле – 95% священников²⁶. Крестьяне же не только поддерживали отказавшихся приносить присягу, но и сами нередко принуждали колеблющихся поступать подобным образом²⁷. Широко распространилось убеждение, что присягнувшие кюре – «неправильные» и что отправление ими священных таинств не

²³ *Ibid.* P. 267-268.

²⁴ *Ibid.* P. 259.

²⁵ *Martin J.-Cl. Op. cit.* P. 77-78.

²⁶ *Ibid.* P. 242.

²⁷ См.: *Petitfère Cl. Op. cit.* P. 257.

способно обеспечить пастве спасение в загробном мире. К тому же, если прежде священники назначались сверху и прибывали к селянам своего рода посланцами из внешнего мира, неся на себе отблеск таинственной нездешней благодати, то теперь, согласно введенному Революцией гражданскому устройству духовенства, процесс замещения кюре был предельно десакрализован – их избирало собрание выборщиков дистрикта. Иначе говоря, полномочия новых священников не просто имели светское происхождение, но к тому же еще даровались горожанами, которые традиционно воспринимались жителями бокажа как чуждая и враждебная среда.

Ситуация усугублялась действиями революционных элит на местах. Администрации дистриктов на западе Франции комплектовались представителями местных городских элит, которые исторически были тесно связаны с янсенизмом²⁸. Присущие тому ригоризм и бескомпромиссность были в полной мере проявлены региональными властями при реализации церковной реформы. Если декрет Учредительного собрания от 7 мая 1791 г. еще предписывал терпимое отношение к неприсягнувшим кюре и не воспрещал им отправлять свои обязанности в специально отведенных для этого храмах, то администрации дистриктов по своей инициативе развернули настоящую кампанию по изгнанию таковых с их кафедр. Ускоренная замена неприсягнувших священников присягнувшими спровоцировала многочисленные волнения крестьян, выступавших в защиту своих прежних кюре. Дело доходило до стычек с национальной гвардией, состоявшей из горожан и приходившей для утверждения новых порядков в сельскую местность, как на оккупированную территорию, сея произвол и насилие. Ее действия при реализации церковной реформы современный историк Вандейского восстания Жан-Клеман Мартен даже сравнивает с печально известными драконами эпохи Людовика XIV²⁹. Неудивительно, что именно национальная гвардия, олицетворявшая насилие города над деревней, вызывала у крестьян особую ненависть, которая после начала восстания выльется в жестокие расправы над национальными гвардейцами, к коим, в отличие от солдат линейных войск, не будет ни малейшего снисхождения³⁰.

К новому, конституционному кюре, заменявшему изгнанного, крестьяне сплошь и рядом относились враждебно, называя «чужаком»

²⁸ Подробнее о связи янсенизма и Революции см.: Чудинов А.В. «Слух, который нашептала история»: янсенизм и Французская революция (историографический аспект) // ФЕ 2004. М., 2004; *Он же*. Французская революция: история и мифы. М., 2006. Ч. 2. Гл. 3.

²⁹ *Martin J.-Cl.* Op. cit. P. 67.

³⁰ См.: *Petitfère Cl.* Op. cit. P. 272-278.

(intrus). «Его встречали этим прозвищем мальчишки, швырявшие в него камни, и женщины, проклинавшие его и тщательно мывшие кропильницу, если он осмеливался опустить туда палец; даже пономарь бранил его, а мужчины угрожали смертью. Его сад разоряли, собаку убивали, а в двери дома стреляли из ружья. По воскресеньям церковь оставалась безнадежно пустой за исключением тех случаев, когда члены муниципалитета, упертые революционеры, присутствовали на службе из политических соображений»³¹.

Напротив, мессы неприсягнувших священников крестьяне продолжали активно посещать даже тогда, когда эти службы с ужесточением репрессивного законодательства стали осуществляться подпольно. Действие вызвало противодействие: чем сильнее власти оказывали давление на сельский мир, пытаясь утвердить конституционное духовенство, тем более упорным оказывалось сопротивление крестьян, переживших в этот период настоящий всплеск религиозной экзальтации. Более того, с сокращением числа священников буйным цветом расцвел народный, «фольклорный» католицизм, абсорбировавший в себе наследие язычества³².

К марту 1793 г. обстановка в бокаже на западе Франции уже настолько накалилась, что для взрыва не хватало лишь искры. Таковой стал объявленный Республикой 300-тысячный рекрутский набор, сопротивление которому вылилось в массовые вооруженные беспорядки, переросшие в открытую гражданскую войну. Причиной ее был, конечно же, не сам призыв, лишь давший к ней повод, а скопившееся внутри сельского мира недовольство политикой революционных элит. Социальный взрыв огромной мощи стал результатом столкновения двух ценностных парадигм: новой, просветительской и старой, традиционной. Насильственное внедрение первой в ареал безраздельного доминирования традиционной культуры собственно и вызвало в качестве ответной реакции беспрецедентную по размаху и жесточести народную войну против Революции. Восстание было результатом конфликта ценностей «старого мира, мира деревни, и нарождающегося нового, воплощением и символом которого был город»³³. Религия, составлявшая основу мировоззрения традиционного общества, стала в этой ситуации знаменем народного протеста. «Традиция, религия, политика, – пишет Ж.-К. Мартен, – были отныне тесно спаяны в этой горючей смеси; однако именно религия придала взрывной характер развитию событий и наилучшим образом обеспечила мобилизацию индивидов»³⁴.

³¹ *Martin J.-Cl.* Op. cit. P. 81-82. См. также: *Petitfère Cl.* Op. cit. P. 245-254.

³² *Petitfère Cl.* Op. cit. P. 243-245; *Martin J.-Cl.* Op. cit. P. 83-84.

³³ *Petitfère Cl.* Op. cit. P. 298.

³⁴ *Martin J.-Cl.* Op. cit. P. 85.

Таким образом, с точки зрения социокультурного подхода феномен Вандеи отнюдь не выглядит «необъяснимым». Тем более, он перестает казаться таковым, если рассматривать его в одном ряду со схожими явлениями, имевшими тогда место и в других странах.

Инсордженца – «итальянская Вандея»

В 1796 г. армия Французской республики под командованием генерала Наполеона Бонапарта вторглась в Италию. Поход сопровождался мощной пропагандистской кампанией. Французская пресса, не жалея слов, рассказывала «о том, как великий итальянский народ сбрасывает долгое иго суеверий и притеснений и несметной массой берется за оружие, чтобы помогать освободителям-французам»³⁵.

Позднее версия о том, что итальянцы встретили французов с распротертыми объятиями как освободителей, закрепилась в республиканской и бонапартистской традиции, найдя, в частности, свое художественное воплощение в известных строках Стендаля: «Вместе с оборванными бедняками-французами в Ломбардию хлынула такая могучая волна счастья и радости, что только священники да кое-кто из дворян заметили тяжесть шестимиллионной контрибуции, за которой последовали и другие денежные взыскания. Ведь эти французские солдаты с утра до вечера смеялись и пели, все были моложе 25 лет, а их главнокомандующему недавно исполнилось 27, и он считался в армии самым старым человеком»³⁶.

Представление о праздничной встрече итальянцами французской армии нашло отражение и в работах историков, симпатизировавших Революции, например, в известном труде А.З. Манфреда «Наполеон Бонапарт»: «Города [Италии] были иллюминированы, на площадях посажены деревья Свободы, а в церквах пели революционно-религиозные песни»³⁷; «Цветы, цветы, гирлянды цветов, улыбающиеся женщины, дети, огромные толпы народа, вышедшие на улицы, бурно приветствовали солдат Республики...»³⁸. И лишь мимоходом Манфред упоминал о событии, которое показывало, что пребывание французов на Апеннинах не всегда было праздничным: «Это не исключало того, что, когда, как, например, в Павии, началось антифранцузское восстание, в котором участвовали крестьяне, Бонапарт жестоко подавил его»³⁹.

³⁵ *Тарле Е.В.* Наполеон // Тарле Е.В. Сочинения в 12 томах. М., 1959. Т. 7. С. 60.

³⁶ *Стендаль.* Пармский монастырь // Стендаль. Собрание сочинений в 15 томах. М., 1959. Т. 3. С. 9.

³⁷ *Манфред А.З.* Наполеон Бонапарт. 3-е изд. М., 1980. С. 143.

³⁸ Там же. С. 145.

³⁹ Там же. С. 148.

На самом деле печальная судьба Павии была отнюдь не исключительным эпизодом, диссонирующим с общей атмосферой «праздника», каким якобы стало пришествие французов на Апеннины, а скорее типичным эпизодом, одним из многих и многих, которыми характеризовалось их пребывание в Италии. Даже если просто ознакомиться с хронологией происходивших там событий, мы увидим, что попытки утверждения на итальянской земле «свободы, равенства и братства» *à la française* встречали систематическое и массовое сопротивление местных жителей вплоть до самого изгнания французов из Италии в 1799 г. объединенными усилиями итальянских повстанцев, русской и австрийской армий и русско-турецкого флота:

23 мая 1796 г., восемь дней спустя после триумфального вступления Бонапарта в Милан (это о нем Манфред писал: «цветы, цветы, гирлянды цветов...»), как только город покинули главные силы французской армии, там началось массовое антифранцузское восстание, вскоре перекинувшееся на Бинаско и Павию.

В июне 1796 г. антифранцузское восстание вспыхнуло в Лигурии, а после вторжения французов в Папскую область протесты охватили всю Романью.

30 июня – 8 июля 1796 г. – восстание в Луго-ди-Романья.

Июль – август 1796 г. – движение протеста в Тоскане, волнения в Ломбардии и Романье.

Сентябрь – декабрь 1796 г. – антифранцузские движения в Гарфаньяне, Линиджиане, Модене и Романье.

Февраль 1797 г. – протесты в Марке (Marche).

Март 1797 г. – протестные движения в Романье, Марке, Ломбардии, Венето.

Апрель 1797 г. – восстания в Венето и Вероне («Веронская пасха»).

Май 1797 г. – протесты в Венеции и Тетраферме.

Июнь – октябрь 1797 г. – протестные движения в Лигурии, Далмации, Истрии, Вальтелине, Варезе.

Февраль 1798 г. – протесты в Риме и по всей Папской области.

Март – ноябрь 1798 г. – протестные движения в Папской области, вспышки сопротивления в Вальтелине.

Декабрь 1798 г. – повстанческое движение в Южной Италии. Восстание в Пьемонте, восстановившее монархию.

Январь 1799 г. – санфевдистское повстанческое движение в Южной Италии. Восстание в Неаполе.

Февраль – июнь 1799 г. – контрреволюционное восстание по всей Италии и изгнание из нее французов⁴⁰.

⁴⁰ См. : *Viglione M.* Le Insorgenze. Rivoluzione e Controrivoluzione in Italia

После выхода России из Второй коалиции и возвращения французов в Италию в 1800 г. массовые протесты против них продолжали вспыхивать с разной степенью интенсивности до самого падения Наполеоновской империи в 1814 г.⁴¹

Как видим, пребывание французской армии в Италии протекало далеко не безмятежно. Однако тема народного сопротивления французам в 1796-1814 гг., получившего в исторической литературе обобщенное название «Инсордженца» (*Insorgenze*), до сих пор недостаточно разработана в историографии. Итальянских историков левого толка, считающих себя наследниками Рисорджименто, которое, в свою очередь, они рассматривают как продолжение Французской революции, интересует, прежде всего, деятельность союзников французов – итальянских якобинцев, в то время как антифранцузское повстанческое движение нередко выпадает из поля зрения исследователей⁴².

Впрочем, даже в тех из существующих к настоящему времени исторических работ, где затрагивается тема борьбы итальянцев против революционной армии Франции, сведения об этом явлении достаточно фрагментарны. К примеру, известный французский историк Ж. Годшо в своем труде «Контрреволюция» описывает ряд наиболее крупных выступлений итальянцев против французской оккупации, однако рассматривает их практически вне связи друг с другом, просто предлагая перечень событий, каждое из которых якобы имело свои особые причины: где-то в качестве таковых указаны социальные противоречия между крестьянством и буржуазией, где-то историческое соперничество между теми или иными городскими центрами, где-то – ложный слух, запущенный сторонниками Старого порядка и т.д.⁴³

Между тем, даже то, что мы знаем о массовых антифранцузских движениях, позволяет выделить у них ряд важных общих черт.

Главная особенность таких протестов – преимущественно народный характер. Большую часть участников движения составляли представители социальных низов⁴⁴. Вторгаясь в итальянские государства, французы вынуждены были преодолевать наиболее упорное сопротивление не со стороны регулярных армий, обычно проявлявших себя весьма посредственно, а со стороны крестьянских отрядов в сельской местности и городского плебса в городах⁴⁵.

1792-1815. Milano, 1999. P. 12-15.

⁴¹ См., например: *Finley M.* The most monstrous of wars: the Napoleonic guerrilla war in Southern Italy, 1806-1811. Columbia, 1994; *Viglione M.* La Vandea italiana. Milano, 2013.

⁴² Подробнее см.: *Viglione M.* Le Insorgenze. P. 111-146.

⁴³ *Godechot J.* La contre-révolution. Doctrine et action. 1789-1804. 2e éd. P., 1984. P. 320-334, 348-358.

⁴⁴ Подробнее см.: *Viglione M.* Le Insorgenze. P. 87-91.

⁴⁵ См., например: *Чудинов А.В.* «Солдаты свободы» или смертельный враг?

Что же касается элит, то они с приходом французов разделились. Та часть, что находилась под сильным влиянием просветительской философии и приняла ценности Французской революции, оказала поддержку иностранному вторжению, образовав «партию» итальянских якобинцев. Характерно, что последние имели сугубо элитарный состав. Неаполитанец В. Куоко, современник и очевидец тех событий, свидетельствует: «Все первые республиканцы были из самых лучших семейств столицы и провинции: среди них было много аристократов, дворян, богатых и хорошо образованных...»⁴⁶. Интересно, что даже значительная часть высшего духовенства поддержала новые, революционные порядки (к примеру, в Неаполитанском королевстве – тридцать епископов из сорока⁴⁷), тогда как гораздо более близкие к низам приходские падре сплошь и рядом участвовали в повстанческих отрядах. Большинство же представителей дворянства и городских верхов придерживались вынужденного нейтралитета в отношении французов, и лишь небольшая их часть внесла свой вклад в сопротивление⁴⁸.

Еще одна заметная общая черта антифранцузских протестов – их религиозная окраска. По признанию генерального секретаря Военного министерства Франции в 1799 г. А.-Ш. Сент-Альбена, «всё вокруг французов кипело мятежом и *фанатизмом*; всё представляло для них опасность близ Рима и в самом Риме...»⁴⁹. И в Южной Италии активно действовали крестьянские отряды, которые Сент-Альбен также называет «бандами *фанатиков*, ведомых на убой разъяренными священниками»⁵⁰. По его же словам, городской плебс Неаполя в январе 1799 г. поднялся на восстание против французов с возгласами: «Смерть предателям! *Да здравствует святая вера!* Да здравствует король!»⁵¹. О том же пишет и Куоко, очевидец Неаполитанского восстания: «...Обезумевшие орды вооруженного народа носились по всем улицам города, крича: “*Да здравствует святая вера!* Да здравствует неаполитанский народ!”»⁵². Характерно, что французы смогли

Французы в Южной Италии 1798-1799 гг. // Известия УрФУ. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2016. Т. 18. № 2. С. 36-39; *Boycott-Brown M.* Guerrilla Warfare avant la lettre. Northern Italy, 1792-1797 // Popular Resistance in the French Wars. Patriots, Partisans and Land Pirates. N.-Y., 2005.

⁴⁶ *Куоко В.* Опыт истории Неаполитанской революции 1799 года. СПб., 2006. С. 22.

⁴⁷ Там же. С. 233.

⁴⁸ См.: *Viglione M.* Le Insorgenze. P. 100-107.

⁴⁹ *Saint-Albin A.-R.-C.* Championnet, général des armées de la République française ou les Campagnes de Hollande, de Rome et de Naples. 2e éd. P., 1861. P. 118. Курсив мой – А. Ч.

⁵⁰ *Saint-Albin A.-R.-C.* Op. cit. P. 143. См. также: P. 136, 144, 148, 174.

⁵¹ Ibid. P. 151. Курсив мой – А. Ч.

⁵² *Куоко В.* Указ. соч. С. 94. Курсив мой – А. Ч.

убедить оказавшихся в безвыходном положении повстанцев сложить оружие, лишь обещав им защищать религию и уважать небесного покровителя города Святого Януария⁵³.

Подобные черты антифранцузских протестных движений позволяют ряду итальянских историков определять Инсордженцу как «феномен всеобщей войны целого народа против Революции во всех ее проявлениях по сугубо идеологическим мотивам – религиозным и легитимистским»⁵⁴. Массовый характер антифранцузских выступлений в Италии 1796-1814 гг., в которых по самым скромным подсчетам приняло участие более 300 тыс. чел. (из них погибло, по меньшей мере, 100 тыс.)⁵⁵, дал основание и современникам⁵⁶, и историкам поставить Инсордженцу в один ряд с Вандеей как народную войну против Французской революции в защиту традиционных ценностей⁵⁷.

Джихад против Революции

Впрочем, на исходе XVIII в. французские военные вспоминали о Вандее не только в Италии, но по другую сторону Средиземного моря.

«Мы находимся в стране, которая никому до смерти не нравится. Если бы армия знала это до отправления из Франции, никто бы из нас не сел на корабль и предпочел бы миллион раз смерть, чем невзгоды, выпавшие на нашу долю. Всюду нас окружают враги: сзади, спереди и с флангов. Прямо как в Вандее!», – писал французский капитан Розе из Александрии 9 сентября 1798 г.⁵⁸

Действительно, Египет стал еще одним регионом, где войскам революционной Франции пришлось столкнуться с массовым сопротивлением жителей, вследствие мировоззренческого конфликта. Здесь участники антифранцузского движения тоже выступали под религиозными лозунгами, только на сей раз не христианскими, а исламскими.

Нельзя сказать, что, отправившись на исходе весны 1798 г. во главе Восточной армии в Египет, Бонапарт не принимал во внимание исламский

⁵³ *Bonnamy*. Coup d'oeil rapide sur les opérations de la Campagne de Naples, jusqu'à l'entrée des français dans cette ville, par le général de brigade Bonnamy, chef de l'Etat-Major-Général de l'Armée de Naples. P., an VIII [1800]. P. 100-101.

⁵⁴ См.: *Viglione M.* Le Insorgenze. P. 142.

⁵⁵ *Ibid.* P. 169.

⁵⁶ *Di Rienzo E.* Dalla Vandea a Napoli (1793-1799): Guerra di popolo e democratizzazione delle masse nei manoscritti di Marc-Antoine Jullien de Paris // Napoli 1799 fra storia e storiografia. Napoli, 2002. P. 349.

⁵⁷ Подробнее см.: См.: *Viglione M.* Le Insorgenze. P. 183.

⁵⁸ Rozis à son ami Grivet, 23 fructidor an 6 [9.9.1798] // Copies from original letters from the army of General Bonaparte in Egypt, intercepted by the fleet under the command of Admiral Lord Nelson. L., 1799. P. 213.

фактор. Готовясь к походу, он читал сочинения французских путешественников К.-Э. Савари и К.-Ф. Вольнея, много поездивших по Ближнему Востоку⁵⁹; к тому же с Вольнеем он был знаком и лично. Однако оба эти автора как истинные сыны Просвещения считали религию всего лишь удобным инструментом в руках умелого политика, вроде того обладающего высшим разумом Законодателя, которого Ж.-Ж. Руссо описал в «Общественном договоре»: «Решения этого высшего разума, недоступного простым людям, Законодатель и вкладывает в уста бессмертных, чтобы увлечь божественною властью тех, кого не смогло бы поколебать в их упорстве человеческое благоразумие. <...> Не следует, однако, заключать из всего этого <...>, что предмет политики и религии в наше время один и тот же; но при становлении народов одна служит орудием другой»⁶⁰. Именно таким Законодателем, использовавшим религию в политических целях, просветители считали Пророка Мухаммада. Савари называл его «великим политиком», а Вольней утверждал: «Он [Мухаммад] хочет не просвещать, но править. Он ищет не учеников, а подданных. Их он не призывает к рассуждениям, но хочет подчинения. И чтобы легче добиться этого, он всё возводит к Богу»⁶¹.

Вступив на землю Египта, Бонапарт в соответствии с подобными представлениями тоже попытался использовать религию в своих политических целях. В распространявшихся на арабском языке прокламациях и в устных обращениях к шейхам Каира он подчеркивал приверженность французов исламу. Уже в первой из таких прокламаций, опубликованной сразу после высадки, Бонапарт заявлял: «Египтяне, вам скажут, что я пришел, чтобы погубить вашу религию; не верьте этому! Ответьте, что я пришел, чтобы восстановить вас в ваших правах, наказать узурпаторов, что я больше, чем мамлюки, чту Аллаха, его пророка Мухаммада и славный Коран!»⁶². В некоторых из подобных обращений Бонапарт даже приписывал себе сверхчеловеческие качества пророка последних времен – махди: ««Знайте также, что я могу открыть то, что таится в сердце каждого из вас, потому что, как только я взгляну на человека, я проникаю в его душу и познаю то, что в ней сокрыто, хотя бы я ни словом не обменялся с ним. Однако придет время, настанет день и вы убедитесь воочию, что все сделанное и учрежденное мною есть предначертания Бога, которые неминуемо осуществляются»»⁶³.

⁵⁹ Подробнее см.: *Прусская Е.А.* Египет в сочинениях французских путешественников К.-Э. Савари и К.-Ф. Вольнея в конце XVIII в. // ВИ. 2012. № 1.

⁶⁰ *Руссо Ж.-Ж.* Об общественном договоре. Трактаты. М., 1998. С. 232-233.

⁶¹ Цит. по: *Прусская Е.А.* Французская экспедиция в Египет 1798-1801 гг.: взаимное восприятие двух цивилизаций. М., 2016. С. 74.

⁶² Цит. по: *Laurens H.* L'expédition d'Egypte 1798-1801. P., 1997. P. 108.

⁶³ *Абд ар-Рахман ал-Джабарти.* Египет в период экспедиции Бонапарта. М., 1962. С. 130.

Однако неуклюжие попытки французского главнокомандующего разыграть религиозную карту воспринимались местными жителями с явным недоверием. По свидетельству находившегося при французском штабе Никулы ат-Турка, сирийского христианина, оккупантам, «несмотря на все их усилия, не удалось вселить доверие в сердца [египтян]. Мусульмане затаили ненависть против них, желая им горя и страдания...»⁶⁴. А попытки Бонапарта присвоить себе сверхчеловеческие способности арабский хронист аль-Джабартти охарактеризовал как «обман, слабоумную ложь и наглые притязания на пророчество и появление махди»⁶⁵.

Некоторые же из заявлений Бонапарта, продиктованные существовавшими в Европе стереотипами Востока, и вовсе приводили к прямо противоположному результату, чем предполагался. Например, исходя из распространенного клише об имманентной враждебности мусульман к христианству, Бонапарт попытался завоевать их доверие, похваставшись тем, что уничтожил власть Римского Папы и Ордена госпитальеров: «Кади, шейхи, чорбаджи, скажите народу, что мы – истинные мусульмане. Не мы ли ниспровергли Папу, говорившего, что надо вести войну против мусульман? Не мы ли ниспровергли Мальтийских рыцарей за то, что эти безумцы верили, будто Бог желает, чтобы они вели войну с мусульманами?»⁶⁶. Однако вместо одобрения со стороны приверженцев ислама, на которое Бонапарт рассчитывал, его бахвальство вызвало их осуждение. Мусульмане, по свидетельству шейха аль-Джабартти, сделали из этих слов вывод, что французы ««не согласны ни с христианами, ни с мусульманами и не придерживаются никакой религии. Они безбожники, отрицающие загробную жизнь и Воскресение, пророков и Мессию»⁶⁷. Показательно, что даже христианин ат-Турк называл в своей хронике французов «неверными»⁶⁸.

Наиболее веским аргументом, опровергавшим утверждение Бонапарта о приверженности французов исламу, стали их повседневные практики, вступающие в непримиримое противоречие с местными обычаями. Вот что пишет на сей счет ат-Турк: «Каир стал похож на Париж. Женщины без стеснения выходили с французами, везде распивали вино и крепкие спиртные напитки, происходили также другие вещи, которые

⁶⁴ *El-Turk N. Histoire de l'expédition française en Egypte / Publiée et traduite par M. Desgranges aîné. P., 1839. P. 49.*

⁶⁵ См.: *Прусская Е.А. Французская экспедиция в Египет. С. 60.*

⁶⁶ См.: *Laurens H. Op. cit. P. 108-109.*

⁶⁷ Цит. по: *Прусская Е.А. Арабские хроники как источник по истории Египетской экспедиции Бонапарта // ФЕ 2010. М., 2010. С. 284.*

⁶⁸ См.: *Прусская Е.А. Французская экспедиция в Египет. С. 45.*

Господь наш не одобряет»⁶⁹. Женщин обязывали ходить с открытыми лицами, повсеместно продавался запрещенный в мусульманском обществе алкоголь, мечети и прочие святыни безжалостно разрушались при строительстве военной инфраструктуры.

Социокультурный диссонанс, вызванный переносом в традиционное общество Востока порядков, принятых во Французской республике, и стал главной причиной конфликта между населением Египта и французской армией. Также считал и ат-Турк, отмечавший, что «египтяне совершенно не принимали французов из-за различий в религии, языке и обычаях»⁷⁰. При этом социально-экономические и политические факторы не играли в возникновении конфликта сколько-нибудь заметной роли (по крайней мере, на первых порах), поскольку оккупационная администрация приспособила к своим нуждам прежние государственные институты, существовавшие еще при мамлюках⁷¹.

Антифранцузское сопротивление египтян, развернувшееся под религиозными лозунгами священной войны джихада, ни на день не прекращалось в течение всех трех лет оккупации⁷². Большую часть времени оно носило характер перманентной партизанской войны⁷³, но иногда выплескивалось в городские мятежи, наиболее масштабным и продолжительным из которых стало Второе Каирское восстание 1800 г. Тогда в течение месяца практически все население египетской столицы сражалось против французов под белым знаменем Пророка – «аль-Лива». Подавить всенародное движение чисто военным путем даже французской армии этой великолепной машине войны оказалось не по силам. С восстанием удалось справиться только благодаря дипломатическим способностям французского главнокомандующего генерала Ж.-Б. Клебера, сменившего в 1799 г. на этом посту Бонапарта. Сочетая подкуп, психологическое давление и открытый террор он сумел сыграть на противоречиях между турками, мамлюками и арабами и склонить руководителей восстания к почетной капитуляции⁷⁴.

⁶⁹ *El-Turk N. Op. cit. P. 212.*

⁷⁰ *Turc N. Chronique d'Égypte 1798-1804/ Ed. et tr. par G. Wiet. Le Caire, 1950. P. 35.*

⁷¹ Подробнее см. *Кириллина С.А. Исламские институты Османского Египта в XVIII – первой трети XIX века. Lewiston, 2000. С. 213-263; Sulaymān N. L'administration de l'Égypte au temps de l'expédition française (1799-1801) // Égypte / Monde arabe. 1999. N 1 : L'expédition de Bonaparte vue d'Égypte. P. 210-212.*

⁷² Подробнее см. ниже: *Прусская Е.А. Антифранцузское движение протеста в Египте 1798-1801 гг.*

⁷³ См., например: *Al-Khūlī R. La résistance populaire à l'occupation française en Basse-Égypte (1798-1801) // Égypte / Monde arabe. 1999. N 1. P. 205-209.*

⁷⁴ Подробнее см.: *Чудинов А.В. Второе Каирское восстание: 20 марта – 21*

Хотя ни одно из этих вооруженных выступлений не увенчалось непосредственным изгнанием оккупантов, народная война египтян против порядков, навязанных им революционной Францией, подорвала силы Восточной армии и во многом подготовила ее конечную капитуляцию перед войсками Второй антифранцузской коалиции в 1801 г.

Отечественная война – «русская Вандея»?

Если война в Египте напоминала французам Вандею, то во время «русской кампании» 1812 г. они будут вспоминать уже о Египетском походе как в связи с испытываемыми климатическими трудностями, так и в силу сходства характера военных действий, когда неожиданного нападения можно было ожидать в любой момент и отовсюду, только теперь не от бедуинов, а от казаков⁷⁵. Впрочем, помимо внешних аналогий этих трех разновидностей народной войны, имелось ли нечто общее в их существенных параметрах? Может ли по своему содержанию рассматриваться в одном ряду с Вандеей и египетским джихадом та народная война против французов, которую вели на оккупированных ими территориях русские крестьяне?

Исследователь из Мадридского университета Е.О. Смоктий, сравнивая антифранцузское народное движение в России с испанской герильей 1808-1814 гг. (которую современники, кстати, тоже нередко уподобляли Вандее⁷⁶), пришла к выводу, что, несмотря на особенности каждой из стран, сопротивление французским оккупантам в обеих имело важное сходство: «Известно, что во время “русской кампании” Наполеон не вынашивал планов по переустройству Российской империи, не покушался на крепостное право, не обещал Конституцию, как испанцам и полякам. Однако и в Испании, и в России поведение французов на оккупированных территориях вольно или невольно задевало самую чувствительную струну, свойственную жителям этих стран глубокое религиозное чувство»⁷⁷.

С подобной констатацией трудно не согласиться. Вызывающе пренебрежительное или даже агрессивное поведение французов в отношении храмов нашло отражение в многочисленных источниках. Так, бежавшая из Москвы в Тамбов молодая дворянка Мария Волкова делилась с под-

апреля 1800 г. // ФЕ 2015. М., 2015.

⁷⁵ Подробнее см.: *Промыслов Н.В., Прусская Е.А.* Восток в представлениях солдат Наполеона: от Египта до России // ФЕ 2013. М., 2013.

⁷⁶ См., например: *Le Mièrre de Corvey J.F.A.* Des Partisans et des corps irréguliers. P., 1823.

⁷⁷ *Смоктий Е.О.* Испанская католическая и русская православная церкви против Наполеона: 1808-1814 гг. // ФЕ 2013. М., 2013. С. 185.

ругой: «Ежедневно сюда являются беглецы; последние из них оставили Москву 26-го сентября. Своими глазами видели они, как французы обращали церкви в кухни и конюшни; иконы употребляли на дрова или бросали в ретирады, обобрав все украшения»⁷⁸.

Подобные действия французских военных не были продиктованы какой-либо их особой враждебностью к православию и сознательным стремлением оскорбить религиозные чувства именно русских людей. Точно так же французы поступали и в католической Италии, и в мусульманском Египте. Просто они вели себя в соответствии с утвердившейся во время Революции системой ценностей, которой армия хранила верность и при Империи и которая, в частности, предполагала абсолютно десакрализованное отношение к религии. «Армия <...> приняла конкордат без энтузиазма: в ней долго продолжало жить неприятие какой-либо церкви. Тем более что в годы революционных войн, а затем и войны в Испании, французские солдаты столкнулись с таким врагом, который выступал под религиозными знаменами против безбожников. <...> Во французских частях искренне верующих было очень мало»⁷⁹.

Однако эти особенности повседневного поведения французских солдат и офицеров, обусловленные характерным для их мировосприятия пренебрежительным отношением к религии, воспринимались традиционным миром русской деревни как подтверждение той самой враждебности к христианской вере, которая, согласно народным представлениям, исконно присуща всем чужеземным недругам. Так, привычное для французских военных использование церковей в качестве мест ночлега и временных конюшен, воспринималось русскими крестьянами как высшая степень кощунства и свидетельство поистине нечеловеческой сущности тех, кто его совершает⁸⁰.

Записанные этнографами в первой половине XIX в. тексты устной народной литературы о войне 1812 года позволяют реконструировать тот образ французов, которым руководствовались в своем отношении к ним русские крестьяне. Это был образ врага, полностью соответствовавший традиционному архетипу чужеземного захватчика, существовавшему в русском историческом фольклоре с древнейших времен и обладавшему

⁷⁸ Письма 1812 года М.А. Волковой к В.А. Ланской // Записки очевидца: воспоминания, дневники, письма. М., 1990. С. 301.

⁷⁹ *Земцов В.Н.* Великая армия Наполеона в Бородинском сражении. Екатеринбург, 2001. С. 220.

⁸⁰ Подробнее см.: *Чудинов А.В.* Кони в храмах: об одном из топов народной памяти о войне 1812 года // Известия УрФУ. Серия 2. Гуманитарные науки. 2013. № 3.

рядом неизменных черт, которые повторялись из произведения в произведение независимо от того, о нашествии какого именно неприятеля там шла речь. Одной из основных архетипических черт образа врага в русском фольклоре была ненависть к христианской вере. Именно эта «антихристианская» сущность и стала определяющей чертой представлений о французах 1812 года в исторической памяти русского народа. Отличные от фольклора источники, позволяющие судить об умонастроениях крестьян того времени, также подтверждают, что простой люд воспринимал этот конфликт как религиозную войну против «нехристей-басурман», несущих смертельную угрозу его вере⁸¹.

Таким образом, и в России, как ранее в Вандее, Италии, Египте, народная война против французской армии оказалась, в конечном счете, результатом непримиримого конфликта между основанной на религии системой традиционных ценностей крестьянского мира и либерально-демократической парадигмой Просвещения, утвердившейся во Франции в результате Революции.

Заключение

Изучение в комплексе различных типов массовых протестных движений периода Французской революции и Наполеоновских войн заставляет с гораздо большей долей осторожности отнестись к распространенному утверждению о том, что эту революцию совершил народ, под которым обычно понимаются низы общества крестьянство и городской плебс. Воплощение «принципов 1789 года» в политические и правовые институты, ставшее главным итогом преобразований революционного десятилетия⁸², было все же делом рук просвещенной элиты. Обычно ассоциируемые с Революцией массовые выступления городского плебса – *journees* – бесспорно, ослабляли монархию, позволяя оппозиции вырывать у нее все новые уступки, однако сами по себе они в подавляющем своем большинстве не преследовали далеко идущих политических целей, а являлись скорее непосредственной реакцией на те или иные информационные поводы, вызывавшие всплеск коллективных страхов в ситуации общего недовольства текущими экономическими трудностями. Завладев государственной властью – наиболее эффективным инструментом преобразования общества – и завершив свою внутреннюю консолидацию, революционные элиты использовали эту власть для насильствен-

⁸¹ Подробнее см.: Чудинов А.В. С кем воевал русский мужик в 1812 году? Образ врага в массовом сознании // ФЕ 2012. М., 2012.

⁸² См.: Чудинов А.В. Французская революция и мир // Всемирная история. Т. 4: Мир в XVIII веке. М., 2013.

ного прекращения практики *journees*, спеша избавиться от своенравной массовки *своей* революции.

Впрочем, если даже считать подобные *journees*, лишь косвенно связанные с развитием «революции элиты», выступлениями в поддержку Французской революции, то и тогда эти кратковременные (длившиеся от одного до нескольких дней) и узко локальные (в пределах одного города, пусть даже столичного) вспышки протеста, не идут по своим масштабам ни в какое сравнение с продолжавшимися годами массовыми народными движениями *против* Французской революции – движениями, захватывавшими целые регионы и даже страны.

Осмысливая опыт Революционных и Наполеоновских войн, известный военный теоретик К. фон Клаузевиц констатировал, что именно в эту эпоху появился принципиально новый тип войны – народная война⁸³. Подробно проанализировав ее особенности, он, однако, не коснулся проблемы ее происхождения. Между тем, данный феномен нельзя объяснить всего лишь реакцией масс на иностранное вторжение. В Египет и в Италию иноземные завоеватели за предшествующие столетия приходили не раз, и население всегда достаточно терпеливо мирилось с их пребыванием. На всеобщую борьбу оно поднялось только с приходом в эти страны армий Французской революции. Как мы видели, главным фактором, мобилизовавшим массы на сопротивление, была во всех рассмотренных нами случаях угроза ценностям традиционного общества, которую несли с собою войска новой Франции. Соответственно описанный Клаузевицем феномен народной войны можно считать самым что ни на есть прямым результатом Французской революции. Это была война народов против Революции, война в защиту традиционного уклада своей жизни.

Список литературы

- Абд ар-Рахман ал-Джабарти. Египет в период экспедиции Бонапарта. М.: Изд-во вост. лит-ры, 1962. [*Abd ar-Rakhman al-Dzhabarti. Egiptet v period ehkspeditsii Bonaparta. M.: Izd-vo vost. lit-ry, 1962.*]
- Адо А.В. Крестьяне и Великая французская революция. Крестьянское движение в 1789-1794 гг. М.: Изд-во МГУ, 1987. [*Ado A.V. Krest'yane i Velikaya frantsuzskaya revolyutsiya. Krest'yanskoe dvizhenie v 1789-1794 gg. M.: Izd-vo MGU, 1987.*]

⁸³ Клаузевиц К., фон. О войне. М., 2007. Ч. 6. Гл. 26.

- Бовыкин Д.Ю. От Старого порядка к новому // Всемирная история в 6 томах. Т. 4: Мир в XVIII веке. М.: Наука, 2013. [Bovykin D.Yu. Ot Starogo poriyadka k novomu // Vsemirnaya istoriya v 6 tomakh. T. 4: Mir v XVIII veke. M.: Nauka, 2013].
- Бовыкин Д.Ю. Парижское восстание 13 вандемьера IV года республики // Вопросы истории. 2014. № 11. [Bovykin D.Yu. Parizhskoe vosstanie 13 vandem'era IV goda respubliki // Voprosy istorii. 2014. № 11].
- Бовыкин Д.Ю. Революция окончена? Итоги Термидора. М.: Изд-во МГУ, 2005. [Bovykin D.Yu. Revolyutsiya okonchena? Itogi Termidora. M.: Izd-vo MGU, 2005].
- Гордон А.В. Падение жирондистов. Народное восстание в Париже 31 мая – 2 июня 1793 года. М.: Наука, 1988. [Gordon A.V. Padenie zhirondistov. Narodnoe vosstanie v Parizhe 31 maya – 2 iyunya 1793 goda. M.: Nauka, 1988].
- Земцов В.Н. Великая армия Наполеона в Бородинском сражении. Екатеринбург: Уральский гос. пед. ун-т, 2001. [Zemtsov V.N. Velikaya armiya Napoleona v Borodinskome srazhenii. Ekaterinburg: Ural'skij gos. ped. un-t, 2001].
- Кириллина С.А. Исламские институты Османского Египта в XVIII – первой трети XIX века. Lewiston: Edwin Mellen Press, 2000. [Kirillina S.A. Islamskie instituty Osmanskogo Egipta v XVIII – pervoj treti XIX veka. Lewiston: Edwin Mellen Press, 2000].
- Клаузевиц К., фон. О войне. М.: Эксмо, Мидгард, 2007. [Klauzevits K., fon. O vojne. M.: Eksmo, Midgard, 2007].
- Куоко В. Опыт истории Неаполитанской революции 1799 года. СПб.: Филол. ф-т СПбГУ, 2006. [Kuoko V. Opyt istorii Neapolitanskoj revolyutsii 1799 goda. SPb.: Filol. f-t SPbGU, 2006].
- Лотте С.А. «Дело Ревельона» // Французский ежегодник 1958. М.: Изд-во АН СССР, 1959. [Lotte S.A. «Delo Revel'ona» // Frantsuzskij ezhegodnik 1958. M.: Izd-vo AN SSSR, 1959].
- Манфред А.З. Наполеон Бонапарт. 3-е изд. М.: Мысль, 1980. [Manfred A.Z. Napoleon Bonapart. 3-e izd. M.: Mysl', 1980].
- Манфред А.З. О некоторых спорных и нерешенных вопросах историографии Великой французской революции // Манфред А.З. Великая французская революция. М.: Наука, 1983. [Manfred A.Z. O nekotorykh spornykh i nereshennykh voprosakh istoriografii Velikoj frantsuzskoj revolyutsii // Manfred A.Z. Velikaya frantsuzskaya revolyutsiya. M.: Nauka, 1983].

- Мягкова Е.М. «Необъяснимая Вандея»: сельский мир на западе Франции в XVII-XVIII веках. М.: Academia, 2006. [Myagkova E.M. «Neob»yasnimaya Vandeya»: sel'skij mir na zapade Frantsii v XVII-XVIII vekakh. M.: Academia, 2006].
- Письма 1812 года М.А. Волковой к В.А. Ланской // Записки очевидца: воспоминания, дневники, письма. М.: Современник, 1990. [Pis'ma 1812 goda M.A. Volkovoj k V.A. Lanskoj // Zapiski ochevidtsa: vospominaniya, dnevniki, pis'ma. M.: Sovremennik, 1990].
- Промыслов Н.В., Прусская Е.А. Восток в представлениях солдат Наполеона: от Египта до России // Французский ежегодник 2013. «Русская кампания» Наполеона: события, образы, память. М.: ИВИ РАН, 2013. [Promyslov N.V., Prusskaya E.A. Vostok v predstavleniyakh soldat Napoleona: ot Egipta do Rossii // Frantsuzskij ezhegodnik 2013. «Russkaya kampaniya» Napoleona: sobytiya, obrazy, pamyat'. M.: IVI RAN, 2013].
- Прусская Е.А. Антифранцузское движение протеста в Египте 1798-1801 гг. // Французский ежегодник 2016: Протестные движения в эпоху Французской революции и Первой империи. М.: ИВИ РАН, 2016. [Prusskaya E.A. Antifrantsuzskoe dvizhenie protesta v Egipte 1798-1801 gg. // Frantsuzskij ezhegodnik 2016: Protestnye dvizheniya v ehpkhu Frantsuzskoj revolyutsii i Pervoj imperii. M.: IVI RAN, 2016].
- Прусская Е.А. Арабские хроники как источник по истории Египетской экспедиции Бонапарта // Французский ежегодник 2010: Источники по истории Французской революции XVIII в. и эпохе Наполеона. М.: Квадрига, 2010. [Prusskaya E.A. Arabskie khroniki kak istochnik po istorii Egipetskoj ehkspeditsii Bonaparta // Frantsuzskij ezhegodnik 2010: Istochniki po istorii Frantsuzskoj revolyutsii XVIII v. i ehpkhe Napoleona. M.: Kvadriga, 2010].
- Прусская Е.А. Египет в сочинениях французских путешественников К.-Э. Савари и К.-Ф. Вольнея в конце XVIII в. // Вопросы истории. 2012. № 1. [Prusskaya E.A. Egipt v sochineniyakh frantsuzskikh putshestvennikov K.-E.H. Savari i K.-F. Vol'neya v kontse XVIII v. // Voprosy istorii. 2012. № 1].
- Прусская Е.А. Французская экспедиция в Египет 1798-1801 гг.: взаимное восприятие двух цивилизаций. М.: РОССПЭН, 2016. [Prusskaya E.A. Frantsuzskaya ehkspeditsiya v Egipt 1798-1801 gg.: vzaimnoe vospriyatie dvukh tsivilizatsij. M.: ROSSPEHN, 2016].

- Ревуненков В.Г. Очерки по истории Великой французской революции 1789-1814 гг. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1996. [*Revunenkov V.G. Ocherki po istorii Velikoj frantsuzskoj revolyutsii 1789-1814 gg. SPb.: Izd-vo SPbGU, 1996.*]
- Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре. Трактаты. М.: Кучково поле, 1998. [*Russo J.-J. Ob obshhestvennom dogovore. Traktaty. M.: Kuchkovo pole, 1998.*]
- Смоктый Е.О. Испанская католическая и русская православная церкви против Наполеона: 1808-1814 гг. // Французский ежегодник 2013. «Русская кампания» Наполеона: события, образы, память. М.: ИВИ РАН, 2013. [*Smoktij E.O. Ispanskaya katolicheskaya i russkaya pravoslavnaya tserkvi protiv Napoleona: 1808-1814 gg. // Frantsuzskij ezhegodnik 2013. «Russkaya kampaniya» Napoleona: sobytiya, obrazy, pamyat'. M.: IVI RAN, 2013.*]
- Стендаль. Пармский монастырь // Стендаль. Собрание сочинений в 15 томах. М.: Правда, 1959. Т. 3. [*Stendal'. Parmskij monastyr' // Stendal'. Sbranie sochinenij v 15 toma. M.: Pravda, 1959. T. 3.*]
- Тарле Е.В. Жерминаль и Прериаль. М.: Изд-во АН СССР, 1951. [*Tarle E.V. Zherminal' i Prerial'. M.: Izd-vo AN SSSR, 1951.*]
- Тарле Е.В. Наполеон // Тарле Е.В. Сочинения в 12 томах. М.: Изд-во АН СССР, 1959. Т. 7. [*Tarle E.V. Napoleon // Tarle E.V. Sochineniya v 12 tomakh. M.: Izd-vo AN SSSR, 1959. T. 7.*]
- Чеканцева З.А. Порядок и беспорядок. Протестующая толпа во Франции между Фрондой и Революцией. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 1996. [*Chekantseva Z.A. Poryadok i besporyadok. Protestuyushhaya tolpa vo Frantsii mezhdou Frondoi i Revolyutsiej. Novosibirsk: Izd-vo NGPU, 1996.*]
- Чепурина М.Ю. Истоки и механизм Лионского восстания 1793 года // Французский ежегодник 2016: Протестные движения в эпоху Французской революции и Первой империи. М.: ИВИ РАН, 2016. [*Chepurina M.Yu. Istoki i mekhanizm Lionskogo vosstaniya 1793 goda // Frantsuzskij ezhegodnik 2016: Protestnyye dvizheniya v ehpokhu Frantsuzskoj revolyutsii i Pervoj imperii. M.: IVI RAN, 2016.*]
- Чепурина М.Ю. Заговор Бабёфа в восприятии французского общества XVIII века // Французский ежегодник 2015: К 225-летию Французской революции. М.: ИВИ РАН, 2015. [*Chepurina M.Yu. Zagovor Babyofa v vospriyatii frantsuzskogo obshhestva XVIII veka // Frantsuzskij ezhegodnik 2015: K 225-letiyu Frantsuzskoj revolyutsii. M.: IVI RAN, 2015.*]
- Чудинов А.В. Второе Каирское восстание: 20 марта – 21 апреля 1800 г. // Французский ежегодник 2015: К 225-летию Французской револю-

- ции. М.: ИВИ РАН, 2015. [*Tchoudinov A.V. Vtoroe Kairskoe vosstanie: 20 marta – 21 aprelya 1800 g. // Frantsuzskij ezhegodnik 2015: K 225-letiyu Frantsuzskoj revolyutsii. M.: IVI RAN, 2015.*]
- Чудинов А.В. Кони в храмах: об одном из топов народной памяти о войне 1812 года // Известия УрФУ. Серия 2. Гуманитарные науки. 2013. № 3. [*Tchoudinov A.V. Koni v khramakh: ob odnom iz toposov narodnoj pamyati o vojne 1812 goda // Izvestiya UrFU. Seriya 2. Gumanitarnye nauki. 2013. № 3.*]
- Чудинов А.В. Просвещенная элита (из истории понятия) // Французский ежегодник 2001. М.: Эдиториал УРСС, 2001. [*Tchoudinov A.V. Prosveshhennaya ehlita (iz istorii ponyatiya) // Frantsuzskij ezhegodnik 2001. M.: Editorial URSS, 2001.*]
- Чудинов А.В. С кем воевал русский мужик в 1812 году? Образ врага в массовом сознании // Французский ежегодник 2012: 200-летний юбилей Отечественной войны 1812 года. М.: ИВИ РАН, 2012. [*Tchoudinov A.V. S kem voeval russkij muzhik v 1812 godu? Obraz vruga v massovom soznanii // Frantsuzskij ezhegodnik 2012: 200-letnij yubiley Otechestvennoj vojny 1812 goda. M.: IVI RAN, 2012.*]
- Чудинов А.В. «Слух, который нашептала история»: янсенизм и Французская революция (историографический аспект) // Французский ежегодник 2004: Формы религиозности в XV – начале XIX вв. М.: Эдиториал УРСС, 2004. [*Tchoudinov A.V. «Slukh, kotoryj nasheptala istoriya»: yansenizm i Frantsuzskaya revolyutsiya (istoriograficheskij aspekt) // Frantsuzskij ezhegodnik 2004: Formy religioznosti v XV – nachale XIX vv. M.: Editorial URSS, 2004.*]
- Чудинов А.В. «Солдаты свободы» или смертельный враг? Французы в Южной Италии 1798-1799 гг. // Известия УрФУ. Серия 2. Гуманитарные науки. 2016. № 2. [*Tchoudinov A.V. «Soldaty svobody» ili smertel'nyj vrug? Frantsuzy v YUzhnoj Italii 1798-1799 gg. // Izvestiya UrFU. Seriya 2. Gumanitarnye nauki. 2016. № 2.*]
- Чудинов А.В. Французская революция: история и мифы. М.: Наука, 2006. [*Tchoudinov A.V. Frantsuzskaya revolyutsiya: istoriya i mify. M.: Nauka, 2006.*]
- Чудинов А.В. Французская революция и мир // Всемирная история. Т. 4: Мир в XVIII веке. М.: Наука, 2013. [*Tchoudinov A.V. Frantsuzskaya revolyutsiya i mir // Vsemirnaya istoriya. T. 4: Mir v XVIII veke. M.: Nauka, 2013.*]
- Al-Khûlî R. La resistance populaire à l'occupation française en Basse-Égypte (1798-1801) // Égypte / Monde arabe. 1999. N 1.

- Bonnamy*. Coup d'oeil rapide sur les opérations de la Campagne de Naples, jusqu'à l'entrée des français dans cette ville, par le général de brigade Bonnamy, chef de l'État-Major-Général de l'Armée de Naples. P.: Dentu, an VIII [1800].
- Boycott-Brown M.* Guerrilla Warfare avant la lettre. Northern Italy, 1792-1797 // Popular Resistance in the French Wars. Patriots, Partisans and Land Pirates. N.-Y.: Palgrave Macmillan, 2005.
- Chaussinand-Nogaret G.* La Bastille est prise: la Révolution française commence. Bruxelles : Complexe, 1988.
- Copies from original letters from the army of General Bonaparte in Egypt, intercepted by the fleet under the command of Admiral Lord Nelson. L.: J. Right, 1799.
- Cottret M.* La Bastille à prendre: histoire et mythe de la forteresse royale. P : PUF, 1986.
- Di Rienzo E.* Dalla Vandea a Napoli (1793-1799): Guerra di popolo e democratizzazione delle masse nei manoscritti di Marc-Antoine Jullien de Paris // Napoli 1799 fra storia e storiografia. Napoli: Vivarium, 2002.
- El-Turk N.* Histoire de l'expédition française en Egypte / Publiée et traduite par M. Desgranges aîné. P.: Impr. royale, 1839.
- Finley M.* The most monstrous of wars: the Napoleonic guerrilla war in Southern Italy, 1806-1811. Columbia: University of South Carolina press, 1994.
- Godechot J.* La contre-révolution. Doctrine et action. 1789-1804. 2e éd. P.: Quadrige/PUF, 1984.
- Laurens H.* L'expédition d'Égypte 1798-1801. P.: Seuil, 1997.
- Le Mière de Corvey J.F.A.* Des Partisans et des corps irréguliers. P.: Anselin et Pochard, 1823.
- Lefebvre G.* La Révolution française. P.: PUF, 1957.
- Martin J.-Cl.* La guerre de Vendée 1793-1800. P.: Points, 2014.
- Michelet J.* Histoire de la Révolution. P. : R. Laffont, 1979.
- Petitfère Cl.* La Vendée et les Vendéens. P. : Gallimard, 2015.
- Saint-Albin A.-R.-C.* Championnet, général des armées de la République française ou les Campagnes de Hollande, de Rome et de Naples. 2e éd. P.: Poulet-Malassis et De Broise, 1861.
- Sulaymân N.* L'administration de l'Égypte au temps de l'expédition française (1799-1801) // Égypte / Monde arabe. 1999. N 1 : L'expédition de Bonaparte vue d'Égypte.
- Tchoudinov A.* 14 juillet 1789: prise de la Bastille // L'Histoire de France vue d'ailleurs. P.: Les Arènes, 2016.

- Turc N.* Chronique d'Égypte 1798-1804/ Ed. et tr. par G. Wiet. Le Caire: Impr. de l'Inst. français, 1950.
- Viglione M.* La Vandea italiana. Milano: Effedieffe, 2013.
- Viglione M.* Le Insorgenze. Rivoluzione e Controrivoluzione in Italia 1792-1815. Milano: Ed. Ares, 1999.

***Tchoudinov A.* Peoples against the French Revolution**

The author offers a partial summary of the results obtained by the laboratory «The World during the French Revolution and the Napoleonic Wars» (Institute of Universal History of Russian Academy of Sciences) in the realization of a long-term research project «Social mechanisms of mass protest movements in the era of the French Revolution and the Napoleonic Empire». A comprehensive study of the various types of mass movements makes to treat with great caution the widespread assertion that the French Revolution was made by the people, by which it is usually meant the peasantry and the urban plebs. Even the plebs mass protests, normally associated with the Revolution, did not usually pursue far-reaching political goals; they were merely a direct response to the information events that caused a surge of collective fear in a situation of general dissatisfaction with the current economic difficulties. However, even these relatively «revolutionary» events bear no comparison in their scope and duration with the mass popular movements directed against values and ideas of the French Revolution; such movements as the French Vendée, Italian Insorgenze, Egyptian Jihad and others seized entire regions and continued for years.

Keywords: traditional society, the liberal-democratic paradigm, the French Revolution, mass protest movements, la Vendée, Insorgenze, Egyptian campaign 1798-1801, Patriotic War of 1812.

Р. Сеше*

ВАНДЕЯ: ОТ ГЕНОЦИДА К «МЕМОРИЦИДУ»

Эссе знакомит русскоязычного читателя с основными положениями одноименной книги автора, вышедшей во Франции¹. Анализируя политику Конвента и Комитета общественного спасения, направленную на подавление Вандейского восстания, Р. Сеше приходит к выводу о том, что по основным своим параметрам она соответствует тем признакам геноцида, которые были зафиксированы в решениях Нюрнбергского трибунала. Естественным продолжением политики геноцида автор считает деятельность государственной власти и частных лиц, имеющую целью изгладить из коллективной памяти воспоминания об актах геноцида, либо оправдать таковые, представив их вынужденным следствием необходимости или даже проявлением доблести. Подобную деятельность Р. Сеше предлагает обозначить термином «меморицид» и считать преступлением против человечности.

Ключевые слова: Французская революция XVIII в., Вандея, геноцид.

Во Франции всегда было очень трудно говорить о Революции 1789 года, не пробуждая страсти. Как-никак в истории современной Европы Франция стала первой страной, воплотившей в жизнь идею массового смертоубийства, организовавшей и реализовавшей план истребления и разорения части своего собственного населения во имя идеологии формирования нового человека. Она также стала первой страной, которая изобрела и осуществила *меморицид*, чтобы скрыть это преступление против человечества. В этом смысле революционная и постреволюционная Франция – одновременно и опытная лаборатория, и образец для подражания творящим геноцид режимам. И если существует преемственность между геноцидами, то существует и преемственность *меморицидов*.

До 1983 г. Вандейское восстание воспринималось как обычная гражданская война, где французы выступили против французов. Ужасная, конечно, но всего лишь гражданская война – так считали даже потомки вандейцев.

* Рейнальд Сеше, доктор истории, французский историк и публицист, владелец издательства Reynald Secher Éditions, президент ассоциации «Память о будущем Европы».

¹ Secher R. Vendée: du génocide au mémoricide. P., 2012.

На университетском уровне история Вандейского восстания официально никогда не подвергалась глубокому изучению, так как в распоряжении ученых было слишком мало надежных источников. В итоге никто и не задавался фундаментальным вопросом о природе репрессий, ведь эта проблема даже не возникала. Если факт массовых убийств и приведших к большому количеству смертей и уничтожению имущества как республиканцев, так и вандейцев, однако никто не мог назвать ни одной конкретной цифры.

В целом все были согласны с тем, что в так называемой первой Вандейской войне было два этапа:

Первый этап длился с марта по конец декабря 1793 г. и, в свою очередь, делился на три периода:

Первый период (с марта по 29 июня) – зарождение стихийного народного движения. Происходила самоорганизация Вандеи вокруг местных вождей, таких как Кателино в Може, Шаретт в Маре, Лескюр, д'Эльбе... Вандейцы взяли под свой контроль обширные территории площадью в 10 тыс. км², то есть 770 коммун – хотя стоит отметить, что границы этих территорий все время были подвижны – и после одержанной победы устранили революционные власти, выбрав себе новых лидеров. По сути, это было восстановление прежней системы власти, ликвидированной с появлением здесь муниципальных властей.

Сразу же после этого – что, без сомнения, составляет специфику Вандейского восстания и объясняет продолжительность последующего сопротивления – население приготовилось к долгой борьбе. В частности, оно было поделено на три группы. Первая состояла из людей, не способных воевать: на них возлагалась забота о земледелии и скотоводстве. Вторая и третья группы состояли из тех, кто по своему возрасту был способен сражаться, то есть из мужчин старше 13 лет. Одним была поручена защита территорий коммун. (Особенно важную роль в этой обороне играли ветряные мельницы, служившие не только наблюдательными пунктами, но и средством для передачи разведывательных данных путем приведения крыльев в то или иное положение, согласно специальному коду). Другие вступили в ряды Королевской и католической армии.

Эта армия в том виде, в каком она оформилась 7 августа 1793 г., делилась на постоянные и временные части, число которых сложно оценить. Возглавлял армию генеральный штаб – высший совет, состоявший из главнокомандующего, его заместителя, генералов, командиров дивизий, заместителей командиров дивизий и начальников штабов, каждый из ко-

торых занимался четко определенным кругом проблем: размещением на постоянной, боевым снаряжением, кавалерией и т.п. Армия вандейцев состояла, по крайней мере в первое время, из трех соединений: армии Луары под командованием Боншана, армии Центра под руководством д'Эльбе и армии Шаретта под командованием самого Шаретта. Офицеры, вышедшие из армии Старого порядка, играли, благодаря своему опыту, главную роль. Например, с самого начала восстания они почти повсюду создавали тренировочные лагеря, чтобы учить крестьян обращаться с оружием и подчиняться приказам. Венцом этой организации был Большой совет «Военной Вандеи» или так называемый Шатильонский совет. Созданный по предложению аббата Бернье и д'Эльбе после взятия Фонтенелле-Конта 25 мая 1793 г., он управлял восставшим регионом от имени и в отсутствие короля. Совет публиковал постановления, издавал ордонансы, то есть действительно правил этим регионом. 12 июня 1793 г. он выбрал в качестве своего первого главы крестьянина родом из Пен-ан-Мож Жака Кателино, преемниками которого затем стали д'Эльбе, Анри де Ла Рошжаклен и Флерио.

Завладев территорией «Военной Вандеи», вандейцы стали мечтать о взятии Парижа. С этой целью они создали армию и выступили в поход. Очень быстро они заметили, что чем дальше уходят от своего родного региона, тем слабее становятся, тогда как сопротивление республиканцев, наоборот, усиливается. По инициативе Жака Кателино стратегия была изменена: они решили вернуться в Вандею и взять Нант, дабы установить связь с шуанами правого берега Луары, что позволило бы им создать на западе единый блок.

Атака на Нант началась в шесть часов утра: город был плохо защищен, а его жители разобщены из-за различий в воззрениях. В тот момент, когда город уже вот-вот должен был пасть, Жак Кателино был насмерть сражен пулей, что привело к панике среди вандейцев и к их отступлению.

Второй период (29 июня – 17 октября 1793 г.). После поражения при Нанте вандейцы начали постепенно все больше и больше терять инициативу, утрачивая контроль над ситуацией. Силы уравнились, и победы каждого из лагерей поочередно сменялись поражениями. Шатийон, Монтэрю, Мортань... – все они поочередно переходили из рук в руки. Казалось бы, прибытие в сентябре Майнцской армии, насчитывавшей 16 тыс. прекрасно вооруженных человек под командованием Клебера, могло нарушить равновесие сил в пользу Синих². Однако 19 сентября битва

² Так называли солдат республиканских армий за цвет их мундиров. – *Прим. ред.*

при Торфу обернулась катастрофой для Комитета общественного спасения и Конвента, и после пяти часов кровопролитного сражения Вандея, казалось, восстановила свою силу. Тем не менее, единству вандейцев пришел конец, так как генералы, не договорившись о том, какие цели им надо преследовать, решили сражаться порознь. С этого момента начинается череда стратегических ошибок, обрекших Вандею на поражение, тем более что она теряла одного за другим своих основных лидеров (Боншана, Лескюра, д'Эльбе...), в то время как республиканская армия перестроилась и получила огромные средства.

Под давлением обстоятельств вандейцы совершили ошибку, покинув Шоле и уйдя в Бопрео. Едва это произошло, они осознали свою оплошность и поспешили назад, но было уже слишком поздно. Разбитые и подавленные, они стихийно двинулись к Луаре, чтобы перейти ее и укрыться на правом берегу: так началась *Virée de Galerne*³.

Третий период (17 октября – 23 декабря 1793 года). Уход за Луару стал переломным моментом в войне, ибо он положил конец вандейскому единству. Целью его был захват какого-либо порта, чтобы получить помощь из-за рубежа и, прежде всего, от Англии.

Поход длился два месяца, но после неудачной попытки взять 14 ноября Гранвиль он обернулся бессмысленным метанием и человеческой трагедией, завершившейся 23 декабря резней при Савене, о которой генерал-мясник Вестерманн отчитался перед Конвентом своим ставшим знаменитым донесением: «Вандеи больше нет... Она умерла от удара нашей сабли свободы вместе со своими женщинами и детьми. Я похоронил ее в болотах Савене. Следуя вашему приказу, я давил их детей копытами лошадей; я резал их женщин, по меньшей мере для того, чтобы они больше не могли родить бандитов. Меня нельзя упрекнуть в том, что я взял хоть одного пленного. Я истребил их всех. Дороги усыпаны трупами. Их так много, что в некоторых местах они высятся пирамидами...».

Второй этап Вандейской войны длился с 23 декабря 1793 г. по 2 декабря 1794 г. В целом, если здесь и признается существование «адских колонн», называемых колоннами Тюрро или охвостьем Робеспьера, то лишь в контексте высказываний о взаимных зверствах и о перегибах, допущенных республиканскими войсками в результате неудачных решений, принятых без какого то ни было плана. То есть официально в Вандее не было ни жертв, ни палачей, ни, стало быть, и преступления как такового. Хуже того, на вандейцев возлагается ответ-

³ Традиционное название начавшегося в октябре 1793 г. похода вандейцев в Нормандию. – *Прим. ред.*

ственность, а, значит, и вина за произошедшее, а Республике якобы ничего другого не оставалось, как защищаться ради интересов государства. Те же аргументы выдвинут в XX в. такие преступники, как Мехмед Талаат-паша и младотурки, Ленин, Сталин, Гитлер и другие.

Пришлось дожидаться 1983 г., а еще точнее – 1985 г., чтобы наконец узнать о том, что на самом деле случилось, благодаря университетскому профессору Жану Мейеру. Будучи эльзасцем, насильно призванным во время Второй мировой войны в немецкую армию, – тем, кого во Франции называют *malgré-nous*, – он был крайне чувствителен к страданиям других людей и народов, и потому пытался понять, что же тогда произошло. Отправившись в Вандею для проведения собственных исследований, он оказался весьма удивлен нежеланием местного населения согласиться со своей историей. Именно для того, чтобы получить объяснение этого неприятия действительности, он и обратился ко мне. Результат моей работы разрушил навязанную нам извне интерпретацию и позволил взглянуть на Французскую революцию совсем в ином свете⁴.

Вандея – это, прежде всего, гражданская война. Сегодня мы, конечно, хорошо знаем причины восстания, которые так можно изложить в нескольких словах: столкнувшись с губительной для свободы политической системой, реализуемой Комитетом общественного спасения и Конвентом, значительная часть французского населения – на территории «Военной Вандеи» проживало 815 тыс. чел. – восстала, чтобы защитить свои законные права, особенно – свободу совести.

Очень быстро Комитет общественного спасения и Конвент решили положить конец такому положению, приведя в действие систему истребления и разорения в соответствии с идеей Руссо, согласно которой, если народ думает неправильно, то нужно изменить народ, либо добившись его духовного перерождения, либо уничтожив его, либо использовав оба этих метода. Однако из-за недостатка идей и возможностей они перешли к активным действиям лишь 26 июля. Было принято два решения: во-первых, заставить Конвент проголосовать за истребление и разорение, во-вторых, провести соответствующий текст без обсуждения. Эта дата и стала началом нового этапа. В этом и состоит особенность преступления, совершенного в Вандее: это было узаконенное преступление, хладнокровно спланированное коллективным разумом и осуществленное во имя народного суверенитета депутатами, то есть Национальным собранием, именуемым Конвентом, и исполнительной властью, то есть Коми-

⁴ *Secher R. Le Génocide franco-français: la Vendée-Vengé / Préf. de Jean Meyer. P., 1986.*

тетом общественного спасения, члены которого выбирались Национальным собранием.

Чтобы лучше понять происшедшее, в ходе анализа необходимо проводить различие между юридической формой и практикой.

Что касается юридической формы, то здесь надо выделить два аспекта: 1) Законы об истреблении и разорении.

Всего было принято три таких закона. Первый, от 1 августа 1793 г., предусматривал депортацию женщин, детей и стариков и уничтожение всех оставшихся на месте вандейцев без каких-либо исключений и различий; национализацию и уничтожение всего их имущества; проведение чистки в армии, которой Комитет не доверял, особенно – среди командного состава, а именно – тех, кто считался слишком совестливым или подзревался в христианских или роялистских убеждениях. Срок исполнения закона составлял 15 дней.

Второй закон был принят 1 октября. Очень скоро практика показала, что отбирать для депортации женщин, детей и стариков слишком сложно, то есть практически невозможно, поэтому на голосование было вынесено дополнение к первому закону, предусматривавшее истребление всех вандейцев, называемых разбойниками, без различий пола и возраста. 23 июля 1794 г., всего за несколько дней до падения Робеспьера, Лазар Карно от имени Комитета общественного спасения пояснял в послании представителю народа при Западной армии в Ньоре: «Мы вам отправляем, уважаемый коллега, письмо членов военной комиссии, заседающей на острове Монтань, из которого вы увидите, с каким злым умыслом можно истолковать воззвание специальных агентов по надзору за сбором урожая⁵. С чего вы взяли, что правительство хотело помиловать людей, нанесших ущерб суверенитету народа в Вандее? Напротив, поспешите, уважаемый коллега, предать карающему мечу всех зачинщиков и главарей этой жестокой войны, и пусть злодеи, так долго терзавшие свою родину изнутри, заплатят, наконец, за свои преступления». А вот самая важная часть: «Женщины, дети и старики [здесь впервые на самом высоком уровне поднимается вопрос об этих категориях населения, так как он, естественно, возникал – *Р.С.*], люди, принудительно вовлеченные в насильственные действия, без сомнения, не заслуживают такой же участи, как те изверги, что устроили восстание и по собственной воле участвовали в нем, и по отношению к ним можно было бы применить менее

⁵ Речь идет о воззвании Комиссии по сельскому хозяйству и промышленности от 3 мессидора II года Республики, адресованном жителям Отмщенного департамента (бывшего департамента Вандея). – *Прим. ред.*

суровые меры обеспечения безопасности, но это означало бы подвергнуть регион ужасам новой войны и оставить патриотов на милость разбойников, к чему привело бы неразумное и гибельное снисхождение к таковым».

Третий закон датирован 7 ноября, когда Комитет решил символически переименовать Вандею и наречь ее Отмщенным департаментом⁶. На первый взгляд, может показаться, что речь идет об игре слов. На самом деле все обстоит иначе, и переименование вытекает из аксиоматической посылки: не выступать за революционные идеи – значит быть против них; человек не может быть контрреволюционером, поскольку контрреволюционер – это и не человек вовсе, а недочеловек, то есть дикий зверь; дикий зверь, не являясь человеком, не обладает правосубъектностью и соответственно не может ничем владеть; если он не может ничем владеть, то все имущество вандейцев фактически принадлежит государству; если это – дикий зверь, и обращаться с ним надо соответственно, в том числе его можно убить (sic!); трупы убитых зверей будут разлагаться и превратятся в перегной; он обогатит почву, и на ней затем смогут поселиться незапятнанные мужчины и женщины. Вандея таким образом будет очищена и отомщена.

2) Механизм применения законов на практике.

Реализация указанных законов возлагалась на военное министерство и депутатов, отправленных на место событий и наделенных всей полнотой власти. Эти депутаты были обязаны одновременно и контролировать правильное проведение законов в жизнь, и самим их применять (как то делал Каррье в Нанте, а Франкастель в Анжере) при поддержке или без нее со стороны военных, ответственных за проведение операций, и выборных властей на местах, особенно в больших периферийных городах, таких как Нант, Анжер, Ньор.

а) Планы по истреблению и разорению.

До недавнего времени было известно лишь о так называемом плане Тюрро. На деле, существовало целых четыре таких плана, которые принимались в период с 1 августа 1793 г. по 2 декабря 1794 г.

Первый план: 1 августа – 11 ноября 1793 г. Он был прост и состоял в том, чтобы взять вандейцев в клещи с запада и юга «Военной Вандеи», уничтожить их как можно больше (до 1 октября исключение делалось для женщин, детей и стариков), а остальных утопить в Луаре и Атлантическом океане. Из-за недостатка военных средств и вследствие перехода мятежников через Луару 17-18 октября этот план, оставаясь в силе, был дополнен еще одним, касавшимся правого берега Луары.

Второй план: 11 ноября 1793 г. – 21 января 1794 г. Переход через Луару 80-тысячной колонны повстанцев и беженцев потребовал от Конвента принятия немедленных мер, чтобы помешать объединению вандейцев, мэньцев и нормандцев, считавшихся контрреволюционерами. В спешке Конвент решил перебросить войска, чтобы создать своего рода линию Мажино между Ла-Маншем и Анжером. Затем 11 ноября Комитет принял решение использовать армию, собранную в единый кулак, дабы уничтожить всех вандейцев, пересекших реку, что и было в тот же день сообщено «представителям народа, собравшимся в Ренне»: «Комитет общественного спасения, уважаемые коллеги, одобрил общий план, согласно которому разбойники должны в скором времени исчезнуть не только с лица Вандеи, но и со всей территории Республики...»

Третий план: 21 января – 13 мая 1794 г. Более известный как план Тюрро, он, вместо принятого 11 ноября Комитетом общественного спасения плана концентрации сил, предполагал использование мобильных колонн. Корреспонденция, которой обменивались между собой генерал Тюрро и Комитет общественного спасения, не изобилует подробностями. 24 января Тюрро, обеспокоенный тем, что не получил ответа на свое первое письмо, написал второе, где высказался со всей откровенностью: «Я начал осуществление задуманного мною плана – пройти через Вандею двенадцатью колоннами... Если мой замысел получит поддержку, через 15 дней здесь не останется ни домов, ни продовольствия, ни оружия, ни жителей, кроме тех, кто сумеет укрыться в лесной глуши от от самых тщательных розысков...». Ответ Комитета общественного спасения от 6 февраля за подписью одного из его членов, Лазара Карно, успокаивает Тюрро: «Ты жалуешься, гражданин генерал, что не получил от Комитета формального одобрения принятых тобой мер, но они кажутся членам Комитета хорошими и правильными...» Таким образом, Комитет согласился с тем, чтобы Тюрро заменил его прежний план концентрации сил новым, предполагающим использование мобильных колонн, и заверил, что его намерения отвечают целям Комитета, а именно – тотальному истреблению людей и разорению региона.

Четвертый план: 13 мая – 2 декабря 1794 г. Очень быстро Комитет общественного спасения осознал, что, если у плана Тюрро и есть такие достоинства, как массовое уничтожение людей, он в то же время вызывает стихийный и всеобщий рост сопротивления. Чем больше армия и политики убивали местных жителей, тем упорнее население защищалось. И хотя по территории «Военной Вандеи» курсировали мобильные колонны, едва лишь они покидали местность, как выжившее население, вынужденное

⁶ Переименовать «Vendée» в «Vengé». – Прим. ред.

быть храбрым из страха за свою жизнь, тут же организовывалось для оказания сопротивления.

Однако Комитет не усомнился в целесообразности своей политики истребления вандейцев и уничтожения их имущества, а, напротив, решил принять меры еще более радикальные и эффективные, но требующие меньше солдат и денег. В этом и состояла цель четвертого плана, который можно назвать смешанным, соединившим в себе план концентрации сил от 11 ноября 1793 г. и план адских колонн Тюро от 21 января 1794 г. Этот новый план предусматривал создание укрепленных лагерей по всей территории «Военной Вандеи», опираясь на которые должны были действовать мобильные колонны, что вскоре докажет свою высокую эффективность.

Что касается практической реализации этих юридических норм, то здесь нужно различать возникавшие в этой связи идеи и собственно действия.

На уровне теории речь шла о «научном подходе»: идея состояла в том, чтобы поставить науку на службу системе истребления и разорения, чтобы сэкономить людские и финансовые ресурсы. Предложения возникали и исчезали одно за другим, но внимание политиков и республиканских военных обратили на себя лишь следующие:

Газ. Идея зародилась в рядах самих депутатов, заседавших в Конвенте, и они попросили одного из своих коллег, химика Антуана-Франсуа Фуркруа, депутата от Парижа, а с 1 сентября 1794 г. – члена Комитета общественного спасения, создать удушающий газ. Его опыты не увенчались успехом, но идею подхватил аптекарь из Анжера Жозеф-Луи Пруст, который даже проводил соответствующие эксперименты на лугах Пон-де-Кле. Эти попытки также результата не дали.

Яд. Идея принадлежала генералу Вестерманну. Он предлагал так отправить «шесть фунтов мышьяка и повозку с водкой, чтобы их захватили вандейцы». Неясно, чем именно завершился этот проект, но известно точно, что один из лейтенантов Шаретта 25 мая 1793 г. обнаружил, к своему большому удивлению, в Паллоо соответствующее количество этого вещества.

Противопехотные мины. Эта оригинальная идея, судя по всему, принадлежала личному другу военного министра Бушота – генералу Сантеру, известному как «генерал грохот»⁷. Дальнейшая судьба его предложения нам не известна.

Как бы то ни было, вскоре стало понятно, что все эти идеи бесполезны и нужно подумать о применении кустарных средств для умерщвления людей

⁷ Командовавший национальной гвардией Парижа А.Ж. Сантер приказал во время процедуры казни Людовика XVI 21 января 1793 г. бить в барабан, чтобы заглушить обращенные к народу предсмертные слова короля. – *Прим. ред.*

в больших количествах. В данном отношении эту систему можно признать доиндустриальной.

Использовались шесть основных способов умерщвления:

1. Обезглавливание саблей, шпагой или, прежде всего, передвижной, либо стационарной гильотины. Была даже идея использовать гильотину с несколькими ножами, однако проект забросили по причине технической сложности.

2. Убийство через нанесение побоев. Простая и весьма часто используемая процедура для лишения жизни закованных в цепи пленников и беременных женщин.

3. Расстрел, осуществляемый одним человеком или целым взводом.

4. Раскалывание черепа ударом приклада или другими подручными средствами.

5. Утопление индивидуальное, парное или коллективное. Некоторые люди проявили себя в этом вопросе настоящими экспертами, например, депутаты Каррье в Нанте со своими знаменитыми габарами или Франкастель в Анжере.

6. Сожжение – в основном использовалось для уничтожения вандейцев, укрывшихся в своих домах.

Этими средствами не ограничивались, ведь человеческое воображение в таких делах безгранично. А потому вандейцев, к примеру, заживо сжигали в печах для хлеба, ставших прототипом будущих крематориев, или давили в прессах.

Однако скоро члены Комитета общественного спасения и Конвента, а также военные подняли вопрос о продуктивности и стоимости применяемых средств. На то были самые разные причины: технические – для гильотины, на которой, похоже, не удавалось казнить больше 80 человек в день; материальные, как, например, с затапливаемыми габарами, которые тонули безвозвратно; психологические – солдат не может бесконечно убивать шпагой или прикладом других людей, особенно женщин и детей; финансовые и т.п.

Проблема стоимости постоянно поднималась, так как политикам казалось возмутительным финансировать из государственной казны «искоренение нечестивой вандейской расы». Местный налог должен был использоваться для покрытия таких расходов, но поскольку он больше не взимался, то и не мог быть источником финансирования «общественной гигиены». Вместо этого было решено воспользоваться самой ситуацией. Это делалось, в основном тремя, способами.

1) Местный и всеобщий грабеж. Для него был создан Комитет по снабжению, руководство которым поручили генеральному инспектору Жану-Ба-

тисту Бодсону. Он получил в свое распоряжение наземный и речной транспорт, изъятый или специально построенный для этих целей, и одновременно отвечал как за сбор имущества, так и за его доставку в большие провинциальные города и в Париж, где все продавалось с молотка. Притом некоторые сборщики, в том числе и сам Бодсон, не забывали мимоходом прихватить кое-что и на свою долю.

2) Систематическое изъятие всего того, чем владел вандеец, приговоренный к смерти или тюремному заключению: денег, украшений и проч., включая одежду, редкие и дорогие продовольственные продукты. Именно по этой причине пленных в большинстве своем казнили обнаженными, чтобы их вещи не были безвозвратно испорчены.

3) Утилизация волос, зубов и даже человеческого жира и кожи, которую дубили. Есть достоверные сведения о такого рода бесчинствах, однако, к сожалению, невозможно оценить их размах.

Оставалась деликатная проблема, как контролировать надлежащее исполнение всех этих операций. Для этого существовало три основных способа.

1) Чистка армии от тех военнослужащих, как офицеров, так и простых солдат, которые были решительно против подобных мер, либо вели себя сдержанно или нерешительно. Предусмотренная законом от 1 августа, такая чистка должна была стать систематической, тем более что некоторые люди и даже целые полки переходили на сторону вандейцев.

2) Контроль за армией и политиками был поручен депутатам, в которых Комитет был уверен. Они обладали всей полнотой власти и могли действовать по-своему без какого-либо контроля со стороны, не давая никому отчет в своих действиях.

3) Доклады. На уровне высших офицеров такие отчеты должны были в обязательном порядке подаваться ежедневно и, по меньшей мере, в двух экземплярах, один – для Комитета, второй – для военного министра. Что касается депутатов, других политиков и чиновников, отправленных на места, то подачу докладов оставляли на их собственное усмотрение за теми редкими исключениями, когда, например, у них запрашивали определенные сведения.

Потребовалось почти два столетия для того, чтобы, наконец, приблизительно оценить последствия Вандейского восстания в отношении человеческих жертв и гибели имущества.

Что касается человеческих жертв, то, благодаря доброй сотне тайных списков, составленных неприсягнувшими священниками, мы имеем статистику по отдельным населенным пунктам, как то по Люк-сюр-Булонь,

Ремодьер и некоторым другим. На сегодняшний день мы можем вполне определенно утверждать, что погибло не менее 117 257 вандейцев, что составляло 14,38% населения, причем разброс в цифрах по разным департаментам весьма велик. Наиболее пострадал департамент Мен-и-Луара – 44 107 погибших, то есть 20,11% населения, в Вандее их было 30 711 (10,64%), во Внутренней Луаре – 26 897 (12,91%), в Дё-Севре – 15 542 (15,71%). Все проведенные выборки данных свидетельствуют, что жертвами политики истребления стали преимущественно женщины, дети и старики. Например, из 459 убитых в Люк-сюр-Булонь 110 составляли дети в возрасте до 8 лет и 260 – женщины.

Что касается имущественных потерь, то на сей счет у нас не было никаких статистических данных до тех пор, пока не были обнаружены документы о возмещении убытков императором Наполеоном I в 1808 г. в Вандее, в 1811 г. – департаментах Нижняя Луара и Дё-Севр. Только департамент Мен-и-Луара не получил компенсации по неизвестным нам причинам. Точные цифры дают нам четкое представление о политике разорения в действии: из 56 760 домов, занесенных в инвентарный список, 10 309 были уничтожены (18,16% от общего числа). Выборка, проведенная на примере Ля-Шапель-Бас-Мер, показывает, что этот городок особенно серьезно пострадал: был сожжен 51% от общего количества домов.

Как уже говорилось ранее, до 1985 г. никто не ставил перед собой задачу дать определение политике, проводившейся Комитетом общественного спасения и Конвентом в Вандее, кроме современника тех событий, «отца коммунизма» Гракха Бабёфа (1760-1797). Его поразило то, что во имя прав человека, законности, свободы и братства может производиться массовая резня населения. Он был хорошо осведомлен о реальных фактах и в своем сочинении «О системе уничтожения населения» с хорошим знанием политики и права разоблачил преступление против человечности, совершенное по отношению к вандейцам. Там же он поставил вопрос о том, каким термином можно определить это преступление, и, не найдя подходящего среди существующих, счел необходимым изобрести новый – «популицид» («populicide»). Досадно и даже преступно то, этот термин был забыт, так как если бы политики и историки XIX в. выполнили свою работу, он нашел бы должное применение, получил дефиницию и, без сомнения, позволил бы предотвратить или хотя бы осудить преступления, совершенные Талаат-пашой, Лениным, Сталиным и Гитлером. Как бы то ни было, такой ход мысли Бабёфа на удивление актуален и схож с суждениями Рафаэля Лемкина, высказанными 130 лет спустя.

Рафаэль Лемкин родился в 1900 г. в польском городке Безводное, получил юридическое образование и еще в молодости был шокирован широкомасштабными преступлениями, совершенными советскими коммунистами и нацистами. С 1933 г., занимая пост прокурора в Варшаве, он содействовал усилиям Лиги Наций по развитию международного гуманитарного права и работал над составлением международного закона, который карал бы уничтожение этнических, национальных и религиозных групп как «варварство» и «вандализм». Подобно своему предшественнику Гракху Бабёфу, он тщетно искал в современном словаре соответствующий термин и, не найдя такового, придумал в 1943 г. новый – «геноцид», произведенный сложением древнегреческого слова «genos» (потомство, род, клан, группа, раса) и суффикса «-cide» (от латинского слова «caedere» – убивать). Одна из основных заслуг Р. Лемкина состоит в том, что ему удалось добиться внесения этого термина в акт Нюрнбергского трибунала, осуждающий нацизм. Этому документу тоже не хватало нужного термина. В юриспруденции его не было. Судьи пытались определить происшедшее, говоря о преступлении против человечности, но этого было недостаточно. Я постоянно повторяю: именно слово создает действие, а не наоборот. Если нет слова, вы не можете дать определение действию, что и объясняет кажущееся молчание Рузвельта, Пия XII, де Голля и Черчилля относительно преступлений, совершавшихся нацистами. Р. Лемкин не только сумел добиться принятия этого термина, но также дал ему определение, ставшее общепризнанным.

На самом деле, вопреки распространенному мнению, существует не одно преступление геноцида, а целых три:

Первое – замысел.

Второе – частичное или полное исполнение задуманного.

Третье – пособничество, как на уровне замысла, так и на уровне частичного или полного его осуществления, а именно – частичного или полного истребления группы людей по этническим, расовым, политическим или религиозным признакам.

У этих преступлений есть две особенности: во-первых, для них не существует срока давности, во-вторых, закон в отношении их имеет обратную силу. Именно поэтому Нюрнбергский трибунал осудил и покарал крупных нацистских преступников, а позднее международная общественность признала преступлением геноцид армян.

Имеет ли всё это отношение к Вандее? Иначе говоря, имелся ли там замысел по проведению политики истребления? – Ответ положительный: есть соответствующий закон.

Был ли такой замысел реализован? – Бесспорно, был частично реализован.

Имелись ли пособники при появлении такого замысла? – Да, поскольку он был творением не какого-либо одного депутата, а всего Конвента, проголосовавшего «за».

Имелись ли пособники при реализации такого замысла? – И опять же: да. Не один Тюрро это творил, а вся французская армия, то есть десятки тысяч человек.

Иначе говоря, в Вандее было совершено не одно преступление геноцида, но все три.

Составляли ли вандейцы группу людей? – Конечно же, да.

Этническую или расовую? – Нет.

Религиозную или политическую? – Да.

Таким образом, слово геноцид – это единственный термин, который применим в данных обстоятельствах.

Занимаясь историческими исследованиями и будучи одновременно сыном Вандеи, я сталкивался с тем, что везде за пределами территории «Военной Вандеи» вандейцы, являвшиеся жертвами, воспринимались как палачи – палачи жертв! Меня всегда подсознательно тревожил этот факт. Подобный постулат был официально распространен на самом высшем уровне, а затем воспринят в смежных с ними сферах, Университетами и наконец образованием в целом.

Возьмем, к примеру, образцы официальной скульптуры: они прославляют лишь палачей. Приведу лишь несколько хорошо известных и легко проверяемых случаев. Так, Антуан-Франсуа де Фуркруа, депутат Конвента, автор идеи травить вандейцев газом, удостоен чести получить от Парижа статую в одной из ниш на фасаде городской Ратуши. Статуя Гоша возвышается в Версале и даже на месте творившихся им репрессий – на полуострове Киберон. Робеспьер, Барер... Что касается генерала Тюрро, то его имя выгравировано на Триумфальной арке, а в честь него названа одна из казарм.

И напротив, Вандея и вандейцы заклеены как предатели родины, клятвопреступники и, даже хуже, роялисты, поднявшиеся на защиту трона и церкви.

Я как историк размышлял над этими фактами, доказанными, объективными, но вывернутыми наизнанку. Я уже упоминал о том, что именно слово определяет действие. Поскольку в нашем современном словаре нет подходящих слов, чтобы обозначить подобное преступление, то термин требовалось создать и дать ему четкое определение. Так появилось

слово «меморицид» – преступление геноцида против памяти, которому я дал точную дефиницию. С юридической точки зрения «меморицид» может быть определен как задуманное или осуществленное соучастниками преступление против человечности. Замысел, как и реализация, могут быть частичным или полным, выражаться в желании или в действии. Конечная цель замысла и реализации состоит в отрицании, в придании относительности, в частичном или полном оправдании совершенного в прошлом преступления геноцида.

Весьма тревожно то, что эта проблема никогда не поднималась историками, политиками и юристами, особенно в связи с Нюрнбергским процессом. Надо заметить, что все четыре представителя великих держав-союзников, то есть Рузвельт, Сталин, Черчилль и де Голль, не могли беспристрастно подходить к рассмотрению проблемы памяти, ибо все они являлись наследниками преступного прошлого: американцы устроили геноцид индейцев; о Сталине и говорить нечего; у англичан, помимо прочего, была Ирландия, у французов – Вандея да и не только.

Память – чрезвычайно хрупкая вещь, особенно если преступники или их наследники сумели сохранить власть. Преступления геноцида оказываются на «воле волн» памяти: ее океан может их поглотить и обречь на забвение. Наиболее близкий пример: я уже сейчас наблюдаю, как различные геноциды, совершавшиеся нацистами, свелись к одному-единственному – геноциду евреев. Сегодня полным ходом идет ревизия Истории. Я уже писал в книге «Евреи и вандейцы: от одного геноцида к другому»⁸, что, даже если это не укладывается в рамки нашего понимания, все связанные с геноцидом процессы некоторое время спустя после совершенного преступления естественным образом подвергаются отрицанию. Историк Ипполит Тэн с грустью констатировал сие в своей знаменитой книге «Происхождение современной Франции»: «Эта книга, как и предыдущие, написана лишь для любителей моральной зоологии, натуралистов духа, только для них, а не для общества, у которого уже есть предвзятое и сформировавшееся мнение по поводу Революции. Это мнение начало формироваться в 1825-1830 гг. после ухода на покой или смерти очевидцев событий; после их исчезновения общество удалось убедить в том, что крокодилы были филантропами, что многие из них обладали талантом, что они пожирали лишь виновных и что даже если они иногда пожирали слишком многих, то получалось это безотчетно, вопреки их воле или из-за чрезмерной преданности, – как самопожертвование ради общего блага».

⁸ Secher R. Juifs et Vendéens: d'un génocide à l'autre. P., 1991.

В своей вышеупомянутой книге я писал, что геноцид евреев, самый жестокий из всех, ибо проводился в промышленных масштабах, однажды по политическим, либо религиозным, либо этническим соображениям, также подвергнется отрицанию. Некоторые насмеялись, считая, что я несу чушь... Но Иран доказал обратное! Эта страна стала организовывать конференции, отрицающие холокост. Тогда еврейская община обратилась ко мне, попросив объяснить, как столь невообразимое, невероятное смогло вдруг стать официально признанной правдой? Меня попросили описать механику, которая естественным образом приводит к этому. Чтобы осмыслить проблему, я вновь обратился к Национальным архивам.

Совершенно случайно я обнаружил не вызывающие сомнений документы, неразборчиво написанные и ранее неизвестные, которые мне удалось восстановить благодаря новым технологиям фотосъемки. На деле оказалось, что члены Комитета общественного спасения всё зафиксировали в письменном виде. Я обнаружил оригинальные документы, составленные самими членами Комитета. Как отмечал Бабёф и некоторые из его современников, пораженные тем, что видели и слышали, именно члены Комитета стояли за всем, Конвент был всего лишь регистрационной палатой.

Благодаря новым документам я обнаружил факты один ужаснее другого. Например, случай Сен-Флоран-ле-Вьей. Нам всем известна эта история в изложении современников и историков. Кроме того, на местном уровне она отражена в памятниках, в витражах, в камне и т.п. Однако после первого знакомства с документами открылась совсем иная картина.

С августа 1793 г. вандейцы осознавали или интуитивно чувствовали, что взаимоотношения между Синими и Белыми радикально изменилась: республиканцы стали в массовом порядке убивать женщин, детей и стариков. Конечно, жажда жизни всегда берет свое, а потому вандейцы решили переправиться через Луару, чтобы бежать из этого земного ада. Надо было найти место для переправы. Им стал Сен-Флоран-ле-Вьей. Однако у вандейцев в плену находилось около 5 тыс. республиканцев. Встал вопрос: что с ними делать?

Учитывая все совершенные ими бесчинства, естественным желанием было их всех убить. Но умирающий генерал Боншан был христианином и знал, что за все преступления, совершенные под его командованием, ответит перед Вечным Судией и понесет кару. Поэтому он потребовал помиловать и освободить пленных. Когда эта новость дошла до Парижа,

она шокировала членов Конвента до такой степени, что едва не заставила их пересмотреть план истребления, принятый 1 августа 1793 г.

Они стояли перед выбором из двух решений: либо прекратить исполнение плана, либо продолжать. По идеологическим соображениям было выбрано второе. Поэтому членам Конвента пришлось прибегнуть к политическим манипуляциям и, в частности, потребовать у освобожденных солдат, чтобы они не только не рассказывали никому правды о происшедшем, но, более того, говорили всем, что их вызволили из плена Синие. Это был первый акт меморицида в отношении к Вандее. От тех же солдат, во искупление ошибки, которую они совершили, приняв свободу от рабов (*sic!*), потребовали впредь казнить на месте их освободителей вместе с семьями. Если вы отправитесь, к примеру, в Марийе, то обнаружите там знаменитый витраж, изображающий колонну женщин и детей. Витражи, связанные с народной традицией, стали способом поведать эту историю. Традиция отметила тот факт, что Синие захватывали в плен, дабы затем казнить, в основном женщин и детей, но она не знала истинной причинно-следственной связи и просто связывала происходящее с гражданской войной.

Второй акт меморицида, составляющий часть политики геноцида, это дело Бара, которое как таковое никогда не имело места. Вкратце, по официальной версии, речь шла о мальчике, который предпочел умереть от рук Белых с возгласом «Да здравствует Республика!», нежели кричать «Да здравствует король!». На самом деле ничего подобного, как сообщил его командир, майор Демар, никогда не было. Однако, чтобы не дать майору Демару об этом говорить, его отправили на гильотину.

Свой вклад в разработку механизма научного тиражирования меморицида внесли, среди прочих, историк Мишле и некоторые политики, такие как Клемансо и Жорес.

Теперь, когда нам известны настоящие факты, встает вопрос, как меморицид прекратить во имя Истины, во имя справедливости, дабы можно было сказать палачам, что они всегда будут признаны таковыми и как таковые осуждены, невзирая на обстоятельства и личности.

В том, что касается Вандеи, такая проблема тоже стоит. Здесь нужно различать два уровня, пусть даже они тесно взаимосвязаны: национальный и местный, притом первый является определяющим для второго.

На национальном уровне, согласно французскому праву, нужно лишь, чтобы Парламент проголосовал за признание указанных фактов геноцидом, как он это уже сделал в отношении геноцида армян турками. Но с Вандеей дела обстоят весьма деликатно, поскольку и правые, и левые

считают себя наследниками Революции, особенно левые, всегда видевшие в Робеспьере образец для подражания, а в революционном терроре – орудие справедливости. В течение трех сроков работы Национального собрания депутаты на уровне законодательной комиссии систематически принимали соответствующее предложение [относительно Вандеи], но также систематически оно не ставилось на повестку дня, то есть на обсуждение.

Остается фактом: эти законы об истреблении и разорении никогда не были упразднены, что, среди прочего, означает возможность вновь привести их в действие. Председатель Генерального совета Вандеи внес в Сенат законопроект об отмене законов от 1 августа и 1 октября 1793 г., исходя из принципа, что отменить – значит признать. Интересно проанализировать аргументы комиссии, занимавшейся этим предложением. Они вращаются вокруг трех тем.

Первое: эти законы уже были отменены в 1946 г. То есть, если их отменили, значит, их де факто уже признали. Это был бы огромный прогресс. Но на самом деле, такая отмена имела сугубо частный характер и касалась только законов и декретов периода режима Виши. Поэтому данный аргумент был отклонен.

Второе: эти законы естественным образом утратили силу в связи с неприменением. Но если так, то их по желанию можно восстановить, как это произошло, когда потребовалось дать правовое обоснование депортации евреев: тогда был использован юридический арсенал времен Французской революции.

Третье: смертная казнь и так отменена в 1974 г. Однако законы о Вандее относятся к другому контексту, ибо в них речь идет об общем правиле, связанном с географической принадлежностью. К тому же, остается проблема разорения этой территории.

В конце концов, комиссия одобрила законопроект об отмене законов от 1 августа и 1 октября 1793 года. Осталось лишь проголосовать за них, а это уже зависит от желания председателя Сената.

Предстоит также еще огромная работа на уровне масс-медиа и, конечно, на уровне школьных учебников.

На местном уровне выборные представители, общественные организации и журналисты стремятся донести правду до всех. Это деликатная и сложная задача из-за инерции человеческого сознания. Очевидно, потребуется еще много времени, пока правда восторжествует.

В качестве заключения. Вандея представляет собою двойную матрицу – геноцида и меморицида. Французская республика теперь зна-

ет правду. Если она и дальше будет упорствовать в непризнании ее, то окажется в состоянии неприятия действительности. И тогда она сознательно возьмет на себя ответственность за этот меморицид и его последствия, в том числе психологические и культурные. В силу этого она изо дня в день будет нести вину соучастия в преступлении против человечности, поощряя таким образом тех, кто отрицает геноцид армян и холокост, которые осуществлялись более организованно и имели более завершенный характер.

Список литературы

Secher R. Le Génocide franco-français: la Vendée-Vengé / Préf. de Jean Meyer. P. : PUF, 1986.

Secher R. Juifs et Vendéens: d'un génocide à l'autre. P. : O. Orban, 1991.

Secher R. Vendée: du génocide au mémoricide. P. : Éd. du Cerf, 2012.

Secher R. Vendée: from genocide to «memoricide»

The essay put up the Russian-speaking reader to the basic ideas of the book *Vendée: du génocide au mémoricide* by the same author, published in France. Analyzing the policy of the Convention and of the Committee of Public Safety, designed to suppress the Vendée uprising, R. Secher comes to the conclusion that its main parameters are corresponded with the characters of genocide that have been defined by the Nuremberg Tribunal. The author considers the activities of public authorities and of private persons, aiming to erase from the collective memories the acts of genocide or justify them presenting as a result of necessity or even a manifestation of valor, as a natural extension of the policy of genocide. R. Secher offers to denote such activity by the term of «memoricide» and to consider it as a crime against humanity.

Keywords: French Revolution, Vendée, genocide.

Д.Ю. Бовыкин*

ЛЮДОВИК XVIII И РОЯЛИСТСКОЕ ПОВСТАНЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ НА ЗАПАДЕ ФРАНЦИИ

Статья посвящена проблеме взаимоотношений Людовика XVIII, взошедшего на престол в 1795 г., с лидерами вандейцев и шуанов. Автор поднимает вопрос о том, почему новый король не смог использовать в своих интересах столь мощный ресурс, как роялистские мятежи на западе Франции, хотя и прилагал для этого немалые усилия. Бурбоны стремились добиться финансирования восстания англичанами и были готовы к тому, чтобы один из французских принцев лично возглавил высадку роялистов на полуострове Киберон, но и это не принесло успеха. Раздоры между лидерами движения привели к тому, что высадившиеся на Кибероне эмигранты были разгромлены республиканскими войсками под командованием генерала Л. Гоша. Брат короля граф д'Артуа, отправившийся к французским берегам, вынужден был вернуться в Лондон. К 1796 г. восстание и вовсе угасло. Истощенные войной, обескровленные карательными экспедициями республиканцев, Вандея и Бретань уже мало чем могли помочь Людовику XVIII, хотя и оставались важнейшим символом сопротивления Республике.

Ключевые слова: Французская революция XVIII в., граф Прованский, Людовик XVIII, граф д'Артуа, Шаретт, Вандейское восстание, шуаны.

О Вандейском восстании и движении шуанов практически ежегодно выходят не только все новые статьи, но и все новые книги¹. Порою кажется, что чем бы не занимался историк – от проблем национальной памяти² до повседневной жизни³, – он может найти в истории мятежей на

* Дмитрий Юрьевич Бовыкин, кандидат исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории стран Европы и Америки исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, старший научный сотрудник ИВИ РАН.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 14-18-01116).

¹ Так, в 2015 г. увидели свет книги: *Lignereux A.* Chouans et Vendéens contre l'Empire. 1815, l'autre guerre des Cent-Jours. P., 2015 ; *Rolland-Boulestreau A.* Les colonnes infernales. Violences et guerre civile en Vendée militaire, 1794-1795. P., 2015, а также были переизданы еще пять книг, вышедшие ранее.

² См., например, статью Р. Сеше в данном выпуске Ежегодника.

³ *Bordonove G.* La Vie quotidienne en Vendée pendant la Révolution. P., 1974.

западе Франции сюжет по своему вкусу. Однако не менее удивительно, какое количество тем, связанных с этими сюжетами, еще остается неизученным, причем речь идет не только об интерпретации причин или итогов этих массовых протестных движений, но и о вопросах куда более конкретных. С одним из них мне и довелось столкнуться, занимаясь жизнью и деятельностью Людовика-Станисласа-Ксавье, графа Прованского, провозглашенного летом 1795 г. королем под именем Людовика XVIII. Хотя вандейцы и шуаны сражались за короля и за восстановление монархии, в обширнейшей историографии лишь мельком затрагивается проблема взаимоотношений Людовика XVIII с их лидерами, как и вопрос о том, почему новый король не смог использовать в своих интересах мощный ресурс массового повстанческого движения, хотя и прилагал для этого немалые усилия.

Нет сомнений, что значение этих роялистских выступлений граф Прованский в полной мере осознавал. Еще до того, как взойти на трон, он позаботился о том, чтобы английская помощь мятежникам шла исключительно под его патронажем. Для этого и для лучшей координации действий вандейцев и шуанов он направил во Францию профессионального военного и дипломата Элеонора Франсуа Эли, графа де Мустье, в свое время являвшегося послом Франции в Трире, Лондоне, США и Пруссии. На него возлагалась также роль посредника между вандейцами и Сент-Джеймским двором: граф Прованский хотел, чтобы английская помощь доставлялась нужным людям в нужное время, сохраняя англичанам иллюзию, что они сами контролируют этот процесс. Судя по английской дипломатической переписке, де Мустье действовал весьма успешно⁴ и пользовался доверием даже У. Питта-младшего⁵.

Кроме того, граф Прованский ставил себе целью объединить всех повстанцев под единым руководством. 1 февраля 1795 г. он направил легендарному лидеру вандейцев Ф.А. Шаретту⁶ послание, сообщив о «своём восхищении им, признательности и горячем желании присоединиться к нему, разделив его невзгоды и славу». Автор письма призывал к согласованным действиям «между тем, чьи подвиги сделали его вторым основателем монархии, и тем, кто по рождению своему призван править»⁷. Определенную двусмысленность ситуации придавало лишь то, что

⁴ W. Windham to Lord Grenville. 1795, [August] 16, [Hill Street] // Historical Manuscripts commission. Report on the Manuscripts of J.B. Fortescue, Esq., preserved at Dropmore. L., 1894. Vol. 3. P. 98-99.

⁵ W. Pitt to Lord Grenville. 1796, January 3, Wimbledon // Ibid. P. 166.

⁶ Франсуа Атанас Шаретт де Ла Контри (1763-1796), бывший морской офицер, один из руководителей Вандейского восстания.

⁷ Correspondances et écrits politiques de S.M. Louis XVIII, Roi de France et de Navarre. P., 1824. P. 27.

именно в это время Шаретт вел переговоры о заключении мира с Республикой, чего Людовик-Станислас, разумеется, не знал.

Тем не менее, даже заключив 17 февраля мирный договор с Конвентом, Шаретт ответил принцу с не меньшей теплотой: «Послание, которым почтило меня Ваше Королевское Высочество, привело в восторг мою душу. Как, я испытаю счастье увидеть вас, сражаться под вашим командованием за прекраснейшую из целей!». Очевидно, просто поставить на этом точку было невозможно, поскольку вандейцы уже сложили оружие, и потому далее Шаретт осторожно добавлял:

«Возможно, монсеньер, кто-то уже пытался бросить тень на что-то из того, что я сделал. Возможно, они извратили мои истинные мотивы. Но если я загляну в себя, я увижу в глубине своего сердца честь настоящих французских рыцарей. [...] С чистой совестью я скажу своим цензорам: “Кабинетные политики, вы, кому не ведомы законы необходимости и кто судит лишь по видимости, приезжайте же, чтобы узнать, какие неумолимые обстоятельства заставили меня и моих отважных товарищей по оружию это сделать, приезжайте, чтобы оценить те выгоды, которые могут из этого проистечь во всех отношениях”. Сейчас действия не согласованы, но если партии будут лучше связаны между собой, операции станут лучше скоординированы, мы ведь сможем ожидать, что они окажутся и более эффективными»⁸.

У Людовика-Станисласа не было иного выхода, кроме как принять эти слова за чистую монету. Став королем и еще не получив известий о том, что Шаретт в двадцатых числах июня вновь взялся за оружие, он 8 июля 1795 г. направил генералу новое послание:

«Я получил, месье, с удовольствием, которое вам не трудно себе представить, свидетельство вашей преданности, а о вашей верности и говорить нечего: если бы у меня были хотя бы малейшие сомнения на сей счет, я был бы не достоин, чтобы мне служили и вы, и ваши храбрые товарищи по оружию. Провидение возвело меня на трон. Первый и наиболее достойный способ, которым я могу воспользоваться своей властью, – это узаконить ваше командование, которое до сих пор опиралось лишь на вашу храбрость, подвиги и доверие моих отважных и верных подданных. Таким образом, я назначаю вас командующим моей католической и королевской армией. Подчиняясь вам, она будет подчиняться мне самому»⁹.

⁸ Correspondance secrète de Charette, Stofflet, Puisaye, Cormatin, D’Autichamp, Bernier, Frotté, Scépeau, Botherel, du Prétendant, du ci-devant comte d’Artois, de leurs ministres et agens, et d’autres Vendéens, chouans et émigrés français. P., an VII. Vol. 1. P. 18-19.

⁹ Ibid. P. 19.

Назначение Шаретта главнокомандующим должно было, по мысли монарха, положить конец постоянному соперничеству между вождями Вандейского восстания.

Однако основной движущей силой плана активизации роялистского движения стал не Шаретт, а граф де Пюизе¹⁰. Он провел немало времени в Бретани, пытаясь скоординировать действия восставших, а в сентябре 1794 г. пересек Ла Манш, чтобы получить поддержку Сент-Джеймского кабинета. 30 октября он представил английскому правительству доклад о состоянии дел в регионе, заявив о слабости республиканских войск и пообещав, что если 10 000 солдат высадятся в Сен-Мало и двинутся быстрым маршем на Ренн, то Бретань охватит всеобщее восстание. Де Пюизе предлагал объявить затем о взятии провинции под контроль от имени Людовика XVII и рекомендовал королю Англии выступить гарантом всеобщей амнистии. Одновременно он заручился согласием на экспедицию в Бретань со стороны графа Прованского и графа д'Артуа¹¹. Казалось, энергии де Пюизе хватило на то, чтобы преодолеть все препятствия, за исключением весьма скептического отношения к нему сообщества эмигрантов: ему не забыли ни близость к конституционным монархистам, ни участие в «федералистском мятеже».

Проекты, аналогичные идеям де Пюизе, рассматривались и в Вероне, где тогда находился двор графа Прованского. 20 февраля 1795 г. маркиз де Ла Розьер¹² представил ему мемуар, в котором подчеркивалась необходимость активных военных действий на территории Бретани¹³. Там же выражалось сомнение в успехе армий коалиции, «если отвлекающий маневр на побережье Франции не повлечет за собой гражданскую войну в пределах королевства. Этот маневр не только сделается настоящей необходимостью, он должен быть проведен настолько масштабно, серьез-

¹⁰ Жозеф-Женевьев, граф де Пюизе (1755-1827), депутат от дворянства в Генеральных штатах, бригадный генерал (*maréchal de camp*) (1791). Изначально был близок к конституционным монархистам, что вызвало к нему неприязнь роялистов. После падения королевской власти скрывался в Бретани, став одним из лидеров шуанов.

¹¹ *Allonville A. F. Mémoires secrets de 1770 à 1830 par M. le comte d'Allonville. Vol. 3. P., 1841. P. 379.*

¹² Луи-Франсуа де Карле, маркиз де Ла Розьер (*Carlet de La Rozière*) (1733–1808) – профессиональный военный, участник Семилетней войны, бригадный генерал (*maréchal de camp*) (1781). С 1791 г. находился в эмиграции и играл в армии принцев роль одного из руководителей генерального штаба, а временами и главного квартирмейстера.

¹³ *Diversions en Bretagne. Ses effets, ses suites et son influence sur le succès de la campagne.* – Archives du ministère des Affaires étrangères. Mémoires et documents. France (далее – МАЕ). 624. 1795. F. 31-37.

но и решительно, насколько это возможно, и для этого нужно, чтобы он был реализован в зоне досягаемости роялистов Вандеи, известных под именем шуанов».

Для этого планировалось высадить на побережье Бретани между реками Луарой и Вилен 25 000 англичан под командованием графа д'Артуа, и одновременно организовать выступления сторонников монархии в Лангедоке и Франш-Конте.

Складывается впечатление, что если роялисты внутри страны в первой половине 1795 г. пытались провести реставрацию мирным путем¹⁴, делая ставку на Людовика XVII, то граф Прованский, напротив, ожидал, что восстановление монархии произойдет при помощи оружия. Вандея и шуанерия играли в его планах важнейшую роль. В частности, отвечая на ремарку английского государственного секретаря по иностранным делам лорда У. Гренвиля о том, что во Франции сейчас нет достаточного числа роялистов, Людовик XVIII не стал доказывать, какое количество французов, включая политиков, стремится к возвращению монархии, а повел речь совершенно об ином:

«... Вот уже на протяжении трех лет во Франции существует католическая и королевская армия, которая не перестает сражаться за законную королевскую власть и все эти три года сопротивляется тем силам, что бросают против нее бунтовщики...»¹⁵

Предложенные маркизом де Ла Розьером планы постоянно дополнялись и корректировались, но суть их оставалась неизменной: удар с востока активизирует роялистов во Франш-Конте, удар с запада приведет в движение вандейцев и шуанов. В конце концов было решено, что десант на восточное побережье, на полуостров Киберон, состоится летом 1795 г., причем исключительно силами эмигрантов¹⁶ без участия в нем английских войск.

История Киберонской экспедиции хорошо известна¹⁷ и нет необходимости подробно на ней останавливаться. 17 июня корабли с 4500 солдат и офицеров отплыли от берегов Великобритании, 25 числа бросили якорь в Киберонском заливе. Десант сопровождался постоянными конфликтами и между руководителями экспедиции и между ними и шуанами. Рояли-

¹⁴ Подробнее см.: *Бовыкин Д.Ю.* Год 1795: несостоявшаяся реставрация // ФЕ. 2003. М., 2003. С. 34-74.

¹⁵ *Note particulière pour M. Le Duc D'Harcourt.* – МАЕ. 624. F. 141v.

¹⁶ К ним было добавлено некоторое количество попавших в плен республиканцев, согласившихся принять участие в экспедиции.

¹⁷ См., например: *Huchet P.* 1795, Quiberon ou Le destin de la France. Rennes, 1995; *Sibenaler J.* Quiberon : pour le roi et l'autel. [Coudray-Macouard], 2007.

стам противостояли войска под командованием Л. Гоша, который после месяца военных действий, шедших с переменным успехом, сумел 21 июля нанести противнику решающее поражение. Части эмигрантов, включая де Пюизе, удалось вернуться на корабли, несколько же сот их попало в плен и было казнено республиканцами.

Активно разрабатывались планы доставки во Францию одного из принцев, чтобы он мог на месте возглавить мятеж. Людовик XVIII был готов отправиться в Вандею лично¹⁸, но англичане отказали ему в этом¹⁹, и было решено, что к повстанцам отправится граф д'Артуа, принявший после провозглашения его брата королем, титул Месье²⁰.

Однако и это предприятие ожидала неудача. Отплытие задержалось из-за отсутствия попутного ветра, и граф д'Артуа отбыл к Шаретту лишь в конце августа. Впрочем, он так и не смог согласовать с ним свои действия, провел близ французских берегов около месяца и ни с чем вернулся в Великобританию²¹. То, что он так и не ступил на французскую землю, нанесло немалый удар по его репутации и немало повредило делу сторонников восстановления монархии, ведь его высадка должна была всем показать, в какой мере Бурбоны пользуются поддержкой внутри страны²². В исторической литературе нередко цитируется письмо, отправленное Шареттом Людовику XVIII (по легенде оригинал видел граф де Вобан²³):

«Сир, трусость вашего брата все погубила. Если бы он высадился на побережье, он бы либо все проиграл, либо все спас. Его возвращение в Англию предопределило то небольшое, что нам оставалось, мы смогли лишь погибнуть без всякой пользы для службы вам»²⁴.

Хотя из сегодняшнего дня киберонская экспедиция видится достаточно локальным и не самым важным эпизодом многолетней борьбы с

¹⁸ Copie de la lettre écrit par Sa Majesté Très Chrétienne à Sa Majesté Britannique, à Vérone, le 30 juin 1795. *Manu propria* // The National Archives. Foreign Office. FO 27/45 Earl Macartney. 1795 July-1796 Apr.

¹⁹ Lord Grenville to Lord Macartney. Downing street, September 8th, 1795 // *Ibid.*

²⁰ Archives Nationales. 198 AP 4. Doss. 2.

²¹ Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф. 35. Сношения России с Англией. Оп. 35/6. 1795 г. Д. 459. Л. 70, 71.

²² Copie de la dépêche de Monsieur le Baron de Thugut à l'Ambassadeur Comte de Cobenzl en date de Vienne, le 27 Octobre 1795 // АВПРИ. Ф. 32. Сношения России с Австрией. Оп. 32/6. Д. 1143. Л. 81 об.

²³ Жак-Анн-Жозеф Ле Престр де Вобан (*Le Prestre de Vauban*) (1754-1816), участник Войны за независимость США, полковник (1784), с 1791 г. находился в эмиграции, адъютант графа д'Артуа, совершил вместе с ним путешествие в Россию. Участник высадки в Бретани в 1795 г.

²⁴ Цит. по: *Turquan J., Auriac J. de. Monsieur le comte d'Artois (Charles X). P., 1928. P. 275.*

Французской революцией, в 1795 г. ее разгром имел весьма значимые последствия. Англия утратила всякое желание впредь направлять войска на континент, а роялисты обвинили в провале экспедиции именно ее²⁵. Кроме того, попытка высадки, несмотря на все предосторожности графа де Пюизе, дала Конвенту возможность лишний раз подчеркнуть, что роялисты тесно сотрудничают с интервентами, и постараться на этой почве сплотить нацию. 3 мессидора (1 июля) Дульсе де Понтекулан, выступая в Конвенте от имени Комитета общественного спасения, говорил:

«До сих пор республиканцы сражались ради славы; сегодня все французы сражаются ради своих интересов. Республиканцы, англомены 89-го, конституционалисты 91-го, всех вас ждет одна и та же судьба, вы должны собраться под одним знаменем. Шагайте же все, шагайте же все вместе, дабы уничтожить палачей, у которых лишь одно желание – мечь, и которые не более склонны прощать тех, кто, говорив о свободе, стал мечтать о невозможной монархии, нежели самих основателей французской республики»²⁶.

И все же Людовик XVIII надеялся, что ставить крест на повстанцах запада Франции еще рано. Бретань и Вандея казались ему тем более перспективными, что роялистское движение там готовы были финансировать англичане, к тому же близость региона к Великобритании делала его удобным местом для высадки десанта. Провал Киберонской экспедиции в этих расчетах ничего не изменил, хотя и показал, что без четкой координации усилий лидеров роялистов успех едва ли возможен.

В октябре 1795 г. Людовик XVIII направил во Францию маркиза де Ла Ферроньера – уроженца Пуату, бывшего до Революции приближенным графа д'Артуа и лейтенантом Швейцарской сотни, а затем эмигрировавшего вслед за принцем и ставшего офицером в армии Конде. В его задачу входило заставить Шаретта и Ж.Н. Стоффле, двух лидеров вандейцев, договориться между собой, а также установить прямой канал связи между Вандеей, Бретанью и армией Конде. Людовик XVIII сделал выводы и из недовольства вождей восстания возвышением Шаретта: де Ла Ферроньер вез с собой патенты генерала-лейтенанта не только для него, но и для Стоффле²⁷. Однако примирить их маркизу не удалось.

Тем не менее, и на следующий год мысли Людовика XVIII вновь и вновь возвращались к Бретани и Вандее. О настроениях в этих регионах

²⁵ См., например: *Recueil de la correspondance saisie chez Lemaître, et dont la Convention a ordonné l'impression. Paris, De l'Imprimerie de la République. Brumaire, an IV. P. 25.*

²⁶ *Réimpression de l'Ancien Moniteur. P., 1842. Vol. 25. P. 126.*

²⁷ *Beauchamp A. de. Vie de Louis XVIII: roi de France et de Navarre. P., 1821. P. 159ss.*

рассказывалось в пространном мемуаре²⁸, полученном в Вероне в конце зимы 1796 г. Граф Жан-Рене де Бозерель дю Плесси подписал его как прокурор-синдик Штатов Бретани, однако в годы Революции он играл совсем другую роль роль посредника между шуанами и принцами. Эмигрировав в Англию, граф вернулся на родину в ходе высадки на Кибероне, во время которой он потерял сына: республиканцы взяли его в плен и расстреляли. Самому же графу удалось спастись и вновь бежать за границу.

Граф де Бозерель докладывал королю, что полгода путешествовал по Франции, разговаривал с людьми, в том числе и со многими сторонниками монархии. «От имени роялистов Бретани, Анжу, Мэна и Нормандии» он заявлял королю, что никакого мира, никакого договора с Республикой быть не может. Страну раздирает соперничество клик, власть нестабильна и лишена внутреннего согласия.

Весной 1796 г. Людовик XVIII предпринял новые усилия по объединению находившихся во Франции роялистов и установить прочные связи между ними и королевским двором. Для этого граф де Мустье был назначен генеральным комиссаром короля в Бретани и прилегающих к ней провинциях. Предполагалось, что в обязанности де Мустье будет входить и подготовка высадки на побережье принца крови, которая виделась абсолютно необходимой. Предводитель шуанов Ж. Кадудаль²⁹ призывал графа д'Артуа:

«Сегодня в окружающих нас провинциях силы роялистов превосходят республиканцев. Но интриги, честолюбие, зависть заставляют нас терпеть поражения. Месье, я полагаю, что ваше присутствие здесь абсолютно необходимо, я полагаю, что только оно может принести нам мир, над которым мы давно уже работаем. Господин де Пиюизе абсолютно утратил наше доверие. Невозможно, чтобы он по-прежнему стоял во главе нашей армии, которая приходит от него в ужас»³⁰.

²⁸ [Mémoire de Botherel]. 17 février 1796. – MAE. 625. 1796. F. 93-96v.

²⁹ Жорж Кадудаль (1771-1804) – сын крестьянина, изначально принявший Французскую революцию, но ставший в 1793 г. одним из предводителей восстания в Бретани. Он не одобрял заключение мира с Республикой. Оказывал поддержку высадке на Кибероне, после провала которой был избран шуанами генералом (август 1795 г.), пытался уговорить графа д'Артуа высадиться в Бретани, а не в Вандее. Резко высказывался против де Пиюизе, который, в свою очередь, пытался убедить принцев, что Кадудаль настроен против эмигрантов. В начале 1796 г. Кадудаль получил от Людовика XVIII чин бригадного генерала, но в июне 1796 г. вынужден был все же подписать мир с республиканцами.

³⁰ Copie faite sur l'original d'une lettre écrite de la main du général Georges [Cadoudal] et adressée à S.A.R. Monsieur, Comte d'Artois. 6 janvier 1796. – MAE. 625. F. 19.

О том же писали Месье и другие роялистские агенты. Двое из них, побывав в Бретани, Анжу и Мэне, докладывали:

«Раздоры между Шареттом и Стофле – это, к сожалению, чистая правда. Природа их такова, что не позволяет надеяться на сближение. Но оба они добрые роялисты, и если один не хочет служить под началом другого, присутствие В.К.В. [Вашего Королевского Высочества. – Д.Б.] устранил все трудности»³¹.

Тем не менее, организовать высадку графа д'Артуа так и не удалось. Присланные де Мустье инструкции оказались, по сути, так и не востребованными. Вандейцы терпели одно поражение за другим – во многом из-за внутренних распрей и несогласованности усилий. Шаретт вновь выступил против Республики в июне 1795 г., тогда как Стоффле войны не хотел и тянул время³². Он начал боевые действия лишь 24 января 1796 г., впрочем, чрезвычайно неудачно: вместо планируемых 10 000, смог собрать всего 400 человек, был разбит, попал в плен и в феврале расстрелян³³. В марте та же судьба постигла Шаретта. Вторая вандейская война окончилась поражением повстанцев.

Потеря столь важного региона была для роялистов более чем болезненной. Людовик XVIII, находившийся тогда при армии Конде, отслужил по Шаретту торжественную поминальную службу³⁴. По сути, это были похороны надежд, связанных с роялистским повстанческим движением на западе Франции, хотя тогда об этом еще не знали и продолжали, по мере сил, готовить почву для нового восстания. И в 1796, и в 1797 гг. туда шли немалые субсидии, в Вандее и Бретани складировали снаряжение и боеприпасы³⁵. И все же, несмотря на все усилия, до 1799 г. Вандея останется более или менее замиренной, да и тогда восстанет всего на несколько месяцев.

Людовику XVIII не удалось ни самому сыграть роль в активизации Вандейского восстания и шуанерии, ни заставить послужить их своим планам. Можно лишь предполагать, что было бы, если бы англичане согласились доставить его к берегам Бретани, однако уровень поддержки, оказанной его брату, говорит сам за себя. Истощенные войной, обескровленные карательными экспедициями республиканцев, к моменту восхождения Людовика XVIII на престол Вандея и Бретань

³¹ Copie d'un mémoire remis à S.A.R. Monsieur par MM de Payen et de Verdun le 29 janvier 1796. – MAE. 625. F. 62v.

³² Beauchamp A. de. Op. cit. P. 207-210.

³³ Hugo A. France militaire. Histoire des armées françaises de terre et de mer de 1792 à 1833. P., 1835. T. 10. P. 158.

³⁴ Muret Th. Histoire de l'armée de Condé. P., 1844. T. 1. P. 295.

³⁵ Cretineau-Joly J. Histoire de la Vendée militaire. P., 1843. T. 3. P. 578-579.

мало чем могли помочь своему королю, хотя и оставались важнейшим символом сопротивления Республике. Когда в конце 1799 г. роялисты будут призывать Н. Бонапарта, только что ставшего Первым консулом, возвести Людовика-Станисласа на престол, тот объяснит свое нежелание помогать Бурбонам тем, что они никогда не сражались в Вандее, а значит, «ничего не сделали ради славы»³⁶.

Список литературы

- Бовыкин Д.Ю. Год 1795: несостоявшаяся реставрация // ФЕ. 2003. М.: Едиториал УРСС, 2003. С. 34-74. [Bovykin D.Yu. God 1795: nesostojavshajasja restavratsija // FE. 2003. M.: Editorial URSS, 2003. S. 34-74].
- Allonville A.F. Mémoires secrets de 1770 à 1830 par M. le comte d'Allonville. Vol. 3. P.: Werdet, 1841.
- Beauchamp A. de. Vie de Louis XVIII: roi de France et de Navarre. P.: Ponthieu, 1821.
- Bordonove G. La Vie quotidienne en Vendée pendant la Révolution. P.: Hachette, 1974.
- Correspondance secrète de Charette, Stofflet, Puisaye, Cormatin, D'Autichamp, Bernier, Frotté, Scépeau, Botherel, du Prétendant, du ci-devant comte d'Artois, de leurs ministres et agens, et d'autres Vendéens, chouans et émigrés français. P.: P. Buisson, an VII. Vol. 1.
- Correspondances et écrits politiques de S.M. Louis XVIII, Roi de France et de Navarre. P.: Chez Rapilly, 1824.
- Cretineau-Joly J. Histoire de la Vendée militaire. P.: Gosselin, 1843. T. 3.
- Historical Manuscripts commission. Report on the Manuscripts of J.B. Fortescue, Esq., preserved at Dropmore. L.: Her Majesty's stationery office, 1894. Vol. III.
- Huchet P. 1795, Quiberon ou Le destin de la France. Rennes: Ed. «Ouest-France», 1995.
- Hugo A. France militaire. Histoire des armées françaises de terre et de mer de 1792 à 1833. P.: Delloye, 1835. T. 10.
- Lignereux A. Chouans et Vendéens contre l'Empire. 1815, l'autre guerre des Cent-Jours. P.: Vendémiaire, 2015.
- Mémoires du général d'Andigné. P.: Plon-Nourrit et Cie, 1900. T. 1. 1765-1800.
- Muret Th. Histoire de l'armée de Condé. P.: Dentu, 1844. T. 1.

³⁶ Mémoires du général d'Andigné. P., 1900. T. 1. 1765-1800. P. 420.

- Recueil de la correspondance saisie chez Lemaître, et dont la Convention a ordonné l'impression. Paris: De l'Imprimerie de la République. Brumaire, an IV. Réimpression de l'Ancien Moniteur. P.: H. Plon, 1842. Vol. 25.
- Rolland-Boulestreau A. Les colonnes infernales. Violences et guerre civile en Vendée militaire, 1794-1795. P.: Fayard, 2015.
- Sibenaler J. Quiberon : pour le roi et l'autel. [Coudray-Macouard]: Cheminements/L'A part Editions, 2007.
- Turquan J., Auriac J. de. Monsieur le comte d'Artois (Charles X). P.: Émile-Paul frères, 1928.

Bovykin D. Louis XVIII and the Royalist Insurgent Movement in Western France

The article deals with the relationship of Louis XVIII, who ascended the throne in 1795, with the leaders of the Vendéens and Chouans. The author raises a question: why the new King, although he made considerable efforts, could not take advantage of resource as powerful as the royalist revolts in the West of France. The Bourbons sought to establish the financing of the uprising by England, they agreed that one of the French princes would personally led the rebels, they organized the landing of the emigrants' troops on the Quiberon peninsula, and still they failed. Discord between the leaders of the rebellion continued and the emigrants upon their landing on Quiberon were defeated by the troops under the command of general L. Hoche. The King's brother the Comte d'Artois, though he had sailed to the French coast, had to return to London. By 1796 the rebellion waned. Exhausted by war, drained by the punitive expeditions of the Republicans, the Vendée and Brittany couldn't help Louis XVIII, although they remained an important symbol of resistance to the Republic.

Keywords: The French Revolution of the XVIII century, Earl of Provence, Louis XVIII, comte d'Artois, Charette, the Vendée uprising, the Chouans.

М.Ю. Чепурина*

ИСТОКИ И МЕХАНИЗМ ЛИОНСКОГО ВОССТАНИЯ 1793 ГОДА

Статья посвящена социальному механизму Лионского восстания 1793 г. Анализируя протоколы заседаний городских и департаментских властей, а также другие источники, автор воссоздает последовательность событий, в результате которых Лион вошел в состояние конфронтации с Парижем. Антиякобинское восстание предстает как результат сложного переплетения различных факторов, таких как экстремистские действия лионских радикалов, конфронтация разных ветвей местной власти, непоследовательность Конвента и случайное стечение обстоятельств. Автор опровергает высказывавшееся в научной литературе мнение о роялистском характере Лионского восстания.

Ключевые слова: Французская революция XVIII в., Лионское восстание 1793 г., М.Ж. Шалье, механизм конфликта.

Французская революция XVIII в. всегда была одной из любимых тем для отечественных историков. За полтора века ее изучения в России они выпустили немало обобщающих трудов об этом событии. Но все их работы касались почти исключительно событий в Париже. Другие города и регионы Франции обычно упоминались лишь как очаги контрреволюционных восстаний. Это относится и к Лиону – одному из крупнейших промышленных центров страны и в то время, и сейчас.

Читатель, более или менее знакомый с историей Революции, припомнит, что этот город подвергся суровым репрессиям после подавления там восстания, которое нередко называют «роялистским»¹. Сначала эти репрессии осуществлял Ж. Кутон, затем – гораздо более жестоко – Ж. Фуше и М.Ж. Колло д'Эрбуа. Конвент постановил вычеркнуть название Лиона из списка городов республики, разрушить дома богачей, а

* Мария Юрьевна Чепурина, кандидат исторических наук, научный сотрудник лаборатории «Мир в эпоху Французской революции и Наполеоновских войн» Института всеобщей истории РАН.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 14-18-01116).

¹ См., напр.: Кропоткин П.А. Великая Французская революция. 1789-1793. М., 1979. С. 355; Манфред А.З. Великая французская революция. М., 1983. С. 151; Олар А. Политическая история Французской революции. М., 1938. С. 465.

совокупность оставшихся построек впредь именовать «Освобожденным городом». На развалинах предполагалось воздвигнуть стелу с надписью «Лион восстал против свободы – Лиона больше нет»... За какие же преступления было установлено подобное наказание? Действительно ли силы, пришедшие к власти в Лионе 29 мая 1793 г. и поверженные спустя четыре с небольшим месяца, были роялистскими? Что происходило в городе после свержения прежней власти 29 мая? К ответам на эти вопросы я попытаюсь приблизиться в своей статье.

Предыстория конфликта: противостояние муниципалитета и департамента в первой половине 1792 года

Лион был центром производства шелка, но этот предмет роскоши с началом Революции перестал находить своих покупателей. Многие мануфактуры закрылись, что обернулось бедственным положением рабочих, составлявших значительную часть населения города. Продовольственный вопрос оказался тут острее, чем в Париже: цены на хлеб превышали столичные². Всё это закономерно влекло за собой радикализацию настроений. В Лионе раньше, чем в Париже, сформировалась группировка, схожая по взглядам с «бешеными».

Штабом радикально настроенных сил стал Центральный клуб, возглавлявшийся выходцем из Пьемонта, бывшим послушником доминиканского монастыря М.-Ж. Шалье. Другими руководителями радикалов были журналисты Л.-А. Шампанье (Champagneux) и Ф.-О. Лоссель (Laussel), который по сообщению свидетеля событий Э. Гийона, оставившего книгу об истории Лиона того времени, пользовался покровительством Марата и любил в своей газете *Courrier de Lyon* (Лионский курьер) использовать перевёрнутые восклицательные знаки в качестве обозначений голов на пиках³. Врач Ж.-Б. Прессавен (Pressavin), автор нескольких медицинских трудов, позднее – депутат Конвента и Совета Пятисот, тоже участвовал в этом движении. Влиятельными сторонниками Шалье были также М.-А. Бертран, Р. Иден (Hydins), М.-Ж. Риар (Riard), О. Сотемуш (Sautemouche) и другие. Примет участие в их движении и известный представитель «бешеных» Т. Леклерк: он прибудет в Лион и вступит в Центральный клуб в феврале 1793 года.

Между тем, уже к началу 1792 года радикалы занимали значительную долю мест в муниципалитете: его членами были Шалье, Шампанье,

² Маркова В.Д. Народное движение в Лионе (21 сентября 1792 – 29 мая 1793) // Уч. Записки МГПУ им. В.И. Ленина. 1949. Т. 58. С. 4.

³ Guillon A. Histoire du siège de Lyon, des événements qui l'ont précédé et des désastres qui l'ont suivi. Lyon, 1797. P. 41-42.

Прессавен (заместитель прокурора коммуны) и другие. Мэром же города с декабря 1790 г. был Л. Вите (Vitet), придерживавшийся умеренных взглядов: в сентябре 1792 г. он стал депутатом Конвента, где был близок к жиродистам, а с их падением эмигрировал. «Он служил этой клике не намеренно и не по партийным соображениям, а из вкуса к потрясениям, — пишет о Вите консервативно настроенный Гийон. — Муниципалитет был весь поглощен своими системами: он руководствовался писаниями *Социального кружка* в Париже»⁴.

В начале 1792 г. между муниципальными и департаментскими властями разгорелся конфликт. 26 января директория департамента Рона-и-Луара, к которому относился Лион, отрешила Шалье от его должности члена муниципалитета. Сохранилось два обращения Шалье в Законодательное собрание по этому поводу, дающих некоторое представление о сути конфликта. Первое было издано самим Собранием с указанием, что рассматривалось им на заседании 13 февраля. Шалье писал: «Город Лион, которому заговорщики всех сортов досаждают с того момента, как взошла заря французской свободы, и до сих пор, противостоит их злобным поползновениям лишь благодаря постоянной бдительности муниципальных служащих: они не скажут вам о том, что ради поддержания спокойствия и стабильности во втором городе королевства им непрестанно приходится противостоять хитрости, силе, лжи и клевете; что они не побоялись навлечь на себя, даже в ущерб личным интересам, ненависть и гнев людей, влиятельных как благодаря их богатству, так и благодаря должностям, которые они занимают. Эти люди осаждают администрацию департамента и не перестают представлять ей муниципалитет гидрой, которую надо уничтожить»⁵. Далее говорилось, что богачи и департаментские власти, по-видимому, не могут простить муниципалитету выступлений против роялиста Эмбера (Imbert), руководившего подавлением беспорядков вокруг Лиона во времена «великого страха» и являвшегося членом администрации департамента, а также ареста ее секретаря Оливье, у которого нашли подозрительную корреспонденцию (оба они, по-видимому, были участниками роялистского заговора, разоблаченного по революционным меркам уже давно, в 1790 г.: к тому времени арестованных и отправленных в Париж по этому делу лиц уже амнистировали)⁶. Шалье рассказывает о деятельности муниципалитета в последнее время: городские власти приказали булочникам

⁴ Ibid. P. 53.

⁵ *Chalier J.* Adresse du conseil général de la commune de Lyon, lue à l'Assemblée nationale, dans la séance du 13 février 1792. P., 1792. P. 2.

⁶ *Guillon A.* Op. cit. P. 38.

печь только один сорт хлеба, на который была установлена твердая цена, и контролировали использование муки; выступали против духовенства и против того, чтобы молодежь получала образование в учебных заведениях, руководимых монахами-ораторианцами. По мнению департаментских властей, подобные действия муниципалитета противоречили свободе мнений и культов, из чего Шалье делал вывод, что эти власти состоят в контрреволюционном сговоре с духовенством, сделавшим Лион своим прибежищем: «Муниципальные служащие противостоят растаскиванию имущества, которое принадлежит городу, они накладывают печати на библиотеки, на кабинет экспериментальной физики, таким образом они в законной форме утверждают право собственности... И что?! Директория департамента открыто критикует их поведение: она приказывает снимать печати, она доходит даже до того, чтобы изображать их возмутителями общественного порядка и нарушителями прав человека: так она пытается навлечь на муниципалитет презрение публики и позор»⁷. Наконец, выясняется, что основным поводом к отставке Шалье стало его незаконное вторжение в дом семейства Лакруа, подозревавшегося в производстве фальшивых денег. Это подозрение не подтвердилось. Шалье утверждает, что как мировой судья обладал полицейскими функциями и действовал мягко. Отметим, что по сообщению Гиойна, вторжения в жилища со стороны служащих муниципалитета имели место неоднократно, как и произвольные аресты⁸. Кроме того, городские власти призывали к кровопролитию и одобрили произошедший летом 1791 г. разгром замка Полеймье, хозяин которого был убит и расчленен⁹.

На первом обращении Шалье стояла резолюция о том, что Собрание примет его к сведению. Но эффекта прошение не возымело. 26 февраля король утвердил решение властей департамента¹⁰.

В связи с этим появилось второе обращение Шалье к Собранию, начинавшееся с перечисления контрреволюционных угроз, нависших над Лионом. Примечательно, что положение в городе автор описывает прямо-таки в духе теории классово-борьбы, предвосхищая философию грядущего века: «Невероятно многолюдный, Лион был всегда разделен между большим числом привилегированных богачей-угнетателей и еще большим числом бедняков, раздавленных гнетом повинностей». Этот адрес

⁷ *Chalier J.* Adresse du conseil général de la commune de Lyon, lue à l'Assemblée nationale, dans la séance du 13 février 1792. P. 4-5.

⁸ *Guillon A.* P. Op. cit. P. 62-63.

⁹ Ibid. P. 57.

¹⁰ Procès-verbaux des séances des corps municipaux de la ville de Lyon. Lyon, 1899-1907. Vol. 3. P. 276.

посвящен уже не столько деятельности муниципалитета, сколько провинностям директории департамента. По словам Шалье, она способствует разорению библиотек; преследует муниципалитет за уничтожение феодальной символики; подрывает план экономии, вовлекая коммуну в лишние траты. Она, утверждает автор обращения, окружила себя иностранными штыками, а город наводнила войсками, которые только и ждут сигнала, чтобы начать резню. Солдаты этих войск потребляют продовольствие, предназначенное для рабочих; 11 тыс. человек уже подписали жалобу в этой связи, а департамент, по-видимому, специально хочет побудить народ дать повод к кровопролитию. То, что постановление о его увольнении было одобрено королем, Шалье объясняет советами дурных министров¹¹.

Второй адрес тоже не возымел успеха. Возможно, потому что директория департамента направила народным избранникам свое обращение, где одно за другим опровергались обвинения Шалье. Там, в частности, говорилось, что Эмбер опубликовал статью со своими роялистскими суждениями, пользуясь законной свободой прессы; и хотя в дальнейшем он от этих взглядов отказался, муниципалитет все равно продолжал его преследовать. Что касается арестованного секретаря Оливье, то он уже вышел из тюрьмы и городские власти, получив вопрос о причине его ареста от вышестоящих органов, даже не смогли внятно ее объяснить. Ликвидировать монастырские учебные заведения департамент не считает разумным: орден ораторианцев занимается образованием уже давно и приносит городу пользу, тем более что из Парижа не было никаких распоряжений на сей счет. Что касается обвинений Шалье в разграблении библиотек и научных кабинетов, то речь также идет о материальной базе ораторианской коллегии: по просьбе самих монахов часть старого оборудования оттуда была продана за ненадобностью, а остальное сделано общедоступным. Директория департамента, действительно, против уничтожения гербов и других феодальных символов, так как они нередко являются частью фасадов архитектурных сооружений; кроме того, созерцание символов Старого порядка лишь заставит граждан еще больше ценить свободу. Что же касается слов Шалье о том, что город стал прибежищем для неприсягнувшего духовенства, то департамент уже не раз напоминал муниципалитету о необходимости провести перепись населения, но тщетно.

Обвинения в адрес Шалье и муниципалитета в этом обращении не столь обильны, как в его собственном сочинении. Главным из них оста-

¹¹ *Chalier J.* Adresse de Joseph Chalier, officier municipal de la ville de Lyon, à l'Assemblée nationale. P., 1792. P. 1-11.

ется незаконное ночное вторжение в дом Лакруа. Также департамент жалуется на то, что муниципалитет затеял стройку высокого здания кордегардии в том месте, где размещать его нерационально и где оно загорается вид. Тема контроля за помолом муки и торговлей хлебом, который пытались установить радикалы, была затронута лишь вскользь¹². Аналогичные соображения директория департамента изложила и в адресе королю.

В целом обращения администрации департамента производят впечатление более взвешенных и спокойных, обращения Шалье – более эмоциональных. Первая ссылалась на принцип прав человека и конкретные законодательные акты, второй же стремился скорее манипулировать чувствами, вызывая больше к эмоциям, чем к разуму. Представляется, что конфликт между двумя институтами власти в Лионе носил скорее личный и идеологический характер и едва ли может быть сведен к противостоянию имущего и неимущего классов.

Усиление влияния радикалов во второй половине 1792 – начале 1793 гг.

Свержение монархии позволило Шалье возобновить карьеру. 31 августа 1792 г. он явился в городскую управу с декретом из Парижа, согласно которому действия лионского муниципалитета получали одобрение, сам Шалье восстанавливался в должности, а директория департамента распускалась. Декрет был подписан министром юстиции Ж. Дантоном¹³.

После этих событий лионский муниципалитет развил небывалую прежде активность, особенно в отношении преследования контрреволюционеров – истинных и мнимых. Еще 12 августа на заседании городской управы был зачитан доклад о том, что в Лионе якобы укрывается огромное количество неприсягнувших священников из других регионов и тех «французов, которые в силу своей неблагонадежности и своих взглядов, противных новому порядку вещей, справедливо стали подозрительными и были внесены в проскрипционные списки там, где прежде жили»¹⁴. Приезжих, у которых не было коммерческих дел или других уважительных причин для нахождения в городе, решено было выдворить. Муниципальные чиновники по своему усмотрению заходили к ним в дома и брали личные данные. Приезжих обвиняли в возникновении нехватки

¹² Adresse du directoire du département de Rhône et Loire, à l'Assemblée nationale. Lyon, 1792. P. 1-19.

¹³ Procès-verbaux des séances des corps municipaux de la ville de Lyon. Vol. 3. P. 276.

¹⁴ Ibid. P. 251.

продовольствия. Гийон утверждает, что те чиновники, кому была не чужда гуманность, отправляли иногородних в места прежнего проживания, тогда как их более кроваважидные коллеги таковых арестовывали, чтобы затем покарать. Он также сообщает о выдаче неприсягнувшим священникам паспортов со специальными пометками, по которым их распознавали на границе и убивали¹⁵. Неизвестно, насколько можно верить его свидетельству, но, если в городе циркулировали подобные слухи, это само по себе говорило о воцарившейся там атмосфере страха, другое дело – обоснованного или нет. В состоянии безвластия такой страх является обычным явлением, а сторонники Шалье своими действиями, по-видимому, лишь усиливали его.

Как известно, в Париже схожие настроения породили тогда же слухи о заговоре в тюрьмах и сентябрьскую резню. Не обошлось без эксцессов и в Лионе. В те дни муниципалитет создал ряд новых тюрем: 25 августа одной из них стал замок Пьер-Сиз (Pierre-Scize), куда поместили обезоруженных солдат королевского польского полка. 9 сентября туда ворвалась толпа, которая расправилась с солдатами, а затем двинулась к тюрьмам Руанн (Rouanne) и Сен-Жозеф, чтобы убить находившихся там священников. Ночью убийцы таскали на пиках отрубленные части тел своих жертв и пытались нападать на богатые дома, но на сей раз без особого успеха. Национальная гвардия не препятствовала расправам, так как по решению муниципалитета, принятому накануне, находилась на празднике, участвуя в сожжении символов старого режима и принося клятву новому¹⁶. На следующий день муниципалитет признал на своем собрании резню прискорбным событием и постановил развесить по городу афишу с призывами к порядку. О наказании убийц в постановлении не было сказано ни слова¹⁷. По утверждению Гийона, Вите позднее признался, что по просьбе Шалье и Идена выпустил единственного арестованного убийцу¹⁸.

16 сентября начались продовольственные волнения, продолжавшиеся несколько дней. Имели место погромы магазинов, драки на рынках. Крестьяне, снабжавшие Лион продовольствием, боялись туда ехать. Женщины самочинно устанавливали цены на продукты. 18 сентября муниципалитет утвердил эти таксы официально. Советская исследовательница В.Д. Маркова, специально занимавшаяся данной темой, пришла к выводу, что эти события провоцировались именно Центральным клубом, а Шалье

¹⁵ *Guillon A.P.* Op. cit. P. 73-75.

¹⁶ *Procès-verbaux des séances des corps municipaux de la ville de Lyon.* Vol. 3. P. 283.

¹⁷ *Ibid.* P. 284.

¹⁸ *Guillon A.P.* Op. cit. P. 85.

был одним из авторов афиши, где сообщалось, что народ не будет платить за продукты дороже определенной цены, «чтобы положить конец гнету монополистов, расстроить замыслы предателей»¹⁹. Чуть позже, 28 сентября, этот максимум был отменен комиссарами Конвента.

В те же дни муниципалитет принял постановление закрыть городские ворота и провести ночные обыски, дабы обнаружить припрятанные запасы хлеба. Лоссель писал 28 сентября Ролану, что лионские буржуа пребывают в состоянии ужаса²⁰. Гийон это подтверждает: «Когда ночные тени опускаются на город, каждый обязан находиться у себя, зажигая огонь в окнах, чтобы осветить дорогу преступлению. Каждый возвращается домой в ужасном беспокойстве, которым не вправе поделиться с соседями. Каждый заперт в собственном доме, как в камере, одинокий, не получая никаких ободряющих и утешающих вестей и вспоминая о резне в Париже и в Версале, которая имела такую же прелюдию... Все, кто не мог доказать давность своего проживания в Лионе, были арестованы; все, кто оказались уроженцами южных краев, высланы домой; всех лионцев, известных своим состоянием или проявлявших энергию в борьбе с бандитами, увели как виновных. Всю ночь по городу группами вели в муниципалитет для допроса обвиняемых подобного рода в сопровождении свирепых инквизиторов: обширные подземелья ратуши и множество других тюрем, приготовленных по этому случаю, были переполнены»²¹.

В октябре-ноябре продовольственный вопрос по-прежнему оставался крайне острым, из-за чего муниципалитет принял решение о раздаче муки неимущим, а затем призвал состоятельных горожан подписаться на заем, чтобы помочь бедным. Власти со дня на день ожидали народных волнений²². В этих условиях прошли выборы в новые местные органы власти. Муниципалитет оказался полностью под контролем радикалов, они же победили и на выборах в администрацию дистрикта. Директория же департамента по-прежнему оставалась в руках умеренных. В схватке за пост мэра, которая развернулась между Шалье и А. Нивьер-Шолем (Nivière-Chol), не без труда победил второй. Он был сторонником умеренных взглядов и другом Вите, который был избран в Конвент.

В конце 1792 г. члены Центрального клуба и муниципалитета выступили за углубление уравнительной политики, раздел имущества крупных собственников, государственный контроль над продовольственными запасами и за введение максимума цен на хлеб. Радикалы открыто требова-

¹⁹ *Маркова В.Д.* Указ. соч. С. 5.

²⁰ Там же. С. 7.

²¹ *Guillon A.P.* Op. cit. P. 89-90.

²² *Маркова В.Д.* Указ. соч. С. 9.

ли голов спекулянтов и скупщиков²³. Гийон вновь говорит об атмосфере страха и ожидания большой резни, готовившейся сторонниками Шалье. Столкновения, повлекшие жертвы, произошли в нескольких деревнях близ Лиона. Шалье выписал из Парижа гильотину. Для нее выбрали место, но пока не применяли²⁴.

В январе 1793 г. противостояние между муниципальными и департаментскими властями продолжалось, но не слишком активно. Муниципалитет отказал директории в предоставлении ей нового помещения. В свою очередь, директория отказала ему в подписании совместной петиции Конвенту о проведении суда над королем без обращения к народу: администрация департамента заявила, что не вправе одобрить подобный документ, не посоветовавшись с властями дистриктов²⁵. «Департамент дрожал перед муниципалитетом, – пишет Гийон, – и, чтобы оправдаться за недавний отказ вместе подписать подлый адрес клубистов, отправил в Конвент одобрительное послание по случаю смерти короля»²⁶. Действительно, протоколы работы генерального совета департамента за первые месяцы 1793 г. не свидетельствуют о его активной работе: записи о заседаниях коротки, никаких значимых решений не принимается, нередко попадают «пустые дни».

Тем временем, муниципалитет развил бешеную активность. Продолжая попытки решить продовольственную проблему посредством государственного регулирования, он снова вводит максимум цен на хлеб, создает муниципальные булочные²⁷, оказывает денежную помощь женам и детям солдат, находящихся на фронте, пытается создать мануфактуру хлопчатобумажных тканей, чтобы трудоустроить рабочих²⁸.

В то же время, манипулируя темой нехватки продовольствия, члены муниципалитета и Клуба продолжали подогревать террористические настроения и насаждать атмосферу страха. Они отправили в Париж делегацию для того, чтобы призвать к ответу депутатов, не голосовавших за смерть короля. 28 января Шалье и его сторонники принесли на лионской площади Терро клятву уничтожать аристократов, скупщиков, эгоистов, ростовщиков и т.д.²⁹ Снова стали распространяться слухи о том, что город

²³ Там же. С. 10-11.

²⁴ *Guillon A.P.* Op. cit. P. 101-105.

²⁵ Procès-verbaux des séances du conseil général de département de Rhône-et-Loire, 1790-1793. Trévoux, 1895. Vol. 2. P. 217-229.

²⁶ *Guillon A.P.* Op. cit. P. 131-132.

²⁷ *Маркова В.Д.* Указ. соч. С. 16-18.

²⁸ Procès-verbaux des séances des corps municipaux de la ville de Lyon. Vol. 4. P. 10, 17.

²⁹ *Guillon A.P.* Op. cit. P. 112-113.

наводнен контрреволюционерами, от которых необходимо избавиться. По настоянию членов Клуба 4-5 февраля были произведены ночные обходы по домам, сопровождавшиеся арестами. В ходе них были взяты под стражу командир национальной гвардии секции Пор-дю-Тампль и несколько ее офицеров. Обозначился конфликт между муниципалитетом и этой секцией, стороны начали вооружаться. Пошли слухи о готовившихся убийствах людей, арестованных накануне. Многообещающе прозвучало сообщение посланцев коммуны о том, что гильотина готова к работе³⁰.

В тот же день муниципалитет заявил мэру о своем недоверии. Давно назревавший конфликт между радикалами из городской управы и Нивьер-Шолем, противодействовавшим их социально-экономическим мерам, перешел в открытую фазу. Ссылаясь на анонимное письмо о том, что Центральный клуб готовит вооруженное восстание, Нивьер-Шоль с помощью армии водворил в городе порядок, но вскоре после этого подал в отставку³¹.

18 февраля прошли выборы мэра. В этот день 12 секций, вопреки запрету муниципалитета, объявили свои заседания непрерывными. Фактически началось восстание против муниципалитета: непокорные ему секции захватили арсенал, а после того, как стало известно, что на выборах снова победил Нивьер-Шоль, его сторонники устроили праздник, вылившийся в стихийные беспорядки под крики «Долой Шалье!». Толпа ворвалась в Центральный клуб, заставив попрятаться его членов, переломала там скамьи и столы, забрала его архивы и отнесла их в администрацию департамента³². Впрочем, серьезных изменений в соотношении сил эти события не привнесли. Вооруженные силы муниципалитета в тот же день восстановили порядок, но конфликт не был разрешен. «Кто победил в тот день, клубисты или жирондисты, осталось непонятно», – пишет Гийон, утверждающий, что за этой попыткой переворота стояла некая секретная директория сторонников Ролана³³. Что касается Нивьер-Шоля, то он вскоре вновь отказался от своей должности.

В конце февраля прошли повторные выборы мэра. На них снова одержал победу представитель умеренных – врач Ж. Э. Жилибер (*Gilibert*). Однако еще до объявления результатов он был арестован по распоряжению Лосселя, являвшегося с ноября генеральным прокурором коммуны. Причиной ареста стало то, что Жилибер участвовал в разгроме Клуба

³⁰ Procès-verbaux des séances des corps municipaux de la ville de Lyon. Vol. 4. P. 88.

³¹ *Маркова В.Д.* Указ. соч. С. 28-29.

³² *Guillon A.P.* Op. cit. P. 127-128.

³³ *Ibid.* P. 130-131.

и заявлял о необходимости очистить муниципалитет от «разбойников». Арест произошел между первым и вторым туром выборов, так что новый мэр был избран, уже находясь в заключении. Через несколько дней Жилиберу пришлось отказаться от должности³⁴.

Тем временем, известия о беспорядках в Лионе – а на них жаловались и департаментские, и муниципальные власти – дошли до Парижа. Оттуда прислали трех комиссаров: Базира, Лежандра и Ровера – все они были монтаньярами, и заняли благоприятную по отношению к радикалам позицию. «Среди этих троих комиссаров, чье приближение не вызвало никакого доверия у добрых лионцев, был один, имя которого заставляло трепетать от ужаса, – мясник Лежандр, обязанный своим избранием в Конвент лишь тому, что дал толчок сентябрьским убийствам... Видимо, чтобы усилить страх, вызываемый с самого начала его репутацией, он пожелал повсюду ходить в сопровождении громилы с большими усами, приставленного к нему в качестве ликтора. Этот ликтор шествовал по Лиону перед комиссарами, словно предвещая террор»³⁵, – сообщает Гийон. По его словам, комиссары дали Шалье право входить к ним хоть днем, хоть ночью³⁶.

В присутствии комиссаров прошли еще одни, уже третьи за месяц, выборы мэра. В тот день множество людей собралось в саду одного из монастырей и составило в адрес комиссаров Конвента петицию с жалобами на политику муниципалитета, нерегулярный созыв секционных собраний и вынужденную отставку Жилибера³⁷. Однако вдохновляемый комиссарами муниципалитет разогнал этот митинг при помощи вооруженной силы. Петиция все же была подана комиссарам, но они приняли ее плохо: сначала жалобщикам заявили, что собранных ими подписей слишком много (800 вместо 150), а затем Лежандр попросту порвал документ, обозвав его подателей заговорщиками и угрожая им армией. В дальнейшем он передал копию петиции в Центральный клуб. Там образом фамилии подписантов стали известны Шалье: этот список «врагов», подлежащих расправе, был опубликован³⁸.

В такой обстановке выборы мэра закончились победой Бертрана, друга Шалье. Теперь радикалы захватили все «командные высоты» в городе и могли при поддержке комиссаров вести свою политику, ни на кого не оглядываясь.

³⁴ Маркова В.Д. Указ. соч. С. 30.

³⁵ Guillon A.P. Op. cit. P. 148-149.

³⁶ Ibid. P. 149

³⁷ Маркова В.Д. Указ. соч. С. 30.

³⁸ Guillon A.P. Op. cit. P. 152-153.

В последующие мартовские дни комиссары сделали Центральный клуб филиалом Якобинского, что придало действиям его членов большую легитимность. Якобинцы принялись организовывать в Лионе своей революционный трибунал. По их запросу комиссары охотно выдавали ордера на аресты. По словам Гийона, они наделяли властными полномочиями всех кому не лень: например, некоего Перруселя (Perrussel), получившего право арестовать 93 посетителей одного кафе, которых затем комиссар Базир безуспешно допрашивал в течение всей ночи. В итоге их так и не удалось представить участниками какого-либо заговора и всех пришлось отпустить³⁹. Таким образом, хотя в городе по-прежнему царили страх и произвол, говорить о терроре пока не приходится: гильотина стояла без дела.

Постепенно отношения между комиссарами и членами муниципалитета начали портиться. Видя явные злоупотребления со стороны последних (вымогательство, торговлю свидетельствами благонадежности и т.д.), представители Конвента приказали арестовать нескольких из них, включая Лосселя. Неизвестно, к каким изменениям в городе это могло бы привести, но вмешались сторонние события. Пришло известие о том, что генерал Дюмуре перешел на сторону противника, а затем – что он ведет свои войска на Лион.

Позиции комиссаров пошатнулись, так как Лежандр был связан с Дантоном, а тот – с Дюмуре. Вскоре комиссары были отозваны. В день отъезда они разрешили лионским якобинцам создать местный Комитет общественного спасения.

Таким образом, в городе, где к постоянно подогреваемому страху перед голодом и расправами добавился страх перед вторжением контрреволюционной армии, появился еще один карательный орган. Вряд ли кто-то сомневался в те дни, что Лион находится на пороге большого кровопролития...

События апреля-мая 1793 г.

В апреле 1793 г. муниципалитет Лиона по-прежнему проявлял чрезвычайную высокую активность. Его внимание привлекали самые разные вещи: учет медицинских работников города, рассмотрение проектов статуи на место снесенного памятника Людовику XIV, устройство школ, введение обязательного ношения трехцветной кокарды, помощь с жильем неимущим членам семей находящимся на фронте солдат, снос «феодалных украшений»⁴⁰. Постоянно всплывала проблема выдачи свидетельств

³⁹ Ibid. P. 159-162.

⁴⁰ Procès-verbaux des séances des corps municipaux de la ville de Lyon. Vol. 4. P. 181-215.

гражданской благонадежности: в протоколах муниципального совета то и дело встречаются списки тех, кому такие свидетельства выданы, а кому в них отказано. По-прежнему остро стоял продовольственный вопрос: муниципалитет пытался привести цены на хлеб в соответствие с ценами на муку, компенсировать беднякам расходы на пропитание⁴¹. В связи со снижением числа булочников, которые, по-видимому, не хотели торговать по твердым ценам себе в убыток, оставшихся под страхом штрафа обязали производить не меньше трех возов хлеба в день; муниципальные булочные из-за недостатка сырья пришлось закрыть, и тогда печь хлеб обязали кабатчиков⁴². Постоянно в той или иной связи поднималась тема недостатка денег: их то просили у Конвента, то пытались получить, собрав побольше налогов, то вводили новые штрафы.

Однако чаще всего в протоколах этого месяца фигурировали репрессивные и военные меры, связанные с ожиданием вторжения армии Дюмурье. 6 апреля опять производился обход по домам, на время которого были закрыты городские ворота. Искали оружие: муниципалитет поставил разоружить бывших дворян и их слуг, «подозреваемых в негражданственности», приказчиков, юристов и тех, кто не умеет обращаться с оружием. Одновременно подвергались аресту приезжие, священники и другие подозрительные лица. У продавцов оружия брали координаты их клиентов; отныне продавать его можно только имеющим специальные сертификаты⁴³. Надзорным комитетам было поручено составить списки подозрительных граждан для дальнейшей публикации⁴⁴. На домах под угрозой штрафа приказали вывесить информацию о жильцах⁴⁵. Обсуждались планы создания местного Комитета общественного спасения и революционного трибунала. И, наконец, то и дело подчеркивалась необходимость создания новых военных частей, включая кавалерийские: для этого муниципалитет приступил к учету всех имеющихся в городе «рокошных» (de luxe) лошадей⁴⁶.

Оживилась и директория департамента, приняв решение провести военные учения для молодежи и организовать вскрытие подозрительных посылок и писем в связи с напряженной ситуацией⁴⁷. 24 апреля департамент даже получил благодарность от Конвента за активные действия по

⁴¹ Ibid. P. 186.

⁴² Ibid. P. 198, 200, 241.

⁴³ Ibid. P. 182-185.

⁴⁴ Ibid. P. 217.

⁴⁵ Ibid. P. 205.

⁴⁶ Ibid. P. 206-208.

⁴⁷ Procès-verbaux des séances du conseil général de département de Rhône-et-Loire, 1790-1793. Vol. 2. P. 245, 247.

организации отпора Дюмурье⁴⁸. Но в отношениях между муниципалитетом и администрацией департамента тон задавали именно городские власти. Так, в протоколе генерального совета департамента от 8 апреля есть сообщение о том, что в 7 часов вечера двое муниципальных служащих потребовали созвать совместное заседание с муниципалитетом⁴⁹. Очевидно, это был не единичный случай: после очередного такого предложения 22 апреля в протоколе появилась запись о том, что совет департамента на такое совместное совещание не пойдет, «принимая во внимание то, что с некоторых пор муниципалитет Лиона не советуется по большинству дел с Департаментом официальным образом, предписанным властями; – что он ограничивается приглашением администрации департамента явиться на генеральный совет коммуны, не объясняя ей мотивов приглашения и предмета обсуждения, подрывая тем самым иерархию властей; – что администрация департамента не может бросить свои дела и терять драгоценное время... кроме как в случае, если общественное спокойствие находится под угрозой...; – что если существуют проблемы, неотложность которых требует экстраординарных мер, муниципалитеты должны информировать о них вышестоящие власти посредством депутатов или более быстрыми путями, но не могут без известных мотивов требовать их перемещения и совместного заседания...»⁵⁰ и т. д., и т. п.

Таким образом, конфликт между муниципальными и департаментскими властями опять обострился, и личные мотивы, по-видимому, опять вышли в нем на первый план по сравнению с идеологическими разногласиями.

Еще одним дискуссионным вопросом в отношениях между органами власти стал вопрос об избрании секционных комитетов по надзору за иностранцами. В начале мая выяснилось, что закон об их создании, принятый Конвентом еще 21 марта, в Лионе до сих пор не выполнен⁵¹. Муниципалитет срочно назначил выборы в секциях. Но департамент потребовал отложить голосование на неделю, так как по закону 1789 года секции должны получить время на раздумья⁵². Выборы были отложены; они еще сыграют свою роль.

Прозвучала в стенах администрации департамента также идея создания своего трибунала. В этом отношении департамент продолжал демон-

⁴⁸ Ibid. P. 258.

⁴⁹ Ibid. P. 244.

⁵⁰ Ibid. P. 255.

⁵¹ Ibid. P. 272.

⁵² Procès-verbaux des séances des corps municipaux de la ville de Lyon. Vol. 4. P. 344-345.

стрировать нерешительность: 4 мая он ответил отказом на соответствующий запрос секций, мотивируя это тем, что дело слишком серьезное, и надо посоветоваться с властями дистриктов, но уже 6 мая одобрил такой проект⁵³. Однако одобрил, видимо, не до конца: 9 мая явилась депутация якобинцев, которая в грубой форме потребовала создать трибунал, назвав департаментских чиновников бездельниками, напрасно получающими жалованье, и пригрозив самочинно «воздвигнуть дерево свободы в виде гильотины». Вечером того же дня департамент отправил в свою очередь депутацию к якобинцам, которая сообщила им, что для создания трибунала нужно одобрение Конвента. Якобинцы заявили, что хотят иметь свой Комитет общественного спасения, на что получили ответ, что заниматься такими вопросами администрация департамента не правомочна⁵⁴.

Более благосклонно департаментские власти отнеслись к идее организации своей армии. В начале мая они совместно с муниципалитетом приняли решение создать добровольческий корпус из 4900 чел., который должен был содержаться на деньги администрации департамента и направляться в те его части, где будут иметь место вылазки контрреволюционеров⁵⁵. При этом игнорировался запрет Конвента на создание военных формирований на местах⁵⁶.

Все эти события разворачивались на фоне ожидания новых столкновений: каждая из сторон конфликта опасалась приготовлений противоположной. 12 апреля до муниципалитета дошли слухи о некоей опасности. На 6 утра 14-го был назначен сбор всех батальонов, но столкновений не произошло⁵⁷. 9 мая, по словам Гийона, радикалы снова собирались устроить расправу над арестованными, решив для начала подогреть себя вином: видимо, вожаки якобинцев как раз после возлияния и отправились в администрацию департамента требовать учреждения трибунала⁵⁸. За день до этого секция Круазетт сообщила генеральному совету департамента о том, что у якобинцев проходят какие-то секретные заседания и что-то готовится⁵⁹. Однако всё в итоге ограничилось выпивкой и танцами.

⁵³ Procès-verbaux des séances du conseil général de département de Rhône-et-Loire, 1790-1793. Vol. 2. P. 270-271.

⁵⁴ Ibid. P. 276-277.

⁵⁵ Ibid. P. 265-267.

⁵⁶ Procès-verbaux des séances des corps municipaux de la ville de Lyon. Vol. 4. P. 235.

⁵⁷ Ibid. P. 195.

⁵⁸ Guillon A.P. Op. cit. P. 173-174.

⁵⁹ Procès-verbaux des séances du conseil général de département de Rhône-et-Loire, 1790-1793. Vol. 2. P. 276-277.

В подобной ситуации в город прибыли новые комиссары Конвента – П.К. Ниош, А.Л. Альбитт, А.Ф. Готье и Э.Л.А. Дюбуа-Крансе. Они поддержали деятельность муниципалитета по созданию собственных вооруженных отрядов. тем более что такой опыт уже был у департамента Эро. К тому времени у радикалов уже созрела мысль организовать такие отряды на деньги, которые следует изъять у богачей: муниципалитет даже подготовил бланк извещения о необходимости внести требуемую сумму в течение 48 часов⁶⁰. 14 мая на совместном заседании руководства города и департамента в присутствии комиссаров Конвента решение о создании вооруженных отрядов было принято. Записаться в эти отряды можно было лишь тем, кто имел удостоверение о гражданской благонадежности. Служба оплачивалась, что давало возможность заработать революционно настроенным рабочим закрывшихся мануфактур. Члены семей поступивших на службу получали большие единовременные пособия. Офицеров предполагалось избирать из числа солдат. Подчиняться эти части должны были комиссарам Конвента или местному Комитету общественного спасения, который, очевидно, уже был создан и одобрен представителями Конвента. Число солдат определялось в 6 тыс. Содержаться эта армия, как и хотели радикалы, должна была за счет лионских богачей и «непатриотов»: с них постановили взыскать чрезвычайный налог в 6 млн ливров. Секциям было приказано в течение восьми дней подготовить списки таких лиц⁶¹.

Администрация департамента явно испытывала дискомфорт в связи с приездом комиссаров. Они обвинили ее в бездействии: оказалось, что дистрикт Монбризон наводнен контрреволюционерами, там циркулируют «аристократические газеты Бриссо и Горса», а департаментские власти об этом даже не в курсе⁶². В тот же день председатель администрации департамента Граншан (Grandchamp) ушел в отставку. На его место выбрали Бюйрона-Гайара (Buiron-Gaillard), но тот отказался. Тогда выбрали Дюбо (Dubost), но и тот последовал примеру двух предыдущих⁶³.

Таким образом, и эти комиссары Конвента тоже с самого начала приняли сторону муниципалитета. Департаментские же власти их явно опасались. Позже Гийон назовет комиссаров соучастниками злодеев⁶⁴.

⁶⁰ Procès-verbaux des séances des corps municipaux de la ville de Lyon. Vol. 4. P. 248.

⁶¹ Ibid. P. 251-253.

⁶² Ibid. P. 250.

⁶³ Procès-verbaux des séances du conseil général de département de Rhône-et-Loire, 1790-1793. Vol. 2. P. 279-283.

⁶⁴ Guillon A.P. Op. cit. P. 187.

Сам же комиссар Ниош в своем рапорте о пребывании в Лионе отметит лишь, что застал в городе две соперничающие группировки, которые попытался примирить, но, увидев, что это невозможно, одобрил постановление о создании армии⁶⁵. Описывая последующие события, он не раз упомянет, что не понимал, какую из сторон нужно поддержать.

Впрочем, у лионцев была еще одна причина считать, что комиссары поддерживают муниципалитет: они отправили в Конвент просьбу одобрить план создания трибунала, который действительно уже начал формироваться⁶⁶. После этого комиссары 16 мая отбыли в Альпийскую армию, также находившуюся в их ведении.

На другой день из Конвента пришел ответ: лионский трибунал объявляется незаконным⁶⁷. Более того: граждан, которых он приговорит к смерти, Конвент возьмет под свою защиту, а те, кого еще только собираются предать этому суду, имеют право отвечать ударом на удар⁶⁸. Чаша весов качнулась в другую сторону! Администрация департамента воспрянула духом. Дюбо, еще утром того же дня отказавшийся от должности, все-таки решил принять руководство⁶⁹.

Однако муниципалитет отнюдь не чувствовал себя проигравшим. Радикалы активно принялись реализовывать совместное с комиссарами постановление по сбору денег на свою армию. «Их комитет “общественного спасения” с таким рвением выдавал мандаты на внесение в течение 24 часов обязательного займа, что вскоре оказалось собрано не 6, а 30 или 40 миллионов. Одна из 32 секций города, принадлежавшая к числу наименее богатых, должна была заплатить 1 300 000 ливров. Обычные купцы, отцы семейств, должны были отдать по 60 000 ливров. Надо было, говоря языком мандатов, платить под угрозой быть объявленным подозрительным», – пишет Гийон. Также он сообщает, что радикалы, как, например, Сотемуш или вожак якобинцев Гайяр (Gaillard), врываются в дома граждан и попросту грабили их, угрожая расправой⁷⁰. Составлялись списки смертников. Шалье активно, как никогда прежде, призывал к кровопро-

⁶⁵ *Nioche P.C.* Rapport fait à la Convention nationale par P.C. Nioche l'un des representants du Peuple envoyés pres l'armée des Alpes. Sur les malheureux événements arrivés à Lyon le 29 mai 1793, an II de la République française. s.l., s.a. P. 2.

⁶⁶ *Guillon A.P.* Op. cit. P. 180.

⁶⁷ Procès-verbaux des séances du conseil général de département de Rhône-et-Loire, 1790-1793. Vol. 2. P. 283.

⁶⁸ *Gonon P.M.* Lyon en 1793: procès-verbaux authentiques et inédits du Comité de surveillance de la section des droits de l'homme pendant le siège. Lyon, 1847. P. 12.

⁶⁹ Procès-verbaux des séances du conseil général de département de Rhône-et-Loire, 1790-1793. Vol. 2. P. 285.

⁷⁰ *Guillon A.P.* Op. cit. P. 182-183.

литию⁷¹. Правление департамента получило сообщение о том, что злоумышленники планируют напасть на тюрьмы, только не понятно зачем: то ли выпустить заключенных, то ли перебить их, как в сентябре 1792 г.⁷²

Тем временем, подошел срок выборов секционных комитетов надзора за иностранцами. Возникла идея, что вновь избранные комитеты могут заменить уже существующие, – те, что составляли списки неблагонадежных и богачей. Понимая это, муниципалитет хотел отменить выборы, но департамент настаивал на их проведении⁷³.

19 мая в секциях начались первичные собрания, на которых возникло брожение: очевидно, граждане там выражали скопившееся у них недовольство. За день выбрать всех не успели, и некоторые секции потребовали продлить выборы. 20 мая муниципалитет велел им разойтись и назначил для надзора за иностранцами своих людей⁷⁴. Это лишь усугубило конфликт. Несколько секций объявили свои заседания непрерывными. Муниципалитет попытался воспротивиться, разгоняя заседающих насильно, а 23 мая запретил непрерывные заседания⁷⁵. Тогда же он объявил, что богачи, «жиреющие благодаря поту бедняков», хотят совершить контрреволюцию, прикрываясь словами о законе; – что на заседаниях одной из секций (очевидно, Пор-дю-Тампль – первой, вступившей в противоборство с муниципалитетом) пропагандируются аморальные принципы; – и что злонамеренные люди ходят возгвещ в Лионе пламя гражданской войны⁷⁶.

24 мая начались уличные беспорядки. Толпа горожан разграбила склад сливочного масла, закупленного для армии, и распродала его по самочинно назначенным ценам. На место событий прибыл мэр, который пытался призвать горожан к порядку, но безуспешно⁷⁷. Протоколы заседаний муниципалитета за этот день отсутствуют, хотя обычно он собирался дважды в день: возможно, не только мэр, но и все городские магистраты отправились на улицу наводить порядок.

⁷¹ Ibid. P. 184-185.

⁷² Procès-verbaux des séances du conseil général de département de Rhône-et-Loire, 1790-1793. Vol. 2. P. 286-287.

⁷³ *Маркова В.Д.* Указ. соч. С. 49.

⁷⁴ Procès-verbaux des séances des corps municipaux de la ville de Lyon. Vol. 4. P. 260.

⁷⁵ *Маркова В.Д.* Указ. соч. С. 50.

⁷⁶ Procès-verbaux des séances des corps municipaux de la ville de Lyon. Vol. 4. P. 266.

⁷⁷ Procès-verbaux des séances du conseil général de département de Rhône-et-Loire, 1790-1793. Vol. 2. P. 295.

Собравшись на другой день, члены муниципалитета приступили к обсуждению мер по борьбе «с подлыми инсинуациями злонамеренных лиц, проявившимися накануне вечером». Решено было выпустить прокламацию, в которой произошедшее объяснялось «ложными слухами о заговоре скупщиков; кто-то даже смел утверждать, что эти слухи поощрялись властями»⁷⁸.

Так радикалы из муниципалитета и мэр попались в ими же самими подстроенную ловушку! До сих пор они набирали себе политические очки, муслируя продовольственный вопрос и заявляя, что право на пропитание важнее всех остальных прав, из-за чего покровительствовали рыночным погромам и культивировали идею о скупщиках и богачах как виновниках бедствий народа. Теперь же поднятая ими буря ударила по ним самим. Почему радикалы и в этот раз не встали на сторону голодных? Возможно, потому что боялись реакции комиссаров Конвента. Те прибыли как раз для проверки состояния военных складов⁷⁹. Во всяком случае, депутатов поставили в известность об инциденте с маслом, что побудило Ниоша и Готье отправиться из армии обратно в Лион, прихватив с собой войска для наведения порядка⁸⁰.

Тем временем, секции пожаловались генеральному совету департамента на репрессии со стороны муниципалитета, и 25 мая тот отменил запрет городских властей на непрерывность заседаний. Кроме того, администрация департамента распорядилась распустить комитеты, под разными названиями созданные муниципалитетом, и заменить их теми, что были избраны народом⁸¹. Таким образом, обозначился уже открытый конфликт между администрацией департамента и муниципалитетом, который поддерживали якобинцы и местный Комитет общественного спасения. Секции оказались перед выбором, на чью сторону встать. В последующие дни они во все большем количестве выражали свою поддержку властям департамента.

Вернувшиеся 26 мая в Лион комиссары Конвента Ниош и Готье оказались в замешательстве. По мнению Ниоша, все в городе было спокойно, а Шалье толком не мог объяснить суть своих опасений⁸².

В тот же день муниципалитет вывесил афишу, где известил, что в связи с действиями администрации департамента он снимает с себя ответ-

⁷⁸ Procès-verbaux des séances des corps municipaux de la ville de Lyon. Vol. 4. P. 267.

⁷⁹ Procès-verbaux des séances du conseil général de département de Rhône-et-Loire, 1790-1793. Vol. 2. P. 278.

⁸⁰ *Nioche P.C.* Op.cit. P. 4.

⁸¹ Procès-verbaux des séances du conseil général de département de Rhône-et-Loire, 1790-1793. Vol. 2. P. 296-297.

⁸² *Nioche P.C.* Op.cit. P. 5.

ственность за происходящее⁸³. Тогда же городские власти вновь пригласили представителей администрации департамента на совместное заседание. В протоколе муниципалитета говорится, что на этой встрече было решено расследовать случай с разграблением масла, срочно привести в действие революционную армию и, чтобы компенсировать ущерб солдатам, собрать с богачей уже *миллиард ливров*⁸⁴. В протоколе же генсовета департамента происшедшее описано так: «Граждане Бонамур, Моттен и Фаржон вернулись на [наше] заседание и рассказали, как сходили в генеральный совет коммуны. Они думали, что их позвали выпустить постановления о вещах, которые способствовали бы общественному спасению. Они пребывали в этой надежде, когда множество граждан, как членов генерального совета коммуны, так и других, набросились на них с криком, обвинениями и клеветой на администрацию департамента. Напрасно уполномоченные департамента зывали к разуму. Присутствующие так яростно поносили их, словно вызвали членов администрации департамента специально для того, чтобы покрыть их позором». Генсовет департамента пришел к выводу, что откликаться на приглашения муниципалитета – лишь терять время⁸⁵.

Чуть позже посланцы секции Пор-дю-Тамплъ сообщили, что их и все избил в муниципалитете. Департаментские власти утешили секционеров, сказав, что эта жертва принесена во имя порядка⁸⁶. Заметим главное: конфликтующие стороны переходят к физическому насилию. И первыми это делают сторонники Шалье. По крайней мере, мне не удалось найти более ранних сообщений о насилии со стороны противоположного лагеря. Маркова без ссылки на источник сообщает о столкновениях на некоторых улицах города вечером 26 мая, но не уточняет, кто был их зачинщиком⁸⁷. Заканчивают день департаментские власти тем, что приказывают поднять и держать наготове всю вооруженную силу в городе⁸⁸.

27 мая муниципалитет отменил указ департамента о мобилизации всех вооруженных сил в городе, сообщив, что уже принял меры к охране общественного спокойствия днем ранее в 9 вечера, о чем департа-

⁸³ Procès-verbaux des séances du conseil général de département de Rhône-et-Loire, 1790-1793. Vol. 2. P. 301.

⁸⁴ Procès-verbaux des séances des corps municipaux de la ville de Lyon. Vol. 4. P. 270.

⁸⁵ Procès-verbaux des séances du conseil général de département de Rhône-et-Loire, 1790-1793. Vol. 2. P. 302-303.

⁸⁶ Ibid. P. 305.

⁸⁷ *Маркова В.Д.* Указ. соч. С. 53.

⁸⁸ Procès-verbaux des séances du conseil général de département de Rhône-et-Loire, 1790-1793. Vol. 2. P. 306.

ментские не знают, так как уже не работали в это время⁸⁹. Тем временем, администрация департамента окончательно превращается в организационный центр противодействия радикалам: еще ряд секций приходят заявить ей о своей верности и даже предлагают сменить место заседаний и поставить охрану⁹⁰.

В это время муниципалитет занят спешной организацией своей революционной армии, которую планируется не только использовать для подавления местных беспорядков, но и направить на Вандею. Что заставляло радикалов думать о противоположном конце страны, когда здесь и сейчас власть уплывала из их рук? Может быть, они всерьез считали, что секционное движение в Лионе инспирировано вандейскими роялистами? Сложно сказать. Кроме того, члены муниципалитета продолжали разглагольствовать о том, что кругом враги и что разграбившие склад масла – отпетые негодяи⁹¹. В тот же день Шалье с трибуны Центрального клуба произнес речь о том, что председатели и секретари непокорных секций должны быть гильотинированы⁹².

Протокол муниципального совета от 28 мая весь посвящен вопросу выдачи удостоверений о гражданской благонадежности и представляет собой список лиц, их получающих⁹³. Если раньше протоколы городских властей оставляли ощущение кипучей деятельности, теперь, напротив, радикалы будто бы не понимают, что происходит, и занимаются вещами, не имеющими отношения к текущим проблемам. Они не принимают никаких решительных мер против восставших секций, но и на уступки им не идут, чем только усугубляют конфликт.

Тем временем власти департамента продолжали принимать одну за другой депутации секций. Те выражали им свою солидарность и снова предлагали создать охрану. Сообщалось о каких-то ночных угрозах и об армии, которая вот-вот должна войти в Лион⁹⁴. Видимо, имелись в виду части, которые взяли с собой комиссары Конвента, услышав о беспорядках. Определенно, секционерами в этот момент владело в первую очередь чувство страха. А еще они задавали вопросы: Кто уполномочен теперь выдавать свидетельства о благонадежности? По какому праву ко-

⁸⁹ Ibid. P. 306-307.

⁹⁰ Ibid. P. 307.

⁹¹ Procès-verbaux des séances des corps municipaux de la ville de Lyon. Vol. 4. P. 272-273.

⁹² Маркова В.Д. Указ. соч. С. 54.

⁹³ Procès-verbaux des séances des corps municipaux de la ville de Lyon. Vol. 4. P. 274.

⁹⁴ Procès-verbaux des séances du conseil général de département de Rhône-et-Loire, 1790-1793. Vol. 2. P. 307-309.

миссары, посланные в Альпийскую армию, вмешиваются в дела Лиона? Кто направил войска против людей, разорвавших склад масла? К каким последствиям может привести недавнее заявление муниципалитета о том, что он снимает с себя ответственность за порядок в городе?⁹⁵

Учитывая, что и по поводу полномочий вновь избираемых секционных комитетов в предшествующие дни шли бурные дискуссии, получается, что круг прав и обязанностей разных революционных властей оказался совершенно неясен даже для самых политически активных граждан. Обращая эти вопросы к генеральному совету департамента, они, таким образом, показывали, что именно его они в первую очередь признают властью.

Впрочем, полномочия комиссаров Конвента лионцы тоже признавали, хотя и доверяли этим людям гораздо меньше. В тот же день, 28 мая, к Ниошу и Готье явились люди от секций, выразившие беспокойство по поводу приведенных представителями Конвента армейских частей. Также они пожаловались на произвол и кровожадные призывы со стороны Шалье и муниципалитета, попросив распустить последний. Комиссары ответили, что это не в их власти, призвали к миру и попросили письменно изложить претензии к городским властям. Секционеры удалились, но в 23 часа того же дня вернулись с теми же требованиями. Они сказали, что уже жаловались в письменном виде предыдущим комиссарам, но за этим последовали лишь незаконные аресты.

Так ни о чем и не договорившись, Готье и Ниош расстались с секционерами, после чего первый отправился спать, а второй – в местный Комитет общественного спасения, где, по его словам, тоже ничто не предвещало беды, кроме листка на столе с текстом: «Время пришло. Кровь должна пролиться. Негодяи и предатели будут наказаны», – но его тут же разорвал один из комитетчиков⁹⁶. Конечно, сообщение об этой «улике» выглядит несколько театральным. Его можно было бы не принимать всерьез, если бы оно принадлежало какого-нибудь противнику якобинцев, допустим, тому же Гийону. Но ведь Ниош был одним из тех комиссаров, которые совсем недавно одобрили проекты лионских радикалов о создании собственной армии и трибунала! Тем не менее, его рапорт оставляет ощущение правоты противников Шалье, хотя сам депутат не раз повторял, что не понимал, чью сторону ему следует принять.

Наступил решающий день противостояния – 29 мая 1793 г.

Протокола муниципалитета за этот день нет: видимо, радикалам было уже не до записей. В протоколах же администрации департамента за-

⁹⁵ Ibid. P. 308, 300.

⁹⁶ Nioche P.C. Op.cit. P. 8.

пись есть, но выглядит она несколько курьезно. Секретарь сообщает, что генеральный совет в тот день не собирался, но в зал заседаний ворвался какой-то незнакомец, который принялся выкрикивать обвинения в адрес департаментских властей и потребовал выдать ему Дюбо, председателя генсовета. Не поверив секретарю, что на месте никого нет, незнакомец принялся обыскивать здание, заглядывая даже в шкафы и крича при этом, что сожрет Дюбо, ежели того обнаружит. Разумеется, поиски оказались тщетными. А через секунду спустя после того, как незнакомец ушел, с площади Терро донеслись выстрелы⁹⁷.

Как разворачивались события в тот день? Ночью с 28 на 29 мая был создан комитет из председателей секций, объявивших свои заседания непрерывными. Утром, на первом заседании этого органа, прозвучали слова о раскрытии заговора, направленного против настоящих республиканцев и руководимого муниципалитетом⁹⁸. Борьба между восставшими секциями и правившими в городе радикалами осознавалась горожанами как сопротивление народа угнетению. Противники Шалье придерживались той же политической культуры, что и он сам, и вполне по-якобински сочли общественные конфликты и неурядицы результатами заговора.

В ту же ночь сторонники муниципалитета заняли арсенал и укрепились в нем, а перед Ратушей развернули свою артиллерию и кавалерию⁹⁹.

Практически всю эту ночь комиссар Конвента Ниош провел без сна. Покинув Комитет общественного спасения, он вместе с верными муниципалитету войсками какое-то время патрулировал город, но не заметил ничего подозрительного. Вернувшись в комитет около четырех часов ночи, Ниош получил сообщение о необходимости арестовать какой-то «ложный патруль» из 60 человек. Он предостерег членов муниципалитета от поспешных арестов, но на деле таковым не препятствовал¹⁰⁰. Очевидно, этим «ложным патрулем» были сторонники секций, которых действительно арестовали по распоряжению городских властей¹⁰¹.

Аресты испугали и разозлили сторонников администрации департамента. Активисты секции Пор-дю-Тампль выбили радикалов из арсенала, превратив его в штаб движения против муниципалитета. Там же находилось и департаментское начальство, которое агрессивный незна-

⁹⁷ Procès-verbaux des séances du conseil général de département de Rhône-et-Loire, 1790-1793. Vol. 2. P. 310.

⁹⁸ Маркова В.Д. Указ. соч. С. 55.

⁹⁹ Guillon A. Op. cit. P. 196.

¹⁰⁰ Nioche P.C. Op.cit. P. 9.

¹⁰¹ Guillon A.P. Op. cit. P. 197.

комец тщетно разыскивал по шкафам в здании генерального совета. Батальоны секций направились к арсеналу для получения оружия¹⁰².

Всё это происходило около пяти часов утра. Едва прилегшего поспать Ниоша подняли сообщением о том, что секции вооружаются. В последующие часы он тщетно будет метаться из одного лагеря в другой, из комитета секций в муниципалитет, потом в арсенал и обратно, пытаясь примирить враждующие стороны. И всё это – совершенно не понимая, кто прав, и даже подозревая, что всё происходящее – некая инсинуация ради того, чтобы потом выставить виноватыми их, комиссаров. На страницах своего рапорта Ниош признавался, что был поражен тем, что из уст обеих сторон звучали одинаковые республиканские лозунги¹⁰³.

В комитете секций Ниош просил их сложить оружие, обещая организовать, в свою очередь, разоружение муниципалитета, но ему не верили, напоминая о постановлении от 14 мая. В разгар этих переговоров и донеслись с площади Терро первые выстрелы. Затем пришло сообщение, что убито 200 человек, включая те 60, которых ночью называли «ложным патрулем»¹⁰⁴. Как выяснилось впоследствии, Ж. Барбье, командир батальона секции Брута, решил перейти на сторону муниципалитета и, явившись со своими подчиненными к Ратуше, вступил в переговоры с его представителями. Однако солдаты секции Брута заявили, что не признают власти муниципалитета, после чего по ним был открыт огонь¹⁰⁵.

Продолжая выступать в роли переговорщика, Ниош переместился в муниципалитет, где уже находился его коллега Готье. Вместе они подготовили постановление о том, чтобы 1) граждане, занявшие арсенал, немедленно передали его назначенцам комиссаров; 2) все разоружились и шли по домам; 3) тогда комиссары уведут от города войска и выпустят арестованных. С этим постановлением Ниош вернулся в арсенал. Там его условия не приняли, а предложили подписать уже подготовленное советом департамента постановление о роспуске муниципалитета. Сославшись на то, что не может принять такое решение без коллеги, Ниош фактически оказался в заложниках у восставших¹⁰⁶.

Тем временем батальоны секций организованно пошли в атаку на Ратушу, крича «Долой муниципалитет! Да здравствует департамент!»¹⁰⁷.

¹⁰² Ibid. P. 198.

¹⁰³ Nioche P.C. Op.cit. P. 10-16.

¹⁰⁴ Ibid. P. 13-14.

¹⁰⁵ Belleydier A. Histoire politique et militaire du peuple de Lyon pendant la Révolution française. Vol. 1. P., 1845. P. 200.

¹⁰⁶ Nioche P.C. Op.cit. P. 19-21.

¹⁰⁷ Belleydier A. Op. cit. P. 204.

Их встретили ружейным огнем. Вскоре вся площадь Терро была покрыта мертвыми и умирающими, но стороны подтягивали всё новые силы. В то время как Ниош оставался заложником у властей департамента, Готье в Ратуше вдохновлял на бой войска муниципалитета¹⁰⁸.

К 6 часам вечера сторонники департамента запросили мира, и Готье отправился в арсенал в качестве переговорщика. Затем положение переменялось: после девяти стало известно, что на помощь департаменту идут войска из окружающих Лион деревень, а Ратуша окружена. В такой ситуации оба комиссара, то ли поняв, что дело сторонников Шалье проиграно, то ли искренне желая прекратить кровопролитие, все-таки согласились на низложение городских властей. Они отправили обратно те войска, что прибыли с ними из Альпийской армии¹⁰⁹, а тем, что защищали муниципалитет, приказали уйти в казармы. «Мы были морально свободны, но окружены штыками»¹¹⁰, – так охарактеризовал Ниош положение представителей Конвента. Ночью противники Шалье заняли Ратушу и арестовали находившихся там радикалов¹¹¹.

Лион после восстания

Назавтра лионцы поздравляли друг друга по всему городу. Была открыта подписка в пользу вдов и сирот погибших ночью граждан. По сообщению Гийона, последних насчитывалось до 600¹¹². Весь день по городу ходили прибывшие из деревень солдаты: они били в барабаны и кричали «Да здравствует республика!». Правда, к Ниошу закрались сомнения относительно республиканизма новых властей, тем более что на улице некоторые открыто называли его и Готье убийцами народа. Однако, заметив, что дерево свободы не срублено, комиссар пришел к выводу, что всё не так уж плохо. Около этого дерева они вместе с коллегой и департаментскими властями принесли республиканскую клятву. Аресты радикалов продолжались, причем производились они, по словам Ниоша, таким образом, что вселяли страх в добрых граждан¹¹³. Интересно, что точно так же Гийон характеризовал аресты при прежнем муниципалитете!

На другой день «выяснилось» – тоже совершенно в якобинском духе, – что Шалье связан еще и с роялистами: Ниошу продемонстрировали

перехваченное на почте письмо из Германии, из которого следовало, что вожак лионских радикалов служит принцам¹¹⁴. Есть упоминание об этом письме и в протоколе генерального совета департамента, правда, уже без упоминания Шалье, но с пометкой, что названных в письме лиц было приказано схватить¹¹⁵.

Больше всего заботило департамент в эти дни, как бы переворот в Лионе не сочли роялистским. Такие опасения прозвучали уже 30 мая. Дабы их развеять, новые власти разослали по окрестностям воззвания с объяснением случившегося и просили комиссаров отправить в Париж соответствующую реляцию. Ниош и Готье заверили лионцев в своем расположении и обещали сообщить Конвенту, что те отстояли свою свободу¹¹⁶. В дальнейшем в своем отчете Ниош напишет, что комиссары чувствовали себя пленниками новых властей Лиона, а утром 31 мая к ним даже ворвались вооруженные люди, собиравшиеся их убить¹¹⁷. Однако уже 1 июня комиссаров отпустили, и они покинули город.

Когда комиссары еще находились в Лионе, до них дошли слухи об идее создать трибунал для суда над арестованными 29 мая. Согласно протоколам генсовета департамента, там 1 июня решали, отправить ли арестантов в Париж или судить их на месте. 3 июня депутация от всех 32 секций просила учредить собственный трибунал¹¹⁸ – то есть, сделать то же самое, что Конвент накануне запретил сторонникам Шалье и что стало одной из причин восстания против них! Теперь секции обращались в администрацию департамента со своими карательными инициативами так же, как совсем недавно якобинцы обращались в муниципалитет.

4 июня посланцы от департаментов Монблан и Сона-и-Луара предложили лионцам бороться против заговоров вместе¹¹⁹. Эти заговоры по-прежнему виделись горожанам повсюду. Ходили слухи, будто пули сторонников муниципалитета 29 мая были отравлены, что и вызвало высокую смертность среди раненых¹²⁰. В обращении к гражданам дистрикта Монбризон – того самого, где по словам радикалов, а также Лежандра, Базира и Ровера царил контрреволюция – лионцы предложили «биться

¹¹⁴ Ibid. P. 26.

¹¹⁵ Procès-verbaux des séances du conseil général de département de Rhône-et-Loire, 1790-1793. Vol. 2. P. 315-316.

¹¹⁶ Ibid. P. 310-312.

¹¹⁷ Nioche P.C. Op.cit. P. 28-29.

¹¹⁸ Procès-verbaux des séances du conseil général de département de Rhône-et-Loire, 1790-1793. Vol. 2. P. 319-320.

¹¹⁹ Ibid. P. 322.

¹²⁰ Tissot C.J. Observations sur les causes de la mort des blessés par des armes a feu, dans la journée du 29 mars 1793 à Lyon. Lyon, 1793.

¹⁰⁸ Guillon A.P. Op. cit. P. 201-203.

¹⁰⁹ Nioche P.C. Op.cit. P. 22-23.

¹¹⁰ Ibid. P. 23.

¹¹¹ Guillon A.P. Op. cit. P. 207.

¹¹² Ibid. P. 214.

¹¹³ Nioche P.C. Op.cit. P. 24-28.

до последней капли крови, дабы защитить родину от коалиции деспотов и их агентов, прикрывающихся маской патриотизма». Там же высказывалась надежда, что «у заговорщиков против свободы и равенства ничего не выйдет»¹²¹. 7 июня на заседании генсовета департамента речь велась о том, что «анархисты», состоящие в союзе с аристократами, злонамеренно распространяют ложные слухи о перевороте в Лионе¹²². 19 июня рассматривался вопрос о подозрительных иностранцах, слоняющихся по городам департамента¹²³, и снова, как и при Шалье, приезжие изображались одним из основных врагов...

К этому времени до Лиона уже дошло известие, что 2 июня в Париже изгнали жирондистов из Конвента. Вышло так, что в двух главных городах республики практически одновременно произошли очень похожие, но «разнонаправленные» события. С точки зрения лионцев, над народным представительством было совершено насилие, оно стало неполным и нелегитимным. Пришедшие к власти монтаньяры, в свою очередь, высказались в поддержку лионских радикалов. Лосселя, арестованного комиссарами еще в апреле за злоупотребления и сидевшего в парижской тюрьме Аббатства, выпустили, а Шалье и других арестованных 29 мая Конвент взял под покровительство и затребовал в парижский трибунал. Но, по словам Гийона, лионцы не хотели отправлять их в тот суд, которым накануне был с триумфом освобожден Марат¹²⁴. Риара и Шалье поспешили осудить и обезглавить. Любопытно, что это была первая казнь на гильотине¹²⁵, которую сами же радикалы выписали в Лион и которой так долго пугали своих граждан.

Заключение

Попытаюсь хотя бы в общем виде сформулировать ряд выводов, которые, возможно, позволят пролить свет на вопрос о том, как и почему произошло восстание 1793 года в Лионе.

1. Без сомнения, восстание 29 мая и его печальные последствия для радикалов во многом были результатом действий самих этих радикалов. Речь идет не столько о социально-экономических мерах, которые возможно, и были оправданны, сколько о террористической риторике, побо-

¹²¹ *Badger L.B.* Les sections de Lyon aux citoyens du district de Montbrison. Lyon, 1793. P. 1-6.

¹²² Procès-verbaux des séances du conseil général de département de Rhône-et-Loire, 1790-1793. Vol. 2. P. 327-328.

¹²³ Ibid. P. 349.

¹²⁴ *Guillon A.P.* Op. cit. P. 224.

¹²⁵ *Moissonier M.* Révolution française et classes sociales des "chaliér" de Lyon // La Pensée: revue du rationalisme moderne. 1996. № 1 (305). P. 146.

рах, произвольных арестах и вторжениях в жилища. Сторонники Шалье насаждали в городе атмосферу страха: бедняков они пугали голодом, богачей – своими кровожадными призывами, всех вместе – контрреволюционными заговорами. Постоянные вторжения в жилища, ночные обыски, разоружение одних и вооружение других – всё это тоже не внушало уверенности в завтрашнем дне. По городу постоянно ползли слухи о готовящейся радикалами резне. Важно, однако, обратить внимание на то, что все эти слухи и призывы каждый раз так и оставались лишь слухами и призывами! В Лионе при Шалье не было террора: выписанная из Парижа гильотина не действовала; случайных арестантов выпускали, а не судили по вымышленным обвинениям. Таким образом, радикалы достаточно напугали людей лишь для того, чтобы настроить против себя и вызвать желание защищаться, но не настолько сильно, чтобы заставить смириться со своим положением. Кроме того, сторонники Шалье популяризировали идею о том, что решение социальных конфликтов через насилие нормально. В конце концов, это обернется против них же: сначала в деле с кражей масла, а потом 29 мая.

2. В значительной степени лионские события мая 1793 года стали результатом конфликта между двумя уровнями власти – властями департамента и города. Как мы видели, их конфликт длился долгое время, то затихая, то усиливаясь, и не прекратился даже несмотря на то, что составы обоих генеральных советов существенно обновились с течением времени. К тому же на всем протяжении конфликта наблюдалась неопределенность правовых полномочий обоих центров власти. Захватив инициативу, муниципалитет стал играть ведущую роль по отношению к департаменту, а кое в чем узурпировал даже полномочия центральной власти, учредив свой максимум, свою армию и свой трибунал. Затем большинство граждан объединилось вокруг администрации департамента, и в считанные дни главенство перешло к ней. В определенной мере развитию событий способствовала и путаница с процедурой избрания секционных комитетов, а также с их полномочиями и количеством. Таким образом официальные органы превратились в штабы восстания, а официальные процедуры стали механизмом его развертывания.

3. Нельзя не отметить и роль парижских властей в том, как именно повернулось дело в Лионе. Их позиция была противоречивой и непоследовательной. При короле симпатии центра были на стороне департамента. С установлением республики в фаворе оказался Шалье, которого, впрочем, едва ли можно назвать единомышленником большинства членов Конвента образца 1792-1793 гг., который отклонил первую

попытку установить максимум. Комиссары Лежандр, Базир и Ровер с самого начала откровенно потворствовали эксцессам со стороны радикалов, и хотя впоследствии начали их арестовывать, у граждан сложилось впечатление, что в целом Конвент за Шалье. Запрет трибунала прозвучал как гром среди ясного неба! Это не могло не подорвать позиции радикалов, не могло не вдохновить их противников на сопротивление. С началом этого сопротивления новые комиссары Конвента – Готье, Ниош и другие – вновь никак не могли определиться, на чьей они стороне. И разумеется, на восприятие Конвентом Лионского восстания наложили события 31 мая – 2 июня в Париже: не будь их, возможно, судьба второго города республики оказалась бы иной.

4. Исход майского противостояния 1793 года решился в пользу департамента не в последнюю очередь вследствие множества ошибок, допущенных муниципалитетом в последние дни своего существования. Радикалы инициировали эскалацию конфликта, подняв сбор с богатых до миллиарда, разгоня секционные собрания, допуская кроважидные призывы своих приверженцев и, наконец, первыми прибегнув к насилию. Возможно, мировоззрение сторонников Бертрана и Шалье, а именно - идея тотального противостояния богатых и бедных, объяснение всех проблем действиями неких заговорщиков, осадная психология и т. п., помешало им реально оценить ситуацию и принять эффективные меры для устранения конфликта и сохранения своей власти.

5. Называть роялистами тех, кто победил в ходе восстания в Лионе 29 мая, нет никаких оснований. Несмотря на ожесточенное противостояние, взгляды на мир и на общество обеих сторон лионского конфликта представляются довольно схожими. Без сомнения, и те, и другие – вышли из лона одной и той же политической культуры. Хотя радикальный муниципалитет во многом был свергнут за призывы к террору, собственно террор начался уже при новых властях, и Шалье стал его первой жертвой. Сторонникам департамента в той же мере, что и его противникам, были свойственны склонность к чрезвычайным мерам, стремление делить людей на «своих» и «чужих», мания заговоров. Впрочем, я пока не берусь дать исчерпывающую характеристику взглядам тех, кто правил Лионом с мая по октябрь 1793 г. – это будет темой дальнейшего исследования.

Список литературы

- Маркова В.Д. Народное движение в Лионе (21 сентября 1792 – 29 мая 1793) // Уч. Записки МГПУ им. В.И. Ленина. 1949. Т. 58. С. 3-62. [Markova V.D. Narodnoe dvizhenie v Lione (21 sentyabrya 1792 – 29 maya 1793) // Uch. Zapiski MGPU im. V.I. Lenina. 1949. T. 58. S.3-62.]
- Adresse du directoire du département de Rhône et Loire, à l'Assemblée nationale. Lyon: de l'Imp. d'Aimé Vatar-Delaroche, 1792.
- Badger L.B. Les sections de Lyon aux citoyens du district de Montbrison. Lyon: s.é., 1793.
- Belleydier A. Histoire politique et militaire du peuple de Lyon pendant la Révolution française. Vol. 1. P.: Curmer, 1845.
- Chalier J. Adresse de Joseph Chalier, officier municipal de la ville de Lyon, à l'Assemblée nationale. P.: de l'Impr. nationale, 1792.
- Chalier J. Adresse du conseil général de la commune de Lyon, lue à l'Assemblée nationale, dans la séance du 13 février 1792. P.: de l'Impr. nationale, 1792.
- Gonon P.M. Lyon en 1793: procès-verbaux authentiques et inédits du Comité de surveillance de la section des droits de l'homme pendant le siège. Lyon: Mothon, 1847.
- Guillon A. Histoire de siège de Lyon, des événements qui l'ont précédé et des désastres qui l'ont suivi. Lyon: s.é., 1797.
- Moissonier M. Révolution française et classes sociales des «chaliens» de Lyon // La Pensée: revue du rationalisme moderne. 1996. №1 (305). P. 145-160.
- Nioche P.C. Rapport fait à la Convention nationale par P.C. Nioche l'un des représentants du Peuple envoyés près l'armée des Alpes. Sur les malheureux événements arrivés à Lyon le 29 mai 1793, an II de la République française. P.: de l'impr. nationale, 1793.
- Procès-verbaux des séances du conseil général de département de Rhône-et-Loire, 1790-1793. Trévoux: Impr. de J. Jeannin, 1895. Vol. 2.
- Procès-verbaux des séances des corps municipaux de la ville de Lyon. Lyon: Impr. nouvelle lyonnaise, 1899-1907. Vol. 3-4.
- Tissot C.-J. Observations sur les causes de la mort des blessés par des armes à feu, dans la journée du 29 mars 1793 à Lyon. Lyon: Impr. de Bruiset frères, 1793.

Chepurina M. Origins and Mechanism of Lyon Uprising in 1793

The article is devoted to the social mechanism of Lyons uprising in 1793. Analyzing the protocols of town and departmental councils as well as other sources, the author discovers the sequence of events because of which Lyon came into confrontation with Paris. The anti-Jacobin uprising seems as a result of complex combination of various factors such as the extremist actions of Lyon radicals, conflict of various branches of local government, the inconsistency of the Convention politics and the confluence of circumstances. The author refutes the widespread opinion that the Lyon uprising was royalist.

Keywords: French Revolution, Lyon uprising in 1793, M.J. Chalier, conflict mechanism.

Д.В. Зайцева***СЕНТЯБРЬСКИЕ УБИЙСТВА 1792 ГОДА
В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КАРЬЕРЕ Ж.-Л. ТАЛЬЕНА**

В организации сентябрьских убийств 1792 г. обвинялся ряд видных деятелей Революции, в числе которых был член Парижской коммуны, один из будущих организаторов термидорианского переворота Жан-Ламбер Тальен. Его участие в сентябрьских событиях в дальнейшем давало его политическим противникам благодатную почву для обвинений. В статье предпринята попытка рассмотреть, какие факты послужили поводом для нападков на Тальена, а также проанализировать, каким образом его предполагаемая причастность к убийствам отразилась на его политической карьере.

Ключевые слова: Французская революция XVIII в., Ж.-Л. Тальен, сентябрьские убийства 1792 г.

Сентябрьские убийства 1792 г. – один из наиболее известных, но до сих пор активно дискутируемых эпизодов истории массовых движений периода Французской революции XVIII в. Со 2 по 4 сентября в Париже разъяренные толпы врываются в тюрьмы и чинили кровавую расправу над заключенными. Позже аналогичные события произошли в Версале, Реймсе, Лионе и ряде других городов. Говоря об общем числе жертв, убитых в тюрьмах, некоторые современники определяли его в 8 тыс. (выступление Ланжюине в Конвенте 8 февраля 1793 г.). Историки называют более скромные цифры: так, М. Терно насчитал в Париже 1368 погибших¹.

До сих пор остается открытым вопрос, кто виноват в произошедшем. По словам историка Ж. Вальтера «все представители публичной власти, коллективные или индивидуальные, виновны, но виновны только в том, что побоялись, что доказали своим поведением, трусливым и эгоистич-

* Дарья Владимировна Зайцева, младший научный сотрудник лаборатории «Мир в эпоху Французской революции и Наполеоновских войн» Института всеобщей истории РАН, аспирантка Государственного академического университета гуманитарных наук.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, грант № 14-18-01116.

¹ Ternaux M. Histoire de la Terreur. Т. 3. Р., 1863. Р. 548. С этими цифрами согласен и А. Лакап, см.: Lacap H. Notice sur Tallien. Bordeaux, 1959. Р. 26.

ным, слабость их собственных революционных институтов, которые они преподносили как оплот нового социального порядка»².

Нет однозначного ответа и на вопрос, являлись ли эти убийства запланированной и тщательно организованной акцией, или же были вызваны исключительно паникой и ужасом, овладевшими толпой «при звуках набата и выстрелах вестовой пушки, – когда народ вдруг вообразил, что ему угрожает опасность со стороны могущих освободиться аристократов»³, и впал в состояние психоза, когда «одного жеста, одного возгласа было достаточно, чтобы подать сигнал к линчеванию»⁴. П. Карон, посвятивший сентябрьским убийствам фундаментальное исследование, отмечал, что состояние источников не позволяет утверждать, что убийства были «организованы административно»⁵. А вот Ф. Блюш, также специально изучавший данный сюжет, считает, что, если нехватка источников и не дает оснований говорить об организации убийств властями, то все же отнюдь не исключает возможности организации этой резни неофициальным путем⁶. Напротив, по мнению М.-Г. Буркена, предположение о том, что убийства были тщательно подготовлены, согласованы и оплачены представляется невозможным по целому ряду причин, что, впрочем, не опровергает того факта, что им способствовали призывы Ж.-П. Марата к истреблению врагов Революции и пассивное соучастие министра юстиции Ж. Дантона⁷.

Не прекращаются споры и о том, кто из политических деятелей и в какой степени был замешан в этих событиях. Среди обвиняемых в причастности к убийствам был и один из лидеров термидорианского Конвента Ж.-Л. Тальен. В 1794-1795 гг., когда участие в сентябрьской резне перестало считаться доблестью, политические противники Тальена активно выдвигали против него такое обвинение. Попробуем проанализировать, в чем именно обличали они Тальена и какие предпосылки для этого существовали, а также какую именно роль сентябрьские события 1792 г. сыграли в его политической карьере.

Жан-Ламбер Тальен, молодой журналист, учредитель и руководитель братского общества в Сент-Антуанском предместье, получил во время восстания 10 августа 1792 г. пост секретаря повстанческой коммуны Па-

рижа. Эту же должность он занимал и тогда, когда произошли кровавые события начала сентября 1792 г. 2 сентября, с началом массовых убийств, Совет коммуны, поняв, что ситуация выходит из-под контроля, создал антикризисный комитет, который поручил Тальену и Трюшону организовать ночное дежурство в Ратуше⁸.

В ночь со 2 на 3 сентября в Законодательное собрание, которое затребовало сведения о ситуации, явилась комиссия в составе Тальена, Трюшона и Гиро и представила отчет о происходящем. Трюшон сообщил, что «в настоящий момент большая часть тюрем пуста; убиты около 400 заключенных»⁹. Тальен добавил, что в Аббатстве, где, в частности, были уничтожены задержанные за изготовление фальшивых ассигнатов, спаслось всего 11 человек¹⁰. По его словам, несмотря на то, что комиссары «сделали все возможное, чтобы воспрепятствовать бесчинствам», они так и не сумели остановить «звериную месть народа»¹¹.

Что именно делал Тальен, исполняя свою миссию? Действительно ли он пытался «воспрепятствовать бесчинствам» или, напротив, поощрял их? На сей счет в исторической литературе высказывались разные мнения.

По свидетельству современницы тех событий мадам де Сталь, Тальен вместе с другими представителями Коммуны спас нескольких человек, в том числе и ее саму: «На следующий день Тальен <...> пришел ко мне по поручению Коммуны, чтобы сопроводить меня до ворот. Ежеминутно мы узнавали о новых убийствах. Несколько человек, подвергавшихся опасности, находились в тот момент в моей комнате. Я молила Тальена не упоминать о них; он дал обещание и сдержал свое слово»¹².

Ссылаясь на доклад Трюшона, сопровождавшего Тальена в его миссии, историк А. Лакап пишет, что они взяли под свое покровительство мадемуазель де Турзель и мадам де Сен-Брис¹³. А биограф Тальена Т. Шарль-Вайян сообщает, что он также заступился за камердинера Людовика XVI – Франсуа Гуэ¹⁴, о чем последний сообщил в своих вос-

⁸ Charles-Vallin T. Tallien, le mal-aimé de la Révolution. P., 1997. P. 52.

⁹ Buchez Ph. J. B., Roux P. Histoire parlementaire de la Révolution française ou Journal des assemblées nationales, depuis 1789 jusqu'en 1815. T. 17. P., 1835, P. 353.

¹⁰ Ibid.

¹¹ Extrait de la collection generale des decrets rendus par l'assemblee legislative du 1er septembre 1792 au 20 du meme mois. T. 2. P., s.d. P. 607.

¹² Staël A.L.G. Considérations sur la révolution française // Staël A.L.G. Ouvrage posthume / Publié en 1818 par M. le duc de Broglie et M. le baron de Staël. T. 1. P., 1862. P. 400-401.

¹³ Lacap H. Op. cit. P. 34.

¹⁴ Charles-Vallin T. Op. cit. P. 54.

² Цит. по: Lacap H. Notice sur Tallien. Bordeaux, 1959. P. 33.

³ Кабанес О., Насс Л. Революционный невроз. М., 1906. С. 19.

⁴ Ozouf M. Massacres de septembre: qui est responsable? // L'Histoire. 2009. № 342, mai. P. 52.

⁵ Caron P. Les massacres de septembres. P., 1935. P. 357.

⁶ Bluche F. Septembre 1792: Logiques d'un massacre. P., 1986. P. 131.

⁷ Bourquin M.-H. Monsieur et Madame Tallien. P., 1987. P. 108.

поминаниях, опубликованных в 1903 г. его правнуком, бароном де Марикуром¹⁵.

Косвенно, эти свидетельства подтверждаются и словами самого Тальена, который, говоря той же осенью 1792 г. о сентябрьских убийствах, заметил, что горестные события тех дней ему скрасило счастье, испытанное им при возвращении «безутешным семьям отцов, супругов, детей», спасенных «от народной мести»¹⁶.

Однако в биографии его супруги Терезы Кабаррюс, написанной в 1936 г. принцессой Шиме, утверждается, что прокурор Коммуны «Манюэль <...> отправил Тальена вознаградить и подстегнуть убийц»¹⁷. Правда, исследовательница М.-Э. Буркен приводит свидетельство главы секции Четырех Наций (там находилась тюрьма Аббатства, где происходили убийства) А.-Г. Журдана, опровергающее непосредственное отношение Тальена к денежному вознаграждению убийц¹⁸.

А. Лакап тоже упоминает о том, что Тальену вменяли в вину подписание приказов о денежном вознаграждении убийц, инициированном Бийо-Варенном¹⁹, но при этом сам же и отмечает, что оплата была, по видимому, вознаграждением не за убийства, а за выполненные затем погребальные работы²⁰.

Ф. Блюш выдвигает предположение, что в ночь на 3 сентября Тальен представил Законодательному собранию ложный отчет, а сам, в сущности, был активным и сознательным соучастником убийц, однако никакого подтверждения этой версии не дает²¹.

Возможно, поводом для обвинений Тальена послужила фраза, прозвучавшая в одном из его выступлений за несколько дней до начала сентябрьской резни. 28 августа, выступая в Собрании, Дантон призвал к народной войне и предложил собрать и отправить к границам всех граждан, способных носить оружие. Для вооружения граждан было предложено разрешить муниципалитетам задерживать подозрительных и изымать оружие у них. Собрание приняло предложенные Дантоном меры, и уже в ночь на 30 августа были проведены обыски и аресты в домах «подозрительных». 31 августа Тальен так высказался о проходящих обысках:

¹⁵ Souvenirs du Baron Hüe, officier de la chambre du roi Louis XVI et du roi Louis XVIII. (1787 - 1815) / Publiés par le Baron de Maricourt, son arriere petit-fils. P., 1903.

¹⁶ *Buchez Ph. J. B., Roux P.* Op. cit. T. 20. P., 1835. P. 159-163.

¹⁷ Цит. по: *Bourquin M.-H.* Op. cit. P. 109.

¹⁸ Ibid.

¹⁹ *Lacap H.* Op. cit. P. 25.

²⁰ Ibid. P. 33.

²¹ *Bluche F.* Op. cit. P. 167.

«Оружие, конфискованное у подозрительных, мы принесем вам, чтобы вложить его в руки защитников Отечества. Мы арестовали несприязнувших священников; через несколько дней земля Отечества будет очищена от них»²². Впрочем, подобное заявление носило достаточно абстрактный характер и не выходило за рамки обычных для революционного дискурса риторических угроз. Прямого же доказательства причастности Тальена к организации сентябрьской резни никому из историков найти так и не удалось.

Тем не менее, его присутствие в составе комиссии по тюрьмам, а также некоторые последующие высказывания относительно сентябрьских событий дали повод политическим противникам обвинить его позднее в причастности к убийствам.

Первое время после сентябрьских убийств монтаньяры отнюдь не считали их преступлением, а, напротив, рассматривали скорее как благо. На заседании Якобинского клуба 5 ноября 1792 г. Колло д'Эрбуа выступил с речью, встреченной громкими аплодисментами: «2 сентября является великим знаменем нашей свободы. Мы горюем о некоторых последствиях, которые он (день 2 сентября. – Д.З.) произвел, но без этого дня революция никогда не оказалась бы свершившейся. Не было бы свободы, не было бы Конвента»²³. Его поддержал Барер: «Этот день, о котором не следовало бы больше говорить, чтобы не порицать революцию, сохранился в памяти обычного человека как преступление, поскольку был нарушен закон; но в глазах государственного деятеля он повлек за собой два значимых следствия: устранил заговорщиков, которых, казалось, был не в состоянии поразить меч правосудия, и уничтожил все губительные замыслы, порожденные гидрой фельянизма, роялизма и аристократии, которая поднимала свою безобразную голову за крепостными стенами Вердена и Лонгви»²⁴. Вместе с тем, Барер вслед за Колло д'Эрбуа повторил: «Мы оплакиваем несчастья 2 сентября»²⁵.

Вскоре после убийств Тальен выпустил памфлет «Правда о событиях 2 сентября»²⁶, где ответил на осуждение происшедшего, высказанное Ж.-П. Бриссо²⁷. Эта брошюра была написана предположительно в конце октября – начале ноября 1792 г.²⁸ Необходимость ее публикации новоиспе-

²² *Bourquin M.-H.* Op. cit. P. 101.

²³ *Moniteur Universel.* N 319. 1792. 14 novembre.

²⁴ Ibid.

²⁵ Ibid. P. 464.

²⁶ La vérité sur les événements du 2 septembre // *Buchez Ph. J. B., Roux P.* Op. cit. T. 20. P. 159-163.

²⁷ *Bourquin M.-H.* Op. cit. P. 108.

²⁸ Ibid.

ченный член Конвента объяснял тем, что в Париже распространилась клевета о происшедшем, и депутаты из департаментов исполнились в этой связи предубеждениями, которые необходимо развеять. Тальен также рассказал о своей роли в тех событиях и разъяснил причины, по которым они произошли²⁹. Он акцентировал внимание на том, что оказался причастен к этим событиям лишь потому, что стремился спасти людей, которые находились в тюрьме, не будучи осуждены в соответствии с законом.

Что касается предпосылок, вызвавших массовую резню, то здесь Тальен замечает, что одной из основных причин стал заговор в тюрьмах, где якобы получило широкое распространение печатанье фальшивых ассигнатов. Предполагалось, что на эти деньги будут подкуплены «негодяи», которые освободят и вооружат заключенных. Еще одну причину он видел в медлительности судов, из-за чего задержанные ожидали окончательного приговора по 2-3 года. Также весомым поводом к началу бойни стала распространившаяся новость о том, что Верден взят армией герцога Брауншвейгского. Парижская коммуна призвала народ к оружию, но горожане всерьез опасались, что их семьи в отсутствие мужчин могут пострадать от «злодеев», которые заключены в тюрьмах и вот-вот вырвутся на волю. Поэтому, решив, что прежде чем сразиться с внешним врагом, нужно уничтожить врага внутреннего, жители столицы устремились в тюрьмы.

В завершение памфлета Тальен, признавая чудовищность произошедшего, отмечает, что на действия, «которые в спокойное время должны были бы быть наказаны по всей суровости закона, во времена революции и потрясений нужно набросить покрывало, и оставить истории хлопоты по увековечению и оценке революционной эпохи, которая была гораздо более полезной, чем нам кажется»³⁰.

Как видим, в своем памфлете Тальен, хотя и выразил сожаление о происшедшем, не осудил сентябрьские убийства, а скорее оправдал их. Такая точка зрения вполне согласовывалась с настроениями, господствовавшими среди монтаньяров, признававших массовую резню в тюрьмах хоть и трагическим, но полезным событием. Тальен, изложив публично свои взгляды, с одной стороны оправдывал себя – якобы вмешался в происшедшее исключительно затем, чтобы спасти жизни заключенных, с другой оправдывал участников резни.

Ф. Блюш тщательно проанализировал этот текст, отметив, что Тальен приводит противоречивые сведения. Например, упомянув о заговоре,

²⁹ *Buchez Ph. J. B., Roux P.* Op. cit. Т. 20. P. 159-163.

³⁰ *Ibid.* P. 163.

якобы существовавшем в тюрьмах, Тальен затем пишет, что «все заговорщики» были заключены в Аббатстве. В таком случае кажется парадоксальной идея о заговоре, дескать составленном между собой заключенными нескольких тюрем³¹. Историк объясняет противоречия этого текста тем, что Тальен, по его мнению, принял участие, прямое или косвенное, в устранении заключенных и оттого, мол, путается в показаниях³².

О «сентябрьском» прошлом Тальена вновь вспомнили после переворота 9 термидора. Свержение Робеспьера резко изменило политическую ситуацию в стране: жившая до того в постоянном страхе Франция начала выходить из Террора. Новое правительство постепенно демонтировало институты, осуществлявшие ранее политику репрессий. Однако, хотя остававшиеся в Конвенте монтаньяры любой ценой стремились отмежеваться от террористического прошлого, в массовом сознании они по-прежнему отождествлялись с Террором. Именно тогда последние из монтаньяров, вынужденные теперь защищаться от нападков термидорианцев, одним из лидеров которых был Тальен, атаковали его самого, обвиняя в том, что и он был террористом; «в особенности его осуждали за ту роль, которую он предположительно сыграл в убийствах»³³.

Стремясь подстроиться под новую политическую ситуацию, Тальен вскоре после термидорианского переворота выступил перед Конвентом с речью, в которой изложил свои воззрения на систему Террора. Он заявил, что Террор «может быть полезен лишь меньшинству, которое желает притеснить большинство»³⁴ и в настоящее время необходимо поставить в порядок дня не террор, а правосудие. Обращаясь к коллегам, Тальен призвал их, с одной стороны, сохранить революционное правление, с другой – восстановить правосудие, что представляло собою взаимоисключающие требования, ибо «правление может считаться “революционным” лишь постольку, поскольку оно стоит выше законов и обладает правом действовать, руководствуясь лишь необходимостью общественного спасения. Правосудие, напротив, требует, чтобы власть закона распространялась на всё, только так можно гарантировать права каждого»³⁵.

Несмотря на активные призывы Тальена к прекращению Террора, аудитория восприняла его выступление довольно равнодушно. По мнению исследовательницы Т. Шарль-Вайян, вызвано это было тем, что в числе

³¹ *Bluche F.* Op. cit. P. 165.

³² *Ibid.* P. 167.

³³ *Caron P.* Op. cit. P. 207.

³⁴ Discours prononcé à la Convention Nationale dans la séance du 11 fructidor, l'an 2 de la République par Tallien. P., s.d. P. 11.

³⁵ *Генифе П.* Политика революционного террора 1789-1794. М., 2003. С. 24.

слушателей Тальена находились люди из «охвостья Робеспьера» и ярые якобинцы, которым не очень нравилась идея «неограниченной свободы»³⁶. Однако более точной мне кажется оценка Б. Бачко, который считает, что призывы Тальена не были оценены всерьез потому, что все помнили, как еще недавно он говорил о полезности Террора, и «перед тем как стать одной из его потенциальных жертв, он был одним из его творцов»³⁷.

Осенью 1794 г. нападки на Тальена продолжались. 7 ноября (17 брюмера III года Республики) во время выступления Камбона, отчитывавшегося о своих финансовых действиях во время кризиса, Тальен попытался его прервать, на что получил жесткую отповедь: «Я обвиняю тебя, кровожадное чудовище <...> Мое поведение опровергнет все слухи, я не отрекаюсь ни от одного из своих мнений; я обвиняю тебя в том, что ты, по меньшей мере своими воззрениями, запятнал себя теми убийствами, что произошли в парижских тюрьмах <...> я обвиняю тебя в том, что ты покровительствовал разбою»³⁸. Тальен не нашелся что ответить на это обвинение³⁹.

В январе 1795 г. во время дискуссии об упразднении смертной казни, которую Тальен предлагал сохранить для опасных преступников, кто-то из зала назвал его «сентябрьским убийцей». На сей раз Тальен дал решительный отпор своему обвинителю, воскликнув: «Хорошо! Я принимаю обвинение, повторите его с трибуны!»⁴⁰. На трибуну никто не вышел и Тальен продолжил: «Здесь много тех, кто обвиняет меня в том, что я сентябрьский убийца, лишь затем, чтобы заглушить мой голос, потому что они знают, что я видел всё. Они знают, что я пользовался властью, которой в то время обладал, чтобы спасти от убийц многих людей, они знают, что я единственный в Коммуне решил броситься в гущу этой кровожадной толпы, чтобы не позволить им проникнуть в тюремные камеры, доверенные Коммуне... В тот раз я исполнил свой долг, и я исполню его снова, разоблачив зачинщиков того кровавого дня, которые заседают среди нас»⁴¹. Угроза эта, по всей видимости, была адресована депутату Панису, поскольку он был последним среди тех, кто, помимо самого Тальена, находился под подозрением в организации и поддержке сентябрьских убийств, ибо к тому времени остальные обвиняемые – Дантон, Манюэль и Робеспьер уже были мертвы, а Бийо-Варенн находился в ссылке⁴².

³⁶ *Charles-Vallin T.* Op. cit. P. 140.

³⁷ *Бачко Б.* Как выйти из террора? Термидор и революция. М., 2006. С. 81.

³⁸ *Moniteur Universel.* N 50. 1794. 10 novembre.

³⁹ *Ibid.*

⁴⁰ *Moniteur Universel.* N 123. 1795. 22 janvier.

⁴¹ *Ibid.*

⁴² *Granier de Cassagnac M.A.* Histoire des girondins et des massacre de septembre. P., 1860. P. 497.

Журналист и бывший фельян Шарль Лакретель, теперь рьяно боровшийся против террористов, под которыми, как считает Матез, он «подразумевал всех тех, которые работали для революции»⁴³, опубликовал в 1795 г. «Ответ Лакретеля-младшего Тальену», обвинив последнего в многочисленных злодеяниях как человека, «чья юность была отдана преступлениям»⁴⁴. Автор памфлета вопрошал: «Есть ли преступления Горы, к которым вы не имеете отношения? Я нахожу ваш след 31 мая, равно как и 2 сентября; я обнаруживаю его в последствиях этих событий, еще более страшных, чем предшествующие им ужасы»⁴⁵. Он упрекал Тальена в том, что тот занял место секретаря Парижской коммуны – «той самой Коммуны, которая породила все преступления и организовала 2 сентября»⁴⁶. Упомянув о сентябрьских убийствах, Лакретель пишет: «Границы закрываются, тюрьмы наполняются, в дома граждан ежедневно происходят вторжения, войска <...> доверены самым жестоким злодеям. Кто издал эти приказы? – Парижская коммуна. – Кто их подписал? – Тальен, секретарь Парижской коммуны»⁴⁷. В качестве доказательства автор приложил изданный Коммуной документ от 6 сентября 1792 г. с подписью Тальена, призывавший народ бороться с внешними врагами, а также уже упомянутый выше отчет Тальена и его коллег Законодательному собранию о событиях 2 сентября. Однако, хотя документы и имели отношение к сентябрьским событиям, они едва ли могли послужить доказательством непосредственного участия Тальена в организации массовых убийств.

Лакретель, после падения Робеспьера ставший одним из лидеров «золотой молодежи», вел ожесточенную борьбу против бывших монтаньяров, а потому его нападки на Тальена вполне объяснимы: по словам Карона, «было неизбежным то, что термидорианская реакция в охоте на террористов не забудет об участниках сентябрьских убийств»⁴⁸.

Выдвигавшиеся против Тальена обвинения нашли свой отклик в общественном мнении. В донесении агентов парижской полиции от 15 сентября 1795 г. встречается информация о том, что «в секции Ле Пелетье несколько частных лиц поднялись на трибуну и высказались против Конвента и Комитета общественной безопасности; кроме того, один член позволил себе назвать представителей чудовищами и убий-

⁴³ *Mamez A.* Термидорианская реакция. М.-Л., 1931. С. 74.

⁴⁴ *Lacretelle C.* Reponse de Lacretelle le jeune à Tallien. P., s.d. P. 1.

⁴⁵ *Ibid.* P. 7.

⁴⁶ *Ibid.* P. 5.

⁴⁷ *Ibid.* P. 6.

⁴⁸ *Caron P.* Op. cit. P. 207.

цами, упрекая их в событиях 2 и 3 сентября <...>⁴⁹. Тремя днями позже в одном из парижских кафе «пылко высказывались против представителя Тальена и, несмотря на мнимое доказательство его невиновности, он был обвинен в том, что являлся одним из главарей убийств, произошедших в первые дни сентября 1792 г.»⁵⁰. 21 сентября уже в другом месте «представители Лежандр, Тальен, Фрерон и Дюбуа-Крансе были названы народными убийцами и соучастниками резни первых дней сентября 1792 г.»⁵¹.

Как видим, отсутствие прямых доказательств того, что Тальен приложил руку к организации массовых убийств в сентябре 1792 г., отнюдь не мешало политическим противникам обвинять его в терроризме и использовать для политической компрометации факт его участия в комиссии Коммуны. То, что Тальен в 1792 г., подобно большинству его коллег по Горе, попытался в своем памфлете из соображений текущей политической конъюнктуры частично оправдать участников резни, хотя сам же ранее пытался ограничить трагические последствия их действий, обернулось спустя два года против него самого. Оказавшись после 9 термидора в кардинально изменившейся политической ситуации, он из-за ранее высказанного в печати мнения оказался весьма уязвимой мишенью как для «правых», так и для «левых» – последних монтаньяров, ставших его политическими противниками. Те и другие своими нападениями сумели добиться того, что имя Тальена оказалось в общественном мнении неразрывно связано с сентябрьскими убийствами.

Список литературы

- Бачко Б. Как выйти из террора? Термидор и революция. М.: BALTRUS, 2006 [*Bachko B. Как vyiti iz terrora? Termidor i revolyutsiya. M.: BALTRUS, 2006.*]
- Генифе П. Политика революционного террора 1789-1794. М.: Едиториал УРСС, 2003 [*Genife P. Politika revolyutsionnogo terrora 1789-1794. M.: Editorial URSS, 2003.*]
- Кабанес О., Насс Л. Революционный невроз. СПб.: Изд-во Д.Ф. Коморского, 1906 [*Kabanés O., Nass L. Revolyutsionnyi nevroz. SPb.: Izd-vo D.F. Komorskogo, 1906.*]

⁴⁹ *Aulard A. Paris pendant la réaction thermidorienne et sous le Directoire. P., 1898. T. 2. P. 244.*

⁵⁰ *Ibid. P. 254.*

⁵¹ *Ibid. P. 261.*

- Matiez A. Термидорианская реакция. М.-Л.: соцэкгиз, 1931 [Matiez A. Termidorianskaya reaktsiya. M.-L.: sotsekgiz, 1931].*
- Aulard A. Paris pendant la réaction thermidorienne et sous le Directoire. T.2. P.: Maison Quantin, 1898.*
- Bluche F. Septembre 1792: Logiques d'un massacre. P.: Laffont, 1986.*
- Bourquin M.-H. Monsieur et Madame Tallien. P.: Librairie Académique Perrin, 1987.*
- Buchez Ph. J. B., Roux P. Histoire parlementaire de la Revolution française ou Journal des assemblées nationales, depuis 1789 jusqu'en 1815, T. 17, T. 20. P.: Typographie d'Everat, 1835.*
- Caron P. Les massacres de septembres. P.: Maison du livre française, 1935.*
- Charles-Vallin T. Tallien, le mal-aimé de la Révolution. P.: Picollec, 1997.*
- Discours prononcé à la Convention Nationale dans la séance du 11 fructidor, l'an 2 de la République par Tallien. P.: Imprimerie Nationale, s.d.*
- Extrait de la collection generale des decrets rendus par l'assemblee legislative du 1er septembre 1792 au 20 du meme mois. T.2. P.: Imprimeur de la Convention Nationale. s.d.*
- Granier de Cassagnac M.A. Histoire des girondins et des massacre de septembre. P.: Libraire de la Societe des gens de lettres, 1860.*
- Lacap H. Notice sur Tallien. Bordeaux: Taffard, 1959.*
- Lacretelle C. Reponse de Lacretelle le jeune à Tallien. P., s.d.*
- Moniteur Universel. N 319. 1792. 14 novembre.*
- Moniteur Universel. N 50. 1794. 10 novembre.*
- Moniteur Universel. N 123. 1795. 22 janvier.*
- Ozouf M. Massacres de septembre: qui est responsable? // L'Histoire. 2009. № 342, mai. P. 52 – 57.*
- Souvenirs du Baron Hüe, officier de la chambre du roi Louis XVI et du roi Louis XVIII. (1787 – 1815) / Publiés par le Baron de Maricourt, son arriere petit-fils. P.: Calmann Levy, 1903.*
- Staël A.L.G. Considérations sur la révolution française // Staël A.L.G. Ouvrage posthume / Publié en 1818 par M. le duc de Broglie et M. le baron de Staël. T. 1. P.: Charpentier, 1862.*
- Ternaux M. Histoire de la Terreur. T. 3. P.: Michel Lévy, 1863.*

**Zaitseva D. The September Massacres of 1792
in political career of J.-L. Tallien**

Some eminent figures of French Revolution were accused in organization of the September Massacres of 1792, including Jean-Lambert Tallien, the member of the Paris Commune and one of the future leaders of the Thermidorian Convention. Later his participation in events of September gave for his political opponents a good reason to accuse him. The author analyses the facts which gave the pretext for attacks on Tallien and demonstrates the influence which his supposed immixture in the September Massacres had to his political career.

Keywords: the French Revolution, J.-L. Tallien, September Massacres of 1792.

В.Ю. Сергиенко*

**ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЕКТЫ ФРАНЦУЗСКИХ
ЭМИГРАНТОВ В 1792-1795 гг.**

Поклонники английского государственного строя, возглавляемые Мунье, Лалли-Толандалем, Малузэ и Клермон-Тоннером, первые «умеренные», «монархисты» (*monarchiens*, как их называли оппоненты) задавали тон в Конституционном комитете Национального собрания в течение лета 1789 г. Они впервые предложили создать двухпалатный парламент, считая, что демократический принцип, воплощенный в избираемом народом Национальном собрании, должен быть уравновешен второй палатой или Сенатом. Они также поднимали проблему полномочий исполнительной и законодательной властей, до сих пор имеющую важное значение. В 1792 г. после того, как Франция стала Республикой, «умеренные» находились в оппозиции революционному режиму. Изучение их взглядов позволяет понять ряд ключевых моментов идеологии контрреволюционной эмиграции. Хотя им и не удалось справиться с революционным движением во Франции и заручиться поддержкой Английского правительства, их политические проекты сыграли важную роль для подготовки Реставрации монархии в 1814 г.

Ключевые слова: Французская революция XVIII в., контрреволюция, эмиграция, политическая мысль, монархисты.

Французская революция XVIII в. внесла существенные изменения не только в политическую и общественную жизнь страны, но и в судьбы людей. Многие из них, поначалу активно участвовавшие в революционных событиях, не поддержали преобразований, произошедших позднее, не приняли новую модель государственного устройства и были вынуждены эмигрировать.

За рубежом признанными лидерами контрреволюционного движения стали уехавшие из Франции братья Людовика XVI: граф Прованский, впоследствии Людовик XVIII, и граф Артуа, будущий Карл X. Созданный ими в 1793 г. в итальянском городе Верона так называемый Веронский двор выступал идеологическим и политическим центром роялистской эмиграции.

* Владислава Юрьевна Сергиенко, кандидат исторических наук, преподаватель Университета Ниццы им. Софии Антиполис.

Вместе с тем, в конце 1792 г. помимо принцев и тяготевших к ним роялистов – сторонников абсолютной власти короля, образовалась еще одна группа эмигрантов, участники которой несколько лет назад принадлежали к числу «умеренных» депутатов Учредительного собрания Франции или «монархистов» (*monarchiens*). В июле – августе 1789 г. Жан-Жозеф Мунье, Трофим Жерар Лалли-Толандаль, Станислас Клермон-Тоннер, Пьер-Виктор Малуэ во многом задавали тон работе Конституанты: участвовали в важнейших политических дебатах, избирались на руководящие должности в Собрании, разрабатывали Декларацию прав человека и гражданина и первую французскую конституцию. Как и многие другие, они выступали за предоставление гражданских и политических прав всем гражданам, за их равенство перед законом. Однако они опасались слишком широкого применения политических свобод и хотели, чтобы теми пользовались только собственники. 10-11 сентября 1789 г. вместе с другими депутатами, голосовавшими за абсолютное вето короля, «умеренные» вошли в ту группировку Учредительного собрания, которую позднее стали называть «правым крылом»¹. Они стали одними из родоначальников правой идейной политической традиции², которая проходит через всю последующую историю Франции, и в вопросе о соотношении полномочий исполнительной и законодательной ветвей власти, отстаивали широкие prerogatives первой, полагая, что только сильная исполнительная власть может гарантировать стабильность политической системы.

В то же время они предложили, по примеру Англии, создать двухпалатный парламент: слово «Сенат» в качестве названия верхней палаты парламента впервые прозвучало именно в их проекте. Хотя в тот момент такое предложение и не встретило одобрения депутатов Учредительного собрания, опасавшихся того, что верхняя палата станет препятствием на пути развития реформ, через несколько лет, конституция III года Республики введет во Франции именно двухпалатный парламент.

События 5-6 октября 1789 г. вызвали у лидеров «умеренных» обиду, разочарование в собственном народе, опасения за свою жизнь и судьбу монарха, неприязнь к Учредительному собранию, которое не смогло помешать насильственному перемещению Людовика XVI в Париж, а напротив, последовало за ним, уступив требованиям толпы. Этот момент в истории революции положил начало постепенному устранению «уме-

¹ Сергиенко В.Ю. Правые и Левые. У истоков политической традиции // НиНИ. 2007. № 4. С. 182-187.

² *La droite depuis 1789. Les hommes, les idées, les réseaux*. P., 1995 ; *Tackett T. Par la volonté du Peuple. Comment les députés de 1789 sont devenus révolutionnaires*. P., 1997 ; *Saint-Victor J. La première contre-révolution. 1789-1791*. P., 2010.

ренных» с авансены политической жизни. Их лидеры были напуганы вмешательством масс, которые, как они считали, угрожали свободе короля и депутатов и способствовали усилению наиболее радикальных группировок. Мунье и Лалли-Толандаль подали в отставку и покинули Францию. Оставшиеся депутатами Клермон-Тоннер, Малуэ и Монлозье, а также их друг и сторонник, известный журналист Малле дю Пан, не хотели мириться с тем, что исполнительная власть в лице короля занимала подчиненное положение, Людовик XVI терял свое влияние, а в стране усиливались республиканские настроения. Резкую критику со стороны «умеренных» вызвала и сама конституция 1791 г., которая, хотя и сохранила монархию, но, по их мнению, дала недопустимо широкие полномочия Национальному Законодательному собранию в ущерб полномочиям короля. После восстания 10 августа 1792 г., покончившего с монархией, те из «умеренных», кто не погиб во время этих событий, как Клермон-Тоннер, отошли от политической жизни, либо покинули страну, связав свою судьбу с контрреволюционным и эмигрантским движением³.

Находясь в эмиграции, «монархисты» не переставали следить за развитием событий и вскоре убедились, что их опасения за судьбу короля полностью подтвердились. Во Франции восторжествовала республика, а низвергнутому монарху 18 января 1793 г. был вынесен смертный приговор. Проголосовавшие за смертную казнь депутаты Конвента обвиняли его в преступлениях против нации и пособничестве иностранному вторжению. 21 января Людовик XVI был гильотинирован, что означало окончательный разрыв Франции с монархией и открытый вызов европейским дворам. Вслед за этим Франция объявила войну Великобритании, Соединенным провинциям Нидерландов и Испании. Конвент принял чрезвычайные меры: в марте 1793 г. был создан революционный трибунал, а в апреле Комитет общественного спасения. Одновременно в Конвенте весной 1793 г. разгорелась ожесточенная политическая борьба между политическими группировками жирондистов и монтаньяров⁴.

³ Подробнее об истории эмигрантского и контрреволюционного движения см.: *Godechot J. La contre-révolution. Doctrine et action. 1789-1804*. P., 1961 ; *Diesbach G. Histoire de l'émigration. 1789-1814*. 2e éd. P., 1998 ; *Sutherland D. France 1789-1815. Revolution and Counter-revolution*. L., 1985 ; *Gengembre G. La contre-révolution ou l'histoire désespérante*. P., 1989 ; *Osen J. Royalist political thought during the French Revolution*. L., 1995 ; *Sottocasa V. La contre-révolution, une voie de politisation du peuple à l'époque révolutionnaire // La Révolution française, une histoire toujours vivante*. P., 2009. P. 153-169 ; *La contre-révolution : origines, histoire, postérité*. 2me éd. P., 2013.

⁴ Подробнее см.: *Mathiez A. Girondins et Montagnards*. P., 1930 ; *Actes du Colloque Girondins et Montagnards*. P., 1980.

Бывшие «умеренные» были потрясены казнью короля, чьими достоинствами восхищались, кровопролитными восстаниями и ожесточенной борьбой внутри Конвента. Людей, находившихся у власти с момента установления республики, таких как Дантон, Робеспьер, Кутон, Сен-Жюст, они характеризовали исключительно как «монстров»⁵, «убийц»⁶, «кровожадных злодеев»⁷. «О, этот ненавистный день, – писал Малуэ, вспоминая о казни Людовика XVI, – триумф гнусных злодеяний, авторы которых торжествуют и восхваляют себя!»⁸ Не менее Малуэ был потрясен и казнью королевы, ставшей, по его мнению, еще одним примером беспримерной жестокости: «Королева предана смертной казни, отдана в руки подлых злодеев. Аплодисменты и злобные крики раздавались на ее могиле, за казнью последовала иллюминация. Вот каковы ужасные проявления жестокости и свидетельства невиданной тирании, которая день ото дня становится все страшнее, и которая приучает народ к крови, внушая ему, что проливать ее необходимо»⁹.

Все эти события оказали большое влияние не только на восприятие революции «монархистами», но и на их политические проекты. Эти люди продолжали свою общественную деятельность, писали письма, публиковали памфлеты, вели переговоры с английскими властями, стремились повлиять на британское общественное мнение, на позицию английского кабинета и братьев Людовика XVI¹⁰.

Посредством писем и памфлетов «монархисты» пытались воздействовать на европейскую общественность с целью объединить противников Республики и противостоять установившейся во Франции форме правления, которую считали губительной для своей страны. Оставаясь приверженцами конституционной монархии, бывшие «умеренные» превратились в непримиримых врагов республиканского правительства¹¹, иде-

⁵ *Lally-Tollendal T.J.* Mémoires au roi de Prusse. S.l. S.d. P. 13, 15, 17.

⁶ *Mallet du Pan J.* Considérations sur la nature de la Révolution en France et sur les causes qui en prolongent la durée. Bruxelles, 1793. P. 8, 15, 22; *Montlosier F.D.* Vues sommaires sur des moyens de paix pour la France et pour l'Europe. L., 1796. P. 32, 40.

⁷ Mémoires de M. Malouet / Publ. par son petit-fils, le baron Malouet. 2me éd. Vol. 2. P., 1874. P. 340, 382; *Mounier J.J.* Adolphe ou principes élémentaires de politique et les résultats les plus cruels de l'expérience. L., 1795. P. 154, 159, 172.

⁸ Mémoires de M. Malouet. Vol. 2. P. 236.

⁹ Ibid. P. 386.

¹⁰ Подробнее о взглядах и деятельности «умеренных» в период эмиграции см.: *Sergienko V.* Monarchiens en émigration // Les noblesses françaises dans l'Europe de la Révolution / sous la dir. de Ph. Bourdin. Rennes, 2010. P. 197-211.

¹¹ О критике республиканской формы правления в эмигрантской среде см.: *Burrows S.* The image of the Republic in the press of the London émigrés, 1792-1802 // The French Emigrés in Europe and the struggle against Revolution, 1789-1814. Basingstoke; N.-Y., 1999. P. 184-197.

ологов контрреволюции, стремившихся приблизить восстановление монархического режима во главе с законным государем.

После свержения Людовика XVI Лалли-Толандаль вернулся в Париж, чтобы попытаться спасти короля, и предложил себя в качестве адвоката. Однако его усилия не увенчались успехом: он был арестован. В начале сентября 1792 г. ему удалось освободиться, главным образом благодаря его ирландскому происхождению, и уехать в Англию, где он жил по большей части на субсидии английского правительства.

В конце 1792 г. в Лондон приехал и Малуэ. В годы Старого порядка он некоторое время жил на острове Сан-Доминго, одной из наиболее богатых французских колоний, а затем занимал должность интенданта военно-морского флота Тулона. Имея подобный опыт, он стал официальным представителем колонистов острова Сан-Доминго, что позволяло ему обсуждать вопросы колониальной политики и международных отношений с английскими министрами. Спустя два года, приняв участие в военных кампаниях принцев, побывав в Гамбурге, Дюссельдорфе и Брюсселе, к ним присоединился Монлозье. Он решил оставить военную службу и заняться писательской и публицистической деятельностью. Посетив Лондон в 1793 г., Мунье вместе с Малле дю Паном вскоре обосновался в Швейцарии.

После отъезда из Франции «монархисты» по-прежнему воспринимались современниками как особое политическое объединение. Они отличались от других эмигрантов в первую очередь тем, что не настаивали, как роялисты, на возвращении к Старому порядку и необходимости восстановления абсолютной королевской власти. Однако из всех членов группы лишь Малле дю Пан давал понять, что считает объединение своих друзей «партией». «Монархисты (monarchiens), – писал он, имея в виду себя и своих единомышленников, – остались верны основным требованиям, изложенным в наказах третьего сословия в 1789 г., особенно тем, что были составлены в Дофине и в Оверни. Они стремились к общественной свободе без унижения королевства, к ограниченной монархии без угнетения какого-либо сословия, к равновесию властей, а не народной анархии. Эта партия находится между непримиримыми роялистами (royalistes purs) и конституционалистами и не может упрекнуть себя в ошибках и преступлениях, хотя на нее клеветают аристократы и якобинцы»¹².

Его высказывания относительно серьезных разногласий с другими общественными объединениями вовсе не кажутся преувеличенными. Особенно если вспомнить, какую яростную борьбу в прессе разверну-

¹² Цит. по: *Griffiths R.* Le centre perdu. Malouet et les monarchiens dans la Révolution française. Grenoble, 1988. P. 170.

ли якобинцы в 1790-1791 гг. с организованными по инициативе «умеренных» монархическими клубами и какими нападками осыпали Мунье, Малуэ и их единомышленников роялисты. Многие убежденные сторонники Старого порядка, которых Малле дю Пан называл «аристократами», в эмиграции относились к группе «монархистов» с большим недоверием и враждебностью. Британский историк Р. Гриффитс в своей монографии «Потерянный центр» показал, что другие группы эмигрантов считали бывших «умеренных» чрезвычайно опасными и обвиняли в том, что они дали толчок революционным событиям¹³. Роялисты называли их «политическими шарлатанами», «амбициозными интриганами», «опасными врагами истинной свободы и общественного порядка»¹⁴. В эмигрантской прессе в адрес «монархистов» часто звучали упреки в том, что именно их деятельность способствовала усилению радикальных настроений в обществе: «Без Мунье, Лалли-Толандаля и других мы никогда не смогли бы говорить о Ламете, Барнаве, Шапелье, которые привели за собой бриссотинцев», – полагал Монжуа, один из известных роялистских журналистов того времени¹⁵.

И все же далеко не все эмигранты отвергали политические принципы «монархистов». К тем из них, кто находился в Лондоне, примкнул еще один участник парламентского объединения «умеренных», занимавший в 1789 г. должность хранителя печати, Шампньон де Сисэ, представитель одной из знатнейших фамилий Франции принц де Пуа и бывший морской офицер, сын командующего эскадрой, шевалье де Пана. Они не пытались активно декларировать своих взгляды, апеллируя к европейской общественности и публикуя произведения, но, по их собственному признанию, во многом разделяли позицию Малуэ, Лалли-Толандаля и их сторонников. «Я всегда высоко ценил мнение такого человека как вы, – признавал в одном из писем Малле дю Пану принц де Пуа, – и я бесконечно рад получить доказательства вашей дружбы, поскольку всегда восхищался вашими сочинениями и вашими принципами, которых придерживаются и наши друзья, Мунье, Лалли, Малуэ»¹⁶. Таковую же искреннюю симпатию и ощущение сродства политических воззрений испытывал и шевалье де Пана: «Малуэ и Монлозье передавали мне новости о вас и ваши письма, – указывал он в послании, адресованном Малле дю Пану, – и я вижу,

что вы не забыли человека, который к вам так привязан. <...> Я часто вижу Монлозье, Малуэ и Лалли, мы вместе оплакиваем наши несчастья и ищем способ от них избавиться. Наша общность идей прекрасна. Как нам не хватает вас! Прощайте, мой дорогой друг, когда я увижу вас вновь?»¹⁷

Основным связующим звеном между участниками группы был Малле дю Пан. Через многочисленных корреспондентов ему удавалось не только получать отчеты о внутривнутриполитической ситуации во Франции и быть в курсе событий, но и получать сведения о родственниках своих друзей и знакомых. Поэтому к нему нередко обращались с просьбой прислать известия о происходящем: «Мы с нетерпением ждем ваших новостей, – писал, к примеру, шевалье де Пана, – ваши письма скрашивают наше одиночество, а мы живем здесь в большом уединении»¹⁸.

Малле дю Пан рассылал многочисленные письма и отчеты представителями дворов Австрии, Пруссии, Португалии, Сардинии поддерживал корреспонденцию и со своими ближайшими сторонниками, и с другими группами эмигрантов. В их число входили бывшие королевские министры, Неккер и Серван, маршал де Кастри, де Сальм, Сен-Алдегон, а также члены королевской семьи, граф д'Артуа¹⁹ и кузен Людовика XVI, принц Конде. Для последнего Малле дю Пан в конце 1792 начале 1793 г. добывал сведения о здоровье «августейших особ, заключенных в Тампле». Документы, хранящиеся в архиве принца Конде, в замке Шантийи, также свидетельствуют о том, что журналист сообщал о планах принца другим эмигрантам, с которыми состоял в переписке, а также время от времени исполнял некоторые секретные поручения, для чего использовал чужой паспорт. «Не будете ли Вы, Ваша светлость, так добры, – обращался к принцу Конде Малле дю Пан, – просветить меня относительно ваших намерений, чтобы я мог передать положительные сведения людям, в усердии и преданности которых не стоит сомневаться. Кроме того, осмелюсь прибегнуть к Вашему вмешательству, с целью получить паспорт на имя графа Веймзера, что позволило бы мне беспрепятственно проехать на территорию Германии и Нидерландов. Боюсь, что при нынешних обстоятельствах одного лишь паспорта барона Эрлаха будет недостаточно»²⁰.

¹⁷ Le chevalier de Panat à Mallet du Pan, à Berne. Londres, janvier 1796 // Ibid. P. 456, 458.

¹⁸ Ibid. P. 368.

¹⁹ Ibid. P. 427-436; *Sayous A.* Mémoires et correspondance de Mallet du Pan. P., 1851. Vol. 2. P. 354, 478, 502.

²⁰ Mallet du Pan au prince de Condé. Lausanne, 16 avril 1793 // Archives du Musée Condé. Série Z. T. 80. Doc. 88.

¹³ Ibid. P. 133-138.

¹⁴ La réfutation de la seconde lettre écrite par M. De Lally à M. Burke, le 8 mars 1792 ou le réveil d'un monarchien de bonne foi. S.l. S.d. P. 6-7.

¹⁵ *Griffiths R.* Op. cit. P. 134.

¹⁶ Le prince de Poix à Mallet du Pan, à Lausanne. Twickenham, le 12 juillet 1793 // Mémoires de Malouet. Vol. 2. P. 380-381.

В этой связи предположение французского историка Годшо, что Малле дю Пан являлся главой некой шпионской организации²¹, не кажется сильно преувеличенным. Вполне возможно, бывший журналист не только направлял донесения и отчеты европейским дворам, но и выполнял их поручения, о характере которых в виду недостаточного количества источников трудно судить. С уверенностью можно сказать лишь о том, что Малле дю Пан был деятельным человеком, а его ближайшие сторонники также не хотели оставаться в стороне от происходящего.

Находясь в Лондоне, Малуэ и Лалли-Толандаль неоднократно встречались с британским министром иностранных дел лордом Гренвилем, обсуждали с ним сложившуюся ситуацию, сообщали свое мнение, а иногда передавали ему отчеты о положении дел во Франции, которые приходили главным образом от Малле дю Пана. «Я получил интереснейшее послание от господина Малле дю Пана, – общал в одном из писем Гренвилу Малуэ, – и спешу его представить моему лорду»²². Лалли-Толандаль также состоял в переписке с министром, и неоднократно делился с ним своими суждениями²³.

Можно предположить, что благодаря их рекомендации, дружбе с Малле дю Паном, широкой известности Мунье²⁴ в своей провинции накануне революции, лорд Гренвил решил прибегнуть к помощи последнего для налаживания связей с роялистами и противниками республиканского режима. В письме к уполномоченному министру английского правительства в Швейцарии лорду Фицджеральду он раскрыл намерения своего кабинета оказать помощь жителям Лиона и Тулона, восставшим в 1793 г. против республиканского правительства, и объяснял, почему выбор пал именно на Мунье: «Настоящее положение дел требует того, чтобы с особым вниманием рассмотреть все меры, которые могут быть приняты в Швейцарии с тем, чтобы поддержать операции в южных провинциях Франции. В конфиденциальном письме я вскоре предоставлю Вам более подробную информацию по этому вопросу, и думаю, не стоит терять время, описывая Вам достоинства господина Мунье. У меня есть все основания полагать, что благодаря своему таланту и характеру, а также влиянию, которое он когда-то

²¹ Godechot J. Op.cit. p. 88-89.

²² Malouet à Grenville // Historical Manuscript commission. Report of the Manuscripts of J.B. Fortescue preserved at Dropmore. L., 1894. Vol. 2. P. 485.

²³ Lally-Tollendal à Grenville // Ibid. P. 513.

²⁴ Подробнее о деятельности Мунье см.: Сергиенко В.Ю. Жан-Жозеф Мунье (1758-1806): от Революции к Контрреволюции // НиНИ. 2008. № 3. С. 198-214.

имел в своей провинции и знакомствам, появившимся у него в Швейцарии, он будет Вам очень полезен и Вы в полной мере можете использовать его на службе короля (Георга III. – В.С.). Он едет в Швейцарию с сыном лорда Хоука, что и является поводом для его возвращения в эту страну. Его путешествие предполагает разнообразные поездки, в ходе которых он встретится с Вами. Не стоит напоминать Вам о том, что его имя находится в списке тех, кто первым принимал деятельное участие во французских делах с начала революции. Разумеется, его поручение носит частный характер. Увидев его рвение, Вы убедитесь, что он будет полезен Вам, так же как и королю, и, если дела пойдут хорошо, может принести пользу в налаживании отношений с Францией. При этих обстоятельствах, я веряю его Вам и полагаю, Вы уделите ему надлежащее внимание и окажете доверие»²⁵. Ожидая соответствующих инструкций и документов, необходимых для поездки, Мунье провел в Лондоне несколько недель. В небольшой записке от 12 октября 1793 г. он сообщал о готовности незамедлительно отбыть в Швейцарию после выяснения всех подробностей своего поручения. «Милорд, обращаясь он к лорду Гренвилу, чтобы вернуться в Швейцарию, я жду лишь письменных доказательств доверия, которое Вы мне оказываете, и которое я буду использовать с величайшей осторожностью даже в тех обстоятельствах, когда оно будет совершенно необходимо для достижения успеха. Мне нужно еще обсудить с Вами некоторые детали, для чего я попросил бы вашей аудиенции»²⁶.

Ответ Гренвила свидетельствует о том, что именно на Швейцарию министр возлагал большие надежды в деле реставрации монархии во Франции: «После наших бесед относительно политической ситуации в Швейцарии и тех средств, с помощью которых можно было бы уберечь эту столь интересную европейскую страну от распространения анархических принципов и даже способствовать восстановлению порядка во Франции, вы хотели получить письменные доказательства доверия, которым вы пользуетесь у нашего правительства благодаря своему характеру и поведению. Хочу засвидетельствовать, что вы можете его использовать для вступления в переговоры по всем необходимым вопросам с теми людьми, которые могут оказаться полезным и способствовать осуществлению намеченных целей»²⁷.

²⁵ Lord Grenville to Lord Fitzgearld // Historical Manuscript Commission. Vol. 2. P. 415.

²⁶ Mounier à Lord Grenville // Ibid. P. 420.

²⁷ Lord Grenville à Mounier // Ibid. P. 422.

Приехав в Берн, Мунье встретился с Малле дю Паном, которого посветил в свои планы. При посредничестве лорда Фицджеральда и своих друзей в Лондоне он постоянно поддерживал переписку с британским правительством, от которого продолжал получать секретные указания. Английский премьер министр У. Питт писал лорду Гренвилу: «Вы предлагаете мне предоставить инструкции господину Мунье. Судя по его сообщениям, думаю, он может быть очень полезен»²⁸. Деятельность Мунье и Малле дю Пана не оставалась незамеченной, уполномоченный представитель Французской республики в Швейцарии гражданин Бартелеми сообщал в Париж: «Мунье и Малле дю Пан преданы британскому министру. Нет сомнений в том, что со стороны англичан готовится какая-то интрига, вынашиваемая Мунье и Малле дю Паном»²⁹.

Как известно, конец 1794 – начало 1795 г. – это один из переломных моментов в истории революции³⁰. Свержение Робеспьера воспринималось конституционными монархистами как поворотный момент в истории революции, как событие, способное внести существенные изменения во внутривластную ситуацию. «Я полагаю, что падение Робеспьера является решающим событием, – писал Малле дю Пан в октябре 1794 г. – Разумеется, я не жду, что через неделю или даже через месяц оно превратит Францию в монархию». И все потому, что во Франции «больше нет ни нравов, ни принципов. В Конвенте царит анархия, Барер, Бийо, Колло д'Эрбуа являются приспешниками Робеспьера и наследниками его планов. <...> Они получают порицание со стороны общественности из-за падения якобинцев»³¹.

Отчасти Малле дю Пан оказался прав: после событий июля 1794 г., вошедших в историю под названием Термидорианского переворота, доверие к Конвенту было подорвано, и он больше не пользовался былым влиянием³². Некоторые исследователи даже полагали, что после свержения Робеспьера и его сторонников во Франции наступила эпоха «белого террора» или роялистской реакции, кульминация которой пришлась на

²⁸ W. Pitt to Grenville // Historical Manuscript Commission. Vol. 2. P. 503.

²⁹ Extrait d'une lettre du citoyen Barthelemy // Archives Nationales. Série F7 111. Fol. B 8163.

³⁰ Подробнее см.: *Thureau-Dangin T.* La République ou la Monarchie en France? P., 1873; *Fryer M.* Republic or Restoration in France? 1794-1797. Manchester, 1965.

³¹ Lettres de Mallet du Pan à Saladin-Egerton / Publ. par V. Van Berchem. Genève, 1896. P. 18.

³² Подробнее см.: *Бовыкин Д.Ю.* Год 1795: несостоявшаяся реставрация // ФЕ 2003. М., 2003. С. 38-44; *Он же.* Революция окончена? Итоги Термидора. М., 2005.

начало 1795 г.³³. Именно этот момент стал, по мнению ряда авторов, «самой благоприятной возможностью для реставрации конституционной монархии во Франции»³⁴.

Волнения в стране, приход к власти термидорианцев, демонтаж институтов террора, санкционирование Конвентом возвращения некоторых эмигрантов и священников воскресили надежды на восстановление монархического строя и побудили противников республики сплотить свои разрозненные силы и перейти к более решительным действиям³⁵. По мнению некоторых историков, «мощная волна роялистских настроений охватила Францию и принесла воскрешение надежд на роялистскую реставрацию»³⁶. Известные термидорианцы Тальен и Баррас, а также некоторые члены Комиссии одиннадцати, занимавшейся разработкой новой Конституции, участвовали в переговорах с роялистами³⁷. К тому же, сам термидорианский Конвент состоял из крайне неоднородных групп, в числе которых были и умеренные, и, вероятно, даже роялисты³⁸.

Именно эти обстоятельства могли бы способствовать выполнению той миссии, которую лорд Гренвилл возложил на Мунье в Швейцарии. Рассчитывая на поддержку английского правительства, он и Малле дю Пан в июне 1794 г. поддержали инициативу Теодора Ламета, общепризнанного лидера «конституционалистов». Вместе со своими сторонниками он разработал план об объединении разрозненных сил монархистов. Главная цель состояла в преодолении разногласий между роялистами, выступавшими за восстановление Старого порядка, и защитниками конституционного строя. Основным пунктом этого плана было создание внутри Франции небольшой группы сторонников монархии, которая могла бы наладить связи с эмигрантами и попытаться, по мере продвижения иностранных войск, поднять восстание в стране³⁹.

При этом неясно, были ли у предполагаемого объединения какие-либо иные цели. Очевидно лишь то, что предполагалась координация действий роялистов и расшатывание республиканского режима изнутри. Участники разных групп монархистов не были полностью уверены в своих силах,

³³ *Daudet E.* Histoire de l'émigration pendant la Révolution française. Vol. 2. P., 1905; *Godechot J.* La contre-révolution. Doctrine et action. P. 264-265.

³⁴ *Sydenham M.J.* The First French Republic. L., 1974. P. 41; См. также: *Sutherland D.* France 1789-1815. Revolution and Counter-revolution. L., 1985. P. 272.

³⁵ *Godechot J.* Op. cit. P. 265.

³⁶ *Cobban A.* History of Modern France. Vol. 1. Harmondsworth, 1965. P. 248.

³⁷ *Thureau-Dangin P.* Op. cit. P. 47; *Fryer M.* Op. cit. P. 4.

³⁸ См.: *Бовыкин Д.Ю.* «Отцы нации»: создатели Конституции III г. Республики // ФЕ 2001. М., 2001. С. 219-221.

³⁹ *Sayous A.* Op. cit. Vol. 2. P. 94.

именно поэтому им нужна была помощь английского правительства. Мунье и Малле дю Пан как нельзя лучше подходили на роль посредников. В сентябре 1794 г. они направили два письма английскому министру иностранных дел лорду Гренвилу. Если послание Малле дю Пана было написано в общей форме и содержало характеристику различных групп роялистов и эмигрантов⁴⁰, то Мунье изложил план Ламета и его сторонников, выдвинув три необходимых условия, на выполнении которых они настаивали. Первым условием он называл амнистию, затем прекращение боевых действий против французской армии во время подготовки реставрации и, наконец, невмешательство английского правительства и иностранных властей в процессы внутреннего урегулирования⁴¹.

Эти послания в октябре 1794 г. были получены лордом Гренвиллом, который по-прежнему поддерживал планы реставрации монархии во Франции. Министр незамедлительно направил в Берн, где находились Мунье, Малле дю Пан и другие эмигранты, своего друга и доверенное лицо Вильяма Викема, которому было поручено выяснить подробности и детали готовящегося проекта⁴². Внимательно изучив положение дел, Викем посоветовал своему правительству отказаться от поддержки подобных проектов и не предоставлять гарантии, на соблюдении которых настаивали монархисты. Как полагал историк А. Лебон, позиция Викема объяснялась, главным образом, разногласиями между ним и «конституционалистами», кроме того, предлагаемый план казался Викему неосуществимым и «утрированным»⁴³.

Из переписки уполномоченного представителя Французской республики в Швейцарии гражданина Бартелеми с министром полиции, а также из писем министра внешних сношений известно, что французское правительство пристально следило за деятельностью Мунье и Малле дю Пана в Берне. Из-за их связей с В. Викемом они расценивались как опаснейшие враги Республики⁴⁴. Возможно отчасти и поэтому, их планы не увенчались успехом. Можно также предположить, что немаловажную роль в этой неудаче сыграли противоречия в эмигрантских кругах и интриги против Мунье и Малле дю Пана со стороны приверженцев восстановления абсолютной монархии. Бывшие «умеренные» призывали к объ-

⁴⁰ Ibid. P. 97.

⁴¹ Lebon A. Angleterre et l'émigration française de 1794 à 1801. P., 1882. P. 4-5.

⁴² Ibid. P. 6-7.

⁴³ Ibid. P. 9-10.

⁴⁴ Extrait d'une lettre du citoyen Barthelemy, lettre du ministre des relations extérieures au ministre de la police générale, lettre du ministre de la police générale au membre du Bureau Central // Archives Nationales. Série F7 111. Fol. B 8163.

единению «всех роялистов»⁴⁵ и эмигрантов, «всех друзей королевства»⁴⁶, однако подобный союз для некоторых из таковых был совершенно неприемлем: «Роялисты, говорилось в одном из их памфлетов, никогда не смогут поступиться с принципами чести и основными законами истинного монархического правления и примириться с противоречащим их взглядам воззрениями “монархистов”, равно как и никогда не смогут забыть о революционных преступлениях, грабежах и разбоях, учиненных республиканской партией. Невозможно объединить воедино ошибки и преступления со справедливостью и добродетелью»⁴⁷.

После неудачной попытки переговоров с британским правительством Мунье не утратил надежд на восстановление монархии во Франции и направил письмо находившемуся в Вероне графу Прованскому, который считался регентом на время малолетства Людовика XVII. В своем послании Мунье призывал в случае реставрации монархического строя во Франции признать права и свободы, провозглашенные в августе 1789 г. в Декларации прав человека и гражданина и отказаться от мысли о мести⁴⁸.

Граф Прованский ответил Мунье, выказав ему свое «особое расположение» и поделившись с ним планами на будущее: «Вы искренне желаете восстановления монархии, и это должно служить основой любых взглядов... Я стремлюсь лишь к восстановлению католической религии и к нашему древнему образу правления... Моим убеждением является снисхождение к людям и нетерпимость к принципам»⁴⁹. Несмотря на подобные уверения, став после смерти юного наследника законным претендентом на французский трон, граф Прованский подписал знаменитую Веронскую декларацию, угрожая расправой революционерам и новым перераспределением земельной собственности⁵⁰.

Будущий Людовик XVIII не последовал советам Мунье, но его подробное письмо, как и послания британских должностных лиц, свидетельствуют о том, что даже после ухода с политической сцены Мунье, находясь в эмиграции и не имея определенного статуса, по-прежнему

⁴⁵ Malouet P.V. Lettre à Mallet du Pan // Mémoires de Malouet. Vol. 2. P. 413.

⁴⁶ Lally-Tollendal T.J. Mémoires au Roi de Prusse. P. 29. Все те, кто хотят восстановления общественного порядка, – утверждал Мунье, – должны, наконец, объединиться, простив, друг другу расхождения во мнениях и прошлые ошибки. Вместо того, чтобы спорить о планах восстановления, или терять время на их улучшение, надо поскорее погасить пламя революции // Mounier J.J. Adolphe. P. 166.

⁴⁷ La réfutation de la seconde lettre écrite par M. De Lally à M. Burke. P. 41.

⁴⁸ Sayous A. Op. cit. Vol. 2. P. 181.

⁴⁹ Lettre du comte de Provence à Mounier // Archives du Ministère des Affaires Étrangères. Fond Bourbon. D. 588. P. 213-218.

⁵⁰ Diesbach G. Op.cit. P. 441-442.

был человеком, с которым продолжали считаться в европейских политических кругах.

Хотя в 1792-1794 гг. «монархистам» не удалось осуществить свои политические проекты и восстановить династию Бурбонов во Франции, анализ их представлений о революции и возможных путях восстановления монархии важен для понимания истории контрреволюционного движения. Изучение их деятельности показывает, что они всеми силами пытались сплотить разрозненные группировки эмигрантов, между которыми существовали глубокие разногласия, касающиеся, прежде всего, вопроса о будущем государственном устройстве. В отличие от непримиримых роялистов участники этой группы понимали, что нежелание различных сторонников монархии действовать сообща затрудняет ее победу над республикой. В их высказываниях прослеживается стремление объединить всех противников республики, как внутри Франции, так и вовне, на основе программы широкого компромисса.

Вместе с тем, попытки конституционных монархистов не увенчались успехом: Мунье, Малле дю Пан, Малуэ и их сторонники не смогли получить поддержки своим планам со стороны английского правительства. К тому же последующий ход событий показал, что они недооценивали прочность Республики и не вполне осознавали, сколь глубоко республиканские идеи укоренились в политической жизни Франции. Тем не менее, действия «монархистов» способствовали постепенному процессу объединения противников Республики, исподволь готовя почву для будущей Реставрации⁵¹.

Список литературы

Archives du Ministère des Affaires Etrangères. Fond Bourbon. D. 588.

Archives du Musée Condé. Série Z. T. 80. Doc. 88.

Archives Nationales. Série F7 111. fol. B 8163.

Бовыкин Д.Ю. «Отцы нации»: создатели Конституции III г. Республики // Французский ежегодник 2001. М.: Едиториал УРСС, 2001 [Bovykine D.Yu. «Otsy natsii»: sozdateli Konstitutsii III g. Respubliki // Frantsuzskij ezhegodnik 2001. М.: Editorial URSS, 2001].

Бовыкин Д.Ю. Год 1795: несостоявшаяся реставрация // Французский ежегодник 2003: Правые во Франции. М.: Едиториал УРСС, 2003 [Bovykine D.Yu. God 1795: nesostoyavshayasya restavratsiya //

⁵¹ Подробнее см.: *Démier F.* La France de la Restauration. 1814-1830. L'impossible retour du passé. P., 2012.

Frantsuzskij ezhegodnik 2003: Pravye vo Frantsii. М.: Editorial URSS, 2003].

Бовыкин Д.Ю. Революция окончена? Итоги Термидора. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2005 [Bovykine D.Yu. Revolyutsiya okonchena? Itogi Termidora. М.: Izd-vo Mosk. un-ta, 2005].

Actes du Colloque Girondins et Montagnards / Sous la dir. d'A. Soboul. P.: Société des études robespierristes, 1980.

Burrows S. The image of the Republic in the press of the London émigrés, 1792-1802 // The French Emigrés in Europe and the struggle against Revolution, 1789-1814. Basingstoke: MacMillan press; N.-Y.: St. Martin's press 1999.

Cobban A. History of modern France. Vol. 1. Harmondsworth: Penguin books, 1965.
Daudet E. Histoire de l'émigration pendant la Révolution française. Vol. 2. P.: Hachette, 1905.

Démier F. La France de la Restauration. 1814-1830. L'impossible retour du passé. P.: Gallimard, 2012.

Diesbach G. Histoire de l'émigration. 1789-1814. 2e éd. P.: le Grand livre du mois, 1998.

Fryer M. Republic or Restoration in France? 1794-1797. Manchester: Manchester University Press, 1965.

Gengembre G. La contre-révolution ou l'histoire désespérante. P.: Imago, 1989.
Godechot J. La contre-révolution. Doctrine et action. 1789-1804. P.: Presses universitaires de France, 1961.

Griffiths R. Le centre perdu. Malouet et les monarchiens dans la Révolution française. Grenoble : Presses universitaires de Grenoble, 1988.

Historical Manuscript commission. Report of the Manuscripts of J.B. Fortescue preserved at Dropmore. Vol. 2. L.: H.M.S.O., 1894.

La contre-révolution : origines, histoire, postérité / Sous la dir. de J. Tulard. 2me éd. P. : CNRS éd., 2013.

La droite depuis 1789. Les hommes, les idées, les réseaux. P.: Éd. du Seuil, 1995.

La réfutation de la seconde lettre écrite par M. De Lally à M. Burke, le 8 mars 1792 ou le réveil d'un monarchien de bonne foi. S.l. S.d.

Lally-Tollendal T.J. Mémoires au roi de Prusse. S.l. S.d.

Lebon A. Angleterre et l'émigration française de 1794 à 1801. P.: E. Plon, 1882.
Lettres de Mallet du Pan à Saladin-Egerton / Publ. par V. Van Berchem. Genève: Imp. de W. Kündig, 1896.

Mallet du Pan J. Considérations sur la nature de la Révolution en France et sur les causes qui en prolongent la durée. Bruxelles: E. Flon, 1793.

Mathiez A. Girondins et Montagnards. P.: Firmin-Didot, 1930.

- Mémoires de M. Malouet / Publ. par son petit-fils, le baron Malouet. 2me éd., augmentée de lettres inédites. Vol. 2. P.: Didier, 1874.
- Montlosier F.D. Vues sommaires sur des moyens de paix pour la France et pour l'Europe. L.: J. Debiffé, 1796.
- Mounier J.J. Adolphe ou principes élémentaires de politique et les résultats les plus cruels de l'expérience. L. [s.n.], 1795.
- Osen J. Royalist political thought during the French Revolution. L.: Greenwood press, 1995.
- Saint-Victor J. La première contre-révolution. 1789-1791. P.: Presses universitaires de France, 2010.
- Sayous A. Mémoires et correspondance de Mallet du Pan. Vol. 2. P.: Amyot, 1851.
- Sottocasa V. La contre-révolution, une voie de politisation du peuple à l'époque révolutionnaire // La Révolution française, une histoire toujours vivante. P.: Tallandier, 2009.
- Sutherland D. France 1789-1815. Revolution and Counter-revolution. L.: Fontana press-Collins, 1985.
- Sydenham M.J. The First French Republic. L.: B.T. Batsford, 1974.
- Tackett T. Par la volonté du Peuple. Comment les députés de 1789 sont devenus révolutionnaires. P.: A. Michel, 1997.
- Thureau-Dangin P. Royalistes et Républicains. P.: E. Plon, 1888.

Serguienko V. Political projects of the French emigrants in 1792-1795

Admirers of the British constitution, led by Mounier, Lally-Tolendal, Malouet, Clermont-Tonnerre, the very first moderates, the monarchiens (as the opponents called them) dominated the National Assembly's constitutional committee during the summer 1789. They believed that the democratic principle of an elective National Assembly should be balanced by the second chamber or Senate. They also raised the problem of the prerogatives of the executive the legislative power that still remains vital nowadays. In 1792 they became opposed to the revolutionary regime. Their struggle can be considered as one of the key elements to understand the emigration ideology. Though they didn't succeed in putting an end to the revolutionary movement in France and getting the support of the English government, their projects played an important role in the preparation of the restoration of the monarchy in 1814.

Keywords: the French Revolution, counter-revolution, emigration, political thought, monarchiens.

Е.А. Прусская*

АНТИФРАНЦУЗСКОЕ ДВИЖЕНИЕ ПРОТЕСТА В ЕГИПТЕ В 1798-1801 гг.

Египетская экспедиция Бонапарта (1798-1801) стала первой серьезной попыткой вторжения европейских держав в ближневосточные владения османского султана. Однако она не увенчалась успехом, не только потому, что султан получил военную поддержку от извечного соперника Франции – Великобритании, но и потому, что завоеватели столкнулись с мощным протестным движением со стороны местного населения. Пример покорения Египта французами особенно примечателен тем, что завоеватели и местное население принадлежали к разным и столь не похожим цивилизациям - европейской и арабо-мусульманской. И если европейцы воспринимали это завоевание с точки зрения концепта «цивилизации», то есть обозначали своей целью приобщение местного населения, заведомо считавшегося стоящим на более низкой ступени развития, к европейской культуре, то для арабо-мусульманского населения это вторжение лежало в религиозной плоскости и воспринимаясь в контексте давнего противостояния христиан и мусульман. В данной статье рассмотрены различные формы массовых протестных движений времен французской оккупации: мятежи в Дельте, два восстания в Каире (октябрь 1798 и марта 1800 г.), мятеж амир-аль-хаджа и восстание махди в Даманхуре (апрель-июнь 1799 г.), а также трансформация взаимоотношений оккупантов и местных жителей на протяжении всего периода экспедиции. В большинстве случаев мятежи и восстания против французов вспыхивали стихийно, на волне общей ненависти к оккупантам и их политике. Французы боролись с ними показательно жестоко подавляя акты сопротивления, налагая тяжелые контрибуции или заключая союзы с местными элитами.

Ключевые слова: Египетский поход Бонапарта 1798-1801, массовые протестные движения, столкновение цивилизаций.

Египетская экспедиция Восточной армии Наполеона Бонапарта (1798-1801) стала первым, после крестовых походов, широкомасштаб-

* Евгения Александровна Прусская, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник лаборатории «Мир в эпоху Французской революции и Наполеоновских войн» Института всеобщей истории РАН.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 14-18-01116).

ным военным вторжением западноевропейской державы в ближневосточные владения османского султана. Подготовленный молодым амбициозным генералом поход имел своей целью сделать одну из богатейших провинций Османской империи французской колонией. Однако эта попытка не увенчалась успехом, не только потому, что султан получил военную поддержку от извечного соперника Франции – Великобритании, но и потому, что завоеватели столкнулись с мощным протестным движением со стороны местного населения. Попытка покорения Египта французами особенно примечательна тем, что завоеватели и местное население принадлежали к разным и столь не схожим между собой цивилизациям – европейской и арабо-мусульманской. И если французы воспринимали это завоевание с точки зрения концепта «цивилизации», объявив своей целью приобщение местных жителей, которые заведомо считались стоящими на более низкой ступени развития, к европейской культуре, то арабо-мусульманское население расценило приход французов как очередную вежу давнего религиозного противостояния христиан и мусульман и развернуло против оккупантов вооруженную борьбу¹.

В этой статье будут рассмотрены различные формы антифранцузского движения египтян времен французской оккупации.

С момента вступления французов на египетскую землю завоевателям пришлось столкнуться с сопротивлением местного населения. По словам очевидца тех событий, египетского хрониста Абд ар-Рахмана аль-Джабарти, жители Александрии, первого города, занятого французами, нападали на них с целью защитить себя и свои семьи². В Каире, узнав о приближении армии Бонапарта, люди даже взяли на себя расходы по содержанию местных военных отрядов, ведь «в это время никто ничего не жалел для общего дела»³. Однако все усилия оказались тщетными. Французы стремительно преодолели путь от Александрии до Каира и в битве у Пирамид наголову разбили 21 июля 1798 г. главных защитников страны мамлюков⁴.

¹ См. *Philipp Th.* The French and the French Revolution in the Works of al-Jabarti // *Eighteenth Century Egypt: The Arabic Manuscript Sources* / Ed. by D. Creclius. Los Angeles, 1990. P. 127-140.

² *Аль-Джабарти, Абд Ар-Рахман.* Египет в период экспедиции Бонапарта (1798–1801) / перевод, предисловие и примечания И.М. Фильштинского. М., 1962. С. 51.

³ Там же. С. 58.

⁴ Мамлюки – господствующий социальный слой в Египте, состоявший из бывших невольников, приобретенных для несения военной службы, и их потомков. Хотя Египет являлся частью Османской империи, фактически власть в стране принадлежала именно мамлюкским кланам, а не присылаемому из Стамбула губернатору.

В столице французы установили новую администрацию, к работе которой привлекли и местных жителей: в центральный диван были включены представители духовенства – улама⁵. Расчет Бонапарта состоял в том, чтобы сохранить видимость функционирования традиционных для Османского Египта государственных структур, хотя на деле вся реальная власть была сосредоточена в руках оккупационной администрации. Одной из первых мер французов стало обложение местных жителей тяжелой контрибуцией, чтобы за их счет финансировать кампанию Восточной армии. Одновременно с обустройством штаб-квартиры французов в Каире часть их занималась покорением Дельты. Где-то они встречали большее сопротивление, где-то меньшее, в отдельных местах их принимали вообще довольно благосклонно, чему способствовали, в частности, их заверения в том, что они явились в Египет помочь османскому султану, другу Французской республики, справиться с непокорными мамлюками⁶.

Однако в большинстве мест к оккупантам относились настороженно и даже враждебно. Генерал Догеро в своем дневнике отмечал, что крестьяне даже за деньги не хотели давать французам ни воды, ни еды: «Мы не смогли испить воды из болотца, находившегося неподалеку от деревни и имевшего трупный запах. Местные жители не захотели даже за золото нас туда отвести. Они нам казались настолько подозрительными, что мы, дабы их припугнуть, даже направили пушки на их жилища...»⁷. Часто в дневниках и письмах участников похода упоминается о массовом бегстве крестьян с семьями, скотом и продовольствием при одной только вести о приближении французских войск⁸. Особенно большой проблемой для французов стали независимые и воинственные бедуины, постоянно нападавшие на них. Капитан Розе сообщал: «Они [бедуины] совершенно не страшатся нашей кавалерии... они боятся только пушек... у них нет пушек, но, если бы были, никто бы не смог их победить»⁹.

⁵ Термин «духовенство» по отношению к мусульманам носит условный характер, поскольку в исламе нет института священнослужителей. Улама представляли собой ученых богословов, знатоков права, хранителей религиозных традиций. *Кириллина С.А.* Исламские институты Османского Египта в XVIII – первой трети XIX века. Lewiston; Queenston; Lampeter, 2000. С. 136 137, прим. 2–3.

⁶ *Аль-Джабарти, Абд Ар-Рахман.* Указ. соч. С. 55.

⁷ *Dogueron J.-P.* Journal de l'expédition d'Égypte. P., 1997. P. 15.

⁸ Бернуае – жене. 4 термидора VI года (22 июля 1798). *Berneyer F.* Avec Bonaparte en Égypte et en Syrie: 1798–1800. P., 1981. P. 52; *Journal du canonnier Bricard* (1792–1802). P., 1891. P. 333; *Vigo-Roussillon F.* Journal de campagne: 1793–1837. P., 1981. P. 89–90; *Journal du capitaine François* (dit le Dromadaire d'Égypte), 1792–1830. P., 2003. P. 78 и т.д.

⁹ Розе – Гриве. 23 фрюктидора VI года (9 сентября 1798). Copies of original letters from the army of general Bonaparte in Egypt, intercepted by the fleet under the command of admiral Lord Nelson. Vol. 2. P. 214.

В своих прокламациях французы объявляли себя не только друзьями османского султана, но также «истинными мусульманами», в подтверждение чего ссылались на то, что свергли Папу Римского¹⁰. Однако им так и не удалось завоевать доверие жителей Египта. Как отмечает сириец Никула ат-Турк, очевидец событий французской оккупации, «египтяне совершенно не принимали французов из-за различий в религии, языке и обычаях, не говоря уже о старой вражде между французами и египтянами, существовавшей еще со времен султана аз-Захира Бейбарса»¹¹. По его словам, на прокламации Бонапарта с заверениями в любви к исламу египтяне отвечали, что это хитрость и лесть, ведь Бонапарт – христианин и сын христианина¹², а переход генерала Мену в ислам считали подхалимажем¹³.

Взяв Каир, французы объявили «аман» – гарантию безопасности, после чего на бытовом уровне начали устанавливаться контакты между местным населением и военнослужащими Восточной армии. Аль-Джабарти сообщает: «Французские солдаты прогуливались по улицам Каира без оружия, не нарушая порядка. Они даже шутили с жителями и покупали то, в чем нуждались, по самой высокой цене»¹⁴. Видя такое поведение, египтяне стали чуть менее настороженно относиться к оккупантам: «Французы за все платили повышенную цену. Это развратило торговцев. Булочки уменьшили размер лепешек и при помолке не очищали зерно. Жители открыли множество лавок по соседству с казармами французских солдат и продавали в них разнообразное продовольствие: хлеб, лепешки, жареную рыбу, мясо, домашнюю птицу и все остальное»¹⁵.

Тем не менее, жители города не избавились полностью от подозрений и ожидали от французов неприятностей в любой момент. Как отмечает аль-Джабарти, время от времени у египтян «возникали самые дурные предположения и подозрения, которые высказывались вслух и оттого представлялись еще более возможными. Жители, например, передавали друг другу, будто французские солдаты намереваются в пятницу во время молитвы перебить всех мусульман»¹⁶. Таким образом, несмотря на заверения французов в уважении к исламу и мусульманам, египтяне не верили их словам. Именно эта подспудно копившаяся тревога и кол-

¹⁰ Аль-Джабарти, Абд-Ар-Рахман. Указ. соч. С. 55.

¹¹ *Turc N. Chronique d'Égypte, 1798 – 1804 / Éd. et tr. par Gaston Wiet. Le Caire, 1950. P. 24 (P. 35).* Здесь и далее указаны страницы арабского текста, в скобках – страницы французского перевода.

¹² Там же. С. 60. (P. 78).

¹³ Там же. С. 100 (P. 123).

¹⁴ Аль-Джабарти. Указ. соч. С. 68.

¹⁵ Там же. С. 71.

¹⁶ Там же. С. 73.

лективные страхи в любой момент могли выплеснуться в социальный взрыв, ведь французы-иноверцы вторглись в домен османского султана, покровителя и защитника всех мусульман, а потому среди жителей витала идея войны против завоевателей – джихада.

Из Сирии и Верхнего Египта, куда бежали предводители мамлюков, в покоренные завоевателями египетские города приходили письма с призывами к восстанию и вооруженной борьбе против оккупантов. Это соответствовало общему настрою населения, а потому в некоторых местах подобные воззвания возымели эффект и способствовали росту сопротивления.

Характерен случай сейида¹⁷ Мухаммада аль-Кураима. К моменту высадки французский войск он был наиболее влиятельным человеком в Александрии, фактически правителем города, и пользовался большим уважением среди мусульман, поскольку его род восходил к самому пророку Мухаммаду. Назначенный комендантом Александрии генерал Клебер начал активно сотрудничать с аль-Кураимом. Однако в городе и его окрестностях вскоре стали происходить тревожные для французов события.

13 июля в Александрии было убито двое военнослужащих, а виновный так и не был найден¹⁸. 17 июля Клебер отправил мобильную колонну в Даманхур, где местные жители сначала приняли ее вполне дружелюбно, пообещав провизию, а, когда французы утратили бдительность, внезапно напали на них с оружием¹⁹. Клебер заподозрил аль-Кураима в пособничестве этим нападениям и приказал его арестовать²⁰. Оказалось, отмечает Никула ат-Турк, что аль-Кураим состоял в переписке с одним из предводителей мамлюков Мурад-беєм, подтверждая в посланиях ему свою верность и готовность сдать город²¹. Под стражей аль-Кураим был переправлен в Каир, где, не сумев заплатить выкуп, назначенный за его освобождение, был в сентябре 1798 г. публично казнен, несмотря на заступничество шейхов. После казни его голову отрезали и, насадив на длинную палку, носили по улицам со словами «Таково будет наказание тем, кто осмелится противиться французам»²². Казнь столь почтенного человека произвела тягостное впечатление на жителей Египта.

¹⁷ Сейид – почетное обращение к человеку, происхождение рода которого восходит к пророку Мухаммаду.

¹⁸ Клебер – Бонапарту. 26 мессидора (14 июля). – *De La Jonquière C. L'Expédition d'Égypte (1798–1801). Vol. 2. P., 2003. P. 215-216*

¹⁹ Рапорт генерала Дюмуи. 3 термидора (21 июля). – *Ibid. P. 224.*

²⁰ Клебер – Бонапарту. 3 термидора (21 июля). – *Ibid. P. 226.*

²¹ *El-Turk N. Histoire de l'expédition française en Égypte / Publ. et tr. par M. Desgranges. P., 1839. P. 47 (P. 55).* Здесь и далее указаны страницы арабского текста, в скобках – страницы французского перевода.

²² Аль-Джабарти. Указ. соч. С. 188.

Действия мамлюков по организации сопротивления предпринимались и в Каире. В доме жены Ридвана Кашифа аш-Шарави были найдены одежда и оружие мамлюков, за что на нее была наложена еще одна большая контрибуция (первая была взята с жен мамлюкских беев ранее)²³. В помощи бежавшему мужу и его сподвижникам была также заподозрена жена мамлюкского военачальника Осман-бея ат-Танбурджи²⁴. Как отмечает французский историк Анри Лоранс, в Каире и Александрии существовала целая сеть сопротивления, связанная с мамлюками²⁵.

С большими трудностями шло покорение французами египетской Дельты, где оккупанты встречали сопротивление как со стороны местных горожан и феллахов, так и бедуинов, чему немало способствовала сама социальная и географическая среда этой части страны. Там проживало множество независимых кочевых бедуинских племен, феллахов, обрабатывавших плодородные земли, и «озерных людей», обособленно живших в районе о. Манзала²⁶. Все они находились между собой в непростых отношениях, но зачастую объединяли свои усилия для отпора французам²⁷.

Французское пребывание в Дельте постоянно сопровождалось стычками с местным населением. В августе-сентябре 1798 г. массовые анти-французские движения развернулись в Мансуре и Думьяте (Дамьетте). 10 августа жители Мансуры, собравшись на рынке, куда прибыли также феллахи и бедуины из близлежащей местности, напали на небольшой французский гарнизон города и перебили его²⁸.

В сентябре северо-восточная часть Дельты восстала под предводительством местного влиятельного шейха Хасана Тубара²⁹, входившего в клиентелу одного из предводителей мамлюков Ибрагим-бея. Хасан Ту-

²³ *Al-Jabarti, Abd al-Rahman*. Al-Jabarti's Chronicle of the First seven Months of the French Occupation of Egypt. Muharram Rajab 1213, 15 June December 1798. Tarikh Muddat al-Farans bi-Misr / Ed. and transl. by S. Moreh. Leiden, 1975. (Далее – «Муддат»). Р. 39 (Р. 66). Здесь и далее указаны страницы арабского текста, в скобках страницы английского перевода.

²⁴ *Аль-Джабарти*. Указ. соч. С. 86-87.

²⁵ *Laurens H., Gillispie Ch. C., Golvin J.-C.* L'expédition d'Égypte, 1798–1801. Р., 1989. Р. 119.

²⁶ Крупное соленое озеро в северо-восточной части Дельты, основное занятие населения этого края составляло рыболовство.

²⁷ Подробнее см. *Cole J.* Napoleon's Egypt. Invading the Middle East. N.-Y., 2007. Р. 166.

²⁸ *El-Turk N.* Op.cit. Р. 52-53 (Р. 61-62).

²⁹ Переводчик хроники ат-Турка А. Дегранж почему-то переводит его имя как «Хасан Хромой», в то время как часть его имени – лякаб – «Тубар», вероятно, происходит от названия Тивериадского озера, откуда мог быть происходить род Хасана Тубара.

бар состоял в переписке со своим патроном и, по свидетельству Никулы ат-Турка, с наместником сирийской провинции Сайда Ахмадом-пашой аль-Джаззаром: тот и другой уверяли шейха, что придут из Сирии на помощь восставшим³⁰. В середине сентября жители Думьята и окрестных деревень напали на французов с возгласами: «Сегодня день битвы с неверующими и христианами, вставшими на их сторону! Сегодня будет триумф веры!»³¹. Однако неорганизованные силы повстанцев были разбиты регулярными французскими войсками. Тем не менее, до соседней деревни дошел слух, что поражение потерпели именно французы: эта новость побудила ее жителей напасть на небольшой местный гарнизон оккупантов, состоявший из 20 человек. Когда же пришло известие, что в Думьяте победили все-таки французы, местные жители в страхе перед возмездием бежали в Акку³².

Французы наступали на область, контролируемую Тубаром, жестоко карая повстанцев³³. Лишь в октябре им удалось подчинить себе «озерный край». Несмотря на одержанные французами победы, их положение в Дельте оставалось весьма шатким. В начале октября восстала Танта³⁴, где жители также получили письма от аль-Джаззара³⁵. Продолжалась борьба с французами мятежных бедуинских племен и Хасана Тубара.

Неожиданным и болезненным ударом для оккупантов стало первое Каирское восстание 21-22 октября 1798 г., непосредственным поводом к которому стал введенный ими тяжелый налог на недвижимость. Впрочем, истинные причины возмущения лежали гораздо глубже. Наиболее сильные протестные настроения в обществе были связаны не только и не столько с фискальной политикой захватчиков, сколько с общим неприятием египтянами солдат революционной Франции и их образа жизни. По словам Никулы ат-Турка, жители были недовольны действиями французов, противоречившими местным устоям: женщин обязывали выходить из дома с откры-

³⁰ *Ibid.* Р. 55 (Р. 64).

³¹ *Ibid.*

³² *Ibid.* Р. 56 (Р. 65-66). Акка (араб., в европейской традиции – Сен-Жан д'Акр или Акра, ивр. Акко) – порт Средиземного моря, ныне находящийся на территории Израиля. Во времена похода Бонапарта – центр владений Ахмед-паши аль-Джаззара (1720–1804), наместника нескольких сирийских провинций Османской империи. Фактически, аль-Джаззар был самостоятельным правителем этих земель, лишь номинально зависевшим от Порты. Получил прозвище «Джаззар» («мясник») за свою жестокость, тем не менее, снискал поддержку населения тем, что смог отразить наступление Бонапарта на Сирию.

³³ *Cole H.* Op. Cit. Р. 170.

³⁴ См. *De La Jonquière C.* *Ibid.* Vol. 3. Р. 291 – 296.

³⁵ Фужьер – Наполеону Бонапарту, 6 октября (15 вандемьера). – *Ibid.* Р. 292.

тыми лицами, всюду разрешалось продавать и употреблять алкогольные напитки, разрушались мечети, мешавшие градостроительным планам оккупантов³⁶. Все эти действия прямо противоречили тому, что утверждали французы в своих прокламациях: об уважении к исламу и приверженности этой религии. Ат-Турк пишет, что египтяне воспринимали приход оккупантов как большую беду, с нетерпением ожидая, когда наступит победа ислама над его хулиателями³⁷.

Свою роль сыграли также письма мамлюков и османов с призывами к джихаду, новости о мятежах в Дельте и возмущение от казни Мухаммада аль-Кураима. К тому же местные жители так и не получили анонсированного французами фирмана от султана с подтверждением правомерности действий Восточной армии, равно как и не приехал в Каир новый паша, хотя Бонапарт объявил, что губернатором Египта назначен вали Дамаска Абдаллах ибн аль-Азм. Его прибытие могло бы легитимировать действия французов в глазах египтян, но он всё не появлялся, что вызвало подозрения и недовольство жителей Египта³⁸.

С введением оккупационной администрацией нового тяжелого налога часть жителей, по словам аль-Джабарти, покорилась судьбе, но другая часть решила оказать сопротивление. Ряд представителей улама аль-Азхара воспламеняли их сердца, призывая в своих проповедях к восстанию и утверждая, что джихад против завоевателей является священной обязанностью мусульман Египта³⁹. Центрами движения стали соборная мечеть аль-Азхар, мечеть аль-Хусани и дом кади аль-аскара (верховного судьи), где собрались восставшие, выкрикивая: «Да ниспошлет Аллах победу исламу»⁴⁰. Повстанцы, не имевшие единого лидера, были вооружены, в основном, сподручными средствами – палками, дубинами, мотыгами, хотя у некоторых имелось и оружие⁴¹.

Особенно активно горожан подстрекал один факих⁴², или, по словам аль-Джабарти, парфюмер, переодетый в факиха, призывая от имени улама и во имя Бога к борьбе против неверующих⁴³. Также среди восставших прошел слух о том, что Бонапарт убит, и это еще больше распалило их⁴⁴. Комендант Каира генерал Дюпюи, прибывший для усмирения мятежа,

³⁶ *El-Turk N. Op.cit. P. 65 (P. 76).*

³⁷ *Ibid.*

³⁸ *Ibid.*

³⁹ Муддат. P. 67 (P. 93).

⁴⁰ *Аль-Джабарти. Указ. соч. С. 102.*

⁴¹ Муддат. P. 67 (P. 93-94).

⁴² Факих – богослов-знарок мусульманского права.

⁴³ *El-Turk N. Op.cit. P. 66 (P. 77); Муддат. P. 68 (P. 94).*

⁴⁴ Муддат. P. 69 (P. 95).

погиб от ран, нанесенных ему повстанцами, что сделало примирение сторон невозможным.

Однако не все жители Каира поддержали мятеж, носивший во многом стихийный характер. Основной костяк повстанцев составляли представители нижнего и среднего звена мусульманского духовенства, будоражившие население антифранцузскими призывами, и низшие слои населения. Высшая прослойка духовенства улама – лишь отчасти поддержала борьбу. Среди них были шейх аль-Азхара Ахмад аш-Шаркави, который отказался встречаться с упомянутым выше генералом Дюпюи, притворившись, что отсутствует дома⁴⁵, шейх Бадр ад-дин аль-Мукаддаси, шейх корпорации слепых Сулайман аль-Джаусаки, богословы, выходцы из аль-Азхара Абд аль-Ваххаб аш-Шубрави, Юсуф аль-Мусайлихи и Исмаил аль-Баррави⁴⁶. Большая же часть улама не присоединилась к восстанию, так как понимала слабость не имевших лидера и почти безоружных повстанцев по сравнению с хорошо организованными и прекрасно вооруженными французскими войсками. Некоторые из шейхов, входивших в каирский диван (Сулайман аль-Файюми и Халиль аль-Бакри), даже пытались отговаривать жителей своих кварталов от участия в мятеже⁴⁷. В результате, восстание охватило, прежде всего, северо-восточную часть Каира, где находились беднейшие кварталы. По замечанию аль-Джабарти, некоторые районы не поддержали мятеж не только потому, что авторитетные шейхи воззвали к благоразумию их жителей, но и потому, что неподалеку были расквартированы французские солдаты⁴⁸.

Восставшие обрушили свой гнев не только на французов, но и на христиан – греков и сирийцев, убивая их и грабя их дома. Христиан априори подозревали в сочувствии французам и относились к ним как к потенциальным агентам завоевателей. Еще при подходе французской армии к Каиру мусульмане обвиняли египетских христиан в возможном пособничестве завоевателям и подвергали их дома обыскам⁴⁹. Политика же оккупационной администрации нарушила устоявшийся баланс в отношениях между мусульманским и немусульманским населением Египта⁵⁰. Традиционные для египетского общества правила межконфессионального взаимодействия перестали соблюдаться. Так, в состав дивана французы ввели

⁴⁵ Муддат. P. 68 (P. 94).

⁴⁶ См. о них некрологи *Аль-Джабарти. Указ. соч. С. 183-186.*

⁴⁷ Муддат. P. 69 (P. 95).

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ *Аль-Джабарти. Указ. соч. С. 60.*

⁵⁰ Подробнее см.: *Кобищанов Т.Ю. Христианские общины в арабо-османском мире (XVII – первая треть XIX в.). М., 2003. С. 161-220.*

христиан, что ранее никогда не практиковалось в стране. Кроме того, для немусульман, находившихся в подчиненном положении к мусульманскому большинству, были сняты некоторые запреты в бытовой жизни.

Впрочем, маргинальные слои населения, занимавшиеся во время мятежа мародерством и убийствами, нападали также и на дома мусульман, поэтому говорить о сугубо антихристианской направленности восстания не приходится⁵¹. Оно было, в первую очередь, антифранцузским, хоть и проходило под религиозными лозунгами. Нападения на египетских христиан стали результатом борьбы против иноземцев и следствием политики тех в отношении мусульман и религиозных меньшинств.

Среди восставших ходило множество разнообразных слухов, в том числе о слабости противника и даже о том, что французы запросили перемирия из-за своей слабости⁵². Однако всё это были лишь фантазии возбужденных умов. Хорошо обученные французские войска легко обратили в бегство толпу восставших, повергнув ее в ужас. Воспользовавшись правилом мусульман не воевать после захода солнца и объявив перемирие после того, как шейхи аль-Азхара пришли к Бонапарту с просьбой прекратить огонь, французы с наступлением ночи ворвались в мятежные кварталы и в мечеть аль-Азхар, осквернив и разграбив ее. Также они разорили и примыкающие к ней дома мусульман.

Массовые аресты и казни жителей Каира, подозреваемых в участии в восстании, продолжались еще несколько дней, пока 24 октября Бонапарт не объявил по просьбе шейхов полную амнистию⁵³. Впрочем, аресты, хоть и с меньшей интенсивностью, продолжились. Вышеупомянутых зачинщиков восстания из числа шейхов, кроме сумевшего бежать в Сирию Бадра аль-Мукаддаси, казнили тайком и лишь затем объявили об их смерти в прокламации, предостерегавшей жителей от дальнейших мятежей. Примечательно, что даже аль-Джабарти, не одобрявший участия шейхов в восстании, назвал их «жертвами, пострадавшими за веру»⁵⁴.

В отчете Директории о происшедшем Бонапарт отрицал какое-либо неприятие французов египтянами. Зачинщиками восстания он назвал шейхов аль-Азхара невысокого положения, обуреваемых, по его словам, завистью к шейхам, вошедшим в диван. Повстанцы, утверждал он, стремились исключительно к наживе, а не к какой-либо политической цели⁵⁵.

⁵¹ Аль-Джабарти. Указ. соч. С. 103.

⁵² Муддат. Р. 72 (Р. 98).

⁵³ Аль-Джабарти. Указ. соч. С. 107.

⁵⁴ Там же. С. 184.

⁵⁵ *Napoleon Bonaparte. Correspondence générale. Vol. 2 : La campagne d'Égypte et l'avènement, 1798-1799. P., 2005. N 3716. P. 637-638.*

Другие же участники похода увидели в восстании следствие фанатичной веры египтян и результат подстрекательских проповедей в мечетях. В то же время, они отмечали, что не все жители Каира поддержали выступление, а часть каирцев даже выказала сочувствие к французам⁵⁶. Тем не менее, наказание мятежников некоторые из французов сочли недостаточно суровым. Так, художник Виван Денон полагал, что Бонапарт после подавления восстания проявил излишнюю мягкость: «Несколько предателей были арестованы и наказаны, но мечети, ставшие рассадниками преступлений, были оставлены в покое, и гордость виновных лишь укрепилась из-за этого снисхождения, ведь их фанатизм не был побежден террором. И на какие бы опасности не указывали Бонапарту, ничто не могло поколебать доброту, которую он проявил в этой ситуации»⁵⁷.

По словам драгуна 14-го полка, автора анонимных мемуаров о Египетском походе, Бонапарт после восстания издал прокламацию, объявив, что прощает оставшихся в живых повстанцев «из великодушия французов, справедливо рассерженных на неблагодарных жителей»⁵⁸. Автор воспоминаний, считавший восстание делом рук англичан и местных «фанатиков»⁵⁹, а никак не следствием политики самих французов, эту точку зрения явно разделял.

Каирское восстание вновь всколыхнуло и без того беспокойную Дельту, которую французы смогли более или менее обезопасить только к концу года⁶⁰. Однако нападения бедуинов на французов там продолжались и позднее, равно как и их связь с бежавшими в Сирию мамлюками.

В марте 1799 северо-восточная часть Дельты вновь доставила неприятности французам. Новый мятеж оказался для них весьма опасным еще и потому, что главнокомандующий Бонапарт в это время находился в Сирии с войсками, а инициатором возмущения стал до того времени вполне лояльный французам Мустафа-бей, катхода⁶¹ паши Бахра, бывшего османского наместника Египта.

Мустафа-бей ранее был назначен французами на почетный пост амир аль-хаджа – предводителя каравана паломников. В первой половине марта 1799 г. Бонапарт вместе с ним, рядом членов дивана, начальниками корпусов янычар и купцов отправился в Сирию. Однако Мустафа-бей

⁵⁶ *Denon V. Voyages dans la basse et la haute Égypte, pendant les campagnes du général Bonaparte en 1798 et 1799. L., 1817. P. 108-109.*

⁵⁷ *Denon V. Op. cit. P. 107.*

⁵⁸ *Journal d'un dragon d'Égypte (14e Dragons). Notes recueillies par Ct. M.*** P., 1899. P. 41.*

⁵⁹ *Ibid. P. 42.*

⁶⁰ *Cole J. Op. cit. P. 222-229.*

⁶¹ Катхода – управляющий делами своего господина.

добрался лишь до окрестностей Салихии и отказался продолжать путь под тем предлогом, что французы забрали верблюдов, перевозивших вещи его самого и его спутников. И хотя замещавший Бонапарта генерал Дюгуа, узнав об этом, приказал доставить верблюдов Мустафа-бею⁶², последний не спешил проследовать ни в Сирию, ни в Каир. Часть сопровождавших амир аль-хаджа шейхов предусмотрительно отделилась от него, заподозрив, то он занят «недостойными делами»⁶³.

Тем временем, в Дельте не прекращались стычки французов и бедуинов. Вскоре стало известно, что Мустафа-бей объединился с мятежными арабскими племенами северо-востока Дельты и участвует в нападениях на французов⁶⁴. Более того, из его лагеря активно распространялись слухи о том, что Бонапарт погиб, что Александрия и Рашид (Розетта) взяты повстанцами, а французская армия пребывает в плачевном состоянии. Мустафа-бей, благодаря своим высоким должностям амир аль-хаджа в настоящем и катходы османского паши в прошлом, пользовался большим авторитетом у населения, которое стало присоединяться к нему⁶⁵. Обеспокоенный Дюгуа отправил войска для его поимки, а в Каире приказал взять в заложники родственников Мустафа-бея и конфисковать его имущество.

Сам же амир аль-хадж направил Бонапарту письмо, заверяя в своей лояльности и утверждая, что слухи о его предательстве – клевета⁶⁶. Ему было обещано прощение, если он немедленно явится к Бонапарту для выяснения обстоятельств, но Мустафа-бей предпочел бежать в Сирию после того, как к середине апреля 1799 г. мятежники в Дельте были рассеяны французскими войсками. По словам Никулы ат-Турка, Мустафа-бей бежал в Акку к Ахамату-паше аль-Джаззару, который его убил, сочтя шпионом. Впрочем, возможно, это было лишь предположение ат-Турка, хроника которого написана в профранцузском духе, или же слухи, циркулировавшие среди оккупантов.

Французы очень опасались объединения отряда Мустафа-бея с мамлюками, бежавшими из Верхнего Египта от преследовавшей их дивизии генерала Дезе, в частности с отрядом Мухаммад-бея аль-Альфи. Тот в конце апреля отправился к бедуинам аль-Джазиры, и по пути, как сви-

⁶² Дюгуа – Бонапарту. 22 вантоза (12 марта). – *De La Jonquière*. Op. cit. P. 29-30; *Аль-Джабарти*. Указ. соч. С. 164.

⁶³ *Аль-Джабарти*. Указ. соч. С. 164.

⁶⁴ Об этом сообщает и *Аль-Джабарти*. Указ. соч. С. 165; Дюгуа – Бонапарту. 18 жерминаля (7 апреля). – *De La Jonquière*. Op. cit. Vol. 5. P. 45.

⁶⁵ Дюгуа – Бонапарту. 18 жерминаля (7 апреля). – *De La Jonquière*. Op. cit. Vol. 5. P. 45.

⁶⁶ *Аль-Джабарти*. Указ. соч. С. 167.

детельствует аль-Джабарти, к его отряду в сто человек «присоединилось много турок и мамлюков, скитавшихся в тех краях. Бедуины встретили его с почетом и любовью»⁶⁷. Французы направили войска против аль-Альфи и выделили до 1 тыс. человек для охраны городов аш-Шаркийи⁶⁸.

В апреле 1799 г. в Даманхуре вспыхнуло новое восстание против французов, распространившееся затем на западную часть Дельты и получившее известность как «восстание махди». В суннитском исламе махди представляет собой своеобразного мессию, предвестника Судного дня. В народе была широко распространена вера в спасителя, который принесет избавление от жизненных тягот, и потому восстание, возглавленное неким магрибинцем Ахмадом⁶⁹, который объявил себя махди, было активно поддержано местными жителями. Никула ат-Турк пишет, что, по слухам, этот махди был «сыном султана Запада [Африки]»⁷⁰. Махди призывал к джихаду против оккупантов и, пополнив свой отряд из 80 магрибинцев добровольцами из числа феллахов и бедуинов, перебил в ночь с 24 на 25 апреля французский гарнизон в Даманхуре⁷¹. Французы направили мобильный отряд для подавления восстания и 9 мая 1799 г. вновь захватили Даманхур, устроив там ужасную резню и разграбление города. Генерал Ланюсс, руководившей этой операцией, доложил: «Даманхура больше нет»⁷². Подобная жестокость напугала жителей провинции и удержала их от дальнейшего сопротивления.

Опасаясь объединения аль-Альфи с повстанцами махди, французы преследовали и громили отряды мусульман по всей Дельте. 4 июня 1799 г. махди и его люди были наголову разбиты в сражении при Кафр Негум. В Дельте установилось относительное спокойствие: заключив политические союзы с шейхами разных племен, французы смогли добиться здесь хрупкого мира. Даже шейх Хасан Тубар, упорно сражавшийся с французами на протяжении десяти месяцев, в июне 1799 г. прекратил сопротивление⁷³. Конечно, отдельные стычки с племенами случались в Дельте и

⁶⁷ *Аль-Джабарти*. Указ. соч. С. 172.

⁶⁸ Там же. С. 176.

⁶⁹ Дюгуа – Бонапарту. 25 прериаля VII года (13 июня 1799). – *De La Jonquière*. Op. cit. Vol. 5. P. 114.

⁷⁰ *El-Turk N*. Op. cit. P. 112 (P. 134).

⁷¹ *Аль-Джабарти*. Указ. соч. С. 177.

⁷² Ланюс – Дюгуа. 5 флореаля VI года (10 мая 1799). – *De La Jonquière*. Op. cit. Vol. 5. P. 87.

⁷³ *De La Jonquière*. Op. cit. Vol. 5. P. 236-237. *Napoleon Bonaparte. Correspondence générale*. Vol. 2. N 4445. P. 960. Французы взяли сына Хасана Тубара в заложники для гарантии лояльности шейха. Сам шейх снова вернулся в свои владения, и французы возлагали большие надежды на его помощь в организации управления этим регионом. Подобная практика широко использовалась ими при заключении

позднее, например, в провинции Бухайра, где на французов продолжали нападать отряды бедуинов, феллахов и мамлюков, но крупных восстаний в этом регионе уже не было до конца французской оккупации.

В столице повседневные отношения между оккупантами и местным населением осложнились еще после первого Каирского восстания: французы стали более настороженно относиться к мусульманам. После мятежа оккупанты, чтобы держаться всем вместе, заняли дома квартала аль-Азбакийя, выселив оттуда местных жителей. По словам аль-Джабарти, «это было вызвано тем страхом, который французы [со времени восстания] испытывали перед мусульманами»⁷⁴. По той же причине французы стали появляться на улице только с оружием, хотя раньше ходили по городу без него. Как свидетельствует хронист, «сейчас даже те из них, кто не носил с собой оружия, брали с собой в руки палку, хлыст или что-либо подобное. Они стали испытывать ненависть к мусульманам и остерегаться их»⁷⁵. Со временем отношения с местным населением внешне вроде бы вернулись в прежнее русло, но настороженность по отношению друг к другу сохранилась у обеих сторон.

Антифранцузские настроения не покидали жителей и в полной мере проявились во время второго Каирского восстания, начавшегося 20 марта 1800 г. и продолжавшегося 37 дней. Оно стало самым масштабным эпизодом сопротивления египтян французской оккупации. Восстание вспыхнуло после нарушения англичанами эль-Аришского мирного соглашения, по которому французы должны были уйти из Египта, оставив его османам⁷⁶.

Когда в феврале 1800 г. османские чиновники прибыли в город, чтобы принять его от французов, они потребовали от каирцев большую подать. Тем не менее, «каждый обложенный этой контрибуцией житель спешил с уплатой и приносил деньги от чистого сердца с радостной мыслью, что это ускоряет эвакуацию французов, и говорил: “Благословен тот день и час, когда неверные собаки уберутся”»⁷⁷. Мусульмане, с нетерпением ждавшие ухода французов, стали пренебрежительно и оскорбительно ве-

мира с шейхами различных племен. О смерти Хасана Тубара упоминается в N 75 от 9 термидора VIII года (28 июля 1800 г.) газеты *Courrier de l'Égypte*, где подчеркивается его лояльность французам. Память о нем как о муджахиде – борце против французов, сохранилась в городе Манзала до сих пор: его именем названа городская библиотека, а во время президентства Нассера было объявлено и о создании музея Хасана Тубара.

⁷⁴ Аль-Джабарти. Указ. соч. С. 114.

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ Подробнее см.: Чудинов А.В. Второе Каирское восстание: 20 марта – 21 апреля 1801 г. // ФЕ 2015. М., 2015. С. 262-342.

⁷⁷ Аль-Джабарти. Указ. соч. С. 144.

сти себя по отношению к ним, выказывая им всю свою ненависть, накопившуюся за время оккупации⁷⁸.

10 марта стало известно, что командующий английским флотом, вопреки эль-Аришскому соглашению, готов выпустить французов из Египта только в качестве пленных. 18 марта генерал Клебер, командовавший французами после отъезда Бонапарта во Францию, объявил о возобновлении военных действий. В ночь на 20 марта основные силы французской армии ушли из Каира, чтобы атаковать османскую армию и нанести ей поражение у Гелиополиса⁷⁹. А уже днем 20 марта в город прибыли османские военачальники и лидеры мамлюков с остатками разбитого французами при деревне Матария авангарда армии великого визиря. Жители Каира, не знавшие о печальном для мусульман исходе битвы и ободренные близостью освобождения, поддались на призыв османов к борьбе, начали вооружаться против французов и христиан, и, наконец, взбунтовались. Как и во время первого Каирского восстания, от их ярости пострадали не только французы, но и жители христианского квартала, а также проживавшие рядом с ним мусульмане, дома которых были разграблены маргинальными слоями населения⁸⁰.

На этот раз в восстании участвовали все слои общества. Османские военачальники прежде всего, Насиф-паша и Осман Ага, мамлюкские беи, купцы сейид Ахмад аль-Махкури, Мустафа аль-Баштили, глава каирской корпорации потомков пророка Мухаммада (накиб аль-ашраф) сейид Омар ан-Накиб руководили действиями мятежников и воодушевляли горожан на борьбу⁸¹. Прибыли в Каир и лидеры протестных движений из других областей Египта: Ибрагим-бей, вернувшийся со своими мамлюками из Сирии; Мухаммад аль-Альфи, ранее боровшийся с французами в Дельте; магрибинец Ахмад, объявивший себя «махди» и боровшийся с оккупантами в Даманхуре. Вокруг последнего и сплотились, в основном, маргинальные элементы, которых он возбуждал призывами к священной борьбе и прельщал возможностью грабежа. Как отмечает аль-Джабарти, махди, «собирая вокруг себя чернь, разыгрывал из себя военачальника», но, «если враг неожиданно появлялся в том квартале, где он находился, то он обычно скрывался и переходил в другой квартал»⁸².

Как и во время первого Каирского восстания, бунтующая толпа творила бесчинства. Дошло до того, что низшие слои населения напали на

⁷⁸ Там же. С. 244.

⁷⁹ Подробнее см.: Чудинов А.В. Сражение при Гелиополисе, или Забытая победа // ФЕ 2014. Т. 2: Франция и Восток. М., 2014.

⁸⁰ Аль-Джабарти. Указ. соч. С. 252.

⁸¹ Там же.

⁸² Там же. С. 269.

шейхов аль-Азхара, которые вновь попытались выступить посредниками в попытке добиться мира между бунтовщиками и французами: «Они [напавшие] говорили: “Эти шейхи отступили от веры и действуют заодно с французами, а цель их – добиться поражения мусульман. Они получили от французов деньги”»⁸³. Повстанцы не только не захотели слушать призывы улама к примирению, но нанесли побои шейхам Абдаллаху аш-Шаркави, председателю Каирского дивана, и Мусе ас-Сирси, также члену дивана. Упомянутый магрибинец махди как раз и был одним из тех, кто распаллял толпу криками, что мир не возможен. То, что население внимало никому не известному магрибинцу (по словам аль-Джабарти, «он присваивал чужие права и вмешивался в то, что его не касалось, в то время как в городе были такие люди, как паша, катхода и мамлюкские беи»⁸⁴), а не авторитетным шейхам, показывает, в каком возбуждении находились бунтовщики и какой ненавистью они пылали к французам.

Несогласованность действий повстанцев, пусть даже намного превосходивших оккупантов по своей численности, стала одной из причин поражения бунтовщиков и восстановления французами контроля над египетской столицей. Демонстративно жестокое наказание восставших французы устроили в пригороде Каира Булаке, который захватили первым. Как писал Никула ат-Турк, «это был час большой беды, страшные события, рассказ о которых способен заставить горы содрогнуться, а волосы молодых посесть»⁸⁵.

Одновременно с восстанием в Каире произошли новые бунты в Дельте, в частности, в Махаллят аль-Кубра, Танте, а затем и в Суэце, где жители обороняли от французов город вместе с османским пашой⁸⁶. Все эти выступления были быстро и жестоко подавлены, а на жителей наложена тяжелая контрибуция. Фактически Клеберу пришлось вновь завоевывать эти территории.

Вскоре, 14 июня 1800 г., и сам верховный главнокомандующий пал от руки сирийца Сулаймана аль-Халяби, нанесшего ему ножом смертельную рану. По признанию убийцы, он был послан для совершения этого акта возмездия агой янычар, находившимся в Сирии с остатками разгромленной в Египте армии великого визиря⁸⁷. После убийства Клебера французы пребывали в таком отчаянии, что «у них была идея заколоть шпагами и христиан, и мусульман – убить их всех»⁸⁸, так как они опа-

⁸³ Там же. С. 268.

⁸⁴ Там же. С. 270.

⁸⁵ *El-Turk N.* Op.cit. P. 174 (P. 205).

⁸⁶ Их описание см. в: *Аль-Джабарти*. Указ. соч. С. 296-299.

⁸⁷ *Аль-Джабарти*. Указ. соч. С. 313.

⁸⁸ *El-Turk N.* Op.cit. P. 189–190 (P. 223).

сались заговора и нового восстания. Однако выяснилось, что Сулейман действовал в одиночку. В результате, были казнены только он и три шейха аль-Азхара невысокого положения, которые знали о его намерениях, но не сообщили о них французам.

После подавления второго Каирского восстания французы делали все, чтобы обезопасить себя от повторения бунта. Прошли массовые аресты тех, кого подозревали в причастности к мятежу, на жителей наложили тяжелую контрибуцию. По свидетельству генерала Догеро, горожане были настолько обескровлены, огорчены и напуганы, что выражали исключительную покорность французам, которые, по его словам, только с этого времени и стали настоящими правителями Египта⁸⁹.

Особенно усилились притеснения египтян во время командования генерала Мену, возглавившего армию после смерти Клебера. Этот, последний, год оккупации стал самым тяжелым для египтян: усилился налоговый гнет, местные жители постоянно подвергались грабегам, увеличилось число арестов и казней. На отношениях французов и египтян сказывались их усталость друг от друга, взаимная неприязнь и враждебность. К тому же политика Мену, направленная на превращение Египта во французскую колонию, требовала все новых средств, которые оккупанты выжимали из населения любыми способами, включая насилие и устрашение.

Тем не менее, крупных восстаний в этот период не было, поскольку, с одной стороны, египтяне были запуганы жестоким подавлением второго Каирского восстания и мятежей в провинции; с другой – французская администрация заключила с бедуинскими племенами Дельты взаимовыгодные мирные соглашения, подкрепленные размещением там мобильных колонн французов.

Хотя зимой 1801 г. в Дельте вновь объявился магрибинец «махди», на сей раз никто не откликнулся на его призыв, и преследуемый мобильными колоннами он бежал в Верхний Египет. Там перешедший под покровительство французов Мурад-бей быстро разбил невеликие силы авантюриста. Последний, тем не менее, в мае 1801 г. опять появился в Дельте, чтобы присоединиться к англо-османской армии, победоносно шествовавшей по Египту⁹⁰.

Таким образом, на протяжении всего периода оккупации французам пришлось сталкиваться с сопротивлением местных жителей, принимавшим различные формы: от широкомасштабных восстаний до отдельных вооруженных столкновений. Демагогические заявления Бонапарта о том, что это именно мамлюки являются в Египте захватчиками, а Восточная армия прибыла освободить местное население от их власти, не обеспе-

⁸⁹ *Dogueron J.-P.* Op. cit. P. 151.

⁹⁰ *Laurens H.* Op. cit. P. 287.

чили оккупантам лояльности египтян. Мамлюки, несмотря на их этническую чуждость египтянам, были, как и большинство жителей страны, мусульманами. К тому же, несмотря на свои непростые отношения со Стамбулом, они действовали с согласия османского султана, имевшего непререкаемый авторитет в Египте. Поэтому мамлюки воспринимались коренным населением страны как «свои», а французы – как «чужие». В большинстве случаев мятежи и восстания против французов начинались как стихийный всплеск всеобщей ненависти к оккупантам и их политике. Разумеется, имело место и сотрудничество с французами, причем, как среди религиозных меньшинств, так и среди мусульман. Однако оно в большинстве случаев носило вынужденный и временный характер, как, например, у шейхов аль-Азхара, или было результатом взаимовыгодных союзов, как в случае с Мурад-беем. И напротив, когда османская армия с мая по август 1801 г. продвигалась по Египту, ее, несмотря на произвол турецких солдат по отношению к гражданскому населению, встречали с радостью, ведь с ее приходом для жителей долины Нила закончился тягостный период подчинения иноверцам.

Список литературы

- Абд Ар-Рахман Аль-Джабарти. Египет в период экспедиции Бонапарта (1798–1801) / Пер., пред. и прим. И.М. Фильштинского. М. : Изд-во вост. лит-ры, 1962. [*Abd Ar-Rakhman Al'-Dzhabarti. Egiptet v period ehkspeditsii Bonaparta (1798–1801) / Per., pred. i prim. I.M. Fil'shtinskogo. M. : Izd-vo vost. lit-ry, 1962*].
- Кириллина С.А. Исламские институты Османского Египта в XVIII – первой трети XIX века. Lewiston; Queenston; Lampeter: Edwin Mellen Press, 2000. [*Kirillina S.A. Islamskie instituty Osmanskogo Egipta v XVIII – pervoj treti XIX veka. Lewiston; Queenston; Lampeter: Edwin Mellen Press, 2000*].
- Кобищанов Т.Ю. Христианские общины в арабо-османском мире (XVII – первая треть XIX в.). М.: Доброе слово, 2003. [*Kobishhanov T.YU. Khristianskie obshhiny v arabo-osmanskom mire (XVII – pervaya tret' XIX v.). M.: Dobroe slovo, 2003*].
- Чудинов А.В. Второе Каирское восстание: 20 марта-21 апреля 1801 г. // Французский ежегодник 2015. К 225-летию Французской революции. М.: ИВИ РАН, 2015. [*Tchoudinov A.V. Vtoroe Kairskoe vosstanie: 20 marta-21 aprelya 1801 g. // Frantsuzskij ezhegodnik 2015. K 225-letiyu Frantsuzskoj revolyutsii. M.: IVI RAN, 2015*].

- Чудинов А.В. Сражение при Гелиополисе, или Забытая победа // Французский ежегодник 2014. Т. 2: Франция и Восток. М.: ИВИ РАН, 2014. [*Tchoudinov A.V. Srazhenie pri Geliopolise, ili Zabytaya pobeda // Frantsuzskij ezhegodnik 2014. T. 2: Frantsiya i Vostok. M.: IVI RAN, 2014*].
- Bernoier F. Avec Bonaparte en Égypte et en Syrie: 1798–1800. 19 lettres inédites / Pr. par Ch. Tortel. P. : Éd. Curandera, 1981.
- Cole J. Napoleon's Egypt. Invading the Middle East. N.-Y.: Palgrave Macmillan, 2007.
- Copies of original letters from the army of general Bonaparte in Egypt, intercepted by the fleet under the command of admiral Lord Nelson. 3 vol. L. : J. Right, 1799-1801.
- De La Jonquière C. L'Expédition d'Égypte (1798–1801) / Éd. par J. Garnier. 5 vol. P.: Teissèdre, 2003.
- Denon V. Voyages dans la Basse et la Haute Égypte, pendant les campagnes du général Bonaparte en 1798 et 1799. L.: Ch. Taylor, 1817.
- Doguereau J.-P. Journal de l'expédition d'Égypte / Éd. par C. de La Jonquière. P.: La Vouivre, 1997.
- El-Turk N. Histoire de l'expédition française en Égypte / Publ. et tr. par M. Desgranges. P.: Impr. royale, 1839
- Journal du canonier Bricard (1792–1802) / Publ. par A. et J. Bricard. P.: Ch. Delagraves, 1891.
- Journal du capitaine François (dit le Dromadaire d'Égypte), 1792–1830. P.: Tallandier, 2003.
- Journal d'un dragon d'Égypte (14e Dragons). Notes recueillies par Ct. M.*** P.: Impr. et libr. Militaires E. Dubois, 1899.
- Laurens H., Gillispie Ch. C., Golvin J.-C. L'expédition d'Égypte, 1798–1801. P.: Armand Collin, 1989.
- Napoleon Bonaparte. Correspondence générale. Vol. 2. La campagne d'Égypte et l'avènement, 1798-1799. P.: Fayard, 2005.
- Philipp Th. The French and the French Revolution in the Works of al-Jabarti // Eighteenth Century Egypt: The Arabic Manuscript Sources / Ed. by D. Creclius. Los Angeles: Regina books, 1990.
- Turc N. Chronique d'Égypte, 1798– 1804 / Éd. et tr. par Gaston Wiet. Le Caire: Impr. de l'Inst. français, 1950.
- Vigo-Roussillon F. Journal de campagne: 1793–1837. P. : Éd. France-Empire, 1981.
- Abd al-Rahman Al-Jabarti. Al-Jabarti's Chronicle of the First seven Months of the French Occupation of Egypt. Muharram Rajab 1213, 15 June - December 1798. Tarikh Muddat al-Faransis bi-Misir / Ed. and tr. by S. Moreh. Leiden: Brill, 1975.

Prusskaya E. Anti-French protest movement in Egypt in 1798-1801

Bonaparte's Egyptian campaign (1798-1801) was the first serious attempt to conquer Middle Eastern possession of the Ottoman sultan, taken by the European power – France. However, this attempt was not successful, not only because the sultan received military support from France's eternal rival – the Great Britain, but also because the invaders faced strong protest movement of the local population. An example of the French conquest of Egypt is particularly notable because of the fact that the conquerors and the local population belonged to different and so dissimilar civilizations – the European and the Arab-Muslim one. And if the Europeans saw the expedition in terms of the concept of «civilization», considering that its aim was to civilize the locals, the Arab-Muslim population perceived it in the context of old confrontation between the Christians and the Muslims. The author analyses the various forms of mass protest movements against the French occupation: riots in the Delta, two uprisings in Cairo (October 1798 and March 1800), the rebellion of Amir al-Hadj and revolt of «mahdi» in Damanhur (April-June 1799), as well as the evolution of the relations between the occupiers and the locals throughout the whole period of the expedition. In most cases, riots and rebellions against the French broke out spontaneously because of the general hatred of the locals towards the occupants and their policy. The French could only struggle against the uprisings by the brutal suppression of these manifestations, the imposition of heavy contributions or the conclusion of alliances with sheiks of the tribes and the Mamelukes.

Keywords: Egyptian campaign of Bonaparte (1798-1801), mass protest movement, clash of civilizations.

Н.В. Промыслов*

«СЕКРЕТНОЕ ОРУЖИЕ» БУНТА: ПОДГОТОВКА НАПОЛЕОНОМ КАМПАНИИ 1812 ГОДА

В процессе подготовки войны против России в 1811-1812 гг. французское командование во главе с Наполеоном рассматривало возможность организации массовых выступлений на территории Российской империи в качестве одного из действенных методов ведения войны. Российская элита также считала население «Русской Польши» потенциальным союзником французов. Боялись помещики и восстания со стороны крепостных крестьян. Однако надежды одних и опасения других не сбылись. Еще до начала боевых действий наиболее профранцузски настроенные жители западных губерний эмигрировали в герцогство Варшавское, либо были высланы русской полицией. Напротив, лояльные царю польские дворяне получили широкие возможности для карьеры в России. После начала войны массовые грабежи местного населения солдатами Великой армии также оттолкнули его от французов. Опасаясь вызвать неуправляемый крестьянский бунт, Наполеон так и не решился провозгласить в России отмену крепостного права.

Ключевые слова: Отечественная война 1812 г., Наполеон, взаимные представления, крепостное право, «Русская Польша», массовые выступления.

Подготовка к кампании против России велась Наполеоном более года. За это время были собраны большие массы солдат, мобилизованы ресурсы многих европейских государств. Император французов понимал, что война против Александра I потребует немалых усилий. «Я решился на большую экспедицию, – говорил он министру военной администрации и снабжения Ж.Ж. Лакюе де Сессаку. – Мне нужны в большом количестве фургоны и транспортные средства. Людей я раздобуду без труда, но приготовить транспорт трудно. Мне нужен громадный транспорт, потому что моим отправным пунктом будет Неман, и я буду действовать на больших расстояниях и в различных направлениях»¹. Одновременно с подготовкой

¹ Николай Владимирович Промыслов, кандидат исторических наук, научный сотрудник лаборатории «Мир в эпоху Французской революции и Наполеоновских войн» Института всеобщей истории РАН.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 14-18-01116).

резервов, вооружения, провианта и фуража шел активный сбор информации о территории будущего театра военных действий. Была подготовлена и отпечатана на французском языке максимально подробная для того времени карта Российской империи на ста листах, представлявшая собою доработанную версию российской карты².

Разведывательная деятельность Франции на территории России была неотъемлемой частью подготовки кампании 1812 года. В октябре 1810 г. Наполеон приказал своим службам систематически собирать и анализировать все сведения о России, которые могли бы оказаться полезными в случае войны. Единой разведывательной службы у Наполеона в тот момент не было, информация добывалась различными способами: сведения брались из архива МИДа, собирались через агентов на территории России, куда в 1807–1812 гг. проникали многочисленные шпионы, и через французские посольства в самой России и других европейских государствах. Агентурной работой занимались несколько разведцентров: в Варшаве ею руководил будущий историк Л.П.Э. Биньон, в Данциге – генерал Ж. Рапп, в Гамбурге – маршал Л.Н. Даву³. В декабре 1811 г. бюро Биньона были поручены конкретные задачи: военная разведка, перлюстрация и перевод перехваченных бумаг, допрос перебежчиков и т.п.⁴. Кроме того, Биньон должен был организовать сбор информации не только о приграничных районах, но и обо всех территориях вдоль главных дорог от Вильно на Петербург и Москву⁵. Все данные из посольств поступали в МИД, где был создан информационный отдел – Бюро внешней статистики – для систематизации и анализа сведений об иностранных армиях. Во главе отдела стоял Л.Ф. Лелорнь д'Идевиль, имевший большой опыт разведывательной деятельности в Пруссии и России и владевший к тому же русским языком⁶. Он же осуществлял поиск нужной информации по архивам французского МИДа.

¹ Коленкур А. Мемуары. Таллин, Москва, 1994. С. 63.

² Подробнее о подготовке французской карты см.: *Безотосный В.М.* Наполеоновские разведывательные службы в военной кампании 1812 г. // НиНИ. 2004. № 4; *Попов А.И.* Инженеры-географы Великой армии в кампании 1812 г. // Эпоха 1812 года: Исследования. Источники. Историография. Вып. 10. М., 2010; *Ададуров В.В.* От ментальной картографии к военной топографии: представления французозов о восточноевропейском пространстве накануне кампании 1812 г. (на примере юго-западных окраин Российской империи) // Наполеоновские войны на ментальных картах Европы: историческое сознание и литературные мифы. М., 2011.

³ См.: *Безотосный В.М.* Наполеоновские разведывательные службы... С. 195.

⁴ *Безотосный В.М.* Разведка и планы сторон в 1812 году. М., 2005. С. 40–41.

⁵ *Bourlet M., Lucas J.M.* Statistique des gouvernements de Vilna et Grodno. Lituanie // L'Histoire. 2012. N 267. P. 78.

⁶ *Безотосный В.М.* Разведка и планы сторон в 1812 году. С. 39.

Помимо сведений исключительно военного характера (размещение и численность войск, состояние крепостей и складов) собиралась также топографическая и статистическая информация о российских губерниях, на территории которых потенциально могли вестись боевые действия. При подготовке сводных итоговых материалов⁷ их авторы активно использовали опубликованные географические описания Российской империи, выходявшие в значительном количестве в Германии и России⁸. При подготовке сведений для Наполеона печатными источниками пользовались не только сотрудники французского МИДа в Париже, но и находившийся в Варшаве Биньон, которому также не хватало проверенных агентурных сведений, собранных на территории будущего противника⁹. В этих материалах, наряду с топографической и статистической информацией, можно найти размышления авторов об истории России в целом и отдельных ее провинций, описания быта и нравов народов, проживающих на территории империи царей.

Формально подготовка к войне против тильзитского союзника сохранялась в тайне вплоть до мая 1812 г. Только после того, как Наполеон покинул Париж и отправился на свидание со своими многочисленными союзниками в Дрезден, французские дипломаты перестали делать вид, что союз с

⁷ Один из наиболее полных комплексов материалов по России, подготовленных французской разведкой накануне войны, отложился в архиве военного ведомства: Service historique de la Défense à Vincennes, далее – SHD DAT. Fonds 1M. Cartons 1488–1489. Копии этих же материалов можно найти также и в других архивах Франции и России.

⁸ Важными источниками сведений о российских губерниях стали книги: *Ehrmann T.F.* Neueste Länder und Völkerkunde, ein geographisches Lesebuch für alle Stände. III Band. Russland. Weimar, 1807; *Hassel J.G.H.* Statistische Uebersichtstabelle der sämtlichen Europäischen und einiger aussereuropäischen Staaten. Goettingen, 1809; *Petri J.Ch.* Neuestes Gemälde von Lief- und Ehtland, unter Katharina II. und Alexander I. in historischer, statistischer, politischer und merkantilischer Ansicht. Auch als ein Beytrag zur Kenntniss des Russischen Reichs. Leipzig, 1809; *Storch H.* Statistische Übersicht der Statthalterschaften des russischen Reichs nach ihren merkwürdigsten Kulturverhältnissen. Riga, 1795; *Storch H.* Historisch-statistische Gemälde des russischen Reichs. Riga, 1797–1803; *Rußland unter Alexander I.* St. Petersburg, 1803–1811; *Георги И.-Г.* Описание всех обитающих в Российском государстве народов: их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей. СПб., 1799. С. 4 т.

⁹ Подробнее см.: *Промыслов Н.В.* Сведения французской разведки о Московской губернии в 1812 году в материалах Военного архива сухопутных сил Франции // «Сей день пребудет вечным памятником...» Бородино 1812-2012: Материалы Международной научной конференции, 3–7 сентября 2012 г. Можайск, 2013. С. 195–210; *Михайлова Ю.Л., Промыслов Н.В.* Сведения французской разведки о прибалтийских губерниях Российской империи в 1812 году (по материалам Военного архива сухопутных сил Франции) // Россия и Балтия. Вып. 7. М., 2015. С. 64–80.

Россией так же крепко, как в момент его заключения, хотя пресса продолжала держать общественное мнение Европы в неведении относительно готовящейся войны до самого момента открытия боевых действий¹⁰.

На практике военные и дипломаты уже с 1810 г. заговорили об охлаждении отношений двух стран, что выразилось в том числе в подготовке различных проектов боевых действий против России и вариантов последующего раздела территорий на востоке Европы. Авторы подобных проектов, многие из которых имели польское происхождение, нередко заявляли о том, что Наполеону будет обеспечена широкая поддержка различных слоев населения Российской империи, если его войска перейдут Неман. Значительная часть поляков герцогства Варшавского рассчитывала на восстановление императором французов Польши если не в границах 1772 г., то, по крайней мере, как полноценного самостоятельного государства. До сих пор исследователями не найдено никаких документальных свидетельств того, что Наполеон обещал полякам независимость. Однако польское дворянство могло рассчитывать, что в случае победы французов над Россией, в которой никто не сомневался, им пойдут навстречу. Расчеты на широкую поддержку Великой армии со стороны населения западных российских губерний опирались, в частности, на опыт зимней кампании 1806–1807 гг. против Четвертой коалиции, в которой поляки сыграли заметную роль. Помимо торжественных приемов, оказанных французам в Варшаве и других польских городах, поляками тогда было сформировано несколько воинских частей для Великой армии, собрано большое количество продовольствия и фуража.

Уже в период кампании 1806–1807 гг. появились первые проекты организации восстания на территории приграничных российских губерний, ранее входивших в состав Речи Посполитой. При этом «география» таких восстаний была весьма широка. Авторы одного из проектов утверждали, что и под Киевом, и под Одессой французов ожидает широкая поддержка со стороны местного населения¹¹. Вероятнее всего, заявления о возможности массового выступления на территории Российской империи, в случае вторжения французов, были исключительно плодом

¹⁰ Промыслов Н.В. Образ России на страницах газеты Le Moniteur Universel в 1811–1812 гг. // Россия и Франция: исторический опыт XVIII–XIX веков. Материалы международной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения А.З. Манфреда (27–29 сентября 2006 г.). М., 2008. С. 158.

¹¹ Захарчук О.Н. Проекты польского генерала Михаила Сокольниковского и Отечественная война 1812 г. // Отечественная война 1812 года и российская провинция в событиях, человеческих судьбах и музейных коллекциях. Малоярославец, 2009. С. 192.

воображения некоторых поляков и имели целью дальнейшее вовлечение французов в войну за восстановление Польши.

Накануне нового столкновения с Россией в 1812 г. также появились различные сочинения, содержавшие предложения по планам французов на грядущую войну. В них нередко упоминалось о якобы имевшей место готовности местного населения «русской Польши» выступить в поддержку Наполеона, как только его войска перейдут границу и будет объявлено о восстановлении самостоятельного польского государства.

Наиболее известным из подобных сочинений стали заметки дивизионного генерала М. Сокольниковского, находившегося в тот момент на службе короля Саксонии, которому принадлежало и Великое герцогство Варшавское. Для скорейшей победы Великой армии в войне против России Сокольниковский предлагал поручить польским контингентам поднять восстания в тех российских губерниях, которые ранее входили в состав Речи Посполитой, что, по его мнению, будет сделать несложно¹². Восстание должно было вспыхнуть на широкой территории от Западной Двины до Смоленска, Киева и Каменец-Подольского. Инициаторами восстания должны были стать польские аристократы из известных родов, участвовавших в предыдущих столкновениях с Российской империей конца XVIII – начала XIX вв.

Сокольниковский полагал, что одним из главных инициаторов восстаний на территории Российской империи должен стать «молодой князь Радзивилл». Из текста ясно, что в этой фигуре объединилось два реальных исторических персонажа: Михаил Радзивилл (1778–1850) и Доминик Радзивилл (1786–1813), первый из которых участвовал в военных действиях против России в 1790-х гг., и в 1812 г. носил звание бригадного генерала Великой армии, а второй командовал 8-м уланским полком Великой армии. Сокольниковский приписывал их черты одному человеку. По его мнению, за Радзивиллом пойдет большая часть польско-литовского дворянства, которое сохранило верность древнему роду еще с XVI в., и он сможет собрать большую армию добровольцев, представляющих все слои общества и все территории вплоть до Поднепровья¹³. Чтобы дополнительно привлечь внимание Наполеона к своим проектам польский генерал упоминал о многочисленных воинских формированиях, которые должны быть организованы из местных жителей. Одна только Литва,

¹² Сокольниковский М. «Исполнено по высочайшему повелению...». Рапорт, поданный Наполеону начальником его контрразведки, польским генералом Михаилом Сокольниковским, с рекомендациями «о способах избавления Европы от влияния России...». Минск, 2003. С. 59.

¹³ Там же. С. 66.

считал он, могла бы в короткий срок выставить 60-тысячную армию, не считая корпуса добровольцев¹⁴.

Кроме общего стратегического плана действий Великой армии и ее польских союзников по организации восстаний на территории западных и юго-западных губерний Российской империи, Сокольницкий довольно подробно описал и технологию его реализации: «Хорошо обученные партизаны в составе элитного кавалерийского полка и двух батальонов отборных стрелков смогут просочиться незамеченными через полесские болота по известным только местным охотникам лесным тропам к Невсвижу, где находятся главные артиллерийские склады и все военные запасы русских, чтобы поднять восстание, заставить врасплох охрану и завладеть всем, что там находится»¹⁵.

Проект Сокольницкого содержал и план обустройства западных и юго-западных губерний России после победоносного завершения войны. Для того чтобы «надежно оградить Польшу от России», генерал предложил создать на ее восточных границах ряд герцогств, «находящихся под непосредственной протекцией» герцогства Варшавского. Еще восточнее предлагалось организовать казаков и крымских татар с тем, чтобы они также противостояли Российской империи и выполняли функцию поддержки возрожденного польского государства¹⁶.

Сочинение Сокольницкого создано вполне в традиции проектов преобразования тех или иных территорий, написанных авантюристами XVIII в. Реалистичность плана по организации восстаний не ставилась автором под сомнение, возможное противостояние со стороны противника – русских войск – в расчет практически не принималось. При написании своего труда автор исходил из распространенного стереотипа о враждебности всех поляков к России и их готовности выступить против русской монархии при первой же благоприятной возможности.

Наряду с поляками, которые составляли меньшинство населения, в регионе будущего восстания проживало много других национальных групп, принадлежавших к тому же к разным конфессиям. Материалы о состоянии российских губерний, составленные накануне войны Биньном, Лелорнь д'Идевилем и Даву, наглядно демонстрировали сложную этно-конфессиональную обстановку в регионе. Однако Сокольницкий не стал концентрировать на этом факте внимание императора, который должен был стать главным читателем его произведения. Такие подроб-

¹⁴ Там же. С. 68.

¹⁵ Там же. С. 66.

¹⁶ Там же. С. 81–82.

ности могли заронить Наполеону ненужные сомнения в реализуемости проекта восстания. Кроме того, император не раз выражал негативное отношение к любым стихийным, «диким», формам бунтов и высказывал пожелание, чтобы такое восстание разворачивалось по образцу действий крупных шляхетских конфедераций XVIII в. – Барской и Тарговицкой¹⁷. Поэтому обращать внимание на возможные сложности в реализации плана было нежелательно.

В тексте проекта Сокольницкого заметно использование различных, широко распространенных во Франции XVIII – начала XIX вв., стереотипов восприятия России. Используя популярные литературные клише, автор, с одной стороны, восполнял недостаток конкретной информации, который заметен в некоторых его пассажах, с другой – вписывал свое сочинение в знакомый читателям контекст, что должно было служить дополнительным подтверждением его правоты. А потенциальными читателями его произведения, кроме Наполеона, должны были стать военачальники Великой армии, дипломаты и другие высшие сановники Первой империи, которым император мог поручить ознакомиться с представленным трудом. Подавляющее большинство из них воспитывались на литературе эпохи Просвещения, создавшей целый комплекс устойчивых стереотипов описания России и ее западных окраин¹⁸. Под влиянием традиции описания российско-польских взаимоотношений XVIII в. французские деятели были склонны считать, что области, присоединенные к России в результате разделов Речи Посполитой обладают очевидной спецификой хозяйственных, этнических и общественных отношений по сравнению с остальной территорией Российской империи. Поэтому весьма широко было распространено представление о том, что эти земли будет нетрудно отторгнуть у «москвитов». В большей степени представления такого рода относились к Волинии и Подолии. В этих регионах настроения дворянства и наиболее состоятельных городских слоев, по мнению французов, характеризовались сильным польским патриотическим духом, сравнимым с настроениями шляхты в Варшавском герцогстве.

Предположения о возможности бунта против власти Александра I высказывались в среде французского командования не только по отношению к польскому дворянству. Бытовало мнение о готовности казаков к такому восстанию. Основано оно было, главным образом, на инфор-

¹⁷ Ададуров В.В. Польское дворянство юго-запада России в планах Наполеона во время военной кампании 1812 г. // История и историческая память. Вып. 6. Саратов, 2012. С. 166.

¹⁸ Подробнее см.: Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М., 2003.

мации из польских источников, и Наполеон, очевидно, не вполне доверял ему. Схожие по содержанию и психологической окраске представления можно встретить в сочинениях польских информаторов Наполеона и в отношении населения Северного Причерноморья – крымских татар и иностранных колонистов. Рассказы французских дипломатов и шпионов второй половины XVIII – начала XIX в.¹⁹, воспринимавших Северное Причерноморье как часть восточного мира, создали образ этого края как причудливой смеси пережитков прежней эпохи господства кочевых мусульманских народов и нововведений, осуществляемых российскими властями.

Еще одним слоем общества, который, по предположению информаторов Наполеона и некоторых представителей командования Великой армии, мог восстать против российской власти, было крепостное крестьянство. В мемуарах участников похода 1812 г. нередко можно найти рассуждения о возможности и даже необходимости организации антиправительственного движения крепостных крестьян России. В материалах французской разведки по Прибалтийским губерниям авторы особо указывали на более тяжелое положение эстонских и латышских крестьян по сравнению с крепостными других губерний, и на этом основании делали осторожное предположение о возможности их восстания²⁰.

Однако Наполеон так и не стал объявлять об отмене крепостного права. Подобный акт, скорее всего, не был бы услышан большинством крестьян, которые воспринимали французов как врагов христианской веры²¹. Кроме того, объявление об освобождении крестьян нанесло бы сильный удар по благосостоянию помещиков из польско-литовских губерний, на чью помощь более всего и рассчитывал император французов. Опасались также, что провозглашение отмены крепостного права может привести к масштабным бунтам, что не позволит Наполеону заключить мир на нужных ему условиях, а потому выступать с подобным заявлением ему не имело смысла²².

Поскольку освобождение Польши было объявлено Наполеоном одной из главных целей войны 1812 г., польская тема обсуждалась и

¹⁹ См. например, *Чудинов А.В.* Французские агенты о положении в Крыму накануне русско-турецкой войны 1787–1791 годов // Русско-французские культурные связи в эпоху Просвещения. М., 2001. С. 216–218.

²⁰ SHD DAT. M1. 1488. Statistique de Gouvernement d'Esthonie. P. 29.

²¹ См.: *Чудинов А.В.* С кем воевал русский мужик в 1812 году? Образ врага в массовом сознании // Французский ежегодник 2012: 200-летний юбилей Отечественной войны 1812 года. М., 2012.

²² *Попов А.И.* Великая армия в России. Погоня за миражом. Самара, 2002. С. 195.

во французской прессе. Наполеоновская пропаганда в первые месяцы войны довольно много внимания уделяла вопросам объединения герцогства Варшавского и Литовского княжества в конфедерацию, хотя император и не выразил своего мнения относительно будущего Польши. Косвенным свидетельством планов по отделению от Российской империи ряда ее западных губерний стало то, что сообщения из этих районов начали появляться в газетах с подзаголовком «Литва». До войны сообщения из Вильно появлялись только в рубрике «Россия». Таким образом, читателям давали понять, что данная территория, с еще не до конца определенными границами, стала самостоятельной географической единицей. Формально, о восстановлении унии между Польшей и Литвой было объявлено 14 июля на торжественном собрании в Вильнюсском кафедральном соборе. Фактически, создание единого государства шло очень медленно, так как Наполеон, в надежде на скорое начало мирных переговоров с Александром I, уклонялся от принятия решения по возрождению Речи Посполитой в границах 1772 г. Несмотря на это, французская пресса писала про объединение двух государств и создание Литовского княжества²³, вероятно, чтобы оказать давление на российское правительство.

Важной задачей французской пропаганды было показать, что подданные российского императора в западных областях империи добровольно присоединяются к новой власти и готовы ей помогать всеми возможными способами. Газеты наперебой сообщали о том, с какой радостью жители Литвы, как горожане, так и крестьяне, поддерживают присоединение к герцогству Варшавскому и благодарят Наполеона за свое освобождение²⁴. Практически в каждом сообщении о польско-литовских делах говорилось о скором наборе здесь войск для Великой армии. Именно военную поддержку хотел получить от этих провинций император французов в первую очередь. О начале формирования литовских частей было заявлено еще в Четвертом бюллетене Великой армии от 30 июня: «Примерно 400–500 молодых студентов, которым едва исполнилось 18 лет, представители благородных семей, изъявили желание сформировать собственный полк»²⁵. В том же сообщении утверждалось, что польские провинции России взбунтовались практически целиком. Это была явная выдумка пропаганды. Реальность настолько расходилась с желаниями Наполеона, что в дальнейшем о каких бы то ни было восстаниях уже не упоминалось.

²³ Moniteur Universel. N 205. 1812. 23 juillet.

²⁴ Journal de Paris. Politique, commercial et litteraire. N 206. 1812. 24 juillet; Moniteur Universel, N 205. 1812. 23 juillet.

²⁵ Moniteur Universel. N 196. 1812. 14 juillet.

Перед Временной правительственной комиссией, наделенной в Литве функциями исполнительной власти, Наполеон поставил задачу пополнять вооруженные силы солдатами и снабжать Великую армию продовольствием. Граф Выбицкий²⁶, возглавлявший депутацию польского сейма, уверял императора, что его народ приложит все усилия, чтобы помочь французам одержать победу: «Нас 16 миллионов, и любая жертва (во имя восстановления страны. – Н.П.) для нас будет легкой!»²⁷. В корреспонденции от 15 июля из Вильно очерчивались и примерные границы будущего государства, по крайней мере, как их представляли себе сами поляки: от Одера до Днепра и от Днестра до Двины, что означало бы возврат к границам 1772 г.

Влияние России на эти территории описывалось в прессе исключительно в негативных тонах. «Они пытались посеять разногласия между знатью и этим добрым народом, кроме того, они хотели руками наших детей убивать лезгин и сотни других народов, названия которых нам неизвестны, и даже сегодня не хотят ли они вооружить брата против брата и отца против сына. Образованные люди видят, что культура нашего языка приходит в упадок, что грозит потерей, в один прекрасный день, общей с остальной Европой письменности. Под влиянием России наши крестьяне беднеют. Разврат проникает в наши дома»²⁸.

Надо сказать, что в этом описании Юзеф Сераковский, член Временной правительственной комиссии Литовского княжества, был во многом прав. Действительно, поляков, которых подозревали в нелояльности царю, а также участников восстания 1795 г. сослали на Кавказ, однако лояльные новому режиму шляхтичи сами шли служить в русскую армию и получали чины и награды наравне со всем российским дворянством. Что касается языка и письменности, то в этом граф Сераковский предвосхитил события второй половины XIX в., когда правительство Российской империи предприняло целый ряд мер по ограничению использования польского и литовского языков. В частности, литовский алфавит на основе латиницы был на протяжении нескольких десятилетий запрещен²⁹.

Вопрос лояльности населения польских и литовских губерний императору Александру волновал и представителей российской элиты. Опыт бывших польских провинций Пруссии и Австрии, выступивших против своих монархов в поддержку Наполеона в 1806 и 1809 гг., наводил на

²⁶ Выбицкий Йозеф, польский генерал и политический деятель, участник восстания Костюшко 1794 г., автор слов к «Мазурке Домбровского», ставшей гимном Польши.

²⁷ Moniteur Universel, N 210. 1812. 28 juillet.

²⁸ Moniteur Universel. N 214. 1812. 1 août.

²⁹ Подробнее см.: *Миллер А.И.* Империя Романовых и национализм. М., 2006. Гл. 3.

мысль, что и в России польское и литовское дворянство может выступить против царя, если между тильзитскими союзниками начнется война. В пользу таких опасений говорили многочисленные факты эмиграции поляков из России на территорию великого герцогства Варшавского после его появления. Особенно массовый характер переходы приобрели во время и после войны Франции с Австрией в 1809 г. Некоторые историки утверждают, что в тот период войска главнокомандующего герцогства Ю. Понятовского пополнились тысячами выходцев из России³⁰, среди выехавших в соседнее государство были представители разных слоев населения: дворяне, мещане и даже крестьяне. Точные данные по числу эмигрантов остаются дискуссионными, но в любом случае факт отъезда российских подданных в великое герцогство волновал руководство страны. Правительство в 1809–1810 гг. даже предприняло ряд мер, направленных на сдерживание потока эмигрантов. Среди прочего предполагалась конфискация имений тех лиц, которые нелегально покидали страну или содействовали оттоку жителей в соседнее государство³¹. Меры эти оказались не слишком действенными, т.к. часть уехавших была молодыми людьми, которые либо еще не вступили в права наследования, либо вообще не обладали имуществом, подлежащим изъятию. Наиболее состоятельные магнаты, как, например, Д. Радзивилл, после выхода таких постановлений вернулись в Россию, но только затем, чтобы продать или заложить свои имения и после этого опять покинуть страну.

Результаты мер российского правительства оказались неоднозначными. С одной стороны, продавшие свои владения магнаты все равно уезжали. К тому же прихватив с собой значительное количество наличных средств, на которые оснащали воинские соединения в герцогстве Варшавском. С другой стороны, страну покидали наиболее антироссийски настроенные лица, которые, избавившись от имущества, фактически разрывали многие связи с местным населением. К началу новой войны между Россией и Францией проданными поместьями уже на протяжении одного-двух лет владели другие люди, которые устанавливали собственные порядки, что неизбежно снижало влияние прежних владельцев.

³⁰ *Лукашевич А.М.* Политическая ситуация в западных (белорусских) губерниях накануне и в начале Отечественной войны 1812 года в оценке российских служб контрразведки // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы: Материалы XV Международной научной конференции (Бородино, 9-11 сентября 2008 г.). Можайск, 2009. С. 58.

³¹ Список конфискованных с 1809 по 1813 г. имений, который вело министерство финансов, составил 400 страниц. *Бовуа Д.* Гордиев узел Российской империи: Власть, шляхта и народ на Правобережной Украине (1793–1914). М., 2011. С. 196.

Наглядным примером того, насколько российские власти допускали возможность массовых выступлений на территории бывшей Речи Посполитой, стала история с расследованием знаменитого киевского пожара 1811 г., начавшегося на Подоле 9 июня. Разбирательство по делу шло несколько месяцев. Практически сразу возникли слухи о поджигателях, в число которых записывали поляков, немцев, евреев и даже французов, якобы замеченных киевлянами. Последовавшие в ближайшие дни после основного бедствия несколько локальных пожаров наводили на мысль о том, что все эти события связаны между собой и являются следствием целенаправленных действий со стороны неких злоумышленников³².

Первое расследование, проведенное по горячим следам в августе 1811 г., показало, что все пожары произошли по вполне бытовым причинам и не были результатом чьего-либо заговора. Однако представления о нелояльности населения бывших польских территорий к российским властям укоренилось так глубоко, что в Петербурге не поверили в отсутствие заговора в случае с киевским пожаром. В октябре 1811 г. в Киев был направлен наделенный чрезвычайными полномочиями генерал-лейтенант Ф.Ф. Эртель и учреждена специальная комиссия для расследования «о пожарах в губерниях от Польши приобретенных». В секретной инструкции, подписанной Александром I, на Эртеля возлагалась обязанность «изыскать причину бывших пожаров и открыть самих зажигателей»³³. Таким образом изначально задавался вектор расследования и на протяжении нескольких месяцев чиновники высочайшего ранга в Петербурге, Киеве и ряде соседних губерний не жалели усилий для поиска поджигателей. Список подозрительных лиц, арестованных в связи с этим делом, постоянно расширялся. Наконец в январе 1812 г. комиссия Эртеля признала, что нет никаких доказательств чьего-либо умысла в возникновении пожара, после чего генерал был отозван в столицу.

До начала войны 1812 г. между русскими генералами развернулась оживленная полемика о том, как поляки отзовутся на вторжение французов. Генерал Л.Л. Беннигсен, выступая с поддержкой плана превентивной войны против Франции, утверждал, что наступление русских в герцогстве Варшавском не позволило бы Наполеону заручиться поддержкой поляков, проживавших в западных пограничных районах Рос-

³² *Потрашков С.В.* Тревожное время: юго-западные и южные окраины Российской империи накануне и в начальный период наполеоновского нашествия // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы: Материалы XV Международной научной конференции (Бородино, 9-11 сентября 2008 г.). Можайск, 2009. С. 46–47.

³³ Там же. С. 47.

сии. Большинство генералов были согласны с тем, что в случае вторжения Наполеона в Россию и провозглашения им восстановления Польши большая часть образованных поляков в Литве и Белоруссии выступят в его поддержку – отчасти на волне националистического подъема, отчасти веря в то, что он одержит победу³⁴. Российские власти предприняли ряд мер по нейтрализации возможных сторонников Наполеона на территории западных губерний.

Уже с 1807 г. администрации «польских» губерний регулярно доносили о распространенности пронаполеоновских настроений в среде местных магнатов, шляхты, студентов, католического и униатского духовенства и даже крестьян. Расположенные на тех же территориях военные власти регулярно собирали сведения о настроениях в различных слоях населения. Однако к началу новой войны между Россией и Францией и военные и гражданские власти в унисон заявляли, что хотя антироссийские настроения и существуют, их остроту и размах не стоит преувеличивать. Так генерал И.Н. Эссен писал в секретном донесении военному министру: «Что касается до образа мыслей здешних обывателей, то очевидно, что благоразумные, богатые помещики, видя милости к ним нашего Государя Императора и умея их ценить в полной мере, не желают никакой перемены, бедные же напротив ожидают войны, надеясь при какой-либо перемене поправить свое состояние; между молодыми людьми приметным образом обнаруживается ненависть к русским, но сие я не могу приписать иному как их молодости, к обузданию ж того всегда можно найти достаточные меры»³⁵. Весной 1812 г. Александр I потребовал от местных властей составить списки ненадежных лиц, разделив их на две категории: «сомнительные» и «совершенно подозрительные». Эти списки были подготовлены уже накануне войны и по каждой губернии в них значились по несколько десятков лиц. Российский император распорядился переместить наиболее подозрительных из них вглубь страны, но эту меру далеко не везде смогли выполнить эффективно, так как боевые действия уже открылись и властям оказалось трудно найти и задержать подозрительных. Некоторые же из задержанных сбежали уже из-под стражи или были освобождены наступающими наполеоновскими войсками.

Однако западные губернии Российской империи не оказали той поддержки, которой ждал от них император французов. Отсутствие боль-

³⁴ См. об этом подробнее *Ливен Д.* Россия против Наполеона: Борьба за Европу, 1807–1814. М., 2012. С. 188 и далее.

³⁵ *Лукашевич А.М.* Политическая ситуация в западных (белорусских) губерниях накануне и в начале Отечественной войны 1812 года. С. 61.

шого желания у поляков и литовцев западных губерний объединиться с поляками герцогства Варшавского стало заметно практически сразу после захвата Вильно³⁶. Уже 1 июля Наполеон отдал приказ – сформировать во всех городах провозглашенного Литовского княжества национальную гвардию. А 5 июля вышло распоряжение начать комплектование на подвластной Временной правительственной комиссии территории 5 пехотных и 4 кавалерийских полков. Кроме того, из шляхтичей-добровольцев начали формировать 3-й шеволежерский-пикинерский³⁷ полк Императорской гвардии. Включение поляков в состав элитных войск Первой империи должно было послужить знаком особого доверия со стороны Наполеона. Однако формирование новых частей шло совсем не так, как ожидали французские военные: рекрутов было очень мало, да и из тех, кого удавалось привлечь под знамена императора, многие вскоре дезертировали. Для новых соединений не хватало обученных офицеров, обмундирования и оружия. Видимо поэтому газета *Moniteur Universel* в последний раз упомянула о литовских союзниках в первой половине сентября 1812 г.³⁸

При вступлении русской армии на территорию, подвластную Временной правительственной комиссии, дезертирство в литовских частях усилилось³⁹. Литовские войска в составе разных соединений потерпели несколько поражений, но некоторое количество солдат ушло вместе с остатками Великой армии из пределов Российской империи. В первой половине 1813 г. литовские полки были объединены с другими частями французской армии и перестали существовать как самостоятельные боевые единицы. В целом, литовские воинские части не оказали существенного влияния на исход кампании.

* * *

Вопреки ожиданиям французского командования и опасениям российских властей население западных и юго-западных губерний оказалось в целом вполне лояльно к императору Александру. Широких выступлений против российской власти в губерниях, оккупированных Великой армией, и находящихся рядом с театром военных действий не случилось. Причин такого явления можно назвать несколько.

Эмиграция наиболее профранцузски настроенных дворян, которые мечтали возродить польское государство, эффективные действия рос-

сийской контрразведки по нейтрализации недовольных, в том числе аресты целого ряда французских шпионов, направленных в Российскую империю с территории Варшавского герцогства, а также активность местной полиции и чиновников министерства внутренних дел способствовали нейтрализации антироссийских настроений в землях бывшей Речи Посполитой⁴⁰. Вполне лояльное отношение российских властей к местным дворянам, которых охотно принимали на военную и гражданскую службу и не препятствовали их продвижению по карьерной лестнице, укрепляло желание поляков и литовцев продолжать строить свою карьеру в Российской империи. После начала боевых действий в 1812 г. не было зафиксировано массового дезертирства из русской армии поляков, хотя французские прокламации их к этому и призывали⁴¹. В официальном акте о создании польской конфедерации пункт 6 гласил: «Все военные и гражданские служащие России, поляки по рождению и проживающие на территории Польши теперь должны покинуть русскую службу»⁴².

Масштабные реквизиции, организованные французами на территории польских и литовских губерний, часто переходившие в открытый грабеж, также не способствовали формированию поддержки со стороны местного населения всех сословий. События на театре военных действий развивались довольно быстро, но в отличие от большинства предыдущих кампаний Наполеона успехи французов были не столь очевидны. С одной стороны, они заняли большую часть территории России, но с другой – так и не одержали решительной победы над русской армией и война явно затягивалась. При этом потери Великой армии были весьма значительны, что заставляло задуматься о возможности победы французов и тем более сомнительным становилось отделение западных губерний от империи Александра I по итогам войны.

Великая армия состояла из контингентов разных государств, некоторые из которых имели свою историю взаимоотношений с польским государством. Так, Австрия на протяжении нескольких столетий была соперником Речи Посполитой и одной из главных участниц ее разделов. Саксония, в свою очередь, была долгое время династически связана с польским государством, а с 1807 г. именно саксонский король формально являлся верховным правителем Варшавского герцогства. Поэтому мародерство со стороны австрийских и саксонских войск, которые провели большую

³⁶ *Dundulis B.* Napoléon et la Lituanie en 1812. Paris, 1940. P. 103.

³⁷ От французского *cheval-léger lancier*. Вид легкой кавалерии в Великой армии.

³⁸ *Moniteur Universel*, N 257. 1812. 13 septembre.

³⁹ История Литовской ССР. Вильнюс, 1978. С. 190–191.

⁴⁰ Подробнее см.: *Бовуа Д.* Гордиев узел Российской империи. С. 195 и далее.

⁴¹ *Moniteur Universel*. N 220. 1812. 7 août.

⁴² *Moniteur Universel*. 1812. N 199. 17 juillet.

часть кампании на «польских» территориях, дополнительно подогревало недовольство местного населения по отношению ко всей Великой армии⁴³.

События войны 1812 г. показали, что надежды французов на выступления поляков в поддержку независимости польских губерний не оправдались. В ходе кампании 1813 г. Варшавское герцогство стало опорной базой для русских войск, и местное население также проявило себя вполне лояльно к власти Александра I. Для того чтобы закрепить успехи своей политики на польском направлении, российский император 30 августа 1814 г. специальным манифестом объявил общую амнистию всем самовольно отлучившимся за границу и вернул им «взятые под секвестр имения»⁴⁴. В целом политика Александра по отношению к губерниям, присоединенным Екатериной II, оказалась весьма взвешенной и грамотной, благодаря чему удалось избежать «польской анархии» подобной восстанию 1794–1795 гг. Значимую роль в успехе политики царя сыграла и позиция Наполеона, который не хотел иметь дело с неуправляемым бунтом, и потому сдерживал порывы поляков и тех своих подчиненных, которые предлагали поднять восстание в «польских» губерниях или провозгласить отмену крепостного права.

Список литературы

- Ададуров В.В.* От ментальной картографии к военной топографии: представления французов о восточноевропейском пространстве накануне кампании 1812 г. (на примере юго-западных окраин Российской империи // Наполеоновские войны на ментальных картах Европы: историческое сознание и литературные мифы. М.: Ключ-С, 2011. [*Adadurov V.V.* Ot mental'noj kartografii k voennoj topografii: predstavleniya frantsuzov o vostochnoevropskom prostranstve nakanune kampanii 1812 g. (na primere yugo-zapadnyh okrain Rossijskoj imperii // Napoleonovskie vojny na mental'nyh kartakh Evropy: istoricheskoe soznanie i literaturnye mify. M.: Klyuch-S, 2011].
- Ададуров В.В.* Польское дворянство юго-запада России в планах Наполеона во время военной кампании 1812 г. // История и историческая память. Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 6. Саратов: Издательство Саратовского университета, 2012. [*Adadurov V.V.* Pol'skoe dvoryanstvo yugo-zapada Rossii v planah Napoleona vo vremya voennoj

⁴³ *Ададуров В.В.* Польское дворянство юго-запада России в планах Наполеона. С. 178–179.

⁴⁴ *Бовуа Д.* Гордиев узел Российской империи. С. 207.

- kampanii 1812 g. // *Istoriya i istoricheskaya pamyat'*. Mezhvuzovskij sbornik nauchnyh trudov. Вып. 6. Саратов: Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta, 2012.]
- Безотосный В.М.* Наполеоновские разведывательные службы в военной кампании 1812 г. // Новая и новейшая история. 2004. № 4. [*Bezotosny V.M.* Napoleonovskie razvedyvatel'nye sluzhby v voennoj kampanii 1812 g. // Novaya i novejšhaya istoriya. 2004, № 4.]
- Безотосный В.М.* Разведка и планы сторон в 1812 году. М.: РОССПЭН, 2005. [*Bezotosny V.M.* Razvedka i plany storon v 1812 godu. M.: ROSSPEN, 2005.]
- Бовуа Д.* Гордиев узел Российской империи: Власть, шляхта и народ на Правобережной Украине (1793–1914). М.: Новое литературное обозрение, 2011. [*Bovua D.* Gordiev uzel Rossijskoj imperii: Vlast', shlyahtha i narod na Pravoberezhnoj Ukraine (1793–1914). M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2011.]
- Вульф Л.* Изобретая Восточную Европу: карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М.: Новое литературное обозрение, 2003. [*Vul'f L.* Izobretaya Vostochnuyu Evropu: karta tsivilizatsii v soznanii ehpokhi Prosveshheniya. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2003.]
- Георги И.-Г.* Описание всех обитающих в Российском государстве народов: их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей. СПб., 1799. [*Georgi I.G.* Opisanie vsekh obitayushchih v Rossijskom gosudarstve narodov: ih zhitejskih obryadov, obyknovenij, odezhd, zhilishch, uprazhnenij, zabav, veroispovedanij i drugih dostopamyatnostej. SPb., 1799.]
- Захарчук О.Н.* Прожекты польского генерала Михаила Сокольниковского и Отечественная война 1812 г. // Отечественная война 1812 года и российская провинция в событиях, человеческих судьбах и музейных коллекциях. Малоярославец : Малоярославецкая типография, 2009. [*Zaharchuk O.N.* Prozhekty pol'skogo generala Mihaila Sokol'nitskogo i Otechestvennaya vojna 1812 g. // Otechestvennaya vojna 1812 goda i rossijskaya provintsija v sobytijah, chelovecheskih sud'bah i muzejnyh kollekcijah. Maloyaroslavets : Maloyaroslavetskaya tipografiya, 2009.]
- История Литовской ССР. Вильнюс: Мокслас, 1978. [*Istoriya Litovskoj SSR.* Vil'nyus: Mokslas, 1978.]
- Ливен Д.* Россия против Наполеона: Борьба за Европу, 1807–1814. М.: РОССПЭН, 2012. [*Liven D.* Rossiya protiv Napoleona: Bor'ba za Evropu, 1807–1814. M.: ROSSPEN, 2012.]

- Лукашевич А.М. Политическая ситуация в западных (белорусских) губерниях накануне и в начале Отечественной войны 1812 года в оценке российских служб контрразведки // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы: Материалы XV Международной научной конференции (Бородино, 9–11 сентября 2008 г.). Можайск: Государственный Бородинский военно-исторический музей-заповедник, 2009. [Lukashevich A.M. Politicheskaya situatsiya v zapadnyh (belorusskih) guberniyah nakanune i v nachale Otechestvennoj vojny 1812 goda v otsenke rossijskih sluzhb kontrrazvedki // Otechestvennaya vojna 1812 goda. Istochniki. Pamyatniki. Problemy: Materialy XV Mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii (Borodino, 9–11 sentyabrya 2008 g.). Mozhajsk: Gosudarstvennyj Borodinskij voenno-istoricheskij muzej-zapovednik, 2009.]
- Миллер А.И. Империя Романовых и национализм. М.: Новое литературное обозрение, 2006. [Miller A.I. Imperiya Romanovyh i natsionalizm. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2006.]
- Михайлова Ю.Л., Промыслов Н.В. Сведения французской разведки о прибалтийских губерниях Российской империи в 1812 году (по материалам Военного архива сухопутных сил Франции) // Россия и Балтия. Вып. 7. М.: Наука, 2015. [Mikhajlova Yu.L., Promyslov N.V. Svedeniya frantsuzskoj razvedki o pribaltijskih guberniyah Rossijskoj imperii v 1812 godu (po materialam Voennogo arhiva suhoputnyh sil Frantsii) // Rossiya i Baltiya. Vyp. 7. M.: Nauka, 2015.]
- Попов А.И. Великая армия в России. Погоня за миражом. Самара: НТЦ, 2002. [Popov A.I. Velikaya armiya v Rossii. Pogonya za mirazhom. Samara: NTTs, 2002.]
- Попов А.И. Инженеры-географы Великой армии в кампании 1812 г. // Эпоха 1812 года: Исследования. Источники. Историография. Вып. 10. М.: ГИМ, 2010. [Popov A.I. Inzhenery-geografy Velikoj armii v kampanii 1812 g. // Epokha 1812 goda: Issledovaniya. Istochniki. Istoriografiya. Vyp. 10. M.: GIM, 2010.]
- Потрашков С.В. Тревожное время: юго-западные и южные окраины Российской империи накануне и в начальный период наполеоновского нашествия // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы: Материалы XV Международной научной конференции (Бородино, 9–11 сентября 2008 г.). Можайск: Государственный Бородинский военно-исторический музей-заповедник, 2009. [Potrashkov S.V. Trevozhnoe vremya: yugo-zapadnye i yuzhnye okrainy Rossijskoj imperii nakanune i v nachal'ny period napoleonovskogo nashestviya // Otechestvennaya vojna 1812 goda. Istochniki. Pamyatniki. Problemy: Materialy XV Mezhdunarodnoj

- nauchnoj konferentsii (Borodino, 9–11 sentyabrya 2008 g.). Mozhajsk: Gosudarstvennyj Borodinskij voenno-istoricheskij muzej-zapovednik, 2009.]
- Промыслов Н.В. Образ России на страницах газеты Le Moniteur Universel в 1811–1812 гг. // Россия и Франция: исторический опыт XVIII–XIX веков. Материалы международной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения А.З. Манфреда (27–29 сентября 2006 г.). М.: ИВИ РАН, 2008. [Promyslov N.V. Obraz Rossii na stranitsah gazety Le Moniteur Universel v 1811–1812 gg. // Rossiya i Frantsiya: istoricheskij opyt XVIII–XIX vekov. Materialy mezhdunarodnoj konferentsii, posvyashchennoj 100-letiyu so dnya rozhdeniya A.Z. Manfreda (27–29 sentyabrya 2006 g.). M.: IVI RAN, 2008.]
- Промыслов Н.В. Сведения французской разведки о Московской губернии в 1812 году в материалах Военного архива сухопутных сил Франции // «Сей день пребудет вечным памятником...» Бородино 1812–2012: Материалы Международной научной конференции, 3–7 сентября 2012 г. Можайск: Государственный Бородинский военно-исторический музей-заповедник, 2013. [Promyslov N.V. Svedeniya frantsuzskoj razvedki o Moskovskoj gubernii v 1812 godu v materialah Voennogo arhiva suhoputnyh sil Frantsii // «Sej den' prebudet vechnym pamyatnikom...» Borodino 1812–2012: Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii, 3–7 sentyabrya 2012 g. Mozhajsk: Gosudarstvennyj Borodinskij voenno-istoricheskij muzej-zapovednik, 2013.]
- Сокольников М. «Исполнено по высочайшему повелению...» Рапорт, поданный Наполеону начальником его контрразведки, польским генералом Михалом Сокольниковым, с рекомендациями «о способах избавления Европы от влияния России...» Минск: Белорусский государственный университет. 2003. [Sokol'nitski M. «Ispolneno po vysochajshemu poveleniyu...» Raport, podannyj Napoleonu nachal'nikom ego kontrrazvedki, pol'skim generalom Mihalom Sokol'nitskim, s rekomendatsiyami «o sposobah izbavleniya Evropy ot vliyaniya Rossii...» Minsk: Belorusskij gosudarstvennyj universitet. 2003.]
- Чудинов А.В. С кем воевал русский мужик в 1812 году? Образ врага в массовом сознании // Французский ежегодник 2012: 200-летний юбилей Отечественной войны 1812 года. М.: ИВИ РАН, 2012. [Tchoudinov A.V. S kem voeval russkij muzhik v 1812 godu? Obraz vruga v massovom soznanii // Francuzskij ezhegodnik 2012: 200-letnij yubilej Otechestvennoj vojny 1812 goda. M.: IVI RAN, 2012].
- Чудинов А.В. Французские агенты о положении в Крыму накануне русско-турецкой войны 1787–1791 годов // Русско-французские куль-

турные связи в эпоху Просвещения. М.: РГГУ, 2001. [*Tchoudinov A.V. Frantsuzskie agenty o polozhenii v Krymu nakanune russko-turetskoj vojny 1787–1791 godov // Russko-frantsuzskie kul'turnye svyazi v ehpoju Prosveshcheniya. M.: RGGU, 2001.*]

Bourlet M., Lucas J.M. Statistique des gouvernements de Vilna et Grodno. Lituanie // L'Histoire. 2012. N 267.

Dundulis B. Napoléon et la Lituanie en 1812. Paris, 1940.

Ehrmann T.F. Neueste Länder und Völkerkunde, ein geographisches Lesebuch für alle Stände. III Band. Russland. Weimar, 1807.

Hassel J.G.H. Statistische Uebersichts-Tabellen der sämtlichen Europäischen und einiger aussereuropäischen Staaten. Goettingen, 1809.

Petri J.Ch. Neuestes Gemählde von Lief- und Ehtland, unter Katharina II und Alexander I in historischer, statistischer, politischer und merkantilischer Ansicht. Auch als ein Beytrag zur Kenntniss des Russischen Reichs. Leipzig, 1809.

Storch H. Historisch-statistische Gemälde des russischen Reichs. Riga, 1797–1803; Rußland unter Alexander I. St. Petersburg, 1803–1811.

Storch H. Statistische Übersicht der Statthalterschaften des russischen Reichs nach ihren merkwürdigsten Kulturverhältnissen. Riga, 1795.

Promyslov N. «Secret Weapon» of Revolt: Napoleon's preparing of campaign of 1812

During the preparation of the war against Russia in 1811-1812 the French command led by Napoleon considered the possibility of organizing of mass protests in Russian Empire as one of the most effective methods of warfare. The Russian elite also treated the population of «Russian Poland» as potential allies of the French. The landlords afraid also the revolt of serfs. However the hopes of one and fears of others didn't come true. Before the outbreak of hostilities the most of pro-French-minded residents of the western Russian provinces have emigrated to the Duchy of Warsaw or were sent off by Russian police. At the same time, the Polish nobles loyal to the tsar had good possibilities for their career in Russia. The large-scale robberies of the population by soldiers of the Grande Army during the war pushed away the local population from the French. Being afraid of an uncontrolled mass riot, Napoleon didn't decide to proclaim the serfdom cancellation in Russia.

Keywords: Patriotic war of 1812, Napoleon, mutual representations, serfdom, "Russian Poland", mass riots.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Пьер Серна*

ДИРЕКТОРИЯ – РЕСПУБЛИКА ЦЕНТРА? ОБМАНЧИВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ НЕУЛОВИМОГО БУРЖУА

Ведущая роль буржуазии в революционных событиях XVIII в. в последнее время ставится под сомнение рядом историков, поднявших проблему «мифа о буржуазии». Эта социальная группа предприняла большие усилия, использовав всё экономическое и политическое влияние, для того, чтобы сохранить свое положение после Французской революции. Однако она не преуспела в создании собственной социальной идентичности, возможно, из-за того, что ее представители сознательно пытались скрыть свои истинные намерения. Тем не менее, они смогли удержать у себя политические и финансовые рычаги в период Республики Центра – режима, установленного Директорией.

Ключевые слова: Французская революция XVIII в., буржуазия, Директория.

Существование буржуазии, не вызывавшее ранее никаких вопросов, было недавно в некоторых работах поставлено под сомнение¹. Куда же пропала эта общественная категория, которая долгое время считалась ключевой при изучении Французской революции, была необходима для умозаключений и выводов специалистов, занимающихся социальной, политической и экономической историей, составляла незыблемую основу западноевропейской истории в целом и динамики экономических преобразований во Франции века Просвещения в частности? Неужели в

* *Пьер Серна, профессор Университета Париж I-Пантеон Сорбонна, вице-президент Международной комиссии по истории Французской революции.*

¹ В этой связи хотелось бы упомянуть вызвавшую много дискуссий работу С. Маза « Миф о французской буржуазии. Очерк о мнимой общественной группе». Ее ключевым тезисом является идея о том, что «французская буржуазия никогда не существовала». – *Maza S. The myth of the French Bourgeoisie. An Essay on the Social Imaginary. Cambridge (Mss.), 2003. P. 5.*

вихре стремительно развивавшихся событий конца XVIII в. мы не заметили ее исчезновения?²

Буржуазия – класс, который всегда осознавал свою идентичность, стоял на страже своих интересов и завоеваний и стремился сохранить свои новые прерогативы в обществе, основанном на его общественном и экономическом могуществе. Подобное определение было, по большей степени, результатом интеллектуального творчества мыслителей XIX в., заботившихся о защите своих новых привилегий и стремившихся их узаконить посредством создания агиографического и анахронического прочтения Революции, ключевым моментом которого стало возникновение буржуазии и ее признание в качестве общественной группы.

И даже критики буржуазии, осуждая методы, с помощью которых она стремилась доминировать в обществе, ставшем результатом политических изменений и предвосхищавшем то неравенство, что будет порождено индустриальной революцией, лишь способствовали тем самым формированию этого класса, достигшему своего расцвета в XIX в. С этим временем его и стали отождествлять.

Если придерживаться истории термина, то, возможно, в таком толковании есть доля истины. В словаре Французской академии наук, выпущенном в 1798 г., дано следующее определение буржуа:

«Буржуа, гражданин или гражданка города. Буржуа Парижа. Богатый буржуа. Добропорядочный буржуа. Зажиточный, обеспеченный буржуа. Это слово употребляется при обозначении совокупности граждан всего города. Буржуа подняли восстание. Буржуа взяли за оружие.

Рабочие, говоря о тех, на которых они работали, зачастую называли их «буржуа», вне зависимости от того, какое положение в обществе занимали последние. Именно в этом смысле говорилось о необходимости служить буржуазии.

Среди представителей некоторых ремесел было принято, чтобы подмастерья называли буржуа мастеров, у которых работали.

² Говоря о критике представлений относительно роли буржуазии в начале революционных событий, в ходе Революции и в процессе завоевания государственной власти, можно сослаться на лекцию А. Коббана по случаю открытия Университетского Коллежа в Лондоне 6 мая 1954 г. (См.: *Cobban A. The Myth of the French Bourgeoisie. An inaugural lecture delivered at University College, London 6 May 1954. L., 1955*), ставшую своего рода ответом на статью Ж. Лефевра «Миф о Французской революции» (AHRF. 1956, № 19. P. 337-345). См. также: *Hobsbawm E.J. The Making of a Bourgeois Revolution // The French Revolution and the Birth of Modernity / Ed. by F. Féher. Berkeley-Los Angeles, 1990. P. 34; Benigno F. Specchi della rivoluzione, conflitto e identità politica nell'Europa moderna. Roma, 1999. P. 3-59.*

Слово «буржуа» также употреблялось в уничижительном смысле, с целью упрекнуть кого-либо в его недворянском происхождении или в неумении держаться в свете. Это всего лишь мещанин. Чувствуется его мещанское происхождение.

Прилагательные «буржуазный», «буржуазная» употреблялись в различных значениях, как в положительном, так и в отрицательном. В первом значении, например, когда говорили «буржуазное поручительство», то имелось в виду платежеспособность. «Буржуазный» также означал обычный, заурядный. К примеру, когда речь шла об обычной, повседневной пище, «буржуазным супом» называли хороший суп, но без мясного бульона. «Буржуазным» считалось хорошее неразбавленное вино, в противопоставлении столовому. В отрицательном же значении, иметь буржуазный вид, буржуазные манеры означало прослыть обывателем, не имеющим представления о высшем свете.

Наречие «по-буржуазному» употреблялось в отношении привычек и образа жизни, что означало жить обыденно, попросту.

Термин «буржуазия» применялся для характеристики группы людей. Водить дружбу с буржуазией, заручиться поддержкой буржуазии³.

Из этого широкого спектра определений можно сделать вывод об отсутствии четкого представления о самом слове «буржуазия». Было вполне возможным называться «буржуа» и в силу своего состояния, и в силу своей профессии, и, не будучи дворянином, в силу своего социального происхождения. В последнем случае, поскольку термин указывал на социальный статус, его коннотация являлась положительной⁴.

Расширение статьи дает ключ к ее пониманию. В республиканской Франции 1798 г. все еще ощущалось то влияние, которое оказывало поведение и образ жизни дворянства на нравы людей, их мироощущение и восприятие ими социальной действительности⁵.

Отмена сословных различий и провозглашение равенства граждан являются двумя свершившимися фактами конца XVIII в., которые лежат в ос-

³ *Dictionnaire de l'Académie française, cinquième édition. T. 1 : A-K. P., an VI [1798]. См. также: Maza S. Op. cit. P. 24-26.*

⁴ Достаточно перечитать в «Картинах Парижа» Л.-С. Мерсье главы XX «Буржуа», XXVII «Мелкий буржуа», CLX «Судьба буржуа» – *Mercier L.-S. Tableaux de Paris. P., 1994. P. 61, 80, 378.*

⁵ Патрис Игоннэ несомненно прав, показывая в своей работе исключительную суверенность законов времен Директории, направленных против представителей дореволюционного дворянства. Эти законы принимались такими, как если бы имели целью нейтрализовать действительное или предполагаемое влияние, которое все еще оказывало не подвергнутое уничтожению дворянство. См.: *Higonnet P. Class, Ideology and the Rights of Nobles during the French Revolution. Oxford, 1981.*

нове «социальной фантазмагии» общества, по-прежнему, опирающегося на признание социальных различий и систему общественной иерархии⁶.

Даже год выпуска словаря Французской Академии наук – 1798 не должен вводить в заблуждение. Это было время, когда благодаря введению воинской повинности, воинская честь, братство по оружию, благородство и доблесть, проявленные на полях сражений, вновь приобрели свое значение и начали вытеснять ценности буржуазии, которую постоянно изобличало общественное мнение, обвиняя в том, что она ставит свои интересы выше общественного блага⁷.

Кого же сделать символом молодой республики: солдата Бонапарта или буржуа Рапина? Имеет ли этот вопрос ответ? В случае сомнений, вторая часть приведенного выше определения, данного в словаре 1798 г., подчеркивает социальные отличия: буржуа – это, прежде всего, тот, кто не является дворянином. В этом смысле слово «буржуа» употребляется, в первую очередь, чтобы провести четкую грань: «он всего лишь...», постоянно указывая на посредственность и ограниченность «маленького буржуазного мирка».

Каким образом буржуа мог отстаивать право сохранять верность своей буржуазной природе в самый разгар военных действий, подъема патриотических настроений, экзальтации и героизма, когда боевой дух, мужественность, гордость от принадлежности к сильному полу играли определяющую роль? Учитывая подобные обстоятельства, разве стоит 200 лет спустя удивляться тому, что буржуа был неприметным?

Сравнение с более ранним изданием словаря Французской академии 1778 г. выявляет удивительную особенность: определение термина чуть более чем за 10 лет до начала революционных событий совершенно идентично тому, которое было дано в 1798 г.! То есть, между 1778 и 1798 гг. не произошло никакого сколько-нибудь значимого события, способного изменить значение слова «буржуа» в соответствии с исторической ситуацией и тем новым местом в обществе, которое могла бы завоевать со-

⁶ Достаточно упомянуть возврат к моде Старого порядка, отражавший стремление, во что бы то ни стало, противостоять аскетизму якобинской республики. См.: *Au temps des Merveilleuses, la société parisienne sous le Directoire et le Consulat*. P., 2005. P. 70-74.

⁷ Понадобилась вся изобретательность человека, пропитанного сознанием принадлежности к высшему сословию, чтобы объяснить ценности буржуазной республики генералу-победителю, только что заставившему австрийцев подписать мир в Кампо-Формио. Талейран, принимавший Бонапарта 10 декабря 1797 г., напомнил ему в своей речи, что «вульгарные почести» не идут ни в какое сравнение с «добродетельным почтением». – Цит. по: *Migliorini L.M. Napoléon*. P., 2004.

циальная группа, вышедшая победительницей из революционных событий. Приложение к словарю, предназначенное специально для неологизмов, столь многочисленных в период революционного десятилетия, не дает никаких объяснений. Более того, из статьи словаря 1798 г. исчезло пояснение, присутствовавшее в словаре 1778 г. издания: «Применяется также в отношении ротюрье при противопоставлении дворянину. Он не является дворянином, но считается добропорядочным буржуа...». Неужели слово «ротюрье» испугало издателя?

Если словарь передает языковое отражение действительности таким образом, что является своего рода запечатленным моментом истории общества, представленной в алфавитном порядке в виде слов, то почему тогда главенствующая роль, приписываемая историками буржуазии, в нем столь мало заметна и неопределенна?⁸ Стоит задуматься о том, почему в словаре, столь консервативном по своему содержанию, как словарь Французской академии, авторы которого прекрасно представляли социальную иерархию, определение «правлящего класса» имело не положительную, а скорее отрицательную коннотацию по отношению к «верхам» социальной лестницы, до уровня которых буржуазии так и не удалось добраться.

Отвечая на этот вопрос можно зайти в тупик, если не учитывать множество невидимых, но вполне ощутимых социальных функций буржуазии, которые не нашли отражения в письменных свидетельствах, но играли важную роль в существовании системы общества и в представлении современников имели сущностное значение⁹. Если отвлечься от застывших выражений и лингвистических оборотов и обратиться к событиям времен Революции, то следует учесть: они развивались с такой быстротой, что лишь наиболее дальновидные их участники осознавали происходящие перемены.

Слова, употреблявшиеся в ту или иную эпоху, не могут в полной мере отражать социальную действительность. Сама по себе специфика использования или ухода из обращения тех или иных оборотов речи не

⁸ См.: *Waquet J.-C. La conjuration des dictionnaires : vérité des mots de la politique dans la France moderne*. Strasbourg, 2000 ; *Serna P. Le dictionnaire roturier de Furetière ou le noble démystifié par l'alphabet // Littérature classique*. 2003. № 47. P. 225-243.

⁹ Роберт Дарнтон прекрасно объяснил, что наиболее тяжким испытанием для историка является не столько поиск документов или письменных исторических свидетельств, сколько выявление тех событий, которые являлись настолько очевидными для современников, что они даже не считали нужным оставить о них письменных свидетельства для будущих поколений. См.: *Darnton R. Le grand massacre des chats*. P., 1985. P. 9-14.

может быть единственным объяснением отсутствия общепринятых выражений, отражающих характерное поведение и культуру той или иной социальной группы. Несмотря на отсутствие терминов, социальная, экономическая и политическая роль буржуазии в период Директории была четко определена.

Заслуживает ли буржуазия политической истории?

Дени Вороноф удачно назвал свою монографию о Директории «Буржуазная республика»¹⁰. И действительно, существует неоспоримая связь между режимом, созданным конституцией III года Республики, и этой социальной группой, сумевшей извлечь необходимые преимущества в период 1789-1794 гг., которые, однако, тогда еще не были закреплены за ней окончательно.

Отныне буржуазия стремилась любой ценой отстоять приобретенную собственность и свою новую роль, давая ожесточенный отпор всем требованиям «низов», относительно установления режима более широкой демократии и раздела национальных богатств. Она также препятствовала любому возможному возврату к Старому порядку, опасаясь восстановления в правах бывших собственников¹¹.

В действительности, по мере того, как возрастали общественная роль и экономические притязания буржуазии, она выстраивала не столько политический режим, сколько систему, которую Буасси д'Англа, представляя весной 1795 г. текст новой Конституции, назвал «правлением лучших» собственников, «наиболее образованных и наиболее заинтересованных в поддержании законов»¹².

Таким образом, становится понятен образ мыслей этих добропорядочных граждан, которых вряд ли можно считать героями революционных событий. Равенство в правах было ими задумано лишь для того, чтобы сделать возможным свободную реализацию талантов, отличающихся друг от друга, но при этом сохранить социальный строй, основанный на священном праве частной собственности.

¹⁰ Woronoff D. La République bourgeoise de Thermidor à Brumaire, 1794-1799. P., 1972.

¹¹ Говоря об основах режима Директории, буржуазного по своему определению, можно сослаться на работы А. Матьеза. В них ясно обозначена причастность общественной элиты времен Директории к событиям III года Республики, приведшим к смене режима. См.: Mathiez A. Le Directoire, du 11 brumaire an IV au 18 fructidor an V. P., 1934.

¹² Discours du 5 messidor an III de Boissy d'Anglas // Moniteur Universel. 1795. T. 35. P. 92-93.

Республика «лучших» создавала прочную основу для режима меритократии, находящегося под защитой новых собственников, чье господствующее положение в обществе гарантировалось имущественным цензом, а также было подтверждено введением высшей палаты парламента Совета старейшин. Закат революции стал временем расцвета буржуазии¹³.

Новая элита всё больше заявляла о своих правах. Она далеко не всегда называла себя буржуазией и имела пока еще довольно смутные очертания, но именно ей предстояло создать новое социальное пространство, в котором не было места ни участникам Революции, ни представителям дворянства Старого порядка, все еще не избавившимся от иллюзии возвращения к временам монархии.

В намерение депутатов, ставших хозяевами положения после чистки Конвента от опасных монтаньяров, входило создать текст новой Конституции, который должен был прийти на смену так и не вступившей в силу Конституции I года Республики. Некоторые историки усматривают в этом стремление проводить «классовую политику» (термин, использовавшийся в ту эпоху). Кампания в прессе, организованная леворадикальной газетой *Journal des Hommes Libres*, изобличала представителей той буржуазии, что выдвинулись на авансцену во времена пост-термидорианской реакции, и называла их «новыми аристократами», которые еще хуже прежних. Разумеется, сам термин «буржуа» не служил поводом для дискуссий, но символы принадлежности к этой социальной группе, стали одной из основ того нового общественного строя, который установился во Франции после восстаний жерминаля и прериала III года Республики. Никто не мог бы высказаться на сей счет лучше Антонеля, главного редактора данного издания. Год спустя он, вспоминая события жерминаля и прериала, писал:

«В распоряжении зажиточного класса есть всё, чтобы контролировать общественное мнение: время, деньги, агенты, литература, печатная пресса, театры, салоны, тайные беседы, личные знакомства, званые обеды, бесчисленные средства получения и передачи информации. Все его представители способны читать и писать, в то время как половина остального населения неграмотна»¹⁴.

Автор делал вывод, что планы господствующего класса состояли в том, чтобы негласно, но неуклонно, укреплять свою власть, что не могло

¹³ Luzatto S. L'automne de la révolution, Luites et cultures politiques dans la France thermidorienne. P., 2001.

¹⁴ Journal des Hommes Libres. № 135. 2 ventôse an IV [13 mars 1796]. P. 543.

не навлечь на него ненависть народа. Изобличая хитрость и проницательность буржуазии, Антонель фактически описал современные средства, при помощи которых правящий класс стремится утвердить своё действительное или мнимое господство и узаконить свои методы управления¹⁵.

**Дает ли пересмотр истории Директории ключ
к пониманию роли буржуазии в политической жизни?**

Помимо социального бытия буржуазии еще одним подводным камнем на пути понимания ее роли является проводимая ею политика, которая якобы являлась последовательной и принципиально новой. Хотя буржуазия, безусловно, существовала, но приписываемая ей политика, в свою очередь представляется очередным мифом.

В использовании исторических терминов необходимо прийти к единому знаменателю. Разве кто-либо из исследователей, принадлежащих к новому направлению историографии, станет отрицать очевидную связь между принадлежностью индивида к той или иной общественной группе и политической линией, которой он придерживался и посредством которой отстаивал свои социальные интересы? Как известно, в период Директории среди контрреволюционеров оказалось много тех, кто, несмотря на свою принадлежность к буржуазии, в начале Революции боролся за установление демократического режима. Однако, когда для буржуазии наступило время принятия определяющих политических решений, она предпочла руководствоваться своими экономическими и социальными интересами. Кроме того, этой общественной группе так и не удалось сформировать свою социальную идентичность, и это обстоятельство помешало ей проводить в жизнь собственную политику.

Не является ли в этом отношении весьма показательным конец режима Директории? Из-за своей идеологической слабости и неспособности определить собственную социальную идентичность буржуазия отказалась от своей республики ради военной диктатуры, осознанно принося своё политическое влияние в жертву экономическим и социальным интересам. Это произошло летом 1799 г., когда возникла угроза возврата к власти демократично настроенных республиканцев. Будучи новой элитой, буржуазия оказалась неспособна придерживаться социально-политического курса, заданного Конституцией III года Республики. Тем не менее, после переворота 18 брюмера она довольствовалась неким по-

¹⁵ Serna P. Antonelle, aristocrate révolutionnaire, 1747-1817. P., 1997. P. 286-289. О критике этой буржуазии, которая провозгласила себя аристократией и пыталась воплотить в жизнь свои мечты, став вторым сословием, см.: Bourdieu P. La noblesse d'Etat, Grandes écoles et esprit de corps. P., 1989.

добием престижа, когда создала новый двор вокруг Первого консула и будущего императора, который, в свою очередь, проявлял настоящую изобретательность, заставляя забыть о буржуазном происхождении некоторых новоявленных собственников. Новый вид отличия – принадлежность к имперской знати стал символом успешного объединения старых и новых общественных групп и возврата к забытому дворянскому сословию.

В то же время, подобное соединение общественных интересов представляется скорее поражением буржуазии, оказавшейся неспособной в одиночку управлять страной и взять на себя ответственность за новые ценности. Означало ли это, что тот, кто, находясь на вершине государственной власти, создавал сплав старого и нового, и те, кто стремился извлечь из этого выгоду, войдя впоследствии в состав Ордена Почетного легиона, не понимали друг друга? Было ли это циничной игрой со стороны того, кто осознанно проводил подобную систему в жизнь? Новый хозяин Франции стремился упрочить свою власть, по крайней мере, до 1813 г. с помощью пестрой смеси популизма и милитаризма, одновременно простонародного и дворянского по своей природе. Он пресекал все попытки представителей буржуазных кругов, находившихся у власти с 1795 по 1799 гг., сформировать на национальном уровне систему ценностей, главными из которых стали бы добропорядочность и приобретение имущества честным путем. Им так и не удалось достичь своей цели, а в 1806 г. настало время Континентальной блокады, когда торговые отношения с Англией оказались невозможны. После поражения же 1813 г. новая элита отреклась от своего господина, поскольку деловые интересы были для нее превыше всего.

Однако постоянно всплывает один и тот же вопрос: а можно ли избежать устаревшего понимания республики времен Директории как буржуазной по своей сути и, в силу этого, слабой в политическом отношении и коррумпированной в моральном плане? Вместо того, чтобы тратить время на поиски призрака буржуазии, может быть, стоит задуматься о существовании в то время некой лаборатории политических экспериментов, в которой могла бы быть сформулирована подлинно буржуазная идеологическая программа?

Иными словами, существуют ли политические идеи, воплощенные в жизнь правительством между 1795 и 1802 гг. до того момента, как режим Консульства приобрел авторитарный характер? И можно ли говорить о том, что эти идеи были оригинальным и точным воплощением замысла господствующего класса? Существуют ли, помимо просопографических

данных, некие признаки по которым можно было бы в данный момент революционного десятилетия определить коллективную позицию буржуазии, сознававшей свою ответственность за управление страной¹⁶?

После выборов V, VI и VII годов Республики, повлекших за собой институциональный кризис и перестановку политических сил, уместно ли ставить вопрос о месте буржуазии в политическом спектре: находилась ли она «справа», «слева» или же в «центре»? Почти никогда не принимался во внимание тот факт, что буржуазия могла занимать центристскую позицию и опираться на продуманную программу, способную стать основой государственной системы. В историографической традиции историки, как «левых», так и «правых» взглядов, не придавали значение «центру». Они не рассматривали его ни в контексте политических течений, ни с точки зрения идеологической идентичности, четко обозначенной и очевидной настолько, насколько могли позволить постоянно менявшиеся обстоятельства и кризисы, в зависимости от которых политический центр эволюционировал в разных направлениях¹⁷.

Те, кто пытался скрыть свои «правые» взгляды, говорили, что центр вообще «не существовал» или являлся «прикрытием правых идей». Центр сам по себе не имел никакого значения, поскольку придать смысл идеологической борьбе могло лишь четко выраженное политическое деление на «правых» и «левых», возникшее осенью 1789 г. среди депутатов Национального собрания. Принадлежность к любой другой политической группе рассматривалась как отсутствие твердой позиции, присущее мелкому буржуа, не обладавшему четкими политическими взглядами и руководствовавшемуся лишь боязнью всё потерять¹⁸. История борьбы «правых» и «левых» и, в особенности, ее отражение в историографической традиции Франции долгое время мешали принять идентичность «центра». В результате чего он приравнивался к некой химере, мифу, который, в свою очередь, считался производным от мифа о буржуазии¹⁹.

¹⁶ Поскольку этот вопрос задается с точки зрения историка политических течений, попытаемся дать определение слову «буржуа» через критерии, установленные Конституцией III года Республики для участия в собрании выборщиков, назначающих депутатов двух палат.

¹⁷ Serna P. Existe-t-il un extrême centre? Le point aveugle de la république directoriale, l'exemple de La Décade // Des notions-concepts en révolution. P., 2003. P. 149-167.

¹⁸ Allouche E. Plaine, marais ou tiers parti à la Convention Nationale, 1792-1795: historiographie et perspectives de recherches. Thèse DEA. Paris I. P., 2004.

¹⁹ Winock M. La fièvre hexagonale : les grandes crises politiques de 1871 à 1968. P., 1986. Также уместно сослаться на вышеупомянутую монографию Сары Маза, которая еще больше убеждает в том, что миф о происхождении буржуазии, лежавший в основании создания других мифов, не позволяет составить четкое представление о

В свете представления о том, что «центр» не существовал или был обречен на неудачу, которая постигла Директорию, тщетно стремившуюся найти «золотую середину», воплощением которой считалась конституционная монархия, принадлежность тех или иных политиков к «центру» не была очевидной. Подразумевалось, что представители буржуазных кругов, не имея собственной политической идентичности и политических интересов, примыкали то к «правым», то к «левым», завися от воли обстоятельств и прихоти представителей «мелкой» или «крупной» буржуазии, которые то и дело заключали между собой компромиссы, также являвшиеся буржуазными по своей сути²⁰.

Новое прочтение опыта Директории позволяет совершенно по-иному подойти к решению этой проблемы и предположить, что буржуазия, прошедшая испытания Революцией, предприняла попытку воплотить в жизнь политику центра, гарантом которой она могла бы стать. Действия Директории не соответствуют тому малопривлекательному образу не имеющего прочной основы, коррупционного режима нечистых на руку адвокатов, продажных чиновников и сомнительных «нуворишей», который был создан историками, увлеченными идеями якобинцев или политикой «возврата к порядку», проводившейся во времена Консульства.

Потерянная «Республика центра»?

Не имея ни постоянных избирателей, ни надёжной социальной опоры, способной оказать поддержку в случае кризиса, республиканское правительство времен Директории проводило в жизнь политику, имевшую целью сохранение завоеваний Революции и общественного порядка²¹.

20 термидора V года Республики в журнале *La Décade* появилась статья Бьенвеню «Размышления о внутреннем положении Франции», где от-

политической ситуации того времени, в частности о существовании политики центра.

²⁰ Следует отметить, что в истории было два периода, которые по праву можно считать «золотым веком» находящейся у власти буржуазии. Именно в это время были предприняты попытки по созданию политики центра, которые в 1830-е гг. определяли написание истории Революции, формирование письменных источников, отражавших политику Тераора, публикацию мемуаров последних участников событий. Авторы последних стремились по-своему переписать собственную биографию.

²¹ Такие мыслители, как Грамши и Альтоссер, посвятили значительную часть своей жизни изучению основ государственной идеологии (Positions 1964-1975. P., 1977), без которой была невозможна экономическая жизнь ни для тех, кто управлял государством, ни для тех, кем управляли. Понимание необходимости такой идеологии очень рано пришло к буржуазии, стремившейся к обогащению при любом политическом строе. Кроме того, во времена Революции, Директории и Консульства важное значение для постепенной выработки республиканской этики имеют конфликты и столкновения интересов.

мечалась настоятельная потребность Республики в обеспечении себя надежным электоратом спустя два года после установления режима Директории²². Едва успел завершиться Вандомский процесс над участниками «заговора Бабёфа», опасность которого была сильно преувеличена, как сторонники монархии одержали уверенную победу на выборах.

Для тех, кто находился у власти, а также для простых граждан, являвшихся читателями *La Décade*, проблема заключалась в том, чтобы найти такую социальную группу, которая, подобно дворянству при Старом порядке или санкюлотам в 1793 г., могла бы стать олицетворением режима Директории и, в случае необходимости, его надежной опорой. Настало время добропорядочным гражданам, представителям буржуазии, выдвигаться на авансцену²³. Эта общественная группа, интересы которой отстаивала *La Décade*, не всегда принадлежала к экономической и социальной элите общества, но она наделила своими качествами новую категорию граждан, благодаря чему сложились условия для употребления нового политического термина «буржуа-гражданин»²⁴. Эта социальная категория «всегда включала в себя наиболее образованных людей», а также тех, чей новый статус гражданина-собственника позволял заявить о своей идентичности в гражданском и политическом отношении. Обращаясь к ним, Бьенвеню писал:

«Чего вы добивались в 1789 году? Законов и безопасности. Чего вы требовали 9 термидора, когда было сброшено иго народных тиранов? Безопасности и законов. Ваше желание сбылось. Отныне Конституция, из которой законодатель может узнать о своих обязанностях, а гражданин – о своих правах, не позволит вернуться ни к абсолютной монархии, ни к временам анархии и демагогии; она дарит вам самое ценное сокровище, о котором только можно мечтать»²⁵.

Формирование политического центра сознательно было вынесено за пределы политических дискуссий и рассматривалось сквозь призму борьбы «партий», о чем на протяжении последующих четырех лет неустанно заявляли термидорианцы. Создание центра происходило вне идеологических споров и освещавшихся прессой выступлений на собраниях, без полемики и памфлетов. Отныне положение каждого индивида в обществе должно было определяться не принципами и ценностями, а талантом и достоин-

²² *Considérations sur la situation intérieure de la France par L. Bienvenue, habitant de Montcontour, dans les Côtes du Nord. // La Décade, philosophique, littéraire et politique, par une société de Gens de Lettres, 20 thermidor an V, 7 août 1797. P. 311-320. Подробнее см.: Serna P. La république des girouettes, 1789-1815 et au delà une anomalie politique : la France de l'extrême centre. Champ-Vallon, 2005.*

²³ *Bienvenue L. Considérations sur la Situation intérieure de la France.*

²⁴ *Ibid. P. 316.*

²⁵ *Ibid. P. 320.*

ствами, лишенными априори какой-либо идеологической направленности. Именно это являлось ключевым элементом в процессе образования данного буржуазного центра, основанного на двух принципах: правительство, обеспечивающее порядок, и защита материальных интересов граждан, что, в свою очередь, порождало очевидное для всех социальное расслоение.

Будучи одним из инициаторов процесса деполитизации, Жан-Багист Сэй, полагал, что буржуазии была свойственна политика умеренности. Он характеризовал ее как наиболее многочисленную, но ничем не выделяющуюся социальную категорию, существование которой было очевидно для всего французского общества:

«Возьмите любого не причастного к политике гражданина, честно исполняющего свои обязанности, не извлекая при этом для себя никакой пользы. Он умерен в своих желаниях, не беден, но и не выставляет свое богатство на показ, и, занимая это среднее положение между богатством и бедностью, наделен знаниями и добродетелями. Возьмите человека, преданного своей родине, семье и друзьям. <...> Возьмите любого здравомыслящего человека. Здравомыслие – очень важный, применимый ко всему принцип, который никогда не выйдет из моды. <...> И вы увидите, что после пережитых во время Революции несчастий, всё постепенно возвращается на круги своя: восстанавливается доверие, возвращаются в обращение капиталы, промышленность и сельское хозяйство, получив новый импульс для своего развития, обогатят Францию и предоставят всем гражданам возможность сделать состояние честным путем»²⁶.

Несмотря на то, что Сэй ни разу не употребил термин «буржуазия», вся эта политическая программа свидетельствует о желании найти при помощи Конституции III года Республики компромиссное решение: трудиться на благо добропорядочных граждан и осуществлять экономическую деятельность, контролируемую буржуазией – социальной группой, контуры которой еще не были четко очерчены. В стремлении узаконить свои полномочия с целью покончить с Революцией буржуазия руководствовалась не только требованиями времени, но пыталась также осмыслить последствия длительного исторического процесса, в результате которого земельные собственники превратились в господствующую социальную группу.

В 1799 г. председатель Совета пятисот, один из организаторов переворота 18 брюмера, являвшийся одновременно другом Сийеса и братьев Бонапартов, Булэ де ля Мёрт, обратился к прошлому, размышляя о смысле событий, произошедших в XVII в. Он пришел к выводу о неизбежности Английской революции, главными действующими лицами которой были

²⁶ *La Décade. № 19. 10 germinal an VI. P. 319.*

представители буржуазных и аристократических кругов. В конце XVII в. Славная революция в Англии завершила долгий процесс, результатом которого стало подписание Билля о правах 1689 г. и процветание английской экономики в течение всего XVIII в.²⁷ В основе его «Очерка об английской истории» лежит идея о том, что в течение многих лет торговцы, судовладельцы, промышленники и земельные собственники стремились к власти²⁸.

И действительно, историки обращали внимание на тот факт, что со времен основания монархии, в течение многовекового процесса, начало которого восходит к завоеванию Вильгельма Завоевателя, для укрепления королевских институтов власти большое значение имели войны и их неизбежное следствие – налоги. Именно с того момента берет отсчет длившееся столетиями соперничество между королем, крупными и мелкими сеньорами, держателями земли, этот длительный и болезненный процесс, в ходе которого третье сословие старательно накапливало земельную собственность и недвижимое имущество, достигнув в конечном итоге экономического господства. В начале XVII в. его представители стали выдвигать и политические требования, а также стремились добиться признания в обществе.

Причиной кризиса в Англии, предшествовавшего революции 1640 г., стали, по мнению Булэ, разногласия между королем, олицетворявшим государственную власть, общественным мнением, выраженным в газетах, контролируемых новым классом собственников, и Палатой Лордов,

²⁷ Биография Булэ является свидетельством того, как благодаря особым обстоятельствам буржуа по происхождению оказался на вершине государственной власти, стал членом Ордена Почетного легиона и министром в эпоху Империи. Булэ родился 19 февраля 1761 г. в Шемузе. С 1783 г. работал адвокатом в Нанси, во время революции, в 1792 г., записался волонтером в батальон Мёрты. Ему предстояло сыграть важную роль в событиях 18 Фрюктидора и 18 Брюмера, когда, по его мнению, он стремился защитить оказавшееся под угрозой свержения республиканское правительство. Булэ был одним из создателей Конституции VIII года Республики, принимал деятельное участие в дискуссиях в ходе разработки Гражданского кодекса, заложившего правовую основу современного французского общества. 14 сентября 1802 г. он возглавил комиссию по решению спорных вопросов, связанных с продажей национального имущества. Ни по одному из рассмотренных им 15 тыс. дел он не вынес решения, шедшего вразрез с его собственными убеждениями. Хотя Булэ и не принадлежит к числу буржуазных мыслителей, неоспоримым является его решающее участие в создании основ существования французской буржуазии, а именно – в процессе концентрации проданной во время Революции земельной собственности в руках имущего класса, надежным доходом которого стала земельная рента.

²⁸ *Essais sur les causes qui, en 1649, amenèrent en Angleterre l'établissement de la république ; Sur celle qui devaient l'y consolider ; Sur celles qui l'y firent périr*, par Boulay de la Meurthe représentant du peuple. 2e éd P., an VII [1799].

стремившейся отстоять престиж английского дворянства. Подобный анализ причин английской революции в контексте ситуации во Франции 1799 г. может быть оспорен историками. Он не представляется оригинальным, поскольку отражает буржуазную точку зрения на события революции, которая выглядит скорее захватом власти, осуществленным зажиточными слоями общества, а не завоеванием свободы.

Согласно Булэ, в тех условиях свобода состояла в том, чтобы, имея талант к предпринимательству, получить возможность честным путем заработать состояние. Республиканская модель в том виде, в каком она постепенно установилась в Англии с 1640 по 1660 г., была реальностью не только де юре, но и де факто, в силу того, что «народ являлся суверенным и, обладая численным превосходством, талантами и добродетелью, сосредоточил в своих руках доходы от промышленности, движимого и недвижимого имущества»²⁹.

Тому же самому Булэ предстояло сыграть решающую роль в государственном перевороте 18 брюмера. Именно после этого события настал решающий момент, когда был установлен режим, основанный на политических интересах: «Не подлежит сомнению тот факт, что для нас настали другие времена, перемены были сделаны нами и для нас самих. Гарантией существования нашего политического режима отныне является материальный интерес». Так, постепенно стала зарождаться идея об административной Республике, эффективной по своей природе и нейтральной в политическом отношении. Ее опорой были зажиточные граждане, связанные между собой политическими, социальными и экономическими интересами.

Республика центра любыми средствами стремилась предотвратить возврат, как к Старому порядку, так и к эпохе Террора. Несмотря на различие политических режимов Директории и Консульства, она все больше и больше укрепляла свои позиции, основываясь на принципе собственности и все более очевидных социальных отличиях буржуазии III года Республики. Общество, одновременно либеральное и полицейское по своей природе, стремилось соединить государственные свободы со свободой предпринимательства, прекрасно сочетавшейся с общественной безопасностью, которую должны были гарантировать новые институты власти. Булэ описывал это таким образом:

²⁹ *Ibid.* P. 56. Не стоит сомневаться в том, что Булэ проводил четкую грань между понятиями «народ» и «уравнители». Он называл «народом» ту часть населения, представители которой обладали имуществом и исполняли роль активных граждан. Отсутствие термина как такового не должно ввести в заблуждение, и в 1799 г. было очевидно, о ком говорил Булэ.

«При каком правительстве граждане пользуются наибольшей свободой? Когда подчиняются законам? Нет. А тогда, когда каждый подчиняется самому себе. Но разве можно назвать цивилизованным общество, члены которого подчиняются лишь самим себе? Не в этом ли состоит свобода дикарей? Именно, но также счастливая привилегия граждан, имеющих представительное правление»³⁰.

На смену пустым рассуждениям пришли насущные проблемы, и хорошее правительство должно было защищать материальные интересы граждан, о чем говорилось в *Journal de Paris*. В этом издании отныне освещались такие вопросы: необходимость закрыть список эмигрантов; выплата недоимок по земельным рентам во втором полугодии VII года Республики; новые методы взимания налогов; обязанности сборщиков налогов; реформа амортизационного фонда; определение новых налогов на земельное и движимое имущество в 1799 г.; увеличение регистрационного и гербового сбора; установление новых сроков для покупателей, утративших свои права на приобретенное ими национальное имущество; погашение задолженностей, оставшихся от прежних распорядителей финансов; рассмотрение предложений о выпуске памятной медали, посвященной введению новой метрической системы; обсуждение Конституции и возможности заключения мирного договора; восстановление кредита и, наконец, новый лозунг «Свобода, равенство, собственность».

Разумеется, само слово «буржуа» отсутствовало в той программе, тем не менее, разве будет преувеличением предположить, что в ней просматривается стремление защитить интересы именно тех общественных слоев, представители которых находились у власти в последние годы XVIII в. Что же из себя представляла буржуазия? Социальную категорию с неясными очертаниями, включавшую в себя рабочих и хозяев мелких ремесленных лавок, или же малочисленную аристократию, стремившуюся воплотить в жизнь проект меритократической республики и создать в собственной среде условия, при которых можно было бы достичь положения в обществе исключительно благодаря своим талантам?

Не следует, однако, полагать, что все представители буржуазных кругов находились в центре политической жизни. Тем не менее, все они хотели узаконить новый режим, не имевший ничего общего, ни с якобинской революцией, ни с роялистской реакцией. Буржуазная республика пыталась достичь этой цели, усилив исполнительную власть и со-

³⁰ *Boulay de la Meurthe*. Du gouvernement représentatif // *Le Journal de Paris*. № 77. 17 frimaire an VIII [8 décembre 1799].

хранив свой политический статус, определившийся в период с сентября 1797 по ноябрь 1799 гг. Неудачи Директории лишь предвосхитили установление режима Консульства.

* * *

В заключение стоит задаться вопросом, почему этой общественной группе, обладавшей экономическим, политическим и административным влиянием, не удалось одержать победу в идеологической борьбе и оформиться в качестве отдельного класса? Вместо этого буржуазия зачастую была представлена как незначительная группа, существование которой не замечают некоторые историки. Было ли это превосходной уловкой со стороны господствующего класса, стремившегося скрыть свою реальную власть, тайной революции или же мифом о существовании буржуазии? Некоторое объяснение можно найти в изданном в 1808 г. «Словаре простонародных выражений и оборотов речи, используемых в народе»:

«Буржуа. Он прогуливается с тростью в руках, подобно парижанину. Применимо также к сделавшему состояние торговцу, который впоследствии отошел от дел. Это выражение используется и в ироничном смысле в отношении безработного рабочего, ведущего праздный образ жизни»³¹.

Можно предположить, что именно подобная коннотация, связанная с показным бездействием буржуа, на которую указывает словарь, легла впоследствии в основу парижского жаргона. Слово «буржуа» стало синонимом образа жизни раттье и праздности, поэтому так называли в шутку предающегося лени рабочего. Далее в статье говорится:

«“Это действительно буржуа” – у простонародья означает глупец, проstack. Манера разговора, к которой прибегали в высших кругах общества с целью принизить тех, кто находился на низшей ступени социальной лестницы».

Будучи оскорбительным для народа, синонимом заурядности с точки зрения тех, кто занимал определенное общественное положение, это слово обозначает того, кто вновь становится незаметным, не имеющим особого значения членом общества, неуловимым буржуа? «Мой буржуа, – указывается в заключение статьи, – именно так рабочие называют нанявшего их на работу господина».

³¹ Dictionnaire du bas langage ou des manières de parler usitées parmi le peuple ouvrage dans lequel on a réuni les expressions proverbiales, figurés ou triviales, les sobriquets, termes ironiques et factieux, les barbarismes, solécismes, et généralement les locutions basses et vicieuses que l'on doit rejeter de la bonne conversation. 2 vol. P., 1808.

Иными словами, в «Словаре простонародных выражений» дается фактически то же самое определение, что и в Словаре Французской академии. Тем не менее, для некоторых термин «буржуа» имел вполне определенное значение, подразумевая того, кто сумел добиться контроля над рынком труда, обеспечив себе тем самым господствующее положение в экономической и социальной сфере до тех пор, пока, из-за превратностей политической жизни в его руках не оказалась судьба Республики центра – режима, установленного Конституцией III года Республики, который тщетно пыталась сохранить Директория.

Список литературы

- Allouche E.* Plaine, marais ou tiers parti à la Convention Nationale, 1792-1795: historiographie et perspectives de recherches. Thèse DEA. P.: Paris I, 2004. Annales Historiques de la Révolution Française. 1956. № 19.
- Au temps des Merveilleuses, la société parisienne sous le Directoire et le Consulat. P.: Paris-Musées, 2005.
- Beningo F.* Specchi della rivoluzione, conflitto e identità politica nell'Europa moderna. Roma : Donzelli, 1999.
- Bourdieu P.* La noblesse d'Etat, Grandes écoles et esprit de corps. P. : Minuit, 1989.
- Cobban A.* The Myth of the French Bourgeoisie. An inaugural lecture delivered at University College, London 6 may 1954. L.: H.K. Lewis, 1955.
- Considérations sur la situation intérieure de la France par L. Bienvenue, habitant de La Décade, philosophique, littéraire et politique / Par une société de Gens de Lettres. 20 thermidor an V [7 août 1797].
- Darnton R.* Le grand massacre des chats. P.: Hachette, 1985.
- Dictionnaire de l'Académie française. 5me éd. T. 1: A-K. P.: Chez Smits et C, an VI [1798].
- Dictionnaire du bas langage ou des manières de parler usitées parmi le peuple ouvrage dans lequel on a réuni les expressions proverbiales, figurés ou triviales, les sobriquets, termes ironiques et factieux, les barbarismes, solécismes, et généralement les locutions basses et vicieuses que l'on doit rejeter de la bonne conversation. 2 vol. P. : Hausmann, 1808.
- Discours du 5 messidor an III de Boissy d'Anglas // Moniteur Universel. 1795. № 25.
- Higonnet P.* Class, Ideology, and the Rights of Nobles during the French Revolution. Oxford: Clarendon Press, 1981.
- Hobsbawm E.J.* The Making of a Bourgeois Revolution // The French

- Revolution and the Birth of Modernity / Ed. by F. Féher. Berkeley-Los Angeles: University of California press, 1990.
- Journal des hommes Libres. № 135. 2 ventôse an IV [13 mars 1796].
- La Décade. 20 thermidor an V 7 août 1797
- Le Journal de Paris. № 77. 17 frimaire an VIII [8 décembre 1799].
- Luzatto S.* L'automne de la révolution, Luttes et cultures politiques dans la France thermidorienne. P: Champion, 2001.
- Mathiez A.* Le Directoire, du 11 brumaire an IV au 18 fructidor an V. P.: A. Colin, 1934.
- Maza S.* The myth of the French Bourgeoisie. An Essay on the Social Imaginary. Cambridge (Mss.): Harvard University, 2003
- Mercier L.-S.* Tableau de Paris / Éd. par J.-Cl. Bonnet. P.: Mercure de France, 1994.
- Migliorini L.M.* Napoléon, P.: Perrin, 2004.
- Positions 1964-1975. P.: éd. Sociale, 1977.
- Serna P.* Antonelle, aristocrate révolutionnaire, 1747-1817. P.: Le Félin, 1997.
- Serna P.* Existe-t-il un extrême centre ? Le point aveugle de la république directoriale, l'exemple de La Décade // Des notions-concepts en révolution / Sous la dir. de J. Guilhamou et R. Monnier. P. : Société des Etudes robespierristes, 2003.
- Serna P.* La république des girouettes, 1789-1815 et au delà une anomalie politique : la France de l'extrême centre. Seyssel: Champ-Vallon, 2005.
- Serna P.* Le dictionnaire roturier de Furetière ou le noble démystifié par l'alphabet // Littérature classique. 2003. № 47
- Waquet J.-C.* La conjuration des dictionnaires : vérité des mots de la politique dans la France moderne. Strasbourg: Presses Universitaires de Strasbourg, 2000.
- Winock M.* La fièvre hexagonale : les grandes crises politiques de 1871 à 1968. P.: Calman-Lévy, 1986.
- Woronoff D.* La République bourgeoise de Thermidor à Brumaire, 1794-1799. P: Seuil, 1972.

Serna P. Was Directory a Republic of the Center? A Delusive State of Imperceptible Bourgeois

The dominant role of the bourgeoisie in the revolutionary events in the 18th century France has been recently doubted by some historians who raised the problem of the bourgeois myth. This social category made an important afford to maintain its position after the French Revolution using its economic and political influence. However it didn't manage to establish its social identity probably because of the fact that its representatives were intentionally trying to disguise their real purposes. Nevertheless, they retained political and financial instruments at the time of the Republic of the Centre, the regime which was set up by the Directory.

Keywords: the French Revolution, bourgeoisie, Directory.

А.А. Митрофанов

**ВЗГЛЯД НА РЕВОЛЮЦИЮ ИЗ СОВРЕМЕННОСТИ:
БЕСЕДА С ПЬЕРОМ СЕРНА¹**

Автор предлагает вниманию читателей интервью с известным французским исследователем, последним директором Института истории Французской революции Пьером Серной, который рассказывает об истории возглавляемого им в тот момент, а ныне закрытого Института, о своем творчестве, о современном состоянии во Франции исследований, посвященных Революции, о кризисе идентичности, переживаемом сегодня Пятой республикой. Особое внимание уделяется изучению такой, долгое время игнорировавшейся историками теме, как упрочение республиканских институтов в эпоху Директории, и такому, напротив, широко обсуждаемому сюжету как феномен Террора, для объяснения которого П. Серна обращается к традиционной для республиканцев «теории обстоятельств».

Ключевые слова: Французская революция XVIII в., Институт истории Французской революции, Директория, Террор, идентичность.

Это интервью с профессором университета Париж 1 Пьером Серной, известным исследователем, возглавлявшим с 2008 г. Институт истории Французской революции (ИИФР), было записано в ноябре 2010 г., во время первого в его жизни визита в Москву. Впрочем, тогда текст, по техническим причинам не попал в очередной выпуск «Французского ежегодника» и остался в архиве автора. Быть может, до его публикации дело бы так и не дошло, если бы не событие, потрясшее всё мировое сообщество историков Революции: 1 января 2016 г. ИИФР прекратил свое существование, растворившись в еще одном структурном подразделении Университета Париж 1 – Институте новой и новейшей истории. Соответственно, предлагаемая ниже вниманию читателей беседа с десятым и последним директором ИИФР – уже сама по себе стала историческим источником, повествующим о жизни ушедшего в прошлое учреждения, которое на протяжении восьми десятков лет было одним из флагманов мировой историографии Французской революции.

– Господин Серна, расскажите, пожалуйста, об Институте, который вы возглавляете. У него долгая история. Что он представляет

¹ Текст подготовлен к печати при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 14-18-01116).

собой сейчас? Какие связи ИИФР поддерживает сегодня с другими научными и учебными учреждениями?

– ИИФР в Сорбонне основал Жорж Лефевр еще в 1937 г. Очень важно, что это было естественным продолжением замысла другого выдающегося историка – Альфонса Олара. Поскольку именно Олар со своим другом русским-эмигрантом историком-социалистом Борисом Миркиным-Гецевичем создал Центр по истории Французской революции. Институт должен был стать уникальным научным центром, где изучалась бы только эпоха Французской революции XVIII в. И до сегодняшнего дня Институт – это, в своем роде, уникальное учреждение в научном мире Европы и Америки, благодаря установлению и сохранению связей с научными и учебными учреждениями Франции, что для него является важнейшим направлением деятельности. Сейчас Институт имеет прочные связи с теми университетами, где существует давняя традиция изучения Французской революции: помимо различных структурных частей университета Париж 1 (Пантеон-Сорбонна), в рамках которого и существует Институт, налажены связи с университетами Лилля, Руана, Клермон-Феррана. К сожалению, сейчас временно прерваны аналогичные связи с Лионом и Тулузой.

– Вы говорили об основателе ИИФР Ж. Лефевре. Какова сегодня судьба левых традиций в вашем Институте?

– Когда мы говорим о «левых» – современниках Альбера Матъеза и Альфонса Олара, необходимо уточнить, что сегодня Вы подразумеваете под «левыми», задавая такой вопрос. Олар был республиканцем, радикалом и даже социалистом, но вполне умеренным. Матъез же, хотя и являлся в научной сфере лучшим учеником Олара, но придерживался радикально более левых взглядов, восхищался революцией в России, поддерживал международное рабочее движение. Необходимо сказать и о руководителях нашего Института более позднего периода. Например, мой учитель, 12 лет стоявший во главе Института, Мишель Вовель, был членом Французской коммунистической партии. Напротив, другой директор Института – в 2000-2008 гг. – Жан-Клеман Мартен открыто заявлял о себе как о некоммунисте. Чтобы точнее ответить на этот вопрос, напомню, что в 1970-х гг. появилась группа левых интеллектуалов, которые приняли активное участие в подготовке программы будущего президента – социалиста Франсуа Миттерана. Эта группа существовала в Школе высших исследований в гуманитарных науках (École des hautes études en sciences sociales – EHES). Наиболее видные ее представители – Пьер

Розанваллон, Франсуа Фюре, Марсель Гоше. В России их именуют «ревизионистами», но во Франции «ревизионизм» – это термин, который употребляется применительно к публицистам и политикам, пытающимся отрицать массовое уничтожение евреев нацистами в годы Третьего рейха. У этой группы левых интеллектуалов из EHES иное название: их принято называть «критическая школа». И, наконец, если говорить о моей собственной позиции, то я являюсь приверженцем тех самых принципов, которые были заложены ученым и республиканцем Альфонсом Оларом при создании кафедры Французской революции в Сорбонне.

– Недавно под эгидой вашего Института проводилась конференция «Обучать Французской революции...». Одной из центральных среди поднятых там проблем была проблема идентичности. Каковы уроки Революции для понимания проблемы республиканской идентичности в наше время? Правомерно ли так ставить вопрос?

– Чтобы ответить на него, нужно напомнить, что фундаментальный конфликт состоял между тем, что мы называем славным моментом взятия Бастилии, и «менее славным» моментом – периодом закрепления завоеваний Революции. Время Директории – это время буржуазной республики, но отнюдь не такой же «славной», как в начальный период Революции. Обращаясь к вопросу о зарождении республиканской идентичности, я все же полагаю, что не менее интересно, чем традиционно прославляемые страницы истории 1789-1794 гг., и всё то, что происходило потом, когда наследники Национального Конвента в очень сложных условиях пытались стабилизировать положение и сохранить завоевания Революции. Их цель как раз и состояла и в том, чтобы создать республиканскую идентичность и Республику, сохранить «наследие 1789 года», не используя более методы и опыт террора. Именно поэтому Конституция III года Республики и период Директории мне сегодня кажутся чрезвычайно актуальными для изучения. Бесспорно и то, что сейчас мы переживаем во Франции очень тяжелый кризис национальной идентичности. Республика – это основа всех наших общественных институций, это выражение общей воли, ибо в основе нашего современного общества находится «республиканский пакт». И потому современный историк должен обращать внимание читателей как раз на тот, менее известный период Французской революции, не столь «славный», на протяжении которого и были закреплены ее непрочные завоевания. Это был в известном смысле период стабилизации республики.

– **Можно ли, по-вашему, назвать режим Директории 1795-1799 гг. либеральным?**

– Это очень сложно. Сложно квалифицировать республику времен Директории как либеральную, не сделав ряд предварительных оговорок. Во-первых, нужно принимать во внимание, что Французская республика времен Директории – это республика сражающаяся. Во-вторых, важно помнить, говоря о «либерализме» Директории, что Франция той эпохи – это, благодаря продаже национальных имуществ, аграрная страна, страна мелких сельских собственников. И третий важный момент для нюансировки термина «либеральный» в применении к политике Директории: если говорить о свободе частной инициативы, о следовании логике рынка как основе государственной экономической политики, то скорее нужно сказать – да, всё это имело место, но всё же политика Директории никогда не носила абсолютно либеральный характер. Хоть и вынужденно, но экономическая политика Директории имела, при известных оговорках, немного «дирижистский» характер. Этот период тоже имел своих героев, которые, кстати, тоже менее известны, чем деятели 1789 года, творцы Великого Террора или Наполеон Бонапарт. Одним из них был, например, весьма деятельный министр и известный писатель Франсуа де Нефшато. Подлинными республиканцами последних лет XVIII в. – это люди нам теперь почти неизвестные или, точнее, малоизвестные, но все они были, по разным причинам, убежденными сторонниками республики. По сути дела, Директория в наших представлениях затеняется двумя крупнейшими личностями – Робеспьером и Бонапартом, оказывается «втиснута» между диктатурой монтаньяров и Консулатом, что долгое время отражалось на изучении этого периода. В этой связи я хочу вспомнить слова любимого мною Анахарсиса Клоотса, который говорил: «Французы болеют великими людьми». И вот из-за такой склонности к «великим людям» период с 1794 по 1799 г. долгое время обходили стороной, хотя именно в те годы, когда требовалось восстановить государство и общественный порядок, у власти находились политики-центристы.

– **И этой проблеме посвящена ваша монография «Республика флюгеров»?**

– Меня очень критиковали коллеги во Франции за эту книгу по той причине, что историки вообще редко любят неологизмы. А я как раз предложил такой неологизм для истории Революции – «крайний центр». Почему критиковали? Работая над историографией Французской революции, я осознал, что большинство дебатов на протяжении

почти двух веков строились вокруг вопроса о радикализации. С одной стороны, находились группы крайне левого толка – кордельеры, эберисты, робеспьеристы, с другой стороны находились правые и ультраправые – конституционные монархисты, контрреволюционеры-роялисты, католики. Но если рассматривать правых и левых политиков-экстремистов, находившихся по краям политического поля, то по отношению к 28 млн своих современников-французов они являлись несомненным меньшинством. Есть одна вечная проблема методологии для историков. Историки принимают исторические документы как точное отражение реальности. Они полагают, что источники перед их взором это и есть сама историческая реальность! Более того, сохраняя политические традиции, историки представляют историю политических дискуссий как дискуссий только между правыми и левыми. Но политические дебаты велись совсем иначе, чем ученые представляют себе это сегодня. Основную массу политиков составляли те, кто был «немного правым» и «немного левым». История Революции долгое время «отклонялась в сторону», она создавалась по архивным материалам Национального собрания, по опубликованным материалам «Парламентского архива». Таким образом, происходил возврат к знаменитой идее Монтескье о роли великого законодателя в истории. Но я напому в связи с этим слова выдающегося члена Конвента Б. Барера: «Принимать законы – хорошо, но применять их на практике – еще лучше». Разумеется, революционные ассамблеи вынуждены были довольно быстро заняться созданием нового государственного аппарата, новой системы исполнительной власти. Вопрос об исполнительной власти для всякой революции – и российская революция не была в данном случае исключением – в определенный момент становится центральным. Вопрос об исполнительной власти не имел прямого отношения к идеологии, Сен-Жюст и Троцкий это одинаково хорошо понимали.

– **Возвращаясь к предшественникам Директории, невозможно уйти от вопросов о жестокости, насилии в эпоху Революции и, конечно, о Терроре...**

– Должен признаться, что я не отношусь к числу «робеспьеристов», но я немного устал от упоминаний о революционном насилии. Я хочу сказать, что во Франции с 1990-х гг. произошла настоящая вульгаризация идей Ф. Фюре. Это выглядит примерно так: всю Революцию сводят к Террору, весь Террор к личности одного Робеспьера, а Робеспьера «сужают» собственно до гильотины. Такое упрощение истории не имеет оправданий. Речь не идет об уменьшении масштабов имевшего место револю-

ционного террора. Но речь о другой проблеме. Историк Роберт Палмер² любил Францию и, будучи современником Второй мировой войны, был поистине поражен реакцией французских элит на вторжение гитлеровцев во Францию. Это отразилось и в его книге 1940 г., посвященной Комитету общественного спасения. Дата выхода книги совсем неслучайна. Это книга о революционной войне. Для Палмера в тот момент было очень важно напомнить о событиях Революции и войнах против анти-французских коалиций, ведь и тогда «французы были завоеваны, но сами себя освободили». Насилие – это война. Нет войны – нет террора. Вот, что хотел сказать Палмер. Почему я упоминаю эту книгу Палмера? Потому что он наоборот поставил старую историческую проблему террора, показав, почему террор был ужасен... И ответил на вопросы почему и как война была связана с террором. Да, необходимо признать: 60 из 83 департаментов Франции восстали против власти Национального Конвента. Франция не была республиканской в 1794 г. На мой взгляд, несправедливо, что Палмер в своих выводах остался одинок и изолирован в научном сообществе. Во Франции сегодня знают обо всех жертвах Террора, обо всех гильотинированных. Их приблизительно 30 тыс. человек. Это значит, что в те годы все же имела место судебная процедура, юстиция экстраординарная, революционная, но все же юстиция. Я напомним, что когда Комитет общественного спасения узнал о внесудебных массовых утоплениях на Луаре, Ж.Б. Каррье был немедленно отозван в Париж. Да, на период 1793-1794 гг. приходится 400 тыс. жертв, но все это жертвы гражданской войны. Вместе с тем, нам неизвестно, сколько погибло солдат Республики на полях войны с коалицией. А это была просто подлинная гекатомба. Они погибли за свою родину. Это тоже чудовищная жестокость. Почему же не посвящают такого же количества научных трудов судьбам этих людей? Я не предлагаю отрицать феномен Террора, но предлагаю взглянуть на это иначе, предлагаю представить, осмыслить революционное насилие как, в своем роде, «радикально новый феномен». Почему новый? Потому что революционное насилие – это только форма гражданской войны. До XVIII в. периоды невероятной жестокости в ходе гражданских вооруженных конфликтов хорошо известны: прежде всего, это религиозные войны XVI в. с избиениями протестантов, а в 1685 г. как продолжение – изгнание протестантов после отмены Нантского эдикта. Гражданская война конца XVIII в. – это война идеологическая.

² Роберт Палмер (1909-2002), американский историк, специалист по истории Франции и других стран Европы и Америки XVIII в. В данном случае речь идет о книге: *Palmer R. Twelve who ruled, the Committee of public safety during the Terror. Princeton, 1941.*

Это жестокость невероятная и новая по своей сути. Гражданская война добавилась к войне с внешними врагами и это не преминуло сказаться на конструировании коллективной идентичности, на национальной мифологии. Именно тогда изобретается концепция «солдата-гражданина» и концепция идеологической войны как таковой. И вот в таком широком контексте вопрос о революционном насилии – это провоцирующий вопрос. Вспомним жерминальское восстание: ноль погибших. И один погибший во время прериальского восстания – депутат Ферро. При подавлении восстания в прериале действовала чрезвычайная комиссия, по сути, трибунал, которая решала вопрос о казнях. Я повторяю, в ходе прериальского восстания лишь один депутат погиб. В отместку за эту смерть было после завершения восстания казнено довольно значительное число людей. В истории Революции необходимо различать два особых вида насилия: насилие со стороны государства и насилие восставшей толпы. Возьмем, например, взятие Бастилии. Ношение отрезанных голов на пиках – это совершенно новый тип насилия, который не известен до 1789 г. Или другой известный феномен – «Великий страх». В стране произошло множество пожаров, но мало человеческих жертв. Восстание 10 августа 1792 г.: гибнут солдаты во время штурма дворца. И только сентябрьские убийства 1792 г. – единственный пример действительно массового народного насилия, которое имело стихийный характер и не поддавалось никакому контролю. Более 1400 человек в эти дни было убито. Конвент был убежден, что нужно остановить народное насилие любыми средствами и установить общественный порядок. Депутаты-монтаньяры были убеждены в этом, создавая революционное правосудие. Есть и третий вид насилия – военное. В этом смысле важнее всего напомнить о войне в Вандее. Солдаты республики не признавали за вандейцами статуса граждан, солдат и военнопленных. Их немедленно казнили. Восстание 13 вандемьера весьма интересно, прежде всего, если его рассматривать в том смысле, о котором я говорю. То есть, восстание в вандемьере – это также пример именно военного насилия. Во главе вооруженных сил Конвента находился будущий бессменный член Директории Жан-Поль Баррас, бригадный генерал армии республики. Другой генерал – Бонапарт – в тот день просто расстрелял из пушек толпу перед церковью св. Роха близ Конвента. Фактически, когда угроза победы восстания стала реальной, один генерал призвал другого генерала и отдал ему приказ о восстановлении общественного порядка. Генерал Бонапарт расстрелял гражданское население, и количество жертв исчислялось сотнями. В основном, в вандемьере восстали жители западных

секций Парижа. На самом деле в историографии Революции о феномене военного насилия написано крайне мало.

– Вы уже говорили о революционном терроре и гражданской войне. А какую роль, по-вашему, сыграли социальные трансформации в судьбах французов? Вчерашние ремесленники и крестьяне возглавляли республиканские армии, а представители аристократии отчаянно сражались с ними...

– Да, солдаты республиканской армии – это именно крестьяне в униформе. Они шли сражаться с врагами Отечества. И пруссаки, и вандейцы для них враги одного порядка. Вся инфраструктура вандейского повстанческого движения поддерживалась и содержалась за счет британских средств. Между Вандеей и Англией существовали прочные связи, англичане осуществляли логистическую поддержку восставших. Есть два элемента, которые я бы хотел здесь раскрыть. Я могу рассуждать об этом абсолютно спокойно, ибо сам не отношусь к числу историков-робеспьеристов. Я вновь возвращаюсь к великому Роберту Палмеру. Он обращал внимание на то, что в 1793 г. республика во Франции должна была погибнуть, так как ее военные силы были крайне слабы. Чтобы разобраться в этом вопросе, я предлагаю начать с простого уважения к контрреволюционерам. Начнем с того, что контрреволюционеров никак нельзя назвать жертвами Революции и гражданской войны. Это были убежденные в своей правоте люди. Они придерживались веры своих предков и свято верили в своего короля. Их вооруженные формирования были прекрасно оснащены, вооружены и хорошо организованы. Контрреволюционеры имели все основания и поддержку, чтобы в этой гражданской войне победить. Они имели громадную поддержку Англии и монархии Габсбургов. 60 департаментов восстали против Республики и поддерживали контрреволюцию словом и делом. Иными словами, все шло к тому, что роялисты должны были победить республиканцев. Казалось бы, они не имели права проиграть. И вот я пытаюсь для себя ответить на вопрос, *как* они проиграли, когда должны были победить? Отмечу, это вовсе не тот вопрос, который традиционно ставят робеспьеристы: *почему* они проиграли? Я спрашиваю себя о том, как это произошло? К поражению контрреволюционеров привели две «основные» причины: внутренняя и внешняя. Во-первых, их генеральный штаб был просто ничтожен. Во-вторых, была и внешняя причина. «Жить свободно или умереть» – это отнюдь не только яркий лозунг. Для революционеров в таком лозунге отражена ужасающая реальность: если бы королевская власть вернулась во Францию, все бы они были казнены. В этом состоя-

ло новаторство революционной войны. Если король мог проиграть сражение, кампанию, баталию, то он всегда оставался королем. Войска Людовиков XIV и XV постоянно терпели поражения, но это не становилось причиной их свержения. Республика и республиканцы во Франции не могли проиграть. Ценой проигрыша в этой борьбе была бы их собственная жизнь. Но печальный и неизбежный парадокс для Республики в тот момент состоял в том, что как военное поражение, так и блестящая победа над врагами, одинаково означали крах и скорую смерть самой Республики. Так, Робеспьер, которого я не очень люблю, это прекрасно понимал. Он полагал, что республика в тот момент еще слишком слаба и поэтому нельзя ни победить, ни проиграть без тяжелых последствий, поскольку в республиках, в отличие от монархий, тот, кто в итоге получает все, – это некий условный генерал-победитель. Именно такой триумфатор – Бонапарт, собиравшийся уничтожить республику, довольно скоро, всего через пять лет, доказал прозорливость Робеспьера. Все это имеет прямое отношение к вопросу о военном насилии, о котором я говорил, ибо связано с эволюцией сознания солдат революционных армий. Если в II году Республики армия набиралась из народа и именно тогда появился тип «солдата-гражданина», то через два года гражданственность уходит далеко на второй план, и они уже ощущали себя в большей степени солдатами, нежели гражданами. Это и был прямой путь к перевороту 18 фрюктидора и всем другим государственным переворотам с участием армии. Эта реакция армии была естественной, учитывая уровень развращенности и коррупции среди членов Директории и ее министров. Вот почему вандемьер, на мой взгляд, – это фундаментальный момент для истории революционной эпохи. Это был первый раз, когда республиканская армия вооруженной силой восстановила общественный порядок.

– Обращаясь к новым и альтернативным версиям Французской революции, в том числе оригинальным концепциям Революции в мировом контексте, как вы к ним относитесь?

– Приведу пример одной дискуссии. После выхода книги Дэвида Бэла «Первая тотальная война»³ во Франции имела место дискуссия. Гипотеза Бэла состояла в следующем: революционная война – это и есть настоящая первая мировая война. Я вовсе не полагаю, что эта концепция обоснована в достаточной степени, но тотальная война – это, по крайней мере, интересная концепция, заслуживающая внимания. Но, при любых новациях в современной историографии, я полагаю, что революционные войны

³ Bell D.A. The First Total War: Napoleon's Europe and the Birth of Modern Warfare. Boston, 2007.

1792-1815 гг. – это не что иное, как реакция Франции на усиление английского империализма. Для меня это очень важный тезис. Несколькими годами раньше внимание исторического сообщества было приковано к другой похожей концепции, в которой Семилетняя война трактовалась как первая мировая. Вот это уж действительно была первая *мировая* война, которая велась на всех известных в то время континентах. После этого Англия создала свою мировую систему. Английская талассократия, во главе с торговой олигархией – это квазимировая система. Во время Семилетней войны впервые в английской истории флот этой страны смог транспортировать весьма значительные массы вооруженных сил для участия в наземных военных операциях войне на других континентах – в Азии и Америке. Франция же, напротив, оказалась неспособна к такому соревнованию. Поэтому для нас, историков изучающих XVIII в., остается только улыбнуться, когда мы сегодня слышим о «глобализации» XXI века. Военные действия середины XVIII столетия затронули и Европейский континент, и Америку, и Азию. Поэтому мы хорошо знаем, что глобализация по английской модели и английская талассократия XVIII века – это и было ускоренное движение к «квазимировому рынку». И создание первой колониальной империи в Новой истории происходило на основе крайней жестокости в отношении индейского населения и других аборигенов. По большому счету, число казненных, число жертв французского Трора конца XVIII в. следует соотносить с количеством жертв среди аборигенного населения в Азии и Америке в период колонизации европейцами этих континентов, сравнить с количеством уроженцев Африки, погибших после их продажи в рабство и при варварской транспортировке через океан, сравнивать, наконец, с количеством туземцев погибших от голода, организованного англичанами. Здесь я возвращаюсь к вопросу о Революции. Я полагаю, что в «классической» историографии Французской революции, к сожалению, очень мало внимания уделялось истории колоний. В книге Альбера Собуля «Краткое изложение истории Французской революции»⁴ этой теме посвящено всего несколько страниц. А колониальная торговля обеспечивала 30% от коммерческого баланса монархии Старого порядка вплоть до событий 1789 г. Если взглянуть на «атлантический фасад» Франции, на линию приморских городов между Бордо и Ренном, Ренном и Брестом, то это были превосходные и процветающие города XVIII в. Весь этот невиданный до тех пор экономический рост и развитие оказались возможны благодаря обширной морской торговле сахаром. Торговле с Антильскими островами. Это – исключительный экономический

⁴ Soboul A. Précis d'histoire de la Révolution française. P., 1962.

феномен. Франция Старого порядка имела очень тесные связи с островами и колониями. И важно заметить, что экономические последствия Революции для Франции были очень плачевными, во многом именно потому, что соотношение между завоеванием свободы во Франции и освобождением в колониях имело диалектический характер. Население колоний Франции состояло из трех неравных в количественном отношении частей. Во-первых, белые колонисты-собственники, в большинстве своем монархисты. Во-вторых, негры, освобожденные из рабства, также чаще всего сами рабовладельцы, они были сторонниками Революции, так как новшества гарантировали им политическое равноправие. Третья категория составляла подавляющее большинство, это были негры-рабы, не имевшие никаких прав. Между 1789-1792 гг. мало-помалу вопрос о свободе цветных приобрел важнейшее значение. Пришло понимание того, что они – тоже граждане. В феврале 1794 г. декретом Национального Конвента впервые в истории Французской республики рабство было отменено. Отметим, что этого не сделала ни Американская революция, ни англичане в своих колониях. Это имело далеко идущие последствия для Сан-Доминго. Следующий шаг сделала уже Директория, когда захотела преобразовать французские заморские территории в департаменты. Но, несмотря на все усилия, попытка республиканизации этих заморских территорий окончилась неудачей. Важным фактором, повлиявшим на то, что планы Директории провалились, стала морская блокада Антильских островов, которую организовала Англия. Другим важным фактором было желание Североамериканских штатов получить контроль над этими островами. А финальный провал Франции в колониальной сфере связан, увы, именно с политикой Наполеона Бонапарта. Именно он восстановил рабство в 1802 г. на французских территориях и прекратил этот уникальный для рубежа XVIII-XIX вв. эксперимент.

Список литературы

- Bell D.A.* The First Total War: Napoleon's Europe and the Birth of Modern Warfare. Boston: Mariner books, 2007.
- Palmer R.* Twelve who ruled, the Committee of public safety during the Terror. Princeton: Princeton univ. press, 1941.
- Soboul A.* Précis d'histoire de la Révolution française. P. Éditions sociales, 1962.

Mitrofanov A. Outlook on the French revolution from nowadays: interview with Pierre Serna

The author offers the readers an interview with the well-known French historian, the last director of the Institute of the French Revolution History, professor Pierre Serna, who tells about the Institute which he headed sometime and which is closed now, about his researches, about the current state of French studies on the Revolution, about the crisis of identity experienced today by the Fifth Republic. Particular attention is paid to such a long time neglected topic as the consolidation of national institutions in the era of the Directory, and the one, on the contrary, widely discussed as a phenomenon of Terror, which is explained by Pierre Serna with the traditional Republican "theory of circumstances".

Keywords: The French Revolution, Institute of the French Revolution History, the Directory, Terror, identity.

А.А. Митрофанов

СИНТЕЗ ИСТОРИИ И ФИЛОСОФИИ В ИЗУЧЕНИИ РЕВОЛЮЦИИ: БЕСЕДА С ПАТРИСОМ ГЕНИФЕ¹

В беседе автора с Патрисом Генифе, одним из ведущих французских исследователей Революции XVIII в., Консульства и Империи, поднимаются проблемы методологии современных исследований по соответствующей проблематике. Предостерегая, вслед за Ф. Фюре, от слепого доверия к архивному документу, П. Генифе считает, что от методологического «обнищания» историографию может спасти только синтез истории с философией, спасающий исследователя от зашоренности взгляда, обусловленного узкой специализацией, и позволяющий видеть события прошлого в широкой исторической перспективе.

Ключевые слова: Французская революция XVIII в., историография, методология, философия.

Патрис Генифе – один из ведущих сегодня французских специалистов по истории периода Революции XVIII в., Консульства и Империи. Работает много лет в Высшей школе социальных исследований (Париж) научным сотрудником Центра политических исследований им. Раймона Арона, который возглавлял в 2006-2008 гг. Автор многочисленных статей, в том числе в «Критическом словаре Французской революции», и ряда монографий². Беседа записана в Москве в ноябре 2012 года.

– Почему вы приняли решение изучать историю Французской революции? Был ли ваш персональный интерес связан с тем, что происходило в обществе в те годы?

– Всё просто: мой выбор был обусловлен давним интересом к событиям Французской революции. При этом первоначально я вообще не собирался заниматься историей; по-настоящему в то время меня интересовала философия. В этом плане ничего не изменилось: меня и по сей день

¹ Текст подготовлен к печати при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 14-18-01116).

² Dictionnaire critique de la Révolution française / Sous dir de F. Furet, M. Ozouf. 5 vol. P., 2007 (1re éd. – 1988); *Gueniffey P.* Le Nombre et la raison. La Révolution française et les élections, préface de François Furet. P., 1993; *Idem.* La Politique de la Terreur. Essai sur la violence révolutionnaire, 1789-1794. P., 2000; *Idem.* Le 18 Brumaire. L'épilogue de la Révolution française, P., 2008, *Idem.* Bonaparte : 1769-1802. P., 2013.

больше привлекает философия, чем история. Но, по разным причинам, в определенный момент я должен был прервать мои занятия по философии, а когда я вернулся к исследованиям, мой научный руководитель уже прекратил преподавать, и я должен был выбрать кого-то другого. Тогда я и обратился к изучению истории Французской революции. К тому времени я уже познакомился с Франсуа Фюре, и это окончательно определило тематику моих дальнейших исследований. Таким образом, мое решение не было связано ни с моими политическими пристрастиями, ни с состоянием историографии Революции на тот момент. Оно не было связано даже с книгой Фюре «Осмысляя Французскую революцию», ее я прочел уже после того, как мы с ним встретились. Так что мой выбор был отчасти случайным, так бывает. При нормальном стечении обстоятельств я бы продолжил изучение философии и никогда бы не занялся Французской революцией.

– Как Вы думаете, трудно ли написать историю Французской революции сегодня, в начале XXI века? Изменилось ли что-то в изучении Революции после празднования ее 200-летия?

– По сути, сегодня написание истории Французской революции – это гораздо более легкая задача, чем в прежние времена, поскольку в основе прежних споров лежала совершенно конкретная цель: преодоление идеологической схемы в истории. Сегодня же эта идеологическая схема интерпретации Революции разбилась вдребезги, и историки получили больше свободы. Но ситуация изменилась не только в этом плане. Сегодняшний парадокс состоит в том, что заниматься историей Революции стало проще, но никто ей более не занимается: я имею в виду, что никто во всем мире больше не пишет полную историю Французской революции. Тому много причин. На мой взгляд, прежде всего, это происходит по причине очень глубокой специализации в исторической науке, которая мешает создать действительно «всеобщую» историю Французской революции. Ведь чем больше профессиональный историк сосредоточен на том или ином конкретном аспекте, тем меньше он способен увидеть всю картину целиком. Другая причина заключается в исчезновении марксистской исторической схемы. Она была преградой на пути свободы исследований, но одновременно обеспечивала их структуру, позволяла осмыслить то или иное событие во всей его глобальности. А свобода в интерпретации революционных событий обернулась быстрым развитием [углубленной] специализации историков и как следствие, привела к неспособности рассматривать события во всей их целостности. Достаточно сказать, что со времени выхода книги Фюре «Революционная

Франция 1770-1880» не появилось ни одной новой глобальной истории Французской революции³. Но все же, не стоит преувеличивать влияние марксизма, так как речь идет о тенденциях в исторической науке в целом. Насколько мне известно, та же самая ситуация в последние десятилетия во Франции происходит и с историографией Древнего Рима, и средневековой Франции (особенно это заметно на фоне последних трудов Ж. Дюби), и Старого порядка. Их изучение, конечно же, не прекращалось. Выходят труды по политической, экономической, культурной, религиозной истории, но нет труда, охватывающего сразу все области. Иными словами, великой схеме интерпретации истории за минувшие годы ничто не пришло на смену. Это и есть цена свободы.

– Вы были среди авторов знаменитого «Критического словаря Французской революции». Это издание получило большую известность среди российских историков и сегодня еще для многих из них остается настольной книгой. Если бы сейчас появилась инициатива написания подобного словаря, как Вы полагаете, что за изменения произошли бы в его содержании?

– Я вовсе не уверен, что этот замысел мог бы вновь возникнуть сегодня, поскольку «Критический словарь Французской революции» был, по сути, своеобразным манифестом, направленным против якобинской историографии Революции, против господства социальной истории. Это реакция на стереотипную и неверно понятую историю Революции, столь печально завершившуюся таким памятником научному бесплодию, как обобщающие труды Альбера Собуля. Это книга весьма воинственная, и она в немалой степени способствовала крушению «классической» историографии Революции. «Критический словарь» содержал анализ, основанный, в свою очередь, на иных двух столпах: на изучении политической истории Революции и на философском подходе к ней. В центре внимания его авторов находилось новое, второе открытие политической культуры Французской революции, то есть того способа исторической интерпретации, который имел центральное значение для XIX века. При этом нужно сказать, что словарь этот страдает, на мой взгляд, и некоторыми преувеличениями. В частности, в утверждении о том, что Революция являлась сразу событием и философским, и политическим. Конечно, если бы аналогичный замысел воплощался сегодня, в него включили бы все то, чем прежний «Критический словарь» пренебрег, в частности, социальным измерением истории Революции. Ведь книги, подобные этому словарю, это всегда книги, созвучные своей эпохе. «Критический сло-

³ Беседа происходила в ноябре 2012 года.

варь» вышел в интересное время, когда происходило повторное открытие творчества и наследия Б. Констана и А. Токвиля. Хотя, по правде сказать, Токвиль никогда не был забыт – даже среди марксистов, которые отдавали ему должное, помещая в «пантеоне» социологов. А вот сочинения мадам де Сталь, Констана и Ф. Гизо в связи с господством марксизма надолго исчезли из оборота, редко цитировались, эти авторы оказались среди маргиналов. Именно в 1980-е годы и происходило то новое открытие либеральных авторов эпохи Революции, это была философско-политическая рефлексия. И веяния того времени, безусловно, отразились в содержании словаря.

– Скажите, а ситуация с наследием Ипполита Тэна, известного критика Французской революции, укладывается в ту же схему?

– Да, та же ситуация складывалась и с творческим наследием Ипполита Тэна, которого стали переиздавать именно в 1980-е, чего не делали с 1910-1920-х годов. По крайней мере его сочинение «Происхождение современной Франции» после 1914 г. практически ушло в тень. Скажем, Фюре не любил Тэна, тот казался ему неудобным и слишком реакционным, даже слишком контрреволюционным автором. И это было связано, прежде всего, с именами тех людей, которые эксплуатировали наследие Тэна, ведь оно в определенный период превратилось в «исторический бревиарий» движения «Аксон Франсэз». И сочинения Тэна откровенно использовались для критики Революции. Кстати, именно «правым» принадлежит честь повторного открытия наследия Тэна в 1980-х годах. А ведь, по сути, его суждение о Революции не было критическим, Тэн все же оставался сторонником идей 1789 года. Однако оно было враждебным: он рассматривал Революцию как ошибку, провал, трагедию и преступление.

– Еще один вопрос, имеющий прямое отношение к историографии. Какое положение занимает Центр Раймона Арона в современной научной жизни Франции? Какова его роль в изучении периода, который во Франции называют «современная история»?

– Центр Раймона Арона и сегодня напрямую связан с именем его основателя – Франсуа Фюре. И все люди, которые связаны так или иначе с работами Фюре, поддерживают его. Конечно, сегодня Центр изменился, так как произошла, отчасти вынужденная, смена поколений. Поколение Фюре ушло, а Фюре, как известно, не создал научной школы. Он занимался исключительно индивидуальными исследованиями, которые невозможно принять в качестве воспроизводимой модели. При этом каждый, кто работал вместе или рядом с ним, так или иначе разделял его

принципы и, в этом смысле, продолжил его дело. И хотя школы нет, труды Фюре очень индивидуальны, но сохранилось то, что является вполне идентифицируемой характерной чертой Центра Раймона Арона: выработанные Фюре способы постижения прошлого, методика исторического исследования, соединяющая в себе историю и политическую философию. Нужно обязательно сказать пару слов и о политических взглядах Фюре. Он был левым либералом, а левые либералы так и не добились политического успеха во Франции, хотя являлись влиятельным интеллектуальным течением и у них были яркие политические лидеры, подобные Мишелю Рокару. Это было течение не просто либеральное, но и немарксистское. Но все же они не были одной из основных политических сил, так как политическая система Франции слишком поляризована между левыми и правыми. Подлинная идея Фюре, как я понимаю, состояла в воскрешении духа французского XIX века, соединявшего историю и философию политики. Наиболее известными воплощениями этого духа явились Токвиль, Гизо, Кинэ и Мишле. Все они составляют французскую традицию, не принадлежащую полностью ни правым, ни левым, но в которой, тем не менее, были хорошо представлены и правые, и левые. Здесь самое время напомнить, что в отличие от XX века, когда история уже претендовала на роль самостоятельной науки, в XIX веке история писалась внутри университетов и определяла себя вовсе не как отдельная наука, а лишь как ветвь «главной науки» – философии. Другой равновеликой ветвью философии представлялась и социология. Но, история конституировалась как наука только по мере становления современного университетского типа обучения, т.е. в XX веке. Это важно для понимания замысла Фюре. Основная его идея состояла в предотвращении «обнищания» истории. По его мнению, история сохранит свое богатство только в союзе с моральной философией и политической философией. Он полагал, что чем больше история попадает в зависимость от содержимого архивных хранилищ, тем больше она теряет из того, что составляло прежде ее основное богатство. В этом философско-историческом подходе были и свои отрицательные стороны: так, например, специалисты, работающие в стиле Фюре, вовсе не являлись главными специалистами по архивам.

– В этой связи хотелось бы спросить вас об отношениях историков с архивами в начале XXI века в целом. Что, с вашей точки зрения, диктует логику отношения к архивам?

– Первая книга, которую я написал, «Число и разум. Французская революция и выборы» – это исследование, созданное исключительно на ар-

живных материалах. Но, в то же время, поскольку я находился под значительным влиянием Фюре, то попытался не довольствоваться архивами, руководствуясь идеей о том, что всего необходимого историку, там нет. Я согласен с тем, что использование архивов обязательно, а некоторые архивы, например, дипломатические, и сегодня позволяют ученым делать многочисленные открытия. Но я полагаю, что нужно иметь критическое отношение к архивам, поскольку истина далеко не всегда хранится в их недрах: там ведь, в основном, остаются следы официальной документации. В архивах я находил протоколы и другие документы, которые заставляли верить в то, что во время Революции имели место выборы. Но, по мере изучения темы, я стал отмечать, что в реальности в революционную эпоху не было выборов, не было ничего похожего на то, что предусматривал закон о выборах. Была продекларирована новая система выборов, а, по сути, сохранялась прежняя система Старого порядка, которая была немного модернизирована Директорией только к концу революционного десятилетия. И именно в архивах я увидел, что избирательные протоколы и другие документы о выборах оформлялись по единообразной схеме согласно официальным предписаниям. Возможно также, что впоследствии избирательные протоколы переписывались, а исходные данные менялись. Исследование я смог завершить лишь благодаря тому, что нашел ответы на свои вопросы в жалобах и протестах против результатов выборов, которые доказывали, что на самом деле, избирательная система Революции оставалась неработающей и по-прежнему использовались практики, выработанные еще Старым порядком. И в тот момент, когда революционеры решили применить новую избирательную систему, люди не смогли голосовать, потому что они ничего в этой системе не понимали.

– **Вы автор ряда работ о Великом терроре. К сожалению, через два с лишним столетия после Термидора можно сделать вывод, что террор стал явлением международным. Как Вы думаете, почему во Франции в 1789-1815 гг. индивидуальный террор не получил такого размаха, как в России в конце XIX и начале XX века?**

– Для понимания истории Французской революции феномен Террора чрезвычайно важен. Но это был вовсе не индивидуальный террор, а Террор как политическая стратегия. Да, конечно, во Франции конца XIX в. имел место индивидуальный террор, которым занимались анархисты, используя бомбы для совершения покушений. Но это иное явление, отличающееся от революционного Террора. Я думаю, что индивидуальный террор и Террор во время Французской революции и во время

большевистской революции в России – это два отличных друг от друга феномена. Террор – это инструментализация насилия с политическими целями, которая проводится самой государственной властью. Это вовсе не террор, проводимый независимой от государственных институтов радикальной оппозицией, это террор, проводимый государством против своего населения. Действительно Французская революция и революция большевистская – это два случая в мировой истории, когда правительство использовало террор против своего собственного населения. Но большое отличие между феноменом Террора в истории этих двух революций состоит в том, что во французском случае он длился два года, а в российском, к несчастью, намного дольше (то же относится и к китайскому случаю). Есть и другое отличие. Как мне кажется, оно состоит в том, что в России, как и в Китае, революционные власти опирались на идеологию, которая помогала им долгое время находиться у власти. Коммунистическая идея давала больше сил революционному проекту хотя бы потому, что для построения такого общества требовалось гораздо больше времени, чем для создания общества буржуазного. Во Франции же ничего подобного не было, идеология французских революционеров – это, прежде всего, идея построения буржуазного общества. Там Террор трактовался как средство военного времени, тесно связанное с самим революционным процессом. При этом цель революционного процесса ничего общего не имела с идеей коммунизма. Их цель, цель Робеспьера – это буржуазное общество. Если бы они были приверженцами более левых взглядов, они захотели бы, к примеру, использовать прогрессивный налог на доходы, который существует во Франции сегодня: чем больше зарабатываешь, тем больше платишь. А цель «террористов» 1793 года ограничивалась построением общества, где торжествуют буржуазные ценности и правительство подчиняется закону. Именно идеология в данном случае мне кажется главным отличием. Учитывая отсутствие идеологии, которая лежала бы в основе революционного порядка управления во Франции, террористический режим держался только благодаря обстоятельствам. Пока военные действия складывались для Франции неудачно, режим сохранялся, но как только поступили первые известия о победах, режим рухнул, поскольку потерял свое оправдание. В последний момент Робеспьер попытался на скорую руку подлатать идеологию режима с помощью провозглашения культа Верховного существа, то есть на помощь Революции он призвал религию, заявляя, что Революция заключается не только в победе над иностранными врагами, но и в реализации providенциального за-

мысла, ниспосланного нам Верховным существом. Но эта схема не работала, никто не верил в нее, кроме ее создателя. И когда новости о победах в Голландии и Бельгии достигли Парижа, революционный порядок управления попросту обрушился. Известно, что в дни, предшествовавшие перевороту 9 термидора, на улицах происходили волнения с целью помешать казни осужденных, у тюрем собирались граждане, которые требовали освобождения заключенных. Для усмирения волнений пришлось использовать войска. Это означало, что система Террора начинала обваливаться. И наконец, термидорианцы просто понимали лучше, чем Робеспьер, что для них единственная возможность остаться в живых связана с завершением Террора. В России же эта система продержалась немногим менее пятидесяти лет. Во-первых, по причине наличия идеологии. Во-вторых, потому, что Вторая мировая война, в конечном счете, усилила власть Сталина, которая не являлась более властью революционной, но должна была стать властью русской и национальной, патриотической. По сути, после 1945 г. Сталин приобрел дополнительную легитимность. Первой была легитимность революционная, а вторую, патриотическую, он приобрел во время войны. Это и дало возможность продлить существование режима и после смерти Сталина, еще почти на сорок лет, до Горбачева. На мой взгляд, в этом и есть ключ к пониманию феномена Террора и его длительности. Индивидуальный же террор, о котором вы спрашивали, имел место и во время Французской революции. Происходили покушения на Марата, Робеспьера, Сийеса и Барраса, взрыв на улице Сен-Никез, устроенный с целью убийства Наполеона Бонапарта. Но это явление другого исторического масштаба. Они были связаны с давней традицией, восходящей к XVI веку, которая была вначале протестантской, затем, пройдя через католицизм Лиги, была истолкована как «тираноубийство». Во время Революции призыв «убить тирана», в конце концов, был обращен к каждому истинному республиканцу. И Шарлота Корде, убивающая Марата, – прекрасный тому пример. Мы находим здесь, я полагаю, ту же самую идею тираноубийства, которая двигала и участниками покушений в России XIX в. Со времен Древнего Рима покушение рассматривалось как нечто легитимное, так как тираном считался правитель, не соблюдающий никаких правил и законов. Прототипом же всех тираноубийств считалось убийство Цезаря. Причем эта идея была дорога как республиканцам, так и роялистам. Ранее же протестанты использовали ее в борьбе против давления со стороны католиков, а затем ее приняли экстремисты-католики, примерами чего стали убийства монахом-лигёром Генриха III и фанатиком-католи-

ком Генриха IV. Следующим крупным событием в этой череде было покушение Дамьена на Людовика XV. Ровно эту самую идею возродили в 1793 г., во время процесса над королем, когда царевичество стремились представить как тираноубийство. Даже после переворота 18 брюмера появилось несколько памфлетов, призывавших новых Брутов к тираноубийству, то есть к убийству Бонапарта, уничтожившего республику и взявшего всю власть в свои руки.

– Как вы полагаете, может ли сегодня историк-профессионал во Франции заниматься изучением альтернативных версий прошлого? Скажем, если бы реставрация Бурбонов произошла на 15 лет раньше, стал бы этот политический режим военной диктатурой, как Первая империя, или же был бы скорее похож на Июльскую монархию?

– Во Франции это направление называется «укрония» (*uchronie*), от слова «кронос» (время), по аналогии с «утопией». Сторонников этого подхода интересуют вопросы, что произошло бы, если бы то или иное событие не случилось. Это занятие, на мой взгляд, безусловно, забавное, однако, несколько безосновательное, поскольку все мы, так или иначе, воспринимаем ход истории как совокупность более или менее объективных факторов. Я полагаю, что реставрация монархии во Франции не могла бы произойти значительно раньше, чем она произошла на самом деле: чтобы она совершилась во второй половине 1790-х годов, Бурбоны должны были принять Революцию. А Людовик XVIII в то время отнюдь не собиравшийся с этим соглашаться. И потребовалось 15 лет правления Наполеона, чтобы понять, что в реальности во Франции все же что-то изменилось и с этим необходимо считаться. В то же время, события после 1814 года показали, что режим Реставрации не был способен к позитивному развитию. И это именно то, что Шатобриан понял и прекрасно объяснил: царевичество уничтожило сакральный характер монархии во Франции. И это, безусловно, было великим несчастьем для Франции, которая испытала на себе всю тяжесть последствий ошибок Людовика XVI. Если бы Людовик XVI принял Революцию, если бы он не пытался бежать в Варенн, тогда, вероятно, последующая история была бы другой. Скорее всего, не было бы войны, не было бы Террора, не было бы Наполеона, и, вполне возможно, Франция получила бы возможность вновь стать нормальной европейской страной. Тогда как после царевичества Франция более не смогла обрести формулу политической стабильности. Только начиная с конституции де Голля, с 1959 года такая формула была, наконец, получена. Но до де Голля никакой политической стабильно-

сти в стране не было. Характерно, однако, что во Франции, при слабом государстве, существовала традиционно сильная администрация. Именно эта администрация обеспечивала преемственность, единство страны, тогда как сменявшие друг друга политические режимы, за исключением двух, не обладали никакой легитимностью. Исключениями были режимы Наполеона и де Голля. Революция и крушение конституционной монархии создали непреодолимую пропасть между правом и легитимностью, поскольку революционеры, ниспровергая своего короля во имя народа, ниспровергли и свою собственную конституцию. Легитимность и право, законность и конституция так и не смогли после этого вновь объединиться. Так что, если революционеры и изобрели новое общество, нового государства они изобрести не смогли. И мы до сих пор продолжаем расплачиваться за последствия царубийства, поскольку это особая разновидность исторического разрыва. Я полагаю, что Россия находится в том же самом положении. После царубийства она не завершила создание политической легитимности, не имеет стабильного юридического порядка. Тогда как в ходе других революций это происходило иначе. В Англии, где тоже имело место царубийство, вновь учредили монархию в пределах существующих юридических рамок. Таким образом, там сменили короля, но не сменили конституцию. Тогда как мы, французы, совершили и то, и другое. Отсюда и берет начало перманентный политический кризис Франции, единственным спасением от которого оказалась ее администрация – наследие институтов Старого порядка. Это стало ясно еще благодаря гению Токвиля, объяснившего, что при меняющихся режимах единственной стабильной структурой во Франции оставалась только ее администрация. Революция в 1789 году разразилась именно потому, что тяжелый финансовый кризис совпал по времени с кризисом административной системы. И кризисы на протяжении XIX-XX вв. возникали только в том случае, если система административной стабилизации переставала работать.

Список литературы

- Dictionnaire critique de la Révolution française / Sous dir de F. Furet, M. Ozouf. 5 vol. P. : Flammarion, 2007.
- Gueniffey P. Bonaparte : 1769-1802. P. : Gallimard, 2013.
- Gueniffey P. Le 18 Brumaire. L'épilogue de la Révolution française, P. : Gallimard, 2008.
- Gueniffey P. Le Nombre et la raison. La Révolution française et les élections, préface de François Furet. P. : Éd. de EHESS, 1993.
- Gueniffey P. La Politique de la Terreur. Essai sur la violence révolutionnaire, 1789-1794. P. : Fayard, 2000.

Mitrofanov A. Synthesis of History and Philosophy in French Revolution Studies: interview with Patrice Gueniffey

In an interview with the Patrice Gueniffey, one of the leading French scholars of the French Revolution, the Consulate and the Empire, the authors raises the problem of the methodology of contemporary researches on correspondent issues. Following François Furet, M. Gueniffey cautions of blind confidence for archival documents. He believes that only the synthesis of philosophy and history can preserve from a methodological "impoverishment" of historiography, save researchers from tunnel vision due to the narrow specialization, and allow regarding events of the past in a broad historical perspective.

Keywords: the French Revolution, historiography, methodology, philosophy.

Ф. Бурден*

ТЕАТР И РЕВОЛЮЦИЯ: ОТКРЫТАЯ СЦЕНА ДЛЯ ИСТОРИОГРАФИИ

Несмотря на обилие работ, посвященных теме театра эпохи Французской революции XVIII в., состав театральной аудитории того времени до сих пор остается недостаточно исследованным. Эта аудитория состояла из целого ряда групп любителей драматического искусства, принадлежавших к самым разным социальным слоям. Революция вызывала к жизни радикальные перемены в самих театральных постановках, управлении театральными компаниями, в репертуаре, декорации и образе жизни актеров. Характерной чертой театрального мира того периода была его крайняя политизация. Революционные власти использовали театральное искусство для пропаганды и обоснования существования новых порядков не только собственно во Франции, но и в остальной Европе, в частности, в Италии.

Ключевые слова: история, Французская революция XVIII в., театр, драматическое искусство.

Как известно, накануне и после 200-летней годовщины Французской революции теме театра были посвящены многочисленные монографии: критические, музыковедческие, исторические и художественные¹. Эти междисциплинарные работы, написанные музыковедами, литераторами, историками и искусствоведами, заложили прочную основу для дальнейше-

* Филипп Бурден, профессор Университета им. Блеза Паскаля (Клермон-Ферран 2).

¹ Назовем лишь некоторые работы: La Carmagnole des Muses. L'homme de lettres et l'artiste dans la Révolution. P., 1988; La Révolution française et les arts de la scène. Clermont-Ferrand, 2004; La scène bâtarde, des Lumières au romantisme. Clermont-Ferrand, 2004; Costumes, décors et accessoires dans le théâtre de la Révolution et de l'Empire. Clermont-Ferrand, 2010; Friedland P. Political Actors: Representative Bodies and Theatricality in the Age of the French Revolution. N.-Y., L., 2002; Garbagnati L., Gilli M. Théâtre et Révolution. Besançon, 1989; Leitzler J., Adelson R. Womenwriting Opera. Creativity and Controversy in the Age of the French Revolution. Berkeley, 2001; Maslan S. Revolutionary Acts. Theater, Democracy, and the French Revolution. Baltimore, 2005; Maslan S. Resisting Representation: Theater and Democracy in Revolutionary France // Représentations. 1995. N° 52. P. 27-51; Tarin R. Le théâtre de la Constituante ou l'école du peuple. P., 1998; Usandivaros M. Le théâtre de la Révolution française. Étude analytique, historique et sono-critique (1789-1799). Thèse de doctorat. Paris I. P., 1996.

го развития данного направления исследований, как в Европе, так и в Америке. Не имея возможности перечислить все опубликованные за последние годы работы, необходимо отметить, что они значительно расширили наши представления о структуре театральных сообществ, репертуаре и критике.

Тем не менее, мы все еще не имеем подробных сведений о зрителях, хотя и установлен тот факт, что в их состав входили самые разные общественные слои². Об этом свидетельствует как личная переписка, так и предметы, посвященные театральному искусству: цветные гравюры, изображавшие актеров театра, веера, на которых были представлены сцены и реплики из наиболее известных театральных постановок, пуговицы мужских костюмов.

Несмотря на непрекращающуюся критику со стороны церкви и общепринятое мнение о пагубности театральных представлений и упадке нравов в актерской среде, в течение полувека, предшествовавшего Революции, французы были по-настоящему увлечены театром. Доказательством тому были не только посещаемые широкой публикой профессиональные театры, но и многочисленные любительские постановки в семейном кругу, при коллежах иезуитов, в небольших труппах, известных лишь одним спектаклем, как, например, «Каин» или «Тальма»³.

Рассмотрим подробнее, какие изменения произошли в театральном искусстве и репертуаре во время Революции.

Театральное искусство

Революционная эпоха не отменила общепринятых традиций: в театральном мире по-прежнему огромное значение имели известные парижские театры, тресты (один из наиболее известных организовал Ля Монтансье), колесившие по провинции семейные труппы, акционерные общества, которые владели большей частью французских театральных залов. До 1789 г. театры существовали благодаря покровительству членов королевской семьи, о чем свидетельствует, к примеру, создание в январе этого года «Театра Месье [старшего брата короля]»⁴,

² Brown G. A Field of Honor: Writers, Court Culture and Public Theater in French Literary Life from Racine to the Revolution. N.-Y., 2002; Ravel J.S. The Contested Parterre: Public Theater and French political Culture (1680 – 1791). N.-Y., 1999; Ravel J.S. Le théâtre et ses publics: le parterre à Paris au XVIIIe siècle // Revue d'histoire moderne et contemporaine. 2002. Juillet-septembre. P. 89-118.

³ Rougemont M., de. La vie théâtrale en France au XVIIIe siècle. P., 1988. P. 297; Hérelle G. Les Théâtres ruraux en France. P., 1930; Plagnol-Dieval M.E. Madame de Genlis et le théâtre d'éducation au XVIIIe siècle. Oxford, 1997; Les théâtres de société au XVIIIe siècle / Études sur le 18e siècle. N° 33. Bruxelles, 2005.

⁴ Di Profio A. La révolution des Bouffons. L'opéra italien au Théâtre de Monsieur (1789-1792). P., 2003.

ставшего впоследствии «Театром Фэйдо»; там ставили комедии и итальянские оперы с целью доставить удовольствие королеве. Однако произошедшие во время Революции политические события оказали большое влияние как на жизнь общества в целом, так и на управление театрами. Акционерные общества распались, их состав менялся в зависимости от различных обстоятельств, как то банкротство или отъезд в эмиграцию. Некоторые владельцы театров, сделавшие имя в театральном мире, эмигрировали вместе с принцами. В качестве примера можно привести Леонара Отье, директора театра, принадлежавшего брату короля. В 1791 г. его театр переехал в район Сен-Жерменской ярмарки, а затем в июне 1792 г. Отье вынудили подписать документ о передаче имущественных прав и покинуть Францию. На свой страх и риск он вывез часть королевских сокровищ и прославился тем, что ездил по Европе со шкатулкой бриллиантов. Впоследствии, во время Реставрации, Отье тщетно пытался добиться восстановления в имущественных правах. Англичанину Эстли, прославившемуся в Париже эпохи Старого порядка своими знаменитыми конными представлениями, пришлось уехать обратно в Англию следом за принцами. В дальнейшем его бывший статус директора «Королевского амфитеатра», одного из самых посещаемых театров, сделал невозможным для него возвращение в революционную Францию, где отныне блистал его бывший служащий Франкони⁵.

Некоторые дворяне, лишившиеся всего в ходе революционных событий, неожиданно избрали для себя театральную карьеру. Так обстояло дело с Элизабет Блондо де Гарон, чей отец и братья погибли в Вандейских войнах⁶; с шевалье Кантираном де Буари, выступавшим на театральных подмостках с целью спасти семью, члены которой лишились своей ренты в сорок тысяч ливров. Во время Революции семнадцать из них погибли, защищая принцев, среди них было 13 кавалеров ордена Св. Людовика⁷. Другой пример – Эмилия Боден из семьи колонистов Сан-Доминго, разорившихся из-за восстания на острове в 1791 г. Актриса постоянно ссылалась на свое креольское происхождение⁸, поскольку оно сближало ее с Жозефиной Богарне. Эти новоявленные актеры и актрисы,

⁵ Archives nationales (далее – A.N.). F 17. 1299/D. Mémoire d'Astley pour le ministre de l'Intérieur, l'abbé de Montesquiou, s.d. ; Lettre de John Astley fils au duc de Berry, 21 juillet 1814 ; lettre du 2 août 1814 des frères Franconi au ministre de l'Intérieur.

⁶ A.N. F 17. 1299/E. Lettres au roi, au comte d'Artois, à la duchesse d'Angoulême, et au ministre de l'Intérieur, s.d. [1815].

⁷ A.N. F 17. 1299/E. Lettre de Boirie au ministre de l'Intérieur, depuis Paris (24, rue Notre-Dame de Nazareth), 26 juin 1816.

⁸ A.N. F 17. 1299/D. Lettre d'Emilie Baudin au ministre de l'Intérieur, s.d. [1807].

осваивая свое новое ремесло, извлекали выгоду из увлечения театром, охватившим в то время всю страну.

Подобным метаморфозам способствовал и закон Ле Шапелье от 13 января 1791 г. Отныне частные предприниматели получили возможность открывать коммерческие театры с согласия муниципальных властей, а также договариваться с театральными труппами о правах на постановки. Актеры, которые до этого не имели никакого социального статуса, превратились в особую категорию граждан: в результате отмены коллективных контрактов они получили возможность переходить из одной труппы в другую. Вследствие этого количество театров увеличилось как в Париже, так и в провинции. В конце 1791 г. в столице насчитывалось пять новых залов, а всего в течение Революции их было построено одиннадцать, и это не считая двадцати кафе и церквей, также служившими местом для театральных представлений до их окончательного исчезновения в 1807 г. В общей сложности, за десять лет по всей стране было построено сорок пять новых театров⁹.

Возведение этих новых зданий натолкнуло архитекторов на мысль о необходимости лож и стоячих мест в партере. Эту идею предложили Мармонтель и Луи Себастьян, полагая, что подобные изменения должны понравиться публике. В 1789 г. исчезло пространство, разделявшее балконы и партер, поскольку отныне каждый приходил в театр с целью отстаивать свои убеждения, а не выставлять на показ свои привилегии.

Идеалом оставался античный амфитеатр, считавшейся символом гармонии с природой, однако от него пришлось отказаться в «Комеди Франсез», нынешнем здании Одеона, а также в «Гран Театр» в Бордо, а впоследствии, в 1791-1793 гг. в театрах Мольера, Лувуа, Фейдо, театре Сите и Водевилле. Как полагал Клод Николя Леду, в Безансоне в последние годы Старого порядка залы строили исходя из представлений актеров, но не зрителей, и даже не принцев. Тем не менее, архитекторы по-прежнему придерживались представлений об иерархической структуре общества, стремились сохранить существовавший общественный порядок, предпочитая делать в партере сидячие места, зрителям из простонародья доставались места заднего ряда лож второго яруса и галерка.

Во флореале IV года Республики правительство объявило конкурс на строительство закрытых арен, где предполагалось проводить зимой праздничные мероприятия по случаю национальных праздников. В связи

⁹ Radicchio G., *Sajous d'Oria M.* Les théâtres de Paris pendant la Révolution. Fasano, 1990; Frantz P., *Sajous d'Oria M.* Le siècle des théâtres. Salles et scènes en France (1748-1807), P., 1999; *Sajous d'Oria M.* Bleu et or. La scène et la salle en France au temps des Lumières (1748-1807). P., 2007.

с этим архитекторы Перрье и Фонтэн предложили проект огромного по своим размерам театрального помещения, что положило начало спорам о необходимости создания для народа некоего педагогического театра.

Примером по-прежнему служили парижские театры даже несмотря на то, что изменился их статус: денежные средства на их содержание теперь выделяло государство. Сначала контроль над ними перешел к муниципальным властям, но в 1789-1790 гг. развернулись ожесточенные споры по поводу их предназначения, ведь они находились на службе свергнутого режима. К тому моменту парижская Опера и Королевская Академия Музыки прославились на весь мир, являлись в области культуры образцами для подражания, а, кроме того, они предоставляли рабочие места сотням людей, что, безусловно, учитывалось Учредительным собранием.

В эпоху Директории театры вышли из-под контроля Министерства внутренних дел, и права на их управление были переданы частным предпринимателям. К великому несчастью либреттистов и музыкантов, а также зрителей, обновление репертуаров не проводилось. Забастовки служащих театров, уход актеров, исполняющих главные роли, – все это свидетельствовало и о финансовых затруднениях, в связи с этим была принята серия постановлений с целью перевести управление театрами на более рациональную основу, отменить королевские привилегии и сэкономить денежные средства¹⁰.

Несмотря на то, что театр «Комеди Франсез» представлял собой актерское товарищество и имел коллегиальное управление, в 1789 г. он также переживал острый финансовый кризис по причине конкуренции со стороны других трупп, а также со стороны становившихся все более популярными бульварных театров. Положение еще более ухудшилось в январе 1790 г. после решения Национального собрания об отмене королевских субсидий. В июле 1789 г. театральная труппа, поддержав происходившие в стране революционные изменения, переименовала «Комеди Франсез» в «Театр Нации», а осенью произошла реорганизация, и был пересмотрен репертуар. Отвечая требованиям времени, руководство театром стало внимательно следить за ожесточенной полемикой в прессе и привлекать модных авторов. Однако эти попытки приспособиться к новым веяниям вызвали одобрение не у всех актеров, и в результате труппа в 1791 г. распалась. Произошло размежевание между роялиста-

¹⁰ Darlow M. Staging the French Revolution. Cultural Politics and the Paris Opera, 1789-1794. Oxford, 2012; Bourdin Ph. L'économie du Théâtre de la République et des Arts sous le Directoire // Diversité et modernité du théâtre du XVIIIe siècle. P., 2014.

ми, приверженцами королевских привилегий и традиционного репертуара, и республиканцами, во главе с Тальма, исповедовавшего идеи гражданственности и обновления театрального искусства. Вместе со своими сторонниками он вышел из состава театра и обосновался в Пале-Руаяле, однако, актеры, принадлежавшие к разным частям труппы, все же продолжали общаться и поддерживали друг друга во времена Трора и после Термидора¹¹.

Основное новшество эпохи революции состояло, главным образом, в политической ангажированности некоторых актеров и актрис: некоторые из них служили в Национальной гвардии, другие сражались в революционной армии бок о бок с санкюлотами, а кто-то играл в находящихся на особом положении театрах Лиона и Вандеи. В 1793 г. известный актер Фюзиль вместе с Ронсеном и Колло д'Эрбуа перебрался в Лион¹², получивший статус свободной коммуны, где его ждало место в пользовавшейся широкими полномочиями Временной комиссии. Там он сошелся с провинциальными актерами, таким как Дюмануар, который занимал должность председателя округа, а также с Дорфейлем – приверженцем идей гражданского патриотизма, прославившегося своими сайнетами (одноактными пьесами), выразительные названия которых говорили сами за себя: «Письмо собаки аристократа к своему хозяину», «Чудо Святого Омлета», «Путешествие Г-жи Свободы и Мадемуазель Конституции»¹³. Многие авторы занимали антиклерикальную позицию, а в своих произведениях умело использовали некоторые аллегории из классического репертуара, а также элементы карнавалов.

Подобного рода политизация театрального искусства оказала большое влияние на известные парижские театры и на постановки. В некоторых из них актеры, в том числе Гарамон, выходили на сцену в военной форме или костюмах официальных лиц. У некоторых театров стали появляться могущественные покровители, к этому благосклонно относилась местная администрация, получавшая специальные указания из Министерства внутренних дел, которое в эпоху Директории возглавлял Франсуа де Нефшато.

¹¹ Guibert N., Razgonnikoff J. Le journal de la Comédie française (1787-1799). La Comédie aux trois couleurs, P., 1989; Daniels B., Razgonnikoff J. Patriotes en scène. Le Théâtre de la République (1790-1799). P., 2007.

¹² Biard M. Collot d'Herbois, légendes noires et révolution. Lyon, 1995.

¹³ Bourdin Ph. Les tribulations patriotiques d'un missionnaire jacobin : Philippe-Antoine Dorfeuille // Cahiers d'histoire de Lyon. 1997. T. 42. N° 2. P. 217-265; Saynètes patriotiques entre ombres et Lumières. Philippe-Antoine Dorfeuille et les héritages des boulevards // Humoresques. 2009. N° 29 : Histoire, humour et caricatures. P. 35-48.

Сама актриса, вдова Филиппа Антуана Дорфейля, одного из глашатаев патриотического театра, убитого в лионской тюрьме в 1795 г., сумела после смерти мужа воспользоваться связями. Испытывая острую нужду и страдая от тяжелой болезни во времена Консульства она, тем не менее, гордилась покровительством Фуше и расположением Франсуа де Нефшато, а в период короткого министерства Карно, во время Ста дней, попыталась получить управление театрами Кана, Руана и Гавра¹⁴.

Пальму первенства долгое время удерживали искушенные политики, променявшие свои дворянские грамоты на революционный театр. В их число входил Рибье, который в эпоху Империи блистал своим актерским мастерством в небольших городах севера Франции. До этого, в период II года Республики он с разрешения муниципальных властей и народных обществ создал в Руане народный театр, пользовавшийся большим успехом. Он любил свою профессию, умел отстаивать свои взгляды и убеждения, что в очередной раз доказал в 1799 г., когда при помощи знакомых из окружения Бонапарта пытался добиться у правительства Директории разрешения на открытие театра в Египте, стремясь тем самым использовать сценическое искусство для пропаганды режима Директории. Однако проект был дорогостоящим и невыполнимым, поэтому о нем вскоре забыли¹⁵.

Попытки пропаганды нового режима и новых властей предпринимались на завоеванных территориях и в дочерних республиках. Распространение репертуара французских театров за пределами Франции играло важную роль в политическом, культурном, идеологическом и лингвистическом отношении. В областях, граничащих с Германией и Италией, необходимо было учитывать особенности местного диалекта, что вынуждало руководство театральных трупп заключать контракты с местными актерами. В этом в очередной раз убедила резкая реакция брюссельской публики в 1792 г. на спектакль с участием Ле Монастье, изо всех сил стремившимся понравиться зрителям¹⁶.

Местные театры активно сопротивлялись насаждению французского языка, вследствие чего установилась традиция предоставлять иностранным актерам во французских спектаклях только второстепенные роли: одним из ярких примеров этого является итальянская опера. Французское присутствие вынуждало театры, находившиеся на завоеванных тер-

¹⁴ A.N. F 17. 1299/E. Lettre de la veuve Dorfeuille au ministre de l'Intérieur, Lazare Carnot, avril 1815.

¹⁵ A.N. F.17. 1216, Lettre de Ribié, entrepreneur de théâtres, au commissaire du gouvernement près le théâtre de la République, frimaire an VIII.

¹⁶ См.: *Markovits R.* Un «empire culturel»? Le théâtre français en Europe au XVIIIe siècle (des années 1730 à 1814). Thèse. Paris I-Panthéon Sorbonne. P., 2010.

риториях в Лозанне и Милане, пересматривать репертуар и включать туда французские постановки¹⁷. Перенимая традиции французского театрального искусства, некоторые театры, такие как «Ла Скала» или «Ла Канобиана», устраивали бесплатные спектакли, показывая тем самым образовательную роль театрального искусства.

Из-за стремительно развивавшихся политических событий и военных кампаний карьера в театральном мире была непредсказуема, некоторым артистам приходилось прерывать контракт по причине воинской повинности. Война беспощадно опустошала многие территории, а иногда лишала и личного имущества. В департаментах Об, Йонна и Верхняя Марна, испытавших на себе военные бедствия, нищету, разрушения, грабежи, театры не могли предложить новые постановки. Осознание ужасов войны побудило молодого горожанина Риома написать своим коллегам, искавшим забвения в светских развлечениях: «Мы пережили уже много несчастий, но мужество и надежда заставят позабыть о наших страданиях. Я хотел бы, чтобы наши родственники и сограждане посещали театры, так как это развлечение, достойное граждан. Играя свою роль в трагедии, я надеюсь, приобрести бесценный опыт, и, несмотря на то, что у нас нет таких учителей, как Корнель, Расин и Вольтер, театральные залы по-прежнему переполнены зрителями»¹⁸.

Таким образом, Революция оказала большое влияние на театры, рассчитанные на разные общественные категории аристократов, горожан, ремесленников, крестьян¹⁹, количество которых во второй половине XVIII в. непрерывно росло. Когда исчезли сословия, существовавшие во времена Старого порядка, ужесточились идеологические и нравственные нормы, театры не ушли в прошлое, а изменили свой статус, из частных они превратились в общественные. Многие члены бывших буржуазных театральных сообществ примкнули к якобинцам, а впоследствии, в 1794 г. перешли на сторону термидорианцев и вновь стали роялистами, по этой причине некоторые театры были закрыты после республиканского переворота 18 фрюктидора пятого года Республики²⁰.

¹⁷ *Joy-Mannucci E.* Les spectacles patriotiques milanais : espaces et conditions de représentation // De la scène au foyer. Décors, costumes et accessoires dans le théâtre de la Révolution et de l'Empire. Clermont-Ferrand, 2010.

¹⁸ *Bouscayrol R.* Deux lettres d'un volontaire riomois à sa mère // Revue d'Auvergne. 1985. N° 2. P. 249-254. Lettre de Gilbert Chabory du 3 nivôse an III (23 décembre 1794).

¹⁹ *Hérelle G.* Les Théâtres ruraux en France. P., 1930.

²⁰ *Plagnol-Dieval M.E.* Madame de Genlis et le théâtre d'éducation au XVIIIe siècle. Oxford, 1997; *Bourdin Ph.* Les théâtres de société sont-ils solubles dans la Révolution? L'exemple de l'Auvergne // Études sur le XVIIIe siècle. N° 33: Les

Изъятие имущества у дворян, лиц духовного сана и эмигрантов позволило на некоторое время сделать более богатыми декорации и театральные костюмы. Возникали любительские театральные сообщества, выступавшие не только в каком-либо департаменте, но и за его пределами, по примеру известных театров в них устанавливались жесткие правила для соблюдения дисциплины и даже вводились штрафы за отсутствие на репетициях. Своим успехом любительские театры смогли затмить некоторые профессиональные, из-за чего последние были вынуждены временно включать в состав своих трупп актеров-любителей, а некоторые актеры-профессионалы, чтобы заработать себе на жизнь, играли сразу в нескольких театрах, как например, в Нанте и Дижоне. Во время Революции был осуществлен проект по созданию школьных театров, организованных на основе светских принципов, при этом одни из них сохранили традиции классического театрального искусства, другие отклонялись от общепринятых норм. Так, во II году Республики, когда Комитет общественного спасения возвел театр в ранг начальной школы для взрослых²¹, театральное объединение «Юных французов» под руководством Леонара Бурдона стремилось воплотить в своих постановках идеи гражданственности, не забывая и о развлекательной стороне театрального искусства. В одном из спектаклей, героями которого являлись сами ученики, они приобщались к жизни в гражданском обществе, на примере небольшой выдуманной республики знакомились с системой правосудия, в специальных ремесленных ателье осваивали профессии булочника, столяра, сапожника, но впоследствии становились скрипачами или хористами²².

Репертуар

С 1790 г. на театральных афишах стали появляться имена писателей и актеров, которых впоследствии обойдут вниманием авторы театральных хрестоматий, поскольку во времена Империи правительство Наполеона всячески старалось вычеркнуть из памяти прошедшее десятилетие. Од, Бефруа де Рени, Шамфор, Шенье, Фабр д'Эглантин, Лайя, Лаужен, Лемерсье, Олимпия де Гуж, Марешаль, Мюрвиль, Пикар, Пиго-Лебрэн,

théâtres de société au XVIIIe siècle. Bruxelles, 2005. P. 157-168; *Idem*. Drama societies in the French Revolution: from Jacobins enthusiasts to royalist amateurs // French History. 2008. Vol. 22. N° 1. P. 3-27; *Idem*. Des manières d'aimer le théâtre sous la Révolution // Studi Francesi. 2013. N°169. P. 5-17.

²¹ Nadeau M. La politique culturelle de l'an II : les infortunes de la propagande révolutionnaire au théâtre // AHRF. 2002. N° 327. P. 57-74.

²² A.N. F 17. 1331B. Rapport des députés de la Commission des Arts [Lindet et Plaichard, N.A.] pour assister aux exercices des Ecoles républicaines de la Société des Jeunes Français, 9 messidor an II (27 juin 1794).

Помпиньи, Ронсен эти новые актеры и актрисы получили известность отчасти благодаря «Комеди Франсез», театра, противостоявшего и нападкам зрителей, и критике городских властей, обвинявших его в симпатии к роялистам, вследствие чего после восстания 10 августа и сентябрьских убийств 1792 г. из репертуара театра пришлось убрать такие спектакли, как «Дидона», «Гофолия», «Меропа», «Охота Генриха IV». Подобная самоцензура еще больше усилилась после процесса над королем, когда зал стал пустеть и доходы театра сократились. Пьесы «Утро хорошенькой женщины» Видже (декабрь 1792 г.) и «Друг законов» Лайя (январь 1793 г.) не принесли успеха, поскольку первую сочли ностальгией по ушедшим временам салонов, а вторую – реакционной, ибо в ней высмеивались Марат и Робеспьер.

Цензура принимала разные формы, иногда она выражалась в спонтанной и оживленной реакции зрителей, а иногда спектакли осуждали сами драматурги или актеры²³. С 1793 г. существовала и цензура со стороны властей, направленная против «спектаклей, развращавших публику и стремившихся пробудить постыдное пристрастие к монархии». После этого декрета из репертуара театров убирали спектакли Корнеля и Расина, главными героями которых были королевы и принцы. Отменялись и некоторые современные спектакли, как, например, «Памела или вознагражденная добродетель» Франсуа де Нефшато, запрещенный 2 сентября по инициативе Колло д'Эрбуа²⁴. «Тимолон» Шенье был приговорен к сожжению за следующую тираду: «Нам нужны короли, но не жертвы. Разве для того, чтобы быть тираном нужно иметь царский венец?»

С января 1794 г. актеры театра «Комеди Франсез» отстаивали проект по созданию педагогического театра, суть которого заключалась в том, чтобы с помощью классических средств ставить спектакли, изображающие сцены из истории Древнего Рима. По инициативе Кутона их предложение вынесли на рассмотрение Конвента, который принял 2 августа 1793 г. специальный декрет. До 14 ноября следующего года должны были быть поставлены три трагедии, посвященные таким героям, как Брут, Вильгельм Телль, Гай Гракх и другие. Данное решение способствовало распространению произведений Вольтера, Лемерсье, Шенье. По ре-

²³ После того как пьесе «Дидона» Леффрана де Помпиньяна (1792) осудили за симпатии к роялистам зрители и городские власти, а также череды после скандалов, связанных с вышеупомянутыми постановками, «Комеди Франсез» пришлось отказаться от некоторых спектаклей. Тем не менее, актеры были заточены в тюрьму 4 сентября 1793 г.

²⁴ Poirson M. Le théâtre sous la Révolution. Politique du répertoire (1789-1799). P., 2008.

комендации Конвента на такие постановки выделялись субсидии, что стало вполне логичным завершением споров о пользе педагогической роли театра, на протяжении многих лет занимавших умы депутатов Национального собрания, членов Комитета общественного спасения, политических клубов и журналистов. В этой связи достаточно упомянуть статьи в *Journal de spectacles* и *Décade philosophique*.

За исключением этих новшеств в театральном мире сохранялся репертуар XVII в.: отдавалось предпочтение, прежде всего, пьесам Мольера²⁵, затем – Расина, или же спектаклям, поставленным еще до 1789 г. по произведениям Кребийона, Мариво, Бомарше; особой популярностью пользовались трагедии Вольтера.

В «Театре Нации», «Театре Республики», «Театре Фейдо» предпочитали вновь и вновь исполнять все те же спектакли, но не ставить новые. Множились переработанные версии старых постановок, в первую очередь по сказкам Шарля Перро и басням Лафонтена («Рауль Синяя Борода» Седена, «Мальчик с пальчик» Кювелье де Три и другие).

Несмотря на то, что, начиная с 1740 г. теоретики драматического искусства высмеивали комический жанр, развлекательная сторона по-прежнему притягивала зрителей. Накануне Революции большим успехом пользовались представления Николе на бульваре Тампль, чьим девизом были слова: «Все острее и острее». В таких спектаклях смешивались различные жанры, отбрасывались каноны, нарушалось правило единства места, времени и действия, использовались элементы как академических постановок, так и ярмарочных балаганов – словом, самые разные средства для того, чтобы развлечь публику или, с помощью простонародных выражений, рассказать о происходивших в то время событиях.

Бульварные театры пришли на смену ярмарочным балаганам²⁶. 873 пьесы, некоторые из них восходили к эпохе Средневековья, были положены на полку. Однако имена шестнадцати из двадцати двух артистов, снискавших себе славу в 1780-х годах, в эпоху Революции по-прежнему можно было увидеть на театральных афишах, в том числе Седена, Ансельма и Ваде. Ярмарочные театры вдохновляли некоторых авторов на создание спектаклей, где встречались импровизации, шутки, каламбуры и остроты, как это было, например, в театре Варьете, где роль Арлекина в 1792 г. исполнял руководитель труппы Анж Лазари (1749-1798), не забывая при этом и о патриотических поста-

²⁵ Leon M. Molière, the French Révolution and the Theatrical Afterlife. Iowa, 2009.

²⁶ Trott D. Théâtre du XVIIIe siècle. Jeux, écritures, regards, Montpellier, 2000 ; Martin I. Le Théâtre de la Foire. Des tréteaux aux boulevards. Oxford, 2002.

новках. Он прославился своей артистической жестикюляцией, красочными костюмами, использованием в ходе спектаклей импровизаций, каламбуров и острот, а также умением обманывать цензоров. Стремление к зрелищности нашло отражение в развитии популярного жанра драматургии – мелодрамы, создателем которого стал бывший дворянин Гильбер де Пиксерекур.

Частой темой театральных спектаклей и оперных постановок была травля главного героя развращенным, испорченным обществом, в конце пьесы героя спасало божественное провидение, и после всех пережитых страданий он находил свою любовь. Первый перевод пьесы Шиллера «Разбойники», сделанный Ля Мартельером, не позволил французской публике по достоинству оценить это произведение. Тем не менее, он способствовал распространению этой пьесы во Франции, познакомив с жанром психологической драмы. Во времена Директории в «Опера комик» ставились спектакли, в которых внутренний мир героев, их душевные страдания, порой заканчивавшиеся самоубийством, выходили на первый план. Однако рождение романтического театра произойдет только в 1830 г. на премьере драмы Гюго «Эрнани», вызвавшей шумный скандал.

Помимо одноактных пьес, написанных на скорую руку специально для вечерних представлений, злободневных комедий, назидательных и трогательных пасторалей, игривых фарсов и пантомим, остроумных пьесок, вошедших в моду в 1795 г., ставились спектакли, целью которых было вызвать у зрителя сильные эмоции, волнение, страх, показать нечто необыкновенное. Чрезмерное употребление эпитетов, характеризовавших такие постановки («трагикомедия», «поэтико-лирическая драма» и многие другие) было своего рода уловкой, чтобы обмануть внимание цензоров. К этому же приему впоследствии, во времена Второй империи, прибегнет и Оффенбах²⁷.

Среди огромного множества постоянно менявшихся сюжетов политическая тематика была далеко не самой популярной. В эпоху Конвента было создано 855 театральных постановок, примерно 500 во II году Республики, из них только 200 носили политический характер²⁸. Шенье удалось после долгих споров, начавшихся по его собственной инициативе, представить в ноябре 1789 г. в качестве образца возвышенных идей

²⁷ Yon J.-Cl. Offenbach l'inclassable : la question des genres // La scène bâtarde, des Lumières au romantisme. P. 198-210.

²⁸ Emmet Kennedy, Marie-Laurence Netter, Theater, Opera and Audience in revolutionary Paris. Analysis and Repertory, Wesport-Londres, 1996; André Tissier, Les spectacles à Paris pendant la Révolution. Répertoire analytique, chronologique et bibliographique, Genève, 1992-2002. 2 vol.

патриотизма свою пьесу «Карл IX», где ответственность за убийства Варфоломеевской ночи возлагалась на монарха и церковь, а не на парижский люд. Шенье в некотором роде поставил точку в начавшемся после представления «Семирамиды» в 1748 г. споре об общественной значимости исторической драматургии, в котором принимал участие Вольтер, а затем Дидро и Мерсье²⁹.

Активно обсуждался и вопрос о правдоподобности ситуаций и костюмов. Ответить на него в духе неоклассицизма отчасти удалось Тальма и Ляриву, представшим перед зрителем в римских тогах, а также де Шарнуа в своей работе «Исследование о костюмах и театрах всех народов». Постановки массовок, спектакли в Руане и Париже, целью которых было воспитать чувство патриотизма³⁰, не обходились без участия простых людей, и требовали исторической достоверности. В конце 1760-х гг. Лемьер в своем «Вильгельме Телле» смог использовать толпу на сцене, превратив ее в непосредственную участницу событий, и, тем самым, возвысив над самой собой. После этого пьеса стала пользоваться еще большим успехом и вдохновила Седена и Гретри на создание одноименной оперы, где намеренно подчеркивалась роль толпы. Однако исторические постановки не всегда являлись средством воспитания высоких патриотических чувств. Востребованная в то время история Древней Греции, переписанная и адаптированная к французской реальности, предоставляла возможность задуматься о сущности политических режимов, а также заклеймить тиранию и ужасы войны, как например, в произведениях Кальява д'Эстанду, Луче де Лансиваля и других³¹. В то время популярными историческими персонажами являлись Генрих IV и Кромвель, считавшийся воплощением авторитаризма³².

²⁹ Walton Ch. Charles IX and the French Revolution : Law, Vengeance, and the Revolutionary Uses of History // European Review of History. 1997. N° 2. P. 127-146; Bourdin Ph. Du théâtre historique au théâtre politique: la régénération en débat (1748-1790) // Parlement(s). Revue d'histoire politique. 2012. Mai : Théâtre et politique; Idem. 1789: le comique est-il au rendez-vous de l'Histoire? // Écrire l'histoire. 2012. Printemps.

³⁰ Metha I. La chronique théâtrale comme instrument de l'éducation patriotique à Rouen (1792-1799) // La Révolution française : la guerre et la frontière. P., 2000. P. 355-362.

³¹ См.: Vilatte S. L'Antiquité grecque dans le théâtre de la République directoriale: les régimes politiques // La République directoriale. Clermont-Ferrand, 1998. T. 2. P. 611-634; Carré R. L'image de la Rome antique sur les scènes parisiennes de 1791 à 1804 // Ibid. P. 635-662; Mossé Cl. L'Antiquité dans la Révolution française. P., 1989. P. 61 et sqtes.

³² Figures de l'histoire de France dans le théâtre au tournant des Lumières (1760-1830). Oxford, 2007; Barny R. Le personnage de Cromwell dans le théâtre de l'époque révolutionnaire // La Révolution française : la guerre et la frontière. P. 507-521.

На смену историческим спектаклям вскоре пришли постановки, посвященные современным событиям, и, в первую очередь, взятию Бастилии, большое значение которому придавали непосредственные или предполагаемые участники штурма. Публике, благодаря игре актеров, предоставлялась возможность увидеть его вновь своими глазами. На таких спектаклях среди зрителей можно было встретить известных героев Сент-Антуанского предместья гренадера Арне и часовщика Юмбера, приглашенных для того, чтобы подтвердить достоверность происходящего на сцене действия.

В 1790-1791 гг. драматурги заодно с карикатуристами боролись за отмену монашеского обета³³, их пьесы знакомили непосвященную публику со скрытой от посторонних глаз жизнью в монастыре, изобличая монашеские уставы, которые, как они полагали, угрожали как личной свободе, так и национальной идее. В качестве примера можно привести такие пьесы, как «Обитель» Ложена (апрель 1790 г.), «Ужасы монастыря» Анри Бертон (август 1790 г.), «Жертвы затворнической жизни» Монвеля (март 1791 г.), «Обитель или вырванное признание» Олимпии де Гуж (октябрь 1790 г.), «Фенелон или монахини Камбре» Шенье (февраль 1793 г.), «Драконы и Бенедектинцы» Пиго-Лебрена, «Визитандинки» Пикара и Девьена. Успех последней оперы вдохновил на создание пародии непристойного содержания под названием «Путаны-затворницы», подобные пьесы использовались для обличения Марии-Антуанетты и ее фаворитов³⁴.

В 1793 г. в театральные постановки нашли отражение новые республиканские традиции, а главными действующими лицами опер и спектаклей стали герои Республики, погребенные в Пантеоне: Марат, Виала, Бара и другие, им всем воздавались почести на театральных подмостках. Среди других сюжетов наиболее распространенными были борьба политических клик, отмена рабства в колониях, и, в особенности, война, всеобщая мобилизация и победы республиканских войск³⁵.

³³ См.: Bérard S.J. Le théâtre révolutionnaire de 1789 à 1794. La déchristianisation sur les planches. P., 2009.

³⁴ Descente de la Dubarry aux Enfers et sa réception à la cour de Pluton par la femme Capet. P., 1793.

³⁵ Lüzebrink H.J. Événement dramatique et dramatisation théâtrale : la prise de la Bastille sur les tréteaux français et étrangers // AHRF. 1989. P. 337-355; Bianchi S. Le théâtre en l'an II : culture et société sous la Révolution // AHRF. 1989. P. 417-432; Halperin J.Cl. L'esclavage sur la scène révolutionnaire // AHRF. 1993 P. 409-420; Bourdin Ph. Adultérins et orphelins : les joies de l'adoption selon le théâtre de la Révolution // Relations familiales entre générations sur les scènes européennes (1750-1850). Clermont-Ferrand, 2012; Idem. Les apothéoses théâtrales des héros de la Révolution (1791-1794) // Héros et héroïnes de la Révolution française. P., 2012; Sheu

В пьесах идеализировался образ павшего на поле брани солдата, защищавшего свою отчизну, с которой его связывали узы более прочные, чем узы кровного родства, однако авторы при этом не забывали показать и суровые испытания военных лет. При создании таких постановок выработался целый ряд правил: обязательное присутствие женщины, ее образ вобрал в себя черты народной героини, матери, приносящей жизнь своего сына на алтарь отечества, прославление мужественности и самоотречения военных, их доблести, жажды жизни, стремления разделить свои чувства со своими собратьями³⁶.

В противоположность традициям, заложенным Дидро и другими теоретиками драматического искусства, в спектаклях, имевших политическую направленность, не было пауз и ретардаций. События развивались стремительным образом, в них подчеркивалось значение масс, а специально отобранные эпизоды иллюстрировали бытовые сцены из жизни общества, напоминая известные гравюры Грёза³⁷. В таких постановках на сцену выходили ораторы, народные представители, мэры, офицеры, учителя, юре-патриоты, или простые отцы и матери семейств. Они произносили оправдательные, хвалебные, прославляющие речи, превращали то или иное событие в легенду, стремились поделить своим героизмом с публикой, внушая ей свои чувства. Посвящая пьесы недавним событиям, авторы нередко злоупотребляли большим количеством ярких риторических персонажей. Определение этому явлению дал еще в 1730 г. Дюмарсе в произведении «Тропы или различные значения»: «Факты, о которых рассказывают, многие изображают так, словно они и в действительности были их очевидцами, и тем самым, в некотором роде, выдают копию за оригинал»³⁸.

Насыщенная разнообразными событиями политическая жизнь французской Республики оказывала огромное влияние на театральные постановки, многие из которых при попустительстве правительства времен Термидора и Директории, долгое время оставались местом для ведения многочисленных политических споров.

На героические поступки во имя отчизны некоторых зрителей воодушевляли вымышленные персонажи Жозефа Ода, пацифиста по своей на-

L.-L. Voltaire et Rousseau dans le théâtre de la Révolution française (1789-1799) // *Études sur le XVIIIe siècle*. N° 11. Bruxelles, 2005.

³⁶ Joy-Manucci E. Il patriota e il vaudeville. Teatro, pubblico e potere nella Parigi della Rivoluzione. Naples, 1998.

³⁷ Frantz P. L'esthétique du tableau dans le théâtre du XVIIIe siècle. P., 1998.

³⁸ Négrel É. Le théâtre au service de la Révolution : une rhétorique de l'éloge // *Négrel É., Sermain J.-P. Une expérience rhétorique. L'éloquence de la Révolution*. Oxford, 2002. P. 153-155.

туре. Он не терпел выскочек, игроков, людей, жаждавших наживы. Его пьесам рукоплескали и в «Опера комик», и на бульварах, так как в них нередко встречались простонародные выражения. Иногда даже сам автор восхищался своими произведениями, поскольку они позволяли ему путешествовать в воображаемом, созданном им самим пространстве. Од высмеивал «романы ужасов», зарождающийся жанр мелодрам, не признавал манеру громко декламировать стихи³⁹. В противоположность общепринятым театральным нормам того времени, в его сочинениях Арлекин⁴⁰ препятствовал духовному обновлению личности, изгнанию из общества щеголей и придворных.

Помимо пьес Ода публике также нравились постановки, в которых показывалось искусство осады городов, использовались разного рода технические приспособления. Зрители также любили утопии, вымышленные истории, в которых предсказывалось будущее и дальнейшие политические события: «Никодема на Луне» Беффруа де Реньи по прозвищу кузен Жак (1790), «Пробуждение Эпимениды» Флена-дез-Оливье (1790), «Последний суд королей» Сильвена Марешаля (1793).

В «Театр Сите» флаги и плакаты помогали сделать более выразительными мелодрамы и пантомимы Кювелье де Три, сцена и декорации, на которых были вывешены ленты со словами персонажей, подчеркивали эмоциональность произведений, помогали в лаконичной форме сформулировать их мораль (величие, добродетель, справедливость, любовь, супружество). С этой целью также использовались лозунги, например: «Воздадим почести защитникам отечества», «Народ – суверен» и другие⁴¹.

Оружейные выстрелы, залпы, канонады, набат, крики, звуки разбитого стекла явились новшеством в спектаклях, создававшихся во имя нации. Визуальное воздействие происходило при помощи картин и гравюр, которые служили напоминанием о первых днях Республики, цвета национального флага присутствовали повсюду: на кокардах, костюмах, мебели и внутреннем убранстве⁴². Претерпели изменения даже декорации классических постановок: пейзажи, крестьянские дома, укрепленные

³⁹ *Loubinoux G. Les figures du théâtre de Joseph Aude // La Révolution française et les arts de la scène*. P. 419-438.

⁴⁰ *Nadeau M. Présence d'Arlequin sous Robespierre // La Révolution française et les arts de la scène*. P. 313-326.

⁴¹ *Robardey-Epstein S. Décors et accessoires dans les didascalies de J.G.A. Cuvelier de Trie : écriture du spectaculaire et spectacle de l'écrit // Costumes, décors et accessoires dans le théâtre de la Révolution et de l'Empire*. P. 105-128.

⁴² *Le Borgne F. La mise en scène des symboles de la Révolution. Décors domestiques, accessoires, costumes // Ibid.* P. 183-197.

замки, салоны. Особый интерес вызывала жизнь в тюрьмах (на сцене нередко можно было увидеть вообразимые интерьеры Бастилии), в монастырских обителях, в революционных комитетах. «Драмы спасения» хотя и ушли в прошлое во времена Директории, стали символом сопротивления угнетению. Одним из известных героев таких произведений был де Канж, который служил рассыльным в тюрьме Сан-Лазар и прославился тем, что помогал узникам в эпоху Террора. Многим новоявленным революционерам пришлось не по душе подобные напоминания, и такие спектакли перестали ставиться в эпоху Директории, когда в моду стали входить постановки, отличавшиеся напыщенным, манерным стилем⁴³.

Будучи на службе обстоятельств и политической пропаганды, этот театр не являлся примером драматического мастерства и быстро исчез, отчаянно пытаясь приспособиться к изменчивому общественному мнению, стремительно развивавшимся событиями, политической борьбе. С резкой критикой на патриотический театр обрушились реакционные драматурги (Дюкансель, Фенуль, Марзолье де Виветьер). Лагарп изобличал «лингвистический фанатизм», смешение жанров и стилей, характерное для революционной эпохи, особенно для произведений Анахарсиса Клоотса, считавшего утопичной саму идею донести идеи высокого искусства до народных масс⁴⁴.

Критики не щадили и зрителей, разделявших подобные настроения и отличавшихся воинственным патриотизмом⁴⁵, они также сожалели о демократизации театральной публики и отмене разграничений между жанрами, что, по их мнению способствовало вырождению театрального искусства. Их противники, напротив, считали, что смешение жанров воспитывает у зрителей хороший вкус, борется с академизмом и классицизмом. Власти также предостерегали против подобной демократизации театра, неоднократно высказывая свои опасения. В самый разгар борьбы против секций Комитет общественного спасения в докладе от 29 июня 1794 г. хотел положить конец народному театру и выступил против «эбуртизма в

⁴³ Bourdin Ph. Le brigand caché derrière les tréteaux de la Révolution. Traductions et trahisons d'auteurs // AHRF. 2011. N° 2. P. 51-84.

⁴⁴ Cloots A. Écrits révolutionnaires (1790-1794). P., 1979. P. 638.

⁴⁵ Biard M. De la critique théâtrale ou la conquête de l'opinion // AHRF. 1995. P. 529-538; *Idem*. Thalie et Melpomène face à leurs juges (la critique théâtrale sous le Directoire) // La République directoriale. T. 2. P. 663-678; *Idem*. C'était dans le journal pendant la Révolution française ou la chronique théâtrale de la *Chronique de Paris* (août 1789 – juin 1791) // La plume et le sabre. Hommages offerts à Jean-Paul Bertaud. P., 2002. P. 135-146; Bourdin Ph. Fabien Pillet ou la critique du goût bourgeois au théâtre, de la Révolution à la Restauration // Costumes, décors et accessoires. P. 105-128.

искусстве». В 1798 г. Совет Директории для предотвращения упадка драматического искусства предложил принять закон о количестве театров и их репертуаре. Ярый сторонник патриотического театра, член Комитета народного просвещения, в компетенцию которого входило решение подобных вопросов, Мари-Жозеф Шенье, еще больше разжигал подобные споры. Он осуждал закон, принятый 13 января 1791 г. и предлагал щедро вознаградить тех, кто «служил делу свободы»⁴⁶. Эти дебаты широко освещались в *Journal de Paris* и *Décade philosophique*. Они так ничем и не завершились, но постепенно готовили почву для возвращения к общепринятым канонам театрального искусства в 1806-1813 гг.

Список литературы

- Archives Nationales. F 17. 1216. Lettre de Ribié, entrepreneur de théâtres, au commissaire du gouvernement près le théâtre de la République, frimaire an VIII.
- Archives Nationales. F 17. 1299/D. Lettre d'Émilie Baudin au ministre de l'Intérieur, s.d. [1807].
- Archives Nationales. F 17. 1299/D. Mémoire d'Astley pour le ministre de l'Intérieur, l'abbé de Montesquiou, s.d. ; Lettre de John Astley fils au duc de Berry, 21 juillet 1814; lettre du 2 août 1814 des frères Franconi au ministre de l'Intérieur.
- Archives Nationales. F 17. 1299/E. Lettre de Boirie au ministre de l'Intérieur, depuis Paris (24, rue Notre-Dame de Nazareth), 26 juin 1816.
- Archives Nationales. F 17. 1299/E. Lettre de la veuve Dorfeuille au ministre de l'Intérieur, Lazare Carnot, avril 1815.
- Archives Nationales. F 17. 1299/E. Lettres au roi, au comte d'Artois, à la duchesse d'Angoulême, et au ministre de l'Intérieur, s.d. [1815].
- Archives Nationales. F 17. 1331B. Rapport des députés de la Commission des Arts [Lindet et Plaichard, N.A.] pour assister aux exercices des Écoles républicaines de la Société des Jeunes Français, 9 messidor an II (27 juin 1794).
- Barny R. Le personnage de Cromwell dans le théâtre de l'époque révolutionnaire // La Révolution française : la guerre et la frontière. P., 2000.
- Berard S.J. Le théâtre révolutionnaire de 1789 à 1794. La déchristianisation sur les planches, P.: Presses universitaires de Paris-Ouest, 2009.

⁴⁶ Chénier M.-J. Motion d'ordre sur les théâtres / Conseil des Cinq-Cents, 26 brumaire an VI (16 novembre 1797).

- Bianchi S.* Le théâtre en l'an II : culture et société sous la Révolution // AHRF. 1989.
- Biard M.* C'était dans le journal pendant la Révolution française ou la chronique théâtrale de la Chronique de Paris (août 1789 – juin 1791) // La plume et le sabre. Hommages offerts à Jean-Paul Bertaud. P.: Publications de la Sorbonne, 2002.
- Biard M.* Collot d'Herbois, légendes noires et révolution. Lyon : Presses Universitaires de Lyon, 1995.
- Biard M.* De la critique théâtrale ou la conquête de l'opinion // AHRF. 1995.
- Biard M.* Thalie et Melpomène face à leurs juges (la critique théâtrale sous le Directoire) // La République directoriale. Clermont-Ferrand: Presses universitaires Blaise-Pascal, 1998. T. 2.
- Bourdin Ph.* 1789 : le comique est-il au rendez-vous de l'Histoire ? // Écrire l'histoire. 2012. Printemps.
- Bourdin Ph.* Adultérins et orphelins : les joies de l'adoption selon le théâtre de la Révolution // Relations familiales entre générations sur les scènes européennes (1750-1850). Clermont-Ferrand : Presses universitaires Blaise-Pascal, 2012.
- Bourdin Ph.* Des manières d'aimer le théâtre sous la Révolution // StudiFrancesi. 2013. N°169.
- Bourdin Ph.* Drama societies in the French Revolution : from jacobin enthusiasts to royalist amateurs // French History. 2008. Vol. 22. N° 1.
- Bourdin Ph.* Du théâtre historique au théâtre politique : la régénération en débat (1748-1790) // Parlement(s). Revue d'histoire politique. 2012. Mai: Théâtre et politique.
- Bourdin Ph.* Fabien Pillet ou la critique du goût bourgeois au théâtre, de la Révolution à la Restauration // Costumes, décors et accessoires dans le théâtre de la Révolution et de l'Empire. Clermont-Ferrand: Presses universitaires Blaise-Pascal, 2010.
- Bourdin Ph.* L'économie du Théâtre de la République et des Arts sous le Directoire // Diversité et modernité du théâtre du XVIIIe siècle . P.: Hermann, 2014.
- Bourdin Ph.* Le brigand caché derrière les tréteaux de la Révolution. Traductions et trahisons d'auteurs // AHRF. 2011. N° 2011.
- Bourdin Ph.* Les apothéoses théâtrales des héros de la Révolution (1791-1794) // Héros et héroïnes de la Révolution française. P.: CTHS, 2012.
- Bourdin Ph.* Les théâtres de société sont-ils solubles dans la Révolution? L'exemple de l'Auvergne // Études sur le XVIIIe siècle. N° 33. Bruxelles: Éditions de l'Université libre de Bruxelles, 2005.

- Bourdin Ph.* Les tribulations patriotiques d'un missionnaire jacobin: Philippe-Antoine Dorfeuille // Cahiers d'histoire de Lyon. 1997. T. 42. N° 2.
- Bouscayrol R.* Deux lettres d'un volontaire riomois à sa mère // Revue d'Auvergne. 1985. N° 2.
- Brown G.* A Field of Honor: Writers, Court Culture and Public Theater in French Literary Life from Racine to the Revolution, New-York, Columbia University Press, 2002.
- Carre R.* L'image de la Rome antique sur les scènes parisiennes de 1791 à 1804 // La République directoriale. T. 2. Clermont-Ferrand : Presses universitaires Blaise-Pascal, 1998.
- Chenier M.-J.* Motion d'ordre sur les théâtres. P.: Conseil des Cinq-Cents, 26 brumaire an VI (16 novembre 1797).
- Cloots A.* Écrits révolutionnaires (1790-1794). P.: Champ libre, 1979.
- Costumes, décors et accessoires dans le théâtre de la Révolution et de l'Empire. Clermont-Ferrand: Presses universitaires Blaise-Pascal, 2010.
- Daniels B., Razgonnikoff J.* Patriotes en scène. Le Théâtre de la République (1790-1799). P.: Artlys, 2007.
- Darlow D.* Staging the French Revolution. Cultural Politics and the Paris Opera, 1789-1794. Oxford: Oxford University Press, 2012.
- Descente de la Dubarry aux Enfers et sa réception à la cour de Pluton par la femme Capet. P.: Galetti, 1793.
- Di Profio A.* La révolution des Bouffons. L'opéra italien au Théâtre de Monsieur (1789-1792), P.: CNRS-Éditions, 2003.
- Figures de l'histoire de France dans le théâtre au tournant des Lumières (1760-1830). Oxford : Voltaire Foundation, 2007.
- Frantz P.* L'esthétique du tableau dans le théâtre du XVIIIe siècle. P.: PUF, 1998.
- Frantz P., Sajous D'Orla M.* Le siècle des théâtres. Salles et scènes en France (1748-1807). P.: Bibliothèque Historique de la Ville de Paris, 1999.
- Friedland P.* Political Actors : Representative Bodies and Theatricality in the Age of the French Revolution. N.-Y., L. : Cornell University Press, 2002.
- Garbagnati L., Gilli M.* Théâtre et Révolution. Besançon : Presses universitaires de Franche-Comté, 1989.
- Guibert N., Razgonnikoff J.* Le journal de la Comédie française (1787-1799). La Comédie aux trois couleurs. P.: Maury, 1989.
- Halperin J.-Cl.* L'esclavage sur la scène révolutionnaire // AHRF. 1993.
- Hérelle G.* Les Théâtres ruraux en France. P.: Champion, 1930.
- Joy-Mannucci E.* Les spectacles patriotiques milanais: espaces et conditions de représentation // De la scène au foyer. Décors, costumes et accessoires

- dans le théâtre de la Révolution et de l'Empire. Clermont-Ferrand : Presses universitaires Blaise-Pascal, 2010.
- Joy-Manucci É.* Il patriota e il vaudeville. Teatro, pubblico e potere nella Parigi della Rivoluzione. Naples : Vivarium, 1998.
- La Carmagnole des Muses. L'homme de lettres et l'artiste dans la Révolution. P.: A. Colin, 1988.
- La Révolution française et les arts de la scène. Clermont-Ferrand : Presses universitaires Blaise-Pascal, 2004.
- La scène bâtarde, des Lumières au romantisme. Clermont-Ferrand: Presses universitaires Blaise-Pascal, 2004.
- Le Borgne F.* La mise en scène des symboles de la Révolution. Décors domestiques, accessoires, costumes // Costumes, décors et accessoires dans le théâtre de la Révolution et de l'Empire. Clermont-Ferrand: Presses universitaires Blaise-Pascal, 2010.
- Leon M.* Molière, the French Revolution and the Theatrical Afterlife. Iowa City: University of Iowa Press, 2009.
- Les théâtres de société au XVIIIe siècle // Études sur le 18e siècle. N° 33. Bruxelles: Éditions de l'Université de Bruxelles, 2005.
- Letzter J., Adelson R.* Women writing Opera. Creativity and Controversy in the Age of the French Revolution. Berkley: University of California Press, 2001.
- Loubinoux G.* Les figures du théâtre de Joseph Aude // La Révolution française et les arts de la scène. Clermont-Ferrand: Presses universitaires Blaise-Pascal, 2004.
- Lüzebrink H.-J.* Événement dramatique et dramatisation théâtrale : la prise de la Bastille sur les tréteaux français et étrangers // AHRF. 1989.
- Markovits R.* Un « empire culturel » ? Le théâtre français en Europe au XVIIIe siècle (des années 1730 à 1814). Thèse. P. : Paris I-Panthéon Sorbonne, 2010.
- Martin I.* Le Théâtre de la Foire. Des tréteaux aux boulevards. Oxford : Voltaire Foundation, 2002.
- Maslan S.* Resisting Representation: Theater and Democracy in Revolutionary France // Représentations. 1995. N° 52.
- Maslan S.* Revolutionary Acts. Theater, Democracy, and the French Revolution. Baltimore: The John Hopkins University Press, 2005.
- Metha I.* La chronique théâtrale comme instrument de l'éducation patriotique à Rouen (1792-1799) // La Révolution française: la guerre et la frontière. P.: CTHS, 2000.
- Mossé Cl.* L'Antiquité dans la Révolution française. P.: A. Michel, 1989.

- Nadeau M.* La politique culturelle de l'an II: les infortunes de la propagande révolutionnaire au théâtre // AHRF. 2002. N° 327.
- Nadeau M.* Présence d'Arlequin sous Robespierre // La Révolution française et les arts de la scène. Clermont-Ferrand : Presses universitaires Blaise-Pascal, 2004.
- Negrel É.* Le théâtre au service de la Révolution : une rhétorique de l'éloge // Negrel É., Serman J.-P. Une expérience rhétorique. L'éloquence de la Révolution. Oxford : Voltaire Foundation, 2002.
- Plagnol-Dieval M.-E.* Madame de Genlis et le théâtre d'éducation au XVIIIe siècle, Oxford : Voltaire foundation, 1997.
- Poirson M.* Le théâtre sous la Révolution. Politique du répertoire (1789-1799). P: Desjonquères, 2008.
- Radiccio G., Sajous D'Oria M.* Les théâtres de Paris pendant la Révolution. Fasano: Elemond periodici, 1990.
- Ravel J.S.* Le théâtre et ses publics: le parterre à Paris au XVIIIe siècle // Revue d'histoire moderne et contemporaine. 2002. Juillet-septembre.
- Ravel J.S.* The Contested Parterre: Public Theater and French political Culture (1680 1791). N.-Y.: Cornell University Press, 1999.
- Robardey-Epstein S.* Décors et accessoires dans les didascalies de J.G.A. Cuvelier de Trie: écriture du spectaculaire et spectacle de l'écrit // Costumes, décors et accessoires dans le théâtre de la Révolution et de l'Empire. Clermont-Ferrand: Presses universitaires Blaise-Pascal, 2010.
- Rougemont M., de.* La vie théâtrale en France au XVIIIe siècle. P.: Champion, 1988.
- Sajous D'Oria M.* Bleu et or. La scène et la salle en France au temps des Lumières (1748-1807). P.: CNRS-Éditions, 2007.
- Saynètes patriotiques entre ombres et Lumières. Philippe-Antoine Dorfeuille et les héritages des boulevards // Humoresques. 2009. N° 29.
- Sheu L.-L.* Voltaire et Rousseau dans le théâtre de la Révolution française (1789-1799) // Études sur le XVIIIe siècle. Hors-série. N° 11. Bruxelles : Éditions de l'Université libre de Bruxelles, 2005.
- Tarin R.* Le théâtre de la Constituante ou l'école du peuple. P: Honoré Champion, 1998.
- Trott D.* Théâtre du XVIIIe siècle. Jeux, écritures, regards. Montpellier: L'Entretemps, 2000.
- Usandivaras M.* Le théâtre de la Révolution française. Étude analytique, historique et sono-critique (1789-1799). Thèse de doctorat. P.: Paris I-Sorbonne. 1996.

Vilatte S. L'Antiquité grecque dans le théâtre de la République directoriale: les régimes politiques // La République directoriale. T. 2. Clermont-Ferrand: Presses universitaires Blaise-Pascal, 1998.

Walton Ch. Charles IX and the French Revolution: Law, Vengeance, and the Revolutionary Uses of History // European Review of History. 1997. N° 2.

Yon J.-Cl. Offenbach l'inclassable : la question des genres // La scène bâtarde, des Lumières au romantisme. Clermont-Ferrand: Presses universitaires Blaise-Pascal, 2004.

***Bourdin Ph.* Theatre and Revolution: an open scene for historiography**

Despite of many various works devoted to the theatre at the time of the French Revolution, we have no yet a comprehensive study of the theatre audience of that time. This audience was composed by numerous groups of amateurs of dramatic art belonging to various social strata. The Revolution caused some considerable changes in theatrical performances, administration of theatrical companies, repertoires, decoration and the life of the actors. The outstanding characteristic of the theatre world at this time was its politicization. Revolutionary authorities used the dramatic art to defend and advocate a new regime not only in France but also in Europe, especially in Italy.

Keywords: history, the French Revolution, theatre, dramatic art.

ИСТОРИОГРАФИЯ

У. Доил*

ВСЁ ЕЩЕ В ТЕНИ БЁРКА И ДИККЕНСА? СОВРЕМЕННАЯ БРИТАНСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Автор статьи дает общий обзор развития британской историографии Французской революции XVIII в. за четверть века, прошедшие после 200-летнего юбилея этого события. Оценивая достижения соотечественников в развитии этого направления исторических исследований, он особо выделяет такую специфическую черту британских ученых, как приверженность эмпиризму. В отличие от американских и французских коллег, англичане оказались гораздо менее восприимчивы к модным веяниям в историографии, вызванным к жизни «лингвистическим поворотом». Для британского историка по-прежнему важнее знать то, как произошло то или иное событие в прошлом, нежели то, как воспринимали его современники.

Ключевые слова: историография, Великобритания, Французская революция XVIII в., эмпирицизм.

Англоязычная историография Французской революции за те 25 лет, что предшествовали двухвековому юбилею этого события, отличалась ожесточенными спорами практически по всем аспектам. Публикация в 1964 г. книги «Социальная интерпретация Французской революции» Альфреда Коббена¹ породила новое поколение исследований и трактовок – направление, вскоре названное «ревизионистским», которое бросило вызов большинству устоявшихся идей, доминировавших в историографии Революции со времен Жореса и Матьеза. Потребовалось некоторое время, прежде чем эти дебаты вызвали интерес и во Франции, однако в Великобритании и в Америке они сделали изучение Революции одной из самых увлекательных областей исторического знания.

* Уильям Доил, почетный профессор Бристольского университета (Великобритания).

¹ Cobban A. The Social Interpretation of the French Revolution. Cambridge, 1964. New ed. with introd. by Gwynne Lewis -1999.

Тем не менее, историк, добившийся наибольшего успеха среди всего того потока англоязычных сочинений, которым в 1989 г. ознаменовался 200-летний юбилей Революции, отнюдь не участвовал в спорах ученых предыдущего поколения. Саймон Шама проводил свои исследования на соискание докторской степени в Кембридже, хотя и по периоду Французской революции, но в основном по истории голландской Республики, а не самой Франции. И после публикации в 1978 г. расширенной версии своей диссертации продолжал писать на голландскую тематику. Однако за несколько лет до 200-летнего юбилея ему заказали обобщающую работу по Революции, которая появилась в июле 1989 г. С момента выхода эта книга² мгновенно стала бестселлером. Она называлась «Граждане», имела тщательно продуманное оформление и, судя по подзаголовку «Хроники Французской революции», предполагала отказ от каких-либо общих интерпретаций, ограничиваясь простым нарративом, рассчитанным на широкого читателя. Несомненно, это довольно подробное повествование: из 875 страниц надо прочитать 332, чтобы добраться только до созыва Генеральных штатов. Правда, количество проданных экземпляров показывает, что читателям такой подход понравился. Несмотря на внешнюю простоту, всё повествование подчинено определенной концепции, опирающейся на те представления о Французской революции, которые уже есть у англоязычной аудитории. У Шамы Революция – это движение, которому имманентно свойственны жестокость и террор. Наибольшую известность получила такая фраза из его книги: «1794 год был точно таким же, как 1789-й, но лишь с большим количеством трупов». Мысль, которую еще во время Революции высказал англоязычным читателям Эдмунд Бёрк, позднее развил и увековечил в художественной форме Чарльз Диккенс, а затем вновь с удовольствием для себя открыли Англия Маргарет Тэтчер и Америка Рональда Рейгана, состояла в том, что всякая революция – это опасная ошибка, неизменно влекущая за собой потоки крови и насилия, и что мирная эволюция по-англосаксонски гораздо предпочтительнее. Вспомним, что Тэтчер, прибыв в Париж на празднование 200-летия Революции, подарила Франсуа Миттерану «Повесть о двух городах» Диккенса...

В англоязычном мире всегда удивляются, когда узнают, что знаменитая книга Шамы не переведена на французский язык. А зачем? Хроника событий Революции французам и так хорошо известна. А в части интерпретации книга не сильно отличается от трактовки Франсуа Фюре, который тоже считал, что террор с самого начала был предопределен

² Schama S. Citizens. A Chronicle of the French Revolution. L., 1989.

логикой Революции. И даже вывод Шамы о том, что террор сам по себе неотъемлемая часть Революции, вполне соответствовал еще более давней французской историографической традиции, восходящей к Матье-зу, согласно которому, истинная Революция закончилась вместе с Террором, ибо после этого прекратилось какое-либо ее существенное развитие. Впрочем, имелась и вполне объективная причина, почему историю Революции Шама закончил Термидором: книга должна была появиться строго в 1989 г., но, работая над ней, автор не уложился в срок. Это действительно так. Отсюда и несбалансированность текста. Тем не менее, закончить именно Термидором было вполне логично, учитывая ту центральную роль, которая отведена Террору в версии автора.

Случай с Шамой заставляет меня сделать некоторые оговорки относительно содержания моей статьи. Я собираюсь сделать обзор именно британской историографии Революции, а не англоязычной вообще. Однако не подлежит сомнению то, что в наши дни большинство англоязычных авторов, пишущих на эту тему, – американцы. Шама – англичанин, но он провел большую часть своей научной карьеры в Америке. Так же, как и многие другие, в том числе Кит Бейкер или Джонатан Израэль, которые написали свои наиболее значительные труды, работая в американских учреждениях. Можем ли мы считать их творчество частью британской историографии? Методология Бейкера в его многочисленных и важных работах³ и Израэля в его недавней большой книге о революционных идеях⁴ связана скорее с американскими традициями, нежели с британскими. Центральное место в этих трудах занимают идеи и язык в их историческом развитии, что полностью соответствует тем веяниям, которые мы сегодня определяем как «лингвистический поворот» или даже «культурный перелом» в исторических исследованиях. Для британской же историографии характерно обилие более традиционных категорий экономического и социального анализа, эпистемологические недостатки которого были выявлены учеными ревизионистской волны накануне 200-летнего юбилея. Американцы (и даже французы!) оказались гораздо лучше британцев – во всяком случае, тех, кто остался по эту сторону Атлантики – подготовлены к тому, чтобы принять подобный возврат к проблематике, ранее являвшейся предметом интеллектуальной истории или истории идей. Можно вспомнить знаменитое изречение о том, что Великобритания и Америка – это две страны, разделенные об-

³ См., например: Baker K. M. Inventing the French Revolution. Cambridge, 1990.

⁴ Israel J. Revolutionary Ideas. An intellectual history of the French Revolution from the Rights of Man to Robespierre. Princeton, 2014.

щим языком. А уж что говорить о британцах, которые публиковали свои исследования на французском языке? Здесь, прежде всего, вспоминается Родни Дж. Дин, чьи пространные труды по истории конституционной церкви расширяют наши знания и меняют наши представления о теме, столь долго находившейся в небрежении⁵.

Несмотря на господствующее положение интеллектуальной истории за океаном, стоит, тем не менее, отметить и два важных вклада в нее британских исследователей. В 2001 г. Мариса Линтон выпустила книгу о добродетели и политике Франции эпохи Просвещения⁶, а ранее написала серию статей об идее добродетели во время Революции. Самая известная доктрина добродетели, конечно, принадлежит Робеспьеру; и он, и его идеи занимают центральное место в последней книге Линтон, вышедшей в 2013 г.⁷ Там она показала, как представления революционных политиков о добродетели привели их к принесению в жертву террору даже своих самых близких друзей.

Еще более значительный вклад в историографию вносят исследования Саймона Бёрроуза⁸, который посвятил множество книг переоценке роли литературного андеграунда дореволюционной Франции - среде, около пятидесяти лет назад исследованной впервые американцем Робертом Дарнтоном (который, впрочем, защищал диссертацию в Оксфорде) и освещенной в бесчисленном множестве других работ. Многие американские историки пошли по его стопам, утверждая, что монархия Старого порядка была подорвана, а, по мнению некоторых, даже десакрализована, целым рядом порнографических пасквилей. Не сомневаюсь, что им было очень интересно в ходе исследований читать эти сочинения. Однако важный вклад Бёрроуза состоит в демонстрации того, что большинство пасквилей, о которых идет речь, появилось на свет не до Революции, а уже после 1789 г., то есть после введения свободы прессы. Еще удивительнее то, что он смог доказать: некоторые из наиболее цитируемых пасквилей так и остались неизданными, а французское правительство платило авторам, находившимся в изгнании в Англии, за то, чтобы их не публиковать. Тем не менее, после 1989 г. историки культуры с энтузиазмом восприняли идею, что падение Людовика XVI и Марии-Ан-

⁵ *Dean R. J. L'Eglise constitutionnelle, Napoléon et le Concordat de 1801. P., 2004; Idem. L'Abbé Grégoire et l'Eglise constitutionnelle après la terreur 1794-1797. P., 2008; Idem. L'Assemblée constituante et la réforme ecclésiastique, 1790. P., 2014.*

⁶ *Linton M. The Politics of Virtue in Enlightenment France. Basingstoke, 2001.*

⁷ *Linton M. Choosing Terror. Virtue, Friendship, and Authenticity in the French Revolution. Oxford, 2013.*

⁸ *Burrows S. Blackmail, Scandal and Revolution. London's French libellistes, 1758-92. Manchester, 2006.*

туанетты объясняется внезапным появлением всех этих пасквилей. Достижение Бёрроуза состоит в том, что он разрушил основу этой историографической традиции, установив в ходе тщательных исследований, что и когда именно было опубликовано. Благодаря ему оказалось, что целое поколение историков культуры шло в неправильном направлении и, значит, их исследования поверхностны.

Этот фундаментальный вклад в историю идей, пусть и негативный, обусловлен одной из наиболее характерных черт методологии британских интеллектуалов, а именно - эмпиризмом. Отвернувшись от доминирующих интерпретационных схем, британцы в гораздо большей степени, чем американцы и, осмелюсь сказать, чем французы, пытаются выяснить, что собственно происходило, и найти заслуживающие внимания факты, а не задаются более общими интерпретационными вопросами. Именно это я сам попытался сделать в 1996 г., изучая вопрос купли-продажи должностей. Этот аспект был краеугольным камнем концепции А. Коббена, согласно которой Революция была начата классом чиновников, пришедшем в полный упадок⁹. Изучая эволюцию рынка должностей на протяжении XVIII в. и процесса революционного упразднения системы их купли-продажи, я показал недостаточность эмпирической базы, на которую опирался Коббен, сделавший упор лишь на одну из реформ, проведенных в жизнь Революцией.

Другой пример – книга Майкла Раппорта об обращении с иностранцами в революционной Франции¹⁰. Стоит лишь сравнить ее с работой «Невозможный гражданин» Софи Ваниш¹¹, опубликованной во Франции тремя годами ранее, чтобы понять специфику его подхода. Тема исследования Ваниш – иностранец в дискурсе Революции, в то время как Раппорт в большей степени занимается личным опытом иностранцев. Ставить на первый план личности, а не идеи - это очень британский подход, и самым известным представителем его служит, без сомнения, Ричард Кобб, скончавшийся семь лет спустя после 200-летнего юбилея Революции. Однако его ученики, как, например, Алан Форрест, десять лет возглавлявший Международную комиссию по истории Французской революции, все еще играют ведущие роли в этой сфере исторических исследований.

⁹ *Doyle W. Venality. The Sale of Offices in Eighteenth century France. Oxford, 1996.*

¹⁰ *Rapport M. Nationality and Citizenship in revolutionary France. The Treatment of Foreigners, 1789-1799. Oxford, 2000.*

¹¹ *Wähnich S. L'impossible citoyen: l'étranger dans le discours de la Révolution française. P., 2010.*

Другой ученик Кобба, Джон Хардмен, наглядно демонстрирует еще одну характерную черту британской историографии, обусловленную предпочтением фактов перед идеями, а именно – интерес к биографиям. Прежде всего – биографиям коронованных особ, всегда привлекающих внимание читателей. Дж. Хардмен, чья первая книга стала справочником по политическим структурам дореволюционного режима Людовика XVI¹², затем издал целых две биографии этого короля¹³, не говоря уже о недавней книге, посвященной Собранию нотаблей¹⁴. Во всех своих работах этот автор выражает почти не скрываемую симпатию к королю и сожаление о гибели Старого порядка, о котором он, нужно заметить, рассуждает гораздо убедительнее, чем о собственно о Революции.

Монро Прайс тоже испытывает некоторую симпатию к загнанному в угол королю, но стремится изложить точные обстоятельства бегства в Варенн и его последствия. Обнаружив множество ранее неизвестных документов, касающихся барона Бретейя, Прайс выяснил, какой план действий был предусмотрен в случае успешного побега, и подчеркнул, как мало надежды возлагалось на примирение монархии и Революции¹⁵.

Совсем недавно Амброджо Кайани (он, правда, итальянец, но выросший в Англии) продемонстрировал, насколько разрушение прежних структур и крах двора в 1789-1791 годах деморализовали короля и способствовали возникновению плана побега¹⁶.

Всё это работы исследователей-эрудитов, однако внимание широкой публики привлекла, прежде всего, книга «Мария-Антуанетта» Антонии Фрейзер¹⁷. Фрейзер заслужила высокую репутацию в качестве биографа исторических личностей нового и новейшего времени, и мужчин, и женщин, но прежде всего все таки женщин. Хотя она и ее исследовательский коллектив не привнесли ничего особо нового в историю жизни Марии-Антуанетты, они, однако, и не упустили из виду ничего заслуживающего внимания, создав лучшее жизнеописание этой королевы на английском языке.

Лишена новизны и биография Робеспьера, написанная Рут Скарр¹⁸. Заметим, между прочим, что Хардмен также выпустил биографию Ро-

¹² *Hardman J.* French Politics, 1774-1789. From the Accession of Louis XVI to the Fall of the Bastille. L., 1995.

¹³ *Hardman J.* Louis XVI. New Haven, 1993; *Idem.* Louis XVI. The Silent King. L., 2000.

¹⁴ *Hardman J.* Overture to Revolution. The 1787 Assembly of Notables and the Crisis of France's Old Regime. Oxford, 2010.

¹⁵ *Price M.* The Fall of the French Monarchy. Louis XVI, Marie Antoinette and the Baron de Breteuil. Basingstoke, 2002.

¹⁶ *Caiani A.* Louis XVI and the French Revolution, 1789-1792. Cambridge, 2012.

¹⁷ *Fraser A.* Marie Antoinette. The Journey. L., 2001.

¹⁸ *Scurr R.* Fatal Purity. Robespierre and the French Revolution. L., 2006.

беспьера, не слишком, впрочем, убедительную¹⁹. А вот биография Скарр, хотя она отнюдь и не специалист по Революции, напротив, неплохо удалась. Скарр все прочла и постаралась, по ее собственному утверждению, стать, насколько это возможно, другом Неподкупного. Не пытаюсь оправдать его апологетику террора, она все же постаралась ее понять. Таким образом, Скарр пошла по пути, проложенному в 1975 г. Норманом Хэмпсоном, чья весьма оригинальная книга²⁰, хоть и была переведена на французский язык, осталась почти не замеченной во Франции. Хэмпсон (сверстник Кобба, тоже скончавшийся уже после 200-летия Революции, в 2011 г.) нашел у Робеспьера, по крайней мере, «потенциальную гуманность», хотя и не заметил ничего подобного у героя другой написанной им биографии – у Сен-Жюста²¹.

Вероятно, самое оригинальное биографическое исследование из недавно появившихся – это жизнеописание супругов Ролан, вышедшее из-под пера Шан Рейнольдс²². Ранее она была известна, прежде всего, как переводчица: именно Рейнольдс перевела на английский язык книгу Ф. Броделя «Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II». В своей работе «Брак и Революция» Рейнольдс сделала акцент на отношениях между супругами, которые оба были революционными деятелями и которых обычно изучали по отдельности, причем, в весьма неравной степени. Это позволило ей осветить не только публичную роль двух своих персонажей, но и общий культурный контекст революционной эпохи, в которую они поженились и вели супружескую жизнь. Так же, как «Мария-Антуанетта» Фрейзер, исследование жизни мадам Ролан, выполненное Рейнольдс, подтверждает предположение историков о том, что политическая культура Революции была в высшей степени враждебна любой общественной роли, которую играли женщины.

Удивительно, что за четверть века после 200-летнего юбилея в Великобритании не появилось какой-либо общей истории Революции, которая могла бы бросить вызов истории Шамы (или даже моей!). Зато вышли более узкие обзорные работы, например, история Революции в Аквитании А. Форреста и его же исследование о продолжительной напряженности в отношениях между Парижем и провинцией²³.

¹⁹ *Hardman J.* Robespierre. L., 2000.

²⁰ *Hampson N.* The Life and Opinions of Maximilien Robespierre. L., 1975.

²¹ *Hampson N.* Saint-Just. Oxford, 1991.

²² *Reynolds S.* Marriage and Revolution. Monsieur and Madame Roland. Oxford, 2005.

²³ *Forrest A.* The Revolution in Provincial France. Aquitaine, 1789-1799. Oxford, 1996; *Idem.* Paris, the Provinces and the French Revolution. L., 2004.

Форрест написал также важную работу о солдатах периода Революции²⁴.

В своей последней книге Н. Хэмпсон проанализировал отношение французов-революционеров к коварному Альбиону²⁵. Я сам изучал истоки, развитие и последующую судьбу кампании, которая велась против дворянства²⁶. А Малькольм Крук по-новому взглянул на историю выборов в течение всего революционного десятилетия и пришел к выводу, что участие избирателей было гораздо более широким, чем думали ранее, и что, благодаря этой вовлеченности, сложилась традиция представительства, во всяком случае, среди элит, которые осуществили ни много ни мало социально-политическую революцию – приход к власти нотаблей. Таким образом, Крук подтвердил основополагающее значение ежегодных выборов периода Директории²⁷.

В целом, после 200-летия Революции мы стали свидетелями возрождения международного интереса к пост-термидорианскому периоду. Если Шама его совсем не коснулся, то мне самому этот период всегда казался полностью органичным для Революции, и я посчитал нужным посвятить ему треть моей «Оксфордской истории»²⁸. Другие мои соотечественники тоже попытались вернуть ему его значимость. Среди них Джеймс Ливси, который утверждает, что, несмотря на все свои недостатки, период Директории, принимая во внимание всю многогранность и размах шедших тогда теоретических дискуссий о необходимых условиях формирования и сохранения республиканских и демократических ценностей, породил ни много ни мало европейскую модель республиканской демократии, противоположную англо-американской²⁹.

Впрочем, большинство этих идей было отвергнуто наиболее радикальным персонажем периода Директории – Гракхом Бабёфом. Он никогда не был хорошо известен по ту сторону Ла-Манша, но в 1997 г. Йен Бирчал попытался исправить ситуацию своим весьма полезным исследованием о «призраке» этого первого революционного социалиста³⁰. Об-

²⁴ Forrest A. *Soldiers of the French Revolution*. Durham, 1990.

²⁵ Hampson N. *The Perfidy of Albion. French Perceptions of England during the French Revolution*. Basingstoke, 1998.

²⁶ Doyle W. *Aristocracy and its Enemies in the Age of Revolution*. Oxford, 2009.

²⁷ Crook M. *Elections in the French Revolution. An Apprenticeship in Democracy, 1789-1799*. Cambridge, 1996.

²⁸ Doyle W. *The Oxford History of the French Revolution*. Oxford, 1989; 2nd ed. 2002.

²⁹ Livesey J. *Making Democracy in the French Revolution*. Cambridge (Mass.), 2001.

³⁰ Birchall I.H. *The Spectre of Babeuf*. Basingstoke, 1997.

явив во всеулышание о собственной принадлежности к Социалистической рабочей партии и призывая своих читателей к революции, автор, без сомнения, мог этим многих из них лишь оттолкнуть; но для англофонов, которые интересуются столь заметным в истории социализма деятелем, как Бабёф, Бирчал предложил краткое, но увлекательное введение в тему.

Радикализму Бабёфа предшествовал радикализм клуба Кордельеров, ставший предметом исследования Рэчел Хэммерсли, которая показала, чем члены этого политического клуба были обязаны английским республиканским сочинениям XVII в.³¹ Ее книга, увидевшая свет в серии Королевского исторического общества, где публикуются наиболее выдающиеся университетские диссертации, появилась через несколько лет после первого исследования Дэвида Эндерса, наиболее плодотворного из английских историков Революции, начавших свою деятельность уже после ее 200-летнего юбилея. Ученик А. Форреста, Эндрес защитил диссертацию о расстреле 1791 г. на Марсовом поле, которая была опубликована в 2000 г.³² В ней он отверг модную односторонность приверженцев «лингвистического поворота», обратив внимание на все более немодную тему парижского народа и на то, как материальные обстоятельства обусловили враждебность народа к монархии, кульминацией чего стала республиканская петиция от 17 июля 1791 г. и последовавшее за ней столкновение на Марсовом поле. Эндрес не отвергает полностью лингвистический подход, но оценивает его немного свысока, как «не лишенный достоинств». И хотя сам Эндрес посвящает немало страниц риторике петиционеров, а также тех, кто позднее говорил о расстреле как преступлении, заслуживающем возмездия, он остается вполне эмпирическим британским исследователем, настаивая на том, что язык является следствием реальности, а не наоборот. Судя по всему, его выбор темы происходит, как ранее у французских историков левого толка, из инстинктивной симпатии к жизни и чаяниям простого народа. Его рассказ об истоках столкновения на Марсовом поле опирается на подробный анализ мнений столичных жителей о политической жизни весны 1791 г. и тех ее сторонах, которые их отталкивали.

За этой книгой о конкретном событии последовал более общая работа о Революции и народе, охватившая уже почти всю Францию, а не только Париж, и период с 1780 по 1799 г.³³ Основными действующими

³¹ Hammersley R. *French Revolutionaries and English Republicans. The Cordeliers Club, 1790-1794*. Woodbridge, 2005.

³² Andress D. *Massacre at the Champ de Mars. Popular Dissent and Political Culture in the French Revolution*. Woodbridge, 2000.

³³ Andress D. *The French Revolution and the People*. L., 2004.

лицами исследования стали крестьяне, наиболее многочисленная часть населения. И здесь в глаза бросается симпатия автора к простым людям. Это - история предательства элитой народа, от имени которого она говорила. Но, в конечном счете, это также - прославление побед, которых крестьянство смогло добиться собственными силами и которые благодаря своей решимости сохранило, – побед над сменяющимися друг друга правительствами и особенно (отметим это!) над республиканским правительством якобинцев 1793-1794 гг., которые, цитирую, «наиболее свирепо использовали ресурсы государства против народа».

Всего год спустя Эндрес издал, несомненно, лучшую на английском языке книгу о Терроре³⁴. И вновь в ней видна симпатия к простым людям, ставшим жертвами Революции с обеих сторон баррикад. Для Эндреса Террор – это не столько развитие репрессий, сколько один из аспектов гражданской войны. Никто его не предвидел. Террор – «результат процесса, а не его predetermined цель». Таким образом, Эндрес в определенном смысле принимает «концепцию обстоятельств», столь дорогую многим историкам левого толка. И он всерьез воспринимает довод, что террор был реакцией против отнюдь не иллюзорной контрреволюционной деятельности. Однако автор отвергает всякую мысль о том, что террор был неотъемлемой частью Революции с самого ее начала, как потому что, согласно Шаме, революция и насилие неразделимы, так и потому что, согласно Фюре, революционеры являются пленниками своей собственной политической риторики. В книге делается вывод, совсем непохожий на вывод Шамы, предупреждавшего об опасности и неразумности любой революции. Эндрес же сожалеет о неразумности наших современников, не слишком склонных защищать свои права от не-революционных правительств, использующих те же аргументы, что и деятели Террора 1793-1794 гг., изображая себя защитниками свободы и безопасности сограждан. Эндрес – безоговорочный сторонник прав человека, провозглашенных в 1789 г. Он считает, что они стоят страданий, связанных с борьбой в их защиту. Но удалось ли ему убедить британскую публику, которая смотрит телепрограммы Шамы об истории Великобритании, в то время как политические лидеры готовы отказаться от европейских конвенций о правах человека? Сегодня, как и в 1790 г., присущая британцам спесь никуда не делась, оправдывая отказ от свободы любого вида, если та идет с континента и, увы, особенно из Франции.

³⁴ *Andress D. The Terror. Civil War in the French Revolution. L., 2005.*

Список литературы

- Andress D. Massacre at the Champ de Mars. Popular Dissent and Political Culture in the French Revolution. Woodbridge: Boydell Press, 2000.*
- Andress D. The French Revolution and the People. L.: Hambledon and London, 2004.*
- Andress D. The Terror. Civil War in the French Revolution. L.: Little, Brown, 2005.*
- Baker K. M. Inventing the French Revolution. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.*
- Birchall I.H. The Spectre of Babeuf. Basingstoke: Macmillan, 1997.*
- Burrows S. Blackmail, Scandal and Revolution. London's French libellistes, 1758-92. Manchester: Manchester University Press, 2006.*
- Caiani A. Louis XVI and the French Revolution, 1789-1792. Cambridge: Cambridge University Press, 2012.*
- Cobban A. The Social Interpretation of the French Revolution. Cambridge, Cambridge: Cambridge University Press, 1964. New ed. with an introduction by Gwynne Lewis, 1999.*
- Crook M. Elections in the French Revolution. An Apprenticeship in Democracy, 1789-1799. Cambridge: Cambridge University Press, 1996.*
- Dean R. J. L'Abbé Grégoire et l'Eglise constitutionnelle après la terreur 1794-1797. P.: Rodney J. Dean, 2008.*
- Dean R. J. L'Assemblée constituante et la réforme ecclésiastique, 1790. P.: Picard, 2014.*
- Dean R. J. L'Eglise constitutionnelle, Napoléon et le Concordat de 1801. P.: Rodney J. Dean, 2004.*
- Doyle W. Aristocracy and its Enemies in the Age of Revolution. Oxford: Oxford University Press, 2009.*
- Doyle W. The Oxford History of the French Revolution. Oxford: Oxford University Press, 1989; 2nd ed. 2002.*
- Doyle W. Venality. The Sale of Offices in eighteenth century France. Oxford: Oxford University Press, 1996.*
- Forrest A. Paris, the Provinces and the French Revolution. L.: Arnold, 2004.*
- Forrest A. Soldiers of the French Revolution. Durham: NC, Duke University Press, 1990.*
- Forrest A. The Revolution in Provincial France. Aquitaine, 1789-1799. Oxford: Oxford University Press, 1996.*
- Fraser A. Marie Antoinette. The Journey. L.: Weidenfeld and Nicholson, 2001.*

- Hammersley R.* French Revolutionaries and English Republicans. The Cordeliers Club, 1790-1794. Woodbridge: Boydell Press, 2005.
- Hampson N.* Saint-Just. Oxford: Blackwell, 1991.
- Hampson N.* The Life and Opinions of Maximilien Robespierre. L.: Duckworth, 1975.
- Hampson N.* The Perfidy of Albion. French Perceptions of England during the French Revolution. Basingstoke: Macmillan, 1998.
- Hardman J.* French Politics, 1774-1789. From the Accession of Louis XVI to the Fall of the Bastille. L.: Longman, 1995.
- Hardman J.* Louis XVI. New Haven: Yale University Press, 1993.
- Hardman J.* Louis XVI. The Silent King. L.: Arnold, 2000.
- Hardman J.* Overture to Revolution. The 1787 Assembly of Notables and the Crisis of France's Old Regime. Oxford: Oxford University Press, 2010.
- Hardman J.* Robespierre. L.: Routledge, 2000.
- Israel J.* Revolutionary Ideas. An intellectual history of the French Revolution from the Rights of Man to Robespierre. Princeton: Princeton University Press, 2014.
- Linton M.* Choosing Terror. Virtue, Friendship, and Authenticity in the French Revolution. Oxford: Oxford University Press, 2013.
- Linton M.* The Politics of Virtue in Enlightenment France. Basingstoke: Palgrave, 2001.
- Livesey J.* Making Democracy in the French Revolution. Cambridge (Mass.), 2001.
- Price M.* The Fall of the French Monarchy. Louis XVI, Marie Antoinette and the Baron de Breteuil. Basingstoke: Macmillan, 2002.
- Rapport M.* Nationality and Citizenship in revolutionary France. The Treatment of Foreigners, 1789-1799. Oxford: Oxford University Press, 2000.
- Reynolds S.* Marriage and Revolution. Monsieur and Madame Roland. Oxford: Oxford University Press, 2005.
- Schama S.* Citizens. A Chronicle of the French Revolution. L.: Penguin, 1989.
- Scurr R.* Fatal Purity. Robespierre and the French Revolution. L.: Chatto and Windus, 2006.
- Wahnich S.* L'impossible citoyen: l'étranger dans le discours de la Révolution française. P.: Editions Albin Michel, 2010.

***Doyle W.* Still in the shadow of Burke and Dickens? The recent British historiography of the French Revolution**

The author reviews the evolution of British historiography of the French Revolution during 25 years passed after the 200th anniversary of this event. Assessing the achievements of his compatriots in this field of historical research, he highlights such specific feature of British researchers as a commitment to empiricism. In contrast to the American and French colleagues, the British were much less susceptible to modish trends in historiography brought to life by the «the linguistic turn». For a British historian it is still more important to know how it happened in the past, rather than what contemporaries thought about it.

Keywords: historiography, the United Kingdom, the French Revolution, empiricism.

В.А. Погосян*

ДОКЛАД В.М. ДАЛИНА «О ТАРЛЕ»

Автор предлагает вниманию читателей публикацию сохранившейся в Архиве РАН стенограммы доклада В.М. Далина «О Тарле», сделанного 2 февраля 1931 г. на заседании Общества историков-марксистов. В тот день чрезвычайное общее собрание АН СССР исключило из числа своих действительных членов С.Ф. Платонова, Е.В. Тарле, Н.П. Лихачева и М.К. Любавского, обвиненных по «Академическому делу» в заговоре с целью реставрации монархии. Выступление В.М. Далина должно было с политической точки зрения обосновать исключение Е.В. Тарле из состава АН. Представитель первого поколения историков-марксистов, В.М. Далин в соответствии со своими научными и политическими убеждениями назвал Е.В. Тарле, не придерживавшегося марксистской методологии, «одним из авторитетных представителей буржуазной науки», «врагом Советской России» и т.д. Он подвергал его беспощадной критике за «антантофильство» и за выбор научных тем в соответствии с политической конъюнктурой. Подобная тональность выступления диктовалась условиями своего времени. С годами отношение В.М. Далина к творчеству Е.В. Тарле претерпело существенные изменения.

Ключевые слова: Е.В. Тарле, В.М. Далин, М.Н. Покровский, историки, историография, Франция, Французская революция, Антанта, террор, империализм, буржуазия.

Вниманию читателей «Французского ежегодника» представляем сохранившуюся в Архиве Российской Академии наук стенограмму доклада Виктора Моисеевича Далина «О Тарле», с которым он выступил на заседании Общества историков-марксистов при Коммунистической академии Центрального Исполнительного Комитета СССР 2 февраля 1931 г.

Евгений Викторович Тарле был в 1920-х гг. широко известным в международных научных кругах историком, автором ряда фундаментальных монографий по Новой истории Франции. Однако и его не обошли стороной испытания, выпавшие в те годы на долю многих его соотечественников. 28 января 1930 г. он был арестован по пресловутому «Академическому делу»¹ за якобы осуществлявшуюся им контрре-

* *Варужан Арамаздович Погосян, доктор исторических наук, заведующий отделом геноцидологии Института арменоведческих исследований Ереванского государственного университета.*

¹ См. об этом: Академическое дело 1929-1931 гг. Документы и материалы

волюционную, антигосударственную деятельность – участие в якобы руководимом С.Ф. Платоновым «заговоре» с целью реставрации монархии². ОГПУ утверждало, что в будущем монархическом правительстве Е.В. Тарле должен был получить пост министра иностранных дел, что, по мнению В.А. Куманева, было обусловлено прекрасным владением им основными европейскими языками³.

Ситуация в советской исторической науке 1920-х гг. характеризовалась временным сосуществованием старой, дореволюционной школы историков и новой, находившейся в стадии становления марксистской школы, формировавшейся, как с удовлетворением отмечал ее лидер М.Н. Покровский, путем интенсивной идеологической накачки молодых, но уже профессионально подготовленных научных кадров: «Многие из этих “молодых” – уже настоящие, сложившиеся работники, дающие солидную научную продукцию, и мы, конечно, должны для них создать настоящую здоровую политическую атмосферу, большевистскую атмосферу»⁴.

Как заметил А.В. Гладышев, уже «с 1921 г. началось наступление советской власти на науку... Общество историков-марксистов проложило водораздел между старыми специалистами и марксистами. Постепенно формируется концепция “исторического фронта”. Борьба с представителями “старой школы” в исторической науке была связана с внутривластной борьбой: с “правым уклоном”, с нарастающим враждебным отношением к буржуазным специалистам. Надо было поставить под контроль историческую науку»⁵.

Такая необходимость особенно остро ощущалась в Петрограде (затем – в Ленинграде), где в 1920-х годах позиции историков дореволюционной школы были особенно сильны. Здесь существовал целый ряд научных кружков, сложившихся вокруг таких негосударственных исторических журналов, как

следственного дела, сфабрикованного ОГПУ. Вып. 1. Дело по обвинению академика С.Ф. Платонова. СПб., 1993; Вып. 2. Ч. 1-2. Дело по обвинению академика Е.В. Тарле. СПб., 1998.

² См.: *Брачев В.С.* «Дело» академика С.Ф. Платонова // *ВИ.* 1989. № 5. С. 117-129; *Чапкевич Е.И.* Пока из рук не выпало перо... Жизнь и деятельность академика Евгения Викторовича Тарле. Орел, 1994. С. 87-90; *Шмидт С.О.* Сергей Федорович Платонов (1860-1933) // *Портреты историков. Время и судьбы.* Т. 1. Отечественная история. М., 2000. С. 131; *Каганович Б.С.* Евгений Викторович Тарле. Историк и время. СПб., 2014. С. 129-136.

³ *Куманев В.А.* 30-е годы в судьбах отечественной интеллигенции. М., 1991. С. 79.

⁴ *Покровский М.* Институт истории и задачи историков-марксистов. (Речь на заседании, посвященном открытию Института истории при Ком. Академии, 18 ноября 1929 года) // *ИМ.* 1929. Т. 14. С. 12.

⁵ *Гладышев А.В.* Вячеслав Петрович Волгин (1879-1961) // *Портреты историков. Время и судьбы.* Т. 4. Новая и новейшая история. М., 2004. С. 80.

«Анналы», «Русское прошлое», «Русский исторический журнал», «Дела и дни». В Ленинграде продолжали работать такие известные исследователи, как С.Ф. Платонов, Б.Д. Греков, О.А. Добиаш-Рождественская⁶. Заметную роль в культурной и научной жизни города играл возникший после 1920 г. «салон» Е.В. Тарле, где бывали Н.П. Лихачев, В.В. Бертольд, М.М. Богословский, В.П. Бузескул⁷. Всё это, как отмечает Б.В. Ананьич, «была естественная форма научного общения, противоречившая, однако, правительственному курсу на установление контроля над исторической наукой и введению ее в строгое русло официальной идеологии»⁸. В итоге, большинство участников этих кружков, деятельность которых воспринималась и рассматривалась как нелегальная и контрреволюционная, стали жертвой политических преследований⁹. «В результате “Академического дела” был учинен разгром петербургской исторической школы, масштабы ущерба которого, – пишет Б.В. Ананьич, – трудно оценить даже сегодня»¹⁰.

В гонениях на советских историков, не придерживавшихся марксистской методологии, немаловажное значение имело еще одно обстоятельство, на которое недавно обратила внимание Е.А. Долгова: «Не социальный и политический факторы определяли положение ученого “старой школы” в постреволюционном обществе, а, скорее, его дореволюционный статус (авторитет и позиция, занимаемая в поле избранной им тематики, административный ресурс и потенциал в научном поле) диктовал в соответствии с принципом кумулятивного накопления преимуществ особенности отношения к нему власти и специфику преломления в отношении него советской социальной политики»¹¹. Ярким тому доказательством является отношение властей к престарелому Н.И. Карееву, который в конце 1920-х годов «в силу преклонного возраста и отсутствия административных ресурсов уже не мог считаться конкурирующей в научном пространстве фигурой (в отличие от Е.В. Тарле)»¹². Именно по этой причине в ходе «Академического дела» Н.И. Кареев

⁶ См. об этом: *Ананьич Б.В., Панях В.М.* О Петербургской исторической школе и ее судьбе // Отечественная история. 2005. № 5. С. 105-113.

⁷ Там же. С. 108.

⁸ *Ананьич Б.В.* О воспоминаниях Н.С. Штакельберг // In memorem: Исторический сборник памяти Ф.Ф. Перченка. М.-СПб., 1995. С. 84.

⁹ К примеру, об аресте в 1928 г. В.С. Люблинского по делу религиозно-философского кружка «Воскресенье» см.: *Вольфцун Л.Б.* Владимир Сергеевич Люблинский (1903-1968) // Портреты историков: время и судьбы. Т. 5. Средние века. Новая и новейшая история. М., 2010. С. 106-107.

¹⁰ *Ананьич Б.В.* Указ. соч. С. 86.

¹¹ *Долгова Е.А.* Предисловие // Ученый в эпоху перемен: Н.И. Кареев в 1914-1931 гг. Исследования и материалы. М., 2015. С. 6.

¹² Там же. С. 59.

«удостоился» лишь идеологической проработки¹³. В отличие от него, Е.В. Тарле, чья колоритная фигура в 1920-е годы явно выделялась на общем фоне советской исторической науки, а имя уже гремело в Европе, оказался в центре внимания репрессивных органов и подвергся преследованиям.

Еще 31 августа 1924 г. Е.В. Тарле писал из Парижа своей супруге О.Г. Тарле: «Я избран в действительные члены *Société de l'histoire de la Révolution française* единогласно... Вообще тут меня прекрасно принимают французские ученые. И вообще жаловаться не могу ни на кого»¹⁴. В том же году его пригласили на чтение лекций по экономической истории Французской революции и Наполеоновской империи в *Collège libre des sciences sociales* и в Сорбонну, что он считал для себя большой честью¹⁵. В 1926 г. Тарле первым из русских ученых был принят в члены нового французского научного общества *Société d'histoire de la Grande Guerre*¹⁶. Его научные труды во многом способствовали развитию и самой советской историографии. В.А. Дунаевский и Е.И. Чапкевич отмечают: «Вся деятельность Тарле в 20-е годы свидетельствовала о том, что он успешно привносил в советскую науку лучшие традиции дореволюционной русской исторической школы»¹⁷.

Чтобы лишить влияния ведущих историков-немарксистов, в том числе членов Академии Наук, власти решили обвинить наиболее видных из них в антигосударственной деятельности. 2 февраля 1931 г. чрезвычайное общее собрание АН исключило из числа своих действительных членов С.Ф. Платонова, Е.В. Тарле, Н.П. Лихачева и М.К. Любавского,

¹³ На заседании Методологической секции 18 декабря 1930 г. с идеологической критикой творчества Н.И. Кареева выступила Н.П. Фрейберг. См.: Буржуазные историки Запада в СССР (Тарле, Петрушевский, Кареев, Бузескул и др.) // Историк-марксист. 1931. Т. 21. С. 76-85.

¹⁴ Из литературного наследия Е.В. Тарле. М., 1981. С. 211.

¹⁵ Там же. С. 212. См. также письма заведующего кафедрой Французской революции Сорбонны Альфонса Олара к нему от 12 октября и 10 ноября 1924 г.: Архив Российской Академии наук (далее: АРАН). Ф. 627 (Е.В. Тарле). Оп. 3. Ед. хр. 3. Л. 1-2.

¹⁶ Из литературного наследия Е.В. Тарле. С. 220. Пользуясь случаем, отметим, что о признании своих научных заслуг он писал только своей жене. По свидетельству Л.Е. Белозерской «он никогда не говорил о своих многочисленных званиях, не перечислял иностранных институтов, членом которых был избран, никогда не говорил о количестве своих трудов». См.: *Белозерская Л.Е.* Так было (воспоминания об академике Е.В. Тарле) // Вестник Академии наук СССР. 1989. № 9. С. 87.

¹⁷ *Дунаевский В.А., Чапкевич Е.И.* Евгений Викторович Тарле: человек в тисках беззакония // Трагические судьбы: репрессированные ученые Академии наук СССР. М., 1995. С. 115.

«обвиненных в создании подпольной антисоветской организации, которая готовила свержение советской власти»¹⁸. Всего по «Академическому делу» проходило больше ста человек¹⁹. Многие ученые оказались арестованы. Платонов и Тарле в самом начале 1930 г. были брошены в тюрьму с санкции самого Сталина и Политбюро²⁰.

Приговоры арестованным были вынесены весной и летом 1931 г. Многих из них, в том числе исключенных из АН, постановлением коллегии ОГПУ от 8 августа 1931 г. выслали в разные города сроком на пять лет. Тарле отправили в Алма-Ату, однако в октябре 1932 г. он получил возможность вернуться из ссылки и возобновить свою научную деятельность²¹. Хотя за него заступались крупнейшие историки Франции²², инициатором освобождения, несомненно, мог бы быть только Сталин, «мрачная фигура» которого, как замечают В.А. Дунаевский и Е.И. Чапкевич, «безошибочно» угадывалась за спиной «дирижеров» «Академического дела»²³. «Вождь народов» решил использовать научный талант Тарле для перестройки советской исторической науки²⁴. По той же причине, отмечает Б.С. Каганович, «в 1934-1935 гг. многие историки, репрессированные по “Академическому делу”, получили возможность вернуться в Москву и Ленинград»²⁵.

Не исключено также, что Сталин освободил Тарле, задумав использовать его для написания биографии Наполеона Бонапарта, которая могла бы послужить косвенным обоснованием установленной в СССР диктатуры другой «сильной личности» – самого Сталина. Уже в марте 1935 г.

¹⁸ См.: *Каганович Б.С.* Сергей Федорович Ольденбург. Опыт биографии. Петербург, 2006. С. 203. См. также: *Чапкевич Е.И.* Указ. соч. С. 89-90.

¹⁹ Число этих лиц окончательно не установлено. По мнению В.С. Брачева оно достигало ста пятнадцати, а других исследователей – ста пятидесяти. См.: *Брачев В.С.* Указ. соч. С. 125; *[Ананьич Б.В., Панеях В.М., Цамутали А.Н.]*, Предисловие // Академическое дело 1929-1931 гг. Вып. 2. Ч. 1. С. XXIV; *Каганович Б.С.* Указ. соч. С. 203-204. Однако В.А. Дунаевский и Е.И. Чапкевич, принимая во внимание аресты историков-краеведов на периферии, полагают, что количество арестованных было «неизмеримо большим». См.: *Дунаевский В.А., Чапкевич Е.И.* Указ. соч. С. 117.

²⁰ *Молок Ф.А.* Из воспоминаний об отце-историке и его коллегах // Клио. 2003. № 4. С. 209. В.А. Твардовская почему-то не упоминает имени Е.В. Тарле среди арестованных по «Академическому делу». – См.: *Твардовская В.А.* Б.П. Козьмин. Историк и современность. М., 2003. С. 121-122.

²¹ *Каганович Б.С.* Евгений Викторович Тарле. С. 137-153.

²² См.: *Mathiez A.* Choses de Russie Soviétique // АНRF. 1931. N 2. P. 157-158; Полемика Альбера Матгеза с советскими историками 1930-1931 гг. / Предисловие В.А. Дунаевского // НиНИ. 1995. № 4. С. 210-211.

²³ *Дунаевский В.А., Чапкевич Е.И.* Указ. соч. С. 117.

²⁴ *Дунаевский В.А., Чапкевич Е.И.* Е.В. Тарле и его книга о Наполеоне // *Тарле Е.В.* Наполеон. М., 1992. С. 570.

²⁵ *Каганович Б.С.* Указ. соч. С. 171.

Тарле получил соответствующее задание Кремля, а наблюдение за подготовкой этой книги, вышедшей в 1936 г. в серии «Жизнь замечательных людей», было поручено заведующему Бюро международной информации ЦК ВКП(б) К. Радеку²⁶.

Не удивительно поэтому, что эта книга была написана Е.В. Тарле в духе апологетической наполеонистики, на что в своей рецензии обратил внимание Н.М. Лукин²⁷. Безусловно, именно по этой причине «заказчик» остался очень доволен биографией французского императора, ибо в его описании зачастую мог узнать самого себя. По мнению В.А. Дунаевского и Е.И. Чапкевича, «Сталин узнавал в портрете Наполеона некоторые черты сходства с собой, что несомненно льстило его тщеславию»²⁸. После этого Тарле 29 сентября 1938 г. с согласия Сталина был восстановлен в составе АН. Однако реабилитировали его по «Академическому делу» только посмертно – 20 июня 1967 г., по заявлению его родственника Е.И. Чапкевича²⁹.

Репрессии против историков старой школы в 1920-1930-х гг. сопровождалась идеологической кампанией по их «разоблачению», основным исполнителем которой выступало Общество историков-марксистов. Выпущившийся им журнал «Борьба классов» в 1931 г. отмечал, что «был проведен (и будет продолжен) ряд дискуссий о буржуазных историках (Допш, русские его ученики, напр[имер] Петрушевский, Тарле, Кареев, Платонов, Бахрушин и др.)»³⁰. В данном случае для нас представляет интерес состоявшееся 2 февраля 1931 г. заседание этого Общества, на котором с иностранным докладом о научной деятельности Е.В. Тарле выступил только что пришедший в науку молодой историк-марксист В.М. Далин. Этим выступлением обосновывалось с политической точки зрения исключение Тарле из состава АН СССР, состоявшееся в тот же день.

Интересно, что историки, освещавшие тему идеологической травли Е.В. Тарле в период «Академического дела», концентрировали свое внимание на выступлениях против него историков-марксистов (Г.С. Зайделя, П.П. Щеголева и др.) на объединенных заседаниях Института истории при Ленинградском отделении Комакадемии и Ленинградского отделения Общества историков-марксистов, состоявшихся 29 января, 1, 12 и 16 февраля

²⁶ *Кен О.Н.* Между Цезарем и Чингис-ханом: «Наполеон» Е.В. Тарле как литературный памятник общественно-политической борьбы 1930-х годов // Клио. 1998. № 3. С. 67.

²⁷ См.: Историк-марксист. 1937. Кн. 1. С. 158.

²⁸ *Дунаевский В.А., Чапкевич Е.И.* Е.В. Тарле и его книга о Наполеоне. С. 576.

²⁹ *Чапкевич Е.И.* Указ. соч. С. 105.

³⁰ Как работает Общество историков-марксистов // Борьба классов. 1931. № 1. С. 109.

1931 г.³¹, а также на чрезвычайном общем собрании АН СССР 2 февраля 1931 г.³². О соответствующем докладе В.М. Далина они даже не упоминали³³. Обошли его молчанием и наши зарубежные коллеги³⁴.

Следуя своим научным и политическим убеждениям, В.М. Далин выдвинул против Е.В. Тарле многочисленные обвинения, считая его «одним из авторитетных представителей буржуазной науки у нас», в лице которого «мы имеем наиболее опасного, наиболее крупного врага, с которым марксистской историографии, по крайней мере, в области западной истории, пришлось бы иметь дело», а также «врагом Советской России», который «готовился в министры иностранных дел» и т.д., и т.п. Воздерживаясь от пересказа публикуемого ниже текста, с которым наши читатели могут ознакомиться самостоятельно, считаю необходимым обратить их внимание на следующие моменты.

Критикуя Тарле за то, что он всегда выбирал темы своих исследований, исходя из текущей политической конъюнктуры, В.М. Далин тем самым косвенно объяснял приписываемое тому компетентными органами стремление занять должность министра иностранных дел в будущем монархическом правительстве. С точки же зрения науки, подобные претензии не выдерживают никакой критики, поскольку подобный подход к выбору предмета исследования был присущ не только Тарле. Так, бесспорный лидер «русской школы» историографии Французской революции Н.И. Кареев в предисловии к французскому изданию своей книги о крестьянах во Франции последней трети XVIII в. признавал, что пришел к этой теме, руководствуясь не одним лишь

³¹ См.: *Зайдель Г. и Цвибак М.* Классовый враг на историческом фронте. Доклады Г. Зайделя и М. Цвибака о Тарле и Платонове и их школах и прения на объединенном заседании Института истории при ЛОКА и Ленинградского отделения Общества историков-марксистов. М., Л., 1931.

³² См. например: *Куманев В.А.* Указ. соч. С. 78; *Чапкевич Е.И.* Указ. соч. С. 89-90; *Гладышев А.В.* Указ. соч. С. 84; *Гордон А.В.* Власть и революция: советская историография Великой французской революции. 1918-1941. Саратов, 2005. С. 76-90; *Лагно А.Р.* Вячеслав Петрович Волгин. М., 2012. С. 143.

³³ См. например: *Куманев В.А.* Указ. соч. С. 78; *Перченко Ф.Ф.* Академия Наук на «великом переломе» // Звезда. Исторический альманах. Вып. 1. М., 1991. С. 224-232; *Чапкевич Е.И.* Указ. соч. С. 91; *Дунаевский В.А., Чапкевич Е.И.* Евгений Викторович Тарле. С. 117; *Гордон А.В.* Указ. соч. С. 70-76; *Брачев В.* Травля русских историков. М., 2006. С. 118-199; *Лагно А.Р.* Указ. соч. С. 143; *Каганович Б.С.* Указ. соч. С. 143-146.

³⁴ См. например: *Venturi F.* Evgenij Viktorovitch Tarle // *Venturi F.* *Historiens du XXe siècle.* Jaurès, Salvemini, Namier, Maturi, Tarlé et discussion entre historiens italiens et soviétiques. Genève, 1966. P. 109-140; *Grahan L.R.* The Soviet Academy of Sciences and the Communist Party, 1927-1932. Princeton, 1967. P. 129-130; *Barber J.* Soviet Historians in Crisis, 1928-1932. Birmingham, 1981. P. 35-37.

«научным интересом к истории Французской революции, но также из социального интереса, который крестьянский вопрос представляет для России. 19 февраля 1861 г. стало для моей страны тем, чем 4 августа 1789 г. стало для Франции... Не скрою, что под прямым влиянием русской жизни я затронул в моей работе некоторые особые проблемы»³⁵. Как писал итальянский историк Джанни Олива о представителях «русской школы», «к изучению Французской революции их подтолкнули современные им русские реалии»³⁶.

Кроме того, В.М. Далин подверг Е.В. Тарле беспощадной критике за «антантофильство» и объявил все его работы в области международной политики защитой «Антанты для подготовки капиталистической реставрации»³⁷. В подобном мнении он был не одинок, поскольку в преданности интересам «антантовского империализма» Тарле также критиковали М.Н. Покровский, Н.М. Лукин и другие³⁸. Однако сам Тарле не принимал эту критику, не имевшую ничего общего со всесторонним научным анализом его подхода. Характерно его недатированное письмо к Г.С. Фридлянду, написанное по всей вероятности в 1928 г.: «С изумлением узнал, что будто бы Вы в рецензии на мою книгу («Европа в эпоху империализма» – В. П.) укоряете меня в... [sic] антантофильстве... [sic]»³⁹. Я думаю, что этот слух абсолютно неверен: я раз десять провожу и подчеркиваю мысль, что Антанты и императорская Германия были [sic, были] “морально”, – два сапога пара, и что и Франция (страницы о Марокко), и Англия, и Россия (Константинополь и мн[огие] др[угие]) одинаково шли к войне, и что, просто, Антанте “еще” не казалось сподручным выступить уже в июле [sic, июле] 1914 г., а хотелось. “Антантофильство” – нужно, чтобы он был зложелательно настроен, чего я в данном случае,

³⁵ См.: *Karéiew N.* Les paysans et la question paysanne en France dans le dernier quart du XVIIIe siècle. Paris, 1899. P. X, XI. Отметим, что в связи с этой книгой А.М. Воден писал Н.И. Карееву 5 декабря 1925 г.: «В 1893 году Ф. Энгельс говорил мне (у себя в Лондоне, где я долго жил), что он считает Ваш труд по крестьянскому вопросу во Франции до Революции исследованием, составившим эпоху..., и констатировал, что таково было и мнение К. Маркса». См.: Ученый в эпоху перемен. С. 175.

³⁶ См.: *Oliva G.* Georges Lefebvre et les historiens russes de la Révolution française // АНRF. 1979. № 237. P. 401.

³⁷ См.: Буржуазные историки Запада в СССР (Тарле, Петрушевский, Кареев, Бузескул и др.). С. 60.

³⁸ См.: *Покровский М.* «Новые» течения в русской исторической литературе // ИМ. 1928. Т. 7. С. 13; Буржуазные историки Запада в СССР. С. 49; *Мохов С.* Интервент Тарле под защитой Востокова // Борьба классов. 1931. № 2. С. 120-121.

³⁹ Такую рецензию на книгу Е.В. Тарле Г.С. Фридлянд не опубликовал. См.: Библиография трудов Г.С. Фридлянда // История и историки. Историография всеобщей истории. М., 1966. С. 390-398.

конечно, не желаю предполагать. Для меня, как марксиста, вообще все эти “фобства” и “фильства” по ту сторону истории и науки»⁴⁰.

На мой взгляд, ни оппоненты Е.В. Тарле, ни он сам не обсуждали всесторонне во время этой дискуссии вопрос о происхождении Первой мировой войны и не вникали во все тонкости этой спорной проблемы, однако Е.В. имел все основания для своих возражений. В данном случае, уместно сослаться на оценку одного из крупнейших знатоков истории международных отношений В.М. Хвостова, который в предисловии к переизданию книги Е.В. Тарле «Европа в эпоху империализма» не отрицал пристрастия ее автора «к разоблачению вины именно немецкой стороны»: «В этом, – отмечал В.М. Хвостов, – известная ее слабость и одно-сторонность как исторического труда». Однако тут же он заключил: «Но как раз в этом же и ее сила. Книга и сейчас сохраняет ценность именно как страстный, полный искренней ненависти, художественно выполненный памфлет против германского империализма, справедливо бичующий преступления кайзеровской Германии»⁴¹.

* * *

Оценивая мотивы, побудившие В.М. Далина к выступлению против Тарле, следует помнить слова М.В. Нечкиной: «Понять историка и его творчество... можно при одном неперемennom условии: анализировать как объективные, так и субъективные моменты его биографии, вплоть до его чувств, личных привязанностей, особенностей его психического склада и т.д.»⁴².

В.М. Далин как историк сформировался в лоне Института красной профессуры, специфика которого состояла в том, что «он воспитал новый тип советского специалиста, в котором органически сочетались черты активного борца с буржуазной идеологией и качества ученого-

⁴⁰ АРАН. Ф. 1759 (М.Н. Покровский). Оп. 4. Д. 409. Л. 2 (в архиве сохранилась напечатанная копия этого письма). Заметим, что с годами характер Е.В. Тарле не претерпел особых изменений, и подобным выступлениям против себя он и впредь не придавал большого значения. Так, в связи с критикой его книги «Нашествие Наполеона на Россию» неким С.И. Кожуховым в 1951 г. в журнале «Большевик» (подробнее см.: *Каганович Б.С.* Указ. соч. С. 305-306), он написал А.С. Ерусалимскому 8 сентября 1951 г., что мнение этого автора не может его «особенно живо интересовать». – АРАН. Ф. 1539 (А.С. Ерусалимский). Оп. 1. Д. 460. Л. 2.

⁴¹ См.: *Хвостов В.М.* От редактора // *Тарле Е.В.* Сочинения в 12 томах. Т. 5. М., 1958. С. 6.

⁴² *Вандажковская М.Г.* Милица Васильевна Нечкина // *Историческая наука России в XX веке.* М., 1997. С. 414.

марксиста»⁴³. Именно выпускники ИКП «составили “бухаринскую школу”, “деборинскую школу”, “школу М.Н. Покровского”, активно участвовавшие в научной и политической жизни страны 1920-х гг.»⁴⁴.

Как отмечает Л.А. Сидорова, «каждое поколение историков имеет свои характерные черты и особенности. Они связаны прежде всего с тем, что формирование различных поколений происходило в своей социо-культурной среде, с присущими только ей чертами. Личности составлявших поколение людей складывались под воздействием господствовавшей системы воспитания и обучения, политических и духовных запросов современного им общества»⁴⁵. Хорошо знавшие В.М. Далина, не раз подчеркивали особенности сформировавшегося под воздействием Октябрьской революции его психического склада – сохранившаяся до конца его жизни безграничная преданность идеям выдвинутым творцами социалистической революции, скрытая надежда на приход к власти в западных странах левых политических сил, непоколебимая уверенность в необходимости изучения исторического прошлого исключительно на основе марксистско-ленинской методологии⁴⁶. К слову, все это было, в целом, присуще почти всем представителям его поколения⁴⁷. Поэтому А.В. Гордон по праву дал следующую, соответствующую действительности оценку выступлениям В.М. Далина против Е.В. Тарле: «Молодой Далин совершенно добровольно и искренне критиковал академика»⁴⁸.

О том, как молодых историков-марксистов учили относиться к деятельности исследователей старшего поколения, не придерживавшихся марксистской методологии, рассказала одна из представительниц его поколения Е.В. Гутнова: «Мы росли и формировались среди постоянных, навязших в зубах напоминаний, что лишь марксистское понимание истории по-настоящему научно, что работы историков и философов других

⁴³ *Иванова Л.В.* У истоков советской исторической науки. (Подготовка кадров историков-марксистов в 1917-1929 гг.). М., 1968. С. 141.

⁴⁴ *Никуленкова Е.Н.* Историческое отделение Института красной профессуры в 1920-е гг. // *Новейшая история России.* 2014. № 1. С. 108.

⁴⁵ *Сидорова Л.А.* Проблема смены поколений в исторической науке. Первое поколение советских историков и его характеристики // *Очерки истории отечественной исторической науки XX века.* Омск, 2005. С. 342.

⁴⁶ См.: *Оболенская С.В.* Памяти Виктора Моисеевича Далина // *Исторические этюды о Французской революции.* М., 1999. С. 17; *Гордон А.В.* Великая французская революция в советской историографии. М., 2009. С. 253; *Погосян В.А.* В окружении историков (сборник статей и рецензий). Ереван, 2011. С. 42-44.

⁴⁷ См.: *Гордон А.В.* Указ. соч. С. 28; *Смирнов В.П.* От Сталина до Ельцина: автопортрет на фоне эпохи. М., 2011. С. 485.

⁴⁸ *Гордон А.В.* Встречи с В.М. Далиным // *Французский ежегодник – 2002. Историки Франции. К 100-летию В.М. Далина (1902-1985).* М., 2002. С. 38.

направлений не только враждебны марксизму, но в силу своих неверных установок ненаучны или даже антинаучны. Нас воспитывали в духе нетерпимости ко всякому “инокомыслию” в нашей науке... Марксистское понимание истории пользовалось в нашей историографии полной монополией, насаждавшейся свыше»⁴⁹.

Будучи типичным представителем своего поколения, Далин просто не смог бы в те годы по-другому воспринимать творчество историков-немарксистов и проявить к ним более терпимое отношение, поскольку «марксистско-ленинская историография, возникшая как школа М.Н. Покровского, и сталинская историография, пришедшая ей на смену, претендовали на абсолютную истину»⁵⁰. В этой связи, уместно сослаться на М.М. Цвибака, заявившего в 1931 г.: «Нас интересуют не люди, а идеология»⁵¹. Именно этим постулатом и ориентировались все советские историки-марксисты той поры.

Е.В. Тарле в те годы иногда, в духе времени, называл себя историком-марксистом, но на деле никогда не придерживался марксистской методологии, по крайней мере, в том виде, который приобрел в СССР характер догмы, и ортодоксальные марксисты советской школы не раз подвергали его за это критике⁵². Даже в двух опубликованных в 1937 г. по поручению, если не под диктовку, самого Сталина заметках в газетах «Правда» и «Известия» в защиту Е.В. Тарле-наполеоведа, для опровержения опубликованных в них за день до этого критических рецензий на его книгу о Наполеоне, его историком-марксистом не признавали⁵³. В одной из них, опубликованной в «Правде», было написано: «Е. Тарле никогда не был марксистом, хотя и обильно цитирует в своей работе классиков марксизма... Во всяком случае из немарксистских работ, посвященных

⁴⁹ Гутнова Е.В. Пережитое. М., 2001. С. 139-140.

⁵⁰ Панейха В.М. Яков Самойлович Лурье и петербургская историческая школа // In Метогіам. Сборник памяти Я.С. Лурье. СПб., 1997. С. 143.

⁵¹ Зайдель Г. и Цвибак М. Указ. соч. С. 159.

⁵² См., например, выступления Н.М. Лукина, С. Кривцова, Ф.В. Потемкина и В.М. Далина на открытом заседании Методологической секции от 18 декабря 1930 г.: Буржуазные историки Запада в СССР. С. 48, 51, 53, 58. См. также отрицательное мнение Заведующего управлением научных учреждений при Совнарком СССР Е.П. Воронцова о Е.В. Тарле, высказанное в 1928 г.: «Если бы Тарле свои марксистские взгляды выражал бы не на словах, а побольше письменно <...>, а то выходит, в своих заявлениях он марксист, а в своих научных трудах – иное». Цит. по: Каганович Б.С. Указ. соч. С. 125.

⁵³ От редакции // Правда. 1937. 11 июня. С. 4; От редакции // Известия. 1937. 11 июня. С. 3. В общий контекст критического подхода до середины 1937 г. к книге Е.В. Тарле о Наполеоне вписывается и написанная Е. Адамовым с явно субъективных позиций критическая рецензия на неё. См.: Исторический журнал. 1937. № 3-4. С. 240-246.

Наполеону, книга Тарле – самая лучшая и ближе к истине». Ф.В. Потемкин, один из его критиков тех лет, позднее писал А.С. Ерусалимскому 19 октября 1960 г.: «Е.В. Тарле *никогда* (подчеркнуто автором. – В. П.) не был марксистом»⁵⁴. То же констатирует его биограф Б.С. Каганович: «Ссылки на “классиков” в позднейших трудах Тарле носят по большей части декоративный и вынужденный характер. До войны он еще пытался делать это с известной разборчивостью и эlegantностью, но потом и это стало невозможным, и он “махнул рукой”»⁵⁵.

Впрочем, и на долю В.М. Далина выпала горькая участь. Как отмечает А.Н. Артизов, «именно политическая активность, а если говорить конкретно – подчинение научной деятельности политической линии тогдашнего партийно-государственного руководства во главе со Сталиным, сыграли роковую роль в судьбе историков-марксистов. Оказавшись среди творцов такой политики, они стали затем ее жертвами»⁵⁶. Далин не был исключением и как предполагаемый «троцкист» провел почти 17 лет своей жизни в сталинских лагерях⁵⁷. Впрочем, и до своего ареста, и много позднее, например, в разговоре со мной летом 1983 г., он отрицал свою принадлежность к «троцкистской оппозиции», о чем в 1937 г. на партийном собрании ИМЭЛЛ сообщила одна бдительная особа⁵⁸.

После возвращения из лагерей В.М. Далин не любил вспоминать о своем участии в шельмовании Е.В. Тарле и в критическом выступлении советских историков против выдающегося французского исследователя Альбера Матъеза⁵⁹, которого он считал одним из своих учителей. Лишь однажды, грустно потупившись, он сказал мне, что в те годы разделял оценки, данные Тарле Н.М. Лукиным⁶⁰. По свидетельству же Б.С. Кага-

⁵⁴ АРАН. Ф. 1539 (А.С. Ерусалимский). Оп. 1. Ед. хр. 432. Л. 3 об.

⁵⁵ Каганович Б.С. Указ. соч. С. 332.

⁵⁶ Артизов А.Н. Судьбы историков школы М.Н. Покровского (середина 1930-х годов) // ВИ. 1994. № 7. С. 48.

⁵⁷ См.: Далин М.В. «Запечатленные моменты» из жизни В.М. Далина – пламенного революционера и трепетного поклонника музыки Клио // Исторические этюды о Французской революции. С. 24-30; Погосян В.А. Указ. соч. С. 52-53.

⁵⁸ Мосолов В.Г. ИМЭЛ – цитадель партийной ортодоксии: из истории Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, 1921-1956. М., 2010. С. 316.

⁵⁹ См. об этом: Polemika Альбера Матъеза с советскими историками 1930-1931 гг. С. 199-211; Погосян В.А. К вопросу о полемике Альбера Матъеза с советскими историками // ФЕ 2012. М., 2012. С. 428-437.

⁶⁰ В первой половине 1930-х годов Н.М. Лукин характеризовал Е.В. Тарле как деятельного участника «антисоветских организаций», «участника монархического заговора», «контрреволюционера», «буржуазного историка», представителя «вредительской» профессуры и т.д. См.: Буржуазные историки Запада в СССР. С. 45, 48; Лукин Н.М. Альбер Матъез (1874-1932) // ИМ. 1932. № 3. С. 83-84.

новича, в разговоре с ним в 1983 г. Далин сказал: «Если Вы знаете мою биографию, то должны знать, что я не должен был любить Тарле – моя научная деятельность началась с критики Тарле. Я с ним никогда не встречался⁶¹. Теперь я написал бы мягче, но думаю, что по существу я был прав»⁶².

Впрочем, в одной из своих последних книг В.М. Далин, характеризуя творчество Е.В. Тарле предреволюционного периода, не только высказал некоторые критические замечания, но и подчеркнул «крупное значение» «для изучения экономической, а особенно аграрной, истории Франции» его «капитального исследования» по истории французского рабочего класса в годы революции и «до сих пор» сохранившей свое значение «Континентальной блокады»⁶³.

В свете сказанного, едва ли стоит сегодня упрекать В.М. Далина, яркого представителя своего поколения, за его выступления на рубеже 1920-1930-х годов против историков, не разделявших взгляды историков-марксистов, тем более что сам он, по свидетельству В.П. Смирнова, как-то в Ленинграде высказал сожаление об этом эпизоде своей научной биографии.

Публикуемая ниже машинописная стенограмма доклада В.М. Далина хранится в фонде Общества историков-марксистов при Коммунистической академии Центрального исполнительного комитета СССР в московском Архиве РАН (Ф. 377. Оп. 2. Д. 52. Л. 2-22). Текст публикуется в орфографии и с пунктуацией оригинала. Подстрочные примечания – мои.

Ячейка содействия Об[щест]ву историков-марксистов

Доклад т. Далина на тему «О Тарле»

2/II – 1931 г.

Председатель: Слово для доклада предоставляется т. Далину.

Тов. Далин: Товарищи, разбор взглядов и концепций Тарле представляет особый интерес не только потому, что Тарле в силу известных нам обстоятельств претендовал на известную политическую роль и на какую роль его считали вполне пригодным круги достаточно компетентные, но и потому, что Тарле во всей своей исторической деятельности несомнен-

⁶¹ А.А. Дементьев допустил, к сожалению, ошибку, упомянув имя Е.В. Тарле среди тех, чьи семинары В.М. Далин посещал в годы своего обучения в ИКП. См.: *Дементьев А.А.* Далин Виктор Моисеевич // *Энциклопедический словарь Московского университета. Исторический факультет.* М., 2004. С. 113-114.

⁶² *Каганович Б.С.* Указ. соч. С. 146.

⁶³ *Далин В.М.* *Историки Франции XIX-XX веков.* М., 1981. С. 69-71. Отметим, что в этой книге наряду с фотографиями своих учителей и коллег, он поместил также фотографию Е.В. Тарле. См.: Там же. С. 87.

но был одним из авторитетных представителей буржуазной науки у нас. Если вы возьмете весь последний десятилетний период, когда так или иначе историческая наука возобновляла свою работу, Тарле был одним из немногих, который не только возобновил свою самостоятельную работу, но который сумел сплотить вокруг себя определенную школу.

То обстоятельство, что Тарле маскировался под марксизм, все время позволяло ему выступать в качестве марксиста. С другой стороны это ему давало возможность сплачивать вокруг себя определенную школу и определенное направление. Очень трудно сказать, что из тех, кто объединялся вокруг Тарле, объединялся политически или научно, может быть есть даже ничтожная группа, – а я думаю, что она очень ничтожная группа людей, которая действительно маскировалась, но во всяком случае именно в лице Тарле мы имеем наиболее опасного, наиболее крупного врага, с которым марксистской историографии, по крайней мере в области западной истории, пришлось бы иметь дело. Я думаю, что не только в области западной истории, потому что своеобразная особенность Тарле, – я думаю, что если по поводу Платонова и др. представителей русской истории можно сказать, что их тематика была тематикой очень определенной, это была тематика, которая не шла дальше XVII-XVIII века, если возьмете тех, которые работают у нас в РАНИОНе в последнее время, как Бахрушин и др., они своей тематикой не шли дальше XVIII века по большей части, во всяком случае не дальше первой половины XIX века, – между тем, как особенность Тарле заключалась в том, что он начал с таких тем, как история рабочего класса. Он первый из русских историков дал Европе эпохи империализма, что он первый из всех наших русских историков дал университетский курс «Европа эпохи империализма» и что доходило до того, что даже в Свердловке⁶⁴ мы работали по книге Тарле. Вот почему Тарле в силу своей тематики, которая многих заставляла думать, что мы имеем дело с представителем передовой историографии, по своей маскировке, потому что если он изображал и выдавал себя в качестве марксиста, по всей этой совокупности обстоятельств, Тарле являлся наиболее опасным из представителей старой буржуазной историографии, с другой стороны, наиболее живучим, поскольку он сплачивал вокруг себя молодежь и новое поколение и новую школу.

Я хочу вам попытаться только сказать, как в работах Тарле все время перекрещиваются и история и политика, вернее показать вам, как по су-

⁶⁴ Имеет ввиду Коммунистический университет имени Я.М. Свердлова – высшее учебное заведение ЦИК СССР и ВКП(б), готовившего в Москве в 1918-1937 гг. кадры для советской и партийной администрации. На его базе позднее была создана Высшая партийная школа при ЦК ВКП(б).

ти дела на протяжении всей исторической деятельности Тарле, на протяжении всей его научной деятельности, она являлась служанкой в зависимости от политических взглядов, от политических тенденций, которые Тарле в тот момент защищал.

Оговорюсь, что эта работа несколько сложнее, потому что Тарле имел очень такую своеобразную политическую эволюцию. Говорят даже, – я не могу ручаться за то, что это верно, – такой факт, что Тарле в конце [18]90-х годов привлекался по какому-то делу социал-демократической партии и Землячка вспомнила недавно, что он просил ее взять грех на себя. Я не отвечаю за подлинность этого факта. Не подлежит никакому сомнению, что начал Тарле как человек очень близкий к социал-демократическому, во всяком случае, струвианскому пониманию марксизма. Как он кончил, – вы это знаете. Поэтому, с другой стороны, если вы посмотрите самые корни политической эволюции Тарле, вы увидите, что они чрезвычайно зигзагообразны, и мы сейчас будем проследивать на примере исторической работы Тарле, вы увидите, как он делает в своей эволюции целый ряд зигзагов, и сообразно этим историческим зигзагам вы наметите целый ряд зигзагов политической деятельности.

Одно нужно сказать сразу, что во всей исторической деятельности Тарле, несмотря на всю маскировку, он являлся самым подлинным буржуазным историком. Даже тогда, когда Тарле выступал в качестве струвиста в первых своих работах, он собрал в том характеристику общественного движения в Европе XIX века⁶⁵. Это – первая большая работа Тарле. Во всех его этюдах, даже там, где он приветствует Струве и расшаркивается перед марксизмом, он проводит совершенно точные и определенно политические тенденции, именно он хочет подчеркнуть, что рабочее движение второй половины XIX века резко отличается по своему характеру от первой половины XIX века тем, что оно теряет свой революционный характер. И первые высказывания любопытны в том смысле, что он, как историк взявшей темы как будто чрезвычайно... там есть работа о Гамбете, о Парне[л]е, там есть работа фактически об Интернационале и о Марксе, там есть работа о революции [18]48 года и т.д. Так что тематика была наиболее современная и резко отличалась от тематики других буржуазных историков. Он сразу проводил совершенно определенный тезис и центральный тезис в этой книге «Характеристика общественного движения в конце XIX века Европы». Я постараюсь не замучить вас цитатами, но вы должны привыкнуть к документам и к цитатам.

⁶⁵ См.: Тарле Е.В. Очерки и характеристики из истории европейского общественного движения в XIX веке. СПб., 1903.

Так вот, как формулирует Тарле свой основной тезис?

«Вся история истекшего пятидесятилетия заключается в исчезновении революционных тенденций... (цитата)... западно-европейского общества».

Этим тезисом, как вы видите, Тарле дебитирует, что революционные тенденции исчезают. Теперь, он объясняет, почему первая половина XIX века характеризуется ярким развитием революционных тенденций, а вторая половина характеризуется их исчезновением. Это любопытно, потому что он там говорит, что:

«Бурный характер движения... (цитата)... с того момента, когда союз буржуазии и рабочих распался».

Значит, возможность революционного движения имеется только тогда, когда рабочий класс чувствует уверенность в возможной победе, а эту уверенность он получает только при наличии союза с буржуазией. А когда буржуазия перестает быть революционной, тогда и рабочий класс перестает быть революционным, потому что он понимает, что это уже не революция, а авантюра. И поэтому очень любопытно, как характеризует Тарле позицию буржуазии в [18]48 году. Он пишет, что:

«Большой ошибкой было бы думать, что буржуазия в [18]48 году во Франции... (цитата) ... не нужным».

Как видите, как будто бы общепризнанный тезис, что буржуазия в [18]48 году успокоила рабочее движение, – это можно найти у Тарквилля [sic, Токвиля], и Тарле излагает иначе: «Буржуазия бросила рабочих тогда, когда они ей не были нужны, когда буржуазия потеряла нужду в рабочих». И соответственно с этим идет параллельный процесс, рабочий класс перестает быть революционным. При этом Тарле, – он человек довольно смелый в смысле отдельных характеристик. Для примера я приведу такую вещь. В последней книге Тарле «Рабочий класс для машинного производства»⁶⁶, – он пишет:

«Я опираюсь на документы, которые не использованы... (цитата)».

Он в одной из этих глав цитирует Байрона⁶⁷. Вы вероятно знаете, что Байрон в эпоху лудитизма выступал с речью. И вот он пишет (характерно, что никто не обратил внимания на замечание Байрона. Это писалось в [18]26-[18]27 году и этот документ имеется в хрестоматии Фридлянда и Слуцкого)⁶⁸. Это очень смелый документ, который критиковал всю

⁶⁶ См.: Тарле Е.В. Рабочий класс во Франции в первые времена машинного производства. От конца Империи до восстания рабочих в Лионе. М.-Л., 1928.

⁶⁷ См.: Там же. Гл. 3.

⁶⁸ Фридлянд Ц., Слуцкий А. История революционного движения Западной Европы (1789-1914). Хрестоматия. Ч. 1. 5-е изд. М.-Л., 1928. Такого документа в этом сборнике нет.

буржуазию. Следовательно, это пример того, всего того, что существует вокруг него и до него. Этот пример развязности вы увидите в этой книге.

Как он оценивает Гегеля, как он говорит о Марксе? Он говорит о Гегеле следующее: «Одна статья Гегеля... (цитата)... вне Маркса». По Тарле получается, что логика противоречий не имеет решающей роли в системе Гегеля.

Просто ли это от развязности, от очень малого знакомства с системой Гегеля я не знаю, но Тарле с полной развязностью делает такой вывод, что это не имеет значения для Гегеля, и Маркс случайно ухватился за одну сторону системы Гегеля. И тут же он определяет, что представляет собой система взглядов Маркса [18]60-х годов, что представляет собой Интернационал [18]60-х годов в противоречие с первой половиной XIX века, которая характеризовалась революционностью. «Было бы... (цитата) ... революционный характер». Он говорит, что «... мысль была в [18]60-х годах у этого человека (т.е. у Маркса)... (цитата)».

Даже, как видите, против 2-ой империи, итальянского правительства ничего. «Экономическая, а не политическая борьба... (цитата) ... жизнь Интернационала». Как будто подошел человек, один из первых, к истории Интернационала, изучает между прочим с целым рядом комплиментов по адресу Маркса, а с другой стороны говорит, что Интернационал ни капли, ни зерна революционности не содержал. Он хочет подстричь Маркса, под эту гребенку, показать, что Маркс понял, что революция выпадает из арсенала средств рабочего класса. И вывод, общий вывод, который проходит красной нитью по всем этюдам Тарле в этой книге, таков, что: «Если рабочий класс в его... (цитата)».

В первой же своей работе Тарле, подходя к изучению опыта революционного общественного движения 19[-ого] века, сделал определенный вывод, который очень характерен для такой политической тенденции Тарле – доказать, что революционные тенденции умирают, что в Европе революционные тенденции уже не имеют места. Как вы видите, когда вы просмотрите эти статьи Тарле той эпохи на эту тему, то увидите ясно, что подходит к освещению этих проблем он под определенным политическим углом зрения. Взять первую работу, которая действительно создала славу, историческую репутацию Тарле, это работа о рабочем классе в эпоху Великой французской революции. Вы можете сказать, что эти работы вышли в 1907-[190]8 году. Но был ли поворот влево у Тарле? Почему он обратился к изучению эпохи революции? Сейчас я по этому поводу дам объяснения, но предварительно замечу вот что. Тарле как историк озабочился, чтобы оставить документ для изучения своей эволюции.

Книга «Рабочий класс в эпоху Вел[икой] франц[узской] революции» вышла в 3-х томах. 1-й томик «Рабочие национальной мануфактуры»⁶⁹, затем собственно 1-й том⁷⁰ и наконец 2-й том, который вышел только в 1912 году⁷¹. И любопытно, что целый ряд основных вопросов на протяжении этого шестилетия в трех выпусках получили у Тарле различное освещение, различную интерпретацию.

В первой своей книжке, отчасти в первом томе, Тарле ставил основной вопрос, как характеризовать рабочий класс эпохи Великой французской революции. И Тарле подошел к этому вопросу не обычно, не так, как подходили до него. Он подчеркнул, что обычно преуменьшают сознательность и организованность рабочего класса эпохи Вел[икой] фр[анцузской] рев[олюции]. Он подчеркивает, что «у рабочего класса... (цитата) ... принято о них судить».

Как видите, чрезвычайно высокая оценка степени организованности рабочего класса в эпоху Великой фр[анцузской] революции, которой даже у Жореса вы не найдете в такой ярко выраженной форме, как у Тарле. С другой стороны, если вы поставите вопрос о том, как оценивает Тарле политические выступления рабочего класса этой эпохи, вы увидите, что он подчеркивает, что политически рабочий класс самостоятельно не выступает. Почему? Он подчеркивает, что экономической высокой организованности рабочего класса соответствует отсутствие самостоятельных политических выступлений и это не случайное явление, а это есть волевое самоограничение пролетариата. И опять-таки то же самое, что в этой первой книге «Общественное движение»: «Не столько в недостатке понимания своего положения, сколько в недостатке... (цитата) ... на свою сторону».

Как видите, он подчеркивает, что с одной стороны есть высокая степень рабочего класса, способность к экономической борьбе, а с другой стороны есть сознательное самоограничение пролетариата. Как объясняет себе этот тезис Тарле, я к этому сейчас вернусь, но хочу тут же подчеркнуть, что Тарле этой эпохи, первых выпусков своей книги, очень высоко оценивает роль якобинизма. Он подчеркивает, что обычно говорят о том, что якобинцы громили, били, и т.д. Он подчеркивает, что «мои исследования, исследования в области рабочего класса не подтверждают

⁶⁹ См.: Тарле Е.В. Рабочие национальных мануфактур во Франции в эпоху революции (1789-1799). СПб., 1907.

⁷⁰ См.: Тарле Е.В. Рабочий класс во Франции в эпоху революции. Исторические очерки. Ч. 1. СПб., 1909.

⁷¹ См.: Тарле Е.В. Рабочий класс во Франции в эпоху революции. Ч. 2. (С приложением неизданных документов). СПб., 1911.

этой общей отрицательной оценки якобинцев». Наоборот, он пишет, что «якобинизм этой эпохи с моей точки зрения должен оцениваться прежде всего по высокой степени интереса к рабочему вопросу. Рабочим на один краткий момент удалось захватить огромное влияние на деле... (цитата)... как именно якобинцы [17]93-[17]94 года».

С одной стороны он дает высокую оценку сознательности пролетариата, с другой стороны в высокой степени положительную оценку якобинцев. Откуда она вытекает? Она вытекает из того, что Тарле эпохи первой революции 1905-[19]06 годов был по существу дела левым кадетом, стоял на лево-буржуазных позициях и в своей книге, которая несколько позже появилась «Падение абсолютизма в Западной Европе»⁷², он подчеркивал, какие задачи стоят перед русским рабочим классом, и он говорит, что русская буржуазия прими[ри]ться с царизмом никак не может, что примирение буржуазии с царизмом было бы равносильно самоубийству, и поэтому рабочий класс и не должен опасаться, что русская буржуазия может ему изменить, а наоборот должен целиком поддержать ее в политической борьбе. Вы видите, следовательно, что должен делать рабочий класс – он должен поддержать гегемонию русской буржуазии и довериться ее руководству, потому что буржуазия не может изменить ему. Где русский пролетариат может найти прецедент такого отношения? В Великой фр[анцузской] революции, где пролетариат был способен к организованности, к сознательности и где он политически себя самоограничил, признал гегемонию буржуазии.

Пострадал от этого пролетариат? Ничуть. Посмотрите на якобинизм. Тогда Тарле не прочь был представить себе, что русская буржуазия могла сыграть роль французских якобинцев. Посмотрите, в эпоху якобинской диктатуры положение рабочего класса резко улучшилось. Вот как вы видите, тезис, который Тарле, как русский буржуазный политик выставляет в защиту того, что пролетариат должен себя самоограничить, что пролетариат должен подчиниться руководству буржуазии. Он так это описывает: – когда буржуазия придет к власти, – этот тезис он подчеркивает на основе опыта Великой французской революции. И поэтому совершенно не случайно Тарле должен был подчеркнуть высокую сознательность пролетариата, потому что этой экономической организованности пролетариата соответствует политическое самоограничение пролетариата. Не какой-нибудь дикий невежественный пролетариат выступает. Нет, именно организованный, именно сознательный, понимающий необходимость

⁷² См.: Тарле Е.В. Падение абсолютизма в Западной Европе. Исторические очерки. Ч. 1. СПб., М., [1906].

равенства, этот пролетариат сознательно себя политически самоограничил. Вот вы видите первую работу Тарле, именно тот тезис, который он выдвинул, тезис о политическом самоограничении пролетариата, он исходил из определенной политической установки Тарле, находящегося под влиянием первой русской революции, Тарле эпохи этой, левый кадет. Но очень любопытно, если вы возьмете последующие работы Тарле, в частности второй том его работы «Рабочий класс эпохи Французской революции», то вы увидите, что там у него уже оценка совершенно иная. Я вам огласил оценку, где он пишет относительно того, что в эпоху якобинской диктатуры положение рабочего класса резко улучшилось.

Теперь посмотрите, как он этот тезис подчеркивает? Он подчеркивает, что этот вывод о том, что положение рабочего класса резко улучшилось, относится не только к мануфактуре, но относится ко всей промышленности. И он сформулировал еще в первом томе следующим образом:

«Правительственная власть в эпоху господства Монтаньяров... (читает)... демократически».

А если вы возьмете работу второго тома Тарле, то вы увидите, как он формулирует рабочую политику Конвента. Там он говорит:

«Рабочая политика Конвента... (цитата) ... против рабочих».

И ни одного слова относительно того, что якобинцы искренне благосклонно относились к рабочим. В этом втором томе о якобинской политике вы о положении рабочих ничего не найдете. Если в первом томе Тарле боролся против оценки, что якобинцы разбивали вазы и т.д., что это не верно, что сейчас вы увидите, что оценка якобинизма дается уже очень резкая. Не хочу вам приводить целых выписок из самого Тарле, но во всех местах он подчеркивает, что политика якобинцев, политика робеспьерского топора была в высшей степени губительна для Французской революции. О положительной роли якобинцев в этой книге нет. Вы напрасно будете искать в этой книге тезис, который так прекрасно был сформулирован в предыдущей работе Тарле, относительно сознательности рабочих. Здесь он подчеркивает совершенно обратное, что рабочие оказались недостаточно подготовленными, что основы социально-экономической жизни рабочие считали вполне нормальными и предудказанными. И тот же Тарле, который раньше подчеркивал способность рабочих к организованности, теперь говорит, что рабочие хотели только хлеба, и что они пошли покорно за революцией, когда она давала им хлеб, пошли за Наполеоном, потому что он давал им хлеб. Рабочий класс получал дары революции, но сам он не был способен ни к какой самостоятельной деятельности. Вы видите, по вопросу о рабочей политике, по вопросу об

оценке якобинизма, по вопросу о том, был ли пролетариат сознателен и в какой мере, по этому вопросу историк рабочего класса пришел к совершенно противоположным выводам на протяжении пяти лет. Почему? Потому что за этот период изменилась политическая ситуация, потому что в [19]12 году Тарле, как и вся русская буржуазная интеллигенция, уже не видела никакой нужды, чтобы иметь в качестве союзника рабочий класс, потому что сейчас доказывать пролетариату политическое самоограничение, необходимость гегемонии буржуазии было совершенно не нужно, потому что какие бы иллюзии о том, что русская буржуазия сама повторит этап якобинцев, эти иллюзии совершенно отпали. Но сейчас на якобинцев Тарле смотрит совершенно другими глазами. В 1905 году Тарле участвовал в демонстрации в Питере. Он даже получил шрам от казачьей сабли по голове, тогда ему казалось необходимым это самоограничение пролетариата. Но в [19]12 году вместе со всей буржуазной интеллигенцией он изменил свой взгляд, и оценка якобинизма, оценка рабочего класса стала совершенно другой. И как историк, как заботливый историк, который для своей собственной биографии оставляет следы в документах, Тарле оставил нам два тома одной и той же работы одного автора, которые по основным вопросам дают совершенно различные и совершенно не похожие оценки.

Я должен, товарищи, сказать, что к этому вопросу относительно Великой французской революции и роли якобинизма, Тарле вернулся еще в [19]17-[19]18 году, и вы определенно увидите, как в [19]17-[19]18 г. в зависимости от политической ситуации, как бы он себя не представлял как парящим над объективной действительностью историком, беспристрастным объективным историком, как он совершенно по-разному освещал опять таки одни и те же вопросы. Я уже сказал, – хотя и вас пощадил и не читал этого самого места из Тарле, – как он оценивал во втором томе своей работы, какие он давал резкие оценки якобинизму. Он говорил относительно того, что:

«Робеспьер казнил всех, кого только он мог подозревать, что в одном Париже гибли ежедневно... (читает) ... бессмысленно и т.д.».

В [19]17 году, как вам известно, после июльских дней, несколько раньше до них, после неудачного июльского выступления Керенского, по требованию Корнилова восстановили смертную казнь на фронте. И тогда Тарле, который сотрудничал очень энергично в газете «День», выступает опять в качестве историка, освещая опыт Великой французской революции. И что он говорит в статье «Двенадцатый час», которая была написана после июльских дней. Он пишет: «Наша революция гибнет. Что нужно

сделать для ее спасения?» Как историк, он должен, прежде всего должен показать на исторической иллюстрации. И он указывает этот опыт Великой французской революции: «Робеспьер тоже будет... (цитата)».

Но Тарле предупреждает, что не нужно думать, будто бы террор действовал только против буржуазии и против аристократии. Сейчас же за смертью Марии Антуанетты покатила голова башмачника. Он пишет, что:

«Казнили буржуазию, рабочих, крестьян. Суровейшая, беспощаднейшая судебная репрессия по отношению ко всем мародерам... (цитата) ... в крестьянском зипуне, и этим Великая французская революция себя спасла».

Но он пишет, что «честь и спасение исторической репутации нашего поколения зависит от того, насколько правительство Керенского сумеет использовать этот исторический пример, насколько оно окажется способным... (цитата)... пример Великой французской революции».

Тот самый Тарле, который в [19]12 году извергал гром против приращения террора, в [19]17 году говорит, что наше поколение должно следовать примеру Великой французской революции, иначе она погибнет. И тогда он в статье «О спасении армии», где он берет восстановление смертной казни на фронте, говорит: «Если мы хотим спастись, то мы должны следовать опыту Великой французской революции – восстановите гильотину». Гильотина действовала, он предупредил как историк, что гильотина не только против аристократии и буржуазии, но и против демократических элементов, против рабочих, против крестьян. Последуйте этому примеру и тогда честь нашего положения будет спасена. Вы видите, как Тарле, опять таки в [19]17 году, – я вам говорил, что он оставил документы, которыми, конечно, занимаются, для того и существуют историки, чтобы изучить эти документы.

И вот мы сейчас можем на основании этой статьи показать, как Тарле в [19]17 году признал целиком опыт и уроки Робеспьеровской тактики, тактики Вел[икой] франц[узской] революции. Но история пошла не так, как этого хотел Тарле. В [19]18-ом году гильотина действительно заработала, если не гильотина, то во всяком случае террор, на первых порах чрезвычайно скромный, по отношению только «к людям во фраках», а не к «людям в «зипунах» и в рабочих куртках». Тогда Тарле, возвращаясь опять к проблеме террора, выпускает сборник, который называется «Трибунал Великой Французской революции»⁷³ и там дает уже совер-

⁷³ См.: Революционный трибунал в эпоху Великой Французской революции. Воспоминания современников и документы. Редакция проф. Е.В. Тарле. Ч. 1-2. Петроград, 1918-1919.

шенно другую оценку роли террора, очень ясную. Вы помните, как он говорил в 1917 году, а в 1918 году – он пишет так, что «картина беспредельного произвола с одной стороны... (цитата) ... того же рода».

Уже не спасение революции, а преступные деяния темных, определенно преступных личностей. Вы видите, как на протяжении нескольких месяцев, когда политическое положение изменилось, когда смертная казнь вводилась не Корниловым и Керенским, а террор применяла Советская власть, сразу опыт террора, опыт Вел[икой] франц[узской] революции у нашего «объективного» историка получает абсолютно другую оценку. Почему? Я думаю, что на том большом материале, который я вам привел, как Тарле освещал роль рабочего класса или якобинцев, или террора, в 1907 году, в 1912, 1917, 1918 вы ясно видите, как историческая деятельность Тарле, на протяжении всей этой эпохи была отражением определенных политических взглядов и политических воззрений. Я думаю, что это не является ни в коей мере придиркой марксистов-историков, – а буржуазной школы. Нас упрекали, что у нас всякий мальчишка может выступать, а основные ученые русской школы не могут выступать. Я думаю, что на основании документов можно показать, как у Тарле взгляды по основным вопросам по теме, которой он занимался в течение 10 или 15 лет, коренным образом изменялись и исключительно в зависимости от политической обстановки, от политической ситуации. Поэтому к Тарле мы должны подходить в первую голову не как к историку, а в первую голову, как к буржуазному политику, который соответствующим образом излагает исторические факты в зависимости от политической обстановки.

Теперь я перейду к 2-ой части моей темы, к освещению деятельности Тарле после Октябрьской революции. В этот период основные работы, которыми Тарле занимается, это работы в области внешней политики. Тарле, как я уже сказал и вы сами знаете, выпустил курс «Европа в эпоху империализма»⁷⁴. В этом курсе Тарле выступает в качестве марксиста, и когда ему Мих[аил] Ник[олаевич] Покровский в статье в «Историке-марксисте» бросил целый ряд обвинений⁷⁵, Тарле возмутился и заявил, что ни в коей мере его в каком бы то ни было пристрастии антантофильском нельзя обвинять, что он выступает, как самый настоящий объективный историк, который судит оба империализма в одинаковой мере⁷⁶. И он говорит, что –

⁷⁴ См.: Тарле Е.В. Европа в эпоху империализма. 1871-1919. М.-Л., 1927.

⁷⁵ М.Н. Покровский его упрекал, в частности, в усыновлении антимарксистского подхода и в «антантофильстве». См.: Покровский М. Указ. соч. С. 137.

⁷⁶ См.: Тарле Е. К вопросу о начале войны. (Ответ М.Н. Покровскому) // ИМ. 1928. Т. 9. С. 105-106.

я понимаю в известной мере слабость людей, которые все время войны пробыли в стране какого-нибудь определенного союза, которым надоела шовинистическая пропаганда прессы одной стороны – Покровский прожил во Франции, поэтому хочет обвинить именно Францию, я это понимаю, но мы должны обвинять обе стороны. Но тут Покровский сразу возразил очень справедливо, что вы, собственно, тоже были в одной стране, вы прожили все время войны в России. Но Тарле в годы войны, как он действительно объективно понимал виновность обеих сторон? Тут нужно подчеркнуть, что все годы войны Тарле действует как шовинист, Тарле был национал-шовинистом, поддерживал царское правительство в империалистической войне на стороне Антанты. И эту свою точку зрения антантофильскую, в первую очередь французскую точку зрения Тарле проводил очень четко во всей своей исторической работе. И совершенно естественно, что это было тем политическим тезисом, который Тарле защищал в зависимости от обстановки от 1914 до 1928-[19]29 гг. На протяжении всей эпохи Тарле очень твердо занимал одну и ту же точку зрения, доказывал, что целиком и полностью всю ответственность за войну несет на себе Германия. Я не буду вам приводить цитат, относительно того, что Тарле писал в том же самом «Дне» в 1917 году. Я хочу отметить только одно место, что Тарле по всем вопросам о войне, о тактике подходил определенным образом. В 1917 году было сделано предложение со стороны папы о прекращении военных действий...

И Тарле писал тогда, что если этот ответ прозвучал неудовлетворительно, то вина за это лежит целиком и полностью на России, и даже более точно он подчеркивал, что «германская ставка может сейчас занимать совершенно другую позицию... (цитата)».

Он совершенно точно заявляет, что если Германия не идет на уступки, то виновата в этом русская социал-демократия, виноваты большевики, во главе со своим лидером Лениным. Тарле подчеркивал, что вся деятельность большевиков определенным образом усиливает немцев. Это был тот тезис, как известно общий тезис, который защищался всей нашей буржуазной печатью, и который чрезвычайно ясно и твердо все время защищал Тарле. Когда потом в книге Тарле «Европа в эпоху империализма» мы читаем тот же тезис, что заключением Брестского мира мы облегчили Германии ведение войны, когда мы с другой стороны ослабили позиции революционного рабочего класса, то здесь он проводит тот же тезис, который в прикрытой форме он защищал в 1917 году, что мы виноваты в войне. Тарле все время имел определенную точку зрения. Он говорил, что неправильно его обвиняли, что в своей книге «Европа в

эпоху империализма», он обвинял только Германию, что по его мнению он обвинял обе стороны. Я приведу, как в 1922 году Тарле высказался по этому поводу. Он дал статью в журнале «Былое» «Германская ориентация и Дурново»⁷⁷. Он там пишет «нелепые стремления Вильгельма II-го и его друзей (вы сейчас увидите, кто эти друзья)... (цитата)».

Как видите, в 1922 году – это было уже в советской печати – Тарле подчеркивает тезис, что собственно Россия войны не желала, ни в коем случае и обратное могут доказывать только Вильгельм II-й или его друзья – все марксисты-историки. Он защищает твердо тезис, что Россия особенно не хотела войны, дальше Тарле разбирает, какие течения были в России по вопросу о войне.

И он пишет, что было два течения, одно консервативное, другое империалистическое. Какое из них консервативное и какое империалистическое? Консервативное течение это такое, которое понимало нужды и интересы России, империалистическое – такое, которое потеряло инстинкт самосохранения. И он подчеркивает опять, возвращаясь к абсолютизму, что:

«Бывают моменты, когда абсолютизм... (цитата)... этой психологии».

Вся славянская политика царизма, – это есть какой то психологический вывих абсолютизма, который уже укрепился, но который сам себя грабит этой самой славянской политикой. Но он подчеркивает в своей статье, что даже империалистическое течение, даже страдающие психическими болезнями, даже лишенные, даже они в [19]12-[19]13-[19]14 гг. не были сторонниками этого течения и также войны не желали. Он, понятно, обвиняет германский царизм полностью. Русский царизм ни в какой мере не хотел войны. Это уже доказано, не в [19]17 году, а в [19]22 году, и эту же самую точку зрения Тарле, как известно, проводил в своем курсе. При чем очень любопытно, товарищи, что потом он этот свой курс выпустил вторым изданием, и во втором издании он сделал маленькие поправки. Скажем, там где он говорил, что Россия не собиралась к войне, Тарле вставил одно слово «пока», еще не собиралась к войне.

Я вам приведу другой пример, который не касается России, но который показывает, насколько Тарле гибко приспособился к критике. Он говорил, что... (цитата).

Во втором издании он пишет: – тогда в [19]17 году опасность революционной волны была ли она меньше, чем тогда, когда либералы получили власть.

⁷⁷ См.: Тарле Е.В. Германская ориентация и П.Н. Дурново // Былое. 1922. № 19. С. 161-176.

А например, Каутский совершенно логично возражает. Значит не русская мобилизация, а вернее, германский штаб сделал логичными такие изменения Тарле. Тарле имел определенный тезис, который он защищал и в [19]17 и в [19]27 году, этот тезис был неизменный. Он показывает, что наш Союз нельзя считать виновным в этой войне.

Для апологии, которую Тарле приводил, очень любопытно посмотреть его книжку о Витте⁷⁸. Это небольшая книжка. Надо сказать Тарле прекрасный стилист, и в этом отношении нельзя сравнить любую из наших книг Лукина или Фридлянда с книгой Тарле, которую читаешь, как художественное произведение. Книжка о Витте хорошо написана. Он пишет:

«Почему Россия не позволяла действовать на Дальнем Востоке Японии... (цитата)... целостность Китая».

Либо же, например, он определяет, каково было содержание дальневосточной политики Витте в 1905-[19]06 году. Совершенно очевидно, что Витте проводил совершенно определенную империалистическую политику на Дальнем Востоке. Как это определяет Тарле? Он пишет, что: «Союз в Китае в 1906-[19]07 году – это основная азиатская политика Витте». Эта книжка вышла в [19]25 году, в это время, когда мы прекрасно знаем, что есть дневники Витте, есть все документы, опубликованные в Красном Архиве, что это сохранение целостности Китая, сохранение союза с Китаем:

«Китайская политика Витте заключалась в том, чтобы ни в коем случае не захватывать в свое политическое обладание ни одной пяди китайской территории... (цитата)... с Китаем».

Вы знаете, после того, как Витте в своих мемуарах пишет, как они цинично и просто подкупают китайских чиновников, как они самым бесцеремонным образом, не нарушая территориальной неприкосновенности Китая, после этого смешно допускать тезис Тарле, который говорит о Витте, исходя из соображений сохранения целостности Китая. Для Тарле это не случайно. Он во всех работах изображающих внешнюю политику царизма, проводил совершенно определенную линию, – линию на апологетику, на оправдание политики царизма.

Я не думаю, чтобы нужно было вам подробно изложить книгу «Европа в эпоху империализма». Вы знаете, что вся книга построена на признании одного основного тезиса, что в войне виновата исключительно только одна Германия. Я должен, товарищи, сказать, что совершенно

⁷⁸ См.: Тарле Е.В. Граф С.Ю. Витте. Опыт характеристики внешней политики. Л., 1927.

не случайно подавляющее большинство работ Тарле этой эпохи после Октябрьской революции сосредоточено именно на изучении проблем внешней политики. Если в первую половину своей деятельности Тарле главным образом изучал рабочий класс Великой французской революции и вне всякого сомнения он получил все стимулы к этому изучению, для того, чтобы он искал прецедентов, прототипов, как должна строиться тактика русского пролетариата, то сейчас не случайно центр тяжести своей работы Тарле обращал на изучение внешней политики. Тарле писал в «Дне», тогда, когда Россия вышла из войны, когда уже было ясно, что войну дальше Россия не будет продолжать, тогда Тарле поставил вопрос относительно перспектив. Так статья и называется. Он говорит, что история – дело долгое, и не всегда русский народ будет похож на нынешнее поколение. Как будет дальше развиваться мировая война? Он говорит, что:

«Падение России... (цитата) ... потребуется не три года, а потребуются 23 года».

Отсюда ясно, что данная война закончится вничью, но война между основными соперниками предстоит в дальнейшем и России никак не вырваться из этой войны.

Он говорит, что «фикция – предполагать, что нас оставят в покое... (цитата)... русской территории».

Отсюда он делает вывод, что основное – это накоплять силы. Порядок так или иначе восстановится и в силу международной констелляции, международного положения, Россия все равно окажется на стороне одной из коалиций, и тогда внутренний порядок в России восстановится. Отсюда у Тарле была такая гипотеза, что внутренний порядок в России восстановится на основе нового вовлечения России в международную войну, т.е. смысл совершенно естественный: Антанта будет продолжать войну, Антанта не оставит Россию в покое, Антанта должна будет воздействовать на Россию и тогда у нас в качестве рикошета мы будем иметь восстановление старого порядка и тогда, говорит он: – «Надо будет восстановить армию... (цитата)... себя словами».

А пока что таким людям, как Тарле, который хорошо понимает мировую историю, остается ждать, не понимая, что главное опасение придет из внешней сферы, из сферы воздействия империалистического государства. Вот почему вся дальнейшая работа Тарле только в этом свете может быть объяснена. Тарле ни на минуту, ни на секунду не переставал быть врагом Советской России. Но он понял на определенном периоде времени, у нас создается такое положение, что изменение придет извне, и поэтому он готовился в министры

иностраных дел, а пока занимался историей международной политики. Поэтому как тогда не был случайным интерес Тарле именно к рабочему классу, так совершенно неслучайным был интерес Тарле к внешней политике.

И совершенно естественно, что в области внешней политики Тарле защищал все время непрерывно одну и ту же национал-империалистическую, национал-либеральную точку зрения, занимаясь апологетикой русского царизма. А раз царизм находится вне всякого подозрения, виновата в войне Германия, то безусловно уж Франция невинна аки агнец.

Но бывали моменты, когда Тарле покровительственно относился к нашей внешней политике. Он написал статью об Англии и Турции, после того, как Кемаль-Паша победил⁷⁹. Он заявил следующим образом, что «совершенно естественно, что Россия, даже Франция (он с французским мнением очень считался)... (цитата)».

«Конечно, Одесса, Севастополь, Николаев... (цитата)... а не сильную Англию».

Видите, как он освещает нашу восточную политику, что мы хотим иметь рядом слабую Турцию, а не сильную Англию. Он пишет дальше следующим образом, что «Россия, ее экономические, политические и стратегические интересы... (цитата)».

И дальше он полностью умышленно подводит нашу советскую политику на Востоке под старую царскую политику. Он подчеркивает: «Все равно, если бы Россия не вышла из войны в 1917 г. ... (цитата)... на минуту», т.е. Советская Россия продолжает ту политику, которую проводила царская Россия, буржуазная Россия.

«Однако, неправильно... (цитата)... не против нас».

Как видите, на минуту он готов одобрить политику советской дипломатии, но толковал это наш профессор так, как самый настоящий национал-буржуа, национал-империалист, с точки зрения логического развития империалистической политики России, на челе которой Тарле рассчитывал еще оказаться.

Как видите, не случаен предмет, занятый Тарле, и совершенно не случайна та точка зрения, под которой Тарле освещает всю нашу мировую внешнюю политику.

Тарле изображал себя в качестве марксиста. Для характеристики «марксизма» Тарле я могу привести только одно место. Для марксиста очень любопытно, конечно, осветить сущность американского империализма. Как он объясняет агрессивность американского империализма? Он пишет, что: «... (цитата)».

⁷⁹ См.: Тарле Е.В. Англия и Турция. Исторические корни и развитие конфликта // *Анналы*. 1923. № 3. С. 21-71.

С точки зрения Тарле оказывается, что эти анонимные о[бщест]ва... И он пишет, что «число акционеров в С[оединенных] Штатах... (цитата)... милл[ион] человек», что было всевластие 8 крупных акционерных о[бщест]в, что сейчас они очень ограничены в своих правах затем, что Рокфеллер и Морган – магнаты в былом, сейчас двинулся мелкий капитал. «Должен ли... (цитата)... и Кулидж».

Видите, вся экспансия американского империализма вытекает из совершенно неожиданного демократизма капитала в С[оединенных] Штатах. Этот «марксизм навыворот» Тарле совершенно очевиден. Тарле достаточно умный человек, про него нельзя сказать, чтобы он не понимал, он совершенно сознательно извращает действительность.

Остается последний вопрос: для чего Тарле понадобилась эта маскировка? Совершенно естественно, что Тарле понадобилась эта маскировка для того, чтобы использовать полулегально возможности, на основании тех легальных возможностей, которые он имел, имея кафедру в Ленинграде, имея определенные связи, будучи академиком Академии наук. У нас в России его печатали в марксистских журналах, одну его статью поместили в «Историке-марксисте»⁸⁰, хотя потом сразу было замечено, что это крупная ошибка⁸¹. И вместе с тем он готовился к своей функции – министра иностранных дел. Покровский как-то, когда полемизировал с Тарле – нужно отметить крупную заслугу Покровского, что он несколько лет тому назад, когда книга «Европа в эпоху империализма» только вышла, – в форме, которая многим марксистам казалась резкой, вступил в борьбу с этой книгой Тарле, – поставил вопрос: не слишком ли много марксизма напустил на себя г[осподи]н Тарле⁸²? В Европе Вас не поймут. Об этом можно привести только один факт. Я не могу сообщить подробно относительно конспиративной работы Тарле, хотя он эту работу вел в достаточной мере, но можно указать, говоря только о Тарле, как историке, оставаясь в рамках исторической науки, как он определенным образом

⁸⁰ См.: Тарле Е.В. Бегство Вильгельма II. (К истории падения монархии в Германии) // ИМ. 1927. Т. 4. С. 62-72.

⁸¹ Эту «ошибку» признавали как руководство «Историка-марксиста», так и М.Н. Покровский. В этом журнале «От редакции» написано: «Откровенно скажем, что и появление одной из глав этой книги («Европа в эпоху империализма». – В.П.) на страницах «Историка-марксиста» без соответствующего примечания от редакции тоже факт ненормальный. Не досмотрели». // ИМ. 1928. Т. 9. С. 109. См. также письмо М.Н. Покровского в редакцию «Историка-марксиста» от 19 ноября 1928 г.: «Не очень сильный закал дает Западное отделение ИКП, к сожалению. Но это вопрос особый. Упомянуть же об этом нужно было, как и о том, что главу из книги Тарле в “Историк-марксист” мы напечатали зря». – Горин П.О. М.Н. Покровский – большевик-историк (Сб. статей о М.Н. Покровском). Минск, 1933. С. 97.

⁸² См.: Покровский М. Указ. соч. С. 17.

подготавливая себя к политике. Тарле последний раз в заграничной командировке был осенью 1929 г. В ноябре, кажется 9 ноября, 1929 г. Бриан произнес речь о создании пан-Европы во французской палате депутатов, а в конце ноября 1929 г. Тарле выступил с докладом на тему «Континентальная блокада, как попытка пан-европейского союза»⁸³. Для вас всех, как историков, или будущих историков, совершенно точно известно, что континентальная блокада есть попытка подчинения Европы французской гегемонии, самая настоящая brutальная аннексия целого ряда европейских важных центров в интересах французской гегемонии. Но бриановская идея пан-Европы, что это такое? Это есть идея создания французской гегемонии на континенте в XX веке, после войны. Само собой разумеется, что Бриан эту свою идею французской гегемонии маскирует идеей пан-Европы. Тарле для помощи Бриану, для того, чтобы элиминировать представление, что Франция пытается подчинить Европу, что континентальная блокада была такой попыткой, – он читает доклад, в котором сообщает, что континентальная блокада, это не есть попытка подчинения, самого brutального, грубого подчинения Европы французскому империализму, что она не является аннексией, а попыткой создать пан-европейское государство⁸⁴. В этом своем докладе он доказывал, что в этот период, создав подлинное единство интересов действительно мирно, – что ошибка, грубо говоря, только в наполеоновском деспотизме, что идея единства рынков, использования сырья, идея европейского экономического единства все больше и больше проникала в мозги... деятелей. И с этой точки зрения континентальная блокада вовсе не представляется какой то уродливой попыткой Наполеона и Франции подчинить своему экономическому могуществу, это попытка определенных всевозможных идей создать в начале XIX века единство европейского континента. И совершенно естественно, что когда Тарле, закончил свой доклад, то ректор Сорбоннского парижского университета⁸⁵ выразил ему глубокую благодарность, что для осуществления той идеи, над которой работал Наполеон, работает Лига Наций, ибо ректор превосходно понял, что делает Тарле. В Лиге Наций вы знаете, что Франция ведет борьбу, чтобы быть хозяином в этой Лиге Наций. Вот почему попытка Тарле, в данном случае он берет те-

⁸³ Выступление Е.В. Тарле состоялось 30 ноября 1929 г. в Сорбонне. См.: Каганович Б.С. Указ. соч. С. 107.

⁸⁴ В.М. Далин, по собственному признанию в разговоре со мной, присутствовал на этом выступлении Е.В. Тарле с большой неохотой. См.: Погосян В.А. В окружении историков. С. 49.

⁸⁵ Ректором Сорбонны в 1927-1937 гг. был Себастьян Шарлети (1867-1945).

му «Континентальная блокада» и определенным образом выступает, конечно, не как какой-нибудь деятель Промпартии, а он выступает как историк, опять-таки оставаясь на узко-объективной почве истории. Он как-то подчеркивает, что плох будет тот историк, когда он, читая документ, отнесенный к XIX веку, думает о том, что относится к XX веку. Однако тот же самый Тарле, который считается лучшим знатоком в европейском масштабе континентальной блокады, делает доклад о континентальной блокаде и думает целиком о создании пан-Европы. Это была попытка по сути дела показать на примере прошлого, что Тарле и передовые круги русской интеллигенции, которые он представляет, целиком и полностью принимают и понимают попытки создания пан-Европы. Вот почему идее Бриана Тарле очистил дорогу на основе исторических иллюстраций, доказывая, что континентальная блокада не есть попытка создания французской гегемонии, преждевременная попытка еще в начале XIX века создать единство европейского континента. Так что в Европе, конечно, когда Тарле выступал, если бы он выступал тут, он бы сказал, что континентальная блокада, – это грубая попытка Франции навязать свою волю, захватить рынки и т.д.

Совершенно не случайно Тарле удостоился там большой чести как приглашения на кафедру в Сорбонне. Ему предлагалось даже прочитать курс. На его докладе присутствовал весь цвет французской исторической науки, потому что они прекрасно понимают, что они имеют дело не с марксистом, а наиболее значительным представителем русских буржуазных историков. Мне думается, что я вам все-таки показал, что в основных чертах в деятельности Тарле мы имеем полное право подойти к нему не как к объективному историку, тяготеющему к марксизму, а как к буржуазному историку, который в своей исторической деятельности проводил совершенно точные буржуазные тенденции и на службу этой буржуазной политике отдал всю свою историческую деятельность.

ВОПРОСЫ И ОТВЕТЫ

ВОПРОС: Кто из историков марксистов Запада критиковал Тарле? Меня интересует еще, раскусил ли «Историк-марксист» Тарле?

ВОПРОС: Я не поняла, товарищ, когда вы говорили про первый момент, связанный с работой Тарле «Рабочий класс эпохи Великой французской революции»? Первая работа писалась в [1]907 году. Вы сказали, что он считал якобинцев представителями французской бур-

жуазии, а вы считаете их представителями мелко-буржуазного класса. Потом еще один вопрос: Желая оправдать и доказать, что Россия является меньше всего боевой в начале гражданской войны, пользовался ли Тарле документами германскими, знал ли он их или он их сознательно игнорировал? Еще вопрос – как обстоит дело со школой?

ВОПРОС: Интересна точка зрения Тарле, его освещение Америки в войне [19]14 года?

ВОПРОС: У Тарле как будто есть курс русской истории в эпоху Екатерины⁸⁶. Как это увязывается с общей исторической концепцией в смысле преувеличения экономической зрелости России?

ДАЛИН: Что касается первого вопроса, заметили ли это западники, то я не могу вам точно назвать фамилии, но какие-то были западники в Ленинграде, которые защищали книгу Тарле. Я думаю, что вероятней всего это был Захер⁸⁷ и его группа, которые как вам известно, были членами партии и т.д. Но во всяком случае Покровский тогда в своей статье показал, что к стыду нашему надо признать, что есть какие то западники, которые защищают книгу Тарле.

Что касается западников, работающих здесь, то они эти книги разоблачили. Это относится к Фридлянду и другим⁸⁸. Некоторая борьба шла не столько вокруг книги Тарле, сколько вокруг книги Петрушевского⁸⁹. Если вы помните, тогда эти две книги появились одновременно

⁸⁶ Текст этого курса был опубликован в 1945 г. См.: *Тарле Е.В.* Екатерина Вторая и дипломатия. I. Стенограмма лекции, читанной 7 мая 1945 года. М., 1945.

⁸⁷ О доброжелательном отношении Я.М. Захера к Е.В. Тарле в 1928-1931 гг., кого он считал своим учителем, который «очень многое» дал ему в науке см.: *Золотарев В.П.* Яков Михайлович Захер (1893-1963) // Портреты историков. Время и судьбы. Т. 2. Всеобщая история. М.-Иерусалим, 2000. С. 339; *Гордон А.В.* Личность и судьба ученого: Яков Михайлович Захер // ФЕ 2014. Т. 2. Франция и Восток. М., 2014. С. 358.

⁸⁸ По поводу второго издания книги Е.В. Тарле «Европа в эпоху империализма» (М., Л., 1928) Н. Рубинштейн писал: «Е. Тарле от ошибочных положений 1-го издания – неполюн и непоследователен. Тарле пытается оговоркой, изменением ударения, смягчением резкой формулировки добиться того, что может быть достигнуто прямым признанием ошибки, переходом к другой исторической схеме, отказом от основного греха – фаталистического понимания исторического процесса». См.: *Рубинштейн Н.* Отступление в боевом беспорядке // ИМ. 1929. Т. 11. С. 161-162.

⁸⁹ Речь идет о книге: *Петрушевский Д.М.* Очерки из экономической истории средневековой Европы. М., Л., 1928. Об указанной дискуссии, в которой приняли участие Г.С. Фридлянд, Е.А. Косминский, А.Д. Удальцов, А.И. Неусыхин и др. – См.: Диспут о книге Д.М. Петрушевского. (О некоторых предрассудках в исторической науке) // ИМ. 1928. Т. 8. С. 79-128. См. также: *Фридлянд Ц.* Два шага назад. (О книге проф. Д.М. Петрушевского «Очерки из экономической истории средневековой Европы») // Под знаменем марксизма. 1928. № 2. С. 147-161.

но и Покровский писал об этих книгах и о книжке Петрушевского⁹⁰ и о книге Тарле, он открыл борьбу по обеим этим книгам, борьбу, которая означала попытку на целом ряде фактов и старой историографии и в области новой завоевать новые позиции.

Выход, скажем, второго тома книги Фридлянда⁹¹ был несомненно исканием, потому что он несомненно хотел дать отпор книге Тарле и заменить новой марксистской книгой.

Теперь, раскусил ли в этом смысле «Историк-марксист», я не помню точно года, но я думаю, что сейчас же после появления книги Тарле, может быть через два месяца точно была подчеркнута неофильская тенденция этой книги. Это было со всей ясностью подчеркнута «Историком-марксистом», а это означало, что Тарле интерпретирует всю нашу политику. Поэтому борьба с Тарле началась с той эпохи⁹². Если вы сравните первые два издания Тарле, вы увидите, насколько Тарле пытался приспособиться к той критике, которая развернулась. Пока еще эта маскировка не ввела никого в заблуждение. Я могу сказать, что деятельность Тарле до выхода книги «Европа в эпоху империализма», все ее раскусили. Когда он выпустил книгу «Эпоха машинного производства»⁹³, то тут он напустил много туману. Как то в «Большевике» писали о революционной трибуне, писали, что автор очевидно куда то выслан. Слепков не обращал внимания, в чем дело. Он дал ответ в «Большевике», что автор, как видно, куда-то выслан. А затем не забудьте, что Тарле вел себя настолько лояльно, настолько рассыпался в полной своей преданности марксизму, СССР, что его надо было хорошо раскусить. Но во всяком случае книга «Европа в эпоху империализма» достаточно была встречена в штыки и главная заслуга это заслуга Покровского.

Теперь относительно якобинцев, ставил ли Тарле так вопрос, что якобинцы представители мелкой буржуазии или крупной? Я приведу цитату из Тарле, он говорил так: «Когда... (цитата)».

Так что очень возможно, что для Тарле якобинцы были вроде интеллигентской партии, которая на основании широкого социального базиса

⁹⁰ См.: Покровский М. Указ. соч. С. 5-10. Линию, проводимую в этой книге Д.М. Петрушевским, М.Н. Покровский охарактеризовал как антинаучную. См.: Там же. С. 5.

⁹¹ См.: Фридлянд Ц. История Западной Европы, 1789-1914. Ч. 2. Европа в эпоху империализма [1871-1914]. Харьков, 1928.

⁹² В 1928 г. «Историк-марксист» характеризовал Е.В. Тарле «классовым противником». См.: От редакции // ИМ. 1928. Т. 9. С. 109.

⁹³ См.: Тарле Е.В. Рабочий класс во Франции в первые времена машинного производства. От конца Империи до восстания рабочих в Лионе. М.-Л., 1928.

приходит к власти. Почему у Тарле той эпохи, такое подчеркивание положительной роли якобинизма. Потому, что он тогда думал, что у нас в России повторится то же самое. И когда эти иллюзии отпали, все эти иллюзии на роль рабочего класса, на волевое самоограничение рабочего класса отпали...

Насчет... Что Тарле очень хорошо знаком с литературой, это не подлежит сомнению, он знаком с нашими архивами, и с публикациями документов и т.д., но он достаточно умный человек, чтобы давать освещение, какое ему нужно. В работе Каутского «Как началась мировая война»⁹⁴ Каутский подчеркивает виновность Германии, это было, когда Каутский работал в Архиве Иностранных дел, и в этой работе он старался подчеркнуть виновность германского империализма...

В этом отношении искусство цитирования есть великое искусство. В этом отношении можно процитировать любой документ и извлечь то, что нужно. Тарле достаточно грамотный человек.

Оценки работ Тарле я не касался, но у меня есть статья, по поводу оценки работ Тарле⁹⁵. Также он например указывает, что он первый использует данные источники, хотя они до него достаточно были знакомы и изображает дело так, что он первый цитирует это, хотя это также цитировали до него.

Первая работа Тарле, посвященная Томасу Морю, встретила очень резкую критику Водовозова⁹⁶. Так например, Тарле цитирует Томаса Мора «Утопию» со свойственной ему привычкой, что он первый переводит с латинского на русский язык, устраняя все ошибки и пр. Оказывается, что такие же ошибки в немецком издании, и Водовозов это вскрыл и доказал, что это Тарле переводил с немецкого печатного издания и все ошибки, которые есть в немецком издании, имеются в книжке в переводе Тарле. И Водовозов, человек достаточной научной компетенции. Тарле критикует Каутского и указывает, что Каутский то-то не знает, не принимает в расчет такого-то обстоятельства, как раз именно такое обстоятельство, которое Каутским подчеркнута. И, конечно, не случайно, что после этой работы, – это была его магистерская работа, – он первую кафедру получил в Юрьеве (в Дерпте) и эта работа получила очень сомнительную научную оценку, и по-

⁹⁴ См.: Каутский К. Как возникла мировая война. По документам германского министерства иностранных дел. М., 1924.

⁹⁵ См.: Винтер К. [Далин В.М.] Чего нельзя простить академику. (Рец. на кн.: Е.В. Тарле. Краткий очерк истории Европы (1814-1919). Изд. 2-е. Л., 1929) // Книга и революция. 1929. № 15-16. С. 8-11.

⁹⁶ См. об этом: Каганович Б.С. Указ. соч. С. 31-34.

следующие работы также встретили известное подозрение. И только уже позже, на основании «Рабочего класса», Тарле приобрел более установившуюся научную репутацию. Но в его научной работе есть целый ряд слабых мест, хотя, конечно, талант Тарле отрицать нельзя, и искусством цитировать Тарле обладал в высокой степени. Вот почему все документы, которые он цитировал, чтобы показать, что он первый их знает... (С МЕСТА: Дубровский не у него учился?) Я не скажу точно.

Относительно Америки в 1914 году. Конечно, Тарле касался этого. И определяя причины участия Америки в войне, он придавал крупнейшее значение подводной войне Германии, потоплению «Лузитании», что эта подводная война, потопление судна были причиной, после которой Вильсон... точно также как было с Бельгией. Он подчеркивал, что вмешательство Англии в войну объясняется тем, что Германия захватила Бельгию. Он говорил, что если бы не этот захват, Англия в войну не вмешалась бы. У него в 1-ом издании было сказано ясно, что «для Англии... (цитата)... не желала», когда захватили, тогда только Англия решила на войну.

А во 2-ом издании Тарле сделал очень тонкую оговорку, заявил, что «в Англии, конечно, за несколько лет знали... (цитата) ... не желала».

У него есть маленькая книжка относительно истории... Там было так: «Совершенно неожиданное вступление Англии в войну» и т.д. «изменило карты Германии» и т.д. А в новом издании вставлено, что Англия заранее знала, что Бельгия будет захвачена и т.д. И получается вставленная специально цитата относительно того, что Англия знала, а начинается глава по-старому «неожиданное вступление Англии в войну». Также и насчет вступления Америки в войну, это точно такой же вопрос, как вмешательство Англии в войну, старая теория англо-французского империализма, что Англия вступила в войну после попрания прав бельгийского народа. В отношении Америки точно так же ставился вопрос, что подводная война вынудила Америку вмешаться в войну.

Теперь относительно экскурсов в область русской истории. Экскурсы в область русской истории Тарле дал. Но мы не должны заниматься тем, чтобы в каждой работе Тарле найти политические тенденции. Я мог бы показать на протяжении всей работы и на этой его работе, на докладе, который он читал, где было сказано, что Россия отсталая страна. Эта статья его очень интересная с той точки зрения,

что она показывает, насколько у Тарле неправильна была точка зрения на Французскую революцию, где он совершенно отрицал значение капитализма в дореволюционной Франции и писал и даже показывал, что в России была даже более крупная мануфактура, чем во Франции. Это совершенно неправильная точка зрения. Этот курьез любопытен для постановки вопроса об экономическом уровне развития Франции. Хотя Тарле не является ни в какой мере народником, но в данном случае он следовал традициям своего учителя Лучицкого. Лучицкий был виднейшим представителем народнической русской школы в области изучения Французской революции, который доказывал, что Франция до революции являлась экономически отсталой, страной мелких ремесленников и мелкой крестьянской собственности. Это был основной тезис Лучицкого и этот тезис поддерживал Тарле. Этот тезис у Лучицкого и Кареева, потому что они доказали, они подходили к вопросу о кустарном промысле и к вопросу о расслоении, точно так же, как подходили сами народники. Тарле в данном вопросе следует их методу, хотя Тарле тогда говорил, что в расцвет [18]70[-х] и [18]80-х годов Лучицкий после Парижской Коммуны эволюционировал вправо. Потом повторяю, что этот экскурс с этой точки зрения очень интересно привлечь для понимания характеристики Тарле экономического строя Франции.

Насчет школы. Само собой разумеется, что те, которые были непосредственно связаны с Тарле, – это одно дело, а с другой стороны, вне всякого сомнения, что у нас есть целый ряд учеников Тарле, которые опять-таки выступают в качестве марксистов и к которым мы должны относиться в высшей степени осторожно и внимательно и проверять их работу очень тщательно. В какой мере это есть маскировка и в какой мере это действительно переход людей к признанию другого метода? В числе других учеников Тарле есть такой автор, как Щеголев, книжка которого о Бабёфе⁹⁷ вам вероятно всем известна и другие книги после Термидора⁹⁸. Щеголев ученик Тарле. Последние годы он не работал под руководством Тарле⁹⁹, точно я не знаю, но во всяком

⁹⁷ См.: Щеголев П.П. Заговор Бабефа. Л., 1927.

⁹⁸ См.: Щеголев П.П. После термидора. Очерки по истории термидорианской реакции. М.-Л., 1930.

⁹⁹ П.П. Щеголев (1903-1936) принял активное участие в гонениях на Е.В. Тарле. См.: Зайдель Г. и Цвибак М. Указ. соч. С. 126-138. Об отрицательном к нему отношении Е.В. Тарле свидетельствовал М.Б. Рабинович: «Е.В. Тарле чрезвычайно враждебно относился к П.П. Щеголеву. Истоки этой неприязни уходят в те времена, когда началось преследование Тарле, закончившееся его высылкой. Тогда были организованы “разоблачительные выступления”, направленные против новоявленных “врагов народа на

случае проверить работу людей, которые были учениками, и вышли из школы Тарле вне всякого сомнения проверить их марксизм нужно. И сейчас, если заниматься дискуссией на историческом фронте, мы должны вне всякого сомнения проверить тех попутчиков, которые вышли из-под влияния Тарле и которые усиленно маскировали под марксизм.

Тарле и Бернштейн. Видите, трудность заключается в том, что я не могу вам точно ответить, мы не знаем в середине [19]20-х годов, что он собою представлял, был ли он когда-нибудь социал-демократом? Очевидно, он не был социал-демократом. Этим самым дается разница между Тарле и Бернштейном. Но я думаю, что его струвистом можно назвать с известной оговоркой. Во всяком случае, он был ближе всего к струвианскому пониманию марксизма, который выхолащивал всякое революционное содержание марксизма.

Почему я это подчеркиваю? Потому что Тарле тогда был ярко выраженным буржуазным политиком и я думаю, что даже такой природы социал-демократической у Тарле тоже не было. Во всяком случае, когда он выступил на литературной арене, эта книга «Об очерках общественного движения» [sic]¹⁰⁰ отпечаталась, кажется, в начале в «Жизнь», где он выступал как самый определенный ярко выраженный струвист и дает освещение Струве, как человека крупнейшего ума нашей эпохи и т.д. Это – понимание, выхолащивающее всякое революционное содержание.

С МЕСТА: Про Версаль.

ДАЛИН: Насчет Версаля у Тарле есть следующее. Во-первых, он написал об этом в своей книге. Вы спрашиваете, очевидно, об этюдах, которые он напечатал? У него есть несколько этюдов, которые он печатал в журнале «Анналы». У него есть четыре статьи в этом журнале¹⁰¹. Писались они, если не ошибаюсь в [19]22-[19]23 году. Единственно,

историческом фронте». В этой кампании принял участие П.П. Щеголев, чего Тарле ему не простил и остался настолько к нему враждебен, что, вопреки своей обычной вежливости, именовал его (правда, в узком кругу) «Павлушкой», и когда тот умер, не пошел на его похоронь». См.: *Рабинович М.Б.* Воспоминания долгой жизни. СПб., 1996. С. 141. Е.В. Тарле также «свою подпись под некрологом, помещенным в газете «Литературный Ленинград», не поставил». См.: *Молок Ф.А.* Указ. соч. С. 210.

¹⁰⁰ Речь идет о книге Е.В. Тарле «Очерки и характеристики из истории европейского общественного движения в XIX веке».

¹⁰¹ *Тарле Е.В.* Очередная задача // *Анналы.* 1922. № 1. С. 5-20; *его же:* Три катастрофы. Вестфальский мир. Тильзитский мир. Версальский мир // Там же. 1922. № 2. С. 59-94; *его же:* Англия и Турция. Исторические корни и развитие конфликта // Там же. 1923. № 3. С. 21-71; *его же:* Гегемония Франции на континенте (в прошлом и настоящем) // Там же. 1924. № 4. С. 34-92.

чем эта работа отличается от позднейших работ Тарле, – это то, что он находится под впечатлением поражения Германии. Там фигурирует тезис, что Германия погибла безнадежно, она ничем не может быть спасена. Затем выходит статья относительно Англии и Турции. Первая статья называется «Три катастрофы». Здесь он освещает катастрофический мир. Докладчик сравнивает Версальский договор и Тильзитский. Я думаю, что отношение к этим работам должно быть такое, как ко всем работам Тарле, с той оговоркой, что он тогда находился под впечатлением этой катастрофы, и он тогда поэтому подчеркнул, что Германия погибла безнадежно и что спастись ей не удастся.

ВОПРОС (с места): Нет ли стенограммы или тезисов, когда он выступал в Париже?

ДАЛИН: Я не знаю, велась ли стенограмма.

С МЕСТА: По прессе что ли известно?

ДАЛИН: В прессе были отдельные небольшие заметки. Точно я не знаю, поэтому я не приводил вам подробных цитат.

Тов. ЯКУБОВСКАЯ: Мне все-таки кажется, что Тарле, как историк, как ученый и труды Тарле все-таки не нашли должной оценки у наших западников-историков-марксистов. Вы сказали, что Фридлянд ускорил выпуск своей книги, а что имеется у Фридлянда в предисловии? Он говорил лишь два слова о Тарле, что вышла вредная или ошибочная книга Тарле¹⁰² и больше ничего. Критики, хотя бы минимальной там нет.

Дальше вышла книжка Покровского, его сборник об империалистической войне¹⁰³, и Покровский там останавливается только лишь на пустяковых фактах. Он говорит только лишь о том, что Тарле, говоря о причинах войны, говорит о том, что случайно, знало ли правительство или не знало об убийстве герцога Франца Фердинанда. Тогда правительство говорило, что не знало. Покровский останавливается только на этом моменте. Тарле пишет очень ловко. Например, хотите, относительно участия Англии в войне. Я читал[а] последнее издание. Он пишет, что Англия, Франция и Россия они империалистически были настроены, они готовились к войне, но не успели. Им война [19]14 года была невыгодна. Эта книга выходит без всяких предисловий, без всяких пояснений.

¹⁰² «Книга Е. Тарле посвящена преимущественно истории международных отношений эпохи империализма и чужда нашей коммунистической постановке вопроса», – писал Г.С. Фридлянд. – *Фридлянд Ц.* Указ. соч. С. 5.

¹⁰³ *Покровский М.Н.* Империалистическая война. Сборник статей. 1915-1927. М., 1928.

Тов. Далин говорил, что Тарле несколько свободно обращается с документами, но эта свобода не просто недобросовестность ученого. Это политическое жонглерство Тарле, подчинение науки Тарле его политическим интересам это не нашло должной оценки. Это большой недостаток. Конечно, сейчас об этом заговорили в связи с «Промпартией»¹⁰⁴, но во всяком случае так, как бы нужно было, об этом не говорили.

ВОПРОС: Как Вы смотрите на то место, где Тарле пишет относительно предложения о перемирии?

ДАЛИН: Из его «Эпохи империализма»?

ВОПРОС: Да. Какую он здесь занимает позицию? Виновником того, что не состоялось перемирие, он считает Германию.

ДАЛИН: Что касается вашего вопроса, можно ли солидаризироваться в том, что Тарле именно так освещает вопрос, то Тарле, хотя в ответе Покровскому¹⁰⁵ изображает дело так, что он обвиняет оба империализма, но во всей его работе, по вопросу о вступлении в войну, о ходе войны, Тарле обвиняет, конечно, Германию. Я поэтому привел эту цитату. Тарле в ослабленном виде, в смягченном виде защищал все эти точки зрения, которые защищал в ходе империалистической войны. Он просто для нашей советской действительности все эти точки зрения давал в смягченном виде, снабжал целым рядом оговорок, но по существу своей точки зрения не изменил и считал Германию виновной и в начале войны и в оттяжке перемирия. В этом вопросе у него ясно проведена антантофильская точка зрения.

В отношении того, что говорила тов. Якубовская я могу сказать, что конечно можно говорить, что в некоторой мере, это нужно было делать сильнее, но одно можно подчеркнуть, что как только книга Тарле «Европа в эпоху империализма» вышла, она встретила отпор со стороны историков-марксистов. Этот отпор был в первую очередь со стороны Покровского. Это совершенно ясно, потому что, хотя Покровский считается русским историком, но занимается историей мировой войны. И эта работа, которую проводил в этом отношении Покровский, представляет его крупнейшую заслугу вне всякого сомнения и в историческом наследстве Покровского это одна из наиболее важных частей. И совершенно естественно, поскольку Покровский

¹⁰⁴ См. об этом: Процесс «Промпартии» (25 ноября-7 декабря 1930 г.). Стенограмма судебного процесса и материалы приобщенные к делу. М., 1931; *Есине-вич А.А.* Мнимые вредители. «Шахтинское дело». «Дело Промпартии». СПб., 2004. С. 31-42.

¹⁰⁵ См.: *Тарле Е.В.* К вопросу о начале войны. С. 101-107.

занимался и занимается источниками о происхождении мировой войны, именно Покровский в первую очередь и должен был работу Тарле разобрать. Сделано ли это в достаточной степени твердо? Я могу ответить, что Тарле, когда отвечал Покровскому, он в конце написал, что в тоне, в котором пишет Покровский я не имею охоты отвечать¹⁰⁶. Тон Покровского показался Тарле, в некоторой мере, резким¹⁰⁷. (С МЕСТА: – И не только ему). Некоторые марксисты обвиняли Покровского в том, что он перегибает палку, говорили: вы должны иметь в виду, что надо соблюдать такт. Тарле был членом Академии наук и очень влиятельным членом Академии Наук. Это было больше 2-х лет тому назад. Так что в этом смысле обстановка была такая, что нужно было соблюдать известную субординацию. И при всем этом тон Покровского был очень резок и многие считали этот тон неуместным. Так что в этом смысле я думаю, что отпор был совершенно точный. То, что для Тарле это было достаточно, видно из того, что он во 2-ом издании книги сделал целый ряд исправлений. Так что в этом смысле война между Тарле и историками-марксистами была открыта не после процесса «Промпартии», а задолго до этого. И в этом заслуга Покровского, что он за долгое время и в очень резкой форме подчеркнул это. Тут не идет вопрос о ... а именно вопрос о том, что-бы вмешивались в политическую сферу, это вопрос политический.

Я могу порекомендовать т. Якубовской прочитать с одной стороны статью Покровского, а с другой стороны письмо в редакцию и ответ редакции. Вы говорите, что, по Вашему мнению, там не все дано. У Покровского есть сборник «Мировая война»¹⁰⁸ и во 2-ом издании эта статья была перепечатана. (С МЕСТА: – В предисловии не сказано). В предисловии Покровский не должен повторять всего, что сказал в своей статье. В «Историке-марксисте» эта статья напечатана, и там он дал критику Тарле, и в своей заметке, которая была посвящена книге Петрушевского и книге Тарле.

¹⁰⁶ Там же. С. 107.

¹⁰⁷ В своем ответе на выступление Е.В. Тарле, редакция «Историка-марксиста» заявила: «Не будучи марксистом, Е.В. Тарле не в силах, конечно, понять вообще нашего отношения к трактуемому им сюжету. Он обиделся на тон заметки «Историка-марксиста». Извините, это – тон, каким мы всегда разговариваем с нашими классовыми противниками. Случайно, или намеренно, вольно или невольно вы попали в их число». См.: От редакции // ИМ. 1928. Т. 9. С. 109.

¹⁰⁸ Такой книги у М.Н. Покровского нет. Эта статья была перепечатана в другом его сборнике статей: *Покровский М.Н.* Историческая наука и борьба классов. (Историографические очерки, критические статьи и заметки). Вып. II. М.-Л., 1933. С. 305-324. См. также второе издание этого сборника (М., 2011).

* * *

Вопрос о Бельгии и вопрос о Сербии, потому что как раз в основе вопроса о Сербии, об убийстве эрцгерцога Франца-Фердинанда заключается то, что Сербия и Россия готовили войну. Это очень существенный вопрос с точки зрения вопроса о виновности. Покровский подчеркивает, что русский посол в Белграде... обострить вызвать войну. Так что это вопрос не второстепенный, а определяющий виновность России и с этой точки зрения Тарле очень хитро обходит этот вопрос. Он писал, что знает документы, но он их не использовал в вопросе, который имеет большое значение с точки зрения определения виновности в войне, потому что это убийство в наибольшей мере ущемляет Россию и Сербию... Я думаю, что м.б. товарищи правы, что можно было сделать больше, ... но статья иллюстрирующая методы работы Тарле была напечатана довольно давно. Там не было такой резкой критики методов, но сама концепция Тарле была подвергнута критике. Вне всякого сомнения, может быть, что это нужно было сделать гораздо резче, но одно остается, я подчеркиваю, что война Тарле объявлена была, как только вышла его книга, объявлена была самая настоящая непримиримая война. Так что сказать, что тут прохлопали – нельзя.

Список литературы

- Академическое дело 1929-1931 гг. Документы и материалы следственного дела, сфабрикованного ОГПУ. Вып. 1. Дело по обвинению академика С.Ф. Платонова. СПб.: Б-ка РАН, 1993; Вып. 2. Ч. 1-2. Дело по обвинению академика Е.В. Тарле. СПб.: Б-ка РАН, 1998. [Akademicheskoe delo 1929-1931 gg. Dokumenty i materialy sledstvennogo dela, sfabrikovannogo OGPU. Вып. 1. Delo po obvineniyu akademika S.F. Platonova. SPb.: B-ka RAN, 1993; Вып. 2. Ч. 1-2. Delo po obvineniyu akademika E.V. Tarle. SPb.: B-ka RAN, 1998].
- Ананьич Б.В. О воспоминаниях Н.С. Штакельберг // In memoriam: Исторический сборник памяти Ф.Ф. Перченка. М., СПб.: Atheneum-Феникс, 1995. [Ananich B.V. O vospominaniyakh N.S. Shtakelberg // In memoriam: Istoricheskii sbornik pamyati F.F. Perchenka. M., SPb.: Atheneum-Feniks, 1995].
- Ананьич Б.В., Панеях В.М. О Петербургской исторической школе и ее судьбе // Отечественная история. 2005. № 5. [Ananich B.V., Paneyakh V.M. O Peterburgskoy istoricheskoy shkole i ee sudbe // Otechestvennaya istoriya. 2005. № 5].

- Артизов А.Н. Судьбы историков школы М.Н. Покровского (середина 1930-х годов) // Вопросы истории. 1994. № 7. [Artizov A.N. Sudby istorikov shkoly M.N. Pokrovskogo (seredina 1930-kh godov) // Voprosy istorii. 1994. № 7].
- Белозерская Л.Е. Так было (воспоминания об академике Е.В. Тарле) // Вестник Академии наук СССР. 1989. № 9. [Belozerskaya L.E. Tak bylo (vospominaniya ob akademike E.V. Tarle) // Vestnik Akademii nauk SSSR. 1989. № 9].
- Библиография трудов Г.С. Фридлянда // История и историки. Историография всеобщей истории. Сборник статей. М.: Наука, 1966. [Bibliografiya trudov G.S. Fridlyanda // Istoriya i istoriki. Istoriografiya vseobshhey istorii. Sbornik statey. M.: Nauka, 1966].
- Брачев В.С. «Дело» академика С.Ф. Платонова // Вопросы истории. 1989. № 5. [Brachev V.S. «Delo» akademika S.F. Platonova // Voprosy istorii. 1989. № 5].
- Брачев В. Травля русских историков. М.: Алгоритм, 2006. [Brachev V. Travlya russkikh istorikov. M.: Algoritm, 2006].
- Буржуазные историки Запада в СССР (Тарле, Петрушевский, Кареев, Бузескул и др.) // Историк-марксист. 1931. Т. 21. [Burzhuznyye istoriki Zapada v SSSR (Tarle, Petrushevskiy, Kareev, Buzeskul i dr.) // Istorik-markсист. 1931. T. 21].
- Вандалковская М.Г. Милица Васильевна Нечкина // Историческая наука России в XX веке. М.: Скрипторит, 1997. [Vandalkovskaya M.G. Militsa Vasilevna Nechkina // Istoricheskaya nauka Rossii v XX veke. M.: Skriptorit, 1997].
- Винтер К. [Далин В.М.] Чего нельзя простить академику. (Рец. на кн.: Е.В. Тарле. Краткий очерк истории Европы (1814-1919). 2-е изд. Л., 1929) // Книга и революция. 1929. № 15-16. [Vinter K. [Dalin V.M.] Chego nelzya prostit akademiku. (Rets. na kn.: E.V. Tarle. Kratkiy ocherk istorii Evropy (1814-1919). 2-e izd. L., 1929) // Kniga i revolyutsiya. № 15-16].
- Вольфшун Л.Б. Владимир Сергеевич Люблинский (1903-1968) // Портреты историков: время и судьбы. Т. 5. Средние века. Новая и новейшая история. М.: Наука, 2010. [Volfsun L.B. Vladimir Sergeevich Lyublinskiy (1903-1968) // Portrety istorikov: vremya i sudby. T. 5. Srednie veka. Novaya i noveyshaya istoriya. M.: Nauka, 2010].
- Гладышев А.В. Вячеслав Петрович Волгин (1879-1961) // Портреты историков. Время и судьбы. Т. 4. Новая и новейшая история. М.: Наука, 2004. [Gladyshev A.V. Vyacheslav Petrovich Volgin (1879-1961) //

- Portrety istorikov. Vremya i sudby. T. 4. Novaya i noveyshaya istoriya. M.: Nauka, 2004].
- Гордон А.В.* Встречи с В.М. Далиным // Французский ежегодник 2002: Историки Франции. К 100-летию В.М. Далина (1902-1985). М.: Издательство УРСС, 2002. [*Gordon A.V. Vstrechi s V.M. Dalinim // Frantsuzskiy ezhegodnik 2002: Istoriki Frantsii. K 100-letiyu V.M. Dalina (1902-1985). M.: Editorial URSS, 2002.*]
- Гордон А.В.* Власть и революция: советская историография Великой французской революции. 1918-1941. Саратов: Научная книга, 2005. [*Gordon A.V. Vlast i revolyutsiya: sovetskaya istoriografiya Velikoy frantsuzskoy revolyutsii. 1918-1941. Saratov: Nauchnaya kniga, 2005.*]
- Гордон А.В.* Великая французская революция в советской историографии. М.: Наука, 2009. [*Gordon A.V. Velikaya frantsuzskaya revolyutsiya v sovetskoy istoriografii. M.: Nauka, 2009.*]
- Гордон А.В.* Личность и судьба ученого: Яков Михайлович Захер // Французский ежегодник 2014. Т. 2: Франция и Восток. М.: ИВИ РАН, 2014. [*Gordon A.V. Lichnost i sudba uchenogo: Yakov Mikhaylovich Zakher // Frantsuzskiy ezhegodnik 2014. T. 2: Frantsiya i Vostok. M.: IVI RAN, 2014.*]
- Горин П.О.* М.Н. Покровский – большевик-историк. (Сборник статей о М.Н. Покровском). Минск: Типография Белорусской Академии наук, 1933. [*Gorin P.A. M.N. Pokrovskiy – Bolshevik-istorik. Minsk: Tipografiya Belorusskoy Akademii Nauk, 1933.*]
- Гутнова Е.В.* Пережитое. М.: Российская политическая энциклопедия, 2001. [*Gutnova E.V. Perezhitoe. M.: Rossiyskaya politicheskaya ehntsiklopediya, 2001.*]
- Далин В.М.* Историки Франции XIX-XX веков. М.: Наука, 1981. [*Dalin V.M. Istoriki Frantsii XIX-XX vekov. M.: Nauka, 1981.*]
- Далин М.В.* «Запечатленные моменты» из жизни В.М. Далина – пламенного революционера и трепетного поклонника музыки Клио // Исторические этюды о Французской революции. М.: ИВИ РАН, 1998. [*Dalin M.V. «Zapechatlennye momenty» iz zhizni V.M. Dalina – plamennogo revolyutsionera i trepetnogo poklonnika muzy Klio // Istoricheskie ehtyudy o Frantsuzskoy revolyutsii. M.: IVI RAN, 1998.*]
- Дементьев А.А.* Далин Виктор Моисеевич // Энциклопедический словарь Московского университета. Исторический факультет. М.: Издательство Московского университета, 2004. [*Dementev A.A. Dalin Viktor Moiseevich // Entsiklopedicheskiy slovar Moskovskogo universiteta. Istoricheskiy fakultet. M.: Izdatelstvo Moskovskogo universiteta, 2004.*]

- Диспут о книге Д.М. Петрушевского. (О некоторых предрассудках в исторической науке) // Историк-марксист. 1928. Т. 8. [Disput o knige D.M. Petrushevskogo. (O nekotorykh predrassudkakh v istoricheskoy nauke) // Istorik-marksist. 1928. T. 8].
- Долгова Е.А.* Предисловие // Ученый в эпоху перемен: Н.И. Кареев в 1914-1931 гг. Исследования и материалы. М.: Политическая энциклопедия, 2015. [*Dolgova E.A. Predislovie // Ucheniy v ehpkhu peremen: N.I. Kareev v 1914-1931 gg. Issledovaniya i materialy. M.: Politicheskaya ehntsiklopediya, 2015.*]
- Дунаевский В.А., Чапкевич Е.И.* Е.В. Тарле и его книга о Наполеоне // Тарле Е.В. Наполеон. М.: Пресса, 1992. [*Dunaevskiy V.A., Chapkevich E.I. E.V Tarle i ego kniga o Napoleone // Tarle E.V. Napoleon. M.: Pressa, 1992.*]
- Дунаевский В.А., Чапкевич Е.И.* Евгений Викторович Тарле: человек в тисках беззакония // Трагические судьбы: репрессированные ученые Академии наук СССР. М.: Наука, 1995. [*Dunaevskiy V.A., Chapkevich E.I. Evgeniy Viktorovich Tarle: chelovek v tiskakh bezzakoniy // Tragicheskie sudby: repressirovannye uchenye Akademii nauk SSSR. M.: Nauka, 1995.*]
- Есиневиц А.А.* Мнимые вредители. «Шахтинское дело». «Дело Промпартии». СПб.: СПГУТД, 2004. [*Esinevich A.A. Mnimye vrediteli. «Shakhtinskoe delo». «Delo Prompartii». SPb.: SPGUTD, 2004.*]
- Зайдель Г. и Цвибак М.* Классовый враг на историческом фронте. Доклады Г. Зайделя и М. Цвибака о Тарле и Платонове и их школах и прения на объединенном заседании Института истории при ЛОКА и Ленинградского отделения историков-марксистов. М., Л.: Государственное социально-экономическое издательство, 1931. [*Zaydel G., Tsvibak M. Klassoviy vrug na istoricheskom fronte. Doklady G. Zaydelya i M. Tsvibaka o Tarle i Platonove i ikh shkolakh i preniya na obyedinennom zasedanii Instituta istorii pri LOKA i Leningradskogo otdeleniya istorikov-marksistov. M., L.: Gosudarstvennoe sotsialno-ehkonomicheskoe izdatelstvo, 1931.*]
- Золотарев В.П.* Яков Михайлович Захер (1893-1963) // Портреты историков. Время и судьбы. Т. 2. Всеобщая история. М., Иерусалим: Университетская книга, Gesharim, 2000. [*Zolotarev V.P. Yakov Mikhaylovich Zakher (1893-1963) // Portrety istorikov. Vremya i sudby. T. 2. Vseobshaya istoriya. M., Ierusalim: Universitetskaya kniga, Gesharim, 2000.*]
- Иванова Л.В.* У истоков советской исторической науки. (Подготовка кадров историков-марксистов в 1917-1929 гг.). М.: Мысль, 1968. [*Ivanova L.V. U istokov sovetskoy istoricheskoy nauki. (Podgotovka kadrov istorikov-marksistov v 1917-1929 gg.). M.: Misl, 1968.*]

- Из литературного наследия Е.В. Тарле. М.: Наука, 1981. [Iz literaturnogo naslediya E.V. Tarle. M.: Nauka, 1981].
- Каганович Б.С. Сергей Федорович Ольденбург. Опыт биографии. Петербург: Феникс, 2006. [Kaganovich B.S. Sergey Fedorovich Oldenburg. Opyt biografii. Peterburg: Feniks, 2006].
- Каганович Б.С. Евгений Викторович Тарле. Историк и время. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2014. [Kaganovich B.S. Evgeniy Viktorovich Tarle. Istorik i vremya. SPb.: Izdatelstvo Evropeyskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2014].
- Как работает Общество историков-марксистов // Борьба классов. 1931. № 1. [Kak rabotaet Obshhestvo istorikov-marksistov // Borba klassov. 1931. № 1].
- Каутский К. Как возникла мировая война. По документам германского министерства иностранных дел. М.: Красная новь, 1924. [Kautskiy K. Kak vznikla mirovaya voyna. Po dokumentam germanskogo ministerstva inostrannykh del. M.: Krasnaya nov, 1924].
- Кен О.Н. Между Цезарем и Чингис-ханом: «Наполеон» Е.В. Тарле как литературный памятник общественно-политической борьбы 1930-х годов // Клио. 1998. № 3. [Ken O.N. Mezhdru Tsezarem i Chingis-khanom: «Napoleon» E.V. Tarle kak literaturniy pamyatnik obshhestvenno-politicheskoy borby 1930-kh godov // Klio. 1998. № 3].
- Куманев В.А. 30-е годы в судьбах отечественной интеллигенции. М.: Наука, 1991. [Kumanev V.A. 30-e gody v sudbakh otechestvennoy intelligentsii. M.: Nauka, 1991].
- Лагно А.Р. Вячеслав Петрович Волгин. М.: Издательство Московского университета, 2012. [Lagno A.R. Vyacheslav Petrovich Volgin. M.: Izdatelstvo Moskovskogo universiteta, 2012].
- Лукин Н.М. Альбер Матъез (1874-1932) // Историк-марксист. 1932. № 3. [Lukin N.M. Alber Mathiez (1874-1932) // Istorik-marksist. 1932. № 3].
- Молок Ф.А. Из воспоминаний об отце-историке и его коллегах // Клио. 2003. № 4. [Molok F.A. Iz vospominaniy ob otse-istorike i ego kollegakh // Klio. 2003. № 4].
- Мосолов В.Г. ИМЭЛ – цитадель партийной ортодоксии: из истории Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, 1921-1956. М.: Новый хронограф, 2010. [Mosolov V.G. IMENL – tsitadel partiynoy ortodoksii: iz istorii Instituta marksizma-leninizma pri TSK KPSS, 1921-1956. M.: Noviy khronograf, 2010].
- Мохов С. Интервент Тарле под защитой Востокова // Борьба классов. 1931. № 2. [Mokhov S. Intervent Tarle pod zashhitoy Vostokova // Borba klassov. 1931. № 2].

- Никуленикова Е.Н. Историческое отделение Института красной профессуры в 1920-е гг. // Новейшая история России. 2014. № 1. [Nikulenkova E.N. Istoricheskoe ottdelenie Instituta krasnoy professury v 1920-e gg. // Noveyshaya istoriya Rossii. 2014. № 1].
- Оболенская С.В. Памяти Виктора Моисеевича Далина // Исторические этюды о Французской революции. М.: ИВИ РАН, 1999. [Obolenskaya S.V. Pamyati Viktora Moiseevicha Dalina // Istoricheskie ehtyudi o Frantsuzskoy revolyutsii. M.: IVI RAN, 1999].
- От редакции // Историк-марксист. 1928. Т. 9. [Ot redaktsii // Istorik-marksist. 1928. T. 9].
- От редакции // Правда. 1937. 11 июня. [Ot redaktsii // Pravda. 1937. 11 iyunya].
- От редакции // Известия. 1937. 11 июня. [Ot redaktsii // Izvestiya. 1937. 11 iyunya].
- Панеяха В.М. Яков Самойлович Лурье и петербургская историческая школа // In Memoriam. Сборник памяти Я.С. Лурье. СПб.: Atheneum-Феникс, 1997. [Paneyakha V.M. Yakov Samoylovich Lurie i peterburgskaya istoricheskaya shkola // In Memoriam. Sbornik pamyati Ya.S. Lurie. SPb.: Atheneum-Feniks, 1997].
- Перченко Ф.Ф. Академия наук на «великом переломе» // Звенья. Исторический альманах. Вып. 1. М., СПб.: Прогресс, Atheneum-Феникс 1991. [Perchenok F.F. Akademiya Nauk na «velikom perelome» // Zveniya. Istoricheskii almanakh. Vyp. 1. M., SPb.: Progres, Atheneum-Феникс, 1991].
- Петрушевский Д.М. Очерки из экономической истории средневековой Европы. М.-Л.: Государственное издательство, 1928. [Petrushevskiy D.M. Ocherki iz ehkonomicheskoy istorii srednevekovoy Evropi. M.-L.: Gosudarstvennoe izdatelstvo, 1928].
- Погосян В.А. В окружении историков (сборник статей и рецензий). Ереван: Едит Принт, 2011. [Pogosyan V.A. V okruzenii istorikov (sbornik statey i retsenziy). Erevan: Edit Print, 2011].
- Погосян В.А. К вопросу о полемике Альбера Матъеза с советскими историками // Французский ежегодник 2012: 200-летний юбилей Отечественной войны 1812 года. М.: ИВИ РАН, 2012. [Pogosyan V.A. K voprosu o polemike Albera Mathieza s sovetскими историками // Frantsuzskiy ezhegodnik 2012: 200-letniy yubiley Otechestvennoy voyni 1812 goda. M.: IVI RAN, 2012].
- Покровский М.Н. Империалистическая война. Сборник статей. 1915-1927. М.: Издательство Коммунистической академии, 1928.

- [*Pokrovskiy M.N.* Imperialisticheskaya voyna. Sbornik statey. 1915-1927. M.: Izdatelstvo Komunisticheskoy akademii, 1928].
- Покровский М.* «Новые» течения в русской исторической литературе // Историк-марксист. 1928. Т. 7. [*Pokrovskiy M.* «Novye» techeniya v russkoy istoricheskoy literature // Istorik-marksist. 1928. T. 7].
- Покровский М.* Институт истории и задачи историков-марксистов. (Речь на заседании, посвященном открытию Института истории при Ком. Академии, 18 ноября 1929 года) // Историк-марксист. 1929. Т. 14. [*Pokrovskiy M.* Institut istorii i zadachi istorikov-marksistov. (Rech na zasedanii, posvyashhennom otkrytiyu Instituta istorii pri Kom. Akademii, 18 noyabrya 1929 goda) // Istorik-marksist. 1929. T. 14].
- Покровский М.Н.* Историческая наука и борьба классов. (Историографические очерки, критические статьи и заметки). Вып. 2. М., Л.: Соцгиз, 1933. [*Pokrovskiy M.N.* Istoricheskaya nauka i borba klassov. (Istoriograficheskie ocherki, kriticheskie stati i zametki). Vip. 2. M., L.: Sotsehgiz, 1933].
- Покровский М.Н.* Историческая наука и борьба классов. (Историографические очерки, критические статьи и заметки). Вып. II. М.: Librokom, 2011. [*Pokrovskiy M.N.* Istoricheskaya nauka i borba klassov. (Istoriograficheskie ocherki, kriticheskie stati i zametki). Vip. 2. M.: Librokom, 2011].
- Полемика Альбера Матьеа с советскими историками 1930-1931 гг. / Предисл. В.А. Дунаевского // Новая и новейшая история. 1995. № 4. [*Polemika Albera Mathiea s sovetскими историками 1930-1931 gg.* / Predisl. V.A. Dunaevskogo // Novaya i noveyshaya istoriya. 1995. № 4].
- Процесс «Промпартии» (25 ноября-7 декабря 1930 г.). Стенограмма судебного процесса и материалы приобщенные к делу. М.: Огиз. Советское законодательство, 1931. [*Protsess «Prompartii» (25 noyabrya-7 dekabrya 1930 g.). Stenogramma sudebnogo protsessa i materialy priobshhennye k delu.* M.: Ogiz. Sovetskoe zakonodatelstvo, 1931].
- Рабинович М.Б.* Воспоминания долгой жизни. СПб.: Европейский дом, 1996. [*Rabinovich M.B.* Vospominaniya dolgoy zhizni. SPb.: Evropeyskiy dom, 1996].
- Революционный трибунал в эпоху Великой Французской революции. Воспоминания современников и документы / Под ред. Е.В. Тарле. Ч. 1-2. Петроград: Былое, 1918-1919. [*Revolutsionniy tribunal v ehpokhu Velikoy Frantsuzskoy revolyutsii. Vospominaniya sovremennikov i dokumenty* / Pod red. E.V. Tarle. Ch. 1-2. Petrograd: Bilo, 1918-1919].

- Рубинштейн Н.* Отступление в боевом беспорядке // Историк-марксист. 1929. Т. 11. [*Rubinshteyn N.* Otstuplenie v boevom besporyadke // Istorik-marksist. 1929. T. 11].
- Сидорова Л.А.* Проблема смены поколений в исторической науке. Первое поколение советских историков и его характеристики // Очерки истории отечественной исторической науки XX века. Омск: Издательство ОмГУ, 2005. [*Sidorova L.A.* Problema smeny pokoleniy v istoricheskoy nauke. Pervoe pokolenie sovetских istorikov i ego kharakteristiki // Ocherki istorii otechestvennoy istoricheskoy nauki XX veka. Omsk: Izdatelstvo OmGU, 2005].
- Смирнов В.П.* От Сталина до Ельцина: автопортрет на фоне эпохи. М.: Новый хронограф, 2011. [*Smirnov V.P.* Ot Stalina do Eltsina: avtoportret na fone ehpkhi. M.: Noviy khronograf, 2011].
- Тарле Е.В.* Очерки и характеристики из истории европейского общественного движения в XIX веке. СПб.: Вольф, 1903. [*Tarle E.V.* Ocherki i kharakteristiki iz istorii evropeyskogo obshhestvennogo dvizheniya v XIX veke. SPb.: Volf, 1903].
- Тарле Е.В.* Падение абсолютизма в Западной Европе. Исторические очерки. Ч. 1. СПб., М.: Вольф, [1906]. [*Tarle E.V.* Padenie absol'yutizma v Zapadnoy Evrope. Istoricheskie ocherki. Ch. 1. SPb., M.: Volf, [1906]].
- Тарле Е.В.* Рабочие национальных мануфактур во Франции в эпоху революции (1789-1799). СПб.: Общественная польза, 1907. [*Tarle E.V.* Rabochie natsionalnykh manufaktur vo Frantsii v ehpokhu revolyutsii (1789-1799). SPb.: Obshhestvennaya polza, 1907].
- Тарле Е.В.* Рабочий класс во Франции в эпоху революции. Исторические очерки. Ч. 1. СПб.: Слово, 1909. [*Tarle E.V.* Rabochiy klass vo Frantsii v ehpokhu revolyutsii. Istoricheskie ocherki. Ch. 1. SPb.: Slovo, 1909].
- Тарле Е.В.* Рабочий класс во Франции в эпоху революции. Ч. 2. (С приложением неизданных документов). СПб.: Слово, 1911. [*Tarle E.V.* Rabochiy klass vo Frantsii v ehpokhu revolyutsii. Ch. 2. (S prilozheniem neizdannykh dokumentov). SPb.: Slovo, 1911].
- Тарле Е.В.* Очередная задача // Анналы. 1922. № 1. [*Tarle E.V.* Ocherednaya zadacha // Annaly. 1922. № 1].
- Тарле Е.В.* Три катастрофы. Вестфальский мир. Тильзитский мир. Версальский мир // Анналы. 1922. № 2. [*Tarle E.V.* Tri katastrofy. Vestfalskiy mir. Tilzitskiy mir. Versalskiy mir // Annaly. 1922. № 2].
- Тарле Е.В.* Германская ориентация и П.Н. Дурново // Былое. 1922. № 19. [*Tarle E.V.* Germanskaya orientatsiya i P.N. Durnovo // Byloe. 1922. № 19].

- Тарле Е.В.* Англия и Турция. Исторические корни и развитие конфликта // *Анналы*. 1923. № 3. [*Tarle E.V. Angliya i Turtsiya. Istoricheskie korni i razvitiye konflikta // Annaly*. 1923. № 3].
- Тарле Е.В.* Гегемония Франции на континенте (в прошлом и настоящем) // *Анналы*. 1924. № 4. [*Tarle E.V. Gegemoniya Frantsii na kontinente (v proshlom i nastoyashhem) // Annaly*. 1924. № 4].
- Тарле Е.В.* Европа в эпоху империализма. 1871-1919. М., Л.: Государственное издательство, 1927. [*Tarle E.V. Evropa v ehpokhu imperializma. 1871-1919. M., L.: Gosudarstvennoe izdatelstvo, 1927*].
- Тарле Е.В.* Граф С.Ю. Витте. Опыт характеристики внешней политики. Л.: Прибой, 1927. [*Tarle E.V. Graf S.Yu. Vitte. Opyt kharakteristiki vneshney politiki. L.: Priboy, 1927*].
- Тарле Е.В.* Бегство Вильгельма II. (К истории падения монархии в Германии) // *Историк-марксист*. 1927. Т. 4. [*Tarle E.V. Begstvo Vilgelma II. (K istorii padeniya monarkhii v Germanii) // Istorik-marksist. 1927. T. 4*].
- Тарле Е.В.* Рабочий класс во Франции в первые времена машинного производства. От конца Империи до восстания рабочих в Лионе. М., Л.: Государственное издательство, 1928. [*Tarle E.V. Rabochiy klass vo Frantsii v pervye vremena mashinnogo proizvodstva. Ot kotsa Imperii do vosstaniya rabochikh v Lione. M., L.: Gosudarstvennoe izdatelstvo, 1928*].
- Тарле Е.* К вопросу о начале войны. (Ответ М.Н. Покровскому) // *Историк-марксист*. 1928. Т. 9. [*Tarle E. K voprosu o nachale voyni. (Otvét M.N. Pokrovskomu) // Istorik-marksist. 1928. T. 9*].
- Тарле Е.В.* Екатерина вторая и дипломатия. Стеногр. лекции 7 мая 1945 г. М.: Объединенное государственное издательство при СНК РСФСР, 1945. [*Tarle E.V. Ekaterina vtoraya i diplomatiya. Stenogr. leksii 7 maya 1945 g. M.: Obiedinnoe gosudarstvennoe izdatelstvo pri SNK RSFSR, 1945*].
- Твардовская В.А.* Б.П. Козьмин. Историк и современность. М.: Институт российской истории РАН, 2003. [*Tvardovskaya V.A. B.P. Kozmin. Istorik i sovremennost. M.: Institut rossiyskoy istorii RAN, 2003*].
- Фридлянд Ц.* Два шага назад. (О книге проф. Д.М. Петрушевского «Очерки из экономической истории средневековой Европы») // *Под знаменем марксизма*. 1928. № 2. [*Fridlyand Ts. Dva shaga nazad. (O knige prof. D.M. Petrushevskogo «Ocherki iz ehkonomicheskoy istorii srednevekovoy Evropy») // Pod znamenem marksizma. 1928. № 2*].
- Фридлянд Ц.* История Западной Европы, 1789-1914. Ч. 2: Европа в эпоху империализма [1871-1914]. Харьков: Пролетарий, 1928. [*Fridlyand*

- Ts. Istoriya Zapadnoy Evropy, 1789-1914. Ch. 2: Evropa v ehpokhu imperializma [1871-1914]. Kharkov: Proletariy, 1928*].
- Фридлянд Ц., Слуцкий А.* История революционного движения Западной Европы (1789-1914). Хрестоматия. Ч. 1. 5-е изд. М., Л.: Государственное издательство, 1928. [*Fridlyand Ts., Slutskiy A. Istoriya revolyutsionnogo dvizheniya Zapadnoy Evropy (1789-1914). Khrestomatiya. Ch. 1. 5-e izd. M., L.: Gosudarstvennoe izdatelstvo, 1928*].
- Хвостов В.М.* От редактора // *Тарле Е.В. Сочинения в двенадцати томах*. Т. 5. М.: Издательство АН СССР, 1958. [*Khvostov V.M. Ot redaktora // Tarle E.V. Sochineniya v dvenadtsati tomakh. T. 5. M.: Izdatelstvo AN SSSR, 1958*].
- Чапкевич Е.И.* Пока из рук не выпало перо... Жизнь и деятельность академика Евгения Викторовича Тарле. Орел: «Орел», 1994. [*Chapkevich E.I. Poka iz ruk ne vypalo pero... Zhizn i deyatelnost akademika Evgeniya Viktorovicha Tarle. Oryol: «Oryol», 1994*].
- Шмидт С.О.* Сергей Федорович Платонов (1860-1933) // *Портреты историков. Время и судьбы*. Т. 1. Отечественная история. М., Иерусалим: Университетская книга, Gesharim, 2000. [*Shmidt S.O. Sergey Fedorovich Platonov (1860-1933) // Portrety istorikov. Vremya i sudby. T. 1. Otechestvennaya istoriya. M., Ierusalim: Universitetskaya kniga, Gesharim, 2000*].
- Щеголев П.П.* Заговор Бабефа. Л.: Прибой, 1927. [*Shegolev P.P. Zagovor Babefa. L.: Priboy, 1927*].
- Щеголев П.П.* После термидора. Очерки по истории термидорианской реакции. М., Л.: Прибой, 1930. [*Shegolev P.P. Posle termidora. Ocherki po istorii termidorianskoy reaksii. M., L.: L.: Priboy, 1930*].
- Barber J.* Soviet Historians in Crisis, 1928-1932. Birmingham: Macmillan Press, 1981.
- Grahan L.R.* The Soviet Academy of Sciences and the Communist Party, 1927-1932. Princeton: Princeton University Press, 1967.
- Karéiew N.* Les paysans et la question paysanne en France dans le dernier quart du XVIIIe siècle. Paris : V. Giard & E. Brière, 1899.
- Mathiez A.* Choses de Russie Soviétique // *Annales historiques de la Révolution française*. 1931. n° 2.
- Oliva G.* Georges Lefebvre et les historiens russes de la Révolution française // *Annales historiques de la Révolution française*. 1979. n° 237.
- Venturi F.* Evgeniy Viktorovitch Tarle // *Venturi F. Historiens du XXe siècle*. Jaurès, Salvemini, Namier, Maturi, Tarlé et discussion entre historiens italiens et soviétiques. Genève : Droz, 1966.

Poghosyan V. Report “On Tarle” by V.M. Daline

The author offers the readers the publication preserved in the Archives of Russian Academy of Sciences, the shorthand records of the report of V. M. Daline «On Tarle» which was presented on the 2nd of February, 1931 at the meeting of the Society of Marxists-Historians. On that day, the extraordinary general meeting of the Academy of Sciences of the USSR excluded S.F. Platonov, E.V. Tarle, N.P. Likhachev and M.K. Liubavski from among its full members accused of the «Academic case» in the plot to the restoration of the monarchy. Daline’s report had to politically justify Tarlé’s exclusion from the Academy of Sciences. Daline, the representative of the first generation of Marxist-Historians, according to his scientific and political convictions, referred to Tarle as not adhering to Marxist methodology, «one of the authoritative representatives of bourgeois science», «enemy of Soviet Russia», etc. He subjected him to relentless criticism for «Ententophilia» and for the choice of research topics in accordance with the political state conjuncture. Over the years, the attitude of Daline towards the work of Tarlé underwent significant changes.

Keywords: E.V. Tarle, V.M. Daline, M.N. Pokrovski, historians, historiography, France, the French Revolution, the Entente, terrorism, imperialism, the bourgeoisie

*А.А. Постникова**

ЕВРОПА ПОД НАПОЛЕОНОМ: ВЗГЛЯД СТЕНДАЛЯ

Статья посвящена участию А. Бейля (Стендаля) в военных кампаниях Наполеона. Будучи военным чиновником, Бейль получил возможность в 1808–1814 гг. не только наблюдать за поведением человека на войне, но и анализировать характер взаимоотношений между армией Наполеона и населением территорий, на которых оказались французские солдаты. Это относилось к Вестфальскому королевству (1808), Австрии (1809), России (1812), Саксонии (1813). Бейлю пришлось участвовать и в организации обороны французского департамента Изер в преддверии подхода армий антифранцузской коалиции в 1814 г. Большое внимание автор статьи уделила переменам, происходившим в самом А. Бейле как человеку и творческой личности под влиянием опыта участия в военных кампаниях. Благодаря полученному опыту, будущий великий писатель Стендаль дал миру новое, более реалистичное, чем было в литературе до него, представление о войне.

Ключевые слова: Наполеоновские войны, А. Бейль (Стендаль), военная оккупация, образ войны в литературе.

14 декабря 1812 г., в тот момент, когда жалкие остатки Великой армии Наполеона еще возвращались из России, в театре Кёнигсберга давали оперу В.А. Моцарта «Милосердие Тита». В зале среди публики, жаждавшей игры чувств и драматизма, оказался человек, который еще только несколько дней назад до этого боролся в русских снегах со смертью. Для Анри Бейля, будущего писателя Стендаля, опера Моцарта стала настоящим символом возвращения к прежней жизни, к жизни в искусстве. Позже, в «Жизнеописании Моцарта» Стендаль напишет: «Финальное прощание, когда Тит говорит собеседнику: “Друзьями будем”, вызывает слезы на глазах у самых бездушных чиновников, чему я сам был свидетелем в Кёнигсберге после страшного отступления из Москвы. Вновь приобщившись к цивилизованному миру, мы слышали в этом городе “Милосердие Тита”»¹. В тот момент Бейль жаждал как можно скорее «отпу-

* Алена Александровна Постникова, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Уральского государственного педагогического университета, старший научный сотрудник Уральского Федерального университета.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 16-18-10041).

стити» воспоминания о России, однако сделать ему этого не удалось. Как только 31 января он вернулся в Париж, то решил поделиться «русскими» воспоминаниями со своим дневником: «Я не люблю писать о себе, но в данном случае я отойду от этого правила»². Изливая на бумаге свои впечатления о России, Бейль писал: «Меня до сих пор не покидает чувство холода. Приятно, что пребывание в Москве и Смоленске породило в моей голове кое-какие идеи»³. Тяготы русской кампании заставили его отказаться от военной карьеры и посвятить свою жизнь искусству. Участие А. Бейля в Наполеоновских войнах началось с 1808 г., когда он в должности помощника государственного советника П.А. Дарю прибыл в Вестфальское королевство. Свое назначение он называл ссылкой «в чертову дыру». Однако именно пребывание на немецкой территории погрузило его в размышления о взаимодействии разных национальных культур в эпоху войны. В письмах Бейль неоднократно с возмущением отмечал, что в госпиталях французские и немецкие солдаты содержатся отдельно друг от друга⁴. Сестре он писал о ненависти к французам со стороны местных жителей и считал это совершенно справедливым: ему претил сам факт оккупации чужой территории⁵.

Весной 1809 г. Бейль был командирован в Вену, что дало ему возможность вновь окунуться в мир искусства. В письмах к сестре он отмечал, что австрийцы довольно доброжелательно настроены по отношению к французам, в отличие от вестфальцев. Во время Ваграмской битвы Бейль находился на в Вене, откуда написал сестре: «У меня повысилась температура, поэтому я не принял участие в сражении 6-го этого месяца, о чем не жалею. Как всегда это был досадный спектакль: пятьсот тысяч человек сражалось в течение пятидесяти часов. Было заключено перемирие. Мы все верим в мир»⁶. Он не восхвалял победу французского оружия. Для него, человека широкой культуры, не знающей национальных преград, ценнее всего была способность видеть в неприятеле человека. И он с гордостью сообщил сестре, что «спас в этой кампании жизнь двум немецким военнопленным»⁷.

Бейль провел прекрасное лето в Вене, не переставая удивляться доброжелательному отношению местных жителей к французам даже по-

¹ *Стендаль*. Жизнеописание Гайдна, Моцарта и Метастазиио. М., 1988. С. 187.

² *Stendhal*. Journal (1811-1823). P., 1937. T. V. P. 117.

³ *Ibid.* P. 118.

⁴ *Stendhal*. Correspondance. P., 1933. P. 9.

⁵ *Ibid.* P. 11.

⁶ *Ibid.* P. 185.

⁷ *Ibid.* P. 186.

сле военного поражения Австрии. В письме к сестре он назвал такое поведение «глупостью, равнодушием к судьбе своей страны», поскольку считал, что французы в Австрии – это, прежде всего, захватчики, а не союзники. С такими мыслями о французской оккупации как режиме насилия, на стороне которого он вынужден находиться, Бейль покинул Вену в октябре 1809 г. после подписания мира. Ехал в Италию, где только и чувствовал себя всегда свободным и близким к искусству, что было для него одно и то же. Он надеялся, что больше никогда не увидит ужасов войны. Но впереди его ожидал 1812 год. Когда началась Русская кампания, будущий писатель находился в Милане и только стремление получить титул барона заставило его ввязаться в эту авантюру. 23 июля 1812 г. он в качестве аудитора Государственного совета и помощника военного комиссара отправился в Россию, догнав армию 14 августа. Война его сразу же разочаровала: «Я не счастлив, что попал сюда. Как меняется человек! Иной раз я готов расплакаться. В этом океане варварства моя душа не находит отклика не в чем!»⁸, – писал он из Смоленска своему другу Ф. Фору.

Разочарование заставило его по достоинству оценить наиболее яркие моменты из своего прошлого: «С тех пор, как я узнал Милан и Италию, все, что я вижу, отталкивает меня своею грубостью»⁹. Война не оправдала его романтических чувств и амбиций, и он поспешил вернуться в свой мир искусства, в котором никогда не ощущал одиночества. Недалеко от Смоленска он нашел пианино и попросил своего товарища... сыграть Моцарта.

Судя по письмам и произведениям будущего писателя, его не впечатляло величие сражений. Он не находил в них героизма, а описывал их скорее с иронией. Даже Бородинская битва не оставила его в памяти каких-либо ярких воспоминаний. В «Записках эгориста» Стендаль вспоминает лишь об одном ее моменте, не несущем какого-то глубокого смысла: «В вечер после Бородинской битвы, заметив в нескольких шагах от себя останки 2-х или 3-х гвардейских генералов, я не мог удержаться, чтобы не заметить: “Несколькими наглицами стало меньше!” – замечание, чуть не погубившее меня и показавшееся бесчеловечным»¹⁰.

Заметим, что эту ремарку о Бородинском сражении Стендаль сделал много лет спустя. Думал ли он тогда, в 1812 г., именно так? В его переписке в ходе русской кампании не встречается упоминаний о Бородинском сражении. Возможно, он и не был его очевидцем. Следует заметить, что

⁸ *Ibid.* P. 64.

⁹ *Ibid.*

¹⁰ *Стендаль*. Записки эгориста // Стендаль. Собрание сочинений. М., 1959. Т. 13. С. 3.

в своих письмах начала войны будущий писатель занимает позицию стороннего наблюдателя, и достаточно сложно выявить те события, в которых лично он принял непосредственное участие.

Лишь в Москве Бейль оказался вовлечен в борьбу за жизнь. С первого дня пребывания в городе, с 14 сентября, он начал фиксировать в дневнике все события. Как мы узнаем из его записей, полк, в котором находился Бейль, расположился в Апраксинском дворце, со двора которого был виден пожар в Китай-городе. В первый же день, преодолевая зубную боль, Бейль принял участие в тушении полыхающих зданий. Когда огонь добрался до Апраксинского дворца, Бейлю и его товарищам пришлось отправиться на поиски более безопасного места пребывания.

Бродя по городу, он встретил французскую актрису Аврору Бюрге, о чем так написал в своем дневнике: «Я нашел мадам Б... Она хотела броситься мне в ноги; это было бы очень смешно. Я заметил, что в ее словах не было естественности. Я сделал, конечно, для нее многое, поместив ее толстую невестку в свою коляску»¹¹. Актриса подбодрила его важной новостью о том, что Мелани Гильберт, одна из бывших возлюбленных Бейля, часто о нем вспоминала. Мелани фигурирует в записках писателя под сценическим именем Луазон. Вот одна из его записей от 19 февраля 1805 г.: «У нее такая же впечатлительная душа, как и у меня»¹². Однако все для него закончилось довольно драматично: Мелани вышла замуж за русского генерала Баркова и уехала в Россию. И вот теперь в дневнике вновь появилось ее имя, но ни слова о том, какое впечатление на него произвело это воспоминание.

После описанной встречи ему пришлось продолжить поиски крова для себя и своих товарищей, несмотря на накопившуюся усталость: «Уже с самого Смоленска я совсем обессилел, а еще был настолько ребячлив, что вкладывал душу в поиски этих домов и всячески суетился и хлопотал. “Вкладывал душу”, пожалуй, слишком сильно сказано, но суетился я действительно много»¹³. Переезд из Апраксинского дома во дворец Ф.В. Ростопчина, где имелась обширная библиотека, позволил Бейлю на мгновение вновь погрузиться в любимый им мир книг: «Мы остановились в этом доме, где, по-видимому, жил богатый человек, любящий искусство. Там были прекрасные книги. Например, Бюффон, Вольтер»¹⁴. Оказалось, что и здесь, в «варварской» стране, живут образованные люди. Впрочем, в Москве его увлекала не только литература, но и участие в

¹¹ *Stendhal. Journal*. P. 106.

¹² *Стендаль. Записная книжка*. М., 2001. С. 41.

¹³ *Stendhal. Journal*. P. 106.

¹⁴ *Ibid.*

грабежах: «Я устал; приходилось идти пешком, так как моя коляска была загружена добром, награбленным моими слугами»¹⁵.

Обозревая горящую Москву, Бейль преисполнялся ненавистью к организаторам пожара: «Мы видели огромные горящие пирамиды из мебели. Это дело совершил коварный Ростопчин»¹⁶. Можно сказать, что первые два дня пребывания в русской столице заставили будущего писателя наконец-то почувствовать опасность и ощутить ответственность за товарищей. Прежнее ироничное описание войны, характерное для молодого Бейля, исчезло. Опасность, с которой он столкнулся в Москве, заставила его задуматься о смерти и сохранить благодаря этому память о своем пребывании в этом городе. Возможно, именно поэтому он решил, что когда-нибудь отправит Ф. Фору свой дневник: «Сохрани эту болтовню. Необходимо, чтобы я извлек пользу из этих страданий»¹⁷. После 15 сентября Бейль «замолчал» на две недели. Даже его, абсолютно равнодушного к войне, постигло разочарование, и только 30 сентября он оборонил: «В течение 6 дней книги мне причиняют только отчаяние. Неприятности не прибавляют сил. Я надеюсь, что моя работоспособность вернется»¹⁸. Он постарался сдерживать это чувство, когда писал своим корреспондентам из Москвы. В его письмах мы не увидим ни жалоб, ни страха, а лишь безмятежные наблюдения писателя.

2 октября он нашел возможность написать другу. Накал опасности, связанный с пожарами, угас, и Бейль уже не возвращается к этим событиям. Похоже, этим письмом он заполняет имеющийся в дневнике пробел. Так, мы узнаем, что дни с 16 сентября по 2 октября он провел в одиночестве, наслаждаясь сочинением пьесы «Летелье»: «Я заболел, и мне дали 8 дней одиночества. В этих обстоятельствах я должен возобновить написание “Летелье”. Это у меня вызывает сладкие воспоминания»¹⁹. Возможно, главный герой его произведения напоминал ему себя самого: тщеславного юношу, который отправился за баронским титулом в «дикую» Россию, где встретил жестокое разочарование. Через несколько лет в предисловии к этой пьесе Стендаль вспомнит о своем пребывании в Москве: «Я возобновил тогда Летелье для того, чтобы занять эти пустые дни»²⁰. Да, спустя несколько лет, взглянув на московские дни с высоты состоявшегося писателя, он счел пребывание в бывшей русской столице бесполезным.

¹⁵ *Ibid.* P. 110.

¹⁶ *Ibid.* P. 114.

¹⁷ *Ibid.* P. 115.

¹⁸ *Ibid.*

¹⁹ *Stendhal. Correspondance*. P. 67.

²⁰ *Stendhal. Théâtre*. P., 1931. P. 14.

Задержавшись на пепелище сгоревшей Москвы, Бейль подбадривает себя мыслями об искусстве: «Кажется, мне придется провести здесь зиму; надеюсь, что у нас будут концерты»²¹. Не избежал он также искушения в очередной раз дать характеристику своему окружению: «Я тебе пишу в маленьком дворце, где два молодых дурака, прибывшие из Парижа, рассказывают о том, чем бы они хотели заняться в Москве»²².

Первое письмо Бейля к Фору привлекает обилием размышлений об искусстве и философии. В дальнейшем эти мысли о литературе, которыми он тогда поделился с другом, Стендаль более точно сформулирует в труде «Расин и Шекспир»: «...тем, кто участвовал в отступлении из России, смешны классические пьесы, нужна эстетика Шекспира»²³. За этими размышлениями достаточно трудно увидеть детали тогдашней военной обстановки. По всей видимости, только в дневнике он позволял себе высказаться о сложнейших проблемах, с которыми сталкивался, и не боялся написать о своем состоянии. В письме же к Фору он избегал говорить о себе, но обсуждая лишь искусство и свою будущую пьесу. Это не удивительно: Бейль был чрезвычайно скрытным человеком, для которого наибольшую ценность представляли творческие идеи. И даже автобиография была замаскирована им под художественное произведение. Он не пытался добиться признания со стороны современников и потомков и во всем следовал принципу – быть верным только себе. Эту идею Стендаль более глубоко выразил в статье «Люди, о которых говорят», естественно, не причисляя себя к таковым.

Возникает даже сомнение в степени его искренности со своим другом Фором, ибо позднее, в «Анри Брюларе», Стендаль откровенно признавался: «Феликсу Фору, давнему моему другу по Греноблю, были совершенно чужды мои безумные рассказы о любви и искусствах. Это отсутствие безумия у него всегда притупляло нашу дружбу, которая, по сути, была лишь попутчеством в жизни»²⁴. Стендаль вообще не проявлял искренности в общении с людьми, в чем он признался в письме сестре из Москвы²⁵. Поэтому, конечно, полностью доверять тому, что было изложено им в письмах, едва ли возможно.

После того как Бейль поделился своими философскими размышлениями с Фором, он 4 октября без каких-либо комментариев отправил ему

²¹ *Stendhal. Correspondance* (1812-1816). P. 69.

²² *Ibid.*

²³ *Стендаль. Расин и Шекспир*. М., 1987. С. 45.

²⁴ *Стендаль. Анри Брюлар // Стендаль. Собрание сочинений*. М., 1959. Т. 13. С. 103.

²⁵ *Stendhal. Correspondance*. P. 97.

свой дневник за 1812 г. и больше не писал ему из Москвы. Таким образом, Фору оставалось только думать, что его друг проведет зиму в Москве за написанием «Летелье». И хотя 15 октября Бейлю было уже известно, что армия вскоре оставит город, своим близким он об этом не сообщил. 16 октября Бейль оправил письмо графине А. Дарю, описав в шуточной форме свои приключения в Москве. Он довольно легкомысленно охарактеризовал цель своего путешествия: «Я поехал в Россию в поисках развлечений, я их не нашел и все время думаю о Франции»²⁶. Вместе с тем, его письмо передает не только состояние скуки и разочарования, но и одиночества. Он упоминает только об одном человеке, с которым ведет разговоры. Очевидно, этим человеком был главный распорядитель императорской квартиры М. Жуанвиль, рядом с которым будущий писатель находился с самого начала кампании. С ним Бейль познакомился еще в Италии в 1800 г. и с тех пор называл его просто Луи.

Если письмо Бейля к Фору было насыщено глубокими философскими размышлениями, то послание к графине Дарю выглядит довольно легкомысленным. Возможно, что причиной того было отношение писателя к графине, о которой в «Анри Брюларе» Стендаль скажет так: «Вообще же я никогда не встречал существа, которое было бы до такой степени лишено небесного огня»²⁷.

Когда стало известно, что армия собирается уходить из Москвы, Бейль внезапно вспомнил о Мелани Гильберт. Он решил позаботиться о судьбе Луазон, попросив нотариуса М. Русса оказать ей помощь: «Мне кажется, ей будет трудно переехать из Петербурга в Париж»²⁸. Свое неравнодушие к Мелани в письме он пояснил следующим образом: «Я решил, что наша дружба с г-жой Барковой обязывает меня собрать эти грустные сведения»²⁹.

Помимо заботы о Мелани, в Москве Бейлю пришлось участвовать в решении проблемы обеспечения армии продовольствием. В письме интенданту г. Ковно Ш.Л. де Ну он скромно указал, что считает себя не слишком подходящим для подобного назначения: «Я облечен чем-то вроде власти над интендантами Смоленска, Могилева и Витебска. Не знаю, что из этого выйдет. По-моему, это неправильная мера»³⁰. Тем не менее, несмотря на сомнения, он ответственно подошел к выполнению своих обязанностей и, преодолевая ужасную зубную боль, принялся за работу.

²⁶ *Lettres interceptées par les Russes durant la campagne de 1812*. P., 1913. P. 161.

²⁷ *Стендаль. Анри Брюлар*. С. 246.

²⁸ *Lettres interceptées...* P. 152.

²⁹ *Ibid.*

³⁰ *Ibid.* P. 126.

Ему удалось наладить взаимодействие с интендантами Смоленска, Могилева и Витебска. Тон его писем к интендантам Могилева и Витебска вежливый и даже просящий: «Нам придется вступить с вами в деловые отношения, и я самым настоящим образом припадаю к вашим стопам и умоляю вас помочь мне выполнить очень трудное поручение»³¹. Как видим, Бейль был способен отойти от принципов эгоцентризма ради выполнения долга. О своих усилиях он не без юмора сообщил де Ну: «Восемь гвардейских капитанов стали майорами, хотя они не сделали ни единого выстрела, а аудиторы мучались»³².

Служебные обязанности заставили его покинуть город 16 октября. Через несколько лет, вспоминая в «Жизни Наполеона» пребывание Великой армии в Москве, Стендаль напишет: «Из тщеславия Наполеон решил взять Москву. Этот неосторожный шаг не имел бы вредных последствий, если бы император оставался в Кремле не более трех недель»³³.

Бейль нигде не пишет о направлении движения Великой армии после ее ухода из Москвы. Только однажды, из Смоленска, в письме к Дарю он обмолвился: «Я не могу контролировать генеральную квартиру во время этого движения на Петербург»³⁴. Вероятно, Бейль полагал, что Наполеон пойдет на русскую столицу. Можно только догадываться, какие лишения и трудности пришлось испытать Бейлю по дороге от Москвы до Смоленска. О них он умалчал. Единственное, что нам известно из его последующих писем, этот путь он проделал в конвое с больными и ранеными. Возле Смоленска конвой подвергся нападению казаков. Возможно, именно в этой схватке и были утеряны дневник за 1806-1807 гг. и пьеса «Летелье».

7 ноября Бейль прибыл в Смоленск и в этот же день отправил Фору письмо, признавшись, что никакие невзгоды не убили в нем романтика: «Благодаря отсутствию моих коллег ничто не нейтрализовало романтическую сторону моей души, без которой я противен себе»³⁵. Он пытался проанализировать причины, которые привели армию к краху: «Все наши идеи были разбиты о физические лишения»³⁶. Состояние армии он характеризовал так: «Люди падают больные. Им хочется верить, что они еще могут действовать, но на самом деле это уже не так»³⁷. Пройдет время, и чувство сострадания к своим боевым товарищам покинет Стенда-

³¹ Ibid. P. 127.

³² Ibid.

³³ Стендаль. Жизнь Наполеона // Собрание сочинений. М., 1955. Т. 11. С. 148.

³⁴ Stendhal. Correspondance. P. 110.

³⁵ Lettres interceptées... P. 201.

³⁶ Ibid.

³⁷ Ibid. P. 211. РГАДА. Ф. 30. Оп. 1. Д. 266. Л. 12.

ля. В дальнейшем, осмыслив поведение солдат, он в очередной раз придет к выводу о тщеславности французов. В большинстве произведений Стендаля осуждается эта черта его соотечественников. В труде «Жизнь Россини» он назовет тщеславие основной причиной поражения французов в России. Но ведь оно было присуще и самому Бейлю, когда русская кампания только начиналась! Возможно, именно война 1812 г. заставила его избавиться от этой черты своей природы.

В письме от 9 ноября из Смоленска графине Дарю еще чувствует-ся присущая молодому Бейлю сентиментальность. Автор стремится вызвать у графини чувство сострадания. Из этого письма мы узнаем, что Бейль 24 октября был атакован казаками³⁸. Об этом он в дальнейшем подробнее расскажет своему другу и ученику, писателю П. Мериме: «Уехав из Москвы, Бейль оказался вместе с отрядом в полторы тысячи человек отрезан от остальной армии весьма значительным корпусом русских. Часть ночи была проведена в жалобах, но потом энергичные люди принялись увещевать трусов»³⁹. В следующем письме графине от 10 ноября Стендаль великолепно передает атмосферу опасности, тревоги, что еще больше должно было приподнять его мужественность в глазах адресата. К нашему удивлению, обращаясь к ней, он сообщает, что во время отступления к Смоленску обрел друзей, хотя в предыдущем письме видели совершенно другую картину. Среди новых товарищей он особо отмечает генерала П. Мурье, командующего кавалерией 3-го армейского корпуса маршала М. Нея. Этот генерал был ранен в Бородинском сражении и находился в транспорте с ранеными, с которым следовал и Бейль. Вместе с Мурье он проделает путь до самой Березины⁴⁰.

Несмотря на все препятствия и лишения, Бейль не утратил надежду получить титул барона, о чем он написал отцу из Смоленска: «Завтра я, вероятно, заеду в Оршу по дороге в Минск. Я измучен и умираю от усталости, но здоров. В дороге я болел. Словом, если его величество сделает меня бароном, я не напрасно получу этот титул. Гаэтан, тоже устал, но здоров. Тысячу приветов всей семье»⁴¹. Из этого письма мы узнаем, что Бейль во время отступления из России находился вместе с младшим помощником военного комиссара, своим кузеном Г. Ганьеном. Более в своих письмах он уже ни словом не упомянет ни о своих обязанностях интенданта, ни о своих надеждах получить титул барона. После письма к отцу Бейль на десять дней прервал переписку. Лишь 20 ноября он в

³⁸ Lettres interceptées... P. 233-234; РГАДА. Ф. 30. Оп. 1. Д. 266. Л. 11.

³⁹ Mérimée P. Henry Beyle. P., 1850. P. 17.

⁴⁰ Stendhal. Correspondance. P. 102; РГАДА. Ф. 30. Оп. 1. Д. 266. Л. 9-10.

⁴¹ Lettres interceptées... P. 270.

письме к сестре в очередной раз попытался осмыслить все произошедшее с ним. Только в общении с ней он мог позволить себе искренность. В его записной книжке 1805 г. есть следующая запись о сестре: «Думаю, что не слишком много на свете братьев вроде меня, которые имеют счастье пользоваться взаимной дружбой девушки, обладающей блестящими способностями и чудеснейшей душой»⁴². В упомянутом письме Бейля к ней от 20 ноября центральное место занимает тема Москвы: «...Этот прекраснейший город, один из прекраснейших храмов наслаждения, превратился в черные развалины»⁴³. Но, описав пожар и сам город, Бейль обошел молчанием тему отступления и пребывания армии в Смоленске. Возможно, обращаясь к наиболее ярким впечатлениям прошлого, он мысленно хотел уйти от окружавшей его реальности.

Это письмо интересно тем, что автор приложил к нему записочку, в которой, по собственным словам, изложил правдивые мысли: «Разбери, если у тебя хватит терпения, прилагаемый черновик; это письмо госпоже Беньо, и все, что в нем написано, чистая правда». Действительно, текст этой маленькой записки во многом отличается от предыдущих писем Бейля. Будущий писатель впервые позволил себе высказать обеспокоенность судьбой армии: «Мадам, великое несчастье, мы уменьшили человеческий род. Мы испытали великие трудности, и это меня печалит»⁴⁴. Через несколько лет Стендаль посвятит графине Беньо свое произведение «Письма о Гайдне, Моцарте и Метастазии». А в тот раз он попросил сестру вложить эту записку в дневник, где ее, к сожалению, в дальнейшем не оказалось. Возможно, оно так и не попало к адресату.

Бейль не утратил мужества на протяжении всего периода отступления, включая переправу через Березину, которая сломала даже самых стойких. По рассказу, дошедшему к нам через П. Мериме, на переправе произошло следующее: «Г. Бергонье, аудитор Государственного совета, говорил мне, что он обязан жизнью Бейлю, который уговорил его перейти через Березину вечером накануне дня отступления. Бергонье хвалил хладнокровие и здравый смысл Бейля, не покидавшие его даже тогда, когда самые храбрые теряли голову»⁴⁵. По словам Мериме, даже Дарю, известный своим хладнокровием, признал: «Бейль, вы – человек крепкого сердца». Переправа через Березину оставила глубокий след в памяти и самого писателя. В произведении «Пармская обитель» Стендаль назвал этот эпизод одной из ужаснейших катастроф, погубивших Наполеона.

⁴² *Стендаль*. Записная книжка. С. 101.

⁴³ *Stendhal*. Correspondance. P. 113.

⁴⁴ *Ibid.*

⁴⁵ *Mérimée P. Henry Beyle*. P. 22.

После возвращения из России Бейль выглядел ужасно и решил составить свое второе завещание, хотя и с оговоркой: «Завещание – это, конечно, смешно, даже если меня и угораздило побывать в Москве»⁴⁶.

14 февраля 1813 г. Бейль присутствовал на заседании Законодательного корпуса, на котором Наполеон попросил его членов проголосовать за решения, позволяющие ему начать новую кампанию. 22 февраля Пруссия вступила в альянс с Россией. 17 марта она объявила войну Франции. 14 апреля Австрия также разорвала союзнический договор с Францией и предложила свое посредничество в конфликте. Спустя два дня Наполеон возглавил в Эрфурте свою новую армию, составленную, главным образом, из новобранцев. Равнодушно наблюдая за подготовкой к новой кампании, Бейль мечтал о том, чтобы тяготы войны на сей раз его не затронули. Будущий писатель отказался от военной карьеры, осознав, что его истинное предназначение – творчество. «Я многое понял в России. Все мне предсказывали великое будущее на государственной службе. Изменился для меня смысл этого продвижения»⁴⁷, – написал он сестре Полине. Увы, события новой кампании не оставили его в стороне. Он получил приказ отправиться в Германию по делам службы. 19 апреля Бейль был уже на пути в Майнц. 26 апреля в письме из Эрфурта он поделился своей печалью с давним знакомым бароном Стромбергом: «Мой дорогой друг, я здесь, в Германии, уже в четвертый раз. Я думаю, что вы находитесь в генеральной квартире принца Экмюльского. Сообщите ваши новости. Враг отступил! Я счастлив как патриот, но мне грустно как человеку. Прошло только 7 дней, как я покинул Париж, а кампания мне уже пронзила сердце. Я все еще нахожусь под впечатлением от увиденного в России и не имел возможности отдохнуть после Москвы»⁴⁸. 20 мая он наблюдал пожар в Бауцене и «всё, что можно видеть после битвы, – то есть ничего»⁴⁹. 6 июня 1813 г. министр военного снабжения Пьер Дарю отправил Бейля как опытного аудитора в г. Саган, в Силезию. Там он коротал свои дни в прекрасной компании. Иногда ужинал с генералом М.В. Латур-Мобуром, читал Тацита⁵⁰ и крайне сожалел о том, что не удастся завоевать расположение немецких дам: «У всех мужчин есть приятные женские компании, только я остаюсь в одиночестве»⁵¹. В отличие от пребывания в России, здесь в распоряжении Бейля была личная комната, что дало ему возмож-

⁴⁶ *Ibid.* P. 156.

⁴⁷ *Correspondance* (1812-1861). P. 125.

⁴⁸ 26 апреля, Эрфурт // *Ibid.* P. 128.

⁴⁹ *Ibid.* P. 179.

⁵⁰ *Stendhal*. *Journal* (1811-1823). P. 182.

⁵¹ *Ibid.* P. 182.

ность вкушать радость общения с искусством. 21 июня 1813 г. он записал в дневнике: «Я собираюсь одолжить у кого-нибудь пианино, чтобы поставить в своей комнате, и найду человека, который по часу в день будет играть музыку Моцарта»⁵². Бывали мгновения, когда на него находило отчаяние. Так, в годовщину своего отъезда в Россию он записал: «Что это был за год! Для полноты картины я получил еще это интендантство, и теперь не хватает только болезни»⁵³. Через несколько дней после этой записи его действительно свалила болезнь: «Я читаю Тацита. Болею, мое истинное несчастье состоит в отсутствии искусства»⁵⁴. Вернулась сильная лихорадка по утрам с приступами бреда – впрочем, она обернулась для него и кое-какой пользой: он был отправлен на лечение в Дрезден. Воспользовавшись моментом, Бейль устремился в театр на оперу «Тайный брак». Однако игривая музыка Чимарозы не возродила его к жизни: «Я прибыл позавчера и только что слушал оперу “Тайный брак”. Но во время спектакля я потерял сознание и был удален. Я думал, что в Дрездене найду искусство! Я не способен читать. Я был бы счастлив, получив два месяца отдыха на выздоровление»⁵⁵.

12 августа 1813 г. Австрия объявила войну Франции. На следующий день состояние здоровья Бейля резко ухудшилось, и он не смог выехать с миссией во Франкфурт. Он болел уже два месяца. Дарю разрешил ему вернуться в Париж, и 14 августа Бейль отправился в обратный путь, доверительно сообщив сестре: «Под большим секретом — его сиятельство герцог Кадорский⁵⁶, очарованный моей физиономией, позволил мне отправиться на юг кормчим на галерах — чтобы немного согреться. Так что я еду в Милан. Для посторонних — я в Куларо и со своей семьей. Как раз там я действительно был ровно два года и два дня тому назад»⁵⁷. С дороги он написал Александрине Дарю⁵⁸: «Я очень устал. Мне очень хотелось бы, чтобы обо мне вообще забыли...»⁵⁹.

7 сентября Бейль вновь оказался в Милане. Итальянский воздух вернул его искусству. В первый день своего пребывания в Италии он слушал оперу Фиораванти «Деревенские певички»⁶⁰. Освободившись от военных

⁵² Ibid. P. 185.

⁵³ Ibid. P. 187.

⁵⁴ Стендаль – Фору, Саган, 16 июля 1813 г. // *Correspondance* (1812-1861). P. 137.

⁵⁵ Стендаль – Фору, Дрезден, 30 июля 1813 г. // Ibid. P. 142.

⁵⁶ Шампаньи Ж. Б., сенатор, бывший министр иностранных дел.

⁵⁷ Стендаль – сестре Полине, Дрезден // Ibid. P. 144.

⁵⁸ Александрина Дарю – жена кузена Стендаля, генерал-интенданта Великой армии П. Дарю.

⁵⁹ Стендаль – А. Дарю // Ibid. P. 146.

⁶⁰ *Stendhal. Journal* (1811-1823). P. 204.

обязанностей, он продолжал следить за событиями: «Я был счастлив, прочитав бюллетень о сражении при Дрездене»⁶¹. Бейль вновь вернулся к работе над пьесой «Летелье».

Служебные дела потребовали присутствия Бейля в Париже. Он вернулся туда 14 ноября, попросил освободить его от военной службы, ссылаясь на свои обязанности аудитора Государственного совета, и получил такое разрешение. Однако в качестве аудитора он был отправлен в департамент Изер, где должен был набрать до 300 тыс. солдат. Оказавшись под началом сенатора Ж. Д. Р. Лакруа де Шевриера, графа де Сен-Валье, Бейль вынужден был сопровождать его в Гренобль и всячески помогать по организации защиты прилегающей к городу территории силами 7-го военного округа. Оказаться в родном Гренобле по такому поводу — худшего наказания нельзя было придумать: «Моя сестра, эта добрая душа, ни минуты не обольщалась и искренне жалела меня, видя, в какую жуткую ситуацию я попал»⁶². Не испытывая энтузиазма от полученного назначения, он все же не стал манкировать возложенными на него обязанностями: «Я получил ваше письмо о том, что я должен сопровождать графа Сен-Валье при исполнении им своей миссии. Я испытываю удовольствие от дела, исполнение которого могло бы меня рекомендовать императору как достойного награды»⁶³.

Бейль прибыл в Гренобль 5 января 1814 г. в 5 часов утра⁶⁴. И вновь он почувствовал себя рабом обстоятельств. Окружение, в котором он оказался, досаждало ему: «Источником моей скуки в Гренобле был маленький остроумный математик (Ж.Б. Фурье, префект Изера. – А.П.)». В дальнейшем Стендаль довольно нелюбезно вспомнит о нем в «Люсьене Ливене», представив в образе префекта Буко⁶⁵. Организация защиты целого региона – дело непростое. Надо было мобилизовать национальную гвардию и отряды добровольцев, наблюдать за противником, дислоцировавшимся поблизости, сконцентрировать войска, следить за изготовлением боеприпасов, снабжать ими гарнизон, предупреждать возможные беспорядки, исполнять разнообразные поручения начальства и осуществлять связь с городом Шамбери. Бейль усердно принялся за дело, но сразу же стал жертвой ряда неблагоприятных обстоятельств. Основной проблемой была малочисленность гарнизона в Гренобле, о чем Бейль неодно-

⁶¹ Ibid. P. 205.

⁶² Ibid. P. 212.

⁶³ Стендаль – Монталиве, Париж, 27 декабря 1813 г. // *Correspondance* (1812-1861). P. 165.

⁶⁴ *Stendhal. Journal* (1811-1823). P. 229.

⁶⁵ *Stendal. Lucien Leuwen*. P., 2010. P. 616.

кратно писал военному министру А.Ж. Кларку: «Мы не можем сформировать гарнизон в Гренобле из 1780 человек. Солдаты устали. Надежда остается только на некоторый патриотизм в департаменте Изер. Я вас прошу увеличить жалованье. У нас есть солдаты 11-го полка, которым не выплачивалось жалованье в течение нескольких месяцев»⁶⁶. Ситуация в Гренобле ухудшилась в связи с падением Лиона, и Бейль оказался перед угрозой приближения врага: «Мне кажется, в связи с Лионом всех захватила тревога. Наша ситуация может стать еще более плачевной. Будет очень грустно, если мужественная провинция Дофине будет вынуждена сдаться врагу»⁶⁷. С этого дня он стал часто писать о необходимости защищаться до последнего. Поскольку в городе было много раненых, Бейль питал надежду на то, что император все-таки обеспечит защиту города⁶⁸.

Этот период стал для Бейля самым ответственным в его военной карьере. Он работал без отдыха, разрабатывая планы действий: «Я падаю от болезни, работаю день и ночь. Мы будем защищать департамент Изер с 2500 новобранцами против вражеских сил числом в 3000 человек. Я несколько раз писал принцу Камиллу Боргезе⁶⁹, чтобы в случае необходимости отступить в Италию». Вскоре он серьезно заболел и был вынужден перейти на постельный режим. Работа, возложенная на него, оказалась непосильной, и граф де Сен-Валье удовлетворил просьбу Бейля о возвращении в Париж: «Я согласен, Бейль очень много работает, но здоровье его подводит. Он участвовал в кампании в Москве, потом в Силезии. У него не было возможности отдохнуть»⁷⁰. В начале марта Бейль отбыл в Шамбери⁷¹, а в конце месяца вновь оказался в Париже. 27 марта, после короткой остановки в отеле «Гамбург» на улице Жакоб, он вернулся на свою парижскую квартиру. 30 марта боевые действия шли уже на склонах Монмартра. Но эти исторические события оставили Бейля равнодушным. «Все шло нормально, никаких беспорядков не было»⁷², — написал он сестре, имея в виду, что в городе ничего не сторело, и ничего не было разграблено. Конечно, в сравнении с московским пожаром, ущерб был невелик...

⁶⁶ Стендаль – графу Фельтрскому, 13 января 1814 г. // *Correspondance* (1812-1861). P. 179.

⁶⁷ Стендаль – графу Фельтрскому, 15 января 1814 г. // *Ibid.* P. 182.

⁶⁸ *Ibid.* P. 193-195.

⁶⁹ Камилл Боргезе – принц империи, с 1808 г. был генерал-губернатором Пьемонта.

⁷⁰ *Ibid.* P. 196.

⁷¹ *Stendhal. Journal* (1811-1823). P. 243.

⁷² *Stendhal. Correspondance.* P. 279.

29 марта он завтракал в кафе Фуа с приятелем. Они собирались выпить водки и полюбоваться красотами Версаля, когда их разговор прервали крики толпы с улицы. Выйдя из кафе, они увидели, как экипаж императрицы покидает город. В этот момент Анри серьезно испугался за судьбу сокровищ Лувра в связи с тем, что императорская семья покинула город. Странно, но единственное произведение, которое он в тот момент захотел во что бы то ни стало спасти, – это «Мадонна в кресле» Рафаэля⁷³. Он зашел в музейное бюро и попросил, чтобы картину отправили в Рамбуйе к императрице. На это предложение ему ответили, что директору Лувра Д. Денону запрещено действовать без согласования с будущим главой государства. Служители музея сообщили Бейлю, что им приказано упаковать 500 картин на продажу, но они втайне смогли укрыть «бедных маленьких фламандцев». В этот же день Бейлю посчастливилось встретить самого Денона. Он сказал директору Лувра, что в последний раз пришел полюбоваться на картины и повторил свое предложение, на которое получил неожиданно резкий ответ: «Я понимаю ваши опасения, но без официального распоряжения я не буду действовать. Вы хотели бы, чтобы меня выставили глупцом? Отправить картину в Рамбуйе...»⁷⁴. 1 апреля 1814 г. по предложению Ш.М. Талейрана Генеральный совет департамента Сены заявил о реставрации Бурбонов. Королем был объявлен Людовик XVIII. В тот же день Бейль узнал, что лишен денежного довольствия. 7 апреля он «поспешно выразил согласие со всеми актами Сената, принятыми с 1 апреля», заявив, что будет «верно служить Бурбонам»⁷⁵. В то же время оккупация Парижа русскими войсками вызвала его возмущение, о чем он неоднократно писал своей сестре, особо отмечая «жестокость казаков, которые не жалеют даже женщин»⁷⁶.

3 июля он сменил свою квартиру на улице Нев-дю-Люксембург на скромную меблированную комнату в доме 27 по улице Мэль. Не имея ни должности, ни определенных занятий, весь в долгах, он принял решение уехать в Милан: «...Сегодня оставаться жить здесь в полунищете для меня немислимо – тем более что своим образом жизни я связан в основном с богатыми людьми»⁷⁷. 20 июля 1814 г. будущий писатель, лишившись всего, покинул Париж. Его военная карьера осталась в прошлом. Анри Бейлю исполнился 31 год. Через несколько дней он получит назначение послом во Флоренцию. Начинался новый этап его жизни, теперь

⁷³ *Stendhal. Journal* (1811-1823). P. 235.

⁷⁴ *Ibid.* P. 239.

⁷⁵ *Stendhal. Correspondance.* P. 301.

⁷⁶ *Stendhal. Journal* (1811-1823). P. 300.

⁷⁷ *Ibid.* P. 242.

уже под именем «Стендаль», но годы, проведенные на войне, остались в его душе и в его памяти навсегда... Участие Бейля в военных кампаниях Наполеона обнажило для него худшие стороны войны. Будучи военным чиновником, он имел возможность на протяжении шести лет не только наблюдать за поведением человека на войне, но и анализировать характер взаимоотношений между армией Наполеона и населением территорий, на которых оказались французские солдаты. Это относилось к Вестфальскому королевству (1808), Австрии (1809), России (1812), Саксонии (1813). Бейлю пришлось также в 1814 г. участвовать в организации обороны французского департамента Изер в преддверии подхода армий антифранцузской коалиции. Под влиянием тягот войны и через постижение «человека воюющего» он менялся и как человек, и как творческая личность. Благодаря полученному опыту будущий великий писатель Стендаль дал миру новое, более реалистичное, чем было в литературе до него, представление о войне. Э. Хемингуэй скажет об этом так: «Стендаль видел войну, и Наполеон научил его писать. Он учил тогда всех, но больше никто не научился»⁷⁸.

Список литературы

- Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 30, оп. 1, д. 266. [Rossijskij gosudarstvennyj arhiv drevnih aktov (RGADA). F. 30, op. 1, d. 266]
- Стендаль. Записки эгогиста // Собрание сочинений. М.: Правда, 1959. Т. 13. [Stendal. Zapiski ehgotista // Sobranie sochinenij. Moskva: Pravda, 1959. T. 13.]
- Стендаль. Жизнеописание Гайдна, Моцарта и Метастазии. М.: Музыка, 1988. [Stendal. Zhizneopisaniya Gajdna, Mocarta i Metastazio. M.: Muzyka, 1988.]
- Стендаль. Записная книжка. М.: Вагриус, 2001. [Stendal. Zapisnaya knizhka. M.: Vagrius, 2001]
- Стендаль. Расин и Шекспир. М.: Правда, 1987. [Stendal. Rasin i Shekspir. M.: Pravda, 1987.]
- Стендаль. Анри Брюлар // Собрание сочинений. М.: Правда, 1959. Т. 13. [Stendal. Anri Bryular // Sobranie sochinenij. M.: Pravda, 1959. T. 13.]
- Стендаль. Жизнь Наполеона // Собрание сочинений. М.: Правда, 1955. Т. 11. [Stendal. Zhizn' Napoleona // Sobranie sochinenij. M.: Pravda, 1955. T. 11.]

⁷⁸ Цит. по: Эренбург И. Уроки Стендаля // Иностранная литература. 1957. № 6. С. 202.

- Lettres interceptées par les Russes durant la campagne de 1812 / Publ. par S.E.M. Goriainow. P.: La Sabretache, 1913.
- Mérimée P. Henry Beyle. P.: Brissot-Thivars, 1850.
- Stendhal. Journal (1811-1823). P.: Le Divan, 1937. T. V.
- Stendhal. Correspondance. P.: Le Divan, 1933.
- Stendhal. Théâtre. P.: Le Divan, 1931.
- Stendhal. Lucien Leuwen. P.: Gallimard, 2010.

Postnikova A. Europe under the Napoleon's reign: view of Stendhal

Article is devoted to A. Beyl (Stendhal's) participation in military campaigns of Napoleon. A. Beyl, being a military official, I have had an opportunity for 1808-1814 not only to watch behavior of the person in the war, but also to analyze nature of relationship between Napoleon's army and the population of territories on which there were French soldiers. It belonged to the Westphalian kingdom (1808), Austria (1809), Russia (1812), Saxony (1813). To A. Beyl also Izer in anticipation of approach of armies of the anti-French coalition in 1814 was necessary to participate in the organization of defense of the French department. The author of article has paid much attention to the changes happening in A. Beyle as the person and the creative person under the influence of experience of participation in military campaigns. Thanks to the got experience future great writer Stendhal has given to the world new, more realistic, than there was in literature to him, an idea of war.

Keywords: Napoleonic wars, A. Beyl (Stendhal), military occupation, image of war in literature.

В.Н. Земцов*

НАПОЛЕОН И ЕГО ЭПОХА В ЗЕРКАЛЕ «АЛЬТЕРНАТИВНОЙ ИСТОРИИ»

В статье рассматриваются формирование и эволюция жанра «альтернативной истории» в историописании, политике, кинематографе и, частично, беллетристике применительно к эпохе Наполеоновских войн. Автор приходит к выводу, что особую роль в развитии «альтернативной истории» сыграл поверженный император Наполеон, одной из главных целей которого было оправдать свои, нередко неудачные решения и действия, и в то же время сохранить за собой ключевое место в мировой истории. «Альтернативные» подходы при обращении к эпохе Наполеона изначально играли заметную роль в политической борьбе во Франции и в других странах, в том числе, в России. Спектр использования этих сюжетов политиками оказался чрезвычайно велик – от «компенсаторной» функции до презентации политических программ. Образ «альтернативного» Наполеона стал также излюбленным вариантом осмысления широкого спектра проблем человеческой жизни – любви, жизненного выбора, смысла и содержания счастья. Обращение к «альтернативной истории» эпохи Наполеоновских войн составляет важнейший элемент современного исторического, социального, политического и культурного дискурса.

Ключевые слова: Эпоха Наполеона, «альтернативная история», исторические аналогии в политическом дискурсе.

Кажется, что жанр «альтернативной истории» существовал всегда, по крайней мере, начиная с Тита Ливия, попытавшегося представить развитие событий в том случае, если бы Александр Македонский не умер в 323 г. до н.э.¹ В разной степени к этому жанру (то ли фантастики, то ли философской литературы, то ли беллетристики) можно отнести тексты многих авторов античности (причем, список следовало бы начать даже не с Тита Ливия, а,

* Владимир Николаевич Земцов, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры новой и новейшей истории Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, заведующий кафедрой всеобщей истории Уральского педагогического университета.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 16-18-10041).

¹ Тит Ливий. История Рима от основания города. М., 1989. Т. 1. С. 422-427. (Кн. IX, 17-19).

по крайней мере, с Платона), Средневековья (скажем, создателей многочисленных «пророчеств», приписываемых давно умершим или вообще никогда не существовавшим пророкам, дабы убедить читателей в том, что те или иные события были заранее запланированы Всевышним) и Раннего Нового времени (хотя бы Томаса Мора с его «Утопией»). И все же применительно к истории последних 200 лет нельзя назвать периода, более мощно повлиявшего на «альтернативную историю», чем эпоха Наполеоновских войн. Феерический взлет безвестного корсиканца на вершину власти и славы и не менее впечатляющее, полное драматизма, его падение и крах созданной им империи, не могли не вдохновить современников и потомков на дерзкие размышления о человеческой воле, предопределенности судьбы и играх случая.

Мы убеждены в том, что подобного рода размышления нельзя сводить исключительно к сфере фантастики («научной» или «лже-научной») или же к сюжетам для компьютерных игр. «Альтернативная наполеонистика (наполеониана)» не только помогает прояснить смысл того, что произошло на рубеже XVIII-XIX вв., но и дает представление о воздействии образов той эпохи на последующую историю человечества вплоть до сегодняшнего и даже завтрашнего дня. Наконец, вопросы, нередко возникающие в рамках «альтернативной истории», дают мощный толчок для развития самых разных отраслей современной науки. Наиболее ярким примером этого является долго обсуждавшаяся (и все еще обсуждаемая) возможность отравления Наполеона на острове Св. Елены.

Самым поразительным является то, что никто иной как сам Наполеон явился вдохновителем этой «альтернативистской» традиции, существующей уже почти 200 лет. Трудно сказать определенно, с какого именно момента своей необыкновенной жизни он стал размышлять и интерпретировать происходившие в выгодном для себя «альтернативном» варианте события – с Египетского ли похода или с бюллетеней Великой армии. Но очевидно, что в концентрированном виде это произошло на острове Св. Елены.

Великий, но поверженный император, находясь в заточении, как выразилась королева Гортензия, «с изощренным кокетством хорошего драматурга» «аранжировал свою жизнь, свою защиту и свою славу»². Не придумывая факты, но искусно их истолковывая, Наполеон создавал легенду о себе самом, вновь включаясь тем самым «в развитие истории»³. Остановимся на нескольких фрагментах его воспоминаний, наиболее

² Цит. по: *Собуль А.* Герой, легенда и история // ФЕ. 1969. М., 1971. С. 234.

³ Эта тема имеет обширную историографию. См., например: *Duhourcau F.* Bonaparte peint par lui-même. P., 1937; *Petiteau N.* Napoléon, de mythologie à l'histoire. P., 1999; *Mascilli Migliorini L.* Le Mythe du héros. P., 2002; *Jourdan A.* Mythes et légendes de Napoléon. Toulouse, 2004; etc.

серьезно повлиявших на «альтернативные» варианты прочтения наполеоновской эпопеи.

Первым на пути такого «переосмысления» истории стал Сирийский поход: «Самые ничтожные обстоятельства приводят к важнейшим последствиям. Нерешительность капитана фрегата, стоявшего на рейде в море и не сумевшего прорваться в гавань, ряд пустяковых помех на пути легких кораблей – все это помешало изменить лицо мира. Овладев крепостью Сен-Жан д'Акр, французская армия устремилась бы к Дамаску и Алеппо; в мгновение ока она бы оказалась на берегах Евфрата; христиане Сирии, друзья, христиане Армении присоединились бы к нам; страны Востока оказались бы на грани всеобщего революционного взрыва. <...> Я бы достиг Константинополя и дошел до Индии. Я бы изменил лицо мира»⁴.

Неоднократно сетовал Наполеон по поводу несбывшихся планов высадки в Британии, сокрушался в отношении проявленного им чрезмерного великодушия по отношению к Александру I и Фридриху-Вильгельму III⁵... А сколько сожалений было высказано Наполеоном по поводу неудачи Русского похода 1812 г., от исхода которого, как он считал, зависела судьба всего мира! «Я мог двинуться на Россию во главе всей остальной Европы, – заявлял он, – идея вторжения в Россию была популярной и вызвала интерес в Европе. Для Франции эта война должна была стать последним усилием: судьбы Франции и новой европейской системы зависели от этой войны. Россия была последним ресурсом Англии»⁶. Если бы Москва не сгорела, отмечал Наполеон чуть позже, «я бы представил всему миру удивительное зрелище, когда армия остается на зимние квартиры в самом центре враждебной страны, подвергаясь давлению со всех сторон. Это был бы корабль, осажденный льдом». «При первом же наступлении хорошей погоды я бы выступил против врага, я бы разгромил его и стал хозяином его империи». «Мир, заключенный в Москве, завершил бы мои военные экспедиции. Он стал бы конечной точкой людских потерь и началом всеобщей безопасности. <...> ...я бы создал мой собственный Конгресс и мой Священный союз»⁷.

⁴ *Las Cases E.A.D.J. Mémoires de Sainte-Hélène, ou Journal ou se trouve cosigné, jour par jour...* P., 1823. Т. 3. P. 35-36 (Запись от 30-31 марта 1816 г.); Здесь и далее использован русский перевод: *Лас-Каз. Мемориал Святой Елены, или Воспоминания об императоре Наполеоне: В 2-х кн. Пер. Л.Н. Зайцева. М., 2010. Т. 1-2.*

⁵ «Под Аустерлицем я подарил Александру свободу, хотя мог сделать его своим пленником. После Йены я оставил королю Пруссии его трон, который я завоевал; после Ваграма я не стал делить на части австрийскую монархию». – *Las Cases E.A.D.J. Op. cit. 1823. Т. 3. P. 150* (Запись от 28 апреля 1816 г.).

⁶ *Ibid.* (Запись от 28 апреля 1816 г.)

⁷ *Las Cases E.A.D.J. Mémoires de Sainte-Hélène, ou Journal ou se trouve cosigné,*

Сделал Наполеон и разбор в «альтернативном» ключе ряда сражений; наиболее подробно – битву при Лейпциге и, конечно же, Ватерлоо.

В отношении Лейпцига Э.О. Лас Каз, записывавший воспоминания бывшего императора, суммировав им сказанное, отметил, что Наполеон «потерпел неудачу в результате редкостного сочетания фатальности и вероломства». Фатальность, в частности, выразилась в совпадении пяти факторов (внезапной болезни Наполеона; неожиданного наводнения на реке Бобёр, из-за чего корпус Э.Ж.Ж.А. Макдональда был отрезан; письма короля Баварии, в котором тот выразил поддержку Франции, в то время как баварские войска были на стороне неприятеля; недоставления приказов французским войскам, находившимся в Дрездене; преждевременного взрыва моста через р. Эльстер, из-за чего оказались отрезанными от основной французской армии 30 тыс. французов с 200 орудиями). Столько же было насчитано и проявлений вероломства⁸.

Наиболее сильное воздействие на сторонников «альтернативной» истории в дальнейшем оказала наполеоновская версия Ватерлоо и предшествующих ему сражений при Линьи и Катр-Бра. По словам Наполеона, герцог Веллингтон был спасен «благодаря курьезному случаю»: он не мог начать отступление, так как если бы он его начал, «он бы неизбежно погиб». «...Такова сила рока! В течение трех дней, я трижды видел, как судьба Франции и Европы ускользает из моих рук», – заявлял Наполеон и указывал на нерешительность маршала М. Нея при Катр-Бра и «необычные маневры Груши»⁹.

«Мемориал Св. Елены», вышедший впервые в 1823-1824 гг., стал своего рода библией не только для бонапартистов, но и для многих честолюбцев (таких, как стэндалевский Жюльен Сорель) и беллетристов, нередко проявлявших необузданную фантазию. Кажется, что Луи Жоффруа-Шато, родившийся в 1803 г. в семье талантливого и бесстрашного офицера, прошедшего с Бонапартом Египетскую кампанию, стал позже демонстрировать страстную приверженность памяти бывшего императора, немалое честолюбие, необузданную фантазию, да и писательский талант тоже. Его отец Марк Антуан Жоффруа-Шато, военный инженер, мемуарист, поэт и военный теоретик, погиб на дуэли в 1806 г., и мальчик, а затем молодой человек стал жить фантазиями о своем необыкновенном отце, а затем – фантазиями о необыкновенной эпохе. В 1836 г. под псевдонимом Луи Жоффруа он издал нашумевшую книгу «История универ-

jour par jour... P., 1840. Т. 2. P. 143 (Запись от 24 августа 1816 г.)

⁸ *Las Cases E.A.D.J. Mémoires de Sainte-Hélène. 1823. Т. 5. P. 69-73* (Запись от 2 сентября 1816 г.)

⁹ *Ibid.* Т. 7. P. 275-277. (Запись от 16 ноября 1816 г.)

сальной монархии. Наполеон и завоевание мира (1812-1832)»¹⁰, в которой представил историю такой, какой, по его мнению, она могла бы быть, если бы Наполеон не остался на длительный срок в Москве, а сразу же после ее взятия двинулся на Санкт-Петербург. 8 октября 1812 г. возле Новгорода он разбивает объединенную русско-шведскую армию и через неделю появляется в Петербурге. Французский император вынуждает Александра I принять католичество, прощает кронпринца Швеции Карла Юхана (Ж.Б.Ж. Бернадота) и делает Ю. Понятовского королем Польши. После этого эпицентр событий перемещается в Испанию, где 13 июля 1813 г. при Сеговии французы наносят поражение Веллингтону. Это становится решающим событием в умиротворении Пиренейского полуострова. В апреле следующего года осуществляется высадка французской армии на Британских островах в Восточной Англии. Недалеко от Кембриджа английские войска терпят поражение, и Наполеон идет на Лондон. Там он упраздняет парламент, запирает его двери на замок, а ключ бросает недалеко в Темзу у Вестминстерского моста. Георг III превращается в вассала Наполеона, но остается королем... Шотландии и Ирландии. Англию же Наполеон делит на 22 департамента и инкорпорирует в состав Французской империи. Париж окончательно становится новым Римом. Мадам де Сталь возвращается во Францию, ее принимают в Институт (Академию) и даруют титул герцогини. Папой римским становится кардинал Ж. Феш, дядя Наполеона.

В 1817 г. поверженные за пять лет до того Россия и Швеция пытаются было бросить вызов Наполеону, но терпят окончательное поражение. Россия как обширная империя исчезает, и на ее месте появляются три государства. Затем Наполеон захватывает Константинополь. В 1820 г. он аннексирует территории Северной Африки, одерживает окончательную победу над турками и арабами в битве у стен Иерусалима, идет на Багдад, а принца Э. Богарне отправляет к Мекке, которую тот подвергает разрушению. Сторонникам ислама не остается ничего иного, как отказаться от своей религии и принять христианство. В последующие годы происходит захват Китая и Японии. Народы Западного полушария собираются в Панаме на Великий конгресс, где признают Наполеона верховным правителем. Позже всех голосу рассудка внимают еврейские общины, но и они в конечном итоге, собравшись на конгресс в Варшаве, принимают католичество. Поэтому когда 23 февраля 1832 г. Наполеон умирает, он оставляет после себя единый мир и единое человечество, которое говорит по-французски и исповедует христианство.

¹⁰ *Geoffroy L. Histoire de la monarchie universelle. Napoléon et la conquête du monde (1812-1832). P., 1836.*

При всей фантазийности и даже хулиганстве, продемонстрированных автором, некоторые из его пророчеств оказались в дальнейшем реализованными, в особенности те, которые касались технических и научных достижений: «электрический дирижабль», «летающие автомобили», «пишущее пианино», технологии опреснения воды... Некоторые из описанных Жоффруа-Шато изобретений человечеству еще предстоит реализовать – «контроль над погодой» и создание «волшебного лекарства» от всех болезней.

Но даже не эти изобретения и открытия оказались главными в ряду предсказаний Жоффруа-Шато. Его книга отразила смену настроений, происходивших во французском обществе в 1830-е годы, когда не только скрытые и открытые бонапартисты, но и сама Июльская монархия начали ностальгически вспоминать о Первой империи, одни – с надеждой на ее возвращение, другие – с целью обретения иллюзорного общественного согласия. В 1840 г. останки Наполеона будут торжественно возвращены во Францию, а в 1841 г. книга Жоффруа-Шато под новым названием «Наполеоновский апокриф: 1812-1832. История завоевания мира и учреждения универсальной монархии» будет переиздана¹¹. В 1849 г. Луи-Наполеон Бонапарт станет президентом, а в 1852 г. – императором под именем Наполеона III. «Альтернативная история» из разряда досужих идиллических фантазий или вариантов самооправдания совершенно определенно перешла в разряд эффективных и весьма востребованных политических инструментов.

В дальнейшем, уже после Наполеона III, тень великого императора будет еще не раз востребована различными политическими лидерами Франции – Ж.Э.Ж.М. Буланже, Ш. де Голлем, Н. Саркози...

В 2010 г. французский экс-президент В. Жискара д'Эстен опубликовал книгу, которую почему-то (видимо, из уважения к политику) пресса охарактеризовала как «исторический роман», но которая в действительности абсолютно вписывается в то, что мы называем «альтернативной историей» – «Победа Великой армии»¹². Жискара д'Эстен исходил из того, что у Наполеона были «дни колебаний», и это дает нам возможность предположить, что во время русской кампании император в течение нескольких дней предавался сомнениям. Поэтому, как полагает экс-президент, вполне правомерно «дать возможность» Наполеону принять вымышленное решение о возвращении во Францию и тем самым избежать трагедии¹³.

¹¹ *Geoffroy L. Napoléon apocryphe (1812-1832) : l'histoire de la conquête du monde et de la monarchie universelle. P., 1841.*

¹² *Giscard d'Estaing V. La victoire de la Grande Armée. P., 2010. Русс. пер: Жискара д'Эстен В. Победа Великой армии. М., 2015.*

¹³ *Жискара д'Эстен В. Указ. соч. С. 10-11.*

Итак, Великая армия Наполеона, по замыслу автора, вступив в Москву, уже на следующий день ее покинула и начала отступление во Францию. Полковник Франсуа Бейль (François Veille – почти что Анри Бейль / Н. Veyle!), мигом превратившийся в генерала, а затем и в маршала, прикрывает армию и не только спасает ее от разгрома, но и приводит ее к новой победе под Вильно. История Наполеона, да и всей Европы вступает в новую, великую эру. Император принимает решение об отречении и передает власть Э. Богарне, который учреждает либеральное правление. 15 августа (день рождения и тезоименитства Наполеона) 1815 г. в Страсбурге открывается мировой конгресс, на котором (без российского участия!) рождается новая объединенная и гармоничная Европа, главою которой (канцлером), конечно же, становится Наполеон Бонапарт. Заканчивается роман встречей Наполеона с великим И.В. Гёте...

Да, Жискара д'Эстен оказался не менее раскован в своих фантазиях, чем Жоффруа-Шато! Однако стоит напомнить: именно Жискара д'Эстен стал инициатором создания и главным разработчиком проекта Конституции Европейского союза. Тогда, к маю 2005 г., многим казалось, что появление новой Европы, фактически единого европейского государства, совсем близко. И Франция в лице своего экс-президента способна стать вдохновителем этого великого исторического события, последствия которого превзошли бы проекты самого Наполеона. Парадокс заключается в том, что именно французы вкупе с голландцами в 2005 г. не позволили реализоваться этим планам. Книга экс-президента стала, таким образом, формой виртуальной реализации неосуществленного им замысла европейского объединения, но, кроме того, и демонстрацией убежденности в возможности его реализации.

В плане взаимозависимости современной политической жизни и «альтернативной истории» чрезвычайно интересен феномен Доминика де Вильпена, маститого политика и историка-любителя¹⁴. Напомню, что он в 2002-2004 гг. занимал пост министра иностранных дел, в 2004-2005 гг. министра внутренних дел, а в 2005-2007 гг. – премьер-министра. В течение многих лет де Вильпен выступает соперником Н. Саркози в партии голлистов. В 2001 г. де Вильпен издал получившую немалую известность книгу «Сто дней, или Дух самопожертвования»¹⁵, а в 2002 – еще одну книгу («Крик горгульи»¹⁶), где он размышляет о судьбах Франции, ее исторической миссии, и на страницах которой снова появляется образ

¹⁴ О Вильпене, Саркози и наполеоновской теме см.: *Boudon J.O.* Les habits neufs de Napoléon. P., 2009. P. 138-162.

¹⁵ *Villepin D., de.* Les Cent-Jours ou L'Esprit de sacrifice. P., 2001. Русс. пер: *Вильпен Д. де.* Сто дней, или Дух самопожертвования. М., 2003.

¹⁶ *Villepin D., de.* Le cri de la gargouille. P., 2002.

Наполеона. Наполеон в трактовке де Вильпена – это император-либерал, чувствующий необходимость перемен и готовый их принять. Это – правитель, приблизивший к себе Б. Констана и обратившийся к монархам Европы с призывом к умиротворению континента. Как знать, может быть в мае 2017 г. на очередных президентских выборах де Вильпен (как и Саркози) сделает попытку баллотироваться на пост президента? И тот и другой демонстрируют явную склонность примерить на себя одежды Наполеона: один – государственника-либерала, другой – государственника-правоцентриста.

Тема «одежд императора» вообще оказалась в последние полтора десятка лет чрезвычайно востребованной в общественной, культурной и политической жизни Франции. В 2001 г. американский кинорежиссер Алан Тейлор снял быстро ставший популярным фильм «Новые одежды для императора ("The Emperor's New Clothes")». За основу сценария был взят роман бельгийского писателя, переводчика и сиолога Симона Лейса (Лея) «Смерть Наполеона», впервые опубликованный в 1986 г. Причем в названии фильма бросается в глаза аллюзия на один из первых романов Лейса «Новые одежды президента Мао» (1971) и, конечно же, на сказку Г.Х. Андерсона, известной русскоязычному читателю под названием «Новое платье короля». В сущности, здесь мы имеем дело уже не столько с примером политически востребованной «альтернативной» истории, сколько с философским осмыслением сущности человека и смысла человеческого счастья.

Еще более рельефно подобная тема звучит в фильме «Месье N» («Monsieur N»), снятом в 2003 г. режиссером Антуаном де Коном по сценарию Рене Манзора. Наполеон скрывается с острова Св. Елены и обретает тихое человеческое счастье в Америке вместе с Э. Балькольмб.

Нельзя не вспомнить, говоря о кинематографе, снятый в 1970 г. С.Ф. Бондарчуком масштабный исторический фильм «Ватерлоо», который тоже фактически оказался на грани «альтернативной» истории (мы бы отнесли это к т.н. криптоистории). Пожалуй, по многим параметрам это лучший фильм, созданный на тему Наполеоновских войн. Замечательной была и игра канадского актера Рода Стайгера, сыгравшего роль Наполеона, не только императора, но и быстро стареющего человека, чем-то напоминающего главного героя из хемингуэвской повести «Старик и море». Однако, стремясь усилить драматический эффект подлинных исторических событий, создатели фильма решились на явные передержки в воспроизведении целого ряда эпизодов тех дней, которые предшествовали Ватерлоо, и, в особенности, самого незабываемого дня 18 июня 1815 г.¹⁷

¹⁷ Об образе Наполеона в кино, театре и современной литературе см.:

Среди опытов «альтернативной» истории в сфере кино, основанных на вполне убедительной исторической базе, и тем самым помогающим понять и оценить реальный ход событий, особо следует отметить документальный фильм «Графальгар» (2007 г.), снятый французским режиссером Фабрисом Урлье.

Политический контекст при обращении к «альтернативной» истории эпохи Наполеона менее, чем во Франции, но все-таки представлен и в России. Особенно рельефно это проявилось в свое время в деятельности В.Н. Батурина, известного бизнесмена, коллекционера реликвий наполеоновской эпохи, отбывающего ныне срок лишения свободы в исправительной колонии общего режима. Желая сделать политическую карьеру, В.Н. Батурин попытался воспользоваться потенциалом движения военно-исторической реконструкции¹⁸, что сказало, в том числе, и в заметной идеализации фигуры Наполеона и даже в проведении неких, весьма сомнительных, параллелей между ситуацией во Франции рубежа XVIII-XIX вв. и реалиями России конца XX – начала XXI вв.¹⁹

Важной сферой, в которой наполеоновская «альтернативистика» была активно востребована, долгое время была военная теория. Наиболее ярким примером этого стала деятельность военных кругов Германии, прежде всего, Генерального штаба, в конце XIX – начале XX вв. На многих примерах кампаний и сражений наполеоновской эпохи германские военные теоретики демонстрировали роль морального фактора, под которым они понимали как гений полководца, так и готовность солдат идти на жертвы ради достижения решающей победы. Литература такого рода, во многом основанная на теоретическом «переигрывании» различных вариантов военных действий, оказала сильнейшее воздействие на немецкий Генеральный штаб при подготовке к Первой мировой войне²⁰.

Трудно переоценить роль «альтернативной истории» в обсуждении многих чисто научных проблем применительно к рубежу XVIII-XIX вв.

Chanteranne D., Veyrat-Masson I. Napoléon à l'écran. P., 2003; Boudon J.O. Op. cit. P. 93-115.

¹⁸ В сущности, движение военно-исторической реконструкции (Re-enactment) само по себе представляет вариант виртуальной, то есть «альтернативной», истории, когда нередко теряется грань между реальной жизнью и жизнью виртуальной. В фильме французского режиссера Денни Деркура «Завтра на рассвете» («Demain des l'aube») это нашло, в целом, точное отражение.

¹⁹ См., например: *Соколов О.В. Наполеон и Россия в XXI веке // Империя истории. 2001. Июль-август. С. 4-11.*

²⁰ См., например: *Гельмерт Г. Освободительная война 1813 г. в военно-исторической литературе прусского генерального штаба // Освободительная война 1813 г. против наполеоновского господства. М., 1965. С. 357-371.* Большой популярностью пользуется сборник статей англо-американских авторов, в которых они описывают «альтернативные» варианты исхода многих кампаний и сражений Наполеона. См.: *The Napoleon Options: Alternative Decisions of the Napoleonic Wars / Ed. By J. North. L., 2000. Русс. пер.: Норт Дж. Наполеоновские войны: Что, если?.. М.; СПб., 2002.*

Пожалуй, наиболее активно этот потенциал был востребован в последнее время в ходе дискуссий о последствиях Континентальной блокады и возможности или невозможности долговременного российско-французского сближения после Тильзита²¹. Но все перекрывает внимание к личности самого Наполеона со стороны «альтернативщиков» и близких к ним авторов – от беспредельной идеализации императора²² до «разоблачительных» сочинений в стиле «черной легенды»²³. И в том и в другом случае авторы, хотя и претендуют на научность своих сочинений, но обычно балансируют на грани «альтернативной истории»²⁴.

Особенно активно разрабатывавшейся в последние 50 лет темой стала причина смерти Наполеона. Объем литературы, посвященной данному сюжету и граничащей с фантастикой, уже просто не поддается учету²⁵.

Подведем итоги:

1. Жанр «альтернативной истории» получил мощный толчок в результате событий эпохи Наполеоновских войн. Особую роль в этом сыграл сам поверженный император, одной из главных целей которого было оправдать свои, нередко неудачные решения и действия, и сохранить за собой ключевое место в мировой истории.

2. «Альтернативные» подходы при обращении к эпохе Наполеона изначально играли заметную роль в политической борьбе во Франции и в других странах, в том числе, в России. Спектр использования этих сюжетов политиками чрезвычайно велик – от «компенсаторной» функции до презентации политических программ.

3. Образ «альтернативного» Наполеона давно стал излюбленным вариантом осмысления широкого спектра проблем человеческой жизни – любви, жизненного выбора, смысла и содержания счастья.

В целом, обращение к «альтернативной истории» эпохи Наполеоновских войн составляет важнейший элемент современного исторического, социального, политического и культурного дискурса и, как полагаем, сохранится в ближайшей перспективе.

²¹ См., например: *Соколов О.В. Битва двух империй. 1805-1812. СПб., 2012.*

²² См., например, *Duhourcau F. Op. cit.; Вейдер Б. Блистательный Бонапарт // Блистательный Наполеон. М., 1995. Т. 1; Вейдер Б., Франчески М. Наполеон под прицелом старых монархий. М., 2008.*

²³ Подробнее об этом см.: *Tulard J. L'Anti-Napoléon. La légende noire de l'Empereur. P., 1965; Нечаев С.Ю. Антинаполеон. М., 2010.*

²⁴ Мы оставляем в стороне вал собственно художественных произведений, принадлежащих перу С.С. Форестера, А. Переса-Реверте, Б. Корнуэлла, М.К. Первухина, О.В. Соколова («Испанская война и тайна тамплиеров»), а также пародии на «альтернативщину», образец чего, к примеру, предложил А.Е. Матвиенко.

²⁵ Подробнее см.: *Lentz T., Macé J. La mort de Napoléon: mythes, legends, mystères. P., 2012.*

Список литературы

- Вейдер Б. Блистательный Бонапарт // Блистательный Наполеон. М.: Вече, 1995. Т. 1. [Weider B. Blistatelny Bonapart // Blistatelny Napoleon. M.: Veche, 1995. T. 1].
- Вейдер Б., Франчески М. Наполеон под прицелом старых монархий. М.: Вече, 2008. [Weider B., Francheski M. Napoleon pod pritselom staryh monarhiy. M.: Veche, 2008].
- Вильпен Д. де. Сто дней, или Дух самопожертвования. М.: Стратегия, 2003. [Villepin D., de. Sto dney, ili Duh samopozhertvovaniya. M.: Srtategija, 2003].
- Гельмерт Г. Освободительная война 1813 г. в военно-исторической литературе прусского генерального штаба // Освободительная война 1813 г. против наполеоновского господства. М.: Наука, 1965. С. 357-371. [Gilmert G. Osvoboditeljnaja vojna 1813 g. v voenno-istoricheskoy literature prusskogo generaljnogo shtaba // Osvoboditeljnaja vojna 1813 g. protiv napoleonovskogo gosподstva. M.: Nauka, 1965. S. 357-371].
- Жискар д'Эстен В. Победа Великой армии. М.: РОССПЭН, 2015. [Giscard d'Estaing V. Pobeda Velikoj armii. M.: ROSSPEN, 2015].
- Лас-Каз. Мемориал Святой Елены, или Воспоминания об императоре Наполеоне: В 2-х кн. Пер. Л.Н. Зайцева. М.: Захаров, 2010. Т. 1-2. [Las Cases. Memorial Svjatoj Eleny, ili Vospominaniya ob imperatore Napoleone: V 2-x kn. Per. L.N. Zajtseva. M.: Zaharov, 2010. T. 1-2].
- Нечаев С.Ю. Антинаполеон. М.: Грифон. 2010. [Nechajev S.U. Antinapoleon. M.: Grifon, 2010].
- Норт Дж. Наполеоновские войны: Что, если?.. М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 2002. [Nort J. Napoleonovskije vojiny : Chto, esli?.. M.: AST; SPb.: Terra Fantastica, 2002].
- Собуль А. Герой, легенда и история // Французский ежегодник. 1969. М.: Наука, 1971. [Soboul A. Geroj, legenda i istorija // Franzuzskij ezhegodnik. 1969. M.: Nauka, 1971].
- Соколов О.В. Битва двух империй. 1805-1812. СПб.: Астрель-СПб, 2012. [Sokolov O.V. Bitva dvuh imperij. 1805-1812. SPb.: Astrel-SPb, 2012].
- Соколов О.В. Наполеон и Россия в XXI веке // Империя истории. 2001. Июль-август. С. 4-11. [Sokolov O.V. Napoleon I Rossija v XIX veke // Imperija isrorii. 2001. Ijulj-avgust. S. 4-11].
- Тит Ливий. История Рима от основания города. Перевод Н.В. Брагинской. М.: Наука, 1989. Т. 1. 406 с. [Titus Livius. Istorija Rima ot osnovaniya goroda. Perevod N.V. Braginskoj. M.: Nauka, 1989. T. 1].

- Tulard J. L'Anti-Napoléon. La légende noire de l'Empereur. P.: Julliard, 1965.
- Boudon J.O. Les habits neufs de Napoléon. P.: Bourin, 2009.
- Chanteranne D., Veyrat-Masson I. Napoléon à l'écran. P.: Nouveau Monde Édition, 2003.
- Duhourcau F. Bonaparte peint par lui-même. P.: Spes, 1937.
- Geoffroy L. Histoire de la monarchie universelle. Napoléon et la conquête du monde (1812-1832). P.: Delloye, 1836.
- Geoffroy L. Napoléon apocryphe (1812-1832): l'histoire de la conquête du monde et de la monarchie universelle. P.: Paulin, 1841.
- Giscard d'Estaing V. La victoire de la Grande Armée. P.: Plon, 2010.
- Jourdan A. Mythes et légendes de Napoléon. Toulouse : Privat, 2004.
- Las Cases E.A.D.J. Mémorial de Sainte-Hélène, ou Journal ou se trouve cosigné, jour par jour... P.: L'Auteur, 1823. Т. 3, 5, 7.
- Las Cases E.A.D.J. Mémorial de Sainte-Hélène, ou Journal ou se trouve cosigné, jour par jour... P.: Magen et Comon, 1840. Т. 2.
- Lentz T., Macé J. La mort de Napoléon: mythes, legends, mystères. P.: Perrin, 2009.
- Mascilli Migliorini L. Le Mythe du héros. P.: Nouvoau Monde Édition, 2002.
- The Napoleon Options: Alternative Decisions of the Napoleonic Wars. Ed. By J. North. London: Lionel Leventhal, 2000.
- Petiteau N. Napoléon, de mythologie à l'histoire. P.: Éd. Du Seuil, 1999.
- Villepin D., de. Le cri de la gargouille. P.: Albin Michel, 2002.
- Villepin D., de. Les Cent-Jours ou L'Esprit de sacrifice. P.: Perrin, 2001.

**Zemtsov V. Napoleon and his era
in the mirror of «alternative history»**

The article discusses the formation and evolution of the genre of «alternative history» in the field of history writing, politics, cinema and partly of fiction in relation to the era of the Napoleonic wars. The author comes to the conclusion that a special role in the development of «alternative history» belonged to Emperor Napoleon, one of the main purposes of whom was to justify his own, often, wrong decisions and actions, and at the same time to preserve one of the key places in world history. «Alternative» approaches, when referring to the era of Napoleon, initially played a prominent role in the political struggle in France and in other countries, including in Russia. The range of use of these sites of politicians was extremely high – from the functions of the «compensatory» to the presentation of political programs. By the way «alternative» Napoleon became also the favorite option of understanding a broad spectrum of problems of human life – love, choice, life, meaning, content and happiness. An appeal to the «alternative history» of the Napoleonic wars is the most important element of the modern historical, social, political and cultural discourse, and will persist in the short term.

Keywords: the era of Napoleon, «alternative history», historical analogies in political discourse.

Д.А. Чудинов *

**«НАПОЛЕОН БОНАПАРТ» А.З. МАНФРЕДА
В ОЦЕНКАХ ЧИТАТЕЛЕЙ**

Статья посвящена особенностям восприятия советскими читателями книги «Наполеон Бонапарт», выпущенной в 1971 г. одним из ведущих специалистов по истории Франции Альбертом Захаровичем Манфредом (1906-1976). Автор статьи отмечает отличия монографии А.З. Манфреда от изданного в 1930-е годы сочинения академика Е.В. Тарле «Наполеон» и анализирует, как новый образ Бонапарта был оценен читателями им после выхода книги А.З. Манфреда в тех письмах, что сохранились в личном архиве последнего. Авторы этих писем – не только профессиональные историки, но и представители негуманитарных профессий. Кроме слов благодарности автору биографии Наполеона, они высказывали также критические замечания о книге, указывали на допущенные Манфредом ошибки и неточности, просили проконсультировать по вопросам наполеоновской тематики, и т.д. Такие письма не оставались без ответа – примером этого является приведенное в статье ответное письмо Манфреда к читателю его книги. Изучение подобных архивных документов позволяет дополнить творческую историю создания книги Манфреда, ставшей своего рода «советским бестселлером» и не потерявшей актуальности даже спустя 30 лет после своего выхода в свет.

Ключевые слова: А.З. Манфред, Наполеон Бонапарт, Е.В. Тарле, Французская революция, история Франции.

В 1968 г. саранский историк Л.С. Гордон писал А.З. Манфреду: «...А как движется Ваш Наполеон? Я жду его с нетерпением: без комплиментов, думаю, что в СССР никто лучше Вас не напишет о нем»¹. Коллега Альберта Захаровича оказался прав. Когда в 1971 г. книга Манфреда вышла в свет, ее действительно ожидал колоссальный успех.

К тому времени Альберт Захарович Манфред (1906-1976), ученик академиков Н.М. Лукина (1885-1940) и В.П. Волгина (1879-1962), уже являлся крупнейшим отечественным специалистом по истории Франции, авто-

* Дмитрий Александрович Чудинов, главный хранитель фондов Отдела рукописей Российской государственной библиотеки.

¹ Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (далее – ОР РГБ). Фонд 772. Картон 43. Единица 45. Письмо Л.С. Гордона А.З. Манфреду от 14.11.1968.

ром значительного количества научных трудов. Однако фундаментальная биография Наполеона Бонапарта стала, пожалуй, самым важным творением А.З. Манфреда за все время его научной деятельности, принесся своему автору всесоюзную популярность.

Идея создания такого труда к тому времени назрела уже достаточно давно, поскольку со времени выхода в свет в далеком 1936 г. в серии «Жизнь замечательных людей» книги академика Е.В. Тарле (1874-1955) «Наполеон» новых советских фундаментальных работ об «императоре французов» так и не появилось. В 1967 г. Манфред писал директору издательства «Мысль» А.П. Порываеву: «В соответствии с предварительными устными переговорами я хотел бы предложить издательству "Мысль" издание в серии "История в биографиях" книгу «Наполеон Бонапарт», над которой я в настоящее время работаю. Последняя работа на эту тему, опубликованная в нашей стране – широко известная книга академика Е.В. Тарле "Наполеон" получила заслуженное признание и у нас, и за рубежом. При всех достоинствах этой выдающейся работы нельзя, однако, не учитывать, что она была написана более 30 лет тому назад. За эти десятилетия появилось много новых материалов, да и сами исторические условия, накладывавшие в свое время известный отпечаток на работу Е.В. Тарле, также существенно изменились. Все это вместе взятое позволяет несколько иначе подойти к решению этой темы»².

В книге Манфреда Наполеон Бонапарт, как и следовало ожидать, предстал гениальным политиком и полководцем, сумевшим безвозвратно изменить жизнь всей Европы не только благодаря собственному гению, но и благодаря собравшемуся вокруг него кругу талантливых и одаренных сподвижников, также выдвинувшихся во время Революции. Манфред считал Наполеона истинным сыном своего времени, взлет и падение которого были вполне закономерны, так как «наполеоновские войны, полностью утратив свойственные им ранее, несмотря на их завоевательный характер, элементы прогрессивного, превратились в чисто захватнические, империалистические войны, несшие народам Европы порабощение и гнет»³.

Одной из особенностей книги Манфреда является то, что автор уделил гораздо больше внимания, нежели его предшественник, именно психологическому портрету Бонапарта, процессу формирования его личности и взглядов в молодые годы. «Какими бы злодеяниями ни был отмечен путь Наполеона – императора французов, как бы страстно он сам ни мечтал превратиться в наследственного легитимного монарха, десятки которых

² ОР РГБ. Ф. 772. К. 39. Ед. 39. Л. 1.

³ Манфред А.З. Наполеон Бонапарт М., 1987. С. 695.

пресмыкались перед его троном, он всегда оставался в глазах других Бонапартом – членом Якобинского клуба, без чего его неизбежно ждала бы безвестная кончина где-нибудь в заштатном гарнизоне или на очередной династической разборке»⁴. В своей книге автор отвел описанию процесса духовной трансформации своего героя целую главу под названием «Вверх и вниз».

Еще одной особенностью книги Манфреда является выделение отдельной главы, посвященной теме франко-русского союза. Автор обращает внимание на то, что Наполеон, еще занимая пост Первого консула, являлся убежденным последователем союза с Россией, что фактически стало «новым словом, внесенным Наполеоном в историю французской внешней политики»⁵, и отказ от дружественных отношений с Россией, кульминацией которого стало вторжение в нее Великой Армии летом 1812 г., Манфред относил к числу фатальных ошибок французского императора и следствием его «самоослепления»⁶.

Сравнивая труды Манфреда и Тарле, А.В. Гордон отмечает: «Если ограничиться историко-художественной стороной творчества, можно свести главное различие между двумя учеными к одной фразе: у Тарле Наполеон скульптурен, у Манфреда – живописен»⁷. Однако книгу Манфреда, как в свое время и книгу Тарле, ожидал огромный успех. Уже вскоре после выхода в свет новая биография Наполеона стала настоящим бестселлером, чего, кажется, не ожидал даже сам автор. В.М. Далину, другу и коллеге Альберта Захаровича, обсуждение ее в Политехническом музее напомнило 20-е годы и выступление в этом же зале В.В. Маяковского⁸. По свидетельству Н.Н. Молчанова, первое издание книги разошлось за несколько часов⁹. «Наполеон Бонапарт» выдержал несколько переизданий и был переведен на армянский, болгарский, словацкий, немецкий, французский, чешский, сербский и другие языки.

После выхода в свет книги о Бонапарте ее автор начал получать большое количество писем со всей страны. Одни восхищались новинкой, другие просили совета или консультации. В этой статье я, опираясь на

⁴ Там же.

⁵ Манфред А.З. Указ. соч. С. 334.

⁶ Там же.

⁷ Гордон А.В. А.З. Манфред – биограф Наполеона (советская наполеонистика от 1930-х к 1960-м) // ФЕ 2006. М., 2006. С. 46-66.

⁸ Далин В.М. Мастер исторического портрета // Далин В.М. Историки Франции XIX – XX веков. М., 1981. С. 302.

⁹ Молчанов Н.Н. По-новому о Бонапарте // Литературная газета. 1972. № 16. С. 14.

материалы из архива А.З. Манфреда, хранящиеся в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки (фонд 772)¹⁰, попытаюсь проанализировать, о чем писали Манфреду его коллеги-историки, знакомые или просто случайные люди и как реагировал на это сам историк. Конечно, значительное количество писем содержат лишь благодарности за чудесную книгу, однако попадаются и более содержательные документы.

Рассматриваемые далее в статье письма можно разделить на несколько смысловых групп. К первой из них мы относим те, в которых корреспонденты отмечают достоинства новой книги и дают ей высокую оценку. Одним из наиболее ценных в этом плане является письмо французского посла в СССР Роже Сейду:

«...После "Наполеона" Тарле это новый вклад, большой ценности, внесенный Вами в изучение наполеоновской эпохи. Я надеюсь, что Ваш труд станет в скором времени известен французским читателям, так как этого он, безусловно, заслуживает и не должен остаться неизвестным в моей стране. Вы сумели показать Наполеона во всех его человеческих чертах и оттенках, несколько притушив его легендарный ореол, но его портрет выиграл в правдивости и точности, ничего не утратив из противоречивых и привлекательных черт этого характера, так верно Вами изображенного»¹¹.

Коллега Манфреда, историк, специалист по отечественной истории (славянофильство и международные связи) Е.А. Дудзинская, прочитав книгу о Наполеоне, написала автору 15 ноября 1971 г.¹²:

«...Итак, чтение окончено. Я могла бы, конечно, позвонить Вам по телефону или встретиться в Институте и сказать о мыслях и чувствах, которые вызывает Ваша книга, но мне почему-то захотелось об этом написать, и я не хочу противиться этому своему желанию. Книга захватывает сразу, и этот захватывающий интерес не покидает до самого конца. Хотя я читала ее только вечерами, но среди моих суматошных дел ловила себя на мысли, что в конце дня меня вновь ждет нечто захватывающе интересное. <...> Отдавая законную дань восхищения блестящему труду Тарле, с которым всякий поневоле будет сравнивать Ваш труд, все же приходишь к заключению, что 30 лет, прошедшие со дня его выпуска, не прошли даром для советской исторической науки, и Вы, как один из лучших ее представите-

¹⁰ ОР РГБ. Ф. 772 (А.З. Манфред. Архив). Следует отметить, что в Отделе рукописей РГБ хранится также первоначальный вариант книги Манфреда о Наполеоне, более полный по сравнению с тем, который вышел в свет в 1971 г.

¹¹ ОР РГБ. Ф. 772. К. 50. Ед. 42. Л. 1. Оригинал письма – фр. яз., приложен перевод письма на русский язык.

¹² ОР РГБ. Ф. 772. К. 44. Ед. 18. Л. 1-6об.

лей, показали это в полной мере, написав такую изумительную книгу, как Ваш «Наполеон Бонапарт». <...> Встретила Сироткина¹³. Он сказал, что пишет рецензию; книга так хороша, что некоторые даже боятся это говорить вслух».

Схожее мнение выражено и в письме Н. Поповой от 17 января 1974 г.:

«Уважаемый Альберт Захарович! Тронута Вашим вниманием. Книга доставила истинное наслаждение. Вы справедливо говорите, как ответственно братья за труд, имея многих великих предшественников. К этому можно лишь добавить, что здесь нужна не только творческая смелость, но и глубокая эрудиция ученого. Именно такое впечатление оставляет книга, вызывает доверие к каждой прочитанной странице.

Хотела бы кроме других достоинств книги особенно подчеркнуть, что Вы сумели "очеловечить" историческую тему и образ деятеля, который всегда будет интересовать людей. Важно также, что Вы с позиций современности написали свой труд. Недаром он вызвал столько откликов во Франции, о чем я могла судить и по нашей недавней поездке. Ваш "Наполеон" служит не только науке, но и сегодняшнему советско-французскому сближению»¹⁴.

Любопытно письмо Н.В. Селиванова от 3 февраля 1973 г. Автор его признается в том, что после прочтения книги «Наполеон Бонапарт» полностью изменил свое мнение о французском императоре:

«Глубокоуважаемый Альберт Захарович, после Вашей книги о Наполеоне мое восхищение им и любовь к нему уже не те. Начиная с 547 стр. я испытал чувство разочарования и досады. Ни в одном сочинении о Наполеоне (а я перечитал их множество) не была так полно, ярко и впечатляюще передана эпоха, характеристика самого Наполеона, его друзей и врагов, лиц из его окружения вообще. Пока он был Бонапартом, было еще за что его любить, но после 1804 г. можно восхищаться, но не любить.

Своей замечательной книгой Вы открыли глаза на Наполеона без прикрас, без легенды. Теперь я понял, как заблуждался до самого последнего времени, любя его наравне с Робеспьером. Что он был гением, человеком необыкновенным, Вы это сами не отрицаете, но его жизнь и деятельность в дальнейшем – это подражание великолепию королей; роскошь, которой себя окружил, богатство, каким оделил своих людей, просчеты и роковые ошибки в делах – все это так далеко от образа молодого Бонапарта. Да, такой

¹³ Сироткин Владлен Георгиевич (1933-2005), советский и российский историк и публицист, доктор исторических наук. Его рецензия на книгу Манфреда была опубликована в: журнале НиНИ. 1972. № 6. С. 201-205.

¹⁴ ОР РГБ. Ф. 772. К. 50. Ед. 8. Письмо Н. Поповой к Манфреду от 17.1.1974.

книги о Наполеоне еще не было. Жаль только, что Вы мало уделили места последнему этапу его жизни – жизни на острове св. Елены»¹⁵.

Следует отметить, что это действительно так – в своей книге А.З. Манфред действительно уделил недостаточно внимания как детским годам Бонапарта, так и периоду ссылки отрекшегося императора. Вместо этого упор был сделан на создание именно психологического портрета.

К этой же группе писем можно отнести и восторженное послание бывшей студентки А.З. Манфреда:

«Дорогой Альберт Захарович! С большим интересом прочла я вариант главы из Вашей книги "Наполеон Бонапарт". Чтение этой статьи напомнило мне далекие студенческие годы, Ваши лекции в МОПИ, которые мы всегда ждали с большим нетерпением. Вспоминается 1942 год, маленький захолустный городок Малмыж¹⁶. Тревожная и беспокойная зима вдали от Москвы, и мы, студенты ускоренного выпуска, которым в основном пришлось постигать науку уже на практике. Но Ваши лекции всегда нас обогащали, Вы так интересно, живо, глубоко, вдохновенно рассказывали нам о событиях далекой Франции, особенно запомнилась эпоха Великой Французской революции. Мы восхищались Вашей феноменальной памятью и мастерством художника.

Из прочитанного отрывка "Перед решающим столкновением" чувствуется большой талант писателя.

Очень бы хотелось знать о Вас чуть-чуть больше, чем написано в журнале. И просьба – помогите достать Вашу книгу "Наполеон Бонапарт".

Ваша бывшая студентка и почитательница Женья Фигельман, настоящая фамилия Гитцович. Работаю методистом истории»¹⁷.

Ко второй группе писем, находящихся в архиве А.З. Манфреда, можно отнести те, авторы которой обращаются к Альберту Захаровичу с жалобами на невозможность достать его новую книгу. Причиной тому стали ограниченный тираж первого издания «Наполеона» и высокий спрос советского читателя на новинку. Возможно, самым характерным здесь является письмо от К.В. Енгояна от 25 ноября 1971 г., пришедшее из Грузии. Оно дает прекрасную возможность нашему современнику понять, с

¹⁵ ОР РГБ. Ф. 772. К. 51. Ед. 11. Л. 7. Письмо Н.В. Селиванова к Манфреду от 3.2.1973.

¹⁶ С ноября 1941 г. по осень 1943 г. в Малмыже находился эвакуированный Московский областной педагогический институт (МОПИ), одним из преподавателей которого был А.З. Манфред. Московские ученые организовали вечерний университет, студентами которого стало немало выпускников малмыжских школ, окончивших его уже в послевоенное время. Студенты и преподаватели МОПИ выступали перед городскими жителями с лекциями и докладами, ставили спектакли на сцене местного Дома культуры.

¹⁷ ОР РГБ. Ф. 772. К. 43. Ед. 36. Л. 1. Письмо Е.А. Гитцович к Манфреду от 27.1.1971.

какими трудностями приходилось в советские годы приходилось сталкиваться читателям, желавшим приобрести популярную книжную новинку:

«...В Тбилиси поступило всего 70 экземпляров Вашей книги; их распределял зав. отделом пропаганды ЦК Компартии Грузии. Книги достались высокопоставленным товарищам (академикам, министрам, крупным партийным работникам, генералам из штаба Закавказского военного округа). Нескольким моим знакомым тоже бросились искать "Наполеона". Книгопродавцы обещали достать книгу по 20 рублей за экземпляр. Охотников платить очень много, а книги все нет. Пишу об этом, предполагая, что Вам, как автору, это будет интересно знать»¹⁸.

К третьей группе писем мы относим те, авторы которых, прочитав книгу, сочли необходимым указать А.З. Манфреду на допущенные им ошибки и неточности. Примечательно, что некоторые из «критиков» не только не были историками, но даже не принадлежали к числу гумани-тариев. Характерным примером этого являются следующие два письма. Одно из них – от инженера Н. Романченко написано 10 августа 1972 г.:

«Многоуважаемый Альберт Захарович! На днях я прочел Вашу интереснейшую книгу "Наполеон Бонапарт". К сожалению, я нахожу, что Вами допущена в книге существенная ошибка, заслуживающая исправления. На стр. 638 имеется фраза, начинающаяся следующим образом: "Бородино или bataille de Moscova ("битва под Москва"), как неправомерно называют ее французы..." Очевидно, судя по Вашему переводу (в скобках), Вы полагаете, что французы принимают Бородинское сражение за битву под Москвой. На самом же деле у французов наименование "Moscova" относится к Москве-реке (а Москва-город называется "Moscou"), и Бородинское сражение они называют bataille de Moscova – битва при Москве-реке, поскольку Москва-река протекает по Бородинскому полю. Справиться о значении "Moscou" и "Moscova" можно во французском словаре Larouss'a, а также во "Французско-русском словаре" Ганшиной в разделе "Географические названия".

Пользуюсь случаем выразить Вам глубокую благодарность за увлекательно написанную книгу, дающую ясное, всестороннее представление о Наполеоне как личности, о диалектике его эволюции от якобинца до императора и об эпохе в целом. С уважением инж. Н. Романченко. 10.8.72»¹⁹.

Второе письмо от майора-инженера А.И. Шишмарева скорее напоминает полноценную рецензию на новое издание:

¹⁸ ОР РГБ. Ф. 772. К. 44. Ед. 28. Л. 3.

¹⁹ ОР РГБ. Ф. 772. К. 50. Ед. 45. Л. 1-2. Письмо Н. Романченко к Манфреду от 10.8.1972.

«Книга А. Манфреда "Наполеон" относится к разряду таких произведений, прочитав которые, можно ясно ощутить, что ты обогатился новыми, интересными знаниями, научился мыслить и воспринимать цепи исторических фактов с убедительной логикой обобщения, словом, так, как это удастся автору данной книги. Простота и живость изложения совмещается здесь со строгостью и беспристрастностью исторического документа. Аналитическое исследование исторического фона происходящих событий, в котором разворачивалась бурная деятельность великого полководца, и логическое выявление скрытой (документально, по крайней мере) нити событий, определявших те или иные действия этого человека, убеждают в глубоком знании предмета автором и в его высокой исследовательской эрудиции. Следует отметить научную принципиальность А. Манфреда, который на страницах данной книги обосновывает свою трактовку событий, противоречащую мнению признанных авторитетов-исследователей наполеоновской эпохи. Так, в частности, автор возражает академику Е. Тарле относительно ясности целей, владевших Наполеоном при его несанкционированном возвращении в Париж в 1799 г. из Египта.

Книга А. Манфреда вполне заслуженно стала библиографической редкостью уже через 2 часа после ее появления на прилавках. К сожалению, этому способствовал неоправданно малый тираж книги.

Одним из основных требований, предъявляемых к историческому исследованию, является абсолютная хронологическая и содержательная точность излагаемых фактов. Я считаю долгом указать некоторые смысловые и стилистические погрешности, замеченные при чтении книги, которые, однако, не носят принципиального характера, но которые, возможно, окажутся полезными автору при подготовке нового издания.

Стр. 15 – вышел из Парижской военной школы в звании подпоручик (не мл. лейтенант). И далее стр. 42 – не мл. л-т, а поручик.

201, 207 – не Сулковский, а Сулькусский – адъютант Наполеона.

207 – эскадра вышла из Тулона. На самом деле флот был сосредоточен в пяти разных портах, а затем соединился в море.

В списке ученых, сопровождавших Наполеона в египетском походе, не отмечен Фурие – выдающийся и известный советскому читателю математик.

208 – Мальта была занята почти без сопротивления. На самом деле сопротивление рыцарей ордена было, и довольно значительное.

Не Марабу, а Марабута.

218 – генерал Жюно все-таки получил звание маршала из рук Наполеона, и прожил до 1813 г.

321 – не 6 мая 1801 г., а 6 мая 1800 г.

329 – Дезе шел впереди колонны. По другим источникам, смертельно раненый, упал с лошади.

469 – полк. Вейротер.

473 – генерал Вейротер.

466 – генералы Мюрат, Ланн. К этому времени они были уже маршалами.

574 – оборона Сарагосы шла (?).

Майор-инженер Шишмарев А.И., кандидат технических наук»²⁰.

После выхода в свет книги «Наполеон Бонапарт» А.З. Манфред приобрел репутацию едва ли не главного специалиста страны по истории наполеоновской эпохи. Авторы целого ряда писем, хранящихся в архиве историка, обращаются к нему с просьбой проконсультировать их по тому или иному вопросу, связанному либо непосредственно с деятельностью Бонапарта и его временем, либо с выходящими изданиями по наполеоновской тематике. Например, Н.В. Савельев в 1971 г. писал Манфреду:

«Уважаемый Альберт Захарович! Прочитал Вашу книгу "Наполеон Бонапарт" и был приятно удивлен. Казалось, все уже было сказано Тарле, но, как выяснилось из Вашего труда, многое было неизвестно. Большое спасибо за удовольствие, которое доставил Ваш нелегкий труд. Но у меня есть один вопрос.

Я живу в Туле и работаю внештатным корреспондентом в "Коммунаре". Два года назад я начал поиск, связанный с историей Вандомской колонны. У нас в музее оружия есть ее копия (а может, и ее модель?) – пока неизвестно. Приблизительно в рост Наполеона (162 см), сделанная знаменитым мастером-медальером Брене (Brehne). До 1918 года находилась во дворце графа Бобринского, а потом ее перевезли в Тулу. По легенде, она была захвачена при переправе через Березину из Наполеоновского обоза. И владел ею сам Наполеон. Но насколько это верно документально – не подтверждено. Пока все историки о ней молчат. Может, Вы встречали что-нибудь о ней? И очень интересует, была ли она у Наполеона?

О самой Вандомской колонне материал собран большой, а вот о тульской копии пока известно очень мало.

Пожалуйста, если Вас не затруднит, если что Вам известно о копии, сделанной Brehne, сообщите. С уважением, Савельев»²¹.

В качестве характерного примера «обратной связи» автора книги «Наполеон» с его корреспондентами можно привести письмо А.З. Манфреда некоему Вадиму Борисовичу, написанное в 1972 г. Автор пись-

²⁰ ОР РГБ. Ф. 772. К. 53. Ед. 7. Письмо А.И. Шишмарева к Манфреду. Б/д.

²¹ ОР РГБ. Ф. 772. К. 51. Ед. 3. Л. 1-2. Письмо Н.В. Савельева к Манфреду А.З. 1971.

ма обсуждает со своим корреспондентом вопрос происхождения такого элемента военной формы XVIII XIX вв., как эполеты:

«Глубокоуважаемый Вадим Борисович! Прошу извинить меня за то, что отвечаю на Ваше письмо с некоторым опозданием. Это объясняется тем, что я уезжал на месяц из Москвы и только на днях смог ознакомиться с Вашим письмом.

Я Вам весьма признателен за добрые суждения о моей книге и за весьма ценные и полезные замечания по частным вопросам, которые Вы любезно мне сообщили. Вопрос об эполетах принадлежит к числу наиболее запутанных. Среди памятников того времени – картин, портретов и пр. можно встретить изображения военных – и с эполетами, и без них. Вы, наверно, помните портрет члена Конвента Милло в форме командира батальона Национальной гвардии кисти Давида. Он, очевидно, был написан с натуры и относится, вероятно всего, к 1794 году. Милло на портрете – с эполетами. Есть также известный портрет генерала Лафайета 1790 г., командующего Национальной гвардии – он также с эполетами. Наконец, на стр. 127 в моей книге я ведь цитирую Наполеона, это он говорил (применительно к 1795), воспроизводя слова уличной женщины «эта свора в эполетах». В литературе также имеются ссылки на то, что эполеты появились с 18 века.

Но в то же время Вы совершенно справедливо указываете на то, что на многих портретах Наполеона, а также его маршалов в молодости, они изображены без эполет.

Во всяком случае, Я Вам весьма благодарен за то, что Вы обратили мое внимание на эти существенные частности и, если мне суждено будет готовить второе издание книги, то я, естественно, обращусь к Вашим замечаниям и постараюсь внести все необходимые исправления. С искренним уважением А. Манфред. 26 янв. 1972»²².

Подводя итог, можно смело утверждать, что творческая история создания той или иной книги и произведенный ею отклик вызывают порою не меньший интерес, чем она сама. Не является исключением и творческая история одного из наиболее важных и известных трудов крупного советского историка-франковеда А.З. Манфреда – фундаментальной биографии «Наполеон Бонапарт». Рассмотрев реакцию читающей публики в Советском Союзе 1970-х годов на только что вышедшую тогда в свет и пользовавшуюся огромной популярностью книгу, мы могли увидеть, что интерес к ней проявили не только профессиональные историки, но и представители других, порой даже совсем негуманитарных профессий. В процессе

²² ОР РГБ. Ф. 772. К. 40. Ед. 30. Письмо Манфреда к неустановленному лицу с обращением «Вадим Борисович». 1972. Машинопись, подпись-автограф.

изучения полученных А.З. Манфредом от его многочисленных корреспондентов писем, которые ныне хранятся в личном архиве историка, находящемся в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки, оказалось, что при восторженном в целом восприятии этой работы читателями, последние высказывали и критические замечания. Они даже брали на себя смелость указывать автору на допущенные им ошибки и неточности. Особую ценность все приведенным в статье письмам придает то, что многие из них публикуются впервые и представляют большой интерес для тех, кто интересуется историей творчества одного из ведущих историков советской эпохи – Альберта Захаровича Манфреда.

Список литературы

- Гордон А.В. А.З. Манфред – биограф Наполеона (советская наполеонистика от 1930-х к 1960-м) // ФЕ. 2006. М., 2006. [Gordon A.V. Manfred – biograf Napoleona (sovetskaja napoleonistika ot 1930-h k 1960-m // FE 2006. M., 2006)].
- Далин В.М. Мастер исторического портрета // Далин В.М. Историки Франции XIX – XX веков. М., 1981. [Dalin V.M. Master istoricheskogo portreta // Dalin V.M. Istoriki Francii XIX – XX vv/].
- Манфред А.З. Наполеон Бонапарт. М., 1987. [Manfred A.Z. Napoleon Bonapart. M., 1987]
- Молчанов Н.Н. По-новому о Бонапарте // Литературная газета. 1972. № 16. [Molchanov N.N. Po-novomu o Bonaparte // Literaturnaja gazeta. 1971. № 16].

Chudinov D. «Napoleon Bonaparte» of A.Z. Manfred esteemed by readers

The article is devoted to one of the works of one of the leading Soviet historian, a specialist in the history of France Albert Zakharovich Manfred (1906-1976) - the fundamental biography «Napoleon Bonaparte», which was published in 1971, and the related correspondence with the author's readers. The author draws attention to the peculiarities of A.Z. Manfred's monograph and its differences from the book of academician E.V. Tarle «Napoleon», which was published in the 1930s. The article analyzes the letters from the personal archives of Manfred to him, that were written after the book «Napoleon Bonaparte» had been published. The authors of these letters were not only professional historians, but also representatives of non-humanitarian professions. They wrote not only words of gratitude to the author of the biography of Napoleon, but also reviews of the book, pointed to Manfred's admitted mistakes and inaccuracies, asked to advise on the Napoleonic theme, etc. These letters didn't remain without answer; example of this is given in the article - Manfred's response letter to the reader of his book. The study of these archival documents will complement the creative history of the creation of Manfred's book, which has become a kind of «Soviet bestseller» not lost its relevance even after 30 years after its publication.

Keywords: A.Z. Manfred, Napoleon Bonaparte, E.V. Tarle, the French Revolution, the history of France.

А.В. Гладышев*

**НАПОЛЕОНОВСКИЕ ВОЙНЫ 1812 - 1815 ГГ.:
СОВРЕМЕННЫЕ КОММЕМОРАЦИИ ФРАНЦУЗОВ**

200-летний юбилей событий войны 1812-1815 гг. вызвал во Франции волну коммемораций разного уровня, содержания и направленности. По этому случаю были проведены научные конференции, вышли в свет специальные выпуски исторических журналов, опубликованы многочисленные монографии, сборники статей и разнообразные источники. Отдельное внимание в статье уделено провинциальным гражданским инициативам в разных французских городах и деревнях – фестивалям, выставкам, шествиям, концертам, реконструкциям сражений.

Ключевые слова: История Франции, Наполеоновские войны, историческая память, коммеморации.

Изучение мемориальных процессов, охватывающих уже столетия и все еще определяющих нашу жизнь, механизмов превращения индивидуальных воспоминаний в коллективную память, влияния на нее как архетипических представлений, так и навязанных пропагандой стереотипов, представляется чрезвычайно актуальной проблемой. Политики даже всерьез заговорили о необходимости принятия мемориальных законов, защищающих национальную память. В эпоху роста общественного и исследовательского интереса к памяти сама память становится делом политики: информационные войны современности ведутся, в том числе (а, порой, и в первую очередь) за историческую память. События даже весьма отдаленного и многократно описанного прошлого порой актуализируются в социальной памяти, вызывая отнюдь не только академические страсти.

Война 1812-1815 гг. или Большая европейская война всегда занимала особое место в исторической памяти европейцев. Началась она вторжением Великой армии Наполеона в Россию, а завершилась крахом Наполеоновской империи и созданием Венской системы миропорядка. Она имела грандиозные последствия: рухнул наполеоновский проект Европы и одновременно с этим возник другой, ядром которого стал Священный

* Андрей Владимирович Гладышев, доктор исторических наук, ответственный за науку в ИИиМО СНИГУ имени Н.Г.Чернышевского, профессор кафедры всеобщей истории СНИГУ имени Н.Г.Чернышевского, заведующий кафедрой региональной истории и музееведения на базе Саратовского областного краеведческого музея.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 16-18-10041).

союз; Россия на десятилетия заняла центральное место в европейском «концерте»; началось интенсивное становление национального самосознания ряда народов, что, помимо прочего, имело следствием развитие национальной мифологии о прошлом.

Актуализации общественного интереса к 1812-1815 годам, несомненно, способствовали недавно прошедшие юбилейные торжества по случаю 200-летия завершающих событий Наполеоновской эпохи. В России 2012 г. был даже объявлен «годом истории».

Когда официальная Франция проигнорировала 200-летие битвы при Аустерлице, французские журналисты заговорили о кризисе национальной идентичности, о потере самоуважения из-за излишнего увлечения политкорректностью и т.д. Но 200-летие похода Наполеона в Россию все вернуло на свои места. О Наполеоне пишут романы и рисуют комиксы, его образ возникает повсюду: на экране, в театре, в песнях, рекламе. «Живое увлечение реконструкцией эпохи Наполеона в год двухсотлетия похода в Россию охватило все французское общество»¹.

Далее я познакомлю читателей с некоторыми аспектами коммеморативного бума, вызванного 200-летием Большой европейской войны. Сопоставление мероприятий, предпринятых в этой связи в разных странах, их достижений, политики памяти разных народов поможет нам в конечном итоге понять особенности нашего отношения к прошлому, специфику самоидентификации.

В связи с юбилеем кампаний 1812 – 1815 гг. во Франции прошла серия мероприятий научного, научно-популярного и общественного, в широком смысле этого слова, характера; французы отметили юбилей тех или иных событий этого периода волной коммемораций самого разного профиля и масштаба.

Состоялся целый ряд научных конференций в столице и в провинции. Ни одна из военных кампаний не была обделена вниманием. В апреле 2012 г. Фонд Наполеона совместно с Центром славянских исследований университета Париж I провел международный colloquium «Русская кампания 1812 года. Точки зрения на европейскую войну»². 4-5 июня 2012 г. в Каркассоне прошел 9-й международный colloquium «Европейцы в наполеоновских войнах», третья часть которого целиком была посвящена эпизодам конфронтации гражданских лиц с военны-

¹ Сиари Ж., Шервашидзе В.В. Образ Наполеона во Франции // Слово.ру: Балтийский акцент. 2013. № 1. С. 43.

² См.: 1812, la campagne de Russie : Histoires et postérités : actes du colloque des 4 et 5 avril 2012 / Sous dir. de M.-P. Rey, T. Lentz. P., 2012.

ми³. 18-19 марта 2013 г. в Париже состоялся colloquium «1813: Франция против Европы», в котором приняли участие специалисты по истории соответствующего времени Франции, Испании, Германии, Швейцарии – А. Пижар, Ж. Тюлар, Н. Грифон де Плейневиль, В. Ролен, Ж. Масае, П. Бранда, Т. Ленц, Ж.-Ф. Рей, Ж.-О. Будон и др.⁴

200-летие кампании 1814 г. во Франции начали отмечать еще в 1813 г. 1-3 октября 2013 г. в Труа провели конференцию – «Кампания 1814 г. во Франции»⁵. 19 января 2014 г. в культурном центре Жана Боссю де Гольбея Ассоциация по изучению вогезского региона в наполеоновскую эпоху организовала colloquium на тему «Кампания 1814 года», сопровождавшийся выставкой оружия, униформы, картин и т.д. В colloquium, что характерно для подобных научных мероприятий в провинциальной Франции, приняли участие не только профессиональные историки, но и любители-краеведы⁶.

В марте 2014 г. прошел colloquium «Дипломатия и дипломаты эпохи Наполеона», организованный Фондом Наполеона совместно с Академией моральных и политических наук и Ассоциацией памяти 200-летия кампании 1814 г. во Франции⁷. В апреле 2014 г. в Реймсе Французское общество истории медицины провело под председательством Жана Тюлара colloquium «Медики и солдаты в ходе кампаний времен Революции и Империи», сопровождавшийся экспозицией в местном музее: «Военный госпиталь Сен-Реми в 1814 году». 16-17 октября 2014 года Центр изучения славянской истории Университета Париж-I провел в столице Франции конференцию, посвященную пребыванию русских во Франции в 1814 году⁸. Наконец, 7 марта 2015 г. Фонд Напо-

³ См.: Les Européens dans les guerres napoléoniennes. Toulouse, 2012. То, как сегодня исследовательские интересы смешаются от событийной истории к истории сознания, показал доклад на этом colloquium М.-П. Рей «Репрезентации русской кампании в живописи, литературе и русско-французской историографии».

⁴ На этом colloquium также были представлены доклады (примерно 1/3), свидетельствующие об антропологизации военной истории: например, Петера Хикса «Страдания британской армии в Испании», Стефана Кальве «Лейпциг глазами простолудинов» или Жана-Филиппа Рея «Французский город в сердце империи: Лион в 1813 году».

⁵ См.: 1814: la campagne de France. P., 2016.

⁶ Вице-президент этой ассоциации Ж. Майё сделал доклад «Казачи в Вогезах»; предметом отдельного внимания выступающих стали сражения при Инье (Igney), Эпинале (Épinal), Ремиремоне (Remiremont), Понт-а-Муссоне (Pont-à-Mousson), Рамбервиллере (Rambervillers), Сен-Дье (Saint-Dié). Были также рассмотрены вопросы истории добровольческого корпуса Лотарингии, осады Тионвиля, оккупации Нанси и Пломбьера.

⁷ См.: Diplomatie au temps de Napoléon. P., 2014.

⁸ «Конференция 2014 года была посвящена не столько военной истории,

леона совместно с муниципалитетом Ватерлоо организовал небольшой международный коллоквиум «Битва при Ватерлоо: символ победы, поражения и место памяти».

По случаю юбилеев, во Франции вышли также специальные номера ряда научных журналов⁹. Кроме того, волну «коммеморативного спроса» заранее предусмотрели французские издательства. В первую очередь отметим публикации и переиздания источников. К 200-летию вторжения войск императора Франции в Россию подоспел 12-й том «Корреспонденции Наполеона» – «1812 год, Русская кампания»¹⁰. Переведены на французский новые мемуары¹¹, переизданы уже ранее опубликованные¹². Вышли новые сборники документов: «От Немана до Березины» и «Письма о русской кампании»¹³. Как хорошо известные, так и практически забытые свидетельства официальных и частных лиц о событиях 1814-1815 гг. собраны в книге Кристофа Бурашо¹⁴. Ранее аналогичный проект, посвященный кампании 1813 г., К. Бурашо осуществил с Жор-

сколько истории социальных и культурных практик; докладчики поставили перед собою задачу исследовать повседневный быт Парижа во время его оккупации русскими войсками весной 1814 года». – *Миличина В.* Международная конференция «Русские во Франции, 1814 год: факты, литература, мемуары» // Новое литературное обозрение. 2015. № 5.

⁹ См., например: *Revue historique des armées*. 1812. 2012. № 267; *Revue des études slaves*. 1812, la campagne de Russie. 2012. Vol. 83. № 4; *L'Histoire*. Pourquoi les Russes ont battu Napoléon. 2012. № 373; *Revue de l'Institut Napoléon*. 2013. № 207; *L'Histoire*. Napoléon: comment un empire s'écroule. 2014. № 401. *Revue d'histoire du XIXe siècle*. 1814-1815. Expériences de la discontinuité. 2014. № 2 (49).

¹⁰ *Napoléon*. Correspondance générale. Vol. 12 : 1812 – La campagne de Russie. P., 2012. Том содержит 2551 письмо Наполеона, 3/4 которых посвящены кампании в России, в том числе около 20 из тех, что были перехвачены казаками и оказались в русских архивах. Издание снабжено картами и указателем имен.

¹¹ *Papet Th. von*. Journal de ma campagne de Russie. P., 2013. На немецком языке опубликован Дитмаром Хаузлером в 2009 г.

¹² *Ali Mameluck* (Saint-Denis L.-E.). Souvenirs sur l'empereur Napoléon. P., 2013; *Fain A.-J.-F.* Mémoires. P., 2014 Мемуаристам эпохи было даже посвящено отдельное исследование. См.: *Petitjean N.* Ecrire la mémoire. Les mémorialistes de la Révolution et de l'Empire. P., 2012.

¹³ *Du Niémen à la Bérézina*. Lettres et témoignages de soldats français sur la campagne de Russie. P., 2012; *Lettres de la campagne de Russie (1812)*. P., 2012.

¹⁴ *Napoléon*. La dernière bataille: témoignages, 1814-1815 / Éd. par C. Bourachot. P., 2013. Один из рецензентов сравнил эту книгу, содержащую превосходный набор однородных историй, с тем самым соусом, который следует готовить на медленном огне. Это не первая антология издаваемая Бурашо. См.: *Les Hommes de Napoléon: témoignages, 1805-1815* / Éd. par C. Bourachot. P., 2011; *Avec Napoléon: les soldats témoignent, 1805-1815* / Éd. par C. Bourachot. P., 2014; *Napoléon : témoignages, 1805-1815* // Éd. par C. Bourachot. P., 2014. 2 vol.

жем Бергеном¹⁵. Он же подготовил к публикации и воспоминания А. Колленкура¹⁶. Еще одну антологию свидетельств очевидцев и превращающих историю в миф писательских репрезентаций событий при Ватерлоо собрал Лорис Шарванет¹⁷. Рене Фуркад перевел воспоминания английского капитана о войне в Испании и на юге Франции в 1813-1814 гг.¹⁸. Мишель Дельмули и Патрик Торене опубликовали воспоминания ветерана войны в Италии¹⁹. Ряд антологий и публикаций мемуаров был посвящен Наполеону²⁰.

Помимо источников, в 2012-2015 гг. были опубликованы многочисленные статьи, научные и научно-популярные книги о Наполеоне и его эпохе²¹. Среди них немало посвященных собственно Большой европейской войне и так или иначе приуроченных к череде юбилейных дат²². При всем разнообразии сюжетов доминируют три ключевые темы: кампания 1812 года в России, кампания 1814 года во Франции и сражение при Ватерлоо. Перечислять все публикации здесь едва ли уместно (оставим это библиографам), но отметим наиболее значительные из монографий, увидевших свет после 2012 г.

¹⁵ *En campagne avec Napoleon, 1813: Recits et temoignages* / Éd. par G. Bertin, C. Bourachot. Villers-sur-Mer, 2013.

¹⁶ *Caulaincourt A.-L.-A.* En traîneau avec l'empereur. P., 2013.

¹⁷ *Waterloo: Acteurs, historiens, écrivains* / Éd. par L. Chavanette. P., 2015.

¹⁸ *Batty R.* Campagne de l'aile gauche des armées alliées du field-marshal marquis de Wellington, bataille de la Nivelles: 1813-1814. Ciboure, 2013.

¹⁹ *Almèras G.* Guillaume Almèras, grenadier dans l'armée d'Italie: 1803-1814. Millau, 2013.

²⁰ Вышла в свет уникальная антология свидетельств о Наполеоне тех людей, которые его знали лично. См.: *Napoléon raconté par ceux qui l'ont connu* / Éd. par A. Chevallier. P., 2014. В книге приведены забытые пассажи друзей детства Наполеона, его секретарей, генералов, министров, а также писателей Шатобриана и Гёте, художника Вивана Денона, комедиантки мадмуазель Жорж (М.-Ж. Веймер), врача Антомарки. Кроме того, изданы мемуары придворной дамы императрицы, Софи-Генриетты Коэнде, и воспоминания принцессы Анны Елизаветы Луизы Прусской. См.: *Cohendet S.-H.* Mémoires sur Napoléon et Marie-Louise. P., 2014; *Louise de Prusse*. Mémoires. Quarante-cinq années de ma vie (1770-1815). P., 2013.

²¹ При этом некоторые провинциальные издания не так уж легко доступны даже для парижан. Например: *L'invasion de 1814. Les deux combats de Barsur-Aube // La vie en Champagne*. № 70. 2012. Avril-Juillet. Библиографическая их «инвентаризация» – дело отдельное и непростое. Естественно, среди таких публикаций будут также те, которые описывая Наполеона или его войны целиком, включают в себя составной частью и события 1812-1815 гг. См., например: *Garnier J.* L'art militaire de Napoléon: une biographie stratégique. P., 2015.

²² Например, журналист из *Le Monde* Антуан Ревершон поразмышлял на тему, что было бы, победи Наполеон при Ватерлоо. См.: *Reverchon A.* Et si Napoléon avait gagné à Waterloo? P., 2015.

Вышли в свет интересные коллективные труды²³, трилогии М.-П. Рей²⁴ и Ж.-О. Будона²⁵. В 2015 г., как выразилась *Paris Match*, «гусарским аллюром» завершил также трилогию о жизни Наполеона бывший министр иностранных дел Франции Домик де Вильпен²⁶.

Очередные сочинения издали Пьер Бранда, опубликовавший с 2005 г. более дюжины книг по наполеоновской эпохе²⁷, и доктор права, большой почитатель военной истории, автор около 50 работ по наполеоновской эпохе, в том числе «Словаря Великой армии» и «Словаря битв Наполеона», кавалер ордена Почетного легиона Ален Пижаар²⁸. Панораму жиз-

²³ 1812, la campagne de Russie : Histoires et postérités. P., 2012; La Berline de Napoléon, le mystère du butin de Waterloo. P., 2012.

²⁴ *Rey P.-M.* Alexandre Ier, le tsar qui vainquit Napoléon. P., 2009 (2me éd. – 2013). Работа издана также на английском (2012) и русском (2013) языках; *Rey P.-M.* L'effroyable tragédie. Une nouvelle histoire de la campagne de Russie. P., 2012 (2me éd. – 2014). Работа издана также на чешском (2012) и русском (2015) языках; *Rey P.-M.* 1814, un tsar à Paris. P., 2014 (2me éd. – 2015). Главная и во многом новаторская для западной историографии идея этой книги о том, что Великую армию в России погубили не снег и/или бескрайние просторы, а лучшая у русских система командования и снабжения, прямо перекликается с основными тезисами работы профессора истории Лондонской школы экономики Доминика Ливена: *Lieven D.* Russia against Napoleon, the battle for Europe. L., 2009; *Lieven D.* Russia Against Napoleon: The True Story of the Campaigns of "War and Peace". N.-Y., 2010. Франц. перевод: *Lieven D.* La Russie contre Napoléon. La bataille pour l'Europe de 1807 à 1814. P., 2012. Русск. перевод: *Ливен Д.* Россия против Наполеона. Борьба за Европу. 1807-1814. М., 2012. См. также статьи М.-П. Рей, посвященные восприятию французами кампании 1812 г. и казаков в кампании 1814 г.: *Rey M.-P.* Французское общество и Русская кампания Наполеона 1812 года // НиНИ. 2013. № 2; *Rey M.-P.* Les cosaques dans les yeux des français, à l'heure de la campagne de 1814: contribution à une histoire des images et des représentations en temps de guerre // *Quaestio Rossica*. 2014. № 1.

²⁵ *Boudon J.-O.* Napoléon et la campagne de Russie: 1812. P., 2012; *Boudon J.-O.* Napoléon et la campagne de France: 1814. P., 2013; *Boudon J.-O.* Napoléon et la dernière campagne: les Cent-Jours, 1815. P., 2015. См. также: *Boudon J.-O.* Police et gendarmerie dans l'Empire napoléonien. P., 2013.

²⁶ *Villepin D. de.* Le Soleil noir de la puissance (1796-1807). P., 2008; *Villepin D. de.* La Chute ou l'Empire de la solitude (1807-1814). P., 2008; *Villepin D. de.* La chute de Napoléon. P., 2015. Последняя книга в более чем полторы тысячи страниц получила Международную премию Фонда Наполеона.

²⁷ *Branda P.* Napoléon et ses hommes. La Maison de l'Empereur 1804-1815. P., 2011; *Branda P.* La guerre secrète de Napoléon - Île d'Elbe 1814-1815. P., 2014; *Branda P.* Les secrets de Napoléon. P., 2014; *Branda P.* L'Île d'Elbe et le Retour de Napoléon. Saint-Cloud, 2015.

²⁸ Сначала им были изданы красочные, но компилятивные по характеру альбомы-публикации – см.: *Pigeard A.* Les Campagnes napoléoniennes. Entremont-le-Vieux, 1998. 2 vol.; *Idem.* La Garde impériale: 1804-1815. P., 2005. Но уже после 2012 г. он издал целую *дюжину* монографий по наполеоновской эпохе! Среди них: *Pigeard A.* Napoléon en Saxe Dresde. P., 2012; *Idem.* Leipzig 1813. P., 2013; *Pigeard A., Tulard J.* L'Allemagne de Napoléon: La confédération du Rhin 1806-1813. P., 2013; *Pigeard A.* L'oeuvre de paix de Napoléon (1800-1815). P., 2014; *Idem.*

ни европейцев в 1812 г. вне рамок русской кампании, пробуждение их к культурной и интеллектуальной жизни постарался обрисовать Ж.-Н. Брежон²⁹. Крупнейший специалист по истории наполеоновской эпохи неувядаемый Ж. Тюлар выпустил «Любовный словарь Наполеона»³⁰, а профессор права и политических наук, президент общества «Наполеоновские Вогезы» Тьерри Шоффа обратился к истории участия швейцарцев в русской кампании 1812 года³¹. Подготовлены биографии отдельных генералов и сподвижников Наполеона³². К юбилею подоспела и диссертация Б. Блондо об австрийской зоне оккупации Франции в 1814-1815 гг.³³ Наконец, как выразился один рецензент, «отважился прыгнуть в темную шахту и вышел оттуда с тележкой полной руды» Эрве Дюмон, который инвентаризировал тысячу фильмов о Наполеоне и его времени, начиная с черно-белых, и создал фактически энциклопедию наполеоновской фильмографии³⁴.

Характерный показатель – научно-публикационная активность за эти годы Тьерри Ленца, директора Фонда Наполеона³⁵. Да и деятельность са-

Histoire de la Grande Armée. 1805 – 1815. P., 2015. Тематика некоторых из 28 глав в последней из указанных работ достаточно специфична и непривычна для традиционной историографии войн: медицинская служба, женщины и армия, иностранцы в армии, питание солдат, обращение с пленными и т. д.

²⁹ *Brégeon J.-N.* 1812. P., 2012.

³⁰ *Tulard J.* Dictionnaire amoureux de Napoléon. P., 2012.

³¹ *Choffat Th., Czouz-Tornare A.-J.* La Bérézina : Suisses et Français dans la tourmente de 1812. Divonne-les-Bains, 2012. См. также: *Choffat Th.* Les Suisses à la Bérézina // Колодеевские чтения: Материалы IV Международной научно-практической конференции (Борисов, 23–25 ноября 2012 г.). Борисов: Борисовская центральная районная библиотека им. И.Х. Колодеева, 2013.

³² *Surrault A.* De la campagne d'Égypte au Berry: le général Henri-Gatien Bertrand et le savant Hervé Faye, 1798-1844. Issoudun, 2012; *Arjuzon A.* Caulaincourt: le confident de Napoléon. P., 2012.

³³ *Blondeau B.* Les occupation militaire étrangères en 1814 et 1815 dans le Val de Saône, le Beaujolais et la Domdres. Lyon, 2013.

³⁴ *Dumont H.* Napoléon, l'épopée en 1000 films: Cinéma et télévision de 1897 à 2015. P., 2015.

³⁵ *Lentz T.* Le Congrès de Vienne: une refondation de l'Europe, 1814-1815. P., 2012 (2me éd. – 2015); *Idem.* La Conspiration du général Malet, 23 octobre 1812. Premier ébranlement du trône de Napoléon. P., 2012; *Idem.* Napoléon. P., 2013; *Idem.* Le grand Consulat: 1799-1804. P., 2014; *Idem.* Napoléon diplomate. P., 2012 (2me éd. – 2015); *Idem.* Napoléon et la France. P., 2015; *Idem.* Napoléon: l'album. P., 2015; *Idem.* Napoléon, une ambition française: idées reçues sur une grande figure de l'histoire. P., 2013; *Idem.* Les vingt jours de Fontainebleau: la première abdication de Napoléon, 31 mars-20 avril 1814. P., 2013; *Idem.* Waterloo, 1815. P., 2015; *Idem.* Napoléon et la France. P., 2015; *Lentz T., Branda P.* Napoléon: Une vie, une légende, 2014. Добавим, что Т. Ленц принял самое непосредственное участие и в специальном мультимедийном проекте, в рамках которого в 2014 г. был подготовлен DVD «Napoléon, le diable et les traîtres: la campagne de France».

мого Фонда впечатляет: с 2001 по 2014 гг. издано более 40 биографий и других исследований по истории наполеоновской Франции³⁶. Эти годы стали «золотой эпохой» для научной деятельности Фонда. Помимо ежегодного гранта на «наполеоновские» штудии, Фонд Наполеона совместно с парижским Институтом Наполеона, возглавляемым Ж.-О. Будоном, регулярно организует публичные чтения по соответствующей тематике.

Из военных кампаний 1812, 1813, 1814, 1815 гг. французы предпочитают кампанию 1814 года: хотя она и была Наполеоном проиграна, но ознаменовалась серией его блестящих побед. Ей посвящены исследования больших и малых форм: от многочисленных статей до двухтомников³⁷. Но если уж мы ведем речь о коммеморациях и исторической памяти, то отдельно стоит упомянуть и книгу специалиста по локальной истории Труа Ж.-Л. Пюдона «Обзор и места памяти кампании 1814 года. Суд Клаузевица. Отношения между гражданским населением и союзными войсками»³⁸. Правда, автор, несмотря на упоминание в названии «мест памяти», акцентирует внимание, главным образом, на вопросах событийной истории и историографии.

Наконец, к юбилеям различные как столичные, так и провинциальные издательства переиздали целую серию работ французских краеведов

³⁶ Среди недавних назовем две книги хранителя отдела рукописей Национальной библиотеки Франции Шарля-Элуа Виалея (*Vial Ch.-E. Le dernier voyage de l'Empereur. Paris-Ile d'Aix, 1815. P., 2015; Idem. L'Adieu à l'Empereur. Journal de Marie-Louise. P., 2015*); посвященную восстанию в Калабрии 1806 г. работу Николя Каде (*Cadet N. Honneur et violences de guerre au temps de Napoléon. P., 2015*); исследование Робера Уврара о Венском конгрессе (*Ouvrard R. Le congrès de Vienne (1814-1815). Carnet mondain et éphémérides. P., 2014*); биографию маршала Ожеро, написанную Пьером Фолье (*Folliet P. Charles Pierre François Augereau (1757-1816) – Le maréchal révolutionnaire de Napoléon. P., 2014*); монографию Фабьена Менана «Депутаты Наполеона» (*Menant F. Les députés de Napoléon. P., 2012*) и, наконец, акцентирующий междисциплинарный диалог истории и антропологии сборник исследований по истории Наполеоновских войн под редакцией Эрве Древиюна и др. (*Guerres et armées napoléoniennes. Nouveaux regards. P., 2013*).

³⁷ *Houzé J.-P. La campagne de 1814. Nantes, 2010-2012. 2 vol.; Jégo Y. La campagne de France 1814. P., 2013; Rolin V., Devautour G. La campagne de France. Saint-Cloud, 2013; Parvulesco C. La campagne de 1814 // La Revue napoléon. 2013. № 11.; Prévot Ch. Les campagnes de France, janvier – avril 1814. Orientations bibliographiques // Napoleonica. La Revue. 2014. № 19; Brégeon J.-J. Histoire de la Campagne de France. P., 2014; Bouan G. Napoléon perd l'Europe: janvier-avril 1814. P., 2014. Третье издание книги Доминика Альти: *Halty D. Épisodes des guerres napoléoniennes au Pays basque. Pau, 2013*. Схожий сюжет развивает Жан-Клод Лорбланше: *Lorblanchès J.-C. Campagne de l'armée impériale du Pays basque à Toulouse, 1813-1814. P., 2013*.*

³⁸ *Peudon J.-L. La campagne de 1814 récit et lieux de mémoire. Le jugement de Clausewitz. Les rapports entre populations et troupes alliées. P., 2014*.

XIX в. и мемуаристов³⁹. Добавим сюда еще массу публикаций научно-популярного характера⁴⁰... Не забыли даже о Вальтере Скотте, переиздав его письма о путешествии во Францию в 1815 г.⁴¹ Такая активность издательств, в том числе, провинциальных, характерная черта, демонстрирующая, как бизнес живо подстраивается под коммеморативные волны, одновременно и готовя их, и соответствуя им.

Мероприятия, так или иначе связанные с юбилейными датами, активно освещались и в средствах массовой информации. Так, газета *Le Monde* рассказала историю реставрации статуи Веллингтона работы Ш.М.Э. Сёра⁴², а французское телевидение организовало трансляцию реконструкции сражения при Ватерлоо. Но в чем с французами особенно трудно соревноваться, так это в реализации гражданских инициатив по проведению различного рода провинциальных «дней культурного наследия». Иногда такие мероприятия заканчиваются и публикацией научных сообщений⁴³. Сюжет локальных коммемораций достоин отдельного внимания и осмысления⁴⁴. Поэтому ограничимся сейчас лишь несколькими примерами, передающими общую атмосферу подобных мероприятий во Франции.

В Монмирайе была образована ассоциация под названием «Кампания 1814 г. во Франции: четыре победы за пять дней»⁴⁵, в которую вошли реги-

³⁹ *Migneret S. Précis de l'histoire de Langres. Langres, 1835 (reéd. 2012); Gaffarel P. Dijon en 1814 et 1815. Dijon, 1897 (reéd. 2014)*. Впрочем, и современные краеведы удостоились переизданий: *Zins R. 1814, la bataille de Saint-Georges et l'invasion du Beaujolais. Villefranche-sur-Saône., 2010 (2me éd. – 2013)*. Еще одно юбилейное издание Рональда Зена: *Zins R. 1814, la bataille de Limonest et la chute de Lyon. Reuquieux, 2014*. Другая краеведческая публикация: *Tabesse N. La bataille de Claye du 28 mars 1814. Claye-Souilly, 2014*.

⁴⁰ См., например: *Damamme J.-C. Les aigles en hiver : Russie 1812. P., 2009; Hourtoulle F.-G. La Bataille des redoutes. P., 2000; Pernot F. De Bonaparte à Napoléon. 5e éd. P., 2013; Pernot F. 1815... Waterloo!, "morne plaine!". P., 2015. С английского переведена документальная проза автора популярных исторических романов Бернадра Корнуэлла: *Cornwell B. Waterloo. Chroniques d'une bataille légendaire. P., 2015*.*

⁴¹ *Scott W. De Waterloo à Paris (1815). Lettres de Paul à sa famille. P., 2015*.

⁴² «Buo-na-par-té» // *Le Monde*. 2015. 2 avril.

⁴³ См., например: *Les derniers jours de l'Empire en pays de Brie: février-mars 1814: actes de la journée d'étude de Trilport, 13 avril 2013. Montceaux-les-Meaux, 2014*.

⁴⁴ Уже предпринимаются попытки их хотя бы инвентаризировать. Иллюстрированный репортаж о коммеморациях, выставках, экспозициях, реконструкциях, музыкальных спектаклях, коллоквиумах, проходивших в Шампань-ан-Бри с января по октябрь 2014 г., сделали Николь и Эммануэль Пуссе. См.: *Poucet N., Poucet E. Journal de voyage bicentenaire de la campagne de France 1814. Vouécourt, 2015*.

⁴⁵ Association Campagne de France 1814 (des 4 Victoires en 5 jours). См.: URL: <http://1814v4.fr/1814v4/> (дата обращения: 01.01.2016)

ональные комитеты по истории, культуре, науке и техники, природопользованию, туризму и экономическим связям, школьному образованию. Председателем избран Джозеф Пьюзо, директор компании из Монмирай-ан-Бри по производству кабелей, используемых в космических аппаратах. Этот сын итальянского рабочего-эмигранта с удовольствием и энтузиазмом взялся за организацию французских коммемораций.

7-9 февраля 1814 г. под Ножаном прошел фестиваль, посвященный военным событиям 200-летней давности: публике предлагались костюмированное шествие, реконструкция состоявшегося в этом месте сражения, посещения бивуака. Местное туристическое бюро организовало на выходные дни в окрестностях города экскурсию «По следам Наполеона», а в мэрии можно было осмотреть выставку «Ножан во времена Наполеона» и купить переиздание сочинений ножанца Николоса Гонтарда⁴⁶. В соседнем замке Ла Мотт-Гилли в субботу для публики пел бывший солист ансамбля Красной Армии Иван Нечипорко... 11 февраля в Марше-ан-Бри торжественно открыли колонну в честь одноименного сражения, а 31 мая и 1 июня здесь прошла большая реконструкция сражения при Монмирайе, завершившегося победой Наполеона, после чего тут же последовала реконструкция событий Первой мировой войны. Завершилось все торжественными речами и демонстрацией на гигантских экранах сцен встречи Де Голля с Аденауэром в Реймсе, чем было подчеркнуто историческое франко-немецкое примирение.

15-16 февраля прошла реконструкция баталии при Монтро-Фот-Йонн, за которой последовал «пиротехнический спектакль». В Мормане работала историческая экспозиция «Морман во времена Наполеона», устраивались различные официальные церемонии и неофициальные дефиле. 15 февраля состоялись «бал Императора» и «ужин эпохи», на следующий день – посещение могилы павших в той войне французов и русских. 22 февраля в оранжерее замка Монмирай имела место дегустация вин и закусок, сопровождаемая пением «народных песен эпохи 1814 года». Местный кондитер изготовил для монмирайцев шоколадные конфеты в виде треуголки Наполеона...

22-23 февраля в Шато-Тьерри прошли в честь победы Наполеона, одержанной 12 февраля 1814 г., выставка картин, парад, концерт и спектакль. Туристическая фирма в том же Шато-Тьерри пригласила посетить 1-2 марта в Безю-Сен-Жермен реконструкцию бивуака, осмотреть экспо-

⁴⁶ *Gontard N.* Recit Historique des combats de Nogent-sur-Saine en 1814 // *Annuaire de l'Aube*. 1861. 2me partie; *Idem.* Souvenirs après cinquante ans d'absence // *Annuaire administratif, statistique et commercial de l'Aube*. 1870. 2me partie.

зицию в доме, где император провел день и устроить на обратной дороге факельное шествие.

28 июня в саду бывшего аббатства Сен-Реми в Реймсе в присутствии мэра города, вице-президента Национального собрания Франции, а так же министра культуры РФ В.Р. Мединского и посла РФ во Франции А.К. Орлова был открыт обелиск в честь русских солдат и офицеров, павших на поле боя в Реймсе 13 марта 1814 года⁴⁷...

Разнообразные мероприятия, приуроченные к 200-летию кампании 1814 г. на востоке Франции, также были организованы с января по октябрь 2014 г. в Шолоне, Шомоне, Шоссе-сюр-Марн, Труа, Краоне, Фер-Шампенуаз, Арси-сюр-Об, Пиней, Фонтенбло, Сен-Дизье, Бриенне, Лаоне, Витри, Бар-сюр-Сен, Бар-сюр-Об и др.

По данным Наблюдательного комитета регионального туризма провинции Шампань и Бри, с января по ноябрь 2014 г. 50 разнообразных мероприятий, связанных с 200-летием кампании 1814 г. во Франции, прошли в 32 городах и деревнях только этого региона: 23 выставки, 19 реконструкций бивуаков и сражений, конференции и симпозиумы, тематические экскурсии, концерты и выступления хоров, смотры и парады, танцы и «имперские ужины», причем, 80% этих мероприятий были бесплатными для посетителей. Самой длительной оказалась выставка в Труа «Шампань Наполеона», продолжавшаяся 170 дней. Рекордсменом по посещаемости среди инсценировок стала реконструкция сцены прощания Наполеона с гвардией в Фонтенбло: ее наблюдало до 40 тыс. человек. Организаторы выразили удовлетворение посещаемостью этих мероприятий⁴⁸.

2015 г. добавил в коммеморации новых красок. В Гольф-Жуан (Golfe-Juan) отметили 200 лет возвращения Наполеона с острова Эльба⁴⁹. Любопытно, что еще с 1930-х гг. во Франции действует Национальная ассоциация по развитию и поддержанию в порядке пути, по которому Наполеон совершил марш от бухты Жуан до Гренобля («Association nationale des élus pour le développement de la route Napoléon»). Члены ее следят за

⁴⁷ Вообще во Франции по инициативе и на средства Российского военно-исторического общества установлены и открыты три гранитных обелиска, посвященные солдатам и офицерам Русской армии, погибшим в кампании 1814 г.: в Реймсе, в Бержер-Ле-Вертю и в Фер-Шампенуаз.

⁴⁸ 1814-2014. Bilan statistique des commémorations du Bicentenaire de la Campagne de France // URL.: <http://www.observatoire-tourisme-champagne-ardenne.com/wpFichiers/1/1/Ressources/File/Editions/Documents%20a%20telecharger/Etudes/Bicentenaire.pdf> (дата обращения: 20.09.2016)

⁴⁹ Au cœur de l'histoire: émission spéciale bicentenaire du débarquement de Napoléon // URL: <http://www.europe1.fr/radio/communiqués-de-presse/articles/au-cœur-de-l-histoire-en-direct-de-golfe-juan-pour-le-bicentenaire-du-debarquement-de-napoleonvendredi-27-fevrier-de-14h-a-15h-2383065> (дата обращения: 5.01.2016).

дорожной инфраструктурой, памятниками, организуют различные культурные мероприятия⁵⁰. В марте 2015 г. примеру Жуан-Гольф последовали жители Малижэ (Malijau) в Верхнем Провансе⁵¹ и т.д.

200 лет битве при Линьи, 200 лет битве при Ватерлоо, 200 лет прощания Наполеона в Фонтенбло со своей гвардией... Казалось бы все уже закончилось... Но 12-13 сентября 2015 г. в городке Сен-Жан-де-Лон в Кот-д'Ор прошли многочисленные мероприятия, в том числе реконструкция бивуака наполеоновской армии, в ознаменование 200-летия перевода в этот город Ордена Почетного легиона⁵²... И вот уже вогезская коммуна Святой Елены отмечает во главе с одетым в костюм мамелюка Тьерри Шоффа 200-летие начала ссылки Наполеона на одноименном острове⁵³!

Как видим, юбилейные торжества по случаю 200-летия тех или иных отдельных событий Большой европейской войны вызвали живой отклик в сердцах французов. Рожденные как гражданские инициативы разнообразных по форме коммеморации организуются различными научными фондами (в первую очередь – Фондом Наполеона), региональными историческими сообществами. Администрация в провинции активно участвует в проведении «дней культурного наследия». Тут с одной трибуны выступают и за одним столом сидят и профессиональные историки, и краеведы-любители. Помимо уже существующих объединений почитателей талантов императора или любителей истории малой родины создаются временные ассоциации – специально для подготовки к тому или иному юбилею. Проводимые мероприятия активно освещаются и

⁵⁰ См. по этому поводу небольшую монографию члена этой ассоциации Грасса Пьера-Жака де Кастеля (*Castel P.-J. de. Eropée de la route Napoléon: du Golfe Juan à Grenoble. Spéracèdes, 1993*), либо книгу местного преподавателя математики Камила Бартоли (*Bartoli C. Vivre l'authentique route Napoléon: d'Elbe à Golfe-Juan et de Golfe-Juan à Digne-les-Bains. Spéracèdes, 1994*).

⁵¹ Napoléon: les images de la célébration du bicentenaire à Malijai // URL: <http://www.hauteprovenceinfo.com/article-5730-napoleon-les-images-la-celebration-du-bicentenaire-a-malijai.html> (дата обращения: 5.01.2016). 300 км дороги, соединяющей залив Жуан и Гренобль, известны как «Дорога Наполеона». Она пересекает 4 департамента, а 200-летие прибытия Наполеона с Эльбы стало хорошим поводом напомнить туристам о деревушках Лазурного берега. См.: Découvrez la Route Napoléon dans le Sud de la France // URL: <http://actualite.vacances.com/2015-03/la-route-napoleon> (дата обращения: 5.01.2016).

⁵² Il y a 200 ans Napoléon remettait la Légion d'Honneur à la ville de Saint-Jean-de-Losne // URL: <http://france3-regions.francetvinfo.fr/bourgogne/cote-d-or/il-y-200-ans-napoleon-remettait-la-legion-d-honneur-la-ville-de-saint-jean-de-losne-805705.html> (дата обращения: 5.01.2016).

⁵³ Wenger Ch. La commune ce Sainte-Hélène fête le bicentenaire de l'exil de Napoléon // <http://www.vosgesmatin.fr/edition-de-saint-die/2015/10/18/vosges-la-commune-de-sainte-helene-fete-le-bicentenaire-de-l-exil-de-napoleon-en-grandepompe> (дата обращения: 5.01.2016).

обсуждаются в средствах массовой информации и особенно в Интернете. Коммеморации и коммерция идут рука об руку: представители туристического и издательского бизнеса активно эксплуатировали юбилей и не только удовлетворяли ожидаемый «спрос на память», но и формировали его. Насколько прибыльными оказались издания книг, экскурсии или «императорские ужины» нам неизвестно, да и не это было главной целью мероприятий. В целом же, судя по отзывам, и организаторы, и участники остались довольны.

Список литературы

- Ливен Д. Россия против Наполеона. Борьба за Европу. 1807-1814. М.: Российская политическая энциклопедия, 2012. [*Liven D. Russia protiv Napoleona. Borba za Evropu. 1807-1814. M., 2012*].
- Рей М.-П. Французское общество и Русская кампания Наполеона 1812 года // Новая и новейшая история. 2013. № 2. С. 123-130. [*Rey M.-P. Francuzskoe obchestvo i russkaia kampania Napoleona 1812 goda // Novaia i noveichia istoria. 2013. № 2. S. 123-130*].
- Сиари Ж., Шервашидзе В.В. Образ Наполеона во Франции // Слово.ру: Балтийский акцент. 2013. № 1. С. 35-46. [*Siary J., Shervashidze V.V. Obraz Napoleona vo Francii // Slovo.ru: Baltyiskiy akcent. 2013. № 1. S. 35-46*].
- 1812, la campagne de Russie : Histoires et postérités : actes du colloque des 4 et 5 avril 2012 / Sous dir. de M.-P. Rey, T. Lentz. P.: Perrin, 2012.
- 1814: La campagne de France / Sous dir. de P. Gueniffey, P. Branda. P.: Perrin, 2016.
- Ali Mameluck (*Saint-Denis L.-É.*). Souvenirs sur l'empereur Napoléon. P.: Arléa, 2013;
- Almèras G. Guillaume Almèras, grenadier dans l'armée d'Italie: 1803-1814. Millau : Association pour la promotion de l'histoire locale millavoise, 2013.
- Arjuzon A. Caulaincourt: le confident de Napoléon. P. : Perrin, 2012.
- Bartoli C. Vivre l'authentique route Napoléon: d'Elbe à Golfe-Juan et de Golfe-Juan à Digne-les-Bains. Spéracèdes: Tac Motifs, 1994.
- Batty R. Campagne de l'aile gauche des armées alliées du field-marshal marquis de Wellington, bataille de la Nivelle: 1813-1814. Ciboure: Association Jakintza, 2013.
- Blondeau B. Les occupation militaire etrangeres en 1814 et 1815 dans le Val de Sâon, le Beaujolais et la Domdes. Lyon, 2013 // URL: <http://assosehri.fr/labibliotheques/invasion-de-1814-1815-val-de-sa-ne-et-dombes.pdf>.

- Bouan G.* Napoléon perd l'Europe: janvier-avril 1814. P.: Economica, 2014.
- Boudon J.-O.* Napoléon et la campagne de France: 1814. P.: A. Colin, 2013.
- Boudon J.-O.* Napoléon et la campagne de Russie: 1812. P.: A. Colin, 2012.
- Boudon J.-O.* Napoléon et la dernière campagne: les Cent-Jours, 1815. P.: A. Colin, 2015.
- Boudon J.-O.* Police et gendarmerie dans l'Empire napoléonien. P.: SPM, 2013.
- Branda P.* Napoléon et ses hommes. La Maison de l'Empereur 1804-1815. P.: Fayard, 2011.
- Branda P.* La guerre secrète de Napoléon - Île d'Elbe 1814-1815. P.: Perrin, 2014.
- Branda P.* Les secrets de Napoléon. P.: Librairie Vuibert, 2014.
- Branda P.* L'Île d'Elbe et le Retour de Napoleon. Saint-Cloud : Soteca, 2015.
- Brégeon J.-J.* Histoire de la Campagne de France. P.: le Grand livre du mois, 2014.
- Brégeon J.-N.* 1812. P.: Perrin, 2012.
- Cadet N.* Honneur et violences de guerre au temps de Napoléon. P.: Fondation Napoléon, Vendémiaire Éditions, 2015.
- Castel P.-J. de.* Épopée de la route Napoléon: du Golfe Juan à Grenoble. Spéracèdes: Tac Motifs, 1993.
- Caulaincourt A.-L.-A.* En traîneau avec l'empereur. P.: Arléa, 2013.
- Choffat Th.* Les Suisses à la Bérézina // Колодевские чтения: Материалы IV Международной научно-практической конференции (Борисов, 23–25 ноября 2012 г.). Борисов: Борисовская центральная районная библиотека им. И.Х. Колодева, 2013. [*Choffat Th.* Les Suisses à la Bérézina // Kolodeevskie tchenia : Materiali IV mejdunarondoï nautchno-praktiticheskoï konferencii (Borisov, 23-25 noiabria 2012 g.). Borisov, 2013].
- Choffat Th., Czouz-Tornare A.-J.* La Bérézina : Suisses et Français dans la tourmente de 1812. Divonne-les-Bains: Cabédita, 2012.
- Cohendet S.-H.* Mémoires sur Napoléon et Marie-Louise. P.: Gallimard, 2014.
- Cornwell B.* Waterloo. Chroniques d'une bataille légendaire. P.: Ixelles Editions, 2015.
- Diplomaties au temps de Napoléon / Sous dir. de T. Lentz, Y. Bruley. P.: Fondation Napoléon, 2014.
- Du Niémen à la Bérézina. Lettres et témoignages de soldats français sur la campagne de Russie / Éd. par M. Roucaud, F. Houdecek. P.: Service Historique de la Défense, 2012.
- Dumont H.* Napoléon, l'épopée en 1000 films: Cinéma et télévision de 1897 à 2015. P.: Fondation Napoléon; l'Institut Napoléon de la Sorbonne, 2015.

- En campagne avec Napoleon, 1813: Recits et temoignages / Éd. par G. Bertin, C. Bourachot. Villers-sur-Mer : P. de Taillac, 2013.
- Fain A.-J.-F.* Mémoires. P.: Arléa, 2014.
- Folliet P.* Charles Pierre François Augereau (1757-1816) – Le maréchal révolutionnaire de Napoléon. P.: Fondation Napoléon; Nouveau Monde, 2014.
- Gaffarel P.* Dijon en 1814 et 1815. Dijon: Société bourguignonne de géographie et d'histoire, 1897 (reéd. Hachette Livre, 2014).
- Garnier J.* L'art militaire de Napoléon: une biographie stratégique. P.: Perrin, 2015.
- Gontard N.* Recit Historique des combats de Nogent-sur-Saine en 1814 // Annuaire de l'Aube. 1861. 2me partie. P. 39-58.
- Gontard N.* Récit historique des combats de Nogent-sur-Seine en 1814 // Notes historiques. Nogent-sur-Seine: Faverot, 1862.
- Guerres et armées napoléoniennes. Nouveaux regards / Sous dir. de H. Drévilion, B. Fonck, M. Roucaud. P.: Fondation Napoléon; Nouveau Monde, 2013.
- Halty D.* Épisodes des guerres napoléoniennes au Pays basque. Pau: Cairn, 2013.
- Houzé J.-P.* La campagne de 1814. Nantes: Éd. Amathée, 2010 - 2012. 2 vol.
- Jégo Y.* La campagne de France 1814. P.: Tallandier, 2013.
- L'Histoire. Napoléon : comment un empire s'écroule. 2014. № 401.
- La Berline de Napoléon, le mystère du butin de Waterloo. P.: Albin Michel, 2012.
- Lentz T.* La Conspiration du général Malet, 23 octobre 1812. Premier ébranlement du trône de Napoléon. P.: Perrin, 2012.
- Lentz T.* Le Congrès de Vienne: une refondation de l'Europe, 1814-1815. P.: Perrin, 2012 (2nd éd. - 2015).
- Lentz T.* Le grand Consulat: 1799-1804. P.: Pluriel, 2014.
- Lentz T.* Les vingt jours de Fontainebleau: la première abdication de Napoléon, 31 mars-20 avril 1814. P.: Perrin, 2013.
- Lentz T.* Napoléon diplomate. P.: CNRS, 2012 (2nd éd. - 2015).
- Lentz T.* Napoléon et la France. P.: Fondation Napoléon; Vendémiaire Éditions, 2015.
- Lentz T.* Napoléon et la France. P.: Vendémiaire, 2015.
- Lentz T.* Napoléon, une ambition française: idées reçues sur une grande figure de l'histoire. P.: le Cavalier bleu éd., 2013.
- Lentz T.* Napoléon. P.: La Boétie, 2013.
- Lentz T.* Napoléon: l'album. P.: Perrin, 2015.
- Lentz T.* Waterloo, 1815. P.: Perrin, 2015.

- Lentz T., Branda P.* Napoléon: Une vie, une légende, catalogue de l'exposition d'Astana (13 décembre 2013-23 février 2014). P.: Grand Palais, 2014.
- Les derniers jours de l'Empire en pays de Brie: février-mars 1814: actes de la journée d'étude de Trilport, 13 avril 2013. Montceaux-les-Meaux: Éditions Fiacre, 2014.
- Les Européens dans les guerres napoléoniennes / Sous dir de N. Petiteau, J.-M. Olivier, S. Caucanas. Toulouse : Privat, 2012.
- Les Hommes de Napoléon: témoignages, 1805-1815 / Éd. par C. Bourachot. P.: Omnibus, 2011.
- Lettres de la campagne de Russie (1812) / Éd. par J.-O. Boudon. P.: Pierre de Taillac Editions, 2012.
- L'Histoire. Pourquoi les Russes ont battu Napoléon. 2012. № 373.
- Lieven D.* La Russie contre Napoléon. La bataille pour l'Europe de 1807 à 1814. P.: Éditions des Syrtes, 2012.
- Lieven D.* Russia against Napoleon, the battle for Europe. L.: Allan Lane, 2009;
- Lieven D.* Russia Against Napoleon: The True Story of the Campaigns of "War and Peace". N.Y., 2010.
- Lorblanchès J.-C.* Campagne de l'armée impériale du Pays basque à Toulouse, 1813-1814. P.: l'Harmattan, 2013.
- Louise de Prusse.* Mémoires. Quarante-cinq années de ma vie (1770-1815). P.: Gallimard, 2013;
- Menant F.* Les députés de Napoléon. P.: Fondation Napoléon; Nouveau Monde, 2012.
- Migneret S.* Précis de l'histoire de Langres. Langres : Dejussieu, 1835. (reéd. Nabu Press, 2014).
- Napoléon : témoignages, 1805-1815 / Ed. par C. Bourachot. P.: Omnibus, 2014. 2 vol.
- Napoléon raconté par ceux qui l'ont connu / Éd. par A. Chevallier. P.: B. Grasset, 2014.
- Napoléon.* Correspondance générale. Vol. 12 : 1812 - La campagne de Russie. P.: Fayard, 2012.
- Napoléon. La dernière bataille: témoignages, 1814-1815 / Éd. de C. Bourachot. P.: Omnibus, 2013.
- Ouvrard R.* Le congrès de Vienne (1814-1815). Carnet mondain et éphémérides. P.: Fondation Napoléon; Nouveau Monde, 2014.
- Papet Th. von.* Journal de ma campagne de Russie. P.: Editions SPM, 2013.
- Parvulesco C.* La campagne de 1814 // La Revue napoléon. 2013. № 11. P. 18-27.
- Pernot F.* 1815... Waterloo!, "morne plaine!". P.: Honoré Champion, 2015.
- Pernot F.* De Bonaparte à Napoléon. 5e éd. P.: Fleurus, 2013.

- Petiteau N.* Écrire la mémoire. Les mémorialistes de la Révolution et de l'Empire. P.: Les Indes Savantes, 2012.
- Peudon J.-L.* La campagne de 1814 récit et lieux de mémoire. Le jugement de Clausewitz. Les rapports entre populations et troupes alliées. P.: Books on demand, 2014.
- Pigeard A.* Histoire de la Grande Armée. 1805 – 1815. P.: La Bisquine, 2015.
- Pigeard A.* La Garde impériale : 1804-1815. P.: Tallandier, 2005.
- Pigeard A.* Les Campagnes napoléoniennes. 2 vols. Entremont-le-Vieux : Quatour, 1998.
- Pigeard A.* Leipzig 1813. P.: Revue Gloire et Empire, 2013.
- Pigeard A.* L'oeuvre de paix de Napoléon (1800-1815). P.: La Bisquine, 2014.
- Pigeard A.* Napoléon en Saxe Dresde. P.: Revue Gloire et Empire, 2012.
- Pigeard A., Tulard J.* L'Allemagne de Napoléon: La confédération du Rhin 1806-1813. P.: La Bisquine, 2013;
- Poucet N., Poucet E.* Journal de voyage bicentenaire de la campagne de France 1814. Vouécourt: Nicole et Emmanuel Poucet, 2015.
- Prévot Ch.* Les campagnes de France, janvier – avril 1814. Orientations bibliographiques // Napoleonica. La Revue. 2014. № 19.
- Reverchon A.* Et si Napoléon avait gagné à Waterloo? P.: Economica, 2015.
- Revue d'histoire du XIXe siècle. 1814-1815. Expériences de la discontinuité. 2014. № 2 (49).
- Revue de l'Institut Napoléon. 2013. № 207.
- Revue des études slaves. 2012. Vol. 83. № 4 : 1812, la campagne de Russie.
- Revue historique des armées. 1812. 2012. № 267.
- Rey M.-P.* 1814, un tsar à Paris. P.: Flammarion, 2014.
- Rey M.-P.* Alexandre Ier, le tsar qui vainquit Napoléon. P.: Flammarion, 2009 (2nd éd. – 2013).
- Rey M.-P.* L'effroyable tragédie. Une nouvelle histoire de la campagne de Russie. P.: Flammarion, 2012.
- Rey M.-P.* Les cosaques dans les yeux des français, à l'heure de la campagne de 1814: contribution à une histoire des images et des représentations en temps de guerre // Quaestio Rossica. 2014. № 1. C. 55-68.
- Rolin V., Devautour G.* La campagne de France. Saint-Cloud : Éd. SOTECA-Napoléon Ier, 2013.
- Scott W.* De Waterloo à Paris (1815). Lettres de Paul à sa famille. P.: Mercure de France, 2015.
- Surrault A.* De la campagne d'Égypte au Berry: le général Henri-Gatien Bertrand et le savant Hervé Faye, 1798-1844. Issoudun: A. Lyner, 2012.

- Tabesse N.* La bataille de Claye du 28 mars 1814. Claye-Souilly: Société d'histoire de Claye et de ses environs, 2014.
- Tulard J.* Dictionnaire amoureux de Napoléon. P.: Plon, 2012.
- Vial Ch.-É.* L'Adieu à l'Empereur. Journal de Marie-Louise. P.: Fondation Napoléon, Vendémiaire Éditions, 2015.
- Vial Ch.-É.* Le dernier voyage de l'Empereur. Paris - Ile d'Aix, 1815. P.: Fondation Napoléon, Vendémiaire Éditions, 2015.
- Villepin D. de* La chute de Napoléon. P.: Perrin, 2015.
- Villepin D. de* La Chute ou l'Empire de la solitude (1807-1814). P.: Perrin, 2008.
- Villepin D. de.* Le Soleil noir de la puissance (1796-1807). P.: Perrin, 2008.
- Waterloo: Acteurs, historiens, écrivains / Éd. de L. Chavanette. P.: Gallimard, 2015.
- Zins R.* 1814, la bataille de Limonest et la chute de Lyon. Reyrieux: H. Cardon, 2014.
- Zins R.* 1814, la bataille de Saint-Georges et l'invasion du Beaujolais. Reyrieux: H. Cardon 2013.

**Gladishev A. Napoleonic Wars of 1812 - 1815:
the French commemorations in ourdays**

The 200th anniversary of the Napoleonic wars provoked in France a wave of commemorations of various levels, contents and directions. On this occasion it took place a lot of academic conferences, it appeared numerous monographs, collections of articles and publications of historical sources. The author pays a special attention to the corresponding social and cultural initiatives in French provincial towns and villages such as festivals, exhibitions, fairs, processions, concerts, battle reconstructions.

Keywords: History of France, the Napoleonic wars, historical memory, commemoration.

Н.П. Таньшина*

**«ЗАПРЕТИТЬ БАНКЕТ — ЗНАЧИТ
ЗАПУСТИТЬ МЕХАНИЗМ РЕВОЛЮЦИИ»:
О НОВОЙ КНИГЕ ВЕНСАНА РОБЕРА**

Автор рецензии анализирует книгу французского историка Венсана Робера, преподавателя политической и культурной истории XIX в. университета Париж-1 Пантеон – Сорбонна, в которой тот пытается найти ответы на вопросы происхождения революций 1830 и 1948 гг., обращаясь к такой важной, но малоизученной странице политической истории Франции первой половины XIX века, как политические банкеты. Банкет для Робера – это важный социокультурный феномен французского общества, выполнявший целый ряд социальных функций, обладавший собственной символикой и структурой и являвшийся органичной частью политической культуры Франции.

Ключевые слова: банкетные кампании, Реставрация, Июльская монархия, политическая культура Франции, цензровая демократия, Июльская революция, революция 1848 г.

Почему происходят революции? В чем причины революционных потрясений? Только ли социально-экономические факторы лежат в основе массового недовольства существующим режимом? Почему для правящей элиты революционный взрыв часто оказывается совершенно неожиданным? Все эти вопросы находятся в центре внимания французского историка Венсана Робера, преподавателя политической и культурной истории XIX в. университета Париж-1 Пантеон – Сорбонна. В своей книге «Время банкетов. Политика и символика одного поколения (1818–1848)», завоевавшей приз Des Rendez-vous de l'histoire («Встречи с историей») в Блуа в 2011 г., автор пытается найти ответы на эти вопросы, обращаясь к такой важной, но малоизученной странице политической истории Франции первой половины XIX в., как политические банкеты. Анализу тесной взаимосвязи между банкетными кампаниями и революционными потрясениями и посвящена эта книга.

---

* *Наталья Петровна Таньшина, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Института общественных наук Отделения истории Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ.*

Конечно, и французские, и отечественные исследователи достаточно глубоко изучали банкетную кампанию 1847–1848 гг. как пролог к революции 1848 г. Общим местом в исторической науке стало мнение о том, что правительственный запрет банкета Национальной гвардии 12-го округа Парижа спровоцировал Февральскую революцию. В то же время исследователи отнюдь не рассматривали в целом банкетную кампанию и запрет реформистского банкета как решающий фактор в объяснении причин крушения Июльской монархии. По мнению В. Робера, историческая наука пренебрегала необходимостью учета взаимосвязи, которая, в глазах современников 1848 года, существовала между этой кампанией и банкетами, предшествовавшими Июльской революции 1830 г. Главная заслуга французского исследователя заключается в том, что он рассматривает политический банкет в тесной связи с революционными катаклизмами, анализируя с неизвестной ранее стороны модальности политического поведения французов в годы Реставрации и Июльской монархии. Как полагает В. Робер, без понимания и изучения такого социокультурного феномена как банкетные кампании, трудно сформировать объективное представление о причинах революций 1830 и 1848 гг. Главный вопрос, который автор ставит перед собой: каким образом банкетная кампания могла привести к политическому потрясению, крушению режима, и, в конечном итоге, установлению революционным путем всеобщего мужского избирательного права и демократии в современной Франции (Р. 8).

Такой подход к проблематике созвучен современным тенденциям в развитии исторической науки, в которой вопрос о причинах революции 1848 г. является весьма обсуждаемой темой. Как справедливо отмечает В. Робер, так уж сложилось, что наиболее обстоятельные и серьезные работы по политической истории Франции периода Реставрации и Июльской монархии принадлежат англоязычным авторам. В какой-то степени то же самое можно сказать о событиях 1848 г.: пересмотр вопроса о причинах Февральской революции во многом начался с работы английского историка Теодора Зелдина «Франция. 1848–1945»¹, в которой автор пришел к выводу, что объяснять причины революции исключительно экономическими сложностями, коррупцией и нерешенностью вопроса об избирательном праве – значит не учитывать целого комплекса причин, связанных с не менее важными факторами социально-политического и психологического свойства. В этой связи появление книги В. Робера представляется весьма своевременным.

¹ Зелдин Т. Франция. 1848 - 1945. Честолюбие, любовь и политика. Екатеринбург, 2004.

Банкет для В. Робера – это важное социокультурное явление французского общества, выполнявшее целый ряд функций, обладавшее собственной символикой и структурой и являвшееся составной частью политической культуры Франции. Он, по мнению В. Робера, являлся способом политического действия, глубоко связанным со временем существования во Франции режима конституционной монархии и ставившим в метафорической и символической форме два существенных политических вопроса: национального суверенитета и избирательного права (Р. 398). Банкет – это «матрица политических ассоциаций» (Р. 101), атрибут основных принципов либерального общества, объединение символически равных, по крайней мере, на время обеда, людей.

В то же время, политические банкеты автор рассматривает как явление, имевшее глубокие корни в политической культуре Франции. При этом В. Робер не просто анализирует банкет в исторической ретроспективе, а проводит компаративный анализ банкетных кампаний периода Реставрации и Июльской монархии. Он проводит также любопытные сравнения застолий в Древней Руси, при Петре I, в СССР и подчеркивает, что во Франции банкеты имели совершенно иной характер, являясь порождением западной цивилизации, греко-римского наследия: в античности публичные обеды были частью политической культуры. Для Франции, по его словам, банкеты, хоть и не были основной чертой политической жизни, носили явно выраженный политический характер.

Историю творят историки, она есть конструкт воображаемого. И порой так случается, что забвение каких-то сюжетов создает впечатление, будто бы их и не было в истории. В. Робер своей книгой выводит из небытия один из важных элементов политической культуры Франции, реконструируя, таким образом, политическую культуру как таковую. Стоит согласиться с мнением автора, что пренебрежение исследователей к проблеме банкетов вовсе не говорит о ее незначительности и неважности. По мнению В. Робера, незавидная историографическая судьба банкетов стала следствием разделения политической истории XIX века на своеобразные «отсеки», когда историков интересовало лишь то, что входило в «игру институтов» (Р. 398).

Историографический пробел в изучении банкетных кампаний во многом связан с длительным периодом отсутствия глубокого интереса как французских, так и отечественных исследователей к истории постнаполеоновской Франции.

Почему годы Реставрации и Июльской монархии долгое время не привлекали внимания исследователей? Дело в том, что основные

научные интересы специалистов были сконцентрированы на периодах бурных общественных потрясений, которых в политической истории Франции конца XVIII – XIX вв. было предостаточно. И так получилось, что годы Реставрации и Июльской монархии оказались за скобками, ограниченные с одной стороны Революцией XVIII в., Первой империей и Наполеоновскими войнами, а с другой – Революцией 1848 г., Второй империей и Парижской Коммуной. Однако, начиная с работ известного французского исследователя Рене Ремона², годы Реставрации и Июльской монархии рассматриваются как важный этап формирования французской государственности, становления политических институтов, являющихся основой современной политической системы Франции. Отрадно, что в последние десятилетия во Франции появилось много работ, посвященных политической истории этого периода. Это и биографии политических лидеров той поры, таких как Ф. Гизо, А. Тьер, А. Ламартин; и обобщающие работы по истории Реставрации и Июльской монархии; и работы по политической истории и политическим институтам того времени³. О глубоком интересе к этим вопросам свидетельствует и активная публикация источников, прежде всего корреспонденции, мемуаров политических деятелей или светских персонажей тех лет, таких как А. де Буань, Д. де Дино, Ш.-М. Талейран, Р. Аппоньи⁴.

Если исследователи порою упускали банкетные кампании из поля зрения, то современники, по глубокому убеждению В. Робера, напротив, считали их важным политическим событием. Это он подтверждает, опираясь на обширную источниковую базу. Зачастую историк использует хорошо известные специалистам документы, воспоминания, мемуары политических деятелей тех лет, публицистику, прессу, однако поднимает

² *Rémond R.* La vie politique en France. 1789–1848. P., 1965. Т. 1–2; *Idem.* La droite en France de la première Restauration à la Ve République. P., 1963; *Idem.* Le XIXe siècle. 1815–1914. P., 1974.

³ См., например: *Antonetti G.* Lui-Philippe. P., 2002; *Bordonove G.* Talleyrand : Prince des diplomates. P., 2007; *Broglie G.* L'Orléanisme. La ressource libérale de la France. P., 1981 ; *Idem.* Guizot. P., 1990; *Idem.* La monarchie de Juillet. 1830-1848. P., 2011; *Guiral P.* Adolphe Thiers. P., 1986; *Price M.* Louis-Philippe. Le prince et le roi. La France entre deux révolutions. P., 2009; *Rosanvallon P.* Le moment Guizot. P., 1985; *Teyssier A.* Luis-Philippe. Le dernier roi des Français. P., 2010; *Theis L.* Guizot. P., 2008; *Unger G.* Lamartine. P., 1998; *Wagener F.* La comtesse de Boigne. P., 1997.

⁴ *Apponyi R.* « Les Français envient notre bonheur». Journal du compte Rodolphe Apponyi, 1826–1848. P., 2008; *Boigne A.* Mémoires de la comtesse de Boigne. P., 2005. Т. 1–2; *Dino D.* (duchesse de Talleyrand et de Sagan). Chronique de 1831 à 1862. Т. 1–4. P., 2005; Mémoires et correspondances du prince de Talleyrand / par E. de Waresquiel. P., 2007.

проблему, на которую прежде не обращали внимания. Это в очередной раз заставляет задуматься над вопросом о новом прочтении старых источников, об умении ставить правильные вопросы и находить нужные ответы – обо всем том, к чему призывали в свое время основоположники школы «Анналов» Марк Блок и Люсьен Февр. Поставив перед собой четкую цель, В. Роберу удалось увидеть в исторических документах то, что порой просто ускользало от внимания специалистов.

Еще одна привлекательная черта источниковой базы работы – это расширение географических рамок исследования и выход за пределы Парижа и центрального региона и, соответственно, активное использование как центральных, так и региональных документов. Это позволило автору сделать вывод о том, что банкетные кампании – это черта не только столичной, но и провинциальной жизни. Источниковую базу работы В. Робера составили архивные материалы, как национальные – из архива Министерства внутренних дел и юстиции, так и департаментские – документы архивов Роны и Лиона. Также использованы национальная и региональная пресса и публицистика: газеты Лиона, Дижона, Шалона, Макона, а также хранящиеся в Национальной библиотеке документы банкетов, происходивших в различных департаментах. Широко использует автор мемуариистику и публицистику той поры: работы О. Барро, П.Ж. Беранже, Л. Блана, В. де Броя, Л.-А. Гарнье-Пажеса, Ф. Гизо, М.-Ж. Лафайета, А. де Токвиля, Ш. Ремюза и многих других. Опять-таки все это источники хорошо известные, но в них автору удалось увидеть то, что прежде оставалось незамеченным.

Особенно импонирует привлечение материалов художественной литературы или публицистических работ, принадлежащих мастерам художественного слова, благо в те годы литературная жизнь Франции была необычайно насыщена. Одно перечисление имен авторов, работы которых активно использовал автор, говорит о многом: О. Бальзак, А. Дюма, А. Ламартин, Ж. Санд, Э. Сю, Г. Флобер. Собственно, книга и начинается с оригинального захода – описания впечатлений 26-летнего жителя Руана, тогда еще никому не известного Гюстава Флобера, о реформистском банкете в конце декабря 1847 г. Банкет произвел на будущего знаменитого писателя гротескное впечатление: молодой человек остался холоден к происходившему и более того, испытал привкус некоего отвращения к обществу, охваченному патриотическим энтузиазмом: «Никогда Франку де Мюссе (имеется в виду Карл Франк, герой драматической поэмы А. Мюссе «Уста и чаша». — *Н.Т*) не сорвать столько восторженных криков,

сколько раздавалось со всех сторон залы в адрес мурлыканий Одилона Барро и г-на Кремье о состоянии наших финансов». Люди интеллектуально одаренные, творческие, тонко чувствовали ситуацию, улавливая то, что другим было пока не очевидно.

Книга В. Робера построена по хронологическому принципу и охватывает годы существования во Франции режимов Реставрации и Июльской монархии, хотя иногда автор сознательно нарушает хронологию. В частности, он начинает с описания события, явившегося, по его мнению, ключевым для понимания Июльской революции 1830 г., а именно - банкета в парижском ресторане «Des Vendanges de Bourgogne» («Бургундские виноградники») 1 апреля 1830 г. Банкет был проправительственным. Публика была представлена политической элитой, депутатами, способными заплатить взнос в 20 франков, в то время как, замечает В. Робер, основная часть парижан могла позволить себе потратить на обед менее одного франка. Банкет проходил под лозунгами: «Да здравствует Хартия! Да здравствует конституционный король!» За десертом председатель банкета, бывший мэр третьего округа Парижа г-н Руссо, произнес единственный тост: «За взаимодействие трех ветвей власти: конституционного короля, палаты пэров и палаты депутатов!» (Р. 23). Между тем, справедливо отмечает автор, если проанализировать работы по истории Реставрации и Июльской монархии, то, за единичным исключением, мы не найдем упоминаний об этом событии. Оно и не удивительно, полагает В. Робер, учитывая отсутствие интереса историков к периоду Реставрации и Июльской монархии: «Надо признать, что эти цензитарные режимы консервативных нотаблей не вдохновляли большинство историков, рассматривавших их только как олигархическое отступление (от демократического вектора развития. – Н.Т.)... Если режим Июльской монархии еще и вызывал некоторый интерес с точки зрения социальных проблем, поставленных промышленной революцией, а также с точки зрения расцвета первых социалистических доктрин, то Реставрация была в полном пренебрежении». Что касается Июльской революции, которая, по мнению большинства французских историков, считает Робер, только и сделала, что привела «крупную буржуазию к власти», то она, по его наблюдению, являет пример любопытного историографического явления: это была единственная французская революция XIX в., наибольший вклад в изучение которой внесли англоязычные специалисты (Р. 25). В этой связи нет ничего удивительного, что банкет в «Des Vendanges de Bourgogne» был полностью забыт (Р. 26).

Между тем, по мнению В. Робера, современники отнюдь не рассматривали этот банкет как незначительный эпизод, скорее наоборот. О нем написала вся пресса и не только парижская. Причем, как отмечает автор книги, необходимо учитывать, что в те годы в газетах писали совсем не о том, о чем ныне. Газеты – это место изложения различного рода размышлений, доктрин и политической полемики, особенно в условиях медленного обмена информацией и циркуляции новостей. Банкетам в газетах обычно отводилось всего несколько строк. В данном отношении показательно, что либеральная газета *Le Constitutionnel* посвятила описанию этого банкета первую страницу в своем номере от 2 апреля 1830 г. и возвращалась к нему и в последующие дни. Другие газеты столицы и провинциальные издания шли по следам *Le Constitutionnel*; причем характерно, что о банкете писала не только либеральная, но и консервативная, даже ультрароялистская пресса.

Почему В. Робер придает такую важность этому банкету? По его мнению, данный банкет важен не только сам по себе – его следует рассматривать как провозвестие июльских баррикад 1830 г., а также как некий итог: он был не первым, который либералы организовывали в годы Реставрации. Были и другие, как в Париже, так и в департаментах. Изучить их историю, их описать, значит, лучше понять то, что произошло весной и летом 1830 г. (Р. 31).

Описание банкетов эпохи Реставрации автор начинает с характеристики первого политического собрания либеральной оппозиции, состоявшегося в ресторане «Радуга» в Париже 5 мая 1818 г. Банкет был организован в преддверии назначенных на осень парламентских выборов. Как отмечает В. Робер, банкеты времен Реставрации собирали привилегированную публику, представленную нотаблями, то есть «влиятельными людьми», политической и деловой элитой. За редкими исключениями, это были мужчины (участию, точнее, неучастию женщин в банкетах В. Робер уделяет отдельное внимание). На этих мероприятиях, как правило, чувствовался какой-либо влиятельный и достойный человек, очень часто парламентарий. Поскольку банкеты не могли представлять реальной угрозы общественному порядку, их было трудно запретить: чаще всего администрация ограничивалась наблюдением и подсчетом участников, что было особенно актуальным в условиях роста либеральных настроений в стране, последовавшего вслед за парламентскими выборами 1827 г.

Что еще отличает книгу В. Робера, так это выход за рамки и методологию традиционного исторического исследования, активное

применение методов культурной и исторической антропологии, истории повседневности и истории быта⁵, позволяющих добиться эффекта погружения в историческую реальность.

Во второй главе «Время тишины (1818–1820)» автор объясняет смысл банкетов, на которых гости не произносили тостов и которые проходили в тишине. Он отмечает, что в контексте хрупкой свободы того времени все элементы банкета являлись смыслообразующими (Р. 45–46). Например, смысл банкета может быть понят через исполняемую там музыку. Праздник не мог быть полным без нескольких куплетов, «соответствующих обстоятельствам», как говорили тогда. Поэт должен был продекламировать несколько строк из своего произведения в честь героя банкета или спеть подходящую песню, при этом зачастую и песни, и стихи были весьма посредственными (Р. 89). По словам автора, важность тостов и песен как неотъемлемых атрибутов банкетов позволяет лучше понять оппозиционный характер «немых банкетов» первых лет Реставрации. Разве праздник мог обойтись без песен и тостов?

Личности тех, в честь кого устраивался банкет, дата его и даже меню, – все это, по мнению В. Робера, имело смысл. Например, говоря о важности даты назначения банкета, автор обращает внимание на тот факт, что до периода Второй республики кабинеты министров именовались не по их лидерам, а именно по датам: министерство 1 марта 1840 г. (во главе с А. Тьером), кабинет 29 октября (министерство Сульта-Гизо 1840 г.).

Анализируя социальный состав участников банкетов Реставрации, В. Робер отмечает, что ими были нотабли, как влиятельные, так и менее значительные, но в любом случае люди, абсолютно располагавшие своим временем. Собраться 100–150 персонам в какой-либо день, не обязательно воскресный, не представляло труда (Р. 49). Дата выбиралась в зависимости от того, какое количество гостей могло присутствовать на банкете, а не в зависимости от того, чем памятен был этот день.

В третьей главе под названием «Физиология банкета во времена Реставрации» автор ставит вопрос: по какому случаю собирались банкеты в первой половине XIX века? Банкет был, вне всякого сомнения, не просто общей трапезой. Ученики колледжей и лицеев времен Реставрации это прекрасно понимали, когда с нескрываемым нетерпением ожидали банкета в лицее Карла Великого. Банкеты рассматривались их участниками не просто как обычные собрания или как политические ассамблеи, но прежде всего как праздники. Банкет – это праздничная еда. Но что можно было праздновать на банкете?

⁵ Ср.: Мильчина В. Париж в 1814–1848 годах: повседневная жизнь. М., 2013.

Самыми распространенными, но менее всего упоминаемыми в документах, являлись банкеты, на которых отмечались знаменательные события в жизни человека или семьи, такие, как свадьба или крещение. Такие банкеты В. Робер оставляет за рамками своего исследования, за исключением банкетов, связанных с рождением в сентябре 1820 г. герцога Бордоского – «дитя чуда»⁶, а потом его крестины праздновались по всей Франции, в том числе и на банкетах.

Начиная с эпохи Просвещения, вошло в обычай чествовать выдающихся людей. Формы прославления были самыми разнообразными: академическая ода, посмертная эпитафия, статуи на площадях – все это являлось разновидностями публичных манифестаций. Таковы были, например, банкет в честь прибывшего в Париж композитора Джоаккино Россини, или описываемый Бальзаком в «Утраченных иллюзиях» банкет в честь поэта Люсьена Рюбампре.

Ощутить «вкус» истории в прямом смысле этого слова позволяет описание в книге банкетных трапез. Есть и пить на банкете было принято умеренно; спиртное заготавливалось из расчета одна бутылка вина на человека. Для сохранения участниками достойного облика и контроля за своими действиями предписывалось подавать только один вид вина, как это было, например, на банкете в Лионе в 1822 г. (Р. 86).

Тосты произносились во время десерта. Поднимали бокалы, главным образом, с шампанским. Первый тост традиционно произносился за здоровье короля, следующий – за здоровье королевской семьи или героев праздника. Потом мог последовать тост за Хартию, за палату пэров и палату депутатов, за Национальную гвардию или, например, за процветание города Ангулем. Характер тостов зависел от состава участников банкета: был ли это банкет либеральный, роялистский или масонский. У масонов, например, первым всегда произносили тост за короля (Р. 88).

Не меньшее значение имели убранства интерьера и декорации ресторана во время банкета. Эта проблематика рассматривается в шестой главе книги, именуемой «Символика и драматургия банкета». Анализируя уже упоминавшийся банкет в «Des Vendanges de Bourgogne», автор приводит слова анонимного журналиста-монархиста, который после этого мероприятия опубликовал сатирическую версию «гастрономической трилогии в одном акте и трех блюдах» (Р. 162). В зале ресторана не

⁶ Герцог Бордоский появился на свет уже после убийства его отца, герцога Беррийского, совершенного в феврале 1820 г. и, казалось бы, обречшего династию Бурбонов на угасание.

было ни бюста, ни портрета короля. Вместо него, за креслом президента банкета размещался лишь текст Хартии. Банкет был организован на 700 персон в честь депутатов, подписавших Адрес на тронную речь короля на открытии парламентской сессии⁷. Это событие, по словам В. Робера, четко показывало, что отныне речь шла о необходимости выбора между верностью династии и верностью Хартии, и либералы, как и ультрароялисты, свой выбор сделали. Отсутствие королевского бюста в зале, отмечает историк, было весьма показательным. Смысл этого политического послания был абсолютно ясен: для парижских избирателей, собравшихся в зале ресторана «Des Vendanges de Bourgogne», персоне короля потеряла свой прежний сакральный статус. Причем, отмечает Робер, речь шла не только о декоре или атрибутах королевской власти; под сомнение была поставлена сама сущность реставрированной монархии, по крайней мере в том экзальтированном и мистическом виде, в каком она представлялась Карлу X, Полиньяку и доброй части ультрароялистского дворянства (Р. 165).

Главным элементом декора либеральных банкетов времен Реставрации была так называемая «гражданская корона»⁸, которую роялистская пресса именовала не иначе, как «республиканской короной». Ее, по мнению В. Робера, можно также интерпретировать как символ десакрализации королевской власти. Королевская корона отныне не воспринималась как священная. Власть больше не заключалась в персоне короля, а была разлита в обществе. Тост за королевскую власть на банкете в «Des Vendanges de Bourgogne» был произнесен, но наряду с тостами за две другие конституционные ветви власти: палату пэров и палату депутатов. А вот за здоровье царствующего монарха, как и за августейшую семью и за наследника трона, тосты не произносились.

Сущность монаршей власти, как ее видели сами короли, раскрывается в одном из интереснейших разделов не только этой главы, но и, на мой взгляд, всей книги: «Король-Христос и отец-кормилец».

По мнению В. Робера, возвращение на французский трон легитимной династии в лице брата казненного Людовика XVI указывало на новую редакцию

⁷ «Адрес 221-го» (фр. *Adresse des 221*) – подписанное 221 французским депутатом 18 марта 1830 г. ответное письмо на тронную речь Карла X на открытии сессии парламента. Это политическое заявление выражало протест против недоверия, выраженного королем, и опасение за свободы французского народа при ультрароялистском министерстве Ж. де Полиньяка.

⁸ Гражданская корона (лат. *Corona Civica*) – вторая по значимости военная награда в Древнем Риме, представлявшая собой венок из дубовых листьев и вручавшаяся за вклад в сохранение жизней солдат. Впоследствии гражданская корона стала прерогативой и отличительным знаком римских императоров.

принципа сакральности королевской власти, о чем свидетельствовало намерение Людовика XVIII осуществить самый древний, самый важный и самый зрелищный из ритуалов суверенитета – процедуру коронации. Приготовления были начаты в 1819 г., и только плохое самочувствие суверена не позволило состояться коронации в Сен-Дени. Это объясняет значение, придававшееся коронации Карла X в Реймсе 29 мая 1825 г.

В отличие от Людовика XVIII, который из-за слабого здоровья не путешествовал по стране, граф д'Артуа активно разъезжал по Франции. Став королем, он неоднократно посещал северные и восточные департаменты. Накануне назначения министерства Ж. Полиньяка обсуждался вопрос о поездке в Нормандию. Однако Карл X, всегда с пиететом относившийся ко всему, связанному с атрибутами королевской власти, полагал, что этих поездок было недостаточно без обычая, которому он придавал высшую символическую важность – традиционной церемонии «большого стола», устраиваемой королем.

Обед на публике – это важный акт в символике суверенной власти. Однако если средневековая традиция этого явления хорошо изучена, то новоевропейская, как справедливо отмечает В. Робер, нет. Поэтому автор предлагает свои подходы в анализе этого важного, как оказалось, даже в постреволюционной Франции, обряда. В эпоху Реставрации «большой стол» был ритуальной церемонией, проходившей дважды в год: Людовик XVIII и Карл X обедали на публике 1 января, в день Нового года, и в день своих именин: у первого – 25 августа, у второго – 4 ноября⁹. Церемония пользовалась огромной популярностью: количество желающих пройти по проходу за балюстрадой и лицезреть членов королевской фамилии во время почти безмолвного обеда достигало нескольких тысяч. Этот обычай был очень быстро забыт после революции 1830 г.: смысл сакральной традиции не воспринимался рациональными элитами Июльской монархии, рассматривавшими королевскую власть как результат общественного договора.

Первым публичным актом Людовика XVIII, вернувшегося во Францию после двадцатитрехлетней ссылки, явился публичный обед в Кале 24 апреля 1814 г. Но если Людовик XVIII не испытывал особой склонности к соблюдению ритуалов, то с его братом дело обстояло иначе. Став королем, граф д'Артуа устраивал обеды на публике во время путешествий по стране, например, в Лилле в 1827 г., а год спустя в Меце и Страсбурге. Выбор этих городов был отнюдь не случайным:

⁹ См. также описание этой церемонии в кн.: *Мартен-Фюжье А. Элегантная жизнь, или Как возник «весь Париж», 1815–1848. М., 1998.*

три военных города, расположенных в непосредственной близости от границы, в департаментах, подвергшихся продолжительной оккупации в 1815–1818 гг. Во время этих банкетов вокруг королевского стола прошло около 4 тыс. человек. Это зрелище очень впечатлило монарха; он был счастлив, что его посетило столько верноподданных.

Еще одной характерной чертой этих банкетов стало присутствие на них иностранных принцев. Как отмечает В. Робер, смысл этого заключался в том, чтобы продемонстрировать суверенитет короля Франции не только своим подданным, но также иностранцам, в том числе немецким принцам (Р. 168).

В этой связи, по мнению В. Робера, можно воспринимать как своеобразный вызов монархии банкет, устроенный в честь генерала М.-Ж. Лафайета 27 сентября 1828 г. в Мену. По свидетельству комиссара полиции, «говорили, будто бы народ был допущен дефилировать вокруг стола...» Исследователь отмечает, что публичными властями это было расценено как акт оскорбления королевского величества, равно как и кавалькада, сопровождавшая Лафайета при въезде в город, а также «гражданская корона», которую вынесли прославленному генералу к воротам Гренобля его жители в августе 1829 г.

В чем заключался смысл «большого стола»? По мнению В. Робера, ритуал поддерживал традиционные представления о короле как кормильце нации. Карл X хотел предстать именно в таком образе и выглядеть, во всяком случае, для бедных, «распределителем пищи» и «отцом-кормильцем».

Эти представления отчетливо проявились в обычае, известном под названием «церемония Сены», которая, по убеждению Карла X, должна была возродить мистическую связь между короной и небом. Начиная с 1816 г. «церемония Сены» ежегодно проходила каждый Чистый четверг перед Пасхой в галерее Дианы дворца Фонтенбло. Автор реконструирует суть этой церемонии по роялистской и либеральной прессе тех лет. В частности, в роялистской *La Gazette de France* церемония описывалась следующим образом: король, отслужив мессу, омывал ноги 13-ти «апостолам» в галерее Дианы, потом подносил им по 13 блюд. Королю в этой церемонии помогали дофин и высшие офицеры. Из либеральной прессы мы узнаем о присутствии дофины и герцога Беррийского. В роли «апостолов» выступали 13 детей, которым король после омовения ног преподносил по тринадцать двадцатифранковых¹⁰ монет в мешочке, украшенном королевскими лилиями, угощал каждого тринадцатью блюдами, дарил по фунту хлеба и кувшинчику вина (Р. 170).

¹⁰ 260 франков, отмечает В. Робер, соответствовали трехмесячному заработку парижского рабочего.

Эта церемония омовения Карлом X ног тринадцати беднякам должна была символизировать, что король, представитель Бога в своем отечестве, является для всех подданных отцом-кормильцем, единственным распределителем королевских богатств, вверенных ему самим Богом.

В своем средневековом архаизме смысл этой церемонии, как отмечает автор книги, был предельно ясен для всех: церемония утверждала сакральный статус суверена как единственного светского главы королевства, который мог выполнять такой ритуал, придававший ему статус, сопоставимый с папой и епископами. Церемония также со всей очевидностью должна была демонстрировать, что источник королевской власти сосредоточен в божественном благословении, поскольку король в ходе этой церемонии отождествлялся с Христом, омывающим ноги апостолам. Карл X, несмотря на Хартию, был уверен, что реставрированная монархия проистекала из божественного права, и «церемония Сены» должна была подтверждать ее мистическую сущность (Р. 171).

Подводя итог либеральным банкетам времен Реставрации, автор делает вывод, что они являлись важной школой приобщения общественности к политической деятельности, готовили почву для расширения избирательного права и относительной демократизации местных эшелонов администрации, генеральных советов и муниципалитетов в первые годы Июльской монархии.

Вторая часть работы – «Реформистский банкет (1832–1848)» – посвящена анализу политических банкетов в годы Июльской монархии. Проследившая эволюцию банкетов в годы правления Луи Филиппа, автор отмечает, что тогда наблюдалась определенная демократизация этой практики: банкет, устроенный в Лионе 30 сентября 1832 г. в честь Гарнье-Пажеса, собрал приблизительно 1800 участников, в большинстве своем разночинцев. Это явилось поводом для запрета префектурой аналогичного мероприятия, намеченного на весну следующего года. Если банкеты времен Реставрации не имели четкой политической цели, то банкеты времен Июльской монархии организовывались, как правило, в поддержку реформы избирательного права.

Анализируя банкетную кампанию 1840 г. в поддержку реформы избирательного права, автор приходит к выводу о важности банкетов в политической жизни того времени. Банкеты, по мнению В. Робера, позволяли транслировать политические лозунги на широкую территорию и формировать общественное мнение за пределами *rayon legal*, то есть корпуса избирателей и парламентариев. Таким образом, заключает историк, нет ничего удивительного в том, что банкеты к 1848 г.

способствовали «резкому возбуждению народных масс» (Р. 254), запустили механизм мобилизации общественного мнения, чем воспользовались республиканцы, сами не ожидавшие столь быстрой развязки событий.

Характерная черта банкетов Июльской монархии – расширение социального состава участников, выход за пределы *pays legal* и участие в банкетах не только нотаблей и 200-франковых избирателей, но и тех, кто не отвечал избирательному цензу. По мнению В. Робера, теория цензового избирательного права, обоснованная и защищавшаяся одним из ведущих политиков и идеологов Июльской монархии Франсуа Гизо, имела свои пределы: в повседневной реальности неизбежность избирательного ценза была невыносима. Банкетам цензитарных нотаблей демократическая и либеральная оппозиция противопоставила собственные, начиная с первой кампании в поддержку избирательной реформы. Именно вопрос о расширении избирательного права и отказ Луи Филиппа от дальнейших реформ в этой сфере после принятия избирательного закона 1831 г., В. Робер считает ключевым для понимания политической судьбы всего режима Июльской монархии, и анализ реформистских банкетов в этой связи представляется весьма важным.

Начиная с 1830 г. банкеты становились все более демократичными и анонимными. «Франция приглашает вас всех!», – провозгласил осенью 1830 г. один из влиятельных оппозиционных публицистов той поры Л.-М. Корменен. Демократизация объяснялась тем, что банкет в поддержку всеобщего избирательного права должен был исходить из идеи единства всех граждан, вне зависимости от их социального статуса. Такой банкет обеспечивал гармонию между его участниками, восстанавливал невидимую связь с гражданскими банкетами Революции XVIII в., когда богатые и бедные ели за одним столом. По словам автора, речь шла не просто о политике, но о руссоистской мечте, и в этой связи, как он полагает, события 1848 г. были весьма предсказуемы.

Главный вопрос, который ставит В. Робер во второй части книги, заключается в следующем: как объяснить перерастание экономического кризиса и недовольство внешней политикой правительства Гизо в кризис политический? По мнению исследователя, «вряд ли одна только пресса могла вызвать революцию, а внешняя политика Гизо могла стать объектом критики, но не спровоцировать восстание» (Р. 10). Как полагает Робер, переход буржуазии в решительную оппозицию режиму, с риском социальных потрясений и даже революции, также не может быть объяснен только причинами социально-экономического и внешнеполитического свойства.

Автор ставит вопрос: почему призыв оппозиции к стране принял форму банкетных кампаний? В годы Июльской монархии, как и в годы Реставрации оппозиция не могла устраивать митинги для мобилизации общественного мнения, поскольку они были под запретом. Поэтому банкеты, как отмечает Робер, являлись единственной легальной возможностью для реализации этой цели (Р. 11).

Последняя глава книги имеет раздел «Как родилась революция?» В. Робер полагает, что не следует возвращаться ни к методологии классической политической истории, ни к наследию школы «Анналов». Историк считает, что речь должна идти об углублении анализа и синтезе разнообразных подходов. Современные знания о революциях, по его мнению, заметно продвинулись. То, что правительства Карла X и Луи Филиппа не верили в неизбежность революции, – это, по его убеждению, очевидный факт. В момент публикации ордонансов в июле 1830 г. Полиньяк и Карл X были застигнуты врасплох и не приняли ни малейших мер предосторожности. Мармон, командующий столичным гарнизоном, узнал новость о государственном перевороте в понедельник утром, читая *Le Moniteur*, как и все парижане. Июльская монархия в феврале 1848 г. выглядела еще более прочной: 21 февраля, узнав, что депутаты династической оппозиции отказались от запланированного банкета, Луи Филипп и его окружение сочли, что одержали победу, а многочисленные и хорошо подготовленные силы правопорядка станут гарантией того, что дело не дойдет до возмущений.

Автор полемизирует с известным французским историком Э. Лабруссом, утверждавшим: «Революции происходят вопреки революционерам. Тогда как событие уже произошло, правительство все еще в него не верит. Но средний революционер не хочет революции» (Р. 382). В. Робер же задается вопросом: кто такой «средний революционер»? Ни в 1830 г., ни в 1848 г. не существовало революционной партии в современном смысле этого слова, имевшей возможности и способности увлечь за собой массы. Лабрусс, по мнению Робера, это хорошо понимал, подчеркивая, что, как и в 1789-м, в 1830-м и 1848 годах произошли революции народные, спонтанные и неуправляемые (Р. 382).

Средний революционер, по мнению В. Робера, не может быть описан как член малочисленных революционных организаций, как студент, участник реформированных обществ карбонариев или бывших военных, как член «Общества времен года», продолжавшего конспиративно действовать после заключения в тюрьму О. Бланки. Эти люди, отмечает автор, были слишком малочисленными и маргинальными, чтобы

их можно было квалифицировать как «средних революционеров». Подобный термин, по его мнению, должен применяться по отношению к адвокатам, журналистам, депутатам, которых Июльская революция привела к власти. Это были такие люди, как Ж. Лаффит, А. Тьер, О. Барро, М.-Ж. Лафайет или Ф. Гизо в 1830 г., А. Кремье, А. Ламартин, Л. Блан или А.О. Ледрю-Роллен в 1848 г. Что касается неожиданности революции как для правящего класса, так и для самих республиканцев, то, как отмечает В. Робер, многочисленные свидетельства указывают на удивление, охватившее этих политиков, для которых революция, говоря их же словами, стала громом среди ясного неба.

Для аргументации своей позиции автор анализирует содержание газет за несколько дней до революции и не находит в них призыва к восстанию. Нет ни руководящего органа, чтобы разработать революционный проект, ни военной организации, чтобы его реализовать. Что, следовательно, могло привести в движение толпу, которая строила баррикады и ниспровергала монархию? Для этого был необходим мощный двигатель.

Лабрусс как историк-марксист объясняет события социально-экономическими причинами. Робер полагает, что на современном уровне развития исторической науки такую интерпретацию вряд ли можно признать удовлетворительной. Автор считает, что события 1830 и 1848 годах нельзя объяснить только экономическими проблемами. В 1847 г. был собран хороший урожай, и дела пошли в гору. Кульминация социального кризиса, по мнению Робера, была пройдена за 6-8 месяцев до февраля 1848 г. Это проявилось в волнениях, произошедших в столице, которым не придали большого значения, но которые вызвали беспокойство у наиболее дальновидных наблюдателей.

Обращаясь к причинам революции 1848 г., автор полагает, что, прежде всего, надо говорить о политических факторах, однако считает, что этот анализ не может «принять прежние, более или менее модернизированные формы». «Февральская революция не может рассматриваться, как результат божественного вмешательства в события... не может она восприниматься и как плод республиканского заговора, искусно плетущегося в тени – детективная версия, которая еще находит почитателей. Мобилизация парижской толпы, с риском для жизни людей, надо это признать, не была следствием действий Гавроша, жаждущего услышать свист пуль, или чулочника, недовольного англофильской политикой Гизо: ради этого не рискуют своей жизнью, или, скорее, если и находятся такие горячие и на все способные головы, как Барбес, то толпа остается индифферентной, какой она была в 1839 г.

То, что оказалось поставлено на карту, было гораздо серьезнее и касалось как парижской буржуазии, так и рабочих классов». Фундаментальная ошибка правительства, и особенно министра внутренних дел Т. Дюшателя, имевших только полицейское и политическое видение кризиса, заключалась в том, что они, по мнению историка, не поняли и даже не предположили, что запрет банкета в 12-м округе станет для парижан и для многих французов за пределами столицы точным аналогом ордонансов Карла X, приведших к Июльской революции. «Это было нарушение фундаментальной социальной свободы, естественного права... Для менее политизированной публики это означало нарушение права весело праздновать со своими друзьями или организовывать бал... без необходимости испрашивать разрешения властей. Для более интеллектуальной и политически продвинутой публики это значило запретить вместе думать, вместе просвещаться, вместе мечтать о будущем. Запретить банкет... означало забаррикадировать двери в будущее для всего поколения», – пишет В. Робер.

В феврале 1848 г., его по мнению, в Париже спонтанно сформировался союз между политическим реформистским движением, Национальной гвардией, учащейся молодежью и организациями рабочего класса, объединившимися с целью защиты права собраний, которое у них никто никогда реально не оспаривал со времен Белого террора (Р. 387). «Запретить банкет – это значит запустить механизм революции», такова главная мысль Робера. Банкет – это праздник; это способ снять напряжения, это примирение; запрет его был абсолютно недопустимым шагом, убежден историк (Р. 390, 392).

Несмотря на то, «время банкетов» завершилось в 1848 г., это не означало, что их не было позднее. Весной того же года происходило огромное количество гражданских банкетов, однако они были очень скромными по бюджету, из расчета полтора франка на человека. На двадцать гостей приходилось только 2 кг заливного, два окорока, один фунт сыра, один фунт хлеба, но 15 бутылок вина (в среднем, вино бралось из расчета одна бутылка на человека). Но как же могло быть иначе, задается вопросом автор, если каждый должен был платить свой взнос, и все граждане, богатые и бедные, должны были находиться за одним столом? По мнению В. Робера, никто, ни богатые, ни бедные не были удовлетворены таким скромным обедом: в стране, являвшейся родиной ресторана и высокой кухни, знали толк в еде (Р. 400).

Демократы-социалисты продолжали собираться на банкеты еще в течение последующих двух лет. Банкетов не было при Второй империи,

однако в первые годы Третьей республики радикальные республиканцы попытались склонить оппозицию к проведению банкетных кампаний. Хотя после 1848 г. и особенно после 1881 г., банкеты являлись только одной из форм свободного выражения своих идей, не обязательно наиболее широко используемой, главное заключалось в том, что отныне свободное изъяснение своего мнения стало общепризнанным фактом.

Итак, перед нами еще один взгляд на понимание причин революций, когда через тот аспект политической истории, который прежде казался специалистам незначительным, автор вышел на качественно новый уровень осмысления вопроса о действии революционного механизма. Автор не утверждает, что запрет реформистского банкета стал единственной причиной революции 1848 г. Но, поскольку банкет, как убедительно показал Робер, находился на пересечении всех связей, образовывавших политический, социальный и даже религиозный порядок, запретить его, означало затронуть всю систему мифов, бытовавших в дискурсе, политических институтах и практиках (Р. 393).

Книга Венсана Робера является классическим научным исследованием, но при этом выходит за рамки какой-либо одной методологической парадигмы, обнаруживая не только глубокое знание автором изучаемых событий, но и сопереживание им. Эта сопричастность позволяет и читателю погрузиться в мир Франции XIX столетия, со всеми его кодами, мифами и традициями. В этом заключается одно из главных достоинств книги В. Робера, которая, несомненно, будет полезна и интересна отечественным исследователям.

Список литературы

- Зелдин Т.* Франция. 1848 - 1945. Честолюбие, любовь и политика. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2004. [*Zeldin T.* Francija. 1848 – 1945. Chestoljubie, ljubov' i politika. Ekaterinburg: Izd-vo Ural'skogo universiteta, 2004].
- Мартен-Фюжье А.* Элегантная жизнь, или Как возник «весь Париж», 1815–1848. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1998. [*Martin-Fugier A.* Jelegantnaja zhizn', ili Kak voznik «ves' Parizh», 1815–1848. М.: Изд-во им. Sabashnikovyx, 1998].
- Мильчина В.* Париж в 1814–1848 годах: повседневная жизнь. М.: Новое литературное обозрение, 2013. [*Mil'china V.* Parizh v 1814–1848 godah: povsednevnaia zhizn'. М.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2013].

- Antonetti G.* Lui-Philippe. P.: Fayard, 2002.
- Apponyi R.* «Les Français envient notre bonheur». Journal du compte Rodolphe Apponyi, 1826–1848. P.: Tallandier, 2008.
- Boigne A.* Mémoires de la comtesse de Boigne. P.: Mercure de France, 2005. Т. 1–2.
- Bordonove G.* Talleyrand : Prince des diplomates. P.: Éditions Pigmalion, 2007.
- Broglie G.* Guizot. P.: Perrin, 1990.
- Broglie G.* L'Orléanisme. La ressource liberal de la France. P.: Perrin, 1981.
- Broglie G.* La monarchie de Juillet. 1830-1848. P.: Fayard, 2011.
- Dino D.* (duchesse de Talleyrand et de Sagan). Chronique de 1831 à 1862. Т. 1–4. P.: Elibron Classics, 2005.
- Guiral P.* Adolphe Thiers. P.: Fayard, 1986.
- Mémoires et correspondances du prince de Talleyrand / par E. de Waresquiel. P.: R. Laffont, 2007.
- Price M.* Louis-Philippe. Le prince et le roi. La France entre deux révolutions. P.: Fallois, 2009.
- Rémond R.* La droite en France de la première Restauration a la Ve République. P.: Aubier-Montaigne, 1963.
- Rémond R.* La vie politique en France. 1789–1848. P.: A. Colin, 1965. Т. 1–2.
- Rémond R.* Le XIXe siècle. 1815–1914. P.: Seuil, 1974.
- Rosanvallon P.* Le moment Guizot. P.: Gallimard, 1985.
- Teyssier A.* Luis-Philippe. Le dernier roi des Français. P.: Perrin, 2010.
- Theis L.* Guizot. P.: Fayard, 2008.
- Unger G.* Lamartine. P.: Flammarion, 1998.
- Wagener F.* La comtesse de Boigne. P.: Flammarion, 1997.

Tanishina N. «To prohibit the Banquet is to start up the mechanism of the revolution». Review of the monograph by Vincent Robert «The Time of Banquets. Politics and symbolism of one generation (1818-1848)»

The author of review analyses the book of French historian Vincent Robert, a professor of the University of Paris 1 Panthéon – Sorbonne, who tried to examine the origin of the Revolutions of 1830 and 1848, addressing to such an important, but little known page of French political history, as political banquets. As suggested by Robert, without understanding and studying the phenomenon of the Banquet campaign, it is difficult to form an objective understanding of the reasons for these revolutions. A Banquet for Robert was an important socio-cultural phenomenon of French society. It had various functions, its own symbolism and structure and was an integral part of the political culture of France.

Keywords: Banquet campaign, the Restoration, the July monarchy, political culture in France, propertied democracy, July revolution, the revolution of 1848.

А.Ю. Володин*

КАЗУС ПИКЕТТИ: КАК ФРАНЦУЗСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ИСТОРИК СТАЛ АКАДЕМИЧЕСКОЙ ЗВЕЗДОЙ?

Оригинальная концепция развития капитала в 250-летней перспективе, предложенная Т. Пикетти, позволяет увидеть на примере ведущих стран мира, включая Францию, эмпирическую закономерность: уровень доходности капитала (r) увеличивается устойчиво быстрее, чем уровень экономического роста (g). История распределения богатства рассматривается Пикетти как ключ к пониманию истории страны в целом. Франция для Пикетти – полигон для изучения имущественного расслоения общества, т.к. французские архивы сохранили одну из самых подробных и однородных серий исторических данных о динамике распределения имущества с конца XVIII в. до наших дней. Историко-экономическое исследование неравенства и концентрации капитала во Франции позволяет выявить существенные тенденции неравенства: рост в «Прекрасную эпоху», уменьшение в годы мировых войн и стагнация в «Славное тридцатилетие», новый рост в 1990-2000-е годы.

Ключевые слова: Пикетти, неравенство, экономическая история, дилемма Растиньяка, всемирная база данных высоких доходов.

- Как Французская революция повлияла на темпы мирового экономического роста?
- Еще слишком рано делать выводы¹.

Тома Пикетти – экономист и экономический историк. Симбиоз привычный в Европе, но скорее удивительный в России. Успех Пикетти, названный по-английски «*pikettymania*», крайне необычен. Книга «Капитал в XXI веке», написанная по-французски, оказалась гораздо более по-

* Андрей Юрьевич Володин, кандидат исторических наук, доцент кафедры исторической информатики исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

¹ Так экономисты часто подшучивают над экономическими историками. См.: JokEc – Jokes about Economists and Economics. [Электронный ресурс]. Свободный доступ. URL: <http://economicsscience.net/content/JokEc> (дата обращения: 2.09.2016).

пулярной в переводах, особенно в английском². Вышедшее в Париже в 2013 г. это сочинение было воспринято вполне благосклонно, но никто не мог предугадать, что появление его на английском языке весной 2014 г. вызовет настоящий фурор. Стоило английскому варианту книги оказаться на прилавках, как Пикетти стал настоящей звездой (после статьи в *The Guardian* его стали называть «рок-звездой экономики»). Он выступал в многочисленных ток-шоу, отвечал на вопросы ведущих деловых и финансовых изданий, давал острые, а иногда и остроумные комментарии по вопросам актуальной экономической политики.

Учитывая тот факт, что Франция – страна с относительно небольшим экономическим расслоением крайне чувствительна к проблеме неравенства, а США, напротив, – страна терпимая к неравенству и, вместе с тем, пример одного из самых экономически контрастных обществ, интерес в Америке к «Капиталу в XXI веке» можно назвать неожиданным. Но самым удивительным является то, что получившая мировое признание книга лишь отчасти посвящена современному глобальному капитализму, как можно предположить из названия. Это книга о Франции и лишь затем – о Европе и Новом свете, а точнее – об экономической истории Франции, рассматриваемой не только в контексте становления национальной статистики, точность и разнообразие которой стали важным достижением Французской революции, но и в контексте французской литературы, и только потом – экономическая история Европы и Нового света.

Пикетти родился 7 мая 1971 г. в парижском предместье Клиши-ла-Гаренн. Изучал математику и экономику в Высшей нормальной школе. Уже в 22 года он защитил в Лондонской школе экономики и политических наук докторскую диссертацию (PhD) о теории перераспределения богатств в экономике; она была опубликована и награждена Французской экономической ассоциацией как лучшая диссертация года³. Его исследования были сконцентрированы на проблеме экономического неравенства⁴ и экономике Франции в длительной ретроспективе, а иногда и в сравнении с европейскими и заокеанскими лидерами мирового хозяйства⁵. В 1995 г. Пикетти стал исследователем Национального центра

² Суммарный тираж книги на разных языках составляет уже 2 млн экз., из них четверть на английском. Перевод на русский язык: *Пикетти Т. Капитал в XXI веке* / Пер. с фр. А.Л. Дунаев, науч. ред. А.Ю. Володин. М.: АдМаргинем Пресс, 2015. Историко-экономические данные, использованные в книге опубликованы на: [Электронный ресурс]. Свободный доступ. URL: <http://piketty.pse.ens.fr/en/capital21c> (дата обращения: 2.09.2016).

³ *Piketty T. Introduction à la théorie de la redistribution des richesses. P., 1994.*

⁴ См., например: *Piketty T. L'Économie des inégalités, P., 1997.*

⁵ Его книга *Piketty T. Les Hauts Revenus en France au XXe siècle. P., 2001* стала и

научных исследований (CNRS), и всего через пять лет – профессором (directeur d'études) в Высшей школе социальных наук, куда давно мечтал попасть. В 2002 г. Пикетти был присуждена премия как лучшему молодому экономисту Франции.

В 2006 г. открывается новая важная страница в биографии Пикетти – он становится одним из организаторов и первым руководителем Парижской школы экономики, в которой он работает и по сей день. В 2013 г. «Капитал в XXI веке» выходит по-французски, а Пикетти получает престижную премию «Yrjö Jahnsson Award», вручаемую экономистам моложе 45 лет за «вклад в теоретические и прикладные исследования, имеющие важное значение для изучения экономики в Европе». Он также является постоянным обозревателем французской газеты *Libération* и колумнистом *Le Monde*.

Пикетти отметился и в политике. В частности, во время президентской избирательной кампании 2006 г. он являлся экономическим советником кандидата от французской социалистической партии Сеголен Руаяль, а в 2012 г. подписал открытое письмо в поддержку Франсуа Олланда. Но после того как правительство Олланда не реализовало программу по прогрессивному налогообложению сверхдоходов во Франции, Пикетти отказался от ордена Почетного легиона, заявив, что правительству лучше бы заботиться о росте экономики, а не о раздаче наград.

В своей книге Пикетти ехидно отмечает, что во Франции экономисты не слишком почитаемы ни в интеллектуальном и университетском мире (как, например, в США), ни среди политической и финансовой элиты. «Это вынуждает их избавляться от презрительного отношения к другим наукам и от абсурдной претензии на высшую научность, в то время как на деле они практически ничего не знают». Шарм экономической науки и вообще социальных наук для Пикетти заключается в том, что «здесь можно начать с низких, иногда очень низких исходных позиций и добиться заметных успехов». Тем не менее, для экономистов особенно важно «попытаться убедить своих коллег историков и социологов и, в целом, внешний мир в важности того, что они делают (и не факт, что им это удастся)». Именно в этом Пикетти видит французский взгляд на проблемы социальных наук. «Преподавая в Бостоне, – вспоминает он, – я мечтал попасть в Высшую школу социальных наук, в которой блистали такие ученые, как Люсьен Февр, Фернан Бродель, Клод Леви-Стросс, Пьер Бурдьё, Франсуаза Эритье, Морис Годелье и многие другие». При этом, французскую

стимулом, и предтечей дальнейшего сравнительного изучения разницы в доходах на труд и капитал.

социальную мысль он прямо противопоставляет американской (Роберту Солоу или даже Саймону Кузнецу)⁶. Подспудным аргументом в пользу силы континентальной социально-экономической мысли может служить и тот факт, что термин «капитал» приобрел новое звучание в работе немецкого ученого К. Маркса, а 146 лет спустя – новую силу и популярность в «Капитале в XXI веке» француза Т. Пикетти.

«Капитал» Пикетти состоит из четырех почти самостоятельных частей. Первая часть посвящена экономической теории, которую автор называет политической экономией: в ней разбираются такие понятия как «доход» и «капитал». Во второй части автор переходит от наблюдения явления к изучению динамики и метаморфоз соотношения капитала и дохода. Здесь большая часть наблюдений посвящена Франции, а помимо нее – Британии, Германии и США). Третья часть исследует структуру неравенства, особое внимание уделяется различиям в структуре неравенства трудовых доходов и доходов с капитала, в том числе и так называемой «дилемме Растиньяка»: что доходнее – хорошо учиться или удачно жениться? И наконец, в четвертой части, которая становится своеобразным демократическим манифестом против роста неравенства, Пикетти призывает примирить капитализм и демократию, установив правила глобального регулирования для капитала.

Говоря о неравенстве, автор всегда обращался к весьма широкой трактовке капитализма в Новое время, понимая капиталистическую систему как особый общественный договор, когда капиталистическая концентрация часто вступает в противоречие с провозглашаемыми демократическими и меритократическими принципами. Призыв вернуться к изучению политической экономии в контексте длительной исторической ретроспективы – важная часть исследовательского проекта Пикетти, пытающегося объединить глубину размышлений классиков экономической мысли и современное разнообразие количественных и качественных данных⁷.

Цитата из первой статьи «Декларации прав человека и гражданина» – «Общественные различия могут основываться лишь на общей пользе» – стала эпиграфом к «Капиталу» Пикетти не случайно. С точки зрения автора, именно Французская революция открыла новые возможности одновременно и для капитализма, и для сбора статистики и общественного контроля. Франция для Пикетти – полигон для изучения имущественного

⁶ Пикетти Т. Указ. соч. С. 50.

⁷ См.: *Piketty T. Vers une économie politique et historique. Réflexions sur le capital au XXIe siècle // Annales. Histoire, Sciences Sociales. 2015. № 1 (janvier-mars)*. Перевод на русский язык: *Пикетти Т. К политической и исторической экономии. Размышления о капитале в XXI веке // Экономическая история. 2015. № 4.*

расслоения общества, именно во французских архивах можно собрать однородные исторические данные о динамике распределения имущества с конца XVIII в. до наших дней. Объясняется это тем, что в 1791 г. после отмены налоговых привилегий знати был введен налог на наследство и дарения, благодаря которому появилась практически всеохватывающая система учета имущества. Налог на наследство распространялся на все виды имущества и собственности, кто бы ими ни владел и какой бы ни была их стоимость; с 1791 г. он вошел в число «пошлин на оформление перехода права собственности». Иными словами, каждый собственник, как крупный, так и мелкий, мог зарегистрировать свое имущество и быть уверенным в защите своих прав. В этом вопросе Франция существенно обогнала другие страны: в Великобритании подобные налоги появились в 1894 г., а в США – только в 1916 г. Таким образом, Франция является фактически единственным хорошо задокументированным примером истории накопления и распределения богатств, на основе которого можно понять, как капитализм развивался в «Прекрасную эпоху» (1890-1914 гг.), и оценить эффект от потрясений Первой мировой войны.

Пикетти часто использует именно французские представления об исторической хронологии, отыскивая общие черты «Прекрасной эпохи» или «Славного тридцатилетия» (1946-1973) для разных стран мира. Это позволяет ему сделать макроэкономические обобщения и выявить, что «Прекрасная эпоха» существенно отличается от «нулевых» годов XXI в. Но вместе с тем, сегодня уже сложно представить и ситуацию относительного экономического равенства и достатка «Славного тридцатилетия», когда после невзгод Великой депрессии и Второй мировой войны трудовые доходы могли обеспечить семью совсем не хуже доходов с капитала.

Модель Пикетти можно сформулировать следующим образом: в истории всех обществ существует два основных способа достичь благополучия – путем труда или за счет наследства. При анализе долгосрочной динамики выясняется, что гиперконцентрацию богатства в Европе в руках немногих можно объяснить относительно невысокими темпами экономического роста. И любопытно то, что в исторической перспективе удивительно высокие темпы роста «Славного тридцатилетия» могут оказаться весьма необычным исключением. Ведь сегодня мы снова живем, как и много веков назад, во времена относительно низких темпов экономического роста, а значит рискуем достаточно быстро оказаться в плену «патримониального капитализма», при котором экономический контроль во многих странах находится в руках богатых династий, а проблемы неравенства сохраняются как пагубное наследство богатств про-

шлого. По сути, сегодня экономика постепенно возвращается к былой степени концентрации капитала, которая была характерна для XIX в. и основывается на тесноте родственных связей. Получается, что меритократия превращается в миф, а олигархия – в реальность. Но исторический процесс устроен сложно: и силы расхождения, увеличивающие неравенство, и силы схождения, уменьшающие, находятся в постоянном противоборстве.

Проблема капитала и капитализма рассматривается сегодня в качестве одной из универсальных проблем истории человечества. Примером тому может служить глобальная «Кембриджская история капитализма», открывающаяся исследованием капиталистических отношений в глубокой древности⁸. Однако само понятие «capitalisme» появилось во французском языке примерно в 1753 г. (и было синонимом богатства, «état de celui qui est riche»), и лишь к середине XIX в. капитализм стал означать по-французски экономическую систему (хотя и в весьма расширительном определении «système de capitalization»). Причем споры о главных чертах капитализма – будь то концентрация капитала, частная собственность или рыночный обмен – ведутся до сих пор. Пикетти обратился, вероятно, к самой социальной стороне капитализма: неравенству. Вопрос о неравенстве, а точнее вопрос о распределении богатств, которым экономисты задавались со времен Адама Смита, касается не только накоплений и вложений ныне живущих людей, но и наследств, закономерности в распределении которых можно наблюдать на данных о нескольких поколениях. Именно по этой причине самой сложной и трудоемкой частью работы Пикетти были сбор, систематизация и визуализация экономических данных со времен Французской революции до наших дней⁹.

Французская революция воплотила в жизнь в данной сфере два основных принципа: отмену майората и равный раздел имущества между братьями и сестрами, закрепленный в Гражданском кодексе. По данным статистики, после 1804 г. во Франции доля наследства, которой родители, имевших трех и более детей, могли свободно распоряжаться по завещанию, составляла всего ¼ от общего объема имущества. Не следовать этой норме можно было только в исключительных случаях, к примеру,

⁸ The Cambridge history of capitalism / Ed. by L. Neal and J.G. Williamson. Vol. 1: The rise of capitalism: from ancient origins to 1848; Vol. 2: The spread of capitalism: from 1848 to the present. Cambridge, 2015.

⁹ Сегодня эти данные общедоступны на: [Электронный ресурс]. Свободный доступ. URL: <http://piketty.pse.ens.fr> (дата обращения: 2.09.2016), а также на сайте проекта «Всемирная база данных высоких доходов»: World top incomes database, WTID. [Электронный ресурс]. Свободный доступ. URL: <http://topincomes.parisschoolofeconomics.eu> (дата обращения: 2.09.2016).

когда дети убивали нового супруга или супругу одного из родителей. Принцип равенства, когда младшие сыновья и дочери обладали такими же правами, что и старшие, и не зависели от капризов родителей, должен был гарантировать экономическую свободу и эффективность. Отмена фидеикомиссов, которые порицались и Вольтером, и Руссо, и Монтескье, должна была привести к свободному обращению имущества, что теоретически позволяло бы его использовать наилучшим образом, независимо от выраженного при жизни желания умерших предков.

На практике справедливость распределения была совсем не столь очевидной. Как показывает историко-экономический анализ данных, в ведущих европейских державах XIX в. – Франции или Британии – наблюдалась крайне высокая степень концентрации богатства (для Пикетти богатство и капитал часто синонимичны). Так, в 1910 г. богатейшие 10% (дециль) населения владели примерно 80% национального богатства, причем самые богатые из них (1% или центиль) владели почти половиной национального богатства. Таким образом, остальные 90% населения довольствовались немногим, а часто и вовсе ничем. Например, в Париже, где Гражданский кодекс Наполеона применялся со всей строгостью с 1804 г. и где неравенство нельзя, как в Англии, объяснить традициями наследования аристократов, верхняя центиль в иерархии состояний 1913 г. владела более 70% общего имущества, то есть ее доля превышала британские показатели. Эти реалии производили столь сильное впечатление, что нашли отражение даже в мире искусства – в мультфильме «Коты-аристократы», действие которого разворачивается в Париже в 1910 г.¹⁰

Пикетти подчеркивает, что тезис Маркса о тенденции к снижению с течением времени нормы прибыли оказался ошибочным. В любом случае, доходность капитала, в какую бы юридическую форму эти доходы ни облекались (прибыль, арендные платежи, дивиденды, проценты, роялти, прирост капитала и т. д.), крайне важна для понимания экономической динамики. Доходность, конечно, существенно варьируется в зависимости от вида вложений капитала: некоторые предприятия могут иметь доходность более 10% в год, а другие, напротив, работать в убыток. По данным Пикетти, средняя доходность акций в долгосрочной перспективе составляет 7–8%, тогда как вложения в недвижимость и облигации обычно не приносят более 3–4%, а реальная процентная ставка по государственному долгу иногда оказывается лишь в районе двух процентов.

Почему это важно? Прежде всего, по той причине, что теоретически предполагалось (в основном, благодаря гипотезе С. Кузнецца), что эконо-

¹⁰ Пикетти Т. Капитал в XXI веке. С. 363.

номическое развитие индустриального общества должно привести к сокращению неравенства¹¹. Однако, данные собранные Пикетти, говорят лишь о том, что сокращение неравенства оказалось случайным, а не закономерным явлением. Траектория развития соотношения роста доходов и капиталов во Франции была достаточно стабильной в XVIII и XIX вв., затем в XX в. страна испытала экономический шок, после которого, к началу XXI в. это соотношение вернулось к значениям, близким к ситуации «Прекрасной эпохи». В XVIII-XIX вв. во Франции общая стоимость национального капитала примерно была равна национальному доходу за 6-7 лет. Первая мировая война, межвоенные кризисы и Вторая мировая война привели к резкому падению соотношения между капиталом и доходом. Напротив, послевоенное восстановление экономики (в том числе и восстановление устойчивой доходности финансов) спровоцировало рост соотношения между капиталом и доходом, который продолжается до сих пор. Так, к началу 2010-х годов общая стоимость капитала во Франции уже равна национальному доходу более, чем за 6 лет (для сравнения: в 1980-е годы – за 4 года, в 1950-е гг. – за 2).

Такие тенденции экономического развития можно объяснить военными, политическими и экономическими конфликтами XX в., причем одной из главных причин стали изменения в структуре капитала, частной собственности и распределения богатства как во Франции, так и в мировом масштабе. По сравнению с XX в. Пикетти называет XVIII и XIX вв. довольно мирными. Но особый акцент он делает на циклическом развитии процесса концентрации капитала. И даже если учесть неточность и относительность подобных расчетов, очевидно, что в 1990–2000-е годы Франция (равно как и другие экономически развитые страны) вновь обрела имущественное неравенство, невиданное со времен «Прекрасной эпохи». Могло показаться, что капитал в значительной части исчез к середине XX в. (Кейнс это называл «эвтаназией рантье»), но в начале XXI в. он вернулся вновь, напоминая о своих успехах в XVIII и XIX вв. Богатство заиграло новыми красками, создав иллюзию, что капитализм вышел на новый структурный уровень. При этом словно в ответ на французскую модель рантье «Прекрасной эпохи» сегодня стала формироваться новая модель топ-менеджеров. Взрывной рост зарплат топ-менеджеров, начиная с США и заканчивая крупнейшими странами Европы, оказался новым фактором экономического расслоения в 1990-е – 2000-е гг.

¹¹ *Kuznets S. Economic Growth and Income Inequality // American Economic Review. 1955. 45 (March). P. 1–28.*

Для лучшего понимания экономических процессов, с точки зрения Пикетти, немало пищи для размышлений дает французская литература. К примеру, литературный персонаж Вотрен, обрисовавший для Растиньяка сложности выбора между хорошей учебой и удачной женитьбой, формулирует важную дилемму: что доходнее труд или капитал? Небольшое имение Растиньяков, расположенное близ Ангулема, приносило порядка 3 тыс. франков, что было примерно в 6 раз больше среднего дохода. Бальзак рассматривает такую жизнь как типичный пример мелкого провинциального безденежного дворянства, которое могло выделить всего 1200 франков в год на оплату учебы Эжена в столице. Вотрен доказывает, что ежегодный оклад в 5 тыс. франков (выше среднего дохода примерно в 10 раз) – это максимум, на который молодой Растиньяк сможет рассчитывать, если, приложив много усилий, дослужится до должности королевского прокурора. Что совсем немного и лишь доказывает, что учеба ничего не дает. Бальзак рисует картину общества, где экономическая цель состоит в том, чтобы достичь уровня, превышающего средний доход того времени в десятки раз. Или даже в 100 раз, если бы Растиньяк мог получать по 50 тыс. франков ежегодной ренты в случае женитьбы на мадмуазель Викторине с ее миллионным приданным. Если посмотреть на динамику развития экономики, «дилемма Растиньяка» может оказаться актуальна и в наши дни, когда уровень доходности капитала возвращается к показателям «Прекрасной эпохи» рубежа XIX-XX вв.

По мнению Пикетти, новая стадия усиления неравенства начинается в послевоенной Франции. Причем эта стадия вряд ли является лишь временным колебанием и, более того, сильно напоминает тенденции XIX в. Если в годы Второй мировой войны доля прибыли капитала достигла исторических минимумов, то к 1966–1967 гг. динамика прибыли капиталов оказалась на высоком уровне. Если же в доходы с капитала включить, например, арендные платежи (а не только прибыль), то обнаружится, что в 1990–2000-е годы рост доли капитала в национальном доходе еще больше ускорился. Помимо этого, в конце 1990-х годов во Франции проявилась новая тенденция к резкому росту сверхвысоких зарплат, особенно у руководителей высшего звена в крупных компаниях, равно как и зарплаток в финансовой сфере.

Пикетти разделяет точку зрения о том, что «история распределения богатства во все эпохи представляет собой ключ к пониманию истории страны в целом»¹². Неравенство Пикетти – $r > g$ – формула, характеризующая главный тезис книги. За последние 250 лет можно наблюдать,

¹² *Пикетти Т. Капитал в XXI веке. С. 273.*

как уровень доходности капитала (r) устойчиво увеличивается и остается выше, чем общий уровень экономического роста (g); в том числе и во Франции. Очевидным следствием из этого наблюдения является все возрастающая концентрация богатства, которая оказывается в прямом противоречии с демократическими лозунгами о равенстве возможностей. Таким образом, если посмотреть на историю развития капитализма в Новое время, можно убедиться, что неравенство не случайно, напротив, неравенство является необходимой чертой современного капитализма. Новая капиталистическая реальность требует новых решений, которые могут опираться на исторические аналогии. К примеру, сто лет назад подоходный налог казался странной и удивительной мерой. Но, памятуя, что «отказ считать деньги редко когда играет на руку самым бедным»¹³, следует учитывать, что массовое общество, где каждый взрослый человек становится «капиталистом» поневоле, хотя бы при некотором уровне финансовых знаний, может оказаться значимой силой для массового капитализма в XXI в. Но это уже совсем другая история.

Список литературы

- Пикетти Т.* К политической и исторической экономии. Размышления о капитале в XXI веке // Экономическая история. 2015. № 4. С. 7-19. [*Piketti T.* K politicheskoj i istoricheskoj jekonomii. Razmyshlenija o kapitale v XXI veke // Jekonomicheskaja istorija. 2015. № 4. S. 7-19.]
- Пикетти Т.* Капитал в XXI веке / Пер. с фр. А.Л. Дунаев, науч.ред. А.Ю. Володин. М.: АдМаргинем Пресс, 2015. [*Piketti T.* Kapital v XXI veke / per. s fr. A.L. Dunaev, nauch. red. A.Ju. Volodin. M.: AdMarginem press, 2015.]
- Kuznets S.* Economic Growth and Income Inequality // American Economic Review. 1955. 45 (March).
- Piketty T.* Introduction à la théorie de la redistribution des richesses. P. : Économica, 1994.
- Piketty T.* L'Économie des inégalités, P.: la Découverte, 1997.
- Piketty T.* Les Hauts Revenus en France au XXe siècle. P. : B. Grasset, 2001.
- Piketty T.* Vers une économie politique et historique. Réflexions sur le capital au XXIe siècle // Annales. Histoire, Sciences Sociales. 2015. № 1 (janvier-mars). P. 125-138.

¹³ Ibid. С. 591.

The Cambridge history of capitalism / Ed. by L. Neal and J.G. Williamson. Cambridge: Cambridge university press, 2015. 2 vol.
World top incomes database (WTID). URL: <http://topincomes.parisschoolofeconomics.eu>

Volodin A. Piketty Case: How French Economic Historian Became the Academic Star?

The original concept of capital development in the 250-year dynamics proposed by T. Piketty allows on the examples of the world leading countries, including France, to see the empirical regularity that the level of return on capital (r) grows steadily faster than the economic growth rate (g). Piketty considers wealth distribution in historical retrospective as the clue to understand the economic history of the country. France for Piketty is a testing area for the study of property stratification in society, as French archives have preserved the most detailed and homogeneous series of historical data on the dynamics of asset allocation from the end of the 18th century to the present day. Historical and economic study of inequality and the concentration of capital in France reveals significant trends in inequality growth during the Belle Époque, then the decrease during the World Wars and the stagnation in the glorious thirty years, and growth anew in 1990-2000s.

Keywords: Piketty, inequality, economic history, Rastignac's dilemma, world top incomes database, pikettymania.

ИСТОРИЯ ФРАНЦИИ**Указатель литературы на русском языке за 2015 г.***Ю.П. Крылова***Источники**

- Нодье Ш.* Сказки здравомыслящего насмешника. / Пер., сост., вст. ст. и прим. В.А. Мильчиной. М.: Текст, 2015. 320 с.
- Отман Ф.* Франкогаллия / Публ., вступ. ст., комм. И.Я. Эльфонд. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2015. 280 с.
- Протонации Южного Урала и Среднего Поволжья во французских репрезентациях XVIII–нач. XX в. / Сост., науч. ред. и прим. И.В. Кучумов. СПб.: Своё издательство, 2015. 144 с.
- Теодор де Лагрене о цензуре в Российской империи (1825 г.). / Пер. с фр. яз., вступ. ст. и комм. Т. Н. Гончаровой // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. СПб., 2015. № 15. С. 192–225.
- Хроники Фредегара / Пер. с лат., комм., вступ. ст. Г.А. Шмидта. СПб.: Евразия; М.: ИД Клио, 2015. 464 с.

Общие работы

- Кириллова Е.Н.* «Иностранцы» в истории французских корпораций и мануфактур // Этнос и «нации» в Западной Европе в Средние века и раннее Новое время / Отв. ред. Н.А. Хачатурян. СПб., 2015. С. 292–307.
- Кириллова Е.Н.* Личный выбор и модели поведения: социальные тактики и стратегии в истории // Моделирование социальной среды: европейский опыт Средневековья и Нового времени / Отв. ред. Е.Н. Кириллова. М., 2015. С. 5–11.
- Кириллова Е.Н.* Отказ от должности: мастера–присяжные в Реймсе XIV–XVIII вв. // Моделирование социальной среды: европейский опыт Средневековья и Нового времени / Отв. ред. Е.Н. Кириллова. М., 2015. С. 167–193.
- Кому благоволит Фортуна? Счастливицы и неудачники при дворе в Средние века и Новое время. / Отв. ред. Ю.П.Крылова. М.: ИВИ РАН, 2015. 225 с.
- Моделирование социальной среды: европейский опыт Средневековья и Нового времени / Отв. ред. Е.Н. Кириллова. М.: ИВИ РАН, 2015. 194 с.

- Пастуро М.* Синий. История цвета / Пер. с фр. Н. Кулиш. М.: НЛО, 2015. 144 с.
- Россия и Франция: диалог культур. Ст. и мат. памяти Катрин Вьолле / Сост. Е.Е. Дмитриева. Тверь: Изд-во М. Батасовой, 2015. 304 с.
- Русско-французский разговорник, или / ou Les Causeries du 7 Septembre: Сб. ст. в честь В.А. Мильчиной. М.: НЛО, 2015.
- Сцены частной и общественной жизни животных / Вст. ст., пер., прим. В.А. Мильчиной. М.: НЛО, 2015. 656 с.
- Уваров П.Ю.* Между «ежами» и «лисами». Заметки об историках. М.: НЛО, 2015. 280 с.
- Этносы и «нации» в Западной Европе в Средние века и раннее Новое время / Отв. ред. Н.А. Хачатурян. СПб.: Алетейя, 2015.

Средние века и раннее Новое время

- Алтухова Н.И.* Что могут сказать квитанции бюро нерегулярных доходов о Религиозных войнах во Франции? // Религиозные войны во Франции XVI века. Новые источники, новые исследования, новая периодизация. / Отв. ред и сост. В.В. Шишкин, Ю. Досси, СПб.- М., 2015. С. 98–112.
- Асейнов Р. М.* Образ Филиппа Доброго в восприятии бургундских придворных хронистов // ЭНОЖ «История». Тема: Французский ежегодник-2014. 2015. Т.6. Вып. 4 (37). <http://history.jes.su/s207987840000997-5-1>.
- Басовская Н.И.* Екатерина Медичи и конец династии Валуа // НиНИ. №5. С. 179–184.
- Брюне С.* Кальвинистские консистории и муниципалитеты французского юга во время первых религиозных столкновений (1560–1562) // Религиозные войны во Франции XVI века. Новые источники, новые исследования, новая периодизация. / Отв. ред и сост. В.В. Шишкин, Ю. Досси, СПб., М., 2015. С. 132–149.
- Великанова О.А.* Возвышение политического центра в ходе объединительных процессов в России и Франции в XIV–XVI вв. в российской и французской историографии // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2015. № 2 (155). С. 92–97.
- Виколова Л.Г., Васильева Е.Г.* Выбор имени как инструмент укрепления династической власти в раннем Средневековье (Франция, V–X вв.) // Верхневолжский филологический вестник. Ярославль, 2015. № 2. С. 58–64.
- Вьенно Э.* Преимущественное право мужчины и французский дух монарха Лилии: обсуждение Салической правды и создание консенсуса во время последней религиозной войны XVI столетия // Религиозные

- войны во Франции XVI века. Новые источники, новые исследования, новая периодизация. / Отв. ред и сост. В.В. Шишкин, Ю. Досси, СПб., М., 2015. С.227-240.
- Деббажи-Баранова Т.* Печатные издания и политическая игра во время Гражданских войн. Пример протестантской партии (1562–1570) // Религиозные войны во Франции XVI века. Новые источники, новые исследования, новая периодизация. / Отв. ред и сост. В.В. Шишкин, Ю. Досси, СПб., М., 2015. С. 79-97.
- Дмитриев М.В.* «Bons et naturels Français». Католицизм и дискурсы французской идентичности в годы Парижской лиги // Религиозные войны во Франции XVI века. Новые источники, новые исследования, новая периодизация. / Отв. ред и сост. В.В. Шишкин, Ю. Досси, СПб., М., 2015. С. 241-268.
- Досси Ю.* Гугенотская дипломатия во время первых Гражданских войн (1562–1570) // Религиозные войны во Франции XVI века. Новые источники, новые исследования, новая периодизация. / Отв. ред и сост. В.В. Шишкин, Ю. Досси, СПб., М., 2015. С.167-184.
- Елагина Н.А.* Мария Стюарт и Религиозные войны во Франции (по материалам Отдела рукописей РНБ) // Религиозные войны во Франции XVI века. Новые источники, новые исследования, новая периодизация. / Отв. ред и сост. В.В. Шишкин, Ю. Досси, СПб.- М., 2015. С.43-55.
- Журбина А.В.* «Всякий король и принц должны жить благоразумно...»: переводчик и поэт Франсуа Абер при дворе Генриха II // ЭНОЖ «История». Тема: Французский ежегодник-2014. 2015. Т.6. Вып. 4 (37). <http://history.jes.su/s207987840001007-6-1>.
- Земляничин В.А.* Аррасский договор 1435 г. в системе международных отношений первой половины XV в. // Псковский военно-исторический вестник. 2015. № 1. С. 61-65.
- Колпаков М.Ю.* «Русь» и «русские» в французской исторической памяти эпохи Средневековья // Иностраный язык и культура в контексте образования для устойчивого развития Межвуз. сб. науч.-методич. ст. Псков, 2015. С. 197-209.
- Крузе Д.* История наизнанку? Король и религиозный раскол во Французском королевстве в XVI в. // Религиозные войны во Франции XVI века. Новые источники, новые исследования, новая периодизация. / Отв. ред и сост. В.В. Шишкин, Ю. Досси, СПб.- М., 2015. С.269-294.
- Крылов П.В.* «Никакой пророк не принимается в своем отечестве...», или Как Жанна д'Арк стала «Девой из Лотарингии» // Проблемы социаль-

- ной истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени. СПб., 2015. № 12. С. 252-268.
- Крылова Ю.П.* «Неудачно сказанное слово хуже удачного удара мечом». Речь в придворной повседневности Бургундии XV в. // ЭНОЖ «История». Тема: Французский ежегодник-2014. 2015. Т.6. Вып. 4 (37) <http://history.jes.su/s207987840001020-1-1>.
- Крылова Ю.П.* «Обманутый при дворе»: от индивидуального опыта к общей практике? // Повседневные практики Средневековья и Нового времени: от информации уникальной к информации верифицируемой. / Под ред. О.И. Тогоевой. М., 2015. С. 151-168.
- Крылова Ю.П.* «Указующий перст», или Загадка манускрипта №1693 // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории. Вып. 10. М., 2015. С. 59-72.
- Крылова Ю.П.* Обиженные и оскорбленные. Авторы французских антикуриальных сочинений XV в. // Кому благоволит Фортуна? Счастливицы и неудачники при дворе в Средние века и Новое время. / Отв. ред. Ю.П. Крылова. М., 2015. С. 65-81.
- Кузьмина М.В.* «Историописатели второго плана» – кто они? (некоторые подходы к проблеме на примере двух средневековых французских авторов) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. История. Вып. 4. СПб, 2015. С. 66-77.
- Кузьмина М.В.* Пределы толерантности (терпимости) во французском обществе XIV-XV вв. // Проблемы толерантности: история и современность. Мат-лы межд. науч. конф. Череповец, 2015. С. 5-7.
- Кузьмина М.В.* Сравнительный метод в историческом знании (на примере нарративных источников Франции XIV-XV вв.) // Проблемы исторического познания. М., 2015. С. 223-241 (То же в: ЭНОЖ «История», 2015. Т. 6. Выпуск 7 (40) <http://history.jes.su/s2079878400001224-5-1>).
- Ле Жан Р.* Каролингские элиты и король в середине IX в.: статус и верность. / Пер. с фр. А. И. Сидорова // ЭНОЖ «История». Тема: Французский ежегодник-2014. 2015. Т. 6. Вып. 4 (37). <http://history.jes.su/s207987840001004-3-1>.
- Логутова М.Г.* Портрет нидерландского священника эпохи Контрреформации (по рукописи РНБ) // Религиозные войны во Франции XVI века. Новые источники, новые исследования, новая периодизация. / Отв. ред и сост. В.В. Шишкин, Ю. Досси, СПб., М., 2015. С. 27-42.
- Лугачев А.А.* Франция и Англия: две крайности абсолютной монархии в истории средневековой Европы. М.: НИПКЦ «Восход-А», 2015. 147 с.

- Назарьева Н.С. «Инфрасудебные практики» в Париже раннего Нового времени по материалам нотариальных актов. // СВ. Вып. 76 (3-4). М., 2015. С. 392-406.
- Носова Е.И. Механизмы семейной протекции при дворе герцогов Бургундских // ЭНОЖ «История». Тема: Французский ежегодник – 2014. 2015. Т.6. Вып. 4 (37). <http://history.jes.su/s207987840001010-0-1>.
- Нуждин О.И. Семейство Валуа в начале XV в.: конфликт на фоне эпохи // Научный диалог. 2015. № 1 (37). С. 66-79.
- Окунева О.В. «Антарктическая Франция» в Бразилии: преддверие Религиозных войн во Франции? // Религиозные войны во Франции XVI века. Новые источники, новые исследования, новая периодизация / Отв. ред и сост. В.В. Шишкин, Ю. Досси, СПб.- М., 2015. С. 207-224.
- Окунева О.В. «Гвоздь дороже эю»: повседневные практики общения и меновая торговля между французами и бразильскими индейцами в XVI веке // Повседневные практики Средневековья и Нового времени. От информации уникальной к информации верифицируемой / Отв. ред. О.И. Тогоева. М., 2015. С. 25-68.
- Питулько Г.Н. Редкие издания эпохи Религиозных войн во Франции в БАН в Санкт-Петербурге // Религиозные войны во Франции XVI века. Новые источники, новые исследования, новая периодизация. / Отв. ред и сост. В.В. Шишкин, Ю. Досси, СПб.- М., 2015. С.69-75.
- Польская С.А. «... Как добрый судья ...»: проблема делегирования функции правосудия французской короны // Гуманитарные и юридические исследования: Научно-теоретический журнал / Гл. ред. И.В. Крючков. 2015. Вып. 2 (6). С.23-27.
- Польская С.А. Образ монарха и образ Парижа в процедурах посткоронационного въезда (XIV-XV вв.) // Историческая наука и образование в начале XXI в.: проблемы и перспективы развития: Сб. науч. ст. / Отв. ред. И.В. Крючков. Ставрополь, 2015. С. 77-81.
- Польская С.А. Теория и практика французского средневекового судопроизводства: изъятие из общего правила // Гуманитарные и юридические исследования: Научно-теоретический журнал / Гл. ред. И.В. Крючков. 2015. Вып. 1. С. 101-104.
- Польская С.А. Цвет власти под властью цвета: хроматическое решение образа короля в политическом церемониале французской монархии // Власть и её пределы в Средние века и раннее Новое время: Сб. науч. ст. / Под ред. П.Ю. Уварова и С.К. Цатуровой. М., 2015. С.199-212.
- Прокотьев А.Ю. Немецкое дворянство и французский религиозный конфликт XVI в. // Религиозные войны во Франции XVI века. Новые ис-

- точники, новые исследования, новая периодизация. / Отв. ред и сост. В.В. Шишкин, Ю. Досси, СПб., М., 2015. С.185-206.
- Религиозные войны во Франции XVI века. Новые источники, новые исследования, новая периодизация / Отв. ред. и сост. В.В.Шишкин, Ю. Досси. СПб.: Евразия, М.: ИД Клио, 2015. 352 с.
- Сидоров А.И. Историческая книга во времена Каролингов в контексте книжной культуры франков (VIII – X вв.). СПб.: Гуманитарная академия, 2015. 316 с.
- Собрание П.П. Дубровского в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге. Французские автографы времен Религиозных войн во Франции (1559-1598). Суммарный каталог / Сост. Шишкин В.В. // Религиозные войны во Франции XVI века. Новые источники, новые исследования, новая периодизация / Отв. ред. В.В. Шишкин, Ю. Досси. СПб., М., 2015. СПб.- М., 2015. С. 297-347.
- Тогоева О.И. Жанна д'Арк и двор Карла VII. История предательства Девы глазами современников и потомков // ЭНОЖ «История». Тема: Французский ежегодник-2014. 2015. Т.6. Вып. 4 (37). <http://history.jes.su/s207987840001052-6-1>.
- Тогоева О.И. «Мне день и ночь покоя не дает мой черный человек...»: демоны одержимых во Франции XVI в. // Оборотни и оборотничество: стратегии описания и интерпретации. Мат. межд. конф. (Москва, РАНХиГС, 11-12 декабря 2015 г.) / Отв. ред. Д.И. Антонов. М., 2015. С. 87-90.
- Тогоева О.И. «Портрет» Жанны д'Арк на полях журнала Клемана де Фокамберга // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории – 2010-2013 / Под ред. О.И. Тогоевой и И.Н. Данилевского. Вып. 10. С. 73-94.
- Тогоева О.И. «Свадьба под виселицей». К вопросу о функционировании неписаной правовой традиции в средневековой Франции // СВ. Вып. 76 (3-4). М., 2015. С. 376-391.
- Тогоева О.И. Когда преступник – свинья. «Дурные обычаи» и неписанные правила средневекового правосудия // Многоликая софистика: нелегитимная аргументация в интеллектуальной культуре Европы Средних веков и раннего Нового времени / Отв. ред. П.В. Соколов. М., 2015. С. 403-436.
- Тогоева О.И. Можно ли говорить о запретном? Интимная жизнь людей Средневековья в пространстве публичной полемики // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. 2015. Вып. 23. С. 23-63.
- Тогоева О.И. С глаз долой – из сердца вон, или Падение Жоржа де Ла Тремуйя // Кому благоволит Фортуна? Счастливы и неудачники при

- дворе в Средние века и Новое время / Отв. ред. Ю.П. Крылова. М., 2015. С. 47-64.
- Третьякова М.В.* Портреты королевских и придворных лиц при дворе французского короля Генриха II по сведениям венецианского посла Джакомо Соранцо // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2015. № 5-6. С. 143-149.
- Уваров П.Ю.* Коллизия в Парижском университете 1543 г. Сценарий и комментарий // СВ. Вып. 76 (1-2). М., 2015 С. 161-190.
- Уваров П.Ю.* Накануне больших потрясений: послание епископа Неверского королю Генриху II (1599 г.). Рукопись из Библиотеки Св. Женеви́евы // Религиозные войны во Франции XVI века. Новые источники, новые исследования, новая периодизация. / Отв. ред и сост. В.В. Шишкин, Ю. Досси, СПб., М., 2015. С. 13-26.
- Уваров П.Ю.* Социальная история в тематическом выпуске журнала «Анналы» // СВ. Вып. 76 (3-4). М., 2015 С. 459-473.
- Фоа Ж.* Миротворчество в эпоху Гугенотских войн. Пример деятельности комиссаров, ответственных за выполнение королевских «эдиктов умиротворения» // Религиозные войны во Франции XVI века. Новые источники, новые исследования, новая периодизация. / Отв. ред и сост. В.В. Шишкин, Ю. Досси, СПб., М., 2015. С.115-131.
- Фурцев Р.В.* Мирные переговоры Максимилиана I Габсбурга с Францией в 1500-1503 гг. // Известия Смоленского государственного университета. 2015. № 4 (32). С. 171-184.
- Худокормов А.Г.* «Экономическая история “классического феодализма”» (на примере Франции) // Вестник Московского университета. Сер. 6: Экономика. 2015. № 3. С. 93-112.
- Цатурова С.К.* Долгий путь к Версалию. Трансформации французского двора в XIII—XV вв. // ЭНОЖ «История». Тема: Французский ежегодник-2014. 2015. Т. 6. Вып. 4 (37). <http://history.jes.su/s207987840001003-2-1>.
- Цатурова С.К.* Король Франции Любимый или Грозный? Два полюса монархической идеологии в позднее Средневековье // Ars historica. Сб. в честь О. Ф. Кудрявцева / Сост. и отв. редактор А.К. Гладков. М.; СПб., 2015. С. 283-404.
- Цатурова С.К.* Парижане в восстании Этьена Марселя. Драматургия диалога власти и общества во Франции XIV в. // Власть и её пределы в Средние века и раннее Новое время. Сб. науч. ст. / Под ред. П.Ю. Уварова и С.К. Цатуровой М., 2015. С. 229-243.
- Черкасов Д.Н.* «Мессенская Республика» в политической жизни франко-германского пограничья (кон. XIV – пер. пол. XV вв.) // Вестник Ом-

- ского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2015. № 2 (6). С. 60-64.
- Шампо Г.* Мир и война во Франции в эпоху Религиозных войн сквозь призму провинциальных парламентов: пример Бордо (1562–1600) // Религиозные войны во Франции XVI века. Новые источники, новые исследования, новая периодизация. / Отв. ред и сост. В.В.Шишкин, Ю. Досси, СПб., М., 2015. С. 150-164.
- Шишкин В.В.* «Схватить королеву Наваррскую»: беглый двор Маргариты де Валуа в 1585 – 1587 гг. // ЭНОЖ «История». Тема: Французский ежегодник-2014. 2015. Т.6. Вып. 4 (37). <http://history.jes.su/s207987840001006-5-1>.
- Шишкин В.В.* Вместо предисловия: современный взгляд на французские религиозно-политические события второй половины XVI в. // Религиозные войны во Франции XVI века. Новые источники, новые исследования, новая периодизация / Отв. ред. В.В.Шишкин, Ю. Досси. СПб., М., 2015. С.5-10.
- Шишкин В.В.* Кардинал Лотарингский и Религиозные войны во Франции (1559-1574): (по материалам писем, хранящихся в Санкт-Петербурге) / Корреспонденция кардинала Шарля Лотарингского (1555-1572) (Российская национальная библиотека, Санкт-Петербург, собрание автографов П.П. Дубровского) // СВ. Вып. 76 (1-2). М., 2015. С. 222-248.
- Шишкин В.В.* Книги Генриха III Валуа в Российской национальной библиотеке // Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени. Вып. 12 / Под ред. А.Ю. Прокопьева. СПб., 2015. С. 410-423.
- Шишкин В.В.* Королевский двор и муниципалитеты Франции в период Первой гражданской войны (1560-1563 гг.) // Власть и ее пределы в Средние века и раннее Новое время / Под ред. П.Ю. Уварова и С.К. Цатуровой. М., 2015. С. 258-271.
- Шишкин В.В.* Французские автографы времен Религиозных войн (1559-1598) в РНБ в Санкт-Петербурге // Религиозные войны во Франции XVI века. Новые источники, новые исследования, новая периодизация. / Отв. ред и сост. В.В. Шишкин, Ю. Досси, СПб., М., 2015. С.56-68.
- Шишкин В.В.* Французские автографы времен Религиозных войн (1559-1598) в Российской национальной библиотеке в Санкт-Петербурге // Религиозные войны во Франции XVI века. Новые источники, новые исследования, новая периодизация / Отв. ред. В.В.Шишкин, Ю. Досси. Спб., М., 2015. С.56-68.

- Школьникова О.Ю.* Копия латинского жизнеописания Св. Стефана Муретского руки Андре Дюшена из собрания Национальной Библиотеки Франции (Ms. fr. Baluze 262) // *Stephanos. М.*, 2015. № 6 (14). С. 212-216. <http://www.stephanos.ru/index.php?cpub=341>.
- Эльфонд И.Я.* Национальная идентичность и образ врага в политической пропаганде Франции XVI в. // *Наука и общество*. 2015. № 1 (20). С. 37-43.

Новое и Новейшее время

- Абердам С.* Чья революция? // *ФЕ 2015: К 225-летию Французской революции* / Под ред. А.В. Чудинова и Д.Ю. Бовыкина. М., 2015. С. 128-153.
- Акимов Ю.Г.* «Да здравствует свободный Квебек!». Шарль де Голль и Французская Канада // *Клио*. 2015. № 3 (99). С. 241-249.
- Акимов Ю.Г., Чернов И.В.* Генерал Шарль де Голль в зеркале советского восприятия в годы Второй мировой войны // *Вестник Русской христианской гуманитарной академии*. 2015. Т. 16. № 2. С. 118-128.
- Арзаканян М.Ц.* Внешняя политики Временного правительства Французской Республики в конце Второй мировой войны // *Международная жизнь*. Май 2015. С. 87-96.
- Арзаканян М.Ц.* Проблема примирения Франции и Германии во внешней политике Временного правительства Французской Республики (1944-1946) // *ЭНОЖ «История»*. 2015. Т. 6. Выпуск 11 (44). <http://history.jes.su/s207987840001342-5-1>.
- Арзаканян М.Ц.* Французские планы европейской интеграции начала 1960-х гг. и Советский Союз // *Идейные предпосылки и политические эффекты европейской интеграции: материалы Четв. панъевропейского семинара (21-22 апреля 2014 г.)*. Калининград, 2015. С. 43-49.
- Барсукова А.В.* Валери Жискар д'Эстен и европейская идея в 1980-1990-х гг. // *Идейные предпосылки и политические эффекты европейской интеграции: материалы Четв. панъевропейского сем. (21—22 апреля 2014 г.)*. Калининград, 2015. С. 72-83.
- Бачко Б.* Хорошие новости о Термидоре. Анри Мейстер посещает Париж. // *ФЕ 2015: К 225-летию Французской революции* / Под ред. А.В. Чудинова и Д.Ю. Бовыкина. М., 2015. С. 197-225.
- Белоусов М.С.* Испанская «подсказка» для декабриста (путешествие С.П. Трубецкого в Париж) // *Вестник Санкт-Петербургского университета*. Сер. 2. История. 2015. № 4. С. 33-44.

- Бёрроуз С.* Библиометрия, популярное чтение и литературное поле издателя эпохи Просвещения. // *ФЕ 2015: К 225-летию Французской революции* / Под ред. А.В. Чудинова и Д.Ю. Бовыкина. М., 2015. С. 15-43.
- Блуменау С.Ф.* Неудавшееся бегство Людовика XVI и позиция либерального большинства Учредительного Собрания Франции // *Вестник Брянского государственного университета*. Брянск, 2015. № 2. С. 130-133.
- Блуменау С.Ф.* Проблема сеньориальных прав в начале Французской революции: закон 3 мая 1790 года. // *ФЕ 2015: К 225-летию Французской революции* / Под ред. А.В. Чудинова и Д.Ю. Бовыкина. М., 2015. С. 177-196.
- Блуменау С.Ф., Салимон В.Ю.* Политические группировки Учредительного собрания революционной Франции (1789-1791). «Левый центр». Брянск: Изд-во БГУ, 2016. 300 с.
- Бовыкин Д.Ю.* «Я не переставал верить, что вот-вот разразится великая революция...». Граф Прованский в 1755–1789 гг. // *ФЕ 2015: К 225-летию Французской революции* / Под ред. А.В. Чудинова и Д.Ю. Бовыкина. М., 2015. С. 95-127.
- Бовыкин Д.Ю.* Двор графа Прованского накануне Французской революции XVIII века // *Известия Уральского федерального университета*. Серия 2. Гуманитарные науки. № 4(145). 2015. С. 134-142.
- Бовыкин Д.Ю.* Повесть о том, как генерал Гош отправился в Ирландию, а оказался в Париже // *Казус. Индивидуальное и уникальное в истории – 2010-2013* / Под ред. О.И. Тогоевой и И.Н. Данилевского. Вып. 10. М.: Наука, 2015. С. 151-186.
- Бодров А.В.* «Немецкое сердце» или «французский дух»? Проблема национальной идентичности эльзасцев по итогам франко-прусской войны 1870-1871 гг. // *Вопросы национализма*. 2015. № 24. С. 40-52.
- Бодров А.В.* Инженер «восточных бастионов»: Морис Баррес и «националистическое возрождение» во Франции накануне и в годы Первой мировой войны // *Вопросы национализма*. 2015. № 21. С. 23-36.
- Бодров А.В.* Место Эльзас-Лотарингии в развитии французского национального самосознания (1871-1914 гг.) // *Нация и этничность в гуманитарных науках*. СПб., 2015. С. 288-296.
- Буле В.* 1944 год и «Восстановление республиканской законности»: восстановление суверенитета, наследие правительства Виши и III республики // *Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований*. М., 2015. № 1 (6). С. 109-118.
- Васильева Н.Ю.* Проблема европейского строительства в идейно-политическом дискурсе французского Национального фронта на рубеже

- XX и XXI столетий // Идейные предпосылки и политические эффекты европейской интеграции: мат-лы Четв. панъевропейского сем. (21-22 апреля 2014 г.). Калининград, 2015. С. 100-108.
- Величко Н.В.* Радикальный пересмотр политики Франции по германскому вопросу в 1947 г. (из дипломатической практики послевоенного урегулирования) // Псковский военно-исторический вестник. 2015. № 1. С. 118-124.
- Веремчук Л.П.* Европейский революционный процесс XVII-XVIII столетий в трактовке Алексиса Токвиля // Идейные предпосылки и политические эффекты европейской интеграции: материалы Четв. панъевропейского сем. (21-22 апреля 2014 г.). Калининград, 2015. С. 21-28.
- Вершинин А.А.* Между патриотизмом и национализмом: Французские левые интеллектуалы накануне Первой мировой войны // Вопросы национализма. 2015. № 21. С. 36-50.
- Вершинин А.А.* Национализм левыми руками: Третья республика создает французскую нацию // Вопросы национализма. 2015. № 22. С. 30-41.
- Вершинин А.А.* Франция и начало Гражданской войны в Испании в 1936 г. // ВИ. 2015. № 5. С. 99-112.
- Викулова Л.Г.* Внешняя легитимация науки во Франции XVII в. // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Сер.: Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. 2015. № 2 (26). С. 106-117.
- Вовк А.Ю.* Деятельность Союза русских патриотов во Франции (по материалам архива Дома русского зарубежья) // Российская эмиграция в борьбе с фашизмом: Межд. науч. конф. (Москва, 14-15 мая 2015 г.) / Сост. К.К. Семенов и М.Ю. Сорокина. М., 2015. С. 145-157.
- Гельтон Ф.* Поиск сведений о русских бригадах во французских военных архивах // Первая мировая. Неоконченная война: материалы межд. науч. конф. (Москва, 18 июня 2014 г.). М., 2015. С. 21-37.
- Георгиева Н.Г., Лукьяненко А.В.* Легко ли французу на русской службе: граф Шуазель-Гуффье в России // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: История России. 2015. № 3. С. 47-59.
- Герасимова Е.С.* Происхождение и судьба французских документов XVIII в., хранящихся в РГАДА. // Труды Историко-архивного института. М., 2015. С. 162-174.
- Гладышев А.В.* История со взятием русскими Немура // История и историческая память: межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. А.В. Гладышева. Саратов, 2015. Вып. 11. С. 41-64.

- Гладышев А.В.* Казаки в Море-сюр-Луан, или Почему нельзя обижать жену мэра // Гуманитарные и юридические исследования. Научно-теоретический журнал. Ставрополь, 2015. Вып. 3. С.10-15.
- Гладышев А.В.* Как эпинальцы казаков водкой угощали // Историческая наука и образование в начале XXI в. Ставрополь, 2015. С. 17-32.
- Глушков Х.С.* «Декларация прав человека и гражданина» и начало современного французского парламентаризма // Вопросы всеобщей истории. Екатеринбург, 2015. Т. 17. № 2. С. 50-60.
- Гончарова Т.Н.* «Налог кровью»: Французская колониальная империя в Первой мировой войне // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. СПб., 2015. № 14. С. 101-125.
- Григорьев Б.Н.* Бернадот. От французского маршала до шведского короля. М.: Вече, 2015. 286 с.
- Данилова А.В.* Восстание камизаров во Франции в 1702-1705 гг. // Чтения памяти Евгения Петровича Сычевского. 2015. № 15. С. 33-61.
- Данилова О.С., Слуцкая Л.В.* Западный фронт Российской империи в воспоминаниях французских участников Первой мировой войны // Новейшая история России. 2015. № 1. С. 16-28.
- Дементьев И.О.* От Старого порядка и революции к демократии: проблемы европейской интеграции в контексте идей Алексиса Токвиля // Идейные предпосылки и политические эффекты европейской интеграции: материалы Четв. панъевропейского сем. (21-22 апреля 2014 г.). Калининград, 2015. С. 28—40.
- Демичева Т.М.* «Великий проект» Генриха IV как средство предотвращения войн в Европе // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. СПб., 2015. № 14. С. 126-136.
- Жидкова О.В.* Восстание в Польше 1830-1831 гг. и дипломатия России и Франции // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Всеобщая история. 2015. № 3. С. 70-78.
- Зайцев И.В.* Рукописи и шпионаж. французский востоковед Амеде Жобер в России // Восточный архив. 2015. № 2 (32). С. 12-13.
- Зайцева Д.В.* Публичное пространство в Париже термидорианского периода. // ФЕ 2015: К 225-летию Французской революции / Под ред. А.В. Чудинова и Д.Ю. Бовыкина. М., 2015. С. 226-239.
- Захарчук О.Н.* Дипломатия Наполеона Бонапарта в 1813 - 1814 гг. в российской историографии второй трети XIX в. // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. XIII: Сб. мат. К 200-летию Венского конгресса. М., 2015. С. 420 - 438.

- Земцов В.Н.* «Сорок бочек арестантов...», или История о том, как Л.Н. Толстой утопил четыре десятка польских улан // Запад, Восток и Россия: История и историк в ситуации интердисциплинарности: Вопросы всеобщей истории: Сб. науч. и учеб.-метод. тр. Вып. 17 / Под ред. проф. В. Н. Земцова. Екатеринбург, 2015. Ч. 2. С. 60-68.
- Земцов В.Н.* Армия Наполеона: структуры межкультурных коммуникаций (по письмам солдат Великой армии 1812 г.) // Политическая лингвистика. 2015. № 2(52). С. 25-30.
- Земцов В.Н.* История, патриотизм и диалог культур (На смерть польского историка Анджея Неуважного) // Формирование ценностного отношения к историческому прошлому – основа гражданско-патриотического и духовно-нравственного воспитания. Сб. науч. тр. по материалам междунауч.-практ. конф. Екатеринбург, 6-8 октября 2015 г. Екатеринбург, 2015. С. 83-87.
- Земцов В.Н.* Михаил Кутузов, Людвиг фон Вольцоген и жареная курица (Эпизод Бородинского сражения в историческом документе и романе Льва Толстого) // *Questio Rossica*. 2015. № 2. С. 269-279.
- Земцов В.Н.* Судьба русских раненых, оставленных в Москве в 1812 г. // Бородино и Освободительные походы Русской армии 1813-1814 гг. Мат. междунауч. конф. (Бородино, 3-6 сентября 2014 г.). Бородино, 2015. С. 225-250.
- Зенкин С.* Распространение мимесиса: Дидро и Шенье // *НЛЮ*. 2015. № 136. С. 241-255.
- Игнатченко И.В.* А. Тьер и развитие парламентаризма во Франции // *ВИ*. 2015. № 6. С. 124-139.
- Игнатченко И.В.* Франция в Венской системе международных отношений (первая половина XIX в.) // *Вестник МГИМО-Университета*. № 6 (45) 2015. С. 9-15.
- Ильина Л.А.* Франко-тоscanская экспедиция в Египет 1828-1829 гг. в письмах Шампольона // *Вестник Новосибирского государственного университета*. Сер.: История, филология. 2015. Т. 14. № 8. С. 51-57.
- Исколь С.Н.* Великая княжна Екатерина Павловна, Наполеон и «баварский брак» // *Петербургский исторический журнал: исследования по российской и всеобщей истории*. 2015. № 4 (8). С. 11-23.
- Канинская Г.Н.* Проблема «общего европейского дома» во франко-советском диалоге 1980-х гг. // *Идейные предпосылки и политические эффекты европейской интеграции: материалы Четв. панъевропейского сем.* (21-22 апреля 2014 г.). Калининград, 2015. С. 84-100.

- Киндинов М.А.* Французский посол Поль-Франсуа де Галюцци маркиз де Л'Опиталь: «первые затруднения» во время пребывания в Риге // *Известия Алтайского государственного университета*. Барнаул, 2015. Т. 2. № 4 (88). С. 82-86.
- Козандей Ф.* Церемониальная политика во Франции XVI – XVII вв. / Пер. с фр. Ю. Минеевой // *ЭНОЖ «История»*. Тема: Французский ежегодник-2014. 2015. Т.6. Вып. 4 (37). <http://history.jes.su/s207987840001009-8-1>.
- Козлова И.В.* Крузенштерн и освещение во французских периодических изданиях первой трети XIX в. достижений русских моряков в исследовании Тихого океана // *I Крузенштернские чтения : сб. материалов науч. конф.* (22-23 октября 2014 г., Санкт-Петербург). СПб., 2015. С. 49-56.
- Колтаков М.Ю.* «Московия» французских интеллектуалов и «Россия» французских путешественников: трансформация образа русских на рубеже XVI-XVII вв. // *Метаморфозы истории*. Псков, 2015. № 6. С. 71-83.
- Корнов Н.В.* Вопросы европейской интеграции во внешнеполитической концепции Шарля де Голля // *Ретроспектива*. Всемирная история глазами молодых исследователей: сб. науч.ст. Калининград, 2015. Вып. 9. С. 100-107.
- Коровин В.В.* Миссия генерала Пети: советско-французское военное сотрудничество периода Второй мировой войны по документам Центрального архива Министерства обороны РФ // *Вестник архивиста*. 2015. № 3 (131). С. 67-83.
- Костюк Р.В.* Европейская идея Франсуа Миттерана. Слова и дела // *Дискурс*. СПб., 2015. №2. С. 13-22.
- Костюк Р.В.* За иную Европу (к вопросу о европейской стратегии французских социалистов в 70-е гг. XX в.) // *Клио*. Журнал для учёных. СПб., 2015. №1(97). С. 71-77.
- Костюк Р.В.* Латиноамериканская политика Франции при Франсуа Олланде 2012-2014 гг. // *Латинская Америка*. М., 2015. №4. С. 14-22.
- Куклинова И.А.* Французские естественноисторические коллекции XVIII в. в процессе формирования новоевропейской научной картины мира // *Вопросы музеологии*. 2015. № 1 (11). С. 3-11.
- Кучумов И.В., Мельник Л.Ф., Сахибгареева Л.Ф.* Ментальная этнографическая экспедиция П.-Ш. Левека в Россию как опыт французского ориентализма // *Россия и Восток: взаимодействие стран и народов: труды X Всерос. съезда востоковедов, посвящ. 125-летию со дня рождения выдающегося востоковеда Ахмет-Заки Валиди Тогана*. Уфа, 2015. Кн. 1. С. 320-323.

- Кучумов И.В., Сахибгареева Л.Ф. О принципах перевода трудов французских историков эпохи Просвещения (на примере П.-Ш. Левека) // Филологические науки в России и за рубежом: материалы III междунауч. конф. (Санкт-Петербург, июль 2015 г.). СПб., 2015. С. 146–149.
- Кучумов И.В., Сахибгареева Л.Ф. Образ «примитивных» этносов России в научной мысли европейского Просвещения (по материалам «Истории народов, подвластных России» П.-Ш. Левека) // Этнос. Общество. Цивилизация: четвертые Кузеевские чтения: материалы междунауч. конф. (Уфа, 30 сент. 2015 г.) Уфа, 2015. С. 73–75.
- Кушнир С.И. Французская пресса в «Банкетной кампании» 1847 г. // ВИ. № 11. 2015. С. 84–96.
- Латина Н.Ю. Восприятие России в современной Франции: Формирование внешнеполитических образов // Актуальные проблемы Европы. М., 2015. №2. С. 151–176.
- Лёверс Э. От защиты «обездоленных» к защите «народа». Путь адвоката Робеспьера. // ФЕ 2015: К 225-летию Французской революции / Под ред. А.В. Чудинова и Д.Ю. Бовыкина. М., 2015. С. 44–62.
- Лиштенан Ф.Д. Анри Лави, консул, шпион и почитатель Петра Великого // Quaestio Rossica. 2015. № 1. С. 59–70.
- Лобашева А.А. Двойное измерение французской дипломатии в отношении Алжира в конце XX в. // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер.: История. Международные отношения. Т. 15. Вып. 1. Саратов, 2015. С. 74–78.
- Ляховская Н.Д. Образы Африки во французской литературе XIX–XX в. М.: ИМЛИ РАН, 2015. 280 с.
- Магадеев И.Э. Безопасность против или безопасность вместе? Уроки Первой мировой войны и германская политика Франции в 1920-х гг. // Первая мировая война: историография и уроки истории (Материалы VIII Конвента РАМИ, апрель 2014 г.) / Под ред. А.В. Ревякина. М., 2015. С. 128–147.
- Магадеев И.Э. Военные действия на Западном фронте в 1914 г. в зеркале дневников и писем французских солдат // Первая мировая война: взгляд спустя столетие. 1914 год: от мира к войне. Материалы IV Междунауч.-практ. конф. (27 – 28 ноября 2014 г., Москва) / Под ред. С.С. Степанова, Г.Д. Шкундина. М., 2015. С. 231–245.
- Малов В.Н. Орлеан и его окрестности в XVI - XVIII вв. (по коллекции орлеанских грамот в ОПИ ГИМ). М.: ИВИ РАН, 2015. 127 с.
- Малов В.Н. Ипотечная рента и проблема устойчивости крестьянской собственности в области Орлеанэ (XVI–XVIII вв.) // Моделирование

- социальной среды: европейский опыт Средневековья и Нового времени / Отв. ред. Е.Н. Кириллова. М., 2015. С. 86–96.
- Матвеев С.Р. Без политики: историософия Франсуа Гизо до 1814 г. // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2015. № 12. С. 21–28.
- Матвеев С.Р. Идея европейского единства в философии Франсуа Гизо // Идейные предпосылки и политические эффекты европейской интеграции: материалы Четв. панъевропейского сем. (21–22 апреля 2014 г.). Калининград, 2015. С. 14–21.
- Мезин С.А. «В Версалии и Марли сколь великий плезир имел!»: Петр I в резиденциях французских королей и аристократов // Век Просвещения / Отв. ред. С.Я. Карп. Вып. 5: География эпохи Просвещения: между воображением и реальностью. М., 2015. С. 237–260.
- Мезин С.А. «Ваша милость ныне при множестве фонтаннах и протчих таких забав пребываете»: водные путешествия и забавы Петра I во Франции (1717) // Водные пути: пути жизни, пути культуры: материалы междунауч. конф. (Тверь, 15–19 сентября 2015 г.) / Ред. Е.Г. Милюгина, М.В. Строганов. Тверь, 2015. С. 224–135.
- Мезин С.А. «Город Париж, которой виден с мосту королевского»: путешественник Петра I // Изменяющийся мир: общество, государство, личность. Сб. мат. IV Междунауч. конф. (Саратов, 9 апреля 2015, г.). Ч. 3. Саратов, 2015. С. 635–643.
- Мезин С.А. «Роспись курioзным вещам в Париже»: «путеводители» Петра I // Вестник РГНФ. 2015. №3 (80). С. 52–62.
- Мезин С.А. Дидро о Петре I // Вольтеровские чтения. Вып. 3. Сб. науч. тр. СПб., 2015. С. 192–213.
- Мезин С.А. Петр I во Франции. СПб.: Европейский Дом, 2015. 312 с.
- Мезин С.А., Хмелевских И.В. Петр I и герцог д'Антен // Труды Государственного Эрмитажа. Т. 78: Петровское время в лицах – 2015: материалы науч. конф. СПб., 2015. С. 298–311.
- Мийе-Жерар Д. Русское присутствие во Франции 1920–1930-х гг. на страницах журнала «Золотая трость» // Новейшая история России. 2015. № 1 (15). С. 191–202.
- Мильчина В.А. Из жизни переводчиков: зарисовка 1833 г. («Переводчики» Эдуарда де Лагранжа) // Топосы Наталии Автономовой. К юбилею. М., 2015. С. 561–572.
- Мильчина В.А. Париж во французской нравоописательной литературе 1830–1840-х годов: как, почему и зачем? // Вторые Глазычевские чтения. Город о себе: языки самоописания. М., 2015. С. 56–73.

- Мильчина В.А. «Порода в женщинах» и «Юная Франция»: попытка комментария // Мир Лермонтова. СПб., 2015. С. 560-571.
- Михайлова Ю.Л., Промыслов Н.В. Сведения французской разведки о Прибалтийских губерниях Российской империи в 1812 г. (по материалам Военного архива сухопутных сил Франции) // Россия и Балтия. Вып. 7: Памятные даты и историческая память. М., 2015. С. 64 - 80.
- Моисеев Г.Ч. Валери Жискар д'Эстен на посту председателя Конвента о будущем Европы // Идеиные предпосылки и политические эффекты европейской интеграции: мат-лы Четв. панъевропейского сем. (21-22 апреля 2014 г.). Калининград, 2015. С. 108-115.
- Моторнов Р.В. Брабантская революция 1790 г. глазами российского дипломата М.С. Новикова. // ФЕ 2015: К 225-летию Французской революции / Под ред. А.В. Чудинова и Д.Ю. Бовыкина. М., 2015. С.154-176.
- Мошонкина Е.Н. Из истории французских переводов «Божественной Комедии»: XVIII-XIX вв. М.: РГГУ, 2015. 130 с.
- Неклюдова М.С. Галантная картография и модели репрезентации французского двора середины XVII в. // ЭНОЖ «История». Тема: Французский ежегодник-2014. 2015. Т.6. Вып. 4 (37). <http://history.jes.su/s207987840001008-7-1>.
- Неклюдова М.С. «Глупая луна»: к вопросу о возможных галлицизмах в «Евгении Онегине» // Русско-французский разговорник, или / ou Les Causeries du 7 Septembre: Сборник статей в честь В.А. Мильчиной. М., 2015. С.287-295.
- Неклюдова М.С. Спор о чувствительном комедианте или Четыре источника «Парадокса» // НЛЮ. 2015. №136. С.174-192.
- Овчинников В.М. Общие тенденции развития французской фортификации в эпоху военной революции в Европе // Известия Смоленского государственного университета. 2015. № 4 (32). С. 202-213.
- Окунева О.В. Русские послы и бразильские индейцы при дворе Марии Медичи и Людовика XIII // СВ. Вып. № 76 (3-4). М., 2015. С. 161 – 192.
- Осинов Е.А. «Европа государств» Жоржа Помпиду // Идеиные предпосылки и политические эффекты европейской интеграции: материалы Четв. панъевропейского сем. (21-22 апреля 2014 г.). Калининград, 2015. С. 59-65.
- Осинов Е.А. «Шарли» как констатация кризиса. Взгляд из Франции // Преподаватель XXI век. №4. 2015. С. 302-309.
- Осинов Е.А. Франция и хельсинкский Заключительный акт // Международная жизнь. №7. 2015. С. 123-134.

- Осинов Е.А. Четырехсторонние переговоры по Западному Берлину. Позиция Франции (по материалам Архива МИД Франции) // ЭНОЖ «История». 2015. Вып. 2 (35). С. 216-236. <http://history.jes.su/s207987840000992-0-1>.
- Осинов Е.А. Экономический аспект разрядки. СССР-Франция. 1966-1970 // ЭНОЖ «История». 2015. Вып. 11 (44). <http://history.jes.su/s207987840001338-0-1>. «От Атлантики до Урала». Советско-французские отношения, 1956-1973 / Сост. Г. Ж. Муллек. М.: МФД, 2015. 624 с.
- Павлова С.Ю. Детство в «Мемуарах» Мадемуазель де Монпансье // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2015. Т. 15. № 3. С. 63-67.
- Павлова С.Ю. К вопросу об авторской оценке Фронды в «Мемуарах» герцога Ларошфуко // История и историческая память. Саратов, 2015. № 11. С. 108-115.
- Первалова С.Г. Развитие принципов французского классицизма от Малерба до Буало // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. № 5 (19). С. 70-83.
- Петрова Э.Б. «Дом, где жила Мадам де Ла Мотт» и воспоминания баронессы М. А. Бодэ // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Исторические науки. Симферополь, 2015. Т. 1. № 3 (67). С. 13-31.
- Пивень А.А. Основные тенденции развития французского королевского двора в XVI — первой половине XVII вв. // Исторические исследования. Материалы III Межд. науч. конф. Казань, 2015. С. 18-20.
- Пименова Л.А. Как говорил король // ФЕ 2015: К 225-летию Французской революции / Под ред. А.В. Чудинова и Д.Ю. Бовыкина. М., 2015. С. 63-94.
- Пименова Л.А. Трудное счастье графа Морепа // Кому благоволит Фортуна? Счастливы и неудачники при дворе в Средние века и Новое время. / Отв. ред. Ю.П.Крылова. М., 2015. С. 190-213.
- Пискунова Е.П. Жозеф де Местр и идея исторического фатализма во французском роялистском движении // Культура, наука, образование: проблемы и перспективы. Материалы IV Всеросс. науч.-практич. конф. Нижневартовск, 2015. С. 153-157.
- Подгорнова Н.П. Политика Франции в странах Северо-Западной Африки. М.: Институт Ближнего Востока, 2015. 111 с.
- Польская С.А. Герои и символы Средневековья на службе Отечеству: французский и немецкий плакат эпохи Первой мировой войны // Культурное измерение войны: Первая мировая война в образах, в

- памяти и истории: мат. межд. науч. конф. (Ставрополь, 23-26 октября 2014 г.) / Отв. ред. И. В. Крючков. Ставрополь, 2015. С. 16-19.
- Польская С.А.* Реликвии Страстей Христовых в описи аббатства Сен-Дени 1666 г. // Виноградовские чтения. Мат. Межд. науч.-практич. конф. (Армавир, 11 апреля 2015 г.). Армавир, 2015. С. 235-238.
- Пономаренко Л.В.* Переосмысливая масштабы личности и наследие Шарля де Голля // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Международные отношения. 2015. № 2. С. 82-90.
- Пономаренко Л.В., Понька Т.И.* К вопросу о советско-французских отношениях в годы Второй мировой войны // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Всеобщая история. 2015. № 3. С. 58-69.
- Попова Ю.В.* Изучение прошлого как диалог с настоящим: эволюция взглядов В. И. Герье на французское Просвещение // Вестник Омского университета. Сер.: Исторические науки. 2015. № 1 (5). С. 46-52.
- Постникова. А.А.* Театр в исторической политике Первой империи во Франции // Диалог со временем. Вып. 51. М., 2015. С. 321-333.
- Прождогина С.В.* Марокко в начале XX в. глазами французов // Восточный архив. М., 2015. № 2 (32). С. 30-43.
- Прозорова В.Б.* Архивные фонды в библиотеках Франции: проблемы описания в ЕАД // Вестник РГГУ. Сер.: Документоведение и архивоведение. Информатика. Защита информации и информационная безопасность. 2015. № 1. С. 58-79.
- Промыслов Н.В., Митрофанов А.А., Прусская Е.А.* Россия во французской прессе эпохи Революции и Наполеоновских войн // Вестник РГНФ. 2015. № 2 (79). С. 102-112.
- Промыслов Н.В., Прусская Е.А., Митрофанов А.А.* «Русская угроза» во французской прессе конца XVIII – начала XIX в. // ФЕ 2015: К 225-летию Французской революции / Под ред. А.В. Чудинова и Д.Ю. Бовыкина. М., 2015. С. 343-391.
- Рождественский И.* «Новая Вандея». Феномен образа врага // ВИ. № 2. 2015. С. 152-159. (То же в: ЭНОЖ «История». 2015. Т. 6. Вып. 6 (39). <http://history.jes.su/s207987840001180-7-1>).
- Рудикова Н.А.* Парижский текст в заметках и путевых письмах русских путешественников конца 1830-х гг. (И.Г. Головин, Н.И. Греч, М.П. Погодин, В.М. Строев) // Ученые записки Орловского государственного университета. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. 2015. № 3. С. 187-191.
- Русаковский В.К.* Французское духовенство, королевская власть и Папский престол в 1789 г. // НиНИ. №2. С.77-89.

- Сидоренко М.А.* Музыка Жана-Батиста Люлли и монархия Людовика XIV // НиНИ 2015. №1. С. 50-60.
- Силин С.В.* Этика и моральная практика Великой Французской революции // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2015. № 3 (268). С. 67-74.
- Слуцкая Л.В.* «Из Кремля в Шерш-миди»: неизвестные мемуары французского левого интеллектуала // Постижение Запада. Иностранная культура в советской литературе, искусстве и теории. 1917-1941 гг. Исследования и архивные материалы. М., 2015. С. 790-805.
- Станков К.Н.* Подготовка французского правительства и эмигрантского двора Якова II к интервенции в Англию в 1692 году // Британский мир. История Британии: современные исследования. М., 2015. С. 177-184.
- Степанов Ю.Г.* В тени Наполеона... Журнал «Сын Отечества» о Франции и французах в 1815 году // История и историческая память. Саратов, 2015. № 11 (11). С. 71-81.
- Стогова А.В.* «Пишите письма»: государственная почтовая служба и частные эпистолярные практики в Англии и Франции XVII в. // Моделирование социальной среды: европейский опыт Средневековья и Нового времени / Отв. ред. Е.Н. Кириллова. М., 2015. С. 129-166.
- Таньшина Н.П.* Доротея Дино: alter-ego Талейрана // НиНИ. 2015. № 6. С. 177 – 198.
- Таньшина Н.П.* Пацифистская идея в постнаполеоновской Европе: Франсуа Гизо и Жан-Жак де Селлон // НиНИ. 2015. № 4. С. 157 – 172.
- Татаров А.А., Бунькова Ю.В.* К вопросу об историческом феномене французского революционного террора // Гуманитарный профиль. Науч. сб. Совета молодых ученых. Кабардино-Балкарского Института гуманитарных исследований. Нальчик, 2015. С. 111-118.
- Тогоева О.И.* «Все это мошенничество, обман, мерзость и профанация». Отчет аббата д'Обиньяка об одержимых Лудена (1637 г.) // In Umbra: Демонология как семиотическая система / Отв. ред. и сост. Д.И. Антонов, О.Б. Христофорова. Вып. 4. М., 2015. С. 19-38.
- Трофимова В.С.* «Спор о женщинах» в английской и французской литературе рубежа XVI - XVII вв. // Британский мир. История Британии: современные исследования. М., 2015. С. 124-134.
- Уваров П.Ю.* «Смутное время во Французской земле»: французский опыт выхода из гражданской войны глазами участников российского посольства (Бордо, 1615) // ЭНОЖ «История», 2015. Т.6. Выпуск 11 (44) <http://history.jes.su/s207987840001336-8-1>.

- Фалалеев П.И.* Рене Массигли и его роль во Французском Комитете национального освобождения (1943-1944 гг.) // НиНИ 2015. №3. С. 207-220.
- Филиппов В.Р.* Франсафрик: гвинейский прецедент // Геополитический журнал. 2015. № 3 (10). С. 36-48.
- Франция – Россия, 1914-1918 гг.: от альянса к сотрудничеству: материалы франко-российского коллоквиума / Под ред. А.В. Урядовой. М.: РОССПЭН, 2015. 303 с.
- Храпунов Н.И., Гинькут Н.В.* Крым в 1784 г. по свидетельству французского путешественника барона де Бара // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2015. № XX. С. 395-430.
- Чепурина М.Ю.* Заговор Бабёфа в восприятии французского общества XVIII в. // ФЕ 2015: К 225-летию Французской революции / Под ред. А.В. Чудинова и Д.Ю. Бовыкина. М., 2015. С. 240-261.
- Черкасов П.П.* Александр II и Наполеон III. Несостоявшийся союз (1856-1870). М., 2015. 450 с.
- Черкасов П.П.* Российско-французские отношения и Польское восстание 1863 г. // НиНИ. №1. С. 94-112.
- Черкасов П.П.* Шпионские и иные истории из архивов России и Франции. М.: Ломоносовъ, 2015. 304 с.
- Чиняков М.К.* Опост-Фредерик-Луи Вьес де Мармон // ВИ. № 7. 2015. С. 17-40.
- Чудинов А.В.* Второе Каирское восстание: 20 марта – 21 апреля 1800 г. // ФЕ 2015: К 225-летию Французской революции / Под ред. А.В. Чудинова и Д.Ю. Бовыкина. М., 2015. С. 262-342.
- Чудинов А.В.* Ж. Ромм и П.С. Паллас: история ученой дружбы // Известия УрФУ. 2015. № 1. С. 127-143.
- Чудинов А.В.* Мифы о Французской революции // Историк. 2015. № 7. С. 50-55.
- Чудинов А.В.* Опыт родословной А.О. Жонес-Спонвиля, главноуправляющего демидовских заводов // Известия УрФУ. 2015. № 3. С. 144-153.
- Шиколо М.И.* «Внутренний» дипломатический церемониал Франции во второй половине XVII - начале XVIII в. // Вестник Московского университета. Сер. 8: История. 2015. № 4. С. 11-26.
- Шишкин В.В.* «Сатирический развод» 1607 г.: гугенотский памфлет? (рукопись XVII в. из Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге) // Религия. Церковь. Общество. Исследования и публикации по теологии и религии / Под ред. А.М. Прилуцкого. Вып. IV. СПб., 2015. С. 308-333.

- Шмелев Д.В.* Валери Жискар д'Эстен, жискардизм и европейская идея (1974–1981) // Идейные предпосылки и политические эффекты европейской интеграции: материалы Четв. панъевропейского сем. (21-22 апреля 2014 г.). Калининград, 2015. С. 65-72.
- Шмелев Д.В.* Республиканская партия в политической жизни Франции // ВИ. 2015. № 9. С. 146-154.
- Шмелев Д.В.* Французская христианская демократия в 60-е гг. XX в.: проблемы трансформации // Ученые записки Казанского университета. Том 157. Кн. 3. Сер. Гуманитарные науки. Казань, 2015. С. 182-192.
- Шмелев Д.В.* Французские католики в годы Второй мировой войны: между сопротивлением и коллаборационизмом // Патриотизм и коллаборационизм в мировой истории / Под ред. Э.В. Рунга, Е.А. Чиглинцева, Д.В. Шмелева. Казань, 2015. С. 186-197.
- Яцук Н.А.* Эпоха террора 1793-1794 годов: обыденность, жестокость или очищение? // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2015. № 175. С. 86-96.

Историография

- Ададунов В.В.* Украинский казак на службе Людовика XV, или Польский шляхтич на службе двух королей: документальная деконструкция исследования И. Борщака о П.-Г. Орлике // ЭНОЖ «История». 2015. Т.6. Вып. 4 (37). <http://history.jes.su/s207987840001046-9-1>.
- Бовыкин Д.Ю.* Снова о Французской революции, или Некруглый юбилей // ФЕ 2015: К 225-летию Французской революции / Под ред. А.В. Чудинова и Д.Ю. Бовыкина. М., 2015. С. 5-14.
- Бовыкин Д.Ю.* Французская революция XVIII в. в школьных учебниках России // ЭНОЖ «История». 2015. Т.6. Вып. 4 (37). <http://history.jes.su/s207987840001051-5-1>.
- Гладышев А.В.* Некоторые вопросы изучения истории Первой мировой войны во французской средней школе // Культурное измерение войны: Первая мировая война в образах, в памяти и истории. Ставрополь, 2015. С.3-7.
- Гордон А.В.* Судьба ученого советской эпохи: Вадим Сергеевич Алексеев-Попов // ЭНОЖ «История». 2015. Т.6. Вып. 4 (37). <http://history.jes.su/s207987840001048-1-1>.
- Земцов В.Н.* Польский улан, или Искусство жизни Анджея Неуважного. // ФЕ 2015: К 225-летию Французской революции / Под ред. А.В. Чудинова и Д.Ю. Бовыкина. М., 2015. С. 475-479.

- Киндинов М.А. Русско-французские отношения середины XVIII в. в освещении отечественных исследователей (1990 – 2012 гг.). // Клио: Журнал для ученых. №. 7 (103) СПб., 2015 С. 12-16.
- Кондратьев С.В., Кондратьева Т.Н. Повседневная жизнь семьи Поршневых в 1928 г. (по материалам писем Е.Ф. Поршневой к М.И. Ромму) // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 400. С. 142-146.
- Кондратьева Т.Н. Б.Ф. Поршнев в поисках наследия русского католика В.С. Печерина // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2015. Т. 1. № 1 (1). С. 123-130.
- Крылова Ю.П. «Все оттенки цвета...» // ЭНОЖ «История». Тема: Французский ежегодник-2014. 2015. Т. 6. Выпуск 4 (37) <http://history.jes.su/s207987840001083-0-1>.
- Меер Е.С. Школа А. Коббена о тайной войне Великобритании против революционной Франции // История мировых цивилизаций. Война и общество / Отв. ред. Е. С. Меер. Красноярск, 2015. С. 161-171.
- Мезин С.А. 1812 год в трудах саратовских историков // Документальное наследие и проблемы истории Саратовского края. Материалы науч. конф. Саратовского областного отделения РОИА 2010–2013 гг. Саратов, 2015. С. 262–278.
- Миличина В.А. Международная конференция «Русские во Франции, 1814 год: Факты. Литература. Мемуары» (Париж, 16-17 октября 2014 г.) // НЛО. 2015. № 135. С. 418-427.
- Низовцев Д.Б. Проблема власти в работах Мишеля Фуко // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. 2015. № 4. С. 49-57.
- Овчаренко Е.Ф. «Монд»: история газеты, газета в истории. // ФЕ 2015: К 225-летию Французской революции / Под ред. А.В. Чудинова и Д.Ю. Бовыкина. М., 2015. С. 439-441.
- Погосян В.А. Штрихи к портрету Альберта Захаровича Манфреда // ЭНОЖ «История». 2015. Т. 6. Вып. 4 (37). <http://history.jes.su/s207987840001047-0-1>.
- Погосян В.А. Письма советских историков А.З. Манфреду. // ФЕ 2015: К 225-летию Французской революции / Под ред. А.В. Чудинова и Д.Ю. Бовыкина. М., 2015. С. 392-430.
- Погосян В.А. Памяти Д.М. Туган-Барановского. // ФЕ 2015: К 225-летию Французской революции / Под ред. А.В. Чудинова и Д.Ю. Бовыкина. М., 2015. С. 473-474.

- Пруцакова В.С. Русские во Франции 1814–1818 гг.: стереотипы и факты (историографические заметки). // ФЕ 2015: К 225-летию Французской революции / Под ред. А.В. Чудинова и Д.Ю. Бовыкина. М., 2015. С. 431-438.
- Савина А.В. Жан Кальвин и его политическое учение в оценках И. В. Лучицкого // Историческое прошлое и образы истории: мат. II Всерос. науч. конф. (Саратов, 19 сентября 2014 г.). Вып. 2. / Под ред. Л. Н. Черновой. Саратов, 2015. С. 44-52.
- Савина А.В. Конфликт М. Сервета и Ж. Кальвина в оценках историков дореволюционной России // Югра, Сибирь, Россия: политические, экономические, социокультурные аспекты прошлого и настоящего: Сб. науч. ст. Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 85-летию со дня образования Ханты-Мансийского автономного округа-Югры (Нижневартовск, 10 – 12 декабря 2015 г.) / Под общ. ред. проф. Я.Г. Солодкина, Л.В.Алексеевой. Нижневартовск, 2015. С. 166-169.
- Савина А.В. М.М. Ковалевский о политических идеях кальвинизма // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2015. № 12 (62): в 4-х ч. Ч. IV. С. 149-151.
- Савина А.В. Образ Жана Кальвина в оценках российских историков второй половины XIX в. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2015. № 11. Ч. 1. С. 169-171.
- Савина А.В. Религиозная нетерпимость кальвинизма в оценках православного историка: Е.А. Будрин о «деле Сервета» // Человек, образ, слово в контексте исторического времени и пространства: мат. Всерос. науч.-практ. конф. (23-24 апреля 2015 года). / Отв. ред. И.М. Эрлихсон, Ю.И. Лосев. Рязань, 2015. С. 74-77.
- Стогова А.В. Методы и подходы современной российской гендерной истории (на примере Франции) // Взгляд в прошлое... Проблемы, методы, перспективы. М., 2015. С. 181-193.
- Чеканцева З.А. Глобальный поворот истории и новые познавательные стратегии в историописании // История и теория цивилизаций: в поисках методологических перспектив : науч.-практ. конф., 29 сентября – 3 октября 2014 г. // Отв. ред. Ф.Е. Ажимов и др. Владивосток, 2015. С. 21-31.
- Чеканцева З.А. Коллективная память и история // Преподаватель – XXI век. 2015. № 4. Часть 2. С. 229-239.

- Чеканцева З.А., Репина Л.П., Лентьева О.Б. История и теория на XXII конгрессе МКИН. Круглый стол «Событие и время в исторических перспективах». // Диалог со временем. Вып. 52. М., 2015. С. 8-32.
- Чудинов А.В. Современные тенденции во французской историографии Революции XVIII в. // ВИ. 2015. № 1. С. 157-169.

Авторефераты диссертаций

- Агапов Г.А. Пиренейские государства в системе англо-французских противоречий XIII - XIV вв.: автореферат дис. ... к. и. н. (07.00.03). М., 2015.
- Акопян Э.Г. Основные направления развития двусторонних отношений Республики Армения и Франции: 1992-2008 гг.: автореферат дис... к.и.н. (07.00.15). Нижний Новгород, 2015.
- Карева Д.О. Средиземноморская политика Франции в конце XX – начале XXI вв.: автореферат дис. ... к. и. н (07.00.00, 07.00.03). М., 2015.
- Лбова Е.М. Книжная культура русской эмиграции во Франции 1900-1930-х годов: автореферат дис. ... к. и. н. (05.25.03). Казань, 2015.
- Матвеев С.Р. Философские истоки французского либерального консерватизма: Ф. Гизо, А. Токвиль: автореферат дис. ... к. философ. н. (09.00.03). М., 2015.
- Родин И.В. Университеты и кризис системы высшего образования во Франции: 60-е - начало 70-х годов XX в.: автореферат дис. ... к.и.н. (07.00.00, 07.00.03). М., 2015.
- Тутберидзе И.Д. Франция и проблема расширения Европейского Союза на Восток на рубеже XX-XXI вв.: автореферат дис. ... к.и.н. (07.00.00, 07.00.03). М., 2015.
- Яцук Н.А. Французская эмиграция в Российской империи. 1789-1801 гг.: социально-политический аспект: автореферат дис. ... к.и.н. (07.00.02). Владимир, 2015.

Рецензии

- Гладышев А.В. Венгры и Венгрия в наполеоновских войнах: современные подходы в военной истории // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2 Гуманитарные науки. 2015. № 3 (142). С.266-270.
- Гончарова Т.Н. Левые силы у власти. К вопросу о том, чем «левая» внешняя политика отличается от «правой». Рец. на: Современная внешняя политика левых / Под ред. Р. В. Костюка. СПб., 2014. 252 с. // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. СПб., 2015. № 15. С. 299–308.

- Крылова Ю.П. Портрет незнакомки на фоне эпохи: о новом издании «Мемуаров» Маргариты де Валуа // ЭНОЖ «История». 2015. Т. 6. Вып. 4 (37). <http://history.jes.su/s207987840001050-4-1>.
- Метлицкая З.Ю. Рец. на: Крылова Ю.П. Автор и общество в позднесредневековой Франции. М.: Индрик, 2014. – 466 С. // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5: История. Реферативный журнал. 2015. № 1. С. 65-68.
- Мильчина В.А. Рождение знаменитостей из духа XVIII в. Рец. на: Lilti A. Figures publiques: L'invention de la célébrité. 1750 – 1850. P., 2014) // НЛЮ. 2015. № 136. С. 342-351.
- Мильчина В.А. Дело Гагарина «домашним образом». Рец. на: L’Affaire Gagarine. La conversion du prince Gagarine au catholicisme : un drame familial, politique et religieux dans la Russie du XIXe siècle / Ed. J.-P. Bouzigues, M. Chmielewsky, F. Rouleau. Roma, 2014. 368 p.)//НЛЮ. 2015. № 132. С. 369-375.
- Усыскин Л. Рец. на: С. Мезин. Петр I во Франции. СПб.: Европейский дом; Институт Петра Великого, 2015. 303 С. // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2015. № 102. С. 297-301.
- Чепурина М. Рец. на: Э. Лёверс. Робеспьер // ВИ. № 12. 2015. С. 164-167.
- Чудинов А.В. Рец. на: М.-Р. Rey. 1814: Un Tsar à Paris. P.: Flammarion, 2014. 329 p. // Российская история. 2015. № 1. С. 188-192.
- Шишкин В.В. Грустные размышления по поводу книг Василия Балакина «Генрих IV» и «Екатерина Медичи» // ЭНОЖ «История». 2015. Т. 6. Вып. 4 (37). <http://history.jes.su/s207987840001049-2-1>.

Дополнение

Работы 2014 г. по истории Франции, не вошедшие в предыдущий обзор

- Вовк А.Ю. Просоветские организации первой волны // Новый журнал. № 276. 2014. <http://magazines.russ.ru/nj/2014/276/22v.html>
- Гладышев А.В. Под Сансом в феврале 1814 г. // История и историческая память: межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. А.В. Гладышева, Т.А. Булыгиной. Саратов; Ставрополь, 2014. Вып. 10. С. 140-181.
- Ефременко Д.В., Лапина Н.Ю. О возможностях сравнительного изучения политических институтов России и Франции. Введение // Политические институты России и Франции: Традиции и современность: Сб. науч. тр. / Отв. ред. Ефременко Д.В., Лапина Н.Ю. М., 2014. С.5-11.
- Лапина Н.Ю. Франция глазами россиян: история и современность // Россия-2014. Ежегодный доклад франко-российского центра «Обсерво» / Под рук. А. Дюбьена. М., 2014. С.439-449.

Лапина Н.Ю. Политическая элита Франции: мотивация, карьерные траектории, профессия политика в начале XXI в. // Власть и элиты: Альманах / Под ред. А.В. Дука. СПб., 2014. С. 137-160.

Лапина Н.Ю. Элитизм в России и Франции: К вопросу изучения проблемы (XX – начало XXI в.) // Политические институты России и Франции: Традиции и современность: Сб. науч. тр. / Отв. ред. Ефременко Д.В., Лапина Н.Ю. М., 2014. С. 160-184.

Труд-Шастене П. Социальные движения протеста во Франции (интервью с профессором политических наук Университета Бордо П. Труд-Шастене) // Мировая экономика и международные отношения. М., 2014. № 6. С. 124-125.

Список сокращений

ВИ – Вопросы истории

НиНИ – Новая и Новейшая история

ИМ – Историк-марксист

СВ – Средние века

ФЕ – Французский ежегодник

AHRF – Annales historiques de la Révolution française

IN MEMORIAM

Д.Ю. Бовыкин

ПАМЯТИ БРОНИСЛАВА БАЧКО

Оказавшись впервые в научной командировке в Париже и составляя список специалистов, с которыми я просил Дом наук о человеке организовать мне встречу, первым я указал Бронислава Бачко, выпустившего за несколько лет до того блестяще написанную, тонкую и глубокую книгу о Термидоре¹. Я и тогда считал, и сейчас убежден, что Бачко удалось создать лучшую за прошедшие два века работу об этом периоде Революции: никто лучше него не смог прочувствовать это время и донести его нюансы до современного читателя.

Бачко назначил мне встречу в кафе «Клюни» и на вопрос, как я его там найду, уверенно ответил: «О, вы сразу меня узнаете». И оказался прав: он не был похож ни на одного другого посетителя и больше всего напомнил мне героя книг братьев Стругацких Рудольфа Сикорски. К моему удивлению, он предложил говорить по-русски и больше часа терпеливо отвечал на мои бесконечные вопросы, а потом сказал, что теперь настала его очередь спрашивать. Я был несколько обескуражен: что я-то мог ему рассказать? Бачко же живо интересовался тем, что происходило в СССР, а затем и в России и не хотел упускать случая получить информацию из первых рук. И совершенно серьезно, только глаза смеялись, спросил: «Вот вы с отличием закончили Московский университет, знаете два иностранных языка и решили остаться работать историком. Скажите, вы идиот?» Для такого вопроса у него имелись все основания: аспирантская стипендия тогда составляла девять, кажется, долларов.

С тех пор мне не раз доводилось встречаться с Брониславом Бачко на различных семинарах и конференциях, обсуждать по переписке многочисленные термидорианские сюжеты, и, должен признаться, я полностью подпал под обаяние этого удивительно мудрого, спокойного, остроумного, очень доброго и ироничного человека. Русским он владел свободно, используя, правда, множество галлицизмов, и всегда настаивал, чтобы наши беседы велись именно по-русски. Отчего-то для него это было важно: подозреваю, что он видел во мне не просто молодого исто-

¹ *Baczko B.* Comment sortir de la Terreur. Thermidor et la Révolution. P., 1989. Русский перевод: *Бачко Б.* Как выйти из Террора. Термидор и Революция. М., 2006.

рика, но оказавшегося на незнакомом ему Западе историка из бывшего социалистического лагеря, каким когда-то был и он сам, и ощущал определенный моральный долг меня поддержать и помочь. Когда одна из коллег, проходя мимо нас на коллоквиуме в Клермон-Ферране, удивленно прислушалась, а потом обронила: «А, это вы на своем?», Бачко усмехнулся и вполголоса по-русски повторил: «Да, это мы на своем». Тогда я еще не знал его биографии, полагал, что русский он изучал в школе или институте, и как-то поинтересовался, бывал ли он в Советском Союзе. «Я прошел всю вашу страну», – ответил он. И, видя мое недоумение, добавил: «Пешком». Больше к этой теме он никогда не возвращался.

13 июня Брониславу Бачко исполнилось 92 года. 29 августа его не стало. Он работал до последнего дня. В прошлом году во «Французском ежегоднике» была опубликована его очередная статья², а этим летом вышел в свет «Критический словарь утопии в эпоху Просвещения», над редактированием которого он вместе с двумя коллегами трудился с 2012 г.³

Бронислав Бачко родился в 1924 г. в Варшаве. Начало Второй мировой войны заставило его вместе со старшим братом перебраться в Восточную Польшу, куда вскоре вошли советские войска. Оба его родителя погибли в гетто, сам же он два года проработал в колхозе (по всей видимости, где-то за Уралом), и в 1943 г. был зачислен в сформированное на территории СССР Войско польское. Стал офицером, участвовал в освобождении Варшавы и дошел до Берлина.

Вступив в Польскую объединенную рабочую партию (ПОРП), Бачко выбрал сферой своих интересов философию. В 1950 г. его приняли на работу в Институт подготовки научных кадров при Центральном комитете ПОРП. Там он занимался изучением прогрессивных тенденций в польской общественной мысли и через два года защитил диссертацию, посвященную тайному Польскому демократическому обществу, сложившемуся после восстания 1830 г. Затем Бачко преподавал историю философии в Варшавском университете. В 1956 и 1959 гг. при поддержке ЮНЕСКО и фонда Форда ему удалось дважды поработать в парижских библиотеках, сблизиться с коллегами из Шестой секции Высшей школы практических исследований. В Париже он изучал Руссо, что позволило ему позднее выпустить одну из своих главных книг⁴, которая принесла ему широкую известность.

² Бачко Б. Хорошие новости о Термидоре. Анри Мейстер посещает Париж // ФЕ 2015. М., 2015. С. 197-225.

³ Dictionnaire critique de l'utopie au temps des Lumières / Sous la dir. de B. Baczkowski, F. Rosset & M. Porret. P., 2016. 1400 p.

⁴ Baczkowski B. Rousseau: samotność i wspólnota. Warszawa, 1964 (французское издание: Baczkowski B. Rousseau, solitude et communauté. P., 1974).

Середина 1950-х гг. стала для Бронислава Бачко временем пересмотра взглядов на жизнь и науку, острых идеологических дискуссий, связанных с ростом антисемитизма, смертью Сталина, падением Берии, XX съездом КПСС, «оттепелью», польскими событиями 1956 года. Вместе с друзьями и коллегами он задавал тон в том, что впоследствии получит название «Варшавская школа истории идей»⁵. Власти, однако, подвергли критике ряд ученых, принадлежавших к этой «школе», обвинив их в «ревизионизме». С середины 1960-х гг. начались репрессии: обрушившись на «ревизионизм и сионизм», руководство партии и страны развязало тем самым одновременно и антиинтеллектуальную, и антисемитскую кампанию. Хотя в 1966 г. Бачко и стал профессором, вскоре его исключили из партии, уволили из университета и запретили другим исследователям ссылаться на его труды. В декабре 1969 г. он по приглашению Жана Эрара переехал во Францию и начал преподавать в университете Клермон-Феррана. Затем в 1973 г. коллеги, с которыми Бачко познакомился, занимаясь Руссо, пригласили его профессором в университет Женевы, где он и работал до выхода на пенсию в 1989 г.

К изучению Французской революции Бронислав Бачко пришел не сразу. После «Руссо» он выпустил книгу об утопиях⁶, и уже в ней появились главы, посвященные революционному Парижу и новому календарю. От утопий он плавно перешел к революционным проектам преобразования человека и мира, образования и просвещения: в 1982 г. он опубликовал сборник текстов⁷, со страниц которого звучали слова Робеспьера и Сен-Жюста, Мирабо и Талейрана, Кондорсе и Ромма. Увлечшись социальной системой образов⁸, Бачко все глубже погружался в Революцию, заинтересовался Термидором. Термидор для него – «этот тот ключевой момент, когда Революция должна взять на себя бремя своего прошлого и признать, что она не сдержала всех своих изначальных обещаний. В частности, этот тот момент, когда ее действующие лица провозглашают, что не хотят ни начинать ее вновь, ни исправлять ее. Термидор – это момент, когда у революционеров остается лишь одно желание, когда их вдохновляет лишь одно побуждение: закончить, наконец, Революцию»⁹.

⁵ Подробнее см.: Sitek R. Warszawska szkoła historii idei. Warszawa, 1999.

⁶ Baczkowski B. Lumières de l'Utopie. P., 1978.

⁷ Une éducation pour la démocratie. Textes et projets de l'époque révolutionnaire, présenté par B. Baczkowski. P., 1982.

⁸ Baczkowski B. Les imaginaires sociaux. Mémoires et espoirs collectifs. P., 1984.

⁹ Бачко Б. Как выйти из Террора? С. 335.

Так, в конце 1980-х гг. окончательно сформировался тот круг тем, о которых Бронислав Бачко будет писать и далее: Просвещение и утопии¹⁰, Революция и культура¹¹ (вернее даже, Революция, увиденная и понятая через культуру), политическая история Революции¹². Он стал признанным специалистом по Французской революции, участвовал во многих коллоквиумах, активно выступал, публикуя статью за статьей и книгу за книгой. Его успех не может не поражать: много ли мы знаем примеров, когда философ и историк философии стал бы историком Революции?

Причина этого успеха, на мой взгляд, не только в уме, проницательности и иных талантах Бронислава Бачко. В не меньшей степени она кроется в его личном опыте. Террор, голод, война, чрезвычайные обстоятельства, которые не оставляют человеку выбора, требуют от него умения выживать и выжить – всё это для него не умозрительные конструкции. Хотя принято считать (и во многом это действительно так), что для французов Революция до сих пор не закончилась и по-прежнему возбуждает ожесточенные споры и разногласия, всё же проблемы репрессий и нарушения прав человека для французских историков никак не сопрягаются с тем, что им довелось пережить, и, соответственно, не переводятся в личную плоскость, оставаясь приметам и элементами давно закончившейся политической борьбы. Авторы современных трудов о Французской революции могут относиться к своим персонажам, их лексике, поступкам, мировосприятию с восхищением, с удивлением, с некоторой отстраненностью или даже брезгливостью, но никогда и речи не идет о сочувствии, понимании, сопереживании.

Для Бронислава Бачко дело обстоит совершенно иначе. Об этом прекрасно сказала в свое время известный французский историк, один из лидеров «критического» направления в историографии Французской революции Мона Озуф: «Никто, читая вас, не может забыть: к интеллектуальному анализу у вас всегда добавляется настороженный взгляд лишнего иллюзий свидетеля. В вашей прекрасной книге о Термидоре, когда вы рассказываете о чистках, очередях перед булочными, принесении в жертву старых друзей, реабилитации старых врагов, о преждевременно постаревшей Революции и лежащем на всем этом мрачном отблеске поражения, каждый чувствует, что вы могли бы просто написать, как писал под своими полотнами Гойя: “Я это видел”»¹³.

¹⁰ *Baczko B.* Job, mon ami. Promesses du bonheur et fatalité du mal. P., 1997.

¹¹ *Бачко Б.* Культурный поворот III года Республики // ФЕ. 2000. М., 2000. С. 103-125.

¹² *Бачко Б.* Робеспьер и Террор // Исторические этюды о Французской революции. М., 1998. С. 141-154; *Baczko B.* Politiques de la Révolution française. P., 2008.

¹³ *Ozouf M.* Introduction // *Baczko B.* Espace démocratique et secousses révolutionnaire. Saint-Étienne, 2000.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОТЕСТНЫЕ ДВИЖЕНИЯ В ЭПОХУ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И ПЕРВОЙ ИМПЕРИИ

Чудинов А.В. (Москва)

Народы против Французской революции 5

Сеше Р. (Пуатье)

Вандея: от геноцида к «меморициду». Пер. с фр. Ю.В. Минеевой 36

Бовыкин Д.Ю. (Москва)

Людовик XVIII и роялистское повстанческое движение на западе Франции 55

Чепурина М.Ю. (Москва)

Истоки и механизм Лионского восстания 1793 года 66

Зайцева Д.В. (Москва)

Сентябрьские убийства 1792 года в политической карьере Ж.-Л. Тальена 97

Сергиенко В.Ю. (Ницца)

Политические проекты французских эмигрантов в 1792-1795 гг. 109

Прусская Е.А. (Москва)

Антифранцузское движение протеста в Египте 1798-1801 гг. 125

Промыслов Н.В. (Москва)

«Секретное оружие» бунта: подготовка Наполеоном кампании 1812 года 145

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Серна П. (Париж)

Директория – Республика Центра? Обманчивое положение неуловимого буржуа. Пер. с фр. В.Ю. Сергиенко 165

Митрофанов А.А. (Москва)

Взгляд на Революцию из современности: беседа с Пьером Серна 185

Митрофанов А.А.

Синтез истории и философии в изучении Революции: беседа с Патрисом Генифе 197

Бурден Ф. (Клермон-Ферран)

Театр и Революция: открытая сцена для историографии.

Пер. с фр. В.Ю. Сергиенко 208

ИСТОРИОГРАФИЯ**Доил У. (Бристоль)**

Всё еще в тени Бёрка и Диккенса?

Современная британская историография Французской революции.

Пер. с фр. Ю.В. Минеевой 231

Погосян В.А. (Ереван)

Доклад В.М. Далина «О Тарле» 244

Постникова А.А. (Екатеринбург)

Европа под Наполеоном: взгляд Стендаля 295

Земцов В.Н. (Екатеринбург)

Наполеон и его эпоха в зеркале «альтернативной истории» 312

Чудинов Д.А. (Москва)

«Наполеон Бонапарт» А.З. Манфреда в оценках читателей 325

Гладышев А.В. (Саратов)

Наполеоновские войны 1812-1815 гг.:

современные комеморации французов 337

Таньшина Т.П. (Москва)

«Запретить банкет – значит запустить механизм революции»:

о новой книге Венсана Робера 355

Володин А.Ю. (Москва)

Казус Пикетти: как французский экономический историк стал

академической звездой 375

Крылова Ю.П. (Москва)

История Франции.

Указатель литературы на русском языке за 2015 г. 386

IN MEMORIAM**Бовыкин Д.Ю.**

Памяти Бронислава Бачко 413

CONTENTS**PROTEST MOUVEMENTS IN
THE FRENCH REVOLUTION AND THE FIRST EMPIRE****Alexandre Tchoudinov (Moscow)**

Peoples against the French Revolution 5

Reynald Secher (Poitiers)

Vendée: from genocide to memoricide 36

Dmitri Bovykine (Moscow)

Louis XVIII and the Royalist Insurgent Movement in Western France 55

Maria Chepourina (Moscow)

Origins and Mechanism of Lyon Uprising in 1793 66

Daria Zaitseva (Moscow)

The September Massacres of 1792 in political career of J.-L. Tallien 97

Vladislava Sergienko (Nice)

Political projects of the French emigrants in 1792-1795 109

Evguenia Prousskaïa (Moscow)

Anti-French protest movement in Egypt in 1798-1801 125

Nicolaï Promyslov (Moscow)«Secret Weapon» of Revolt: Napoleon's preparing
of campaign of 1812 ..... 145**ACTUAL PROBLEMS OF THE FRENCH REVOLUTION STUDIES****Pierre Serna (Paris)**

Was Directory a Republic of the Center?

A Delusive State of Imperceptible Bourgeois 165

Andrei Mitrofanov (Moscow)

Outlook on the French Revolution from now:

interview with Pierre Serna 185

Andrei Mitrofanov

Synthesis of History and Philosophy in French Revolution Studies:

interview with Patrice Gueniffey 197

Philippe Bourdin (Clermont-Ferrand)

Theatre and Revolution: an open scene for historiography 208

HISTORIOGRAPHY**William Doyle (Bristol)**

Still in the shadow of Burke and Dickens?

The recent British historiography of the French Revolution 231

Varougean Pogossian (Erevan)

Report "On Tarlé" by V.M. Daline 244

Alena Postnikova (Ekaterinburg)

Europe under the Napoleon's reign: view of Stendhal 295

Vladimir Zemtsov (Ekaterinburg)

Napoleon and his era in the mirror of «alternative history» 312

Dmitri Chudinov (Moscow)

«Napoleon Bonaparte» of A.Z. Manfred esteemed by readers 325

Andreï Gladishev (Saratov)

Napoleonic Wars of 1812-1815:

the French commemorations in our days 337

Natalia Tanshina (Moscow)

«To prohibit the Banquet is to start up the mechanism of the revolution».

Review of the monograph by Vincent Robert «The Time of Banquets. Politics and symbolism of one generation (1818-1848)» 355

Andreï Volodin (Moscow)

Piketty Case: How French Economic Historian

Became the Academic Star? 375

French history studies in Russian language published in 2015. Edited by Youlia Krylova (*Moscow*).....386**IN MEMORIAM****Dmitri Bovykine**

In memory of Bronislaw Baczko 413

SOMMAIRE**LES RÉVOLTES A L'ÉPOQUE
DE LA RÉVOLUTION FRANÇAISE ET DU PREMIER EMPIRE****Alexandre Tchoudinov (Moscou)**

Les Peuples contre la Révolution française 5

Reynald Sécher (Poitiers)

La Vendée : du génocide au « mémoricide » 36

Dmitri Bovykine (Moscou)

Louis XVIII et le mouvement insurrectionnel royaliste

à l'Ouest de la France 55

Maria Tchepourina (Moscou)

Les origines et le mécanisme de l'insurrection de 1793 à Lyon 66

Daria Zaïtseva (Moscou)

Les massacres de septembre 1792 dans la carrière politique

de J.-L. Tallien 97

Vladislava Sergienko (Nice)

Les projets politiques des émigrés français dans les années 1792-1795 109

Evguenia Prousskaya (Moscou)

Les mouvements de protestation

anti-français en Égypte dans les années 1798-1801 125

Nicolai Promyslov (Moscou)

« L'arme secrète » de la rébellion : la préparation

par Napoléon de la campagne de 1812 145

**PROBLÈMES ACTUELS DES ÉTUDES
SUR LA RÉVOLUTION FRANÇAISE****Pierre Serna (Paris)**

Le Directoire : une République du Centre ?

La situation trompeuse de l'invisible bourgeois 165

Andrei Mitrofanov (Moscou)

Regard actuel sur la Révolution : entretien avec Pierre Serna 185

Andrei Mitrofanov

Synthèse de l'histoire et de la philosophie dans l'étude de la Révolution :

entretien avec Patrice Gueniffey 197

Philippe Bourdin (Clermont-Ferrand)

Le Théâtre et la Révolution : une scène ouverte pour l'historiographie 208

HISTORIOGRAPHIE**William Doyle (Bristol)**

Toujours à l'ombre de Burke et de Dickens? L'historiographie britannique de la Révolution française depuis le bicentenaire 231

Varougean Pogossian (Erevan)

L'exposé de V.M. Daline « Au sujet d'Evgueni Tarlé » 244

Alena Postnikova (Ekaterinbourg)

L'Europe sous Napoléon : le regard de Stendhal 295

Vladimir Zemtsov (Ekaterinbourg)

Napoléon et son époque à l'aune de « l'histoire alternative » 312

Dmitri Choudinov (Moscou)

« Napoléon Bonaparte » d'A.Z. Manfred d'après les avis de ses lecteurs 325

Andreï Gladychyev (Saratov)

Les guerres napoléoniennes de 1812-1815 : les commémorations actuelles des Français 337

Natalia Tanchina (Moscou)

« Interdire le banquet, c'est déclencher le mécanisme de la révolution » : au sujet du nouveau livre de Vincent Robert 355

Andreï Volodine (Moscou)

Le cas Piketti : comment un historien français de l'économie est devenu une vedette académique 375

Études sur l'histoire de la France publiées en 2015 en langue russe.

Réunies par Youlia Krylova (Moscou) 386

IN MEMORIAM**Dmitri Bovykine**

En mémoire de Bronislaw Baczko 413

Научное издание

**Французский ежегодник
2016**

Утверждено к печати

Институтом всеобщей истории РАН

Подписано в печать

Формат 60x80/16. Усл. печ. л. 24,5.

Гарнитура Newton. Печать офсетная

Тираж 150 экз. Заказ №

ИВИ РАН, Москва, Ленинский пр-т, 32а